АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ X—XIX ВВ.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1988

Сборник включает фрагменты из арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных сочинений X—XIX вв. в переводе на русский язык с комментариями и примечаниями. Приводятся сведения по малоизученным вопросам социально-политической истории и культурной жизни народов Средней Азии и их историко-культурных взаимоотношений с Восточным Туркестаном и Китаем.

Для историков, географов, а также студентов и преподавателей исторических и восточных факультетов вузов.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. А. АХМЕДОВ*

Рецензенты:
доктора исторических наук *Р. Г. МУКМИНОВА, А. У. УРУНБАЕВ*

М $\frac{0503010000-3963}{М355(04)-88}$ Рез.—88 ©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1988 г.

ISBN 5—648—00194—0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средняя Азия и Восточный Туркестан занимают важное место в мировой истории. Все крупные переселения народов: скифов, индо-арийцев, киммерийцев, тюрков Алтая и монголов за последние четыре тысячелетия прямо или косвенно имели отношение к данному региону, ибо здесь проходили основные сухопутные торговые пути, связывающие страны Дальнего Востока со странами Восточной Европы, а также Ближнего и Среднего Востока. Все это оставило заметный след в этно-культурном, социально-экономическом и политическом развитии среднеазиатских народов.

Важнейшие исторические процессы того периода нашли отражение в разнообразном фактическом материале письменных источников, из которых, по словам Ф. Энгельса, «можно почерпнуть гораздо больше, чем из обработок»[1]. Отсюда понятна та большая значимость, которую обретает всестороннее изучение дошедших до нас сочинений восточных авторов, бывших в большинстве своем современниками и даже очевидцами происходивших событий.

В частности, ценную информацию о социально-экономической, политической и культурной жизни народов Средней Азии и Восточного Туркестана, об их историко-культурных и торговых связях с Китаем и другими странами Востока в X—XIX вв. дают материалы настоящего сборника. Приводимые здесь фрагменты в основном касаются малоисследованных вопросов политической истории, исторической географии Средней Азии и Восточного Туркестана, повествуют о жизни, нравах и обычаях живших в них народов, их историко-культурных взаимоотношениях с народами Китая и других стран Востока.

Особый интерес представляют фрагменты из географических и биографических сочинений Ибн Хаукаля, ал-Идриси, Абу-л-Хасана Бейхаки, Ибн ал-Кифти, Йакута Хамави, Ибн Абу Усайбиа', Хафиз-и Абру и др., мало привлекавшихся ранее при изучении социально-политической истории, вместе с тем содержащих важные и оригинальные сведения не только географического, но и историко-этнографического и экономического характера.

Приводимые в сборнике фрагменты свидетельствуют о наличии

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 329.

давних торгово-экономических, политических и культурных связей между среднеазиатскими государствами и Китаем, которые лишь периодически нарушались отдельными военными столкновениями, возникавшими вследствие агрессивной политики правителей феодального Китая и Средней Азии.

Особенно оживились торговые и политические взаимоотношения Средней Азии и Китая в XV в., о чем рассказывают приводимые ниже фрагменты из сочинений Хафиз-и Абру, Фасих Ахмада Хавафи, ʿАбд ар-Раззака Самарканди и Бабура. Дальнейшее развитие этих контактов отмечается в XVIII—XIX вв., как свидетельствуют факты, почерпнутые из «Приложения к «Тарих-и Рашиди», «Тарих-и аминийа», «Тарих-и хамса-йи шарки» и «Тарих-и Бадахшан».

Сборник включает фрагменты, в переводе на русский язык, с краткими комментариями и примечаниями из около тридцати сочинений на восточных (арабском, персидском и тюркском) языках, составленных в X—XIX вв.

Независимо от вида источника, материал расположен в хронологической последовательности. Извлечения предваряет краткое предисловие самих переводчиков, содержащее общие сведения об авторе и сочинении. При передаче имен собственных, географических и топографических названий, терминов выдержана транскрипция, принятая для подобного рода изданий, за исключением укоренившихся в современных географических картах и пособиях географических названий. В комментариях и примечаниях к фрагментам отмечено самое главное, а более известные события, личности и топонимы оставлены без пояснений. В примечаниях приведены также отдельные разночтения в написании имен собственных, географических названий и этнонимов.

АБУ ДЖА'ФАР МУХАММАД АТ-ТАБАРИ

ТАРИХ АР-РУСУЛ ВА-Л-МУЛУК

«Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История посланников и царей») составлен в X в. знаменитым историком ат-Табари (Амул 839 — Багдад 923). Сочинение содержит разнообразные исторические факты и сведения по истории Арабского халифата до 915 г.

Полный список труда ат-Табари не найден. Один из крупнейших текстологов-арабистов XIX в. М. Я. де Гуе (1836—1909) издал его в 15-ти томах (1879—1901)[1]. В библиотеке Института востоковедения АН УзССР имеется тринадцатитомное каирское издание (1908) этого сочинения[2].

Повествование у Табари начинается с «сотворения мира» и древнеперсидских царей до 915 г.

Известия об арабских завоеваниях в восточной части Ирана и Средней Азии заимствованы ат-Табари из недошедших до нас трудов Абу-л-Хасана ибн Мухаммада ал-Мада'ини (ум. в 215 или 225 г.).

В сочинении ат-Табари содержатся сведения о захвате арабами городов Мавераннахра — Бухары, Самарканда, Ферганы, Хорезма. Ценность предлагаемого фрагмента составляют встречающиеся только у ат-Табари сведения о походе Кутайбы ибн Муслима в Кашгар и об отправке им посольства в Китай (618—906).

Перевод выполнен с каирского издания, проведено сличение с переводом этого сочинения на староузбекский язык, хранящимся в собрании ИВ АН УзССР (инв. № 1229).

В рукописном фонде ИВ АН УзССР представлена уйгурская редакция (инв. № 9470) названного сочинения ат-Табари. Перевод сделан в XVIII в. Мухаммадом Садыком Кашгари по велению йаркендского правителя Мирзы Мухаммада Хусайна Хаким-бека ибн Таджи-бека. Переводчик, как сказано в предисловии, стремился не пропустить ни одного слова из арабского оригинала, к тому же добавил от себя некоторые рассказы, взятые из какого-то «Мир-наме», широкоизвестных «Киссас ал-анбийа» («История пророков»), «Шах-наме», а также из «Ми'радж-наме», «Раузад ас-сафа» и «Раузат ал-ахбаб». Язык перевода прост и понятен. Нами было сделано сличение с оригиналом и узбекским переводом сочинения, выполненным в Хорезме в XIX в. (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1229). Сличение подтвердило правиль-

ность уйгурского перевода. Отдельные пропуски, замеченные в нашем списке, дополнены из списка № 1129 (взяты в скобки).

Сочинение содержит много ценных сведений по истории Средней Азии и Восточного Туркестана VII—X вв., в частности о борьбе народов этих регионов против иноземных завоевателей. Там же сохранилось краткое содержание письма императора Тай-цзуна (625—650) персидскому царю Йездигерду (632—651), обратившемуся в 647 г. в Китай за помощью в борьбе с арабами. С такой же просьбой обратился к китайскому императору и согдийский царь Гурек (710—737). Переведенные нами отрывки свидетельствуют о том, что в эти трудные для иранского и согдийского народов годы в их защиту выступают тюркские народы Средней Азии и Восточного Туркестана.

Уйгурский перевод основан на рукописи ИВ АН УзССР, инв. № 9470.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ АР-РУСУЛ ВА-Л-МУЛУК» АТ-ТАБАРИ

События, связанные с убийством Йездигерда[3]
и завоеванием Хорасана (по уйгурской редакции)

Мухаммад ибн Джарир говорит:

После того (л. 231а), как мусульмане заняли Нехаванд, Йездигерд покинул Рей и со всей своей свитой прибыл в Исфахан; не смог остаться и там, направился в Кирман, не задерживаясь и здесь, отправился в Хорасан и прибыл в Нишапур. С собой он возил священный огонь, которому поклонялся. Из Нишапура он прибыл в Мерв и в двух фарсахах от этого города построил храм (атешгах), куда и поместил священный огонь; разбил там парк, благоустроил окрестности, построил мельницу...

Мухаммад ибн Джарир [далее] рассказывает: Владыка мусульман Умар[4] отправил в Хорасан Ахнафа ибн Кайса с велением схватить Йездигерда. Последний же переезжал из одного города в другой, а Ахнаф преследовал его. Йездигерд пришел в Балх; послал слугу к хакану тюрков[5] и просил помочь войском. Царь Китая[6] и хакан [тюрков] послали ему войска, после этого Йездигерд, в сопровождении хакана, переправился через Джейхун и со всей свитой пришел в Фергану. При халифе Умаре он [еще] находился там, а при халифе Усмане[7] вернулся в Хорасан и там погиб.

Но в аджамских[8] народных анналах и преданиях, говорится, что, будучи еще в Рейе, Йездигерд отправлял послания правителям подвластных ему городов и призывал их на борьбу с арабами. Аджамцы, верные ему, отвечали: «Мы верные подданные его величества и [поэтому,] если ему надобно войско, то мы его пошлем».

Когда Йездигерд пришел в Мерв, его сопровождали четыре тысячи человек, состоявших главным образом из дворцовых слуг, а настоящих воинов у него не было — все они погибли в войне [с арабами].

// (л. 213б) Правителя Хорасана звали Махуй Сури, он был назначен на эту должность Йездигердом. Вся область Хорасана до берегов [р. Амударьи] находилась под его управлением, а территория на том (северном) берегу реки принадлежала тюркскому хакану. Махуй слышал, что Йездигерда изгнали из Мада'ина[9], и он скитается по городам. [Тогда] Махуй вступил в родственную связь с тюркским хаканом и заключил с ним соглашение о взаимопомощи.

// (с. 71) [Однажды] Йездигерд издал фирман и упомянул

в нем заслуги Махуя. Но последний, считая, что его (т. е. Йездигерда.— *Ш. З.*) господству пришел конец, решил отнять у него царскую власть и [поэтому], направив своего человека к тюркскому хакану, просил прислать ему войско для борьбы с Йездигердом. Хакан послал ему семитысячное войско, которое по приказу Махуя расположилось лагерем в окрестности города [Мерва]. Йездигерд спросил Махуя: «Что за войско?» Махуй ответил, что тюркский хакан послал это войско для оказания ему помощи. Йездигерд велел ему подготовить войско для похода [против арабов]. Махуй ответил, что будет исполнено. Наступил вечер. Махуй приказал тюркским военачальникам: как только наступит утро и откроются ворота, войти в город, окружить дворец, взять его штурмом и убить царя. Тюркское войско вступило в город и заняло позицию, но Йездигерд, узнав о заговоре, той же ночью бежал из дворца по веревочной лестнице. Он был одет в царскую одежду, украшенную драгоценными камнями и золотом. В этой одежде он долго ходил по улицам города, вышел за город, устал от долгой ходьбы и остановился у мельницы, постучал в дверь. Мельник вышел и спросил, что ему надо? Он ответил, что он чужестранец, устал, хочет немного отдохнуть, мельник впустил его в мельницу, подстелил ему коврик, сам же удалился к себе. Йездигерд лег спать в одежде, в которой был, и заснул крепко. Когда ранним утром мельник вошел в мельницу и увидел спавшего в царском платье, украшенном драгоценными камнями, отражающими лучи и позолоченным поясом человека, был удивлен и ахнул. Он подумал про себя: этот молодой человек пришел ночью, его никто не видел. Его охватило страстное желание завладеть этой драгоценностью, он взял топор и отрубил ему голову и, раздев донага тело мертвеца, бросил в воду, а его одежду запрятал у себя дома[10].

С наступлением утра тюрки вошли во дворец и к своему удивлению не нашли там Йездигерда. Потом выяснилось, что он еще ночью бежал из дворца. Махуй приказал разыскать его по следам. След привел к мельнику. Схватили мельника и начали пытать. Под пыткой он сознался в совершенном и отдал [им] его одежду. Мельника и его семью убили.// (л. 232а) Воины взяли вещи Йездигерда, тело [его] извлекли из Мургаба и положили в деревянный гроб. Некоторые утверждают, что Йездигерда похоронили в Истахре в начале 31 (651—652) г.

// (л. 232б). В свое время халиф Умар отправил в Хорасан [вышеупомянутого] Ахнафа ибн Кайса с войском Басры и Куфи. Ахнаф прибыл в Хорасан, некоторые города занял мирным путем, а другие — с оружием. Когда Ахнаф подошел к Мерву, Махуй бежал в сторону Туркестана, переправился через Джейхун, пришел к тюркскому хакану и остался там. Ахнаф занял все города Хорасана, дошел до берега р. Джейхун и, возвратив-

шись, сделал Мерв своей резиденцией, и там он находился до смерти халифа Умара.

По другой версии, приводимой Мухаммадом ибн Джариром, говорится, что Йездигерд со всей своей свитой пришел в Мерв; халиф Умар отправил в Хорасан Ахнафа ибн Кайса с двенадцатитысячным войском из Басры и Куфи с приказом во что бы то ни стало схватить Йездигерда и уничтожить весь его род. «Иначе, — сказал он, — мы не сможем погасить пламя заговора...». Согласно приказу Ахнаф [ибн Кайс] направился в Хорасан; сначала он прибыл в Исфахан, затем через Тус и Кухистан[11] пришел в Хорасан. Там с боями занял Герат. Йездигерд же в то время находился в Мерве. Ахнаф [ибн Кайс] выступил походом на Мерв. Йездигерд бежал в Мерверруд[12] и оттуда послал посла к тюркскому хакану и просил у него помощи; он также обратился за помощью к царю Согда и китайскому хакану через своих послов. Ахнаф [ибн Кайс] пришел в Мерв и расположился там лагерем. Халиф Умар отправил ему в подкрепление четырехтысячное войско из [города] Куфа. Получив это подкрепление, Ахнаф отправился в Мерверруд. С походом Ахнафа Йездигерд бежал в Балх и заперся в крепости. // (с. 232б) Ахнаф занял Мерверруд, находившийся в центре Хорасана, и послал войско в Балх. После ряда сражений Ахнаф [ибн Кайс] пришел в Балх. В конце концов жители Балха вынуждены были прекратить сопротивление, заключить мир и сдать город [арабам]. Йездигерд бежал, перешел Джейхун и подался в сторону Туркестана. Ахнаф послал войско в Тохаристан[13], которое заняло все его города. Ахнаф [ибн Кайс] оставил в Балхе Умара Раби' ибн Амира [во главе] небольшого отряда, сам направился в Мерверруд и расположился там. Он послал к халифу Умару донесение о захвате городов Хорасана и бегстве Йездигерда в сторону Туркестана. Халиф Умар, получив это известие из Хорасана, сказал: «Вот уже третий раз население Хорасана отреклось от ислама, нарушив свою клятву, и там пролилось много крови», и написал письмо Ахнафу следующего содержания: «Ты не переходи Джейхун, сиди в Хорасане, но не теряй бдительности; в еде, украшениях и в одежде не подражай аджамцам, живи по своим обычаям и законам. Если изменишь своим законам и обычаям, лишишься божьей помощи». Ахнаф принял все эти указания [своего повелителя] для руководства.

Сообщается [еще] о том, что когда Йездигерд перешел Джейхун, согдийский царь[14] собрал большое войско и передал его в распоряжение Йездигерда. К нему на помощь со своим войском пришел и хакан тюрков[15]. После этого на помощь позвали и войско Ферганы. С этими войсками Йездигерд выступил из Туркестана, переправился через Джейхун и появился под стенами Балха и занял его. Сосредоточив здесь пятитысячное войско, прибывшее на подмогу ему из Ферганы, Тохаристана и от тюрков, Йездигерд двинулся на лагерь Ахнафа [Ибн Кайса], находившийся в Мерверруде.

В 22 (642—643) г. в распоряжении Ахнафа было все двадцатитысячное войско, с которым он выступил на встречу с Йездигердом. Завязалось сражение; каждый день давал бой, продолжавшийся с утра до вечера. Вот так сражение продолжалось с переменным успехом в течение двух месяцев. У тюркского хакана было три брата великих эмира. Однажды ночью один из них вышел на разведку. Узнав об этом, Ахнаф [ибн Кайс] той же ночью также отправился на разведку. Упомянутый тюркский царевич встретил Ахнафа и вступил с ним в сражение и погиб от его рук. На другой день второй его брат, мстя за брата, вышел на разведку и наткнулся на Ахнафа и тоже был им убит. Третий тоже погиб от рук Ахнафа. Тюркский хакан, сопровождавший Йездигерда в этом походе, узнав о гибели своих братьев, // (л. 233а) опечалился и по-тюркски сказал: «Вот видите эти трупы. Этот Йездигерд, несчастный и невезучий человек, за него мы здесь погибаем и уже потеряли немало людей. Если здесь останемся еще на несколько дней, то все мы погибнем. Арабы — настоящие воины, умеют сражаться. Лучше, если мы его покинем; пусть он сам справится со своим врагом, мы не будем вмешиваться в его дела». После этого тюрки снялись с лагеря, перешли Джейхун и ушли к себе в Туркестан. Йездигерд, поняв что его дело обернулось к худшему, возвратился из Мерверруда в Мерв, где были спрятаны его сокровища. Он хотел захватить с собой все сокровища [и затем] уйти в Туркестан к хакану, но сопровождавшие его аджамцы не позволили ему увезти сокровища. Когда они спросили его о дальнейших намерениях, он ответил: «Я пойду к хакану, попрошу пощады и останусь у него или в Китае». Аджамцы сказали: «О, царь наш! Если ты хочешь уйти в Туркестан, то мы с тобой не расстанемся, мы не пойдем туда, куда ты желаешь; тюрки — это люди, не знающие ни веры, ни верности. Если хочешь просить пощады, то лучше иди к арабам. Эти люди тебя лишили Родины и твоя страна находится в их руках. Ты отдашь им свои сокровища и примешь на себя обязательства выплачивать подати им и они вернут тебе твою страну и ты будешь жить спокойно и мы с тобой будем у себя дома». Но Йездигерд не принял их предложение. Тогда они сказали: «Мы не позволим тебе унести сокровища, которые принадлежат государству, мы не хотим, чтобы наша казна попала в руки тюрков. Оставь сокровища и иди куда хочешь». Словом, они силой отняли у него сокровища. Йездигерд остался с группой людей и уехал в Туркестан к хакану. Аджамцы отвезли его сокровища к Ахнафу и заключили с ним мир. // (л. 233б; с. 266) Он отпустил их всех по домам, а сокровища распределил между своими воинами и послал донесение к халифу Умару о победе над Йездигердом и бегстве последнего в Туркестан. Халиф Умар, получив это донесение, обрадовался и назначил Ахнафа [Ибн Кайса] наместником Хорасана.

Автор этой книги говорит: когда шахские мехтары отверну-

лись от своего покровителя, Йездигерд, опасаясь предательства, бежал от них и спрятался в мельнице, но преследователи подошли к мельнице по его следам, нашли его там и убили, а тело бросили в воду. После этого они пришли к Ахнафу, отдали ему сокровища и заключили мир.

Автор приводит и другую версию, по которой Йездигерд бежал из Мерва в Балх, перешел Джейхун и ушел в Туркестан. Когда он достиг Согда, его посланник, отправленный [ранее] в Китай, вернулся в Согд с ответным посланием китайского хакана и в сопровождении китайского отряда. В послании [китайского императора] говорилось: «Я знаю, что цари, в случае необходимости, оказывают друг другу помощь. Но из уст твоих послов слышал о повадках тех людей — арабов, которые разрушили твой очаг, мне рассказывали об их учениях, верованиях и обычаях, и мне стало ясно, почему блага и счастье улыбались им, и они завладеют всем миром. Ты вовсе не сможешь тягаться с ними. Лучший выход для тебя заключается в том, что ты должен вступить в сговор и проявить притворную дружбу. Ты не должен их тревожить, и они не будут тебя трогать». Китайский хакан распорядился своему отряду проводить Йездигерда с его людьми в Фергану, и он некоторое время жил там[16].

Автор этой книги [еще] говорит: «Спустя два года после смерти халифа Умара население Хорасана, нарушив свои клятвы, отвернулось от ислама. [Тогда] Йездигерд пришел из Ферганы в Хорасан. После этого его убили. Случилось это при правлении халифа Усмана, [а] описанные выше события произошли в 22/643 г.

// (с. 99; л. 336а) В этом году (96/714—715) Кутайба ибн Муслим завоевал Кашгар и совершил поход в Син (Хотан).

Рассказ начинается с предания ʿАли ибн Мухаммада [ал-Мадаини[17]] с иснадом[18], о котором я упомянул ранее. Он (ʿАли ибн Мухаммад) говорил: затем Кутайба в 96/714—715 гг. совершил поход [в Кашгар]. Он взял [туда] с собой взрослых с детьми, [ибо] хотел уберечь своих детей, [оставшихся] в Самарканде, так как боялся Сулеймана[19].

Переправившись через реку [Амударью], он назначил одного из вали[20] надзирателем переправы (Сахиб ан-нахр). Говорили, что он (надзиратель переправы) был уроженцем Хорезма. Кутайба сказал ему: «Без специального [на то] разрешения не пропускай никого к переправе», — и направился в Фергану. Кутайба отправил ʿИсама к [местному] населению, чтобы узнать, есть ли человек, который бы мог облегчить путь Кутайбы в Кашгар — один из самых близких [к Фергане] городов Сина. Когда Кутайба находился в Фергане, пришла весть о смерти ал-Валида.

Как нам передавал Абу Заййал от ал-Мухаллаб ибн Ийаса, он узнал [в свою очередь] от Ийас ибн Зухайра и сказал: «После того как Кутайба переправился через реку [Амударью], я пришел

к нему и сказал: «Ты вышел [из Самарканда], а я не знал твоих намерений насчет [оставшихся в Самарканде] детей; старший сын со мной, но у меня еще есть дети, которых я оставил там [в Мерве], мать же больная и у них нет никого, кто бы мог присмотреть за ними. Если можешь, напиши записку». Он (Кутайба) написал записку и дал ее мне. Я подошел к реке. Надзиратель переправы с людьми находился на том берегу реки. Я помахал им рукой и те прибыли ко мне на судно, затем спросили: «Кто ты и где твой пропуск?» Я сообщил им все. Часть людей осталась со мной, а остальные, [находящиеся] на судне, возвратились к надзирателю и оповестили его о [сути] дела. [Далее] он сказал: «Вскоре те люди вернулись ко мне, забрали меня и перевезли к себе [на тот берег]. В то время они кушали, и я был голодным и бросился на еду. Он (надзиратель переправы) спросил меня о деле. Я был занят едой и не мог ответить. Тогда он сказал: «Этот бедуин умирает от голода». После чего я сел на судно и поехал в Мерв. Я взял с собой мать и возвратился к месту переправы. Я хотел вступить в войско [Кутайбы ибн Муслима]. Но в это время пришла весть о смерти ал-Валида и мы возвратились в Мерв. Как нам сообщил Абу Махнаф устами [своего] отца: Кутайба отправил Кусаййар (сына такого-то) во главе отряда в Кашгар, они взяли многих в плен, и Аллах [сам] подарил [их] Кутайбе. После этого Кутайба вернулся, и они (его люди) тоже вернулись в Мерв».

[Далее] ʿАли ибн Мухаммад рассказал: по сообщению Яхъя ибн Закарийа ал-Хамадани, который услышал из уст старцев из Хорасана[21] и от Хакам ибн Усмана, что Кутайба дошел до границ Сина. Некий шейх из жителей Хорасана рассказал: правитель Сина (малик ас-Син)[22] написал ему письмо, [в котором говорилось]: «Пришлите к нам делегацию из знатных людей, которые сообщили бы нам о Вас и мы узнали бы у них о Вашем вероисповедании». Кутайба отобрал 12 человек из числа [своих] воинов из них 10 были [представителями] покоренных [нами] племен, они были красивыми, хорошего телосложения, красноречивыми, умными, храбрыми. Он (Кутайба) заинтересовался ими и отобрал из них людей, пригодных ему. Кутайба побеседовал с ними, объяснил им суть дела. Он (Кутайба) нашел их красивыми, умными и велел выдать им хорошее снаряжение и добротные товары, [состоящие] из узорчатого, мягкого шелка, обуви и благовоний. Эти [товары] были погружены на породистых лошадей. У них был и путеводитель, и верховые животные. Хубайра ибн ал-Мушамраж ал-Килаби был человеком красноречивым, умным, также изъяснялся просто. Кутайба спросил: «Эй, Хубайра, как ты добился [такого] красноречия?» Хубайра ответил: «Аллах наградил правителя красноречием и вежливостью, и это было достаточным для меня, и он (правитель) научил меня вежливости. Скажи, что ты хочешь? Я повезу [товары] и привезу то [что ты захочешь]». Он (Кутайба) сказал: «Поезжайте, да благословит

и поможет вам Аллах, и [ни в коем случае] не снимайте ваши чалмы, пока не доедете в страну [Син].

Когда войдете к нему (правителю Сина), дайте ему знать, что я остался здесь, в Фергане и дал себе клятву в том, что не уеду [отсюда] до тех пор, пока не захвачу [их] страну и не завладею их владением и не заставлю их платить джизья[23]. [Послы] отправились и среди них был Хубайра ибн ал-Мушамраж. Когда послы прибыли [в страну Син], правитель направил им приглашение. Послы помылись, вышли [оттуда], облачились в белую одежду, а под ней — панцырь; натерлись ароматной мазью, закурили, обулись, одели плащи, [затем] вошли к нему (правителю Сина). При нем находились знатные люди. Послы сели, правитель им не сказал ни слова, и никто из сидящих также не обронил ни [единого] слова. После этого арабы встали и ушли. Правитель спросил у присутствующих: «Каково ваше мнение о них (о послах)?» Те ответили: «Мы нашли их людьми, похожими на женщин, и никто из них на нас не похож и у них нет ничего, кроме аромата, что они с собой принесли». Он продолжает: «На следующий день правитель вновь пригласил их (послов) к себе. [На сей раз] они нарядились в шелковую узорчатую одежду, завязали шелковые чалмы, а [сверху накинули] покрывало и отправились к нему (правителю) утром. После того, как они вошли к нему, он им сказал: «Идите». [Послы] покинули приемную [правителя], он затем сказал своим приближенным: «Каково ваше мнение о них [теперь]?» [Те] ответили: «Эти люди похожи на мужчин, но они являются теми, которые были в первый раз». Когда настал третий день, правитель послал им [новое] приглашение. Они были сильно возбуждены и вооружились; облачились в белую одежду, надели защитный шлем, опоясались мечами, взяли копья, лук, сели на коней и утром поехали к правителю // (с. 101). Он посмотрел на них и вообразил надвигающуюся опасность. Когда они приблизились к правителю, копьеносцы собрались вместе и направились в сторону правителя и его приближенных. До того, как они вошли к нему, [послам] было сказано: «Вернитесь». После того, как сердца правителя и приближенных наполнились страхом, он сказал: «Уходите!». Послы сели на своих коней, помахали копьями, а затем погнали лошадей так, как будто они шли в атаку. Правитель спросил у своих приближенных: «Какое ваше мнение о них?». [Те] ответили: «Мы подобных людей никогда не видали».

Когда наступил вечер, правитель направил им письмо [со словами]: «Направьте ко мне своего предводителя и наидостойнейшего из вас». К нему послали Хубайру. Когда он вошел к нему, правитель сказал: «Вы уже видели величие моего владения и никто кроме меня не мог позволить вам вступить в это владение, коль вы находитесь в моем государстве, вы неприкосновенны. Я прошу вас об одном деле, если вы не будете говорить правду, тогда я убью вас». Хубайра сказал: «Спроси». Пра-

витель сказал: «Какой же смысл кроется в вашем одеянии в первый, второй и третий день?» Хубайра ответил: «В первый день мы оделись в одежду наших жителей и натерлись благовонием, во второй день мы пришли, как наши правители, на третий же день оделись так, как будто идем против наших врагов». Правитель спросил: «Что хорошего вы видите в своей судьбе? Отправляйтесь к своему правителю и передайте ему, что я действительно узнал его алчность и малочисленность его друзей, пусть он возвращается [в Мерв] пока я не отправил против вас тех, кто бы мог убить вас и его (Кутайбу)». Хубайра сказал: «Почему у него (Кутайбы) должно быть мало друзей, если первая [шеренга] его конницы [стоит] в твоем государстве, а последняя в тех краях, где растет олива. И как он может быть алчным, если он при желании способен захватить весь мир, а [также] напал на тебя и устрашает [тебя] смертью. Если нам настал конец и ты уготовил [смерть], то мы примем ее; не боимся и не отрицаем ее». Правитель спросил: «Чего желает твой правитель?» Хубайра ответил: «Мой правитель остался [в Фергане] и дал себе клятву в том, что не уедет оттуда, пока не захватит ваши земли и не завоюет ваших владений и пока вы не будете выплачивать ему джизья». Правитель сказал: «Мы освобождаем его от клятвы, и отправим ему горсть нашей земли и он заполучит ее, отправим ему [также] нескольких наших сыновей и пусть он заковывает их в цепи. Отправим ему джизью, которая и удовлетворит его» [После этого] правитель приказал принести золотую чашку, в ней была горсть земли, также приказал принести золото и шелк, [затем] велел привести четырех мальчиков из числа сыновей правителей. После этого правитель отпустил послов с богатыми дарами. Они возвратились с теми вещами к Кутайбе. Кутайба принял джизью и заковал в цепи мальчиков и отправил их обратно [в Син], а землю растоптал...

Описание завоевания Кутайбой владений Сина[24]

// (л. 366а) После смерти Валида ибн ʿАбд ал-Малика[25] престол наследовал Сулейман ибн Абд ал-Малик. Кутайба, опасаясь его, увел свое войско и переправился через реку Балх с желанием отправить семью в Самарканд и укрыться там. Но, переправившись, повернул в сторону Кашгара. Кашгар был одним из городов Хотана[26] и стоял поблизости к нему. Когда Кутайба достиг Кашгара, правитель Хотана, получив известие об этом, отправил гонца к нему с просьбой направить к нему сведущего человека из числа его эмиров, который бы толком объяснил ему, кто они такие, // (л. 336б) какая у них вера. Тогда Кутайба, выбрав 12 мусульман, отправил их в Хотан, богато снабдив их одеждой и всем необходимым и поставил во главе их Хубайру ибн Мерз ал-Келаби, отличавшегося красноречием. Кутайба ска-

зал послам: «Передайте им что наш эмир поклялся не возвратиться отсюда до тех пор, пока не растопчет их землю, не посадит на цепь их князей и не заставит их платить дань». Когда они вступили в пределы Хотана, его правитель направил навстречу гонца и пригласил их к себе. [Сначала] послы пошли в баню, и помывшись, оделись в белые халаты и держа в руках четки, явились на прием [к правителю]. Правитель велел им сесть; все сели, но никто не промолвил ни слова. Спустя час они с опаской покинули аудиенц-зал. Правитель спросил своих вельмож: «Как вы представляете это племя?» Они ответили: «Нам показалось, что племя это слабо, подобно женщине, никто из нас не похож на них». На следующий день правитель снова пригласил их к себе. [На этот раз] они пришли на прием, облачившись в шелковое платье и намотав на голову изящные чалмы. И на сей раз не обмолвились ни словом и разошлись. Царь спросил своих людей: «Как сегодня они выглядят?» Они сказали: «Сегодня они явились как мужчины». На третий день царь еще раз пригласил их к себе. На этот раз они пришли на прием в полном вооружении, с щитом и мечом, верхом на быстроходных арабских скакунах. Когда они показались вдали, всех во главе с правителем охватил страх и пробила дрожь в теле. Они ушли к себе как прежде. Когда они удалились, правитель спросил: [вельмож]: «Как находите их [сегодня]?» Они // (367а) ответили: «Ей-богу, мы никогда не видели таких людей, и не слышали о подобных богатырях и воинах». После этого правитель послал к ним гонца и пригласил прислать к нему искушенного человека. Когда он явился, [правитель] сказал: «Вы не видели мою страну и мое царство и нет такого, который бы остановил меня перед вами. Я задам один вопрос. Если ты не будешь говорить правду, то убью тебя и твоих спутников». Хубайра сказал: «Скажи, царь, что ты желаешь?» Правитель сказал: «В первый день вы ко мне пришли в белой одежде, в другой день в другой одежде, что это означает?» Хубайра сказал: «В первый день мы пришли в той одежде, в которой мы как обычно дома являемся властелинами своих жен и детей. На второй день мы пришли в одежде, в которой ходим к халифу и эмирам. В третий день мы пришли в военном одеянии и доспехах, с которыми мы ходим в сражения». Ответ удовлетворил царя, и он сказал: «Ваше действие достойно похвалы, теперь я вас отпускаю, идите к своему эмиру и скажите, пусть он уходит отсюда. Я всегда был в добрых отношениях с ним и впредь буду соблюдать доброе отношение. Если пошлю войско, то для вас и для него наступит конец». Хубайра сказал: «Неужели наш повелитель, испугавшись тебя, повернет обратно, тогда как несколько царей, подобно тебе, заслужили гнев его меча и он поставил на колени много государств. [В таком случае], как же он может с сожалением оставить тебя? [Что касается нас], то если мы найдем свою смерть на поле брани,

то это будет для нас мученическая смерть, которая на том свете обеспечит нам возвышенные блага...» [Хотанский] правитель сказал: «Что Вы советуете? Чем мы можем его удовлетворить?» Хубайра сказал: «Эмир Кутайба дал себе клятву в том, что он не уйдет отсюда, пока не потопчет твою землю, не наденет узды на их князей и не заставит их уплатить дань». «Хорошо, — сказал правитель Хотана, — мы выпроводим Кутайбу не как клятвопреступника. Я пошлю Кутайбе горсть нашей земли, может потоптать ее [сколько угодно], пошлю ему некоторых своих родственников и сыновей, пусть наденет на них узду, пошлю ему богатые дары // (367б); пусть берет их себе». Так было и сделано. [Хотанский] правитель послал ему горсть земли, множество шелковых халатов и разные товары, четырех царевичей, богато одарив его послов, отпустил их. Вернулись они к Кутайбе. Получив эти товары и надев узду на четырех царевичей, Кутайба отпустил их обратно к правителю Хотана. Рассыпав землю на пол, Кутайба поставил на нее свои ноги и, удовлетворившись этим, он не пошел дальше, в глубь хотанского царства и отсюда повернул обратно в Мерв»[27].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. de Goeje. Series I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1901.

[2] Табари — Тарих ар-русул.

[3] Кутайба ибн Муслим ал-Бахили — известный арабский полководец, завоеватель Средней Азии, наместник Хорасана. Убит в 715 г. в Фергане восставшими воинами (МИТТ. 1. С. 63).

[4] Умар — второй правоверный халиф (634—644).

[5] Речь идет о восточных и западных тюркских хаканах, оказавших помощь иранцам и согдийцам в их борьбе против арабских завоевателей (Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 292).

[6] Речь идет, по-видимому, об императоре Тай-цзуне (627—650), к которому в 647 г. обратился за помощью разбитый арабами последний персидский царь Йездигерд III, но китайский император отказал ему в помощи. Сын и внук Йездигерда, вытесненные арабами, нашли убежище в китайской столице Чаньане, где и умерли (История Китая с древнейших времен. С. 77).

[7] Усман — третий правоверный халиф (644—656).

[8] Аджамцами арабы называли неарабские народы; в данном случае речь идет об иранцах.

[9] Мада'ин — арабское название древнего города Ктесифона, построенного на левом берегу Шатт ал-араб по II в. н. э. (Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 114—116).

[10] На полпути между плотиной Султан-бенд и городом Мерв находилась деревня Зарк, где большой канал разветвлялся на мелкие русла. Именно здесь находилась мельница, в которой был убит Йездигерд III (Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 65—66).

[11] Кухистан — область, расположенная к востоку от горных областей нынешнего Афганистана.

[12] Мерверруд — средневековый город; находился на месте Бала-Мургаба (Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 60—64).

[13] Тохаристан — 1) область, расположенная к югу от Амударьи и востоку от Балха, простирающаяся до Гиндукуша, с главным городом Тальканом (ныне Таликан); 2) области на верхних протоках Амударьи и по обе стороны от главного русла до города Керки (Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 47).

[14] Согдийский царь, видимо, здесь имеется в виду Тархуна, предшественник Гурека (710—737).

[15] В другом списке сочинения Табари (инв. № 1229) сказано: «Со стороны хакана тюрков пришло ему на помощь семитысячное войско».

[16] В истории Танской династии «Тан хуйяо» говорится, что в 678 г. Бейкусе (Перозу), признанному наместником Йездигерда, было предложено вернуться в Персию; до Суйя (Суяб) его сопровождал Пэйсин-цзянь. Дальше Бейкуса продолжал путь один, но на родину не попал — был схвачен арабами и сослан в Тохаристан, где жил почетным пленником около 20 лет. Далее указывается, что в 708 г. он вновь прибыл ко двору китайского императора, но вскоре заболел и умер (Тан хуйяо. Т. 3, 1935, гл. 100. С. 1783/Пер. Л. И. Думана). Здесь речь идет не о Перозе, сыне Йездигерда, как путает китайский автор, а о его внуке Нерсе (Нихуаньши). Когда отца его отправили на родину, он был оставлен заложником при китайском дворе и в 678 г., после смерти отца, вернулся в Тохаристан, где возглавил антиарабское движение.

[17] ʻАли ибн Мухаммад ал Мадаʻини — историк (ум. в 215 или 225 г. х.), труды которого до нас не дошли. Ат-Табари широко пользовался его трудами.

[18] Иснад — цепь передатчиков хадисов.

[19] Сулейман — омейядский халиф (715—717). Придя к власти, стал преследовать сподвижников ал-Хаджаджа и Кутайбы.

[20] Мавали — клиенты; вербовались из числа арабов или же из представителей покоренных народов, которые становились под покровительство какого-либо арабского племени и выполняли определенные обязательства, прежде всего несли военную службу (МИТТ. Т. I. С. 65).

[21] Анонимные очевидцы, которые, как отмечал В. В. Бартольд, встречаются в первой цепи передатчиков хадисов. Поэтому рассказы Мадаʻини, которыми широко пользовался ат-Табари, более походят на произведения эпического содержания, чем на историческое повествование (Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 380).

[22] Сахиб ас-Син — владыка Сина. Переводчик «Истории Табари» на старо-узбекский язык Мухаммад Юсуф ибн Бабаджан-бек данное слово переводит как «правитель Хотана» (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1229, л. 366б), в самом же тексте — Сахиб ас-Син (владыка Китая).

[23] Джизья — подушная подать, взимаемая с немусульманской части населения (зимма), завоеванных арабами областей (МИТТ. Т. I. С. 66).

[24] Здесь имеется в виду Кашгар. По словам известного турецкого путешественника Сейфи, владения Кашгар и Хотан по средневековой арабской географической традиции называли Чином и Мачином, подобно тому, как владения Аджама именовали Ираком и Аджамом (Сейфи Челаби. Исторические записки о царях Индостана, Китая, Хотана, Кашгара, Кашмира, Мавераннахра, казахов и др. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 248/4, микрофильм).

[25] Валид ибн Абд ал-Малик — Омейяд (86/705—96/715).

[26] Хотан — по китайским источникам Хотанское царство состояло из десяти округов, в которые входили также Кашгар и Йаркенд. Царство держало под своим контролем южный «шелковый путь»; оно находилось в номинальной зависимости от Восточного тюркского каганата, в то же время поддерживало тесные торговые и дипломатические связи с Танской империей.

[27] По утверждению Л. Н. Гумилева, известие о смерти халифа Валида заставило Кутайбу снять осаду Кашгара и вернуться в Фергану, где он был убит одним из военачальников за попытку поднять мятеж (Древние тюрки. С. 205). Однако, судя по нашему источнику, Кутайба поднял мятеж еще до вторжения в Кашгар, по словам же автора «Тарих-и Табари», Сулейман (96/715—99/717), преемник Валида, первым делом начал преследовать сподвижников Хаджаджа, в том числе и Кутайбу. Последний, отправив своего лазутчика в Хорасан, узнал, что Ирак и Хорасан отданы в управление Йезида ибн Мухаллаба и решил не подчиняться власти халифа и требовал отставку Сулеймана. Но, не уверенный в своих силах, решил отступить к Хорезму и укрепиться там. Однако затем изменил свое решение и увел войско в Кашгар. В случае завоевания Кашгара, хотел там закрепиться и вынудить халифа считаться с ним. Но это ему не удалось. По возвращении в Фергану был убит восставшими арабскими воинами (Тарих-и Табари, л. 367б—368а).

ИБН ХАУКАЛ

КИТАБ СУРАТ АЛ-АРЗ

Географический труд видного арабского географа и путешественника Абу-л-Касим Мухаммад ибн Хаукаля — «Сурат ал-арз» («Картина земли»), известный также под названием «Китаб алмасалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), имеет огромное значение для изучения стран, в том числе Средней и Центральной Азии, содержит богатый фактический материал о социально-экономической и культурной жизни населявших их народов. Он завершен в 977 г., представляя собой переработанные (с дополнением глав о Северной Африке, Испании и Сицилии) сочинения ал-Истахри.

«Сурат ал-арз» Ибн Хаукаля издан в 1873 г. известным французским ориенталистом де Гуе в Лейдене, а в 1938 г. (на основе стамбульской рукописи, переписан в 1086 г.) — Крамерсом. Настоящее извлечение сделано из издания Крамерса.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «КИТАБ СУРАТ АЛ-АРЗ» ИБН ХАУКАЛЯ

// (с. 512) **Фергана** — название края (иклим). Это обширный административно-податной округ со множеством городов и деревень. Ее столица — Ахшикет, а это город на берегу р. аш-Шаш[1], на равнинной земле. Между ним и горами около половины фарсаха. Он на левой (северной) стороне реки и у него есть цитадель (кухендиз) в самом городе (медина), а в городе есть предместье (рабад). Дом эмира и тюрьма — в кухендизе. Соборная мечеть вне кухендиза, а место праздничных молений — на берегу р. аш-Шаш. Рынки его и в городе, и в предместье, но большинство рынков — в городе, размер его по величине около одной трети фарсаха. Его постройки из глины. Вокруг предместья — стена. У внутреннего города несколько ворот, одни из которых — Буджир[2], другие — ал-Меркуша, [затем] ворота Касана, Соборной мечети и Рахиба[3]. И в городе (медина), и в предместье (рабад) проточные воды и множество водоемов (хауз). Каждые из ворот предместья ведут в густые сады, а проточные каналы тянутся на протяжении двух фарсахов. Напротив него (Ферганы) // (с. 513), если переправиться через аш-Шаш — луга, обильные пастбища и пески на расстоянии дневного перехода.

Ахшикет по величине близок к Куба (Кува), которая представляет собой один из самых чистых городов там. У нее есть кухендиз, город и рабад. Однако кухендиз разрушен. Соборная мечеть — в кухендизе, а рынки — в предместье. Вокруг предместья — окружающая его стена. Там (в Ахшикете) много воды и садов больше, чем в Куба.

Куба по величине близка к Ошу, в котором процветающие медина и кухендиз. Дом эмира и тюрьма — в кухендизе. У го-

ср. Бартольд "Н.П. тюрков

рода есть предместье и вокруг него — стена, примыкающая к горе, на которой наблюдательный пункт против тюрков. Оттуда охраняют их плантации и пасущиеся стада. Там [в городе] трое укрепленных ворот: Ворота горы, Ворота воды и Ворота Мугказа.

Узгенд — последний из городов Ферганы, граничащий со страной неверных. Он [по размеру] равен двум третям Оша. У него есть кухендиз, укрепленный город и предместье, в котором рынки. Это — рынок у ворот тюрков. Там есть сады, проточные воды.

И во [всей] Фергане нет ни одного города без кухендиза, без укреплений и без садов и проточных вод.

А во [всем] Мавераннахре нет большего количества деревень, чем в Фергане. И бывает, что границы деревни составляют дневной переход при многочисленности их жителей и обилии животных и пастбищ.

Из округов Ферганы — Верхняя Нисйа, Нижняя Нисйа, Асбара, Некад, Мийан рудан, Джидгил, Урест, Бесафар, Ашт. Верхняя Нисйа — первый округ Ферганы, если ты вступишь в нее со стороны Худженды (Ходженда), а среди ее городов: Ванкет, Сох, Хувакенд (Коканд), Риштан; Нижняя Нисйа связана с ней (Верхней), а из ее городов Маргинан, Зендерамш, Наджренг, Устикан, // (с. 514), Андукан (Андижан) и Хали. Оба эти округа — равнины, луга, и нет в этой местности гор.

Асбара — и равнинная и горная, а ее города — Тамахус и Бамкахус. — Исфара

Сох — город, отделенный от гор. Ему принадлежат шестьдесят деревень, и это отдельный славный округ со своими административно-податными округами, своим статусом и тем состоянием многочисленности населения, что там наблюдается.

Авал — город; ему принадлежат деревни, и это отдельный изолированный округ.

Некад — город у подножия горы, и это по названию целого округа, а центр его — Мискан, и нет там другого города.

Ош — название города, так же, как и Куба; им обоим принадлежат деревни с многочисленным населением, большим военным снаряжением. В границах Куба нет другого города, и с ним не связана какая-либо другая административно-податная область, а в границах Оша есть другой город, называемый Мадва (Мады).

Узгенд — название города; это обширный край (иклим), имеющий большие деревни, в его административно-податной области нет другого города.

Касан — название города, а также края (нахийа); ему принадлежат деревни, посевы, скот и стада.

Джидгил — название округа, а центр его — Ардланкет, и в этой административно-податной области нет другого города.

Мийан рудан — название округа, которому принадлежат многие деревни, [там] обильные урожаи, а центр — Хайлам, родина отца [предводителя] войска Насра ибн Ахмада во дворце Хайра ибн Абу Хайра.

Керван — название города, при котором большая территория (нахийа) и процветающие деревни.

Неджм — название многочисленных деревень с территорией, где столько пехотинцев, всадников, оружия и защитников, что делает его недосягаемым.

Урест — обладает многими деревнями. А у Астийакенда и Шелата тоже есть деревни. Оба они — ворота к тюркам, куда прибывают из Мийан рудана. Как и Узгенд, Урест называется Хафтдих, что означает семь деревень[4], которые принадлежали тюркам. В наше время (IX в.) они были завоеваны, поскольку близки к Узгенду и [с тех пор] принадлежат мусульманам.

// (с.515) Выше уже говорилось, что в Фергане имеются рудники золота и серебра в округах (нахийа) Некада, Ахшикета и других местах. Ртуть добывается в Сохе, в его горах. В стороне Верхней Нисйи — смола, чарагсанг[5], серебро, золото, бирюза, железо, медь, олово. На горе Асбара — черные камни, которые сгорают, как уголь, а их пеплом отбеливают белье. В горах Асбары — слюда, бывает кусок черный, ярко-красный, ярко-желтый. В горах Ферганы имеется дерево «табархун»[6], семена которого вывозят в разные страны, и дерево «куданджан», каких нет нигде, кроме как у них. В этих краях и в странах тюрков добывается нашатырь, как тот, что добывается в ал-Буттаме.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аш-Шаш — иначе Чач. Средневековое название Ташкента и среднего течения Сырдарьи.

[2] Название этих ворот не установлено. (Бартольд В. В. Туркестан// Соч. Т. 1. С. 218).

[3] У В. В. Бартольда — «Ворота Рихана», т. е. «Ворота залога» (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 218).

[4] О городах среднего течения Сырдарьи краткие сведения приведены у В. В. Бартольда (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 211—218).

[5] Светящийся ночью камень.

[6] Унаби — верба с красноватой корой.

МАХМУД КАШГАРИ

ДИВАНУ ЛУГАТ АТ-ТЮРК

Махмуд Кашгари — выдающийся лингвист XI в., первый компаративист и основатель тюркологии (полное имя — Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари)[1], в своем энциклопедическом труде «Дивану лугат ат-тюрк» («Собрание тюркских слов»), изданном в оригинале[2] и в переводе на немецкий[3], турецкий[4], узбекский[5], туркменский[6] и уйгурский[7] языки по уникальной рукописи[8], приводит интересные сведения о населявших Среднюю и Центральную Азию тюркских племенах и карту их расселения. Ниже приводим извлечения из русского перевода его «Дивана», осуществленного нами, но еще не опубликованного

(лл. 12а—14б рукописи, с. 28—36 первого печатного издания).

Слово о тюркских родах и племенах

Тюрки состоят в основном из двадцати племен. Они все происходят от Тюрка, сына Яфета, сына пророка Ноя, да будет над ним благословение Аллаха. Они подобны потомкам Рума, сына Ийсу, сына Исхака, сына Авраама (Ибрахим), да будет над ним благословение Аллаха.

Каждое племя имеет роды, [точное] число которых знает только Аллах. Я перечисляю главные роды племен, второстепенные же не перечисляю, кроме родов туркмен-огузов. Я упоминаю их роды и клейма на их животных, ибо об этом люди должны знать. Я описал, кроме того, места обитания каждого племени, как языческого, так и исламского по восточным странам по порядку, начиная от пределов Рума (Византия) и далее на Восток[9].

Первое племя вблизи Рума — печенеги (бэчэнэк)[10], затем идут кыпчаки (кыфчак), затем — огузы (огуз), затем—ямаки (йэмэк), башкиры (башгырт), басмилы (басмыл)[11], кайы (кай), ябаку (йабаку), татары (татар), киргизы (кыргыз). Это племя вблизи Чина (Син). Все эти племена расположились от Рума на Восток.

Затем идут чигилы (чигил), затем — тухси (тохсы), ягма (йагма), играки (ыграк)[12], чаруки (чарук), чумулы (чумул), уйгуры (уйгур), тангуты (танут), китаи (китай),— они в Чине; затем идут тавгачи (тавгач) — они в Мачине. Эти племена расположены между югом и севером.

Я их показал на этой карте.

Слово о тюркских языках

Тюркский язык — самый правильный и чистый язык у тех, кто не знает никакого языка, кроме одного родного языка; не смешался, не общался с персами и не жил в городах. А у тех, кто знает два языка и смешался с городскими жителями, имеется смягчение в произношении. Такими[13] являются, например, согдаки (согдак), канчаки (кэнчэк), аргу (аргу). Такие, как хотанцы (хотан), тибетцы (тубут) и часть тангутов (танут), составляют вторую группу — прослойку пришельцев в тюркские страны[14]. Я опишу язык каждого рода. А что касается жителей Японии (жабарка), то их язык неизвестен из-за отдаленности и из-за того, что она (Япония) отделена от Мачина (Масин) большим морем.

Население Мачина и Чина имеет свой язык, однако горожане хорошо владеют и тюркским языком. Переписываются с нами на тюркской письменности (уйгурском письме. — *А. Р.*).

А также неизвестны языки Гога и Магога, так как они ограждены великой стеной, горами и отделены морем, что вблизи Мачина[15].

И в Тибете имеется свой язык. А также и в Хотане особое письмо и особый язык. Там (в Тибете и Хотане) по-тюркски чисто не говорят.

У уйгуров чистый тюркский язык, но у них есть и другой язык, на котором они говорят между собой. Письменность у них тюркская, состоящая из двадцати четырех букв, о чем я уже говорил в начале книги. На ней они пишут книги и ведут переписку. У них, как и в Чине, есть еще другая письменность, на которой пишутся деловые и канцелярские бумаги. Ее никто не может читать, кроме некоторых из них. Это те, которых я назвал горожанами. Кочевниками из них являются чумулы. У них особый разговорный язык (ратаня), но они знают и тюркский язык.

Таковы и племена кайы, ябаку, татары и басмилы, каждое из которых имеет особый язык и вместе с тем хорошо владеет тюркским языком.

А у киргизов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, чигилов, играков, чаруков имеется чисто тюркский язык. Язык ямаков и башкир близок к их языку.

Язык булгар, суваров, печенегов, обитающих вплоть до пределов Рума, — тюркский с одинаково усеченными концами слов.

Самый легкий язык — язык огузов, а самый правильный — язык ягма, тухси и тех, кто живет в долинах Или (Ила), Иртыша (Эртиш), Ямара (Йамар), Волги (Итил), вплоть до страны уйгуров. А литературным[16] из них является язык народа хаканидских владений и тех, кто примыкает к ним[17].

Население Баласагуна говорит и по-согдийски, и по-тюркски. Таково же и население Таласа (Тыраз) и Белого города (Мадинат ал-байда).

В речи населения всех городов аргу, начиная от Испиджаба[18] до Баласагуна, наблюдается смягчение (рикка). В Кашгаре есть места, где говорят на канчакском, а в центре страны — на хаканско-тюркском языке.

Протяженность главных тюркских стран от Рума до Мачина — пять тысяч фарсахов[19], а ширина — три тысячи фарсахов[20], всего восемь тысяч фарсахов. Я их всех обозначил в круге — на карте земли для того, чтобы знали их.

Слово о расхождениях между языками[21]

Корней слов, имеющих расхождения, мало. Расхождения возникают из-за замены или отпадения отдельных букв. Это происходит так: начальный «йа» (й) слова огузы и кипчаки в именах и в глаголах превращают в алиф[22] или в «джим» (ж). Например, тюрки путника называют «йэлкин», а те (огузы и кыпчаки) его называют «элкин». Тюрки теплую воду называют «йылыг сув», а те (огузы и кыпчаки) говорят «ылыг сув», с алифом. Подобно этому тюрки жемчуг называют «йинжу», а у тех (огузов и кыпчаков) — «жинжу». Длинную шерсть верблюда тюрки называют «йуғду», а огузы и кыпчаки — «жуғду».

Средний или конечный «йа» (й) аргу превращает в «нун» (н). Например, тюрки говорят «қой» (овца), огузы и кыпчаки — «қон». Бедного тюрки называют «чығай», а те (огузы и кыпчаки) говорят «чыған». Тюрки говорят «қайу нәң» (какая вещь), а огузы и кыпчаки говорят «қану», с «нун» (н). «Мим» (м) в начале слова у огузов, кыпчаков, суваров превращается в «ба» (б). Как, например, тюрки говорят «мән бардым» (я ходил), а те племена (огузы и кыпчаки) — «бән бардум». Суп тюрки называют «мун», а тот народ — «бун». «Та» (т) огузы и тот, кто близок к ним, превращают в «дал» (д). Например, верблюд у тюрков называется «тәвәй», а они (огузы и кыпчаки) называют «дәвәй». Отверстие тюрки называют «от», а они — «од».

«Дал» (д) языка настоящих тюрков у огузов превращается в «та» (т). Например, кинжал у тюрков называется «бұғдә», а у них (огузов) «буктә»; по-тюркски «йигдә» (лох), а по-огузо-туркменски — «йиктә». Таковы и другие слова, которые я не упоминаю.

Букву «в», которую тюрки произносят как нечто среднее между «фа» (ф) и «ба» (б), в огузском языке и у тех, кто близок к нему, превращается в «вав» (в).

Я буду приводить правильную разновидность слова, а буквенные изменения, указанные мною, образуй ты сам по этому образцу.

Ягма, тухси, кыпчаки, ябаку, татары, кайы, чумулы, огузы сходятся на том, что они «зал» (з) превращают в «йа» (й). У них совсем отсутствует «зал» (з). Например, береза у других племен называется «қазын», а у этих племен — «қайын». Близкие и родственники не по крови называются «қазын», а у них это «қайын».

Так, «з» языка чигилей и других тюрок (кыпчаки, ямаки, сувары, булгары), земли которых простираются до Руси (Рус) и Рума, превращают в «за» (з). Например, у тюрков нога называется «азақ», а они называют «азак». Чигильские тюрки говорят «қарын тозты»— желудок наполнился (насытился), а они говорят «тозды» с «за» (з). Все другие имена и глаголы сверяй с этими примерами. Итак, «зал» (з) чигильского соответствует «йа» (й) в языках ягма, тухси, огузов и в некоторых частях аргу, обитающих вплоть до Чина, а в кыпчакском и сходном с ним языках, доходящих до Рума, ему соответствует «за» (з). Мы их всех опишем в своих местах.

Алиф в начале слова хотанцы и канчаки превращают в «ха» (ҳ)[23]. Мы их не считаем тюрками из-за того, что они вводят в тюркскую речь того, чего нет в ней. Как например, отец у тюрков называется «ата», а они говорят «ҳата». Мать — «ана», а они говорят «ҳана».

«Ра» (р) иногда заменяется на «лям» (л). Об этом будет сказано там, где положено. «За» (з) иногда заменяется «син» (с). И об этом будет сообщено вместе с предыдущим. «Гайн» (ғ) в именах времени и места огузы превращают в алиф (а, ә). Например, тюрки говорят «барғу йэр» — место, куда следует пойти, а огузы его изменяют в «барасы йэр». Тюрки говорят «турғу оғур»— время[24], когда следует вставать, а огузы говорят «турасы оғур».

«Каф» (қ) превращается в «кяф» (к) и «кяф» (к) — в «каф» (қ). Об этом будет сказано в своем месте, если будет угодно Аллаху всемогущему и великому. Это все, что касается изменения букв.

То, что касается усечения букв, то все огузские и кыпчакские племена отсекают средний «ғайн» (ғ) в именах и глаголах, если глагол в форме продолжительного действия.

Имя. Например, ворон с белым пятном на ноге у тюрков называется «чумғуқ», а они (огузы) называют «чумуқ». «Ғайн» (ғ) опускается. Горло тюрки называют «тамғақ», а они — «тамақ».

Глагол. Например, говорят: «ол эвгэ бараған ол» — он часто ходит домой, а огузы говорят «баран ол» в том же значении.

Тюрки говорят: «ол эр қулины ураған ол» — тот мужчина часто бьет своего раба, а они говорят «уран».

А также для облегчения произношения огузы опускают «қ» в именах и «ғ» в глаголах, который чередуется с «г» в том же значении. Все тюркские языки следуют этим вышеизложенным правилам. Остальное будет добавлено в нижеизложенных правилах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О нем подробно см.: Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк». С. 3—17.

[2] Издан Ахмед Риф'атом в трех томах в Сстамбуле в 1333 г. х. (т. I—II) и 1335 г.х. (т. III). (Далее АР).

[3] Brockelmann C. Mitteltürkischer wortschaft.

[4] Divanü lugat-it-türk terkumesi Далее БА).

[5] Кошғарий Махмуд. Туркий сўзлар девони. (Далее СМ).

[6] Ахаллы С. Махмуд Кашгарының созлуги ве туркмен дили.

[7] Махмут Кашкарий. Туркинг тиллар дивани. Т. 1—3. Урумчи, 1982—1984.

[8] Рук. хранится в Национальной библиотеке Турции под инв. № 4189а. Микрофильм рук.— в Ленинградском отделении ИВ АН СССР.

[9] БА, 28: опущено.

[10] СМ, 64: бэ нэк.

[11] Р: буква «ба» превращена в «йа».

[12] Алиф согласован даммой.

[13] Т. е. двуязычными.

[14] Ср. БА, 29.

[15] БА, 29: Чина.

[16] БА, 30: СМ, 66: Самым ясным и приятным.

[17] Т. е. Сайрама. БА, 30: СМ, 66: Чимкента.

[18] БА, 30: он.

[19] Фарсах равен 6 км.

[20] АР: опущено.

[21] Ср. СМ, 66.

[22] Т. е. начальный «й» отпадает.

[23] Т. е. начальный «а» превращается в «ха».

[24] БА, 33: место.

АЛ-УТБИ

ТАРИХ-И ЙАМИНИ

Арабоязычное сочинение «Ал-Йамини» Абу Насра Мухаммада

ибн Абд ал-Джаббара ал-Утби (ок. 350/961—427/1035), уроженца Рея, занимавшего высокие административные посты у Саманидов и Газневидов, посвящено деятельности эмира Сабук-тегина и его сына султана Махмуда Газневи (388/995—421/1030), известного под прозвищем Йамин ад-даула (Десница державы).

Основное внимание автор уделил описанию политических событий, происходивших в Средней Азии и Хорасане в последней четверти X — первой четверти XI в. Изложение доведено до 411/1020—21 гг.

Известно несколько переводов данного сочинения на персидский язык[1]. Самый ранний — «Тарих-и Йамини», выполненный Абу-ш-Шарафом Насихом ибн Зафаром ибн Са'дом ал-мунши ал-Джарбадакани в начале XIII в. Этот перевод представлен значительным числом известных списков и издан[2].

В нижеприведенном переводе извлечений из «Тарих-и Йамини» нашли отражение важные события политической жизни конца X — начала XI в.: завоевания Мавераннахра Караханидами, приведшее к гибели государство Саманидов; утверждение Газневидами своего господства в Хорасане. Эти события кратко изложены В. В. Бартольдом в труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[3], со ссылкой на источники, в том числе на сочинение Утби. В. В. Бартольд не ставил перед собой задачи дать детальное описание событий.

В публикуемых ниже отрывках из «Тарих-и Йамини» подробно описывается ход крупных политических событий на обширной территории, находившейся под властью Саманидов: борьба Саманида Нуха II ибн Мансура (365/976—387/997) против своих непокорных наместников в Хорасане с использованием военной силы Газневидов: Сабук-тегина и его сына Махмуда, которые, активно участвуя в этой борьбе, стремились установить свое господство в Хорасане и добились его; безуспешные попытки последнего представителя саманидской династии Исма'ила Мунтасира Ибн Нуха утвердиться в Мавераннахре или в Хорасане и участие гузов в его борьбе с караханидским правителем[4]; союз Караханидов с Газневидами.

Настоящий перевод извлечений из «Тарих-и Йамини» сделан по литографическому тегеранскому изданию 1272/1856 г. и рукописи ИВ АН СССР, В 666[5].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И ЙАМИНИ» АЛ-УТБИ

// (с. 116) *Прибытие Богра-хана[6] в Бухару, уход [из столицы] государя Нуха ибн Мансура[7] и возвращение его в Бухару после ухода Богра-хана*

Богра-хан прибыл в Бухару[8]. Фаик[9] вышел ему навстречу. Он вошел в число его придворной знати. Он гордился и хвастался тем, что вошел в состав его (Богра-хана) войск, и увеличились его владения.

// (с. 117) Так, в течение многих лет между ними установились отношения дружбы и искренности.

Когда Богра-хан утвердился на престоле царства, Фаик попросил разрешения отправиться в Балх, чтобы произвести [всякого рода] операции и получить приходно-расходные книги для его (Богра-хана) казны, а также провозгласить в тех краях [имя хана] в хутбе[10] и чеканить монеты с его [именем]. Он получил разрешение на это и отправился в Балх.

Нух выждал удобный случай, переодетым вышел из укрытия, переправился через Джейхун и остановился в Амул-и шатт[11]. Некоторые его наемники еще раньше отправились туда и были в смущении и замешательстве. Когда они узнали о его прибытии, они обрадовались и [,прибыв,] к месту [его остановки, они почувствовали, будто], в их тела вселилась новая жизнь, новая радость. С разных сторон [прибыли] рассеявшиеся [ранее] войска, и присоединились к его (Нуха) свите; таким образом собралось все войско.

Нух назначил на должность везира Абу ʿАли Балʿами[12]. Все, что осталось у него от полученного [из разных] стран и от [платы] наемникам, он отдал ему. Он (т. е. Балʿами) не был в состоянии справиться с этим важным делом, он чувствовал свое бессилие в исполнении этого дела, потому что весь вилайет [ощущал] упорство врага; собралось большое войско, условия пребывания его и обязательства, [налагаемые на жителей], вызывали трудности. // 118. Вызвали из Хорезма ʿАбдулла ибн Узайра[13] и поручили ему должность везира. Нух писал письма в Мавераннахр Абу ʿАли Симджуру[14] о восходе звезд, [предвещающих] смуту, о наступлении трудностей. Он призывал его к себе на помощь для [решения] дел, [связанных] с благополучием [в стране], для осуществления защиты и неприкосновенности государства. Под предлогом занятости делами тот тянул время. В этом вопросе [Абу ʿАли] обманывал Нуха неисполнением обещаний и лживыми речами...

//(с. 121) Об отъезде Богра-хана из Бухары и возвращении государя Нуха в Бухару

Богра-хан был измучен климатом Бухары. Его постигло несчастье из-за мятежа, бунта, бедствий, [причиненных] им древнему дому, благородной династии [Саманидов], из-за [его] алчности. Им овладел тяжкий недуг. Он считал, что [сможет] выздороветь лишь благодаря воздуху Туркестана. Его повезли по направлению к Туркестану в крытом сидении [на спине верблюда]. Простолюдины Бухары протянули руки мщения на арьергард его войска и перебили много народу. Путь его проходил через стойбище гуззов. Гуззы шли за ним несколько переходов.

Они убили слабых воинов в войске и захватили [их] имущество. На одной из стоянок Богра-хан отдал [богу] душу.

Когда эта радостная весть дошла до государя Нуха, он направился в стольный город величия [Бухару], к престолу своей державы. По случаю его прибытия жители Бухары выразили большую радость. Встречать его кортеж вышли все великие и малые. Они так обрадовались лицезрению его, как [радуется] соблюдающий пост при виде нового месяца [шавваля] или испытывающий жажду, глотая холодную воду.

Бухара и Самарканд вошли в распоряжение дивана государя Нуха. [Его] приказы [стали] следовать в установленном порядке, обычным способом. // (с. 122). Были искоренены основы мятежа.

Когда Абу ʿАли Симджур увидел, что дела государства Нуха наладились, поправилось положение дел его державы, во рту его сломались зубы алчности, [выросшие] в дни ослабления [государства Саманидов] и его желания не осуществились. Две игральные кости судьбы (для игры в нарды) показали искаженную картину [его] стремлений. Не оправдалась надежда на Богра-хана: не осуществились условия, соглашения, установленные между ними (т. е. Богра-ханом и Абу ʿАли) об участии в [управлении] Хорасаном и Мавераннахром, о разделе власти в [этих] странах.

Когда Богра-хан взял Бухару, он обратился к [Абу ʿАли] как к военачальнику и оставил без всякого внимания прежние разговоры [о соглашении]. Абу ʿАли начал кусать палец раскаяния и сожаления. Луч его разума погас во мраке этого бедствия. Он созвал знать страны и своих избранных людей и спросил совета о том, какие меры [следует] принимать в этом деле и как выйти из этих трудностей. Все сказали: «Природа Саманидов создана с помощью воды великодушия и милосердия; во все времена было известно, что государи их снисходительны, прощают проступки подданных и ошибки слуг. Путь такой: проси у них же бальзам. И на этот раз проси в их дворе, // (с. 123) ибо из этой пучины ты доберешься до берега благополучия только на корабле милосердия Нуха[15], этот поток бедствий прекратится на земле только лишь благодаря обращению к Нуху. Следует пойти [к нему с просьбой] о помиловании с мечом и саваном, постучать в дверь великодушия и милосердия его, вытащить пинцетом мольбы и смирения колючку, которая застряла в его сердце из-за вражды. Зефиром ласкового отношения нужно уничтожить пыль, которая осела на край его сердца от обиды. Если была вина столько велика, надо приготовиться к службе, достойной похвалы и вновь приступить [к соблюдению] условий службы и правил [выражения] покорности, ибо смущенному не может быть ничего лучшего чем знание способов избавления, провинившемуся не вырисовывается никакое достойное убежище, кроме как извинение и просьба о прощении».

Абу ʿАли нашел правильными эти слова на весах разума. Он собрал свои вещи, от различных богатых людей он собрал много подарков, тяжелую ношу, чтобы послать [их] его величеству государю Нуху через сладкоречивого посла. [Он приказал], чтобы тот волшебством [своей речи] развязал узел отчужденности в сердце его (т. е. Нуха) и притворной благосклонностью загнал бы в клетку птицу его согласия. Согласно изречению «Осторожность — дурное подозрение» он подумал // (с. 124) по-другому и сказал: «Увы! Давно говорили: «Кто посеял шипы, тот не соберет манго». Там, где я все сеял семена мучений, разве буду мерить урожай верности, на том месте, где я посадил дерево вражды, могу ли я питать надежды на плоды согласия. Класть в карман обиженного змея или пробовать яд, [испытывая] сомнение, — не дело для сметливых людей. Умные люди говорили: «Государи подобны крокодилу, у которого зубы в животе, или похожи на море, истоком которого является вода жизни, содержащая в себе различного рода жемчуга, полезных вещей, а во время бури одним толчком разрушает весь мир, поглощает целый мир.

Стихи

Он — море, когда оно спокойно, в нем полно жемчугов,
Но остерегайся его, когда оно выступает из берегов».

Когда Фаик увидел, что корабль Нуха благополучно остановился у Арарата[16], он потерял покой в своем сердце, спокойствие в душе. Он стремился найти [нужное] течение для спасения от бушевания этой бури. Слабость ума, несбыточные мечты, чрезмерная самоуверенность привели его к [мысли] о том, что вновь следует приняться за дело. Он направился в Бухару, чтобы путем насилия и захвата власти овладеть царством Нуха и построить стену мужества перед наступлением его ненависти. Государь (Нух) послал против него одного военачальника с войском из избранных эмиров, хадимов и приближенных. // (с. 125) Между сторонами произошло жестокое сражение. С обеих сторон было много убитых. Из-за убитых в этот траурный день, из-за раненых в этом побоище для хищных птиц и зверей, грифов и гиен настал богатый пир, получился желанный накрытый стол.

В конце концов Фаик с небольшим отрядом спасшихся от меча бухарцев избавился от когтей смерти и обратился в бегство. Он не знал иного прибежища, не признавал другого убежища, кроме как [укрытие] Абу ʿАли. Он прибыл в Мерв. Абу ʿАли обрадовался его приезду. Союз и соглашение с ним он считал вполне подготовленным и прочным договором. Положение его укрепилось благодаря опоре и помощи [его]. Его присутствие он счел основанием, чтобы пренебречь просьбой Нуха ибн Мансура о согласии. Имущество, которое он приготовил для перевозки в Бухару, он послал Фаику. Между ними был заключен

договор о взаимном соглашении, соглашение о соблюдении между сторонами дружбы, справедливости, чтобы противостоять врагам и противникам. Они вместе прибыли в Нишапур. Они занялись приготовлением, приведением в порядок, в лучший вид оружия и подготовкой ко дню мятежа.

Когда государь Нух услышал об их согласии в мятеже, он убедился в твердом намерении [их нанести ему] вред. Он направил все мысли на то, рукой какого объездчика положить вьюк покорности [на его плечи] // (с. 126) на этих двух неукротимых коней, силой какого охотника завлечь в сети мести этих двух хитрых волков пленниками когтей наказания. [Осуществление] этого дела выпало на долю Насир ад-Дина Сабук-тегина[17], который был известен и славился в разных областях как один из великих [людей], оказывающий всякого рода благодеяния, как стоящий за интересы мира, заботящийся об успехе народа, об укреплении веры и о победе слова божьего. Нух послал к нему Абу Насра Фариси и сообщил о мерзких делах и о бесчестных поступках Абу ʿАли и Фаика. Он просил лекарства от этой болезни, для изгнания этого горя, наилучшим образом защитить [его] и выполнить [эту миссию]. Он призвал его разрешить это важное дело, удалить это бедствие и сказал: «Потеряна надежда [на помощь] с других сторон государства и на возможность [такой помощи] державе. Упование на такую помощь, мечта о таком противодействии [врагам] немыслимы без большой решимости и твердости Насир ад-Дина Абу Мансура[18].

Насир ад-Дин [Сабук-тегин] довольный, с радостным сердцем взял на себя // (с. 127) обязательство оказать помощь [Нуху]. Он не принял во внимание измену и низость Абу ʿАли, несчастье и расстройство [Нуха] из-за поведения Фаика. Он был готов оказать помощь государству, ответить на призыв государя Нуха. Он тотчас же снялся с лагеря и прибыл в Мавераннахр, чтобы с жаром служить [Нуху], обуреваемый желанием лицезреть его. Государь Нух отправился в Кеш[19], ожидая там его прибытия. Они встретились в этой местности. Увидев друг друга, они установили прочную дружбу.

Еще до встречи Насир ад-Дин [Сабук-тегин] просил прощения [у Нуха] за беспокойство, которое [причинит Нуху] его приезд, ввиду немощи вследствие старости. Государь Нух принял во внимание это. Однако, когда взгляд Насир ад-Дина [Сабук-тегина] упал на благородное лицо государя, необыкновенная красота и царское величие вырвали у него из рук поводья воли и он сошел с коня и поцеловал стремя Нуха. Для встречи с ним Нух придержал коня и с исключительным уважением и почетом заключил его в объятия. От соединения этих двух счастливых светил, от встречи этих двух государей оживились сердца; в сердцах знатных и простых людей расцвели розы радости. Образовался такой союз, подобного которому не было описано

и не было упомянуто в исторических сочинениях за время существования [мира].

Государь Нух принялся оказывать милости, совершать благодеяния. Он оказал полную поддержку [Сабук-тегину] и его подданным различного рода милостями, провизией и жильем. // (с. 128) Он воздал должное его прибытию, достойное его высокого положения. Он усиленно просил его в течение нескольких дней заниматься важными делами, чтобы положить конец позору и бесчестию, [причиненным] этими двумя неблагодарными лицами. У Насир ад-Дина это вызвало исключительную радость и восторг. Он счел своим долгом по силе и возможности повиноваться и служить [Нуху]. Он попросил отсрочку на несколько дней, чтобы отправиться в Газну, заняться [там] сбором войска и подготовкой [к походу] и с полной уверенностью [в победе] отправиться на войну с врагами. Нух дал разрешение. Он полностью отблагодарил его почетными халатами, царскими дарами, бесчисленными подарками в виде различных изящных вещей и всевозможных милостей.

Каждый из них отправился в свое условленное место и проявил усердие в налаживании дел, в сборе войска, в приведении в порядок оружия и снаряжения, в подготовке [к походу].

Когда Абу ʿАли узнал об этом, он расстроился и растерялся, затмилось солнце его разума от тягот тревог. Путеводитель разрешения этих [трудностей] потерял большой верный путь в пустыне размышлений. По этому вопросу он советовался со своими сторонниками и последователями и учитывал мнение каждого. Чтобы найти выход из затруднения, он стучался во все двери. Смысл // (с. 129) всех слов, нашедших одобрение, сводился к следующему: «Следует вступить на путь братской дружбы, установить дружественные отношения с Фахр ад-Даула[20], дружбу с ним сделать крепчайшей опорой, надежным щитом благополучия. [Пользуясь] его согласием, надо поставить преграду вражде судьбы, ибо, если просторы Хорасана окажутся тесными для нашего пребывания, благодаря его дружбе мы сможем рассчитывать на предоставление [нам] убежища». [На основании того, что им удалось узнать], они пришли к согласию и решению.

Согласно с этим Абу ʿАли предпринял меры. Посольскую миссию он возложил на Абу Джаʿфара, сына Зу-л-карнайна. Через него он послал Фахр ад-Даула много подарков хорасанских и привезенных из Туркестана, а также много таких же [подарков] и для Сахиб-и Кафи[21]. В своей речи он (т. е. посол) просил помощи и заступничества и [привел] доводы. Абу Джаʿфар рассказал: «Когда эти подарки преподнесли Сахиб-и Кафи, от имени Абу ʿАли я передал извинение за них. Мне пришло на ум [сказать]: «Привезя эти незначительные ценности его высочеству Кафи ал-Куфат[22], мы походим на того, кто возит в Хаджар финики в подарок». Он ответил: «Да, посланник (Мухаммад), да благословит Аллах его и его семью, да приветствует, привез финики

из Медины в Хаджар для благословения, но не как необходимую [еду]». Затем Сахиб-и Кафи приложил большое старание, чтобы заключить договор о дружбе, установить дружественные отношения между этими двумя сторонами // (с. 130) до тех пор, пока не установились такие отношения. Последовали переписка и послания, дружба увенчалась союзом.

Ма'мун ибн Мухаммад[23], который был правителем (вали) Джурджании и Абу Мухаммад 'Абдаллах[24] хорезмшах во время изгнания Нуха из Бухары, в трудные для него дни, вступили с ним в дружественные отношения, оказали ему добрые услуги, помогли имуществом и сокровищами. Когда дела Нуха наладились, он пожелал воздать им должное. Ниса[25] была определена [им] за Ма'муном, а Абиверд[26] записан в собственность хорезмшаха. Обоим он послал указ, украшенный царской печатью. Каждый из них послал к своему Кыт'а (икта') уполномоченного. Абу 'Али передал Нису Ма'муну безоговорочно. Отвечая же хорезмшаху, он сказал: «Абиверд числится и записан как собственность моего брата, и пока диван не даст [мне] замену, не будет отдан [Абиверд]». Он приказал выпроводить людей хорезмшаха с оскорблениями. Хорезмшах затаил в сердце злобу, [думал] отомстить, когда представится случай. Это будет объяснено в своем месте, если захочет великий Аллах!

При этих обстоятельствах прибыли знамена Абу Мансура Насир ад-Дина Сабук-тегина // (с.131) согласно обещанию, с которым он уехал. Он прибыл с большим войском, многочисленной ратью, в полном вооружении и снаряжении. В авангарде его войска было около двухсот слонов, соединенных цепями, которых он захватил в Индии в виде военной добычи. Они были покрыты длинными чепраками, на них были необыкновенные орудия. За ними двигалось волнующее море [войск, идущих] отряд за отрядом. Государь Нух выступил из Бухары и доехал до Джузджана[27], Абу-л-Харис Фаригуни[28] и Шар[29], а также другие эмиры больших городов присоединились к нему. Насир ад-Дин Себук-тегин также присоединился [к нему]. Собралось войско, неисчислимое как муравьи и саранча, бесчисленное, как песчинки в пустыне.

Абу 'Али и Фаик выступили из Нишапура[30] и отправились в Герат, чтобы защитить эту землю от захвата врагом и повести с собой войско тех земель.

Государь Нух и Сабук-тегин доехали до области Баг[31], чтобы встретиться с врагами.

Абу 'Али отправил посла к эмиру Сабук-тегину и сказал: «Между тобой и моим отцом всегда были прочные дружественные отношения. Говорят любовь к отцу [означает] близость к пророку». Когда до меня дошла очередь управлять Хорасаном, я пошел по той же широкой дороге, [что и] отец. Ни на секунду я не забывал проявлять к тебе уважение, выполнять условия службы. Все, что было в прошлом, произойдет и в будущем.

[Поэтому] настоятельно требуется, чтобы ты старался исправить положение и погасить огонь мятежа и быть посредником между мной // (с. 132) и государем [Нухом], быть заступающимся [за меня] послом. Если по воле или по необходимости мною был совершен проступок, который несовместим с выражением покорности и повиновения [Нуху], ты принеси извинения за это, погаси огонь гнева [государя], стряхни пыль отвращения, наладь отношения, [говоря]: «Если в нашей голове был ветер кичливости, то мы удалили [его], мы покорно повинуемся [государю], впредь не отступим с пути смирения». Эмир Сабук-тегин удовлетворил эту просьбу, согласился. В нескольких собраниях в присутствии и отсутствии [Нуха], в личной беседе и в переписке [с ним] он говорил об этом до тех пор, пока заступничество его не было принято [Нухом]. У государя Нуха не стало неприязни [по отношению к Абу ʿАли]. Насир ад-Дин, письменно сообщая эту радостную весть Абу ʿАли, [сказал]: «Цель достигнута, государь соизволил простить, простил его дела и слова. Согласно условию он должен в трехмесячный срок доставить в казну тысячу раз пятнадцать тысяч дирхемов в виде штрафа за [свое] преступление, за свою измену. После этого будут приняты во внимание его служба трону, условия повиновения государю и он найдет покровительство, как было с [его] предками».

Приближенные Абу ʿАли совещались между собой по этому поводу. Обязательство [дать] выкуп за сохранение жизни (букв.: «здоровья»), за погашение огня мятежа они сочли за исключительно благоприятный случай. Они договорились и согласились [с этим]. Однако // (с. 133) группа юношей вследствие легкомыслия, свойственного молодости, незначительной опытности, не думая о последствиях дел, не согласились с этим решением. Они погнали вскачь [коней] в лагерь Насир ад-Дина, похитили начальника гарнизона и убили его с несколькими другими лицами, проявившими беспечность.

Когда посол Насир ад-Дина возвращался обратно, он проехал мимо отряда [воинов] Абу ʿАли, которые несли караульную службу. Обращаясь к нему (послу) в повелительном и издевательском тоне, они сказали: «Твой господин зря старается и говорит впустую. Пока в наших руках эти мечи, разве согласимся с этим оскорблением, с такого рода унижением». Стихи...

Когда эта весть дошла до Насир ад-Дина, он пришел в ярость. Он удивился несчастью, [которое обрушится] на это племя. Он послал человека к Абу ʿАли [и заявил]: «Готовься к войне, приготавливайся к сражению, ибо это государство перестанет существовать только от меча, эта вражда прекратится лишь с помощью выдающихся борцов. Если ты гордишься фарзинбандом[32], который ты создал с помощью Фаика, то завтра ты увидишь на просторах степей, как на бумаге, наше сражение со слонами. Если ты из-за множества пеших воинов и всадников своих поднял ладью, выступи на часок на поле битвы с нами,

чтобы воочию увидеть искусную езду наших мастеров». Затем он // (с. 134) снялся с лагеря и провел смотр войска на обширной равнине тех мест. Он выстроил ряды, установил правое и левое крыло. Впереди он создал заслон из боевых слонов. Сам он с государем Нухом и эмиром Махмудом встал в центре войска. Под знаменем он держал воинов, которые [во время] битвы удаляют смерть от души, которые на поле сражения грызут копье зубами. Стихи...

Абу ʿАли тоже выстроил войска, построил ряды. Он послал Фаика на правое крыло. Своего брата Абу-л-Касима поставил на левое крыло, сам встал в центре войска.

Когда встретились два ряда войск, Фаик, [выступив] из правого крыла, оттеснил левое крыло [противника]. Абу-л-Касим с левого крыла нанес поражение правому крылу [противника]. Сабук-тегин чуть было не проиграл битву. Обнаружилась исключительная слабость [его положения]. Однако из центра войска Абу ʿАли выступил Дара ибн Шамс ал-Маʿали [Кабус] ибн Вашмгир[33]. Он дошел до середины между двумя войсками, закрыл спину щитом и подъехал к государю Нуху, предложил [ему свои] услуги, и направился для битвы с войском Абу ʿАли.

Когда воины Абу ʿАли увидели измену Дара, они потеряли веру // (с. 135) и в других. Они подумали: быть может его измена согласована со всеми. По этой причине они отчаялись.

Насир ад-Дин со своей резервной частью войска предпринял такое нападение, что повсюду затряслась земля. Войско Абу ʿАли от страха перед таким ураганом, вызвавшим ужас, [моментально] обратилось в бегство и рассеялось: ни у кого не было сил противостоять [ему]. Эмир Махмуд отправился преследовать их. Каждого, кого настигали, убивали или брали в плен. Это [отступающее] войско побросало столько сокровищ, дорогого имущества, снаряжения и оружия, что если бы хоть десятую часть [всего этого] сохранило для себя и дало выкуп за [пленных], сохранило бы честь, а [его воины] в одежде позора и бесчестия не разбрелись бы по странам мира, по сторонам света. Абу ʿАли явился в Нишапур. Там он занялся налаживанием дел, излечиванием ран, нанесенных войску, подготовкой [к очередной битве] и ждал, когда войско присоединится к нему и думал о том, как прибегнуть к уловкам и достичь цели.

Государь Нух и эмир Сабук-тегин и Махмуд пожелали два-три дня побыть в Герате, чтобы дать отдых верховым животным, всадникам и воспользоваться добычей. Государь Нух присвоил Сабук-тегину // (с. 136) почетный титул — Насир ад-Дин (защитник веры), а его сына и наследника Махмуда удостоил почетного титула Сайф ад-Даула (меч державы). Предводительство войском, командование армией, должность, которую раньше занимал Абу ʿАли, он передал ему (т. е. Махмуду). Последний, полностью обеспеченный, с оснащенным войском, с огромной свитой, с исключительной пышностью отправился в Нишапур...

Теперь речь пойдет о нем (т. е. о Махмуде) как о Сайф ад-Даула до тех пор, пока великий Аллах не возведет его до высоких степеней, не пожалует ему высокое звание султана и его имя в разных концах мира не станет известным как султан Йамин ад-Даула ва амин ал-Милла (десница державы и хранитель народа).

Когда Абу ʿАли Мухаммад ибн Мухаммад Симджур получил весть о прибытии эмира Махмуда, он направился в Джурджан. Еще раньше был заключен договор о дружбе между ним и Фахр ад-Даула в интересах друг друга. [Абу ʿАли], надеясь на то, что [Фахр ад-Даула] выполнит обязательство [по этому договору], отправил к последнему Абу Насра хаджиба[34] в качестве посла и известил о том, какие [происходят] события; подробно написал о них и Сахиб-и Кафи. Он обратился с просьбой о помощи, которую он ожидал от него, [занимающего] такое положение. Он признавал его орудием времени // (с. 137) и опорой эпохи. Он считал редчайшим сокровищем его прежнюю дружбу и сказал: «Сторонники нужны в трудное время, друзей приобретают для дней невзгод. У меня появился сильный враг, смелый противник. Я потерял дом, доставшийся мне по наследству, и давнее высокое положение. Где я найду такого покровителя (сахиба), как ты. Могу ли я, плевок легочного больного, надеяться предстать перед ним, могу ли я требовать от такого Кафи, как ты, чтобы он знал средство [избавить] меня от трудностей. На земле не может быть более прочного убежища, чем [убежище] у династии Буидов, более прочных уз, чем договор с ними. Рассказы об их благородстве и покровительстве во всех концах мира ясны, как солнце... Нужно, чтобы его величество Фахр ад-Даула не отказал бы в разных советах, оказал бы внимание нашим важным делам, взял бы на свои сильные плечи (букв. «шею») это горе, это [наше] мучение».

Сахиб-и Кафи счел этот момент весьма удобным. Много раз он беседовал с Фахр ад-Даула и говорил: «Сын Симджура не такая птица, которая всегда попадает в сети. Короче говоря, он не такой гость, которому следует отказать в уважении. Поскольку он искал убежище в этом государстве, вошел через двери его величества этого [государя], // (с. 138) то государи мира, правители разных стран ожидают, как решится его судьба. В похвале его достоинства и в восхвалении его могущества надо приложить старания и как же не учитывать его славу?» Фахр ад-Даула приказал, чтобы за счет податных поступлений из Джурджана приготовили бы все необходимое для проживания [Абу ʿАли], выделили ту сумму две тысячи шахских дирхемов, умноженные на тысячу, за счет сбора с урожая в тех пределах для того, чтобы [это] было распределено на нужды [его] войска.

Абу ʿАли и Фаик провели зиму в этой местности, пока не наступила весна, зазеленели луга, настала пора двигать войско...

Во время пребывания Насир ад-Дина Сабук-тегина и Сайф

ад-Даула в Нишапуре пронеслись слухи о том, что изменились их мнения об ʿАбдаллахе ибн Узайре. Его заподозрили в том, что в службе государю Нуху, он считает [себя] равным им, стремится сохранить везира за собой, некоторые вилайеты и икта' их[35]. Нух, желая уберечь своего везира и опасаясь мести, которая из-за этого злословия [может] постигнуть его, покинул [родину] и отправился в Тус[36].

Когда Сайф ад-Даула узнал об этом, он пошел к нему (т. е. Нуху). Он приложил старания, чтобы снискать его милость, освободить себе поле деятельности, подтвердить искренность [своих] // (с. 139) намерений, соблюдать отношения дружбы и покорности. Государь Нух отнесся положительно к его прибытию, проявил к нему ласковое отношение, и исчезла причина для страха. ʿАбдаллах ибн Узайр, побоявшись этих отношений, исчез. Он доехал до Мерва[37], Балха[38].

После того, как обе стороны пришли к соглашению и установились отношения искренности, государь Нух отправился вслед за везиром. Он [доехал] до Мерва, оттуда поехал в Бухару. Со спокойным сердцем, обретя счастье, он воссел на престол своего государства.

Эмиры Насир ад-Дина и Сайф ад-Даула в Нишапуре расстелили ковер справедливости, сострадания [к народу] и правосудия. Они отменили закон притеснения, искоренили нововведения и ереси, достойные порицания. Они держали весь народ, подданных в безопасности и спокойствии. Во всей Хорасанской области они отменили законы притеснения, тирании, [разрушили] основы насилия и произвола, которые существовали в дни ослабления власти [Саманидов], в период господства рода Симджура. Они издали приказ об отмене их (т. е. законов насилия), чтобы воцарилось спокойствие для всех. Вилайет благоустроился, стали ходить караваны купцов и торговцев. Они были избавлены от страха и опасности в пути. [В стране] появилось богатство и полное изобилие.

У эмира Насир ад-Дина Сабук-тегина // (с. 140) было намерение отправиться на некоторое время в Герат, чтобы возобновить договор, связанный с учетом своих земель, имущества, и он отправился в ту сторону.

Эмир Сайф ад-Даула Махмуд получил назначение на должность [управляющего] делами и поместьями, принадлежащими войску в Нишапуре.

Абу ʿАли и Фаик написали Фахр ад-Даула и просили его прислать из Рея[39] довольство для того, чтобы израсходовать его в целях самозащиты. Они показали, что средства из Джурджана, которые передали им для содержания [войска], недостаточны. Абу Наср хаджиб написал в ответ: «Письмо, которое было отправлено [Вами], я доложил Фахр ад-Даула. В ответ он соизволил сказать: «Казна государей подобна большой реке, которая при сильном волнении, обилии воды наполняет родники. Люди

удивляются и представляют ее огромной. Они не ведают о том, что она разделяется. Они не знают, что [река] теряет воды по многочисленным каналам, что она по частям поглощается людьми, нуждающимися [в воде], теми, кому [она] необходима. Если у нас имеются просторы вилайета, то этому противостоит [необходимость обеспечить] такой же [огромный] провиант для войска, для лиц алчных и для различного рода защитников [страны]. Если бы в наших руках оказались огромная провизия, [предназначенная] для хорасанского войска, и расходы, [связанные с его] содержанием, и мы взяли бы эти страны // (с. 141) в распоряжение нашего дивана и [Хорасан] присоединился бы к другим нашим владениям, [доходов оказалось бы больше]. Все, что было в наших силах, и все, что нам удавалось, мы сделали. Если же имеется просьба о большем, то трудно [выполнить ее]. Должно быть принято наше извинение по этому поводу». От подобного ответа Абу ʿАли и Фаик опечалились, впали в уныние. Они пригласили просвещенных членов свиты и посоветовались о том, как найти удобный случай и уладить дела. Каждый советовал по-своему. Некоторые говорили: «Необходимо овладеть Джурджаном и поднять в этом вилайете знамя призыва к Нуху, украсить и осветить монеты его почетными титулами, с помощью этой службы искать близость с ним, отправить [к нему] посла с выражением повиновения и покорности; написать письмо, выразить надежду на его помощь и поддержку, потому что предки царей династии Саманидов на протяжении всей долгой жизни стремились [овладеть] этими странами. Они истратили не поддающееся счету богатство; посылали войска в надежде завоевать эти [земли]; они, не щадя себя, жертвовали собой, но не достигали цели. О, если бы нам удалось, о пречистый, всепрощающий [бог], не испытывая трудности, и [без] заботы овладеть ими (т. е. этими землями)! Отдать в долг деньги // (с. 142) и продать наличный товар неизвестно за что, далеко не от требований ума». Выступил Фаик и сказал: «Сабук-тегин ушел из Нишапура, а у Махмуда нет сил противостоять нам. В Хорасане он — чужой. Чужое войско, словно горный поток, если он бурный, проходит очень быстро и очень скоро исчезает. Летнее облако быстро рассеивается. Наш план таков: надо идти на Нишапур, выгнать Махмуда из [тех] округов, овладеть вилайетом. Надо быть твердым, уверенным в том, что милости великого бога находятся за завесами неизвестности, судьба готова породить [новые] события... Сейчас настало лето, климат Джурджана гнилой, вызывающий холеру. Из-за гнилости воздуха наши войска измучаются. Если даже наш враг отступит, то и тогда мы окажемся слабыми. Когда [переменится] погода, спадет [жара], наступит осень, Гурган [окажется в наших] руках». Все войско одобрило это мнение. Одолевала любовь к родным местам, к семьям и домам. Согласившись на этом, закончили [совет]. Абу ʾАли поневоле пришлось считаться с их желанием, согласиться с ними.

// (с. 143) При этих обстоятельствах пришло известие о том, что Сахиб-и Кафи, который был светочем в темноте этого события, врачевателем для лечения этих бедствий, отдал богу душу, ответил согласием призыву смерти. В связи с этим Абу ʿАли отказался от мысли пребывать в Джурджане, ибо просьба [его] о покровительстве была обращена к месту, где находился Сахиб-и Кафи, который всегда прилагал старание к защите дел, направленных к благу и в его пользу и [который] побуждал Фахр ад-Даула, [принимая во внимание] его могущество, проявить усилия и усердие в устройстве его дел, оказать покровительство и помощь, чтобы он (т. е. Абу ʿАли) достиг своих желаний.

// (с. 217) *О выступлении Мунтасира Абу Ибрахима Исма'ила ибн Нуха и [о том], что произошло между ним и илек-ханом и эмиром Насром ибн Насир ад-Дином*

// (с. 218) Когда илек-хан взял Бухару, он схватил сыновей Нуха ибн Мансура: Абу-л-Хариса Махкуля, ʿАбд ал-Малика, Абу Ибрахима Исма'ила Мунтасира, Абу Йаʿкуба. Он захватил также их дядей: Абу Закарийа, Абу Салиха Гази, Абу Сулеймана и остальных членов саманидского рода; всех заключил [в темницу]. Братьев он разлучил, каждого держал в отдельной [камере], с тем, чтобы они не придумали вместе какую-нибудь хитрость и не нашли бы выхода [из темницы].

Абу Ибрахим Исма'ил ибн Нух облачился в чадру служанки, которая обслуживала и заботилась о них, и под покровом этой одежды бежал из темницы...

Когда Исма'ил Мунтасир вышел из темницы, он скрылся в доме одной старухи в Бухаре. Он притаился до тех пор, пока улеглось волнение, [перестала ощущаться] острота событий, и те, кто его искал, облачились в одежды отчаяния, перестали надеяться [найти] его. Затем в одежде неузнаваемости он отправился в Хорезм. Он подготовился к тому, чтобы победить [врага] // (с. 219) и отомстить [ему]. Остальные правители Саманидского государства направились к нему и собрали все войско.

Арслан Йалу, который был хаджибом его (т. е. Мунтасира), совершил нападение на Бухару. Он взял в плен Джаʿфар-тегина[40] вместе с другими семнадцатью известными эмирами хана и отправил [их] в Джурджанию, остальные спаслись бегством и направились к илек-хану. Арслан [Йалу] помчался вслед за ними и [достиг] пределов Самарканда, произвел резню. Когда он доехал до моста через Кухек, шихна Самарканда Тегин-хан по поручению илека со всем войском находился там. Группа людей, бежавших из Бухары, присоединилась к ним и вместе с Тегин-ханом направилась против Арслана Йалу. Арслан [Йалу] не отступил перед ними, а вступил в бой, вел сражение, нанес поражение и захватил все их добро.

Мунтасир прибыл в Бухару. Жители Бухары обрадовались его прибытию, поздравляли друг друга.

Когда илек-хан узнал об этом, он собрал войско и твердо решил вернуться.

Арслан Йалу прибыл к его величеству Мунтасиру. Они сочли удобным и благоразумным ехать на Амул-и шатт, устроить дела в тех областях и через пустыню // (с. 220) направиться в Абиверд, чтобы овладеть землями, принадлежащими ему [затем] оттуда направиться в Нишапур. Между ними и эмиром Насром ибн Насир ад-Дином произошло сражение у стен Нишапура. Эмир Наср, ввиду многочисленности [вражеского] войска и огромного их числа, проявил осмотрительность. Когда Джамшид-солнце окутался в черное покрывало темноты ночи, ночью, на караковом коне он отправился в Герат. Он покинул Нишапур. За всю ночь под покровом темноты он преодолел расстояние по степи и когда занялась заря на горизонте востока, он доехал до Бузджана[41] и оттуда направился в Герат. Стихи...

Как только эта весть дошла до султана [Махмуда], он тотчас же снялся с лагеря и поспешно прибыл в Нишапур.

Когда Мунтасир получил известие об успехе его знамен, он заранее снялся с лагеря и отправился из Исфара'ина. Он хотел извлечь пользу от взимания хараджа[42] в этих землях и побудить жителей согласиться [на это], однако это не удалось. Он принял решение [отправиться] в вилайет Шамс ал-Ма'али Кабуса. Он обратился [к нему] с мольбой о помощи и добился ее. Шамс ал-Ма'али в выражении уважения к нему, в услугах, достойных похвалы, дошел до таких пределов, [какие только] возможны. В числе // (с. 221) подарков и даров, которые он послал ему, [были] десять арабских коней с седлами, с золотыми уздечками; тридцать коней с седлами, инкрустированными серебром, с шелковыми попонами; двадцать мулов с седлами, [отделанными] серебром и золотом; тридцать верблюдов, нагруженных великолепными коврами, редкими товарами, грузом [изделий] из Табаристана[43]; с оружием, предметами, [необходимыми] для государей, тысячами шахских дирхемов, тридцатью тысячами динаров червонного золота, с пятьюдесятью разноцветных одежд из туштари[44] и саклатун-и азади [45], одеждами фахри [46], а также с хорьковыми мехами из [вилайета] Таки[47] и египетским льном[48].

Его войску он установил плату, чтобы [воины] тратили [ее] при важных и необходимых случаях. Он сказал ему (т. е. Мунтасиру): «В настоящее время тебе лучше отправиться в Рей. Я пошлю [туда] своих сыновей: Дару и Минучихра для службы под твоим знаменем, ибо трон Рея свободен. Дела в тех областях пришли в расстройство, вся страна нуждается в победоносном государе, в сильном падишахе. Правитель, о назначении которого был приказ, исчез. В настоящее время войско склонно к раздору, волнению, и невыполнению своих обязанностей. Нуж-

но потрудиться поехать в ту сторону, овладеть теми землями, установить эмирскую власть, спокойно собрать там войско и вернуться в Хорасан, потребовать наследственный [царский] дом».

// (с. 222) Мунтасир принял [во внимание] это указание. После того, как он погадал, он приказал [двинуться] в поход. Он остановился у стен Рея. Выступили воины, которые находились в Рее и разбили палатки против него. Они отправили послов к Арслану Йалу и Абу-л-Касиму Симджуру[49] и другим эмирам государства. Они [призывали] их вступить в союз [с ними], обольщая добром, которое было у них, обещая служить [им]. Мунтасира заставили отказаться от мысли [завоевать] Рей, сказав: «Слава [о твоем] достоинстве, величии при одном лишь упоминании о тебе выше того, чтобы ты сам пошел к месту встречи с людьми, которые готовы подчиниться тебе, сочтут за счастье служить под твоим знаменем, будут стремиться установить родственные отношения, заключить договор [о своем] выражении покорности. Ты слушаешь слова недоброжелателя, который хочет арестовать нас с помощью твоих подчиненных и сторонников. В твоей печи для выпечки хлеба, которая топится руками твоих подданных и приверженцев, он хочет печь пресный хлеб. Если дело завершится успехом, ему же будет польза; а если возникнут трудности или обнаружится слабость [в делах], этот позор останется на челе нашей судьбы». Мунтасир согласился с этими красивыми словами. Он снялся с лагеря [у стен] Рея и отправился в Дамган[50]. Дара и Минучихр покинули их и отправились в Джурджан. Этот совет (о завоевании Рея) // (с. 223) был бесполезным...

Когда Мунтасир прибыл в Нишапур, там [уже] находился эмир Наср. [Мунтасир] подумал: «Если остановиться [здесь], то [Наср] окажет сопротивление. Не следует подвергаться сглазу». Он ушел оттуда и отправился к Бузджану[51].

В [месяце] шаввале 391 г. Мунтасир снова остановился в Нишапуре. Он послал сборщиков налога в подвластные ему местности. Он начал требовать уплаты [налога] с имущества и торговую пошлину.

Предводитель войск Хорасана Абу-л-Музаффар[52] ибн Насир ад-Дин попросил помощи у султана [Махмуда]. Тот послал на помощь ему хаджиба Алтунташа, который был правителем Герата, со всем войском. Поскольку [Наср] надеялся на силу этой помощи, то он направился в Нишапур. Мунтасир послал против них Арслана Йалу и Абу-л-Касима Симджура. Между ними произошло много сражений. Войско эмира Насра победоносным мечом вызвало у войска Мунтасира крик о помощи и наконец нанесло ему поражение, [что соответствовало стихам]: «Они поворачиваются вспять из отвращения»[53], «Дело Аллаха было решением предрешенным»[54].

Эмир Наср отправился в Нишапур. Жители города обрадовались [этому], украсили [город], начали рассыпать серебро и золото.

Мунтасир выступил по дороге, ведущей в Абиверд. // (с. 224) Войско Насра отправилось вслед за ним с целью разбить его в пределах Джурджана. Шамс ал-Ма'али Кабус для оказания сопротивления ему (т. е. Мунтасиру) послал две тысячи горцев-курдов, [с тем, чтобы] они дали отпор Мунтасиру и отбросили бы последнего из пределов его (Кабуса) страны. Он (т. е. Мунтасир) оказался бессильным перед этой трудностью. Он понял, что у ворот Рея он принял неправильное решение, сбился с верного пути, не поступив по указанию Кабуса, отвергнув его совет. Он рассердился и на Арслана Йалу по той причине, что тот пользовался [слишком сильной] властью в важных делах [управления] страной и говорил неправду [с целью вызвать ссору]. В сердце Мунтасира усилился страх, укрепилось чувство мести [по отношению к Арслану Йалу]. Бегство [его] от эмира Насра [во время битвы] в Нишапуре объяснили по-другому, [говоря]: «Из-за соперничества с Абу-л-Касимом Симджуром, из чувства зависти [к нему] на этом поле битвы он не проявлял старания и вступил на путь малодушия». Такое отношение [людей] помогло усилить злобу его (Мунтасира) [по отношению к Арслану Йалу]. Мунтасир, разозлившись, убил [его]. От этого события возмутилось войско. Все начали говорить об отказе служить Мунтасиру и о последнем инциденте. Абу-л-Касим Симджур принялся исправлять положение; он старался потушить огонь, погасить этот раскаленный уголек. Чтобы все успокоились и исчезли бы волнения // (с. 225) и возмущение, согласились двинуться по направлению к Серахсу[55] с целью получить поддержку владельца этой местности, который был сыном известного факиха: последний был слепо предан Мунтасиру. [Фаик] оказал ему добрую услугу, помог ему имуществом и оружием.

Когда он (Мунтасир) прибыл в Серахс, он восстановил [свои силы] благодаря средствам, [выделенным ему] из налоговых поступлений этой местности, поддержке и помощи и содействию владетеля [Серахса].

Предводитель войск [Хорасана] эмир Наср знал, что пребывание их в этой местности является напрасной надеждой, тщетной мечтой. Он обрушился на них с многочисленным войском. Мунтасир выступил со своим войском и встретился лицом к лицу с ним. Между ними произошло жестокое сражение. Одержали победу воля с небес, божье предопределение, [помогла] непрерывно повторяемая молитва благочестивых. С места дуновения божьей милости повеял ветер согласия с успехом эмира Насра, западный ветер, [несущий] бедствия, рассеял в прах войско Мунтасира. Абу-л-Касима Симджура, связанного веревкой, привели к эмиру Насру. Оказался в плену и Тузташ хаджиб, который, был броней, другом-помощником, самой надежной опорой Мунта-

сира; большая часть войска последнего оказалась пленником судьбы. Всех их в одежде позора и унижения повели в Газну.

Мунтасир, растерянный, блуждая, стал бродить по опасным дорогам. Эмир Наср, покровительствуемый счастьем [в приобретении] власти, // (с. 226) [божьей] помощью, с победой направился в свой стольный город величия.

В результате бегства Мунтасир оказался среди тюрков-гуззов. Они хвастались [своей] службой династии Саманидов, [тем, что] питали любовь и дружбу к этому дому, [поэтому] прибытие его (Мунтасира) сочли для себя гордостью; сочли самой высокой честью приложить старания, чтобы [помочь] ему в достижении цели. Они выразили готовность оказать ему помощь и поддержку. Они побуждали друг друга чтить достоинство, благородный дом и щедрость, [проявленную Саманидами] по отношению ко всем им. Под его (т. е. Мунтасира) знаменем они пошли к вилайету илек-хана. Когда хан узнал о прибытии Мунтасира, он выступил против него. Из числа тюрков [своих] приверженцев, он собрал много народу. Он прибыл в пределы Самарканда. Войско гуззов стало бояться его... Они совершили внезапно ночное нападение на илек-хана. Когда ладья утра из пучины темноты выбралась на берег горизонта, они напали на его войско. Группу знатных лиц его они захватили в плен, часть предали мечу, ограбили их склад, [взяли] оружие. Они захватили много военной добычи в виде имущества и вещей их и вернулись к себе. // (с. 227) Они не выдали Мунтасиру пленных, которые были у них.

Передают из уст в уста, что гуззы сожалели о том, что воевали с илек-ханом, извиняются на [это]; освободив пленных, они будут искать с ним (с илек-ханом) дружественных отношений. Мунтасир угадал их мысли и потерял покой. Он выбрал около семисот всадников из надежных своих приближенных и ушел [с ними] от гуззов. Когда он доехал до берега Джейхуна, [оказалось, что река] покрыта льдом. Он приказал засыпать его [лед] соломой. Они переправились через него и скрылись. Когда войско гуззов догнало их, взошло солнце, место переправы растаяло, переправиться оказалось невозможным.

Мунтасир остановился у Амул-и шатт. Он послал письмо султану [Махмуду]. Он напомнил ему об обычаях предков, о предводителе тех благородных людей [Сабук-тегине]. Он жаловался на [свои] тяжелые условия, [на то, что] тянутся дни невзгод, что усилились волны горя, что он страдает на чужбине и хотел бы найти приют под покровительством его милости, сочувствия и сострадания, под сенью его расположения. Он вложил в руки воли и стремлений его (Махмуда) бразды повиновения и подчинения и сказал: «Если благодаря присущей тебе милости, книге твоей щедрости я буду наделен напитком из «живой воды», // (с. 228) в течение некоторого времени [обрету] предметы необходимости, я вдену в ухо кольцо служения [тебе], буду

готов повиноваться [твоей воле]. Если устроите меня под сенью [своей] милости, я буду близким вашему высочеству, как [Ваша] тень. Если в моем мрачном доме будет твоя свеча, подобная солнцу, я не откажусь от твоего двора как от лунного света [даже] при наличии факела». Такие слова он начертал на страницах [своего послания]. Из обиталища мыслей он наполнил шкатулку этого послания жемчугами чистой воды [слов]. Боясь вреда, [который могли бы причинить] тюрки-гуззы, он уехал из Амуля и отправился в Мерв. Он послал человека к сыну [своей] сестры Абу Джа'фару и просил у него помощи, чтобы поправить свои дела, и удовлетворить [свои] нужды; просил помочь оружием и снаряжением. А тот был одним из низких презренных людей, который при господстве династии Саманидов приобрел власть, получил удовольствие от жизненных благ. Вследствие подлости своей натуры, низменности помыслов, из-за низкой природы не имел права называться отцом, он спокойно отказал в помощи такому государю, отверг его просьбу. Не ограничившись этим, он выступил против него, вышел сражаться с ним. Гулямы Мунтасира одним натиском рассеяли его свиту, уподобив буквам алфавита. Мунтасир отправился по дороге в Абиверд. // (с. 229) В одном из месяцев 394 г. он остановился у ворот Абиверда.

Получив послание [Мунтасира], султан [Махмуд], оказывая уважение послу, удовлетворил [его] желания; показал щедрость натуры, чистоту помыслов, свет своей благородной природы. Он послал [Мунтасиру] груз достойных [предметов]. Он приказал сыну племянника [Мунтасира] со стороны матери взять на себя обязательство служить ему, быть внимательным, чтобы удовлетворить его нужды, проявить внимание к имуществу его (Мунтасира). Тот поневоле с покорностью стал служить Мунтасиру, не получая [однако] вознаграждения, не удостаиваясь похвалы; начал осуществлять желания его (Мунтасира). На лике его судьбы появились пятна осуждения, повлекшие позор на многие годы.

Абу Наср ибн Хаджиб, из эмиров султан [Махмуда], находился в этой местности. Когда Мунтасир прибыл в те края, тот начал с любовью [служить ему], приложил большие усилия для обеспечения победы его войск. Жители Нисы не поддержали его решения, [усматривая] в этом враждебность султану, сопротивление его власти. Они остерегались опасных последствий, как бы не обвинили их за этот проступок в согласии с действиями Абу Насра. Они отправили письмо хорезмшаху и попросили помощи. Тот послал Абу-л-Фазла хаджиба, который был из числа знатных лиц его, чтобы предотвратить вред, [который могло бы причинить] это войско, и [повлечь] большой позор. Абу Наср снял завесу сомнения // (с. 230) и отправился, чтобы служить знамени Мунтасира. Они (Абу Наср и Мунтасир) встретились в районе (рустаке) Астау[56]. Они сражались с Абу-л-Фазлом и с войском Хорезма в полночь, когда темнота, подобная смоле, лиша-

ла зрение силы видеть людей, различать предметы, [когда] перед глазами поставили стену из темноты. Они безжалостно наносили друг другу удары мечом, стрелой и копьем до тех пор, пока сокол утра не распростер крылья в гнезде-горизонте.

Когда невеста дня смыла краску темноты, Абу Наср хаджиб и его сын Хусам ад-Даула Таша с отрядом приверженцев Мунтасира были убиты на поле битвы, другие разбрелись.

В результате бегства Мунтасир очутился в Исфара'ине. Жители его, опасаясь бедствия, начали оказывать ему сопротивление. Он и отряд мужей Исфара'ина, которые остались при нем, обвели кругом своих, наподобие быка, приводящего в движение мельницу, обессиленные, упрекая себя, двигались окольными путями, пока не оказались в пределах Серахса. Мунтасир в течение нескольких дней находился в этой местности, пока не подоспели воины, которые были рассеяны. Он переправился через Джейхун и остановился на берегу Кутнана[57].

Шихна Бухары выступил для оказания сопротивления Мунтасиру; последний же не имел иного выхода, // (с. 231) как решиться выступить против него. Между сторонами произошло много сражений. Мунтасир с огромными усилиями спас свою жизнь и засел в крепости Нур[58]. Шихна Бухары отправился в Дабусию[59] в Согде. Он взял с собой войско, которое находилось в этой местности. Исма'ил Мунтасир вновь напал на них из крепости Нур, разрушил их строй и рассеял [их] всех.

Сын ʿаламдара (знаменосца), который был предводителем войска Самарканда, высказал беззаветную преданность Мунтасиру — он присоединился к нему с двумя тысячами воинов. Ходжи Самарканда послали ему в подкрепление триста тюркских гулямов с огромным количеством имущества. Присоединился к нему также отряд из войска гуззов. Он (Мунтасир) рассчитывал на их помощь. Вновь разгорелось пламя сражения.

Когда илек-хан получил весть о восстановлении сил, усилении могущества его (Мунтасира), он приготовился к войне с ним. Они сражались в селении Бурнамад[60] в окрестностях Самарканда. Хан обратился в бегство. Племя гуззов забрало у его войска огромное количество военной добычи, неисчислимый запас провизии. Это событие произошло в [месяце] шабане 394 г.

[Илек-хан] отправился в свой вилайет. Он собрал войско и направился против Мунтасира. Племя гуззов покинуло его ,(Мунтасира) и отправилось к своим обиталищам и домам и занялось распределением военной добычи.

// (с. 232) Хан (илек-хан) дал сражение Мунтасиру на равнине между Дизаком[61] и Хавасом[62]. [Когда] оба войска встретились и [выстроились] друг против друга, Хасан ибн Так с пятью тысячами воинов, которые подчинялись Мунтасиру, изменил последнему и перешел на сторону илек-хана. Мунтасир поневоле избрал путь бегства. Хан учинил расправу над его войском. Облаком меча, проливающего [кровь], он утопил горы и степи в

потоке крови. От этого народа диким зверям, орлам-стервятникам досталась великая добыча.

Мунтасир прибыл к берегу Джейхуна; не нашел судна; связал несколько бревен и спасся от бедствия, [которое могло причинить] войско хана. Он переправился через реку и поспешно отправился в Андхуд. Он увел стада, которые нашел на пастбищах в тех лугах и распределил их между своими воинами. Через пустыню он прибыл в Пул-и Загул[63]. О его прибытии дали знать султан [Махмуду]. До того, как он (Мунтасир) устроил дела, поправил свое положение, [Махмуд] поспешно прибыл в Балх. Он послал Фаригуна ибн Мухаммада с отрядом численностью сорока человек из эмиров для изгнания толпы [врагов], чтобы вытеснить мятежников [Мунтасира]. Мунтасир не устоял перед ними; он направился в Кухистан[64], ибо в целом мире он не находил прибежища, не видел лика своих желаний. Куда бы он не обращался, // (с. 233) он обнаруживал лишь дракона с открытой пастью, куда бы он не спешил, видел только льва с отточенными когтями.

Когда он (Мунтасир) прибыл в Кухистан, Наср ибн Насир ад-Дин и правитель Туса Арслан хаджиб, а также правитель Серахса Туганджук (Туганчук) стали его преследовать. От страха перед ними Мунтасир отправился в Джуманд (Джуйменд). Оттуда он прибыл в Бистам[65]. Шамс ал-Маʿали Кабус послал против него две тысячи воинов из богатырей Шахджахана[66], чтобы вытеснить его (Мунтасира) из тех районов. Затем [Мунтасир] оказался в Бийаре[67]. Отсюда он поехал в Нису. Нисар-и Сурхак [сын Сурхака] Самани послал ему письмо (Мунтасиру). Он пленил его разговорами, [льстящими его] гордости. Он обещал ему (Мунтасиру) помощь и поддержку в борьбе против илек-хана. [Мунтасир], поверив этому, поехал в Бухару. Когда он доехал до Чах-и Хаммад, его войско, утомленное от трудностей в походах, от перенесенных несчастий и опасностей, изнеможденное от непрерывных битв, покинуло его и пошло к Сулейману и Сафиʿ, которые были хаджибами илек-хана. Они сообщили [илек-хану] об истощенности верховых животных его (Мунтасира), об обиде [его] на воинов-всадников, о скитании его воинов, о том, что от него отвернулся лик его упований.

Когда Мунтасир узнал [об этом, оказалось], // (с. 234) что целое войско окружило его палатку. Некоторое время он воевал с ними, затем обратился в бегство. Его братьев и приближенных схватили в Рабат-и Бушри и повезли в Узгенд. Мунтасир очутился в стойбище арабов-бедуинов племени бухайдж. Некто по имени Махруй был главой их, [назначенный] султан [Махмудом]. Он подстрекнул их (арабов) совершить покушение на него [Мунтасира]. Когда настала ночь, легкомысленные люди того араба напали на него (Мунтасира) и развеяли по ветру его дорогую жизнь... пролили на землю его благородную кровь... Тело

его предали земле в селении Маймарг[68] в Рудбар-и Замм[69], в месяце раби I 395 г.

// (с. 275) *О том, как [в начале было] согласие между султан [Махмудом] и илек-ханом, а затем [дело] завершилось враждой*

После того, как султан [Махмуд] очистил Хорасан от враждебных [ему людей], уничтожил врагов из династии Саманидов, илек-хан овладел Мавераннахром. Он схватил правителей саманидского рода, их сыновей и потомков, очистил эту землю от корней и семян их. Он написал письмо султан [Махмуду], // (с. 276) поздравляя его с приобретением наследственного Хорасана. Между ними произошло сближение, установились дружественные отношения. Взаимоотношения искренности и дружбы завершились союзом.

[Еще] в те времена, когда султан [Махмуд] прибыл в Нишапур, чтобы изгнать Мунтасира, он отправил с посланием к илек-хану Абу Таййиба Сахла ибн Мухаммад ибн Сулаймана ас-Са'луки, который был имамом, [знатоком] хадисов. Вместе с ним он отправил правителя Серахса Таганджука. Он пожелал сосватать одну из благородных [дочерей] его (илек-хана). Для [установления] дружбы с ним он послал несметное число редкостных товаров: слитки самородного золота, яхонт [сорта] бахрамани, благородные жемчуга, перлы, тюки платьев, [куски] амбры [величиной] с яйцо, золотую и серебряную посуду, полную благоухающей камфоры, и другие произведения индийской земли; кусты алоэ, мечи индийские, боевые слоны в разноцветном убранстве и [такие] пояса, инкрустированные драгоценными камнями, что разум изумлялся при описании жемчугов на них; в глазах становилось темно от их блеска; славные кони с седлами и с позолоченными уздечками, а также другие драгоценные вещи и предметы, [о которых можно] только мечтать.

Когда Абу Таййиб достиг страны тюрков, // (с. 277) [жители] очень сильно обрадовались этому, возликовали. В уважении и почитании его достоинства они дошли до крайних пределов, как из-за уважения к султан [Махмуду], так из-за большой учености и превосходства его (имама) в различных науках, поскольку для своей эпохи он был бесподобным во всех областях знаний, в особенности в фикхе, в разрешении противоречий в [правовых] вопросах. Он находился в Узгенде, чтобы приготовить все необходимое для торжественных проводов невесты в дом жениха. Цель была достигнута. Он вернулся счастливый оттого, что, благодаря стараниям, он достиг цели. Он приобрел ту редкостную жемчужину (дочь хана), ради которой опустился в глубину моря Туркестана. Он направился к султан [Махмуду] с тяжелыми вьюками, с [товарами], привезенными из страны тюрков, как-то чистое золото, чистое серебро, мускус в мешочках, хутталанские

кони, луноликие гулямы, служанки из Хата, белые соколы, кипы павлиних перьев, меха горностая и соболя, драгоценности китайские и разные другие вещи. Между двумя сторонами был заключен прочный союз и родственные отношения. Были определены общие пастбища для скота, [начался] обмен изделиями и взаимными услугами. На протяжении долгого времени дела шли в таком порядке и [продолжались] до тех пор, пока из-за сглаза судьбы не стали мрачными пути дружбы. По дьявольскому наущению был расторгнут союз.

// (с. 292) *О переправе илек-хана через Джейхун с целью направиться в Хорасан*

Между султан [Махмудом] и илек-ханом дружественные отношения взаимное доверие существовали до тех пор, пока не расползлись реки мятежа, не вспыхнули смуты лжецов и завистников. Тогда были разорваны нити дружбы, запылал огонь вражды [между ними]. Илек выжидал удобного случая, [чтобы иметь] возможность проявить открытую вражду и оскалить зубы.

Когда знамена султан [Махмуда] оказались далеко — двинулись на Мультан, а просторы Хорасана очистились от грибов могущества, грязи его присутствия, [илек-хан] послал на Хорасан с огромным войском Сюбаши-тегина, который был его родственником и предводителем войск. Джа'фар-тегина он назначил на должность шихна в дар ал-мульке Балхе.

Правитель Туса Арслан-хаджиб находился в Герате и был уполномочен султан [Махмудом на то, чтобы], если в какой-либо стране // (с. 293) обнаружится слабость или где-либо возникнет мятеж, он должен был находиться в Газне. Поэтому тот покинул Герат и отправился в Газну. Сюбаши-тегин прибыл в Герат. Он послал в Нишапур Хасана ибн Насра, одного из знатных лиц Хорасана, чтобы собрать налоги, [объявить] список, содержащий данные о распределении налогов. Некоторые области Хорасана установили с ним дружественные отношения, [оказали] помощь. Причина [этого заключалась] в долгом отсутствии султан [Махмуда], отсутствии о нем вестей, в исчезновении следов [его]. Это породило ложные слухи, вызвало у всех возмущение умов, страсть в сердцах к мятежу, [разнеслись] ложные вести и слова, [вводящие] в заблуждение.

Везир [султан Махмуда] Абу-л-'Аббас ал-Фазл ибн Ахмад проявил большую бдительность в охране дорог, границ страны от Газны до пределов Пянджхира[70]. Ходы и выходы тех областей он доверил людям храбрым, бдительным защитникам. Он отправил к султан Махмуду быстрых гонцов, [известил] о положении дел у илек-хана и о вторжении его во владения Хорасана.

Султан [Махмуд] пренебрег делами той страны (Индии) и, словно ослепительная молния или резкий ветер, промчался по полям, обширным равнинам и ущельям. За короткий срок он до-

ехал до Газны. Он обнадежил милостями, подарками своих приближенных и не пользуясь известностью в государстве людей, [раздав] вьючных, верховых животных и [подарив вещи], о которых [только] можно мечтать. // (с. 294) Из тюрков-халаджей[71] он собрал огромный отряд, великолепное войско. Стихи... Он прибыл в Балх, подобно волнующемуся морю, туче, проливающей ливень. Джаʿфар-тегин, убегая [от него], как див от «ла хаула»[72], помчался по направлению к Термезу. Для преследования его султан [Махмуд] послал Арслан-хаджиба с десятью тысячами всадников.

Когда Сюбаши-тегин добрался до берега Джейхуна, он увидел бурлящую реку и кричащую толпу и повернул назад. Он прибыл в Мерв, чтобы ехать через пустыню. [Стояла такая жара, что] сгорела одежда лета, колодцы жаждали [воды], дороги исчезли, путь для передвижения стал труден. Он направился в Серахс. Мухсин ибн Таг, который был эмиром племени гузов, преградил ему путь и оказал ему сопротивление. Сюбаши-тегин одержал над ним победу — схватил его и разрубил пополам. С обеих сторон погибло много людей. Сюбаши-тегиш из-за [преследования] приверженцев Арслана-хаджиба не имел возможности останавливаться и не располагал удобным случаем для отдыха. Он направился в Абиверд, оттуда поехал в Нишапур. Арслан-хаджиб останавливался на каждой стоянке, покинутой им (Сюбаши-тегином). По причине множества грузов и вещей, которые были приобретены [Сюбаши-тегином] в районах Герата, // (с. 295) он оказался бессильным [ввиду недостатка времени даже] упаковать эти драгоценные вещи. Он бросался направо и налево, чтобы спасти их (вещи) и в конце концов сделал мишенью свою жизнь. Он взвалил на плечи тяжесть грузов и груз тяжести и направился в сторону Симбара [73]. Войско [султана] преследовало его до тех пор, пока он не очутился в пределах Джурджана. Он держал путь по лесам и холмистым местностям Карагеле[74] вилайета; протянули руки к грабежу и убийству. Они нанесли сильный удар приверженцам его. Группа его подданных бежала, [чтобы найти] убежище и защиту у Шамс ал-Маʿали. А он (Сюбаши-тегин) по дороге в Дехистан[75] прибыл в Нису. Оставшиеся при нем грузы он послал хорезмшаху ʿАли ибн Маʿмуну и вручил он [их] как товар, отданный на хранение, [предназначенный] для илек-хана. Он велел сохранить их...

Некоторые [славные] мужи войска, оставшаяся свита ушли вместе с ним (Сюбаши-тегином). Он направился в Мерв через пустыню.

Султан [Махмуд] находился в Тусе и ждал, как сложатся обстоятельства Арслан-хаджиба. Когда он узнал, что Сюбаши едет через пустыню, он поехал по пути, [ведущему] в Мерв, полагая опередить его (Сюбаши), // (с. 296) и завлечь в сети мести. Когда султан прибыл [в Мерв, оказалось, что] он (Сюбаши), уже проехал через пустыню. Он послал Абу ʿАбдаллаха Таи с

войском из арабов, предводительствуемых им, для преследования его (Сюбаши-тегина)...

Посреди пустыни, где не было никакой влаги, кроме слюны дьявола, где не было зелени, кроме [зеленоватого отблеска] меча, [войско султана] схватило брата его (Сюбаши-тегина) вместе с 700 человек вельмож и предводителей войск и привело их к султан [Махмуду]. Султан велел устроить подмостки из мечей каждого [пленника] и поставить их голыми ногами на [эти мечи] и повезли всех их в Газну, чтобы люди обратили внимание, какое злосчастье ожидает враждебность [по отношению к султану] и нарушение договора [с ним].

Сюбаши-тегин спасся с малым числом людей; переправившись через Джейхун, он отправился к илек-хану.

Еще раньше илек-хан послал Джа'фар-тегина с шестью тысячами // (с. 297) всадников в Балх, чтобы отвлечь внимание султан [Махмуда] от Сюбаши-тегина. Султан не обратил на них внимания до тех пор, пока не закончил дела, [связанные] с Сюбаши-тегином. Затем он пошел на них и напал на них внезапно.

Эмир Абу-л-Музаффар Наср ибн Насир ад-Дин выступил против толпы [врагов], чтобы пресечь их мятежи, изгнать всех из пределов Хорасана.

Илек-хан от этого рассказа потерял покой. Он написал письмо, крик о помощи, государю Хотана Кадыр-хану[76], призвал его помочь.

Пришло в волнение тюркское войско, направляющееся к нему (илек-хану) из отдаленных мест, своих обиталищ. Он (илек-хан) собрал войско Мавераннахра и переправился через Джейхун с 50 тысячами человек, гордый силой и могуществом Кадыр-хана, многочисленностью [его войска], незыблемостью союза с [Кадыр-ханом], обширностью его [владений], могуществом [его].

Весть о его наступлении дошла до Тохаристана[77], до султан [Махмуда]. Тот сразу же снялся с лагеря и направился в Балх, чтобы отбить охоту у них нападать на те области и отрезать им путь к провизии и дорожным припасам. Он занялся приготовлением военного снаряжения, собрал огромное войско из тюрков, халаджей, индийцев, афганцев, из племени гуззов. // (с. 298) [Войско] остановилось около Пул-и Чархийан, на обширной равнине в четырех фарсахах от Балха. Стих...

Илек со своим войском остановился против войска султана. В тот день юноши [обеих сторон] сражались до тех пор, пока не был расстелен ковер ночной темноты и тогда оставили поле боя. Султан занялся построением войска. Он доверил центр войска своему брату эмиру Насру и правителю Джузджана Абу Насру Фариғуни, а также Абу 'Абдаллаху Таи, [возглавлявшему] отряд курдов и войско из индийцев. Он поставил на правое крыло великого эмира хаджиба Алтунташа, левое крыло он передал Арслан джазибу. Центр войск своих он укрепил пятьюстами слонами.

Илек-хан в центре войска находился сам. На правое крыло он определил Кадыр-хана с войском Хотана. Левое крыло он передал Джа'фар-тегину.

Войска встали друг против друга. Грохотом барабанов наполнился мир и застонал от страха перед блеском мечей. // (с. 299) От пыли голубое небо стало темно-синим. В темноте на поле битвы [воины] находили свет лишь в блеске мечей, в свечах своих копий. Из грозовых туч, [вызванных] мечами, начал лить кровавый дождь.

Илек-хан поставил пеших воинов из пятисот тысяч тюркских гулямов, чтобы они в битве с войском [врага] рассекали волосы стрелой, а ударом меча сдвигали гору с места. Забушевало море сражения, задрожала земля на поле битвы.

Когда султан [Махмуд] воочию увидел исключительную силу, храбрость, неисчерпаемую силу того народа, он поднялся на холмик, сошел с коня и стал отправлять молитву величайшему богу. Подняв правую руку с запыленным лицом, он вцепился в подол милости вечного [господа], прибег к его защите, просил у него помощи облегчить победу. Покорно обратившись с мольбой к богу, велик он и славен, дал обет, обязался [раздать] милостыню. Затем он сел на своего слона с полной уверенностью в победе и с чистыми помыслами предпринял нападение на центр войска илека. Его слон схватил знаменосца илека и бросил его в воздух. Огромной силой, силой [своей] тяжести он затоптал многих людей, хоботом скидывал с коня всякого [попавшегося] человека и бивнями разрывал на части. Государственные мужи // (с. 300) султана волновались, жаждуя [воспользоваться] удобным случаем и радуясь победе, мечи их начали поражать врагов, копья [стали] произносить хулу...

Тюркское войско оставило позиции и пошло по пути бегства. Войско султана вынудило их отступить в Мавераннахр. В Хорасане от них не осталось и следа.

// (с. 331) *Состояние дел [илек-]хана после возвращения в Мавераннахр*

Йамин ад-Даула ва амин-ал-Милла [султан] Махмуд отбросил и обратил в бегство тюркское войско. После этого он послал лазутчиков разыскать илек-хана и его брата Тугана и навести справки [о них]. Туган-хан пожелал [перейти] на сторону султана. Он выказал свою верность договору и союзу, которые он заключил с султаном в прошлом. Через послов он подтвердил [свою] открытую вражду к илек-хану. Он отрицал [слухи о том, будто] собирается вторгнуться с отрядом [всадников] в вилайет султана и разорить. [Намерение] совершить такое преступление он приписал ему (илек-хану).

Убедившись в предательстве брата, в его коварстве, илек-хан // (с. 332) понял, что тот оставляет [его] без помощи и выступает против него. Он направил все свои помыслы исключительно на то, чтобы сначала расправиться с домашним врагом, источником его мятежа. С войском Мавераннахра он отправился в вилайет своего брата с решимостью воевать с ним.

Когда он приехал в Узгенд, было много снегу, не было пути. Он вернулся обратно, [решив возобновить поход], когда прекратятся бури, спадут холода, кончится зима.

Когда плавильщик весны растопил серебро-снег в порах земли, земля сняла с себя кольчугу изо льда и оделась в наряд зелени, и мир снова стал молодым, илек-хан отправился с намерением одержать победу над братом; со своими приверженцами двинулся против него.

От каждого брата прибыл посол к его величеству султану [Махмуду]. Оба посла много спорили и пререкались, приписывая [хану] другое предательство [по отношению к султану]. Султан не обращал внимания на многословие их (послов), чрезмерный гнев [их] до тех пор, пока по этому поводу не произошла [между послами] рукопашная схватка. Тогда [султан] пригласил [их] к месту пиршества. Он приказал, чтобы на месте пиршества выстроили всадников и слонов в чепраках.

Всюду вокруг ковров и накрытых скатертей стояли рабы и тюркские гулямы в таком великолепном наряде, // (с. 333) что если бы увидел это Карун[78], он сказал бы: «О, если бы у нас было такое...» Меджлис султана был устроен так: две тысячи тюрков-гулямов выстроились друг против друга в разноцветных одеждах, а пятьсот личных гулямов [султана] стояло близко к меджлису в румийских каба[79], с золотыми поясами, украшенными драгоценными камнями, с индийскими мечами в золотых ножнах, поднятыми на плечи. Перед местом пиршества стояло сорок слонов на привязи в вышитых чепраках, в попонах с бляшками, в дорогом разрисованном убранстве, в повязках из золотой парчи на голове, в золотой сбруе, украшенной драгоценными камнями. Позади обеих скатертей с едой стояло семьсот слонов, похожих на вьючных верблюдов, подобных горе, видом напоминающих дьявола, в чепраках из румийского шелка. Все войско было одето в кольчуги дауди, со шлемами фаранги на голове. Пешие воины стояли с обнаженными мечами, держа щиты перед собой, держа копья. Перед местом пиршества султана стояла группа хаджибов, подобных солнцу и луне, держась за рукоятки обнаженных мечей, внимательно смотря на повелителя, слушая его. Послам // (с. 334) дали аудиенцию. Они пришли к месту пиршества, сильно смущенные одним этим видом. Они выполнили условия выражения почтения, необходимые условия верноподданства. Когда их ввели в помещение для пиршества, они увидели рай, украшенный золотыми и серебряными чашами и блюдами, поставленными слоями на инкрустированные драгоценными

камнями блюда, чудесные подставки. Перед троном султана было сооружение с куполом, доски и косяки его были прикреплены золотыми гвоздями и болтами; [пол] был устлан румийскими и китайскими коврами и шелком. На почетном месте пиршества была поставлена жаровня, вокруг нее были расположены домики в форме четырехугольников, восьмиугольников, шестиугольников и круглой [формы]. Каждый домик был наполнен одним из видов драгоценных камней, блеск которых вызывал изумление и мрак в очах. Все были единодушны в том, что ни в какой век, ни у царей Персии, ни у кайсаров Рума, ни у экйала[80] арабов, ни у тубба[81] Йемена, ни у государей Индии не было подобного рода драгоценных камней. У места пиршества были поставлены золотые блюда, полные лучшего мускуса, серой амбры, ароматной камфоры, алоэ из Кумара (Камбоджи), отлитых [из золота] лимонов, апельсинов, дынь, а также [иных] фруктов и плодов, сделанных из золота, // (с. 335) гроздей винограда из бадахшанского рубина.

Когда принесли вино, группа юношей с чашами прозрачного вина, чистого, как родниковая вода, стала обходить кругом собрание людей, [подавая им вино], словно драгоценную, бережно хранимую жемчужину. Послы были изумлены, растеряны оттого, как [чудесно] был устроен этот пир, украшено это пиршество.

Когда подошло время, послы попросили [разрешения] уехать. Султан проводил их, обеспечив [им] полную безопасность, [снабдив] необходимыми вещами, дорогими царскими подарками.

Два брата (илек-хан и Туган-хан) были в ссоре до тех пор, пока султан не выступил посредником и не уладил их отношения. Он постановил, чтобы оба брата вложили меч вражды в ножны и каждый довольствовался бы своим вилайетом. [О том], как закончатся их дела, будет сказано в своем месте, если захочет великий Аллах.

// (с. 391) *Об илек-хане и о том, как закончились* [*его*] *дела*

После того, как илек-хан бежал из Балха, он отправился в свой вилайет, расстроенный, досадуя на [свою] слабость, сожалея о том, что растерялся ввиду слабости. Он упрекал своего брата Туган-хана // (с. 392) за то, что тот [пренебрег] договором о помощи, проявил бесчувствие, не оказав ему поддержки. Он отправил посла к Кадыр-хану с просьбой о помощи, но предопределение с небес проявило упрямство по отношению к нему, судьба была суровой и жестокой, [не допустив] осуществления его желаний. От этого горя он слег в постель смерти и переселился из тленного мира в мир вечный. Алчность его была удовлетворена пищей-прахом. Его высокие помыслы, которые равнялись вращающемуся небу и судьбе, были схвачены рукой рока... Он (илек-хан) скончался в 403 г. Его брат Туган-хан овладел Мавераннахром. Он

установил мирные отношения с султан Махмудом; исправляя ошибки и проступки брата, он обязался проявлять искреннюю дружбу к [султану] и предпочел [установить] близкие отношения [с ним].

Со стороны Китая выступило войско со ста тысячами палаток, [высказывая] вражду по отношению к нему, посягая на мусульманские города, [войско] столь многочисленное, что подобного еще никто не видел на земле. Целью [неприятеля] было погасить свет ислама, воздвигнуть дворцы для идолов. Они не знали, что помощь веры Мухаммада, да благословит его Аллах, да приветствует, опрокинет знамя любого мятежника, // (с. 393) сбросит на землю любого бунтовщика.

Для отражения их Туган-хан призвал войска с различных сторон мусульманских стран. Он собрал сто тысяч войск из приверженцев веры и добровольцев. В сердцах мусульман возник сильный страх [от мысли того, как бы] не покосилось здание ислама. Страх и горе укоренилось в сердцах [мусульман]. Проповедники в мечетях и молельнях воздели в молитве руки. Они направили помыслы на то, чтобы закрыть двери насилия врагов веры. Туган-хан выступил против этой толпы [врагов], решившись идти [им] навстречу, [не страшась] гибели, готовый жертвовать жизнью, удостоившись мученической смерти, с надеждой на [исполнение] обещания перед великим богом оказать помощь вере, прославить истинное слово, приведенное в славном Коране: «Мы поможем нашим посланникам и тем, которые уверовали, в здешней жизни и в тот день, когда предстанут свидетели»[82]. На протяжении нескольких дней, пока происходили кровопролитные сражения на поле битвы, на ристалище павших в битве от удара пиками и саблями бойцов за веру [было убито много] уклонившихся от правого пути [врагов]... Кровь лилась, как ливневый дождь, как жидкий мед. Бог взял под защиту безопасность своих искренних рабов, // (с. 394) [своим] могуществом, могучей силой он оказал помощь [им]... Святые мужи веры были опьянены, [вознеся] благодарность величайшему богу, возбуждены, прося приближения зефира рая, [который] они могли бы вдыхать. Они жаждали [увидеть] жилище милости [бога]. От времени появления лучей зари до заката солнца, словно возбужденные самцы или волнующееся море, они выступали, состязаясь с передовыми отрядами смерти. Со страстной мольбой они обращались к высокому сонму [ангелов]. И, конечно, от вечного, пресвятого [бога] пришла помощь. С места дуновения зефира [божьей] милости повеял ветерок победы. На этом поле битвы [мусульмане] бросили на землю около ста тысяч трупов неверных. Головы распростились с туловищами, души с упреком [за слабость] желали расстаться с телами. Ворон-меч нашел богатую пищу в трупах неверных. Из-за множества [трупов] получилось большое изобилие [пищи] для диких зверей, гиен. В руки мусульман попало сто тысяч рабов, в том числе дети их, молодые невольницы, ко-

торые по красоте были подобны луне, по блеску [на их лицах] могли поспорить со сверленными жемчугами. [Мусульманам] досталось столько вьючных животных, богатства и [иной] военной добычи, [в виде] мелкого и крупного рогатого скота, что они не умещались в просторы степей и пустынь.

Уцелевшие несчастные [враги] отступили в страхе и // (с. 395) встали на путь бегства.

Радостная весть об этой великой победе разнеслась по всем мусульманским странам. Успокоились сердца, легко стало на душе, разверзлись уста для выражения благодарности великому богу.

Следом за этой победой подошел к концу [срок] жизни Туган-хана. Душа его нашла убежище в раю вместе с душами борцов за веру. Власть утвердилась за его братом[83], который по благочестию, размышлениям о боге, образу жизни, тайным помыслам, рвению в делах был таким же, как его брат [Туган-хан]. Всегда покорный богу, он публично читал молитвы, проявлял справедливость и милость, избегал гордости и надменности. Он соблюдал условия соглашения, которые были между Туган-ханом и султан [Махмудом], он возобновил с последним искренние отношения дружбы и братства. Еще во времена илек-хана одна из целомудреннейших дочерей его была помолвлена с эмиром Джалилом Абу Са'идом Мас'удом[84]. В эти дни послы стали посредниками, чтобы осуществить это бракосочетание, заключить брачный союз. Группа лиц, пользующихся доверием его величества султана, поехала, чтобы перевезти эту редкостную жемчужину и доставить [ее как] вещь, отданную на хранение, на кресле невесты. Все знатные улемы Востока и имамы-красноречивцы прибыли в Балх, сопровождая царевну и передали [ее] как вещь, отданную на хранение. Они доставили весь груз вещей, привезенных ими. Закончились торжественные проводы // (с. 396) той благороднейшей особы в дом жениха. По приказу султана, еще до прибытия их украсили город Балх, дома, вывесив различные ковры и материи, не забыв при этом ни одного украшения.

Султан [Махмуд], чтобы поднять достоинство сына, возвысить его положение, передал ему Герат. В одном из месяцев 403 г. он проводил эмира Мас'уда с большим количеством имущества и украшений, с исключительной пышностью, со всем тем, что необходимо государям. Тот прибыл в Герат.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О переводах «ал-Йамини» см.: Стори Ч. А. Персидская литература. С. 733—737.

[2] Об этом переводе и его списках см: Миклухо-Маклай П. Д. Описание. Вып. 3. № 333.

[3] См.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 323—327.

[4] Деятельность Мунтасира частично отражена в переводах отдельных кратких извлечений из «Китаб ал-Йамини», выполненных С. Л. Волиным по каирскому изданию 1286/1870 г. (МИТТ. 1. С. 223—226).

[5] Список описан Н. Д. Миклухо-Маклаем (Описание. Вып. 3. № 333).

[6] Богра-хан Караханид Богра-хан Харун, внук предводителя Караханидов Сатук Богра-хана (Подробнее см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 318).

[7] Нух ибн Мансур — верховный правитель государства Саманидов (365/976—387/997).

[8] Богра-хан вступил в Бухару в 992 г. (Бартольд В. В. Туркестан// Соч. Т. 1. С. 320).

[9] Фаик — саманидский полководец, наместник Балха (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 313, 314, 320).

[10] Хутба — проповедь, читаемая обычно по пятницам и по праздникам мусульман, в мечети с молитвой за правящего государя.

[11] Амул-и- шатт — древнее название Чарджуя.

[12] Абу 'Али Бал'ами — Абу 'Али Мухаммад ибн Абу-л-Фазл Мухаммад ал-Бал'ами; государственный деятель времени Саманидов, переводчик известного труда Табари (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 54—55). В. В. Бартольд выражает сомнение в подлинности этого сообщения, т. е. назначения Бал'ами везиром (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 320, прим. 3).

[13] Начертание имени допускает также чтение «Гарир».

[14] Абу 'Али Симджур — саманидский наместник Хорасана при Нухе Харуне.

[15] Здесь игра слов: Нух — сын саманидского государя и имя пророка Нуха (Ноя), который, согласно преданию, спас от всемирного потопа людей и животных на построенном им судне.

[16] Игра слов. Согласно преданию, судно Нуха (Ноя) во время всемирного потопа остановилось на горе Арарат (см.: Кисас ал-анбийа, изд. Нишапури, Техран, 1340. С. 38).

[17] Сабук-тегин — основатель династии Газневидов, отец султан Махмуда Газневи (Подробнее см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 322).

[18] Насир ад-Дин Абу Мансур — почетное прозвище Сабук-тегина.

[19] Кеш — древний город Средней Азии, в XIV в. получивший название Шахрисабз.

[20] Фахр ад-Даула, Абу-л-Хасан 'Али-Буид, правил в Рее и Хамаде с 976 по 997 г., в Исфагане — с 984 г. (см. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда/ Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962. С. 620, прим. 57).

[21] Сахиб-и Кафи (букв.: «знающий», «способный») — имеется в виду Исма'ил ибн Аббад, известный как Ибн Аббад ас-Сахиб; везир Буидов с 938 по 997 г. Му'йид ад-Даула славился как просвещенный человек своего времени (см.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда. С. 620, прим. 58).

[22] Кафи ал-куфат — букв. «способный из способных».

[23] Ма'мун ибн Мухаммад — правитель Гургянджа (ок. 382/992—387/997); завоевав южную часть Хорезма в 385/995 г., присвоил себе титул хорезмшаха. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 202).

[24] В рук. ИВ АН СССР инв. № 666 (л. 53б) — Абу 'Абдаллах.

[25] Ниса (Наса) — древний город в Хорасане, расположенный к западу от Ашхабада (подробно см.: Бартольд В. В. К истории Туркестана//Соч. Т. III. С. 128—133).

[26] Абиверд (Баверд) — город, находившийся к востоку от Нисы, на месте современного городища Пештак, в 8 км от ж.-д. станции Каахка (Бартольд В. В. К истории Туркестана//Соч. Т. III. С. 130—133; МИТТ. Т. 1. С. 67, прим. 2).

[27] Джузджан (Гузган, Гузганан) — область между рекой Шибирган (на востоке) и реками Кайсар и Ширинтаган (на западе) (Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. С. 57—59; Ахмедов Б. А. История Балха. С. 36—37).

[28] Абу-л-Харис Фариguни (Абу-л-Харис Мухаммад ибн Ахмад ибн Фариguни) — правитель Джузджана из династии Фариguнидов, которому посвящено известное географическое сочитание «Худуд ал-алам» (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. С. 58).

[29] Шар — титул правителей Гарджистана (области по верхнему течению

Мургаба). (См.: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана// Соч. Т. VII. С. 62).

[30] Нишапур — древний город, расположенный к востоку от современного города того же названия; в средние века был главным городом Хорасана (Бартольд В. В. Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 108—113).

[31] Баг или Багшур — средневековый город, находившийся на реке Кушка, около селения Кала-и Маур. Через Багшур проходил путь из Герата и от Мургаба в Бадгис (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. С. 137; Т. VII. С. 70—71).

[32] Фарзинбанд — термин в шахматной игре, соответствующий современному «вилка». Здесь и далее весь абзац построен на игре обычных значений слов, употребляемых так же, как название фигур, терминов в шахматной игре.

[33] Шамс ал-Ма'али Кабус ибн Вашмгир — Зийарид, правитель Гургана и Табаристана (978—1012); обладал большим литературным дарованием.

[34] Хаджиб — наивысший чин тюркского раба (гуляма) (О ступенях возвышения гуляма см. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. С. 286).

[35] Икта' — условное земельное пожалование в средние века в странах Востока; во время Саманидов — ленное владение. (О термине подробно см.: Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране. С. 256—269).

[36] Тус — область в Хорасане, с городами Нуканом и Табераном, который затем получил название Тус. Развалины его находятся в 25 км к северо-западу от Мешхеда (Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана// Соч. Т. VII. С. 114—116; МИТТ. Т. I. С. 72).

[37] Мерв — древний город в нижнем течении реки Мургаб (Жуковский В. А. Развалины старого Мерва; СПб., 1894; Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. С. 64—69).

[38] Любопытно отнесение Мерва к Балхской области (о Балхе и области подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха).

[39] Рей — древнейший город Ирана, находившийся в 8 км к северу от Тегерана (Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. С. 130—138).

[40] Джа'фар-тегин-шихна — комендант города Бухары, назначенный илекханом (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. С. 330).

[41] Буздан — городок между Нишапуром и Гератом. От него до Нишапура четыре дневных перехода, а до Герата — шесть (МИТТ. Т. I. С. 413. См. еще: Nūzhat al. Qulub. P. 171).

[42] Харадж — основной поземельный налог.

[43] Табаристан — область, расположенная вдоль восточного побережья Каспийского моря, к югу от него; современный Мазендаран (Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. С. 215—217).

[44] На полях литографического издания (с. 221) сказано: «Одежда из Туштара, одежда, которую производят в Шуштаре». Шуштар — город в Хузистане, где в X в. изготовляли покрывала из парчи для Каабы (Бартольд В. В. Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 184).

[45] Саклатун — город в Руме, в котором изготовлялись ткани алого (по другим данным голубого) (A Comprehensive Persian—English Dictionary) цвета для одежды. В тексте литографии (с. 221) — саклатун-и азади. Последнее слово в данном словосочетании, согласно транскрипции, принятой арабистами, передается в форме «адади». В помете на полях литографии отмечается, что саклатун и азади предпочитал Буид Азуд ад-Даула (949—983).

[46] Над этим словом в тексте литографии (с. 221) написано: «изобрел Фахр ад-Даула» (о нем см. прим. 19).

[47] Таки — по-видимому, речь идет о местности в Табаристане. (См.: Бартольд В. В. Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 222).

[48] Известно, что лен, привозимый из Египта, использовался в Фарсе для изготовления полотняной ткани (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. С. 295, прим. 5).

[49] Абу-л-Касим Симджур — брат вышеупомянутого Абу ʿАли Симджура.

[50] Дамган — один из главных городов Кумиса — области в северо-восточном Иране (Бартольд В. В. Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 122, 128—129).

[51] В литографированном издании (с. 224) ошибочно Нурджан.

[52] Абу-л-Музаффар Наср — брат Махмуда Газневи.

[53] Коран, XVII, 49.

[54] Коран, XXXIII, 38.

[55] Серахс — главный город Теджена, области по нижнему течению реки Герируд (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. С. 134—135).

[56] Астау (позднее Устава) — область в северо-западном Иране с главным городом Кучан. Со времени шаха Сефевида Аббаса I (995/1587—1038/1629) область получила название Кучан. Современный Кучан находится примерно в 12 верстах к востоку от старого города (Бартольд В. В. Атрек//Соч. Т. III. С. 338; Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 105—106).

[57] Кутнан ал-Манини, комментатор арабского текста «ал-Йамини» (каирское изд.), поясняет это название как «переправа Несефа» (МИТТ. Т. I. С. 225, прим. 3), подвластные древнему округу земли селении (подробно см.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. С. 131; Ахмедов Б. А. История Балха. С. 32, 38).

[58] Нур (более позднее Нурата) — ныне районный центр Самаркандской области Узбекской ССР.

[59] Дабусия — средневековая крепость, находившаяся к востоку от селения Зиадин Самаркандской области (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. С. 148).

[60] Бурнамад (Бурнамед) — селение на дороге из Самарканда в Заамин, в четырех фарсахах от последнего (МИТТ. Т. I. С. 226, прим. 1).

[61] Дизах — современный город Джизак в УзССР.

[62] Хавас — средневековый город, ныне Хаваст, поселок городского типа в Сырдарьинской области Узбекской ССР.

[63] Пул-и Загул — по определению Манини (см. прим. 57) — одно из селений Мерверруда (МИТТ. Т. I. С. 226, прим. 6).

[64] См. прим. 11, с. 16.

[65] Бистан — один из главных городов Кумиса, расположенный у реки Шахруд, севернее ее.

[66] Шахджахан (букв. «Царь мира») — название средневекового города Мерва (см.: Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. С. 16).

[67] Бийар — селение между Кумисом и Байхаком (помета на полях литографии, с. 233).

[68] В рук. (В 666, л. 100а) — Паймарг.

[69] Земм — средневековый городок; современный город Керки (подробнее см.: Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. С. 160).

[70] Здесь имеется в виду река Пянджхир, современное название — Пянджшир.

[71] Халаджи — тюркское племя. В X в. обитало на юге современного Афганистана.

[72] Ла хаула — начало формулы: «ла хаула ва ла куввата илла биллахи» (нет могущества и силы, кроме как у Аллаха).

[73] Симбар — река; ныне Сумбар.

[74] Карагеле — на полях литографии (с. 295) дается следующее объяснение: «некоторые говорят... Карагеле — страшны, в Табаристане занимаются тайным разбоем [нападая] из-за деревьев, камней и из ям».

[75] Дихистан — древний город, населенный пункт по восточному берегу Каспийского моря, к северу от Абескуна — столицы Гургана (Бартольд В. В. Историко-географический очерк Ирана//Соч. Т. VII. С. 126—128).

[76] См. прим. 13, с. 16.

[77] Кадыр-хан — сын Харуна Богра-хана.

[78] Карун — легендарная личность на Востоке, по преданию обладатель несметных богатств.

[79] Каба — широкая мужская одежда с длинными рукавами.
[80] Экйал — множественное число от «кайл», по-химьяритски «государь».
[81] Тубба' — титул государей династии Кахлан в древнем Йемене.
[82] Коран, 54.
[83] Здесь имеется в виду Абу Мансур Мухаммад ибн 'Али Арсланхан.
[84] Мас'уд — сын и наследник султан Махмуда Газневи; правил в 421/1031—432/1041 гг.

АЛ-ИДРИСИ

НУЗХАТ АЛ-МУШТАК ФИ ХТИРАК АЛ-АФАК

Географическое сочинение ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак»[1] («Отрада стремящегося в странствие по миру») — одно из выдающихся произведений арабской средневековой литературы. Оно содержит описание земли и морей, характеристику семи климатов, на которые делилась земля согласно птолемеевской традиции. Сведения по отдельным областям касаются Западной Европы, Африки, Испании, Сицилии, важные данные имеются о Финляндии, Прибалтике, Польше, России, Венгрии, Австрии, Болгарии, Средней Азии, Сибири, Индии, Китае и т. д.

Автор книги «Нузхат ал-муштак» Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн ал-Хаммуди ал-Идриси (1100—1165 гг.)[2] — арабский географ и путешественник. Он родился в семье потомка пророка Мухаммада и принадлежал к роду основателя династии в Марокко Идриса. Учился ал-Идриси в Кордове (Испания), много путешествовал, долгое время жил при дворе короля Сицилии Рожера II Норманнского. Здесь и был создан его географический труд «Нузхат ал-муштак». В Европе познакомились с этим сочинением уже в конце XVI — начале XVII в. Исследование текста интенсивно велось в течение XIX—XX вв. Полный перевод, впервые сделанный на французский язык Жобером в 1836—1840 гг.[3], оказался неудовлетворительным. Отдельные части труда ал-Идриси подверглись специальному изучению[4]: анализ данных о европейских странах был проведен Томашеком[5], маршрута из Киева до Владимира Волынского — Левицким[6], материалов о кимаках — Кумековым[7], о севере Европы — Туулио[8] и др.[9] Новое европейское издание труда ал-Идриси было предпринято большим коллективом ученых в 70-х годах XX в. и опубликовано в Италии[10]. Сохраняющая до настоящего времени значение хорошая рукопись второй части сочинения ал-Идриси имеется в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В разделе о Фергане источником сведений ал-Идриси явился труд «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ибн Хаукаля (X в.). Ал-Идриси значительно сократил текст Ибн Хаукаля. Однако материалы ал-Идриси важны для уточнения ряда мест у ибн Хаукаля и для решения вопроса о редакции как труда самого

ибн Хаукаля, так и его основного источника — труда ал-Истахри. Существует мнение, что сочинение ал-Истахри было составлено в первой редакции по-персидски[11], а затем переведено в сокращенном виде на арабский. Ибн Хаукал встретился с ал-Истахри во время своего путешествия и получил от него труд для дальнейшей работы. Ранняя редакция труда Ибн Хаукаля, как свидетельствует стамбульская рукопись (переписана в 1086 г., издана Крамерсом в 1938 г.[12]), близкая к книге ал-Истахри, как видно из персидских вариантов последней, говорит о том, что ал-Истахри создал свой труд первоначально все же на арабском. Материалы ал-Идриси, частично повторяющие ибн Хаукаля, подтверждают это.

Сведения средневековых арабских географов о Фергане с большой полнотой были учтены в трудах В. В. Бартольда[13]. Следует однако отметить, что отрывок о Фергане из «Географии» ал-Идриси не был им использован. Несмотря на то, что соответствующий раздел из сочинения ал-Идриси представляет собой сокращенное изложение данных Ибн Хаукаля, которые имеются среди материалов В. В. Бартольда, все же некоторые моменты новы. Дело в том, что В. В. Бартольд привлекал издание де Гуе[14], где не могла быть учтена вышеупомянутая стамбульская рукопись сочинения Ибн Хаукаля, вышедшая в свет уже после смерти исследователя.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «НУЗХАТ АЛ-МУШТАҚ ФИ ХТИРАҚ АЛ-АФАҚ'» АЛ-ИДРИСИ

// (с. 706) **Фергана** — название края (иклим). Он обширный, при изобилии в нем городов и деревень. Ее столица — Ахсикет[15]. Ахсикет — преславный город на берегу реки аш-Шаш (Чач, Сырдарья)[16] на равнинной земле. Между ним и горами полторы мили. Он на левой (северной) стороне реки. У него имеется цветущее предместье (рабад), а его рынки и в самом городе (медина), и в предместье, но большая часть этих рынков собственно в городе. Там есть проточные воды, которые пересекают улицы, и многочисленные водоемы (хаузы). Перед ним, если переправиться через реку аш-Шаш, луга, обильные пастбища и пески на протяжении дневного перехода. От Ахсикета до Куба (Кува) три дневных перехода, а между Ахсикетом и Узгендом — четыре. // (с. 707) В целом между рекой Джейхун (Аму-Дарья) от города Фарабра до Узгенда двадцать три дневных перехода. О городе Узгенде уже упоминалось выше, а он обладает торговыми местами у ворот тюрков. В нем огороды (бустаны), сады, парки с густой зеленью; его пересекают каналы.

К округам Ферганы относятся: Верхняя Нисйа и Нижняя Нисйа, связанные с Руданом, а также этот Рудан, Джидгил (Чаткал) и Урест.

Среди городов Верхней Нисйи, а это — первый округ Ферганы, если вступить туда со стороны Худжанды (Ходжента) — Ванкет, Сох, Хуваканд (Коканд) и Ришган.

Нижняя Нисйа связана с ней и среди ее городов — Маргинан, Зандарамш, Наджренг[17], Устикан[18], Андукан (Андижан) и Хали[19]. Оба эти округа, относящиеся к Фергане, представляют равнины и луга, но нет в этой местности гор[20]. Асбара же (Исфара) — город[21], расположенный и на равнине, и на горах, и из относящихся к ней городов — Тамахуш и Бамкахуш.

Сох — город, отделенный от гор, и ему принадлежат шестьдесят деревень; он — отдельный славный город.

Авал — название города; ему принадлежат деревни, и это [также] отдельный округ.

Некад горный — это название округа, а город его — // (с. 708) Мискан, там нет других городов кроме него.

Ош — название // (с. 708) города.

Куба — тоже название города, ему принадлежит много деревень, и в границах Куба нет другого города, кроме нее, а в границах Оша есть другой город, называемый Мадва (Мады), и между ними шесть миль.

Узгенд — название города, ему принадлежат деревни и нет в этом административно-податном округе другого города кроме него.

Касан — название города, а также края, ему принадлежит много деревень.

Джидгил — название округа; в нем много деревень, а его город Хайлам.

Керван — название города, при котором деревни.

Неджм — название многочисленных деревень, также как Астийаканд[22] и Шалат[23], а они оба — ворота к тюркам, а идут туда от Мийан Рудана, так же как и Узгенд — ворота к тюркам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Al-Idrisi. Opus geographicum... Neapoli—Romae, 1974.

[2] Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 281—299.

[3] Jaubert P. A. Geographie d'Edrisi... Paris, 1836—1840, v. I—II.

[4] Dozy R. et de Goeje M. Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi, text arabe avec une traduction. Leyde, 1866.

[5] Tomaschek W. Zur Kunde der Haemus—Halbinsel, II. Die Handelswege im 12 jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi.— Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft in Wien, 1887.

[6] Lewicki T. La voie Kiev.— Wladimer... d'apres le géographé arabe du XII suécle, al-Idris.— Rocznik Orientalisiczny, 1938.

[7] Кумеков Б. Е. Государство кимаков. Алма-Ата. 1972.

[8] OJJ. Tallgren—Tuulio, A. M. Tallgren. Idrisi. La Finlande et les autres pays baltigne orientaux/Géographie, VII, 4/ ..., Studia orientalia, III, Helsingforsiae, 1930.

[9] См. например, сб.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, I. С. 220—222.

[10] См. прим. 1.

[11] Материалы по истории киргизов и Киргизии. I. С. 24.

[12] Ibn Haukal. Opus geographicum... Ed. Kramers J. H. Lugduni Batavorum. 1938,—BGA, II, ed. 2.

[13] Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 211—235; Фергана//Соч. Т. III. С. 527—538; и др.

[14] Abu'l-Kasim Ibn Haukal. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873, BGA, II.

[15] Ахсикет — столица Ферганы X века (См.: Бартольд В. В. Туркестан. Соч. Т. I. С. 211; III. С. 342; Чуланов Ю. Г. Городище Ахсыкет. С. 197—206. В стамбульской рукописи Ибн Хаукаля по изд. Крамерса приводится в форме «Ахшикет» (с. 513).

[16] Здесь и далее в квадратных скобках дается более новое и современное название или вариант произношения, а также замечания переводчика.

[17] Наджранг или Неджренг В. В. Бартольд читал как Беренг (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 214), однако новое издание Ибн Хаукаля и текст ал-Идриси дают другое написание: «Неджренг», созвучное современному Ангрену, хотя, по мнению В. В. Бартольда, название «Ахенгерен» («железных дел мастера») появляется только в монгольский период (Ангрен — позднейшее искажение, не встречающееся в письменности) (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. С. 218). Однако звучание Наджренг возможно воспринять как Ангрен при метатезе первых двух звуков: согласного «н» и гласного «а»; арабское «дж» часто дает «г», «к», например, арабское Уздженд — это Узгенд. Гардженд — это Гаркенд; конечное «нг» может перейти в «н».

[18] Устикан — у В. В. Бартольда Уштикан (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 214). В персидском варианте ал-Истахри (МИКК, I. С. 31) и у Ибн Хаукаля по стамбульской рукописи (513) также — Устикан.

[19] Хали—в вариантах ʿАли—название, которое не встречается у В. В. Бартольда, так как в издании Ибн Хаукаля де Гуе его опустил за отсутствием его в персидских вариантах. В новом издании Ибн Хаукаля по стамбульской рукописи оно восстановлено (с. 514). Ал-Идриси сохраняет его в таком же виде.

[20] В тексте Ибн Хаукаля стоит не очень понятное «ад'аф» (с. 514), текст ал-Идриси делает этот отрывок вполне понятным, так как вместо «ад'аф» употреблено «аска» — «местность», «земля».

[21] В тексте Ибн Хаукаля слово «город» по отношению к Асбара отсутствует.

[22] Астийаканд или Астийакенд — у В. В. Бартольда Бискенд, в переводе персидского варианта ал-Истахри — Астиакенд (МИКК. I. С. 31); у Ибн Хаукаля также Астийакенд (с. 514). Следует заметить, что В. В. Бартольд указывает на три различных пункта с названием Бискенд: 1) селение долины Ангрена «Пскент, Бискет арабских географов» (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 231; III, с. 222), который входил в область Илак (современное селение Бискент); 2) город на левом берегу Сырдарьи у Фараба; В. В. Бартольд исправляет это название на Сюткенд (Бартольд В. В. Туркестан Соч. Т. I. С. 334); 3) город на границе с областями тюрков в Фергане (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 212), последний в данном тексте назван Астийакенд.

[23] Шелат — у В. В. Бартольда Селат (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 212; Т. III. С. 531); в персидском варианте ал-Истахри (МИКК. I. С. 31) и у Ибн Хаукаля по стамбульской рукописи (с. 514) также Шелат.

ИБН АЛ-КИФТИ

ТАРИХ АЛ-ХУКАМА

Джамал ад-Дин Абу-л-Хасан Али ибн Йусуф Ибрахим ибн ʿАбд ал-Вахид аш-Шайбани ал-Кифти — ученый-историк, филолог и государственный деятель конца XII — первой половины XIII в.[1] Родился в 1172 г. в городе Кифте, расположенном в

Верхнем Египте. Предки Ибн ал-Кифти занимали высокое положение в обществе.

Образование Ибн ал-Кифти получил в Каире, где изучал богословие, юриспруденцию, арабскую филологию, астрономию, геометрию, медицину, логику и историю.

В 1187 г. Ибн ал-Кифти вместе с отцом переехал в Иерусалим. Здесь ал-Кифти расширил и углубил приобретенные в Каире знания и начал собирать материал для будущих трудов. Около 1201 г. из-за перемены политической обстановки в Иерусалиме, отец ученого — Йусуф был вынужден вместе с сыном покинуть город и направиться в Харран (Верхняя Месопотамия), где занял высокую административную должность.

В 1213 г. Ибн ал-Кифти при дворе правителя Алеппо был назначен главой дивана финансов, получив почетный титул Ал-Кади ал-акрам. На этом посту он служил не только интересам страны, но и оказывал покровительство крупным ученым. Ибн ал-Кифти приютил и помог бежавшему из Средней Азии от монгольского нашествия Йакута ал-Хамави (1179—1229). В 1230 г. он оставил службу и посвятил себя научной деятельности.

В 1236 г. правитель Алеппо назначил его своим везиром. На этом посту Ибн ал-Кифти оставался более двенадцати лет, вплоть до смерти, последовавшей в 1248 г.

Йакут в своем «Иршаде», в разделе, посвященном биографии Ибн ал-Кифти, приводит названия двадцати его трудов.

Из дошедших до нас сочинений Ибн ал-Кифти особую ценность пердставляет его «Китаб ихбар ал-улама би ахбар ал-хукама» («Ознакомление ученых со сведениями о мудрецах») или сокращенно «Тарих ал-хукама» («История мудрецов»). В 1903 г. эту книгу издал немецкий арабист Ю. Липперт, опиравшийся на все доступные ему рукописи — берлинские, лейденские, каирские и другие собрания; всего им было использовано тринадцать рукописей[3].

«Тарих ал-хукама» — труд, посвященный биографиям философов, врачей, астрономов, математиков и других ученых древнего мира (греков, персов) и Ближнего Востока вплоть до современного автору времени.

В книге 414 биографий, включая посвященные и деятелям культуры Средней Азии. Ниже дается перевод извлечений об отдельных ученых Средней Азии.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ АЛ-ХУКАМА» ИБН АЛ-КИФТИ[4]

// (с. 408) АБУ САХЛ АЛ-МАСИХИ АЛ-МУТАТАББИБ — врач, превосходный специалист по логике, ученый по науке первооснов. Он был знаменитым [человеком] в своем городе. В Хорасане он занимал почетное место у его султана; был превосходным в [том] искусстве, [которым он занимался] и ему принадлежит сборник под названием «Макала ал-миа» («Сто статей»),

40 известный и знаменитый. Умер он в зрелом возрасте — в 40 лет от роду.

// (с. 162) УМАР ИБН МУХАММАД ИБН ХАЛИД ИБН ʿАБД АЛ-МАЛИК АЛ-МЕРВЕРРУДИ. Ему принадлежит краткий зидж, построенный по методу, автором которого является его дед Халид ибн абд ал-Малик ал-Мерверруди, занимавшийся астрономическими наблюдениями у Маʿмуна вместе с Синдом ибн ʿАли, Йахйой ибн Абу Мансуром и ал-ʿАббасом ал-Джаухари. Этот Умар также считался одним из ученых, проводивших астрономические наблюдения. Перу его принадлежат: «Китоб таʿдил ал-кавакиб» («Книга об уравнении звезд»), «Китаб синаʿат ал-астурлаб» («Книга по изготовлению астролябии»).

// (с. 185). МУХАММАД ИБН ХАЛИД ИБН ʿАБД АЛ-МАЛИК АЛ-МУНАДЖЖИМ АЛ-МЕРВЕРРУДИ. Опытный звездочет в области движения звезд; [проводил] исследования в этой области. Его отец был звездочетом у ал-Маʿмуна и вел астрономические наблюдения в Шаммасие — районе Дамаска на горе Касийун.

// (с. 117) ХАБАШ АЛ-ХАСИБ — родом из Мерва[5]. Это — его прозвище. Имя же его — Ахмад ибн Абдаллах; по месту жительства [он] — багдадец. [Жил] во времена ал-Маʿмуна и после него [во времена] ал-Муʿтасима[6]. Он добился больших успехов в вычислении движений звезд и достиг в этом славы. Ему принадлежат три «Зиджа», первый из них составлен по методу «Синдхинд», в котором он идет против [методов] ал-Фазари и ал-Хорезми во всех действиях. Использование этого зиджа [основывается] на поступательном и понятном движении [светил] по эклиптике в соответствии со взглядами Теона Александрийского, дабы уточнилось благодаря этому положение звезд по долготе. Составление этого зиджа восходит к началу его деятельности — к дням, когда он был убежден в правильности расчетов по «Синдхинду».

Второй [зидж], «Мумтахан» («Испытанный») — одно из самых известных его сочинений, написанных после его возвращения к усердной астрономической практике. В него включены движения звезд в соответствии с тем, к чему привели проверки в его время.

Третий [зидж] — «Малый зидж», известный под названием «Аш-Шах».

Ему [Хабашу ал-Хасибу] принадлежит хорошая книга о работе с астролябией.

Он дожил приблизительно до ста лет. Ему принадлежат следующие сочинения: «Дамасский зидж», «Маʿмунов зидж», «Китаб ал-абʿад ва-л-аджрам» («Книга о далях и телах»), «Китаб ʾамал ал-астирлаб» («Книга о работе с астролябией»), «Китаб ар-рахаʿим ва-л-макайис» («Измерительные плиты и гномоны»), «Китаб ад-даваʿир ал-муттамасат ва-л-кайфийат ал-иттисал ила ʿамал ас-сутух ал-мутавассита ва-л-каʾима ва-л-маʿила ва-л-мунха-

рифа» («Книга «О соприкасающихся окружностях и как получить смежные, перпендикулярные, склоненные и отклоняющиеся плоскости»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основные источники по биографии Ибн ал-Кифти: Ибн ал-Кифти. Багдад. С. 5—18; Йакут Иршад. У. С. 477—498; Brockelmann C. I. С. 325; SB./I. С. 559; Наллино. С. 50—55; Суйути. I. С. 319.

[2] Йакут. Иршад. У. С. 479.

[3] На основе анализа этих рукописей Ю. Липперт пришел к выводу, что данный труд Ибн ал-Кифти дошел до нас лишь в извлечении, сделанном Мухаммадом ибн Али аз-Заузани, через год после смерти Ибн ал-Кифти.

[4] Перевод подготовлен на основании каирского издания сочинения.

[5] Умер между 864—874 гг.— Suter. С. 13.

[6] Халиф Му'тасим (833—842 гг.).

ЙАКУТ АЛ-ХАМАВИ

ИРШАД АЛ-АРИБ ИЛА МА'РИФАТ АЛ-АДИБ

Йакут Абу 'Абдаллах Шихаб ад-Дин Йакуб ибн 'Абдаллах ар-Руми ал-Хамави — известный ученый, биограф, библиограф, историк, и географ конца XII — первой половины XIII в.[1] Он родился в 1179 г. в Византии, по происхождению грек. В детстве Йакут попал в плен к арабам, и в качестве раба в Багдаде его купил некий Аскар ибн Ибрахим — уроженец города Хамы[2], по названию которого Йакут получил позднее вторую свою нисбу — ал-Хамави. Стремясь подготовить из приобретенного раба опытного купца, хозяин не пожалел средств на образование Йакута и вскоре он блестяще овладел арабским языком, изучил историю и литературу. Впоследствии, по поручению хозяина, Йакут развозил товары в различные области халифата, благодаря чему ему удалось совершить ряд путешествий в Сирию, Ирак и на побережье Персидского залива. Смерть хозяина, последовавшая в 1199 г., принесла Йакуту свободу. Он поселился в Багдаде и занялся перепиской и продажей рукописей. Одновременно он совершенствовал свои познания у известных филологов.

С 1213 г. начинается новый период странствий Йакута, которые продолжались до конца его жизни. Он умер в 1229 г.

Из биографических сведений о Йакуте нам известны десять названий его трудов, посвященных филологии, истории, географии и другим наукам. Из них одним из важнейших является «Иршад ал-ариб ила ма'рифат ал-адиб» («Ознакомление ученых со сведениями о мудрецах») или сокращенно «Му'джам ал-удаба» («Словарь литераторов»). Данный труд Йакута издан английским арабистом Д. С. Марголиусом (1858—1940) на основе уникальной рукописи фонда Бодлеана[3].

«Иршад» состоит из семи томов, охватывает биографии филологов и литераторов всех стран «мусульманского мира» и содержит биографии свыше тысячи ученых, работавших в области поэзии и прозы, грамматики, истории и других наук. Рассмотрение всех сведений, содержащихся в настоящем словаре, показывает, что «Иршад» является ценным источником и для истории культуры Средней Азии. Ниже дается перевод извлечений об отдельных среднеазиатских ученых, деятелях культуры, приводимых в данном труде Йакута.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ИРШАДА» ЙАКУТА[3]

// (с. 146) МАХМУД ИБН АЛ-'АЗИЗ АЛ-'АРИДИ АБУ-Л-КАСИМ АЛ-ХОРЕЗМИ, прозванный «Солнцем Востока», был одним из почтеннейших людей своего времени, [знатоком] лексикологии и адаба. Однако затем он перешел к [занятиям] философскими науками, околдованный ими. Он был спокойным, молчаливым и серьезным [человеком]. Изучал фикх и временами вел споры по вопросам, которые вызывали противоречия. Слушал лекции Абу Насра ал-Кушайри и у других. Сам [Ал-Ариди] передавал часть из них, разъясняя красивым слогом и соответствующим смыслом.

За обширную память и красноречие аз-Замахшари прозвал его «вторым Джахизом». Некоторое время он жил в Хорезме и находился на службе у хорезмшаха, затем переехал в Мерв, где зарезался в начале 521/1127 г. Найдена записка, написанная его рукой: «Это то, что сделали наши руки, и да не осудят за это других, кроме нас».

// (с. 96) АХМАД ИБН МУХАММАД АС-САХРИ АБУ-Л-ФАДЛ. Он был убит в конце 406/1016 г. Так упоминает Мухаммад Махмуд ибн Арслан в «Истории Хорезма» и говорит: «Он был одним из тех, кем гордился Хорезм — великолепный адиб, искусный ученый, превосходный катиб и чарующий поэт». Абу Мансур ас-Са'алиби в своей книге [писал]: «У него остроумие хиджазское, почерк иракский, красноречие легкое, мужество явное и достоинства видимые».

У него много стихотворений, которые сочетают скорость [их сложения] с совершенством [содержания], и он объял вверх пределы мастерства и превосходства. В импровизации он был редчайшим человеком в смысле сметливости, целостности натуры и умения держать в руках узду рифм. В расцвете своей молодости он прибыл к господину ас-Сахибу // (с. 97) Исма'илу ибн Аббаду[4] и был очарован [этой личностью]...

Затем он вернулся в родные края и поселился у султана своего в кругу знатнейших катибов и виднейших вельмож и стал он тогда одним из избранных собеседников эмира, одним из близких его надимов, из самых заслуженных его катибов, из славнейших его поэтов. Собрания общества [эмира] почти никогда не бывали

без него и никогда не рассеивались тучи щедрот эмира над ним...

[Далее следует рассказ о том, как однажды кто-то упомянул на одном из собраний о необыкновенных способностях в импровизации Бади‘ аз-Замана Абу-л-Фадла ал-Хамадани[5]. Ас-Сахри решил доказать, что он не уступает в этом искусстве Бади‘ аз-Заману. По предложению присутствующего шейха Абу-л-Хусайна ас-Сухайли он блестяще выполнил труднейшие задания за короткий срок].

[Ас-Сахри] принадлежит книга посланий в стихах и диван стихотворений в одном томе...

[Далее следуют образцы художественной прозы ас-Сахри, а также образцы из стихотворений в жанре мадх, восхваляющие хорезмшаха Абу-л-Аббаса, а также отрывок из касыды, восхваляющий Абу-л-Фатха ал-Бусти и ас-Сухайли].

// (Т. II. С. 102) АХМАД ИБН МУХАММАД АБУ-Л-ХУСАЙН АС-СУХАЙЛИ АЛ-ХОРЕЗМИ. Сказал Махмуд ибн Мухаммад ал-Ислами[6] в «Истории Хорезма», что [ас-Сухайли] умер в Самарре[7] в 418/1027 г. Так он упоминает это и говорит [еще]: «Он был одним из знатнейших людей Хорезма; его дом был обителью главенства власти и везирского сана, [домом] щедрости и доблести».

Сказал ас-Са‘алиби: «Он был везиром, сыном везира. Он унаследовал сан везира у великого, будучи сам великим. Сан, соединяющий одну цепь преемственных передач с другой цепью». И сказал еще: «[ас-Сухайли] сочетал в себе качества правителя и атрибуты везира и поражал [противников] на поприще адаба побеждающими стрелами. Он обрел обилие хороших качеств в щедрости».

Ему принадлежит книга «ар-Раудат ас-Сухайлиййа фи-л-ав саф» («Сухайлиев свод об описаниях и сравнениях»).

По его повелению и просьбе сочинил ал-Хасан ибн ал-Харис ал-Хасуни[8] «Сухайлиеву книгу по фикху»[9], в которой речь идет о двух толках — шафиитском и ханифитском.

[Ас-Сухайли] принадлежат стихотворения, в том числе такие, содержания которых [оригинальны] и никто в них не опередил его...

[Следуют отрывки из трех стихотворений ас-Сухайли]. // (с. 103)

Уехал ас-Сухайли из Хорезма в Багдад в 404/1013 г. и навсегда поселился в нем. Он бросил службу в качестве везира у хорезмшаха Абу-л-Аббаса Ма’муна, боясь зла от него. Когда он прибыл в Багдад, оказал ему почет Фахр ал-Малик Абу Галиб Мухаммад ибн Халаф, правитель Ирака; встретил он [ас-Сухайли] хорошо. Когда умер Фахр ал-Малик, он уехал из Багдада, спасаясь бегством, [и скитался] пока не прибег к помощи Гариба ибн Макна, опасаясь за свое имущество. Гариб был правителем Верхней области Такрита, Дужейла и того, что по соседству с ними. Ас-Сухайли жил у него до тех пор, пока не умер,

оставив после себя двадцать тысяч динаров, которые Гариб передал его наследникам.

// (Т. III. С. 212) АЛ-ХАСАН ИБН АЛ-МУЗАФФАР АН-НАЙСАБУРИ АБУ ʻАЛИ. Был превосходным адибом, поэтом и автором ряда сочинений. Абу Махмуд ибн Арслан упоминает его в «Истории Хорезма» и говорит: «Абу ʻАли ал-Хасан ибн ал-Музаффар ал-Адиб ад-Дарир ан-Найсабури, а затем ал-Хорезми умер четвертого дня месяца рамадана 442/20 января 1051 г.».

[Ибн Арслан] пространно восхваляет его и утверждает, что он был наставником жителей Хорезма в его время, их учителем, [литературным] предводителем и большим авторитетом[10]. Он был шейхом[11] Абу-л-Қасима аз-Замахшари до Абу Мудирра; ему принадлежат сочинения в стихах и прозе. Упоминают, что у [ал-Хасана] был сын по имени Умар, а его прозвище — Абу Хафс,— адиб и превосходный законовед. Ему также принадлежат стихотворения...

[Следуют образцы стихотворений Абу Хафса].

Абу Хафс умер в 532 г. в месяце ша'бан/ апреле 1138 г. Я нашел следующие сочинения, принадлежащие ал-Хасану ибн ал-Музаффару. Критическое изложение «Диван ал-адаб», критическое изложение «Ислах ал-мантик», его дополнение на «Татиммат ал-Йатима», «Книга о хороших качествах тех, кто имел имя ал-Хасан», «Дополнение к сведениям о Хорезме», «Сборник его стихов» (два тома) и «Сборник его посланий».

Я заимствовал [ряд сведений] из его книги, в которой он продолжает «Татиммат ал-Йатима». В ней приводятся некоторые его стихотворения. Я [цитирую] то, что он сказал, заканчивая свою книгу: «ал-Хасан ибн ал-Музаффар ан-Найсабури — автор этой ограниченной книги — хорезмиец по рождению. Он из тех, кто знает, что он не восхищен своими стихотворениями и прозой».

Он подражает Абу Мансуру ас-Са'алиби, да помилует его Аллах, в том, что [он приводит в конце книги свои собственные стихи], как приводит свои стихи ас-Са'алиби в конце книги «Татиммат ал-Йатима». И [после этих слов ал-Хасан] привел отрывки из своей прозы, заслуживающие похвалы и из своих стихотворений, вызывающие восхищения...

[Следуют образцы его прозы и поэзии].

// (Т. VII. С. 745) МАХМУД ИБН ДЖАРИР АД-ДАББИ АЛ-ИСБАХАНИ АБУ МУДИРР АН-НАХВИ. Его прозвали «Фарид ал-аср» («Бесподобная редкость века»); он был уникумом своего века и своего времени в области лексикологии, грамматики и медицины. О различных превосходных его качествах слагались пословицы.

Некоторое время он проживал в Хорезме, люди получали пользу и от его знаний, и от щедрости его натуры; они получали у него много знаний. [Абу Мудирр] обучил группу крупных знатоков лексикологии и грамматики, в том числе и аз-Замахшари. [Абу Мудирр] принес в Хорезм учение му'тазилитов и распространил его.

Вокруг него собирались люди, из-за его величия следовавшие его учению, в числе которых и Абу-л-Касим аз-Замахшари.

Я не знаю, несмотря на высокое его достоинство, ни одного его труда, упомянутого кем-либо, и ни одного его сочинения, о котором ходила бы молва, кроме одной книги — «Зад ар-ракиб» («Провиант путешествующего верхом [на лошади]»).

Умер [Абу Мудирр] в Мерве в 517/1123 г. и оплакивал его аз-Замахшари в своей элегии...

[Следуют два бейта из элегии].

// (Т. V. С. 274) АЛИ ИБН ИРАК АС-СИННАРИ АБУ-Л-ХАСАН АЛ-ХОРЕЗМИ. Он умер в 539/1144 г. в Мезане — в одном из селений Хорезма. Упоминает это Абу Мухаммад ибн Арслан в «Истории Хорезма» и говорит: «Он был грамматиком, лексикологом, специалистом по метрике, законоведом и комментатором [Корана]».

Он учился адабу у шейха Абу ʻАли ал-Джарира ан-Найсабури, фикху в Хорезме у имама Абу ʻАбдаллаха ал-Вабари, а затем в целях [изучения] фикха отправился в Бухару, где стал изучать фикх у шейхов [Бухары]. Затем вернулся в Гургандж Хорезма и имел диспуты по различным вопросам с имамами [Гурганджа]. Затем он переехал в селение Мезана и навсегда поселился в нем, здесь читал проповеди в соборной мечети по утрам в пятницу.

Он знал наизусть арабскую лексику и очень сложные стихотворения. Он написал книгу «Шамарих ад-дурар фи тафсир ал-Кур'ан» («Нити жемчуга по толкованию Корана»)...

[Следуют два бейта, которыми ас-Синнари заканчивал вышеназванную книгу, а также два кратких рассказа о его привычках].

// (Т. V. С. 412) ʻАЛИ ИБН МУХАММАД ИБН ʻАЛИ ИБН АХМАД ИБН МАРВАН АЛ-ИМРАНИ АЛ-ХОРЕЗМИ АБУ-Л-ХАСАН АЛ-АДИБ, прозванный «ХУДЖЖАТ АЛ-АФАДИЛ» («Довод наидостойнейших») и «ФАХР АЛ-МАШАЙИХ» («Гордость шейхов-ученых»). Умер около 560/1164 г. Упоминает его Абу Мухаммад ибн Арслан в «Истории Хорезма», написанной его рукой[12], и говорит: «ал-Имрани — довод наидостойнейших ученых, глава адибов, образец достойнейших шейхов, океан тайн адаба и знаток тайн речей арабов».

Он изучал адаб под руководством «Гордости Хорезма» Махмуда ибн Умара аз-Замахшари и стал самым крупным из его последователей и самым удачливым среди них в [создании] удивительных [шедевров] адаба. Он был недосягаемым в каллиграфии и красноречии, никто не мог превзойти его в огромной эрудиции и способности запоминать. [Ал-Имрани] слушал хадисы у «Гордости Хорезма» [аз-Замахшари] и имама Умара ат-Тарджумани, сына имама Абу-л-Хасана ʻАли ибн Ахмада ал-Мухйи, а также у имама ал-Хасана ибн Сулаймана ал-Ходженди и у кади ʻАбд ал-Вахида ал-Бакирджи. Он увлекался слушанием [хадисов] и любил много писать...

[Далее речь идет о том, что последние дни своей жизни он посвятил ученикам, принимал их часто и давал им консультации. Он написал стихи в восхваление пророка и праведных халифов. Йакут приводит отрывки из них].

К числу его замечательных сочинений принадлежат: «Китаб ал-маназил ва-л-булдан» («Книга местностей и стран»), «Китаб тафсир ал-Кур'ан» («Комментарии Корана»), «Китаб ал-иштифак ал-'асма» («Книга этимологии имен собственных»)...

[В заключении Йакут приводит отрывки из стихотворений ал-Имрани из его «Книги местностей и стран»].

// (Т. VII. С. 91) МУХАММАД ИБН МУХАММАД ИБН 'АБДАЛЛАХ ИБН 'АБД АР-РАХМАН ИБН МУХАММАД ИБН ЙАХЙА ИБН МАРДАВЕЙХ ИБН САЛИМ ИБН 'АБДАЛЛАХ ИБН УМАР ИБН АЛ-ХАТТАБ, да будет доволен им Аллах, РАШИД АД-ДИН, известный под прозвищем «АЛ-ВАТВАТ» — адиб, катиб и поэт. Был одним из редкостных [людей] своего времени и одним из его чудес; из числа уникумов своей эпохи и удивительным [деятелем]. Он был достойнейшим [мастером] стихосложения и прозы, знающим лучше всех тонкости арабской речи и тайны грамматики и адаба. Распространилась о нем слава по свету и разнеслась весть о нем по всем краям.

Иногда он сочинял в одно и то же время бейт на арабском языке одним размером, и бейт на персидском языке другим размером и диктовал вместе. К числу его стихотворений принадлежит «Хадаик ас-сихр фи дакаик аш-ши'р» («Сады волшебства относительно тонкостей поэзии») на персидском языке. Он написал эту книгу для хорезмшаха Абу-л-Музаффара и возражал в ней против книги «Китаб тарджуман ал-балага» («Переводчик риторики») персидского поэта Фарахи. Ал-Ватвату также принадлежат «Диван стихотворений» и «Диван посланий» на арабском языке и «Диван посланий» на персидском, а также «Тухфат ас-садик мин калам Абу Бакр ас-Сиддик» («Подарок друга из изречений Абу Бакра ас-Сиддика»); «Фасл ал-Хитаб мин калам Умар ибн ал-Хаттаб» («Отрывок из речи Умара ибн ал-Хаттаба»); «Анис ал-лахифат мин калам Усман ибн Аффан» («Утешиного аз-Замахшари, и из касыды, посвященной Садр ад-Дину ибн Аффана»); «Матлуб кулла талиб мин калам 'Али ибн Абу Талиб» («Требуемое каждым ищущим [знания] относительно изречений 'Али ибн Абу Талиба») и другие.

[Ал-Ватват] родился в Балхе, а умер в Хорезме в 573/1177—78 г...

[Следуют отрывки из послания в стихах и в прозе, адресованного аз-Замахшари, и из касыды, посвященной Садр ад-Дину ибн Низам ад-Дину, правителю Джурджана].

// (Т. VII. С. 77) МУХАММАД ИБН АБУ-Л-КАСИМ БАЙДЖУК АБУ-Л-ФАДЛ АЛ-БАККАЛИ АЛ-ХОРЕЗМИ АЛ-АДАМИ, прозванный «УКРАШЕНИЕМ УЧЕНЫХ», был лингвистом и адибом. Он был наставником адаба и авторитетом в арабском языке.

Он получил знания по языку и науке о флексии у Абу-л-Касима аз-Замахшари и после него занял его место; слушал хадисы у него и у других.

[Байджук] сочетал в себе наилучшие [качества], имел хорошие убеждения, щедрую душу, честную репутацию и не вмешивался в то, что его не касалось. Рука его была [искусной] в составлении посланий и критики поэзии. К числу его сочинений принадлежат: «Мифтах ат-танзил» («Ключи откровений»); «Таквим ал-лисан фи-н-нахв» («Выправление языка в области грамматики»); «Ал-'Аджаб фи-л-и'раб» («Удивительное по флексии»), «Ал-Бидайа фи-л-ма'ани ва-л-байан» («Начало риторики и стилистики»), «Шарх асма Аллах ал-хусна» («Комментарий на прекрасные имена Аллаха»); «Китаб маназил ал-'араб» («Книга о стоянках арабов») и другие.

Он умер в конце месяца джумада-л-ахира 562/апреле 1167 г. в возрасте 70 с лишним лет.

// (Т. VII. С. 202) НАСИР ИБН 'АБД АС-САЙИД ИБН 'АЛИ АБУ-Л-ФАТХ АЛ-МУТАРРИЗИ АЛ-ХОРЕЗМИ АН-НАХВИ АЛ-АДИБ. Родился в Хорезме в раджабе 538/январе 1144 г., в том же году и в том же городе, в котором умер аз-Замахшари. За это и в особенности, если учесть, что он следовал его [религиозной] догме, будучи главою му'тазилитов и призывал к этой догме, его прозвали «Халиф аз-Замахшари» («Наместник ал-Замахшари»).

Обычно он следовал в направлениях [фикха] течению Абу Ханифы, был достойным законоведом и превосходным знатоком грамматики, лексикологии и различных отраслей адаба. Ему принадлежат стихи, в которых он опирается на игру слов.

[Ал-Мутарризи] учился чтению [Корана] в своем городе под руководством своего отца Абу-л-Макарима Абд ас-Сайида и Абу-л-Му'айида ал-Муваффака ибн Ахмада ибн Исхака — лучшего оратора Хорезма и у других. Он слушал [хадисы] у Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн 'Али ибн Абу Са'ида ат-Таджира и у других. Он приехал в Багдад, направляясь в паломничество в 601/1204 г. Там проходили его диспуты с группой законоведов и литераторов, и литераторы заимствовали у него [познания].

[Ал-Мутарризи] составил комментарий на «Макамы ал-Харири», [написал труды] «Ал-Мугриб фи гариб алфаз ал-фукаха» («Удивительное [разъяснение] относительно незнакомых слов законоведов»), «Ал-Му'риб фи шархи ал-Мугриб» («Изъяснение на «Удивительное [разъяснение]»), «Ал-Акна фи-л-луга» («Удовлетворяющий по лексикологии»), «Ал-Мукаддима ал-Мутарризийа фи-н-нахв» («Мутарризиево введение по синтаксису»), «Ал-мисбах фи-н-нахв» («Источник света по синтаксису»), а также сокращенное[13] «Мухтасар ислах ал-мантик л-ибн ас-Сиккит» («Сокращенное изложение «Ислах-ал-мантик» Ибн Сиккита»).

Он умер в Хорезме во вторник 21 дня месяца джумада-л-ула 610/8 октября 1213 г.

// (Т. VII. С. 306) ЙУСУФ ИБН АБУ БАКР ИБН МУХАММАД АБУ ЙАКУБ АС-САККАКИ — из Хорезма, большой знаток арабского языка, [толкования] значений слов, риторики, адаба, метрики и поэзии. Он был знатоком догматического богословия, законоведом и [ученым], искушенным в различных науках.

[Ас-Саккаки] был одним из почтеннейших людей своего века, о котором говорили все. Он родился в 554/1159 г. и написал [книгу] «Ключи наук» — о двенадцати науках, которые он написал наилучшим образом. У него есть и другие сочинения. Ныне жив и обитает в своей стране — Хорезме.

// (Т. VI. С. 154) АЛ-ҚАСИМ ИБН АЛ-ХУСАЙН ИБН МУХАММАД АБУ МУХАММАД АЛ-ХОРЕЗМИ. Был поистине одним из наидостойнейших [ученых] и действительно уникумом эпохи в знании арабского языка: обладал мышлением лиц, будящих умы и характером критиков. Он обладал острым умом и правдивой натурой; был искусным в науке адаба и высоко поднялся в стихосложениях и риторической прозе.

Этот человек — око эпохи и звезда на лбу тех времен. Я спросил у него о времени его рождения и он ответил: «Время моего рождения — девятая ночь месяца ша'бана 555/14 августа 1160 г. Я был у него дома в Хорезме и увидел в нем душу, способную наполнить собой [другую] душу жизнерадостностью, чудесным настроением, искренней радостью и остроумным языком. Он заполнил мое сердце и мою душу и ни моя поэзия, ни моя проза не в состоянии описать его качества. Я попросил у него дома в Хорезме продекламировать мне из своих стихов в начале месяца зу-л-ка'да 616/января 1220 г.

[Следуют отрывки из стихотворений ал-Қасима ибн ал-Хусайна].

Я видел его старцем благообразным, с «красой» глубокой старости, полным, тучным и лишенным возможности двигаться. У него на шее был большой зоб. Я спросил его: «Какого ты толка?». Он ответил: «Ханифитского, однако, я не хорезмиец, я не хорезмиец!— повторил он дважды,— жил в Бухаре и разделял взгляды ее жителей». Отрицая, что он му'тазилит, да помилует его Аллах, сказал: «Попросил меня судья судей в Хорезме сочинить ему стихотворения, которые он написал бы на стенах вновь построенного дома и продекламировал я».

[Следуют строки из стихотворения ал-Қасима ал-Хорезми, сочиненного по этому поводу].

И продекламировал он мне из своих стихотворений, посвященных сыновьям шейх ал-ислама ар-Растана, а Растан — одно из селений Маргинана, Маргинан — из городов Ферганы...

[Следует отрывок из стихотворения ал-Қасима ибн ал-Хусайна о сыновьях ар-Растана, а затем отрывки из стихотворений других поэтов, восхваляющие самого ал-Қасима, а также из стихотворений ал-Қасима, посвященных другим лицам, в том числе Низам ал-Мулку, после чего Йакут сообщает:] Он спросил меня: «Кто

такой Низам ал-Мулк?» Я ответил: «Что же, ты, да сохранит тебя Аллах, произносящий этот стих, спрашиваешь у меня о своем восхваляемом?» Он спросил меня улыбаясь: «Ты не знаешь его?» Я ответил: «Нет, клянусь Аллахом». [Ал-Касим] сказал: «Сам я, клянусь Аллахом, тоже не знаю его, потому что никогда не пускался в восхваления кого-либо и не желал никаких благодеяний от него. Я не знаю никого, кто оказывал бы мне милость, кроме как однажды. Принудила меня к этому жизнь на чужбине, да проклянет Аллах эту жизнь». Я спросил его: «А как это было?» Он ответил: «Я разъезжал по Бухаре в поисках знания и в целях изучения рецитации Корана. Сначала встретился со мной Садр-джахан и другие, и эта история забыта. И после того как они испытали [мои познания] в адабе, [Садр-джахан] одарил меня 70 динарами и обещал мне многое. Если бы не нужда, и скитание на чужбине, я бы не принял их от него. Предложил мне аш-Шихаб ал-Хиваки, а он один из видных людей Хорезма — из приближенных султана Али[14], назначить меня на должность и представить мне место на черном ковре рядом с ним и выдавать мне каждый месяц 10 динаров за то, что буду читать [ему] адаб, я не сделал [это]».

Я спросил: «На что ты живешь?» Он ответил мне: «Моя мать после себя оставила мне в наследство незначительную сумму, которой удовлетворяется лишь «асхаб аз-завийа»[15], и я трачу их понемногу и наслаждаюсь тем, что я не нуждаюсь [в помощи] людей. Я читаю стихи и прозу ради удовольствия, а не в целях заработка, употребляя в своих стихотворениях вымышленные имена, которых не знаю»...

[Следуют отрывки из стихотворения ал-Касима ибн ал-Хусайна].

К числу его сочинений принадлежат: «Ал-Муджмара» («Собирающая»), небольшого [объема] книга относительно разъяснения «Ал-Муфассал» [аз-Замахшари]; «Ас-Сабика» («Слиток»), комментирующая ту же книгу, среднего [объема]; «Ат-Таджмир» («Воссоединение»), также комментирующая «Ал-Муфассал», популярная книга, разъясняющая «Сакт аз-занд» [ал-Ма'арри]; «Ат-Таудих» («Разъяснение») — книга, комментирующая «Макамы» [ал-Харири]; «Лахджат аш-шар'и» («Язык шариата») — книга, разъясняющая лексику фикха; «Шарх ал-Муфрад ва-л-Муаллиф» («Комментарий на «Ал-Муфрад ва-л-Муаллиф» [аз-Замахшари]»); «Шарх ал-Унмузадж» («Комментарий на «ал-Унмузадж» [аз-Замахшари]»); «Шарх ал-Ахаджи» («Комментарий на «Ал-Ахаджи»), принадлежащая Джараллаху [аз-Замахшари]; «Хилват ар-райахин» («Обитель базилика»), посвященная лекциям; «Аджаиб ан-нахв» («О диковинках синтаксиса»); «Китаб ассир фи-л-и'раб» («Книга о тайнах флексии»); «Китаб шарх ал-абнийа» («Книга, разъясняющая неизменяемые грамматические формы»); «Китаб аз-завайа ва-л-хайайа» («Книга закоулков и тайников») — по грамматике; «Китаб ал-мухассил ли-л-мухсила»

(«Книга итогов изучаемого») — по риторике; «Китаб ‘уджала ас-сафар фи-ш-ши‘р» («Книга «Быстрое путешествие в поэтику»); «Китаб бада‘и ал-милх» («Книга «О редко встречающихся остроумных выражениях»); «Китаб шарх ал-Йамини» («Книга, разъясняющая «Ал-Йамини»), принадлежащая ал-Утби.

(Т. II. С. 229) ИСХАК ИБН АХМАД ИБН ШАБИБ ИБН НАСР ИБН ШАБИБ ИБН АЛ-ХАКАМ ИБН АКЛАЗ ИБН ‘АКАБА ИБН ЙАЗИД ИБН САЛМА ИБН РУ‘БА ИБН ХАФАТИХ ИБН ВА’ИЛ ИБН ХУДАЙМ ИБН ЗУБЙАН АС-САФАР АБУ НАСР АЛ-АДИБ АЛ-БУХАРИ, из жителей Бухары; был одним из уникумов своего времени в науке арабского языка и в знании сокрытых в ней тонкостей. Он был законоведом, прибыл в Багдад и передавал в нем хадисы. Умер после 405/1014 г. и в этом году он передавал хадисы в Багдаде.

Упоминает ас-Сам‘ани Абу Са‘д в «Истории Мерва», Хаким ибн ал-Бий‘ — в «Истории Нишапура» и ал-Хатиб в «Истории Багдада». Сказал Тадж ал-Ислам, и я переписал это с его автографа: «Прибыл Абу Наср ас-Саффар в Хорасан, затем уехал в Ирак и Хиджаз, жил в ат-Таифе и скончался в нем; его могила в [ат-Таифе] известна».

[Исхаку ал-Бухари] принадлежат сочинения по языку, и он был хорошим поэтом. Он — дед аз-Захида ас-Саффара Ибрахима ибн Исма‘ила ибн Исхака ибн Исхака ибн Ахмада, с которым мы встречались в Мерве. [Исхак ал-Бухари] слушал хадисы у Насра Исма‘ила ал-Кинани, а с его слов передавал [их] Абу ‘Али ал-Хасан ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн ал-Мазхаб ат-Тамими ал-Багдади, который сказал после того, как называл его возраст таким, как было сказано выше: «Ал-Хаким Абу Наср ал-Факих ал-Адиб ал-Бухари ас-Сафар прибыл к нам, совершая паломничество; я не видел в Бухаре никого в его возрасте, кто бы знал наизусть адаб и фикх так, как он. Он изучал [труды] по разным отраслям знания. Затем он продекламировал мне одно из своих превосходных стихотворений, комментарий которого длинен[16].

Затем он [еще] продекламировал мне из своих собственных стихотворений...

[Следует отрывок из стихотворения Абу Насра ал-Бухари, внука Исхака ал-Бухари].

Сказал Абу Бакр ибн ‘Али ал-Хатиб: «Исхак ибн Ахмад ибн Шабиб Абу Наср ал-Бухари, который был известен своей правдивостью, прибыл в Багдад в 405/1014 г. Он передавал в нем хадисы со слов Насра ибн Ахмада ибн Исма‘ила ал-Кинани, автора «Джазил ас-Самарканди», мне с его слов передавал Хаджжи ал-Хасан ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн ал-Музаххиб, который хвалил его и помнил добром».

Сей автор [т. е. Йакут] говорит: «Я видел удивительную его книгу по грамматике, которую он назвал «Мудхал ила Сибавейх» («Введение в Сибавейхи»). Он говорит в ней о неизменяемых формах. Она [объемом] около 500 листов. Я нашел в ней сло-

ва тех, кто искушен в этой науке, и она охватывает тайны этого вопроса [грамматики], достигая крайних пределов. Помимо того, ему принадлежат сочинения по адабу, «Ал-Мудхал ас-сагир» («Малое введение») — книга по синтаксису и «Китаб ар-рад'ала Хамза» («Возражение Хамзе[17] о [причинах] возникновения ошибок»).

(Т. VII. С. 268) ЙАХЙА ИБН АХМАД АБУ ЗАКАРИЙА АЛ-ФАРАБИ — из выдающихся знатоков лексикологии. У него училась группа людей из Фараба и Мавераннахра. Он передавал хадисы со слов Абу 'Абд ар-Рахмана 'Абдаллаха ибн 'Убайдаллаха ибн Шариха ал-Бухари и со слов ал-Хасана ибн Мансура и написал книгу «Масадир фи-л-луга» («Источники по лексикологии»). Умер в ...[18]

(Т. II. С. 261) ИСМА'ИЛ ИБН АЛИ АЛ-ГАЗИ АЛ-БАЙХАКИ АБУ-Л-КАСИМ, прозванный «ШАМС АЛ-АИММА» («СОЛНЦЕ ИМАМОВ»). Упоминает его ал-Байхаки в книге «Китаб ал-вишах» и говорит: «Он был известен под именем «Шамс ал-Байхак». Он сочетал в себе [все] отрасли [науки] и овладел ключами мудрости».

В конце концов он окончательно поселился в Мерве. Его учение по фикху — прямое; большая часть его сочинений свободна от недостатков.

(Т. VI. С. 329) МУХАММАД ИБН АХМАД ИБН МУХАММАД ИБН СУЛАЙМАН ИБН КАМИЛ ИБН 'АБДАЛЛАХ ИБН АМИР ИБН СИНАН АЛ-БУХАРИ, известный [по прозвищу] «АЛ-ГУНДЖАР АЛ-ХАФИЗ» АБУ 'АБДАЛЛАХ ИБН АБУ БАКР. Он не входил в число адибов и поэтому упоминание его не обязательно [для нас]. Однако я упомянул его, поскольку он написал книгу «История Бухары».

Говорил Абу Са'д ас-Сам'ани: «Умер ал-Гунджар ал-Бухари в 410/1019 г., родился в 337/948 г. Он похоронен на кладбище «Хауд ал-Фудам» в Бухаре».

Сказал Ахмад ибн Мама ал-Исбахани ал-Хафиз в [дополнении], которое он сделал к биографии Гунджара, после упоминания его нисб о чем мы уже говорили: «Он был прозван «Гунджаром» потому, что изучал и собирал в период своей молодости хадисы, [передаваемые] Абу Ахмадом Исой ибн Мусой Гунджаром ал-Бухари». Он [ал-Исбахани] еще сказал: «Первый, кто записал о нем ту историю — Касир, со слов Абу Бакра Мухаммада ибн Ахмада ибн Хабиба и шейхов, большинство которых упомянуты в его сочинении — «История Бухары». Я слышал от него, как он говорил: «Я родился в 337/948 г. «Он умер в пятницу, перед заходом солнца, 22 дня месяца ша'бан 422/16 августа 1030 г.

(Т. II. С. 110) АХМАД ИБН МУХАММАД ИБН АЛ-КАСИМ ИБН АХМАД ИБН ХУЗАЙЙУ АЛ-АХСИКАТИ АБУ РАШАД, прозванный «ЗУ-Л-ФАДА'ИЛ» («ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕВОСХОДНЫХ КАЧЕСТВ»), умер в воскресенье, восьмого дня месяца джумада-л-ула 528/6 марта 1134 г. Ахсикат — один из городов Фер-

таны. (с. 111) Он и его брат по прозвищу «Зу-л-манакиб» («Обладатель похвальных качеств») — Мухаммад были адибами в Мерве, от которых [в диспутах] не было защиты, как твердо наделяют их похвальными [качествами] все [жители Мерва].

Они прибыли [из Ахсиката] в Мерв и жили в нем пока не умерли. Этот «Зу-л-фада'ил» был поэтом, адибом, составителем, катибом и мастером посланий в диване султанов. Ему принадлежат сочинения, в числе которых: «Китаб фи-т-та'рих» («Книга по истории»), «Китаб фи кавлихим казаба алайка каза» («Книга о выражении «Оболгали тебя так-то»), «Китаб зава'ид фи шарх «Сакт аз-занд» («Добавления к комментарию на «Сакт аз-занд» [ал-Ма'арри]»).

Я прочитал в диване его стихотворений, написанное его рукой: «Я продекламировал [бейты], принадлежащие Абу-л-'Ала...

[Следуют два бейта из стихотворений Абу-л-'Ала ал-Ма'арри] и я сказал в ответ ему:

[Следуют два бейта из стихотворений ал-Ахсикати]».

Упомянул его ас-Сам'ани среди своих шейхов и сказал: «Он был адибом достойным и искусным, у него длинная рука в знании синтаксиса и лексики, и широкая ладонь в поэзии и прозе. Он имел доступ к обществу достойнейших [адибов] старшего поколения, состязался в поэзии, участвовал на поэтических диспутах с выдающимися и крупнейшими [поэтами]. Многие достойнейшие [ученые] Хорасана учились у него адабу и брали у него [уроки]. Сам он слушал [уроки] в Ахсикате у Абу-л-Касима Махмуда ибн Мухаммада ас-Суфи и в Мерве у моего деда Абу-л-Музаффара ас-Сам'ани. Я слушал у него [анализ] «Книги поучений и проповедей», принадлежащей ал-Кади Абу Са'ду ал-Халилу ибн Ахмаду ас-Сиджази вместе с его традиционными пояснениями, почерпнутыми со слов Махмуда ас-Сирафи, а тот взял их со слов Абу Убайда ал-Карувани, а тот со слов автора [ас-Сиджази]. Рождение [ал-Ахсикати] было около 466/1073 г., скончался он в Мерве внезапно, в ночь на понедельник, когда остались 4 ночи из месяца джумада-л-ахира 528/23 апреля 1134 г.

(С. 400) 'АЛИ ИБН МУХАММАД ИБН АРСЛАН ИБН МУХАММАД АЛ-КАТИБ АБУ-Л-ХАСАН ИБН АБУ 'АЛИ АЛ-МУНТАДЖИБ. Он из жителей Мерва, катиб, овладевший красивым почерком и красноречием. Ему принадлежат великолепные стихотворения, послания и [образцы] риторики. Он уехал в Ирак и странствовал по городам, и пожалуй, он не увидел никого, подобного себе в его искусстве. Он слушал [хадисы] в Мерве у Абу Али Исма'ила ибн Ахмада ибн ал-Хусайна ал-Байхаки и у других.

Говорил Абу Са'д: «Я встретился с ним в Багдаде и написал он мне несколько своих стихотворений. [У него] была память, [позволявшая ему] услышать 40 стихов и запомнить их наизусть. В нем сочетались качества приятного собеседника, [искусного] секретаря и умение обращаться с царями».

40

Он был убит в сражении хорезмшаха в Мерве в месяце раби‘ ал-аввал 536/октября 1041 г. Ему принадлежит книга «Та‘иллат ал-Муштак ила сакинийи ал-Ирак» («Цель стремящегося к [познанию] обитателей Ирака»).

Его отец Мухаммад ибн Арслан также был из благородных и знатных [людей]. Ему принадлежат стихотворения и послания. Его восхвалял аз-Замахшари и оплакивал его. Прозвали его «Мунтаджиб ал-мулк». Я [Йакут], не знаю, не является ли это прозвище производным от его отца или не был ли он известен как «Ибн ал-Мунтаджиб?» Упомянуто в «Истории Хорезма», что Мунтаджиб ал-мулк Мухаммад ибн Арслан умер в 534/1139—40 г. или около этого.

Упоминает аз-Замахшари в своем толковании макамов: «Продекламировал мне великий ал-Мунтаджиб Абу ‘Али Мухаммад ибн Арслан один из своих собственных стихов. Если этот бы стих оказался в поэзии предшествующих поэтов, его распространили бы чтецы и увековечили бы имамы в своих книгах».

[Следуют стихотворения Мухаммада ибн Арслана].

(Т. VI. С. 53) УМАР ИБН МУХАММАД АН-НАСАФИ АЛ-ХАФИЗ. Насаф — это Нахшаб, [расположен] в Мавераннахре. Кунья его — «Абу Хафс»; он написал ряд книг, к числу которых относится «Китаб ал-канд фи улама Самарканд» («Сахарная книга об ученых Самарканда»).

Упомянул он в ней и говорил: «Муса ибн Абдаллах (с. 54) ал-Агмани прибыл к нам в 516/1122 г. Он был достойным молодым человеком, оставался у меня несколько дней и записал с моих слов многое, и для него я собрал книгу, которую назвал «Поспешно сделанное нахшабцем для своего гостя магрибинца» и в ней я сказал...

[Следуют бейты из стихотворений ан-Насафи]».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основные источники по биографии Йакута: Ибн Халликан. П. С. 210—214; Brockelmann C. I. С. 479—481; EI. IV. С. 1153—1154; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 334—336.

[2] Хама — один из городов Сирии (Йакут. Му‘джам ал-булдан. П. С. 177—178).

[3] Перевод выполнен на основании издания Д. С. Марголиуса (в ссылках — сокращенно «Иршад»).

[4] Сахиб ибн Аббад, бувейхидский везир (938—995).

[5] Бади‘ аз-Заман ал-Хамадани (род. в 969 — ум. в 1007) был одним из родоначальников жанра макамы.— Ханна ал-Фахури, П. С. 199—201.

[6] По-видимому, речь идет о Махмуде ибн Мухаммаде ибн Арслане, о котором речь пойдет ниже. «Ал-Ислами» — либо один из его нисб, либо искажение слова «Арслан».

[7] Самарра, сокращенное от Сурраманра’а, который расположен в Ираке.

[8] В одной из рукописей Йакута это имя — «ал-Хайули» (Йакут. Иршад. С. 102. Прим. 2).

[9] Судя по этому названию, книга была посвящена ас-Сухайли.

[10] Буквально: и тот, на кого они указывали.

[11] Поскольку аз-Замахшари родился в 1074 г., а ал-Хасан ибн ал-Музаффар умер в 1050 г., слово «шейх» здесь не может быть в значении «учитель», «педагог». Скорее всего оно здесь в значении «учитель — высокий пример (идеал)».

[12] Т. е. в автографе его труда.

[13] Видимо, в тексте какой-то пропуск, так как выше о каких-либо сокращениях не было речи.

[14] По-видимому, речь идет об Алишахе (или Алишере), брате хорезмшаха Ала' ад-Дина Мухаммада ибн Такаша (Zambaur. С. 209. Прим. 8).

[15] Это странствующий дервиш, не имеющий личной собственности.

[16] Т. е. объяснять это стихотворение очень долго, поэтому это не приводится.

[17] Речь идет об известном багдадском историке и филологе Хамзе ибн ал-Хасане ал-Исбахани (ум. в 970 г.).—Brockelmann С. SB I. С. 222.

[18] Дата смерти в тексте опущена.

ЙАКУТ АЛ-ХАМАВИ

МУ'ДЖАМ АЛ-БУЛДАН

«Му'джам ал-булдан» — «Словарь стран» Йакута[1] является ценнейшим географическим источником, великолепным сводом данных, известных арабам к XIII в. Названия стран, городов, местностей даны Йакутом в алфавитном порядке. Словарная статья обычно содержит сведения, включающие объяснения происхождения географических названий, указание на положение той или иной местности, исторические данные о городах и странах, описание их с информацией об обычаях народов и с привлечением занимательных рассказов о них, перечисление знаменитых ученых, в основном знатоков шариата и преданий, происходивших из того или иного населенного пункта, поэтические отрывки, упоминающие описываемую местность. Такое обилие сведений дало возможность академику И. Ю. Крачковскому характеризовать этот памятник как далеко выходящий за пределы узко географических интересов. «Это не только свод географии астрономической, описательной, филологической и путешествий. В нем представлена не только историческая география, но и в такой же мере религия, культура, этнология, фольклор, литература первых шести веков хиджры»[2]. Источники «Словаря стран» очень многообразны, однако из-за утраты многих сочинений, привлеченных Йакутом, он во многом сохраняет значение первоисточника.

Автор «Словаря стран» Йакут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (ок. 1179—1229) — известный арабский ученый-энциклопедист и путешественник.

В «Словаре стран» Йакута имеется ряд статей с описанием местностей Средней Азии и Восточного Туркестана. Они касаются тюркских племен, живших к северу от Китая, городов Восточного Туркестана, Кашгара, Йаркенда, Баласагуна, Хотана, районов Тибета и некоторых др. Интересны и важны материалы Йакута об ученых, происходивших из этих мест. Такой материал дает представление о культурной жизни той эпохи.

Вместе с тем следует указать, что данным Йакута слепо следовать нельзя: как установил В. В. Бартольд, в «Словаре стран» порою дается ошибочное произношение ряда топонимов[3]. Необходимо также отметить, что такие ошибки касаются и разделов о Восточном Туркестане, так «Йаркенд» дается в виде «Базкенд»[4] и др.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «СЛОВАРЯ СТРАН» ЙАКУТА

// (Т. I. С. 839) Самая обширная область тюрок — это страна тогузгузов, и граница их Син (Китай)[5], затем Туббат (Тибет), хазладж[6], кимак, гузз, джигил[7], баджнак, базкиш, азкиш, хуфшак, хирхиз[8]. И начало с ними в стране мусульман — это Фараб. Говорят, что их известных городов — шестнадцать. Тогузгузы среди тюрок подобны кочевникам, [они] обладатели столбов [для палаток], они то уезжают, то останавливаются [в каком-либо месте]. Базкиши — жители городов и деревень...

Из царей тюрок — Кимак без двух тысяч (без племени Кай)[9]. Они кочевники, которые движутся [в поисках] пастбища. Когда у какого-нибудь человека родится сын, он воспитывает его, кормит, заботится о нем до достижения им зрелости. Тогда он дает ему лук и стрелы и удаляет из дома, говоря: «Старайся сам для себя». После этого он обращается с ним, как с посторонним человеком. Среди них имеются такие, которые продают своих детей мужского и женского пола на свои нужды.

К их обычаю относится следующее: молодые девушки [ходят] с непокрытыми головами; когда мужчина хочет жениться, он накидывает на голову одной из них одежду; если он так сделает, она становится его женой // (с. 840) и никто не запрещает ему [взять ее].

Рассказал Тамим ибн Бахр ал-Мутавва'и[10], что в их стране сильный холод и передвижение по ней происходит только шесть месяцев в году. Он сам держал путь по стране тогузгузского хакана на почтовых лошадях, которых хакан отправил к нему. Он прошел, напряженно двигаясь днем и ночью, три почтовые станции, чувствуя его (холод). Он шел двадцать дней по степям, в которых [имеются] источники и пастбища, но нет там ни деревень, ни городов, кроме распорядителей почтовых стоянок, которые живут в кибитках. Он вез с собой провиант на двадцать дней. После этого он ехал еще двадцать дней среди сплошных деревень и многочисленных построек. Большая часть населения там — огнепоклонники, придерживающиеся вероучения магов. Среди них есть и зиндики, следующие учению Мани. После этих дней он прибыл в город царя. Он рассказывает, что это огромный, укрепленный город, вокруг которого населенные сельские волости и сплошные деревни. У этого [города] двенадцать железных ворот, огромных по величине. Он говорит, что [город] с многочисленным населением, толчеей, рынками, торговлей. Большинство его жи-

телей следуют вероучению зиндиков. Он рассказывает, что, по его предположению, [области] за этим [ведут] в страну Син на расстоянии трехсот фарсахов. Он добавляет: «Я полагаю, что еще больше этого». Он сообщает, что справа от страны тогузгузов [находится] страна таких тюрок, с которой поддерживают общение только они; слева от тогузгузов кимаки, а перед ними страна Син. Он рассказывает, что до своего прибытия в этот город он видел царский шатер из золота и перед его дворцом девятьсот человек.

Среди жителей Востока распространен [рассказ], что у тюрок имеются камни, при помощи которых они вызывают дождь, и что выпадает у них снег, когда они захотят...[11]

// (Т. I. С. 243) **Астарсан** — [читается] с фатхой, затем сукун, фатха, «та» с двумя точками, сукун «ра», фатха второго «сина» и «нун» — это город между Кашгаром и Хотаном в стране тюрок. Из него родом Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад ибн ʿАли ал-Астарсани ал-Базгенди[12], который прибыл в Багдад в 498/1104—05 г., как об этом рассказал кади Абу-л-Махасин Омар ибн Абу-л-Хасан ад-Димишки. Он (ад-Димишки) говорит, что тот передавал хадисы со слов Ахмада ибн Исы ибн ʿУбайдаллаха ад-Дулафи. И он рассказал, что слушал он его в Астрабаде, где его слушал [также] круг людей, среди которых [был] Абу-р-Рида Ахмад ибн Масʿуд ан-Накид.

// (Т. I. С. 467) **Базкенд**[13]... — город между Кашгаром и Хотаном; из страны тюрков. Из него родом Ахмад ибн Мухаммад ибн ʿАли Абу Наср ал-Астарсани ал-Базкенди. О нем говорит ибн ад-Дубайси и о нем упоминалось ранее в [статье] Астарсан.

// (Т. I. С. 708) **Баласагун**... — большой город в пограничных пунктах против тюрок, [находящийся] за рекой Сейхун недалеко от Кашгара. Из него [родом] группа людей, среди которых Абу ʿАбдаллах Мухаммад ибн Муса ал-Баласагуни, известный под именем ат-Тюрк; он учился фикху в Багдаде у кади Абу ʿАбдаллаха ад-Дамагани, ханифита; он направился в Шам (Сирию) и принял на себя обязанности кади в Байт ал-Мукаддасе (Иерусалиме), а затем в Дамаске; его образ действия не хвалили; он передавал [предания] со слов кади ад-Дамагани и был крайним в фанатической приверженности к религиозному толку Абу Ханифы и в злословии по отношению к толку аш-Шафиʿи. Говорит знаток Корана Абу-л-Касим: «Я слышал, как факих Абу-л-Хасан ибн Кубайс осуждал его, говоря, что он обычно изрекал: «Если бы мне принадлежало управление, то я брал бы со сторонников аш-Шафиʿ и джазью». Он умер в Дамаске в 506/1112—13 г.

// (Т. I. С. 790) **Бискенд**[14] — город за Шашем, [принадлежащий] к районам Туркестана, а это место собрания тюрок.

// (Т. II. С. 403) **Хотан**... — страна и область после Кашгара за Йузкендом (Яркендом), и она считается принадлежащей к стране Туркестан. Она [расположена] в долине между гор в цент-

ре тюрок. Некоторые [произносят это название] с удвоением «та». Из него [родом] Сулайман ибн Дауд, известный под именем Хаджжадж ал-Хотани. Он слушал Абу ʿАли ал-Хасана ибн ʿАли ибн Сулаймана ал-Маргинани. Его упоминает Абу Хафс Омар ибн Ахмад ан-Несефи, который говорит: «Он направился ко мне в 523/1128—1129 г.».

// (Т. IV. С. 227) **Кашгар...**— это город, деревни и сельские волости, куда ездят из Самарканда и тех областей. Он [расположен] в середине страны тюрок и его жители — мусульмане. Из него [родом] представители более поздних поколений: Абу-л-Маʿали Тугрул-шах Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Хашим ал-Кашгари, проповедник, а он был превосходным [ученым], который слушал многочисленные предания и обучался литературе и толкованию Корана; родился он в 490/1096—97 г. и жил еще после 550/1155—56 г. Абу ʿАбдаллах ал-Хасан ибн ʿАли ибн Халил ибн Джибраʾил ибн ал-Халил ибн Салих ибн Мухаммад ал-Алмаʿи ал-Кашгари, который был достойным шейхом и проповедником, ему принадлежат многочисленные сочинения; большая часть его преданий [о пророке] не признается; он слушал знатока Корана Абу ʿАбдаллаха Мухаммада ибн ʿАли ас-Сури, Абу Талиба ибн Гайлана и других; с его слов передавали предания Абу Наср Мухаммад ибн Махмуд ас-Сарамади аш-Шуджаʿи и другие; он составил // (с. 228) из хадисов более 120 сочинений; скончался в Багдаде в 484/1091—92 г.

// (Т. III. С. 444) **Син...** На севере от него тюрки... Я прочитал о том, что я обрисовал, в старой книге, которую написал Абу Дулаф Мисʿар ибн Мухалхил[15], рассказывая, что он наблюдал и видел в стране тюрков, в [странах] Син и Хинд... // (с. 445) Когда Родина моя стала далеко от меня и путешествие привело меня в Хорасан путником по земле, я увидел его владыку и того, кому предписано повелевать им— // (С. 446) Насра ибн Ахмада ас-Самани[16], великого по сану, сильного по власти, рядом с которым представляются малыми весьма могущественные люди и по отношению к которому становятся легкими весы обладателей власти и силы. Я застал у него послов Калина сына аш-Шахира[17], царя Сина, прибывших с целью вступления его в родство [с ним] путем брака и желающих посвататъ за него дочь царя Сина. Он отказался и счел это предосудительным из-за запрета [этого] шариатом. Когда он это отверг, они стали склонять его к женитьбе одного из его сыновей на дочери царя Сина, и он согласился. Я использовал этот случай, чтобы направиться в Син вместе с ними.

И вступили мы в страну тюрков. Первым племенем, к которому мы прибыли, после прохождения городов ислама в Хорасане и Мавераннахре, было племя в стране, называемой Харгах[18]. Мы пересекли ее в течение месяца, питаясь пшеницей и ячменем. Затем мы вышли к племени, называемому Тахтах[19], в котором мы питались ячменем, просом, различными сортами мяса, степными овощами. Мы шли по ней 20 дней в безопасности и спокойствии.

Жители ее слушаются царя Сина и повинуются ему; они платят подать Харгаху из-за близости и вступления их в ислам. По большей части они договариваются с ними относительно походов против тех язычников, которые далеки от них.

Затем мы прибыли к племени, называемому Баджа[20], и питались мы среди них просом, горохом и чечевицей. Мы шли среди них месяц в безопасности и спокойствии. Они язычники и платят дань Тахтаху. Они поклоняются своему царю и почитают коров, из-за чего коров у них в [хозяйстве] нет. В этой стране много инжира, винограда и черного кизила. Там есть разновидность деревьев, которые не горят в огне[21]. Их идолы из этого дерева.

Затем мы вышли к племени, называемому Баджнак[22], люди там с длинными бородами и маленькими усами, завистливы друг к другу, женщину там могут насиловать прямо на дороге. Они едят только просо. Мы шли среди них 12 дней. Нам сообщили, что их земля велика в сторону севера и страны славян. Харадж они никому не платят. Затем мы вышли к племени, называемому Джикил[23]. Они едят только ячмень, горох и баранье мясо, но не закалывают верблюдов и не разводят коров, которых и нет в их стране. Их одежда из шерсти и меха, другой они не надевают. Среди них есть немного христиан. Лица у них красивые. Мужчина из них может жениться и на своей дочери, // (С. 447) и на сестре, и на других своих родственницах. Они не являются огнепоклонниками, однако таков их закон в бракосочетании. Поклоняются они Канопусу, Сатурну, [созвездиям] Близнецов, Медведицы и Полярной звезде. Южный Сириус называют они господином господ. Они кроткие и не ведают зла. Все племена тюрок, что вокруг них, грабят их и жадны до них. У них имеется растение, называемое «калкан», приятное на вкус, которое они варят вместе с мясом. У них есть рудники безоара (змеевика) и [наблюдается необыкновенная] способность роста у них ромашки. Там из крови и степного зверобоя делают напиток, который очень сильно опьяняет. Их дома из дерева и костей. У них нет царя. Мы пересекли их страну за 40 дней в безопасности, благополучии и спокойствии.

Затем мы вышли к племени, называемому Баградж[24]. У них [на лицах] усы, но без бороды. Они прекрасно владеют оружием — как всадники, так и пешие. Царь у них великого сана, говорят, что он алавит (последователь ʿАли) и что он из потомков Йахйи ибн Зайда. У него позолоченная книга — Коран, на обложке которой бейты, в которых оплакивается Зайд, и они поклоняются этой книге. Зайд, по их мнению, царь арабов, а Али ʿибн Абу Талиб, да будет доволен им Аллах, по их мнению, бог арабов. Они признают над собой царями только потомков этого алавита. Когда они обращаются лицом к небу, они открывают рты и устремляют взоры вверх, говоря, что бог арабов спускается с неба и поднимается на него. И удивительно, что те, кого они признают над собой царями из потомков Зайда, имеют бороды,

у них прямые носы и большие глаза. Их пища — просо и мясо самцов-баранов. В их стране нет ни коров, ни коз. Их одежда из войлока. Они не надевают другой. Мы шли среди них месяц в страхе и с опасением, отдавая им десятину от всего, что было с нами.

Затем мы прошли к племени, называемому Туббет[25], и шли среди них 40 дней в безопасности и спокойствии, питаясь пшеницей, ячменем, бобами и остальными видами пищи, мясом, рыбой, овощами, виноградом и фруктами. Они носят всякую одежду. У них есть большой город из тростника, где имеется храм для поклонения, сделанный из окрашенных бычьих шкур, в котором находится собрание разных вещей, а также рога мускусных газелей. Среди них есть люди из мусульман, иудеев, христиан, огнепоклонников из страны Хинд (Индии). Они платят дань багараджскому алавиту. У них никто не становится царем кроме как по жребию. У них есть особое место для заключения за преступления и злодеяния. Молитва их обращена в сторону киблы.

Потом мы прошли к племени, // (с. 448) называемому Кимак[26]. Их дома из кож. Они едят горох, бобы, мясо самцов-баранов и коз, и ты не увидишь, чтобы они закалывали их самок. Виноград у них такой, что половина плода белая, а половина черная. У них есть камни — магнит для дождя, при помощи которых они вызывают дождь, когда хотят. У них имеются рудники золота на равнинной земле, которое они находят кусками. У них также есть алмазы, отыскиваемые в потоке. Есть и растение сладкое на вкус, которое усыпляет и одурманивает. Есть там и тростниковые перья, которыми они пишут, но нет у них ни царя, ни храма для поклонения, а поклоняются они тем из них, кто проживет более 30 лет, если только у него не будет увечья или явного порока. Наш путь среди них составил 35 дней.

Затем мы подошли к племени, называемому Гузз[27]. У них есть город из камней, дерева и тростника, у них — храм для поклонения, но в нем нет идолов. Царь их великого сана; он получает с них харадж. Они ведут торговлю с землями Хинд и Син. Они едят только пшеницу, а овощей у них нет. Едят они также мясо баранов и коз, как самцов, так и самок. Они носят одежду из льна и меха, но не из шерсти. У них имеются белые камни, полезные от рези в желудке, и зеленые камни, такие, что если пройдут ими по мечу, то он совсем не будет резать. Наш путь среди них продолжался месяц в безопасности, благополучии и спокойствии.

Потом мы подошли к племени, называемому Тогузгуз[28]. Они едят [животных] как зарезанных, так и незарезанных. Носят они хлопок и войлок. У них нет храма для поклонения, а почитают они коней и умеют хорошо держаться на них. У них есть камни, прекращающие кровотечение, если их привязать страдающему кровотечением. При появлении радуги у них праздник; молитву

свою они обращают к месту захода солнца. Их знамена черные. Мы прошли их [земли] за 20 дней в сильном страхе.

Затем дошли до племени, называемого Хирхиз[29]. Они едят просо, рис, говядину, баранину, козлятину и остальные разновидности мяса, кроме мяса верблюдов. У них имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми они пишут. Они обладают разумом и сообразительностью. Светильники свои они не гасят до тех пор, пока [горючее] вещество в них не потухнет само. Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы. У них есть мускус. В году у них несколько праздников. Молятся они, обращаясь на юг, почитают Сатурн и Венеру и считают дурным предзнаменованием Марс. Зверей в их стране много. Они имеют камни, которые светятся ночью, благодаря которым им не нужны светильники и которые употребляются // (с. 449) только в их стране. Царю они повинуются, перед ним никто из них не может сесть, если только не перешагнет за сорок лет. Мы шли среди них месяц в безопасности и спокойствии.

Затем дошли мы до племени, называемого Харлух[30]. Они едят горох и чечевицу. Из проса они изготовляют напиток. Мясо они едят только сильно посоленное. Носят шерсть. Они имеют храм для поклонения, в стенах которого изображения их прежних царей. Этот храм из дерева, которое не горит. Такого дерева в их стране много. Притеснения и распутство среди них совершаются открыто. Одни из них нападают на других. Прелюбодеяние среди них часто и не запрещено. Они любят азартные игры, любой может играть на свою жену, сына, дочь и мать. И пока он находится в игорном заведении, то может отыграть проигранное и освободить их. Когда же игрок уходит, то приходится ему продать то, на что он играл, так хочет выигравший. Красота и испорченность их женщин явная. Они мало ревнивы. Вот выходит дочь начальника без него, или жена его, или сестра к караванам, когда те прибывают в страну, смотрит на лица, и если ей понравится какой-нибудь человек, она берет его в свой дом, поселяет у себя, хорошо с ним обходится и заставляет своего мужа, брата, сына прислуживать ему. Муж ее не приближается к ней, пока тот, кого она выбрала, находится у нее; разве только по делу, которое он выполняет. Она же и тот, кого она выбрала, предаются еде, питью и другому на глазах у ее мужа, который не ревнует и не осуждает. У них есть праздник, когда они надевают парчу, а кому это невозможно, на свое платье накладывают заплаты из парчи. У них есть рудник серебра. Они добывают ртуть. У них есть дерево, подобное мироболанову, с прямым стволом; если его соком покрыть воспаленные опухоли, то он исцелит их тотчас. У них имеется огромный камень, который они почитают и судятся у него; для него они закалывают жертвы; камень этот свекольно-зеленый. Мы шли среди них 25 дней в безопасности и спокойствии.

Потом мы пришли к племени, называемому Хутлух[31] и двигались среди его жителей 10 дней. Они едят пшеницу, разные сорта мяса, незарезанных животных. Я не видел среди тюркских племен более сильных, чем они. Они грабят окружающих. Женятся они на [своих] сестрах. И у женщины может быть только один муж; когда он умирает, после него она не может выйти замуж. Они обладают разумом и порядком. Если кто-нибудь в их стране совершает прелюбодеяние, то сжигают и его и ту, с которой он это совершил. Развода у них нет. А калым — это все, чем владеет человек, // (с. 450) и служба опекуном [девушки] год. За убийство у них кара, а за ранение — возмещение. Если же раненый погибнет после того, как взято возмещение, то кровная месть прекращается. Их царь не признает зла, и он не женится, а если женится, то его убивают.

Затем мы пришли к племени, называемому Хитайан[32]. Они едят ячмень и горох; мясо у них едят только от зарезанных [животных]. Бракосочетание у них правильное, а их установления, на основе которых осуществляется управление, разумные. У них нет царя, а каждые 10 человек обращаются к старейшине, обладающему разумом и рассудительностью, и судятся у него. У них нет насилия над тем, кто проезжает через них, ни убийств. Имеется у них храм для поклонения, в котором они проводят, не выходя, месяц, или меньше, или больше [месяца]. Они не надевают ничего окрашенного. У них имеется хороший мускус, пока он в их стране, а если его вывезти оттуда, то он изменяется и преображается. Много у них овощей, большинство которых полезны. У них есть змеи, несущие смерть тем, кто на них смотрит, но только они в горах и не выходят оттуда никогда. Есть у них камни, успокаивающие лихорадку. Их применяют только в их стране. У них есть хороший безоар (камень-змеевик) восковой, с зелеными прожилками. Наш путь среди них длился 20 дней.

Затем мы прошли к стране Бахи[33], в которой много пальм, изобилие овощей и винограда. У них имеется город и деревни. Царь, который владеет управлением, имеет прозвание Бахи. В их городе есть мусульмане, иудеи, христиане, огнепоклонники и идолопоклонники. У них есть праздники. Имеются у них зеленые камни, полезные от воспаления глаз, и красные камни, полезные от воспаления селезенки. У них хорошее, яркое, высокого достоинства, не погружающееся [в воду] индиго, которое, если и бросить в воду, не осаждается. Мы шли среди них 40 дней [то] в безопасности, [то] в страхе...

// (Т. I. С. 347) **Андукан**[34] — одно из селений Ферганы. К нему относит свое происхождение Умар ибн Мухаммад ибн Тахир ал-Андукани ас-Суфи, который был шейхом, чтецом, [человеком] добродетельным и благочестивым, знатоком преданий. Он читал Коран; прибыл в Кашан[35] и служил в нем законоведом в мечети. Слушал хадисы в Бухаре у Абу-л-Фазла Бакр ибн Мухаммад ибн Али аз-Заранджара, в Мерве у Абу Риджа ал-Мухаммад ибн

Масрур аш-Шаши и Абу-л-Хасана ʿАли ибн Мухаммада ʿАли ал-Харрас ал-Ваʿиза. Слушал от него Абу Саʿд[36], который сказал: родился в Андукане приблизительно в 480/1087 г. и вырос в Фергане. Прибыл в Мерв в 504/1110 г. и умер в селении Кашан в джумада ал-аввале 545 (август 1150 г.).

//(Т. I. С. 150) **Ахсикас** — название города в Мавераннахре, столица Ферганской области; расположен на берегу р. Шаш, на ровном месте, между городом и горами, находящимися налево от реки на расстоянии одного фарсаха. В нем есть кухендиз, то есть крепость и рабад, размером около трех фарсахов; здания его построены из глины, его рабады также загорожены заборами.

У внутреннего шахристана четверо ворот. Внутри города и на рабадах проточные воды и много прудов. Ворота рабада приводят к обнесенным заборами густым садам и рекам, которые не прерываются на протяжении одного фарсаха. Это — один из прекрасных городов Мавераннахра. Он находится в четвертом климате, на 90° долготы и на 37,5° широты.

Из этого города вышла группа ученых и литераторов, такие как Абу-л-Вафа Мухаммад ибн ал-Касим ал-Ахсикаси[37], который был знатоком филологии и истории; умер после 520/1126 г. Его брат Абу Рашад Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Касим[38] был превосходным литератором и поэтом. Они жили в Мерве и умерли там же[39]. Из стихов Ахмада, в которых он воспевает свою страну:

> Не из глины моей создал Аллах подлых скупцов,
> Ахсикас — это мать, которая не рожала, кроме щедрых и благородных.

// (Т. II. С. 57) **ал-Буттам** — название крепости в Фергане. О нем говорил ал-Кумайт: «Недоступные [богатства] Сина и Буттама стали общим достоинством». Говорят: «ал-Буттам очень прочная крепость и в нем есть рудники золота, купороса и нашатыря, которые поднимаются до горизонта. Здесь есть гора, в которой есть что-то наподобие пещеры; на ней построен плотно закрывающийся дом с дверью и окнами. До этого места поднимается пар, днем похожий на дым, а ночью — на огонь, и когда дым сгущается, то от него выделяется нашатырь. Никому не удается войти в [тот] дом из-за сильного жара, кроме как не обернувшись в войлок, смоченный водой. Так входят в него, как вор, берут оттуда столько, сколько смогут и поспешно выходят. Этот пар перемещается [под землей] из одного места в другое и его откапывают, пока не появится. И так до тех пор, пока не кончится дым. В отсутствие дыма приближение к [дому] не опасно, если даже приходится задерживаться. Раскопка останавливается тогда, когда сильная жара обжигает тех, кто входит в нее...

Ал-Буттам — название трех гор — Первый Буттам, Средний Буттам, Внешний Буттам. Реки Бухары, Самарканда и всего Согда начинаются у Среднего Буттама [и] через Бургар[40] и Мунжикас[41] достигают Самарканда. Река Саганиана[42] также начинается от него.

// (Т. VI. С. 310) **Гандаб** — из местечек[43] Маргинана, одного из городов Ферганы. Из него происходят Абу Мухаммад Умар ибн Ахмад ибн Абу-л-Хасан ал-Гандаби ал-Маргинани, известный по прозвищу «ал-Фергани». Он был законоведом Самарканда, читал в нем проповеди. Слушал хадисы в Балхе у Абу Джа'фара Мухаммада ибн ал-Хусайна ас-Симинджани. Упомянул среди своих шейхов Абу Джа'фар и говорил: «Он родился в 485/1092 г.»

// (Т. X. С. 503) **Йадахкас (Йадахкат)** — из селений Ферганы.

// (Т. VII. С. 283) **Канд** —из округов[44] Ходжанда, его также называют Канд-и Бадам из-за обилия в нем фисташек и эти фисташки с тонкой скорлупой, которые можно раздавить рукой.

// (Т. VII. С. 207) **Касан** — большой город на территории Туркестана, на берегу р. Сайхун, рядом с [городом] Шаш. В нем имеется неприступная крепость и за воротами ее — долины Ахсикаса.

// (Т. VI. С. 21—22) **Куба** — большой город в Фергане, вблизи Шаша. Свое происхождение, как упоминает Ибн Тахир, относят к нему представители различных наук... [Например], относит к нему свое происхождение Са'д Абу-л-Макарим Ризкаллах ибн Мухаммад ибн Абу-л-Хасан ибн Умар ал-Куба'и, уроженец Кубы, одного из городов Ферганы; проживал в Бухаре, был хорошим литератором, это я слушал от [ибн Тахира]... Ибрахим ибн 'Али ибн ал-Хусайн Абу Исхак ал-Куба'и ас-Суфи был шейхом приграничной области; родился в Мавераннахре и в детстве уехал в чужие края; совершил путешествие в Хорасан, Ирак, Хиджаз; остановился в Сауре[45] и жил там, пока не умер. В [Сауре] многие изучали у него хадисы; прожил он там четыре года. Спросили у него о рождении и он ответил: «В 394 или 395/1003—1004 г.» Он умер в 471/1978 г.

// (Т. VII. С. 315) **Ламиш**[46] — из селений Ферганы. Из него происходит группа ученых. Среди них из более позднего поколения Абу 'Али ал-Хусайн ибн 'Али ибн Абу-л-Касим ал-Ламиши ал-Фергани; жил в Самарканде и был имамом благородным, законоведом проницательным. Слушал хадисы у Мухаммада 'Абд ар-Рахмана ибн 'Абд ар-Рахима ал-Хафиза ал-Кассара и у других. Родился в Ламише в 441/1049 г., умер в Самарканде в месяце рамадан 522/августе 1128 г.

// (Т. III. С. 154) **Малуд** — из селений Узгенда на стороне Туркестана, в Мавераннахре.

// (Т. VIII. С. 27) **Маргинан** — городок в Мавераннахре, один из наиболее известных городов Ферганы; из него вышла группа ученых.

// (Т. VIII. С. 219) **Миан-Рудан** — область на окраине Мавераннахра, вблизи Узгенда.

// (Т. I. С. 374—375) **Уш** — большой город на окраине Ферганы, вблизи города Куба. Он обнесен стеной, в нем четверо ворот и крепость; [стена] доходит до горы, на которой стоят стражники, охраняющие [город] от тюрок. Он очень плодородный; из него вышла группа ученых и среди них Умар ибн Муса ал-Уши и сог-

ласно книге Ибн Нукта Умрана и Мас'уда, сыновей законоведа Мансура, законовед ал-Уши умер в месяце зу-л-хиджжа 519/декабрь 1125 г. ...Мухаммед ибн Ахмад ибн 'Али ибн Халид Абу 'Абдаллах ал-Уши проживал в Бухаре и прибыл в Багдад, совершив хадж и слушал хадисы у его жителей и умер в нем в месяце сафар 613/мае 1216 г.

// (Т. IV. С. 262) **Риштан** — из селений Маргинана, а Маргинан — из селений Ферганы, расположенный в Мавераннахре. Относят к нему свое происхождение шейх ал-ислам Хорезма, известный под именем «ар-Риштани».

// (Т. I. С. 374) **Узканд** — город в Мавераннахре, одна из окрестностей Ферганы, называют и «Узжанд»... Мне рассказывали, что «канд» — термин на языке жителей этого города, значение его «село», что подобно тому, как жители аш-Шама называют его «ал-Кафр», т. е. «небольшая деревня». Узканд — один из окраинных городов Ферганы и соприкасается с немусульманскими странами. В нем имеются стены, крепость и несколько ворот; до него доходят торговые пути тюрок, в нем есть сады и проточная вода. Из него происходит группа [ученых]... Среди них 'Али ибн Сулайман ибн Дауд ал-Хатиби Абу-л-Хасан ал-Узканди. Говорил Ширавейх, что [ал-Узканди] прибыл в Хамадан в 405/1014 г. и передавал хадисы со слов Абу Са'д 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ал-Идриси и Абу-л-Хасана Мухаммада ибн ал-Касима ал-Фариси и Абу Са'да ал-Хуркуши[47] и 'Абу 'Абд ар-Рахмана ас-Суллами[48] и других.

// (Т. I. С. 256—257) **Ушрусана (Усрушана)** — большой населенный пункт в Мавераннахре в стране ал-Хайатала[49], расположенный между Сырдарьей и Самаркандом. Между ними и Самаркандом 26 фарсахов. Он расположен в четвертом климате, $91\frac{1^{\circ}}{6}$ долготы и $36\frac{2^{\circ}}{3}$ широты. Ал-Истахри говорил, что Ушрусана — название области, как и Согд. Здесь преобладают горы, которые окружают районы Мавераннахра; на востоке от нее Ферганы, с запада — пределы Самарканда, с севера — Шаш и часть Ферганы, с юга — часть пределов Кеша, Саганиана, Шумана, Вашджирда и Рашта. Говорят, что самый большой его город — Булсан. Среди его городов — Бунджакат, Сабат, Заамин, Диззак, Харкана. Городом, где живут правители, является Бунджикат. Из Ушрусаны происходят ученые, среди которых Абу Талха Хаким ибн Наср ибн Халидж ибн Джундабек, прозванный также ал-Ушрусани.

// (Т. VI. С. 364—365) **Фергана** — город и обширный район в Мавераннахре, граничащий с Туркестаном со стороны Хайатала с востока и справа по направлению к стране тюрков. Этот район очень богат и изобилен. Говорят, что в нем было до 40 минаретов; расстояние между этим городом и Самаркандом составляет 50 фарсахов; Ходженд относится к нему. Птолемей говорил: «Город Фергана находится на 123° долготы, в шестом климате...»

40
50

В горной цепи, находящейся между Ферганой и тюрками, растут виноград, орехи, яблоки и другие фрукты, а также розы, фиалки и различные душистые растения. Все это доступно, ибо нет им ни хозяина, ни запрещающего брать их. То же самое наблюдается и в горах Ферганы и Мавераннахра, где много доступных всем фисташек, чего нет в других странах.

Ал-Истахри говорил: «Фергана — это название области, она обширна и в ней много городов и сел, а главным ее городом является Ахсикас. По обширности селений в Мавераннахре нет области равной Фергане; по численности людей, обилию скота и посевов они перешли границы села».

Один из уроженцев Ферганы — Хаджиб ибн Малик ибн Аркин Абу-л-Аббас ат-Турки ал-Фергани, проживал в Дамаске и сведения о нем известны со слов Ахмада ибн Ибрахима ибн Фила ал-Балиси, Ахмада ибн Хамдуна, Умара ибн ʿАли, ʿАли ибн Хариба, Абу Хатима ар-Рази, Хилала ибн ал-Алаʿ и многих других. С его слов передавали хадисы Абу Саʿд ибн ал-ʿАраби, Йусуф ибн ал-Касим ал-Майаниджи, Абу Бакр ибн Даджана и другие, и кроме того, знаток грамматики Абу Ахмад ибн Адди и Абу-л-Касим ат-Табарани. Говорил ад-Даракутни[50], что [с ал-Фергани] случилось дурное и умер он в 306/918 г. Об этом рассказал ему Абу Нуайм ал-Хафиз.

В книге Ибн ал-Факиха[51] говорится, что Фергану построил Ануширван и переселил туда от каждой семьи по одному человеку и назвал ее «Аз хар хане», что означает «От каждого дома», [затем] прозвали «Фарғона».

// (Т. III. С. 501) **Хайлам**[52] — одно из селений Ферганы; из него происходил аш-Шариф Хамза ибн ʿАли ибн ал-Мухассин ибн Мухаммад ибн Джаʿфар ибн Муса ал-Хайлами, один из сыновей Абу Бакра ас-Сиддика, да будет доволен им Аллах; был превосходным богословом. Рассказывал о нем ал-Кади Абу Наср Ахмад ибн ʿАбд ар-Рахман ибн Исхак ар-Ригзамуни, которому рассказал Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи[53], что он умер в Самарканде в месяце зу-л-хиджжа 523/ноябре 1128 г.

// (Т. III. С. 480) **Хаваканд**[54] — город в Фергане. Оттуда вышел Абу-т-Тайиб ибн Мухаммад ибн Джаʿфар ибн ал-Хайр ал-Махзуми ал-Хаваканди. Слышал ʿАбд ар-Рахман ибн Халид ибн ал-Валид, который жил в Самарканде, как рассказывал о нем его сын Мухаммад ибн Тахир, он умер в 501/1107—08 г.

// (Т. III. С. 402—403) **Ходжанд** — в четвертом климате, длина его — 92,5°, ширина — $37\frac{1^\circ}{6}$. Это известный город в Мавераннахре, расположен на берегу реки Сайхун; между ним и Самаркандом десять дней пути в направлении на восток. Это — красивый город и в этой местности нет другого города, красивей его и где плоды были бы слаще, чем здесь. По центру течет река, и он примыкает к горе.

Продекламировал Ибн ал-Факих одному жителю этого [города]:

Я не видел города ни на востоке, ни на западе,
Прекрасней, чем Ходжанд,
Он — чудо, и привлекает всех, кто увидит его.

Говорит ал-Истахри: «Ходжанд граничит с Ферганой, и мы присоединили его к Фергане; расположен в обособленной от него местности. [Ходжанд] находится на западной стороне реки Шаш; длина его больше, чем ширина, протяженность его больше одного фарсаха. В нем нет [более] зданий и садов, кроме Канда, где есть сады и благоустроенные здания. В [Кенде] небольшие селения, шахристан и кухандиз и этот город красивый; плоды здесь лучше, чем в других районах; жители его прекрасные и храбрые. Город не может обеспечить [жителей] зерном и туда ввозят из других, более шести районов Ферганы, чтобы облегчить их трудное положение. Ходят к ним суда по реке Шаш. Эта река больше, чем другие. Основное русло ее берет начало в Туркестане, на границе с Узкандом. Когда соединяются с ней реки Хуршаб и Уш, образуется мощный поток и направляется к Ахсикасу, затем достигает Ходжанда, Бенаката, Бисканда и Фараба. Когда проходит Сабран, протекая полями, расположенными в обеих сторонах гуззов, доходит до Хорезма.

К нему относит свое происхождение большая группа людей из числа ученых... Среди них Абу Умран Муса ибн ʿАбдаллах ал-Ходжанди. Он были литератором, [человеком] благородным, автором пословиц и поговорок, собранных из устных преданий, которые передавал ему Абу Наср Мухаммад ибн ал-Хаким ал-Барраз ас-Самарканди и другие.

// (T. V. C. 285) **Шикит** — одно из селений Узканда, расположенное на окраине Ферганы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об авторе и сочинении см.: Ибн Халликан. Т. I. С. 479—481; Т. II. С. 210—214; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 334—336 (Раздел о тюрках и городах Восточного Туркестана и их народах переведен О. Б. Фроловой, часть, посвященная городам и населению Ферганы,— Б. А. Вахабовой. Перевод Б. А. Вахабовой основан на египетском издании Йакута 1906 г.).

[2] Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 330.

[3] Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 82.

[4] Фролова О. Б. Топонимы Средней Азии. С. 56—57.

[5] Здесь и далее в скобках даются современные названия.

[6] Хазладж — в разночтениях к «Словарю стран» Йакута указывается «харлух» (T. V. C. 103).

[7] Джигил — в тексте Йакута «джифир».

[8] Данные сведения Йакута сопоставимы с приводимыми Ибн ал-Факихом (с. 329). Некоторые разночтения можно наблюдать в тексте ибн ал-Факиха по сравнению с Йакутом, например, племя «базгиш» названо «тюркиш», что более корректно.

[9] Здесь темное место в тексте Йакута; в квадратных скобках дается толкование его Б. Е. Кумековым (Государство кимаков. С. 128).

[10] Тамим ибн Бахр ал-Мутавваʿи — представитель арабских добровольных дружин в Средней Азии VIII в. и путешественник (см.: Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 137).

[11] Рассказ о дождевом камне у тюрок у Йакута совпадает с сообщением ибн ал-Факиха; перевод этого рассказа имеется в МИТТ. Т. I .С. 153—155.

[12] Ал-Базгенди — по-видимому, ошибка в тексте у Йакута; следует читать ал-Йаркенди, т. е. йаркендец.

[13] Базкенд — возможно искажение в тексте Йакута; следует читать Йаркенд, город к югу от Кашгара у реки Йаркенддарья (Тарим).

[14] Бискенд — возможно, что это город на границе с областями тюрков в Фергане; в других источниках Астийакенд или город на левом берегу Сырдарьи у Фараба, который В. В. Бартольд исправляет на Сюткенд (Туркестан. С. 234).

[15] Абу Дулаф (X в.) — арабский поэт, ученый и путешественник. Его путешествие в Китай, которое приводится Йакутом, Маркварт характеризовал как «мошенничество», однако позднейшие исследования, проделанные после открытия мешхедской рукописи, сохранившей более полный вариант сочинения Абу Дулафа, показали достоверность и ценность приводимых им сведений (см. Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 186—189).

[16] Наср ибн Ахмад ас-Самани — правитель из династии Саманидов в Средней Азии (864—892).

[17] Калин ибн аш-Шахир — царь Сина (Китая) по «Записке» Абу Дулафа (см.: Бартольд В. В. Работы по исторической географии//Соч. Т. III. С. 482).

[18] Харгах В. В. Григорьев идентифицирует с Йаркентом; Каркан у Марко Поло (см.: Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе. С. 9); По мнению Рор-Зауера, это государство Богра-хана в Кашгаре, тюркское название которого Орду-канд (ставка царя) и на персидский язык передается как харгах (палатка). (Rohr-Sauer A. Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indian. C. 47).

[19] Тахтах — точная идентификация затруднительна. В. В. Григорьев полагал, что это Хотан (Григорьев В. В. Указ. соч. С. 25).

[20] Баджа — возможно Наджа или Йаджа, точная идентификация затруднительна. В. В. Григорьев полагал, что это китайская Ячжа (Григорьев В. В. Указ. соч. С. 26).

[21] «Деревья, которые не горят в огне — асбест» (Григорьев В. В. Указ. соч. С. 26).

[22] Баджнак — печенеги.

[23] Джикил (чигил) — народ, который жил на юго-западном берегу Иссык-Куля.

[24] Баградж, как доказывает Рор-Зауер, это государство Богра-хана из династии Караханидов, т. е. Кашгар (см. Рор-Зауер. Указ. соч. С. 47, 48, 49); ср. также у арабского географа ал-Макдиси — «место Богра-хана» (BGA, III. С. 341).

[25] Туббет — Тибет (См. Бартольд В. В.//Соч. Т. III. С. 509—513).

[26] Кимак (кимаки) народ, обитавший к северу от озера Балхаш (см.: Кумеков Б. Е. Государство кимаков).

[27] Гузз (гуззы) — тюркское племя.

[28] Тогузгузы — тюркское племя; здесь, как доказывает Рор-Зауер, уйгуры (см.: Рор-Зауер. Указ. соч. С. 51—53). В некоторых источниках дается в форме «н.с.р.г.р» (ср. МИКК. I. С. 170).

[29] Хирхиз — киргизы.

[30] Харлух (харлухи или карлуки), в некоторых источниках в искаженной форме «хазандж» (см. МИКК. I. С. 171).

[31] Хутлух — тюркское племя. Маркварт считает, что этимология этого названия «счастливые» (см.: Рор-Зауер. Указ. соч. С. 56).

[32] Хитайан — идентификация затруднительна; возможно, это хитаи (каракитаи) или жители Хотана (см.: Рор-Зауер. Указ. соч. С. 56). Возможность идентификации этого названия как «жители Хотана» подтверждается сочинением «'Аджа'иб ал-булдан» Бирджанди, в котором этот народ назван «хотан» (см. МИКК. I. С. 171).

[33] Бахи — возможно, город Бай, расположенный между городами Аксу и Куча в Восточном Туркестане (см.: Рор-Зауер. Указ. соч. С. 56, 57).

[34] Андукан — средневековое название современного Андижана.

[35] Средневековый город вблизи Исфагана.
[36] Абу Са'ид 'Абд ал-Карим ас-Сам'ани — биограф и историк XII в., автор сочинения «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогии»).
[37] О нем см.: Якут. Иршад. Т. II. С. 110.
[38] Там же.
[39] Хам (Хама) — средневековый город в Сирии.
[40] Бургар — местность около границ Сагониана (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 133).
[41] Мунжикас—Бунджикент (Пянджикент)—один из древних городов Усрушаны.
[42] Саганиан (Чаганиан)— средневековый город в области современного Денау.
[43] В тексте: мин махалл (из кварталов).
[44] В тексте: мин навахи.
[45] Саур — название крепости в Бейруте.
[46] Также «Иламиш»; находился в северной части Андижанского уезда (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 215).
[47] Абу С'ад 'Абд ал-Малик ибн Абу Усман Хуркуши—видный законовед, умерший в 406/1015 г. (Камус ал'Алам. III. С. 2035).
[48] Суллами 'Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ибн Хасан ан-Найсабури (ум. в 406 или 412/1015 или 1021 г.)— законовед (Камус ал-'Алам. IV. С. 2609).
[49] Т. е. ал-Хуттал — область между Пянджем и Вахшем. (Бартольд В. В. Общие работы по истории Кавказа и Восточной Европы//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 186).
[50] Об 'Али ибн Умар ад-Даракутни (ум. в 385/995) см.: Rieu. III. № 619).
[51] Ибн ал-Факих Абу Мансур 'Абд ал-Вахид ибн Ибрахим — арабский географ IX в., автор сочинения «Китаб ахбар ал-булдан» (Brockelmann С. I. С. 227; Supplement. I. С. 405—406).
[52] Хайлам — средневековый город, позднее Нарын.
[53] Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи (ум. в 537/1142 г.) (о нем см.: Brockelmann. I. С. 427).
[54] Хаваканд — средневековое название современного Коканда.

МУХАММАД ИБН МАНСУР МЕРВЕРРУДИ

ТАРИХ-И МУБАРАК-ШАХ

«Тарих-и Мубарак-шах» — сочинение по всеобщей истории, включающее краткую историю (шаджара) 136 династий, царствовавших в Аравии, Йемене, в северо-западной Индии и в Афганистане с древнейших времен до начала XIII в.; в основе компилятивное, но оригинальное в своей последней части, где изложена история Гуридов Газни и Лахора.

Об авторе сочинения известно немногое. Как говорится в его введении, полное имя автора — Мухаммад ибн Мансур ибн Са'д ибн Абу-л-Фарах ибн Халаф ибн Ахмад ибн Ша'иб ибн Тальха ибн 'Абдаллах ибн 'Абд ар-Рахман Абу Бакр ас-Сидик ат-Тийими ал-Курайши, прозванный (мулаккаб) Мубарак-шах и более известный по имени Фахр Мудир. Он и отец его были образованными людьми своего времени и выдвинулись при султанах Гуридах: Гийас ад-Дин Мухаммаде (558/1163—599/1203) и Гийас ад-Дин Махмуде (602/1206—609/1212).

Тринадцать лет писал Фахр ад-Дин Муборак-шах этот труд, завершил его в 603/1206 г. и в Лахоре преподнес султану Гийас ад-Дину Махмуду.

«Тарих-и Мубарак-шах» содержит ценные сведения о тюркских племенах Центральной и Средней Азии, их хозяйственной деятельности, быте, нравах и языке. Правда, в нем мы встречаем отдельные ошибки и неточности, в числе их — отнесение китайцев и русских к тюркам. Тем не менее приводимые здесь сведения имеют определенное значение в изучении древней и средневековой истории Средней и Центральной Азии.

Списки настоящего сочинения очень редки. Известен только один список, хранящийся в Англии в библиотеке «Индиа Оффис». Небольшая часть его, посвященная истории Гуридов и тюркам, издана английским ориенталистом Е. Денисоном Россом в 1927 г.[1]

Приводимое ниже извлечение основано на издании Е. Денисона Росса.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И МУБАРАК-ШАХ» МУХАММАДА ИБН МАНСУРА МЕРВЕРРУДИ

(С. 37) ...Хотя у тюрков нет величия и [высокого] положения, тем не менее они отмечены такой похвальной славой: могущество мусульманских правителей, с божьей помощью, [только] благодаря тюркам. По этой причине и тюрки в Туркестане имеют преимущество над другими народами... Кроме этих похвальных качеств и достойного одобрения поведения, тюрки имеют еще ряд превосходств и отличий от других народов мира. Одно из них состоит в том, что ни одна страна мира не по величине, ни в широте и обширности не сможет сравняться с Туркестаном. На востоке вилайета тюрков расположена страна Чин[2], с запада Туркестана соприкасается с Румом[3], с севера она проходит по стене Гога и Магога[4], (С. 38), а с юга — по снежным вершинам гор Хиндустана.

Чудесны товары, производимые в Туркестане, вывозимые в другие страны и сбываемые там за большую цену, их очень много: мускус татарский, тибетский и хотанский, дорогая одежда [называемая] хитаи и чини; тюркский красный яхонт высокого качества; меха бобра, лисицы, горностая, серой белки, [меха] болгарские и буртасские; стрелы из белого тополя, соль, рог тибетского яка, ястребы и соколы; яшма, чистокровные кони и быстроходные верблюды, не имеющие себе подобия на всем свете...

В Туркестане есть область, называемая Тункат[5]. Если кто привозит туда харвар[6] кирбаса[7], взамен увозит оттуда харвар серебра.

В нижней части области Согд есть гора, откуда вода течет в сторону Самарканда. На той горе есть рудники серебра, золота и бирюзы... Там же находятся и рудники железа, свинца, ртути, чистого нашатыря и купороса, (С. 39) которые вывозят в другие страны.

В вилайете Тогузгуз[8], являющемся подлинно тюркским, был некий падишах. На крыше своего дворца он построил высокий

шпиль (танура) из золота и украсил его разными драгоценными камнями. Шпиль этот был виден на расстоянии пяти фарсахов; племена той области поклонялись этому шпилю.

(С. 40) Есть еще некоторые вещи, отличающие [жителей Туркестана] от других. Одна из них то, что тюркский язык (С. 44) является самым хорошим и влиятельным после языка арабского. Нынче стремление людей к овладению тюркским языком [происходит] по той причине, что в прежние времена большая часть эмиров и военачальников была из тюрков, власть находилась в их руках; [всякие] блага, золото и серебро также были в их руках...; люди благородного происхождения, вельможи и их сыновья находились в услужении у тюрков...

И еще. У тюрков была письменность: [они] знали тайны волшебства и небесных светил; обучали детей грамоте. У них было два вида письма: сугдское и тогузгузское. В сугдском [письме] было около двадцати пяти букв и отсутствовало три: «зад», «за» и «гайн»; пишется справа налево, [при этом] буквы не соединяются друг с другом... (С. 45) ...Тогузгузское письмо... состоит из двадцати восьми букв; пишется справа налево: [при этом] буквы друг с другом не соединяются; ...

Тюрки также умели слагать стихи — касиды и руба'и. [До нас] дошел руба'и, ритмичный и содержательный.

Бейт:

Ваъда берубсен, не учун келмассен,

Сӯз ёлғонини менинг била кӯймассен.
Юзунг кун, сочинг тун каро кӯрмассен,
Ишқингда қарорсуз эй ажаб билмассен.

Перевод:

Дав обещание, почему не явилась [на свидание],
Более не давай мне ложного обещания,
Личико твое подобно ясному дню, а волосы — темней ночи,
День и ночь страдаю, нет у меня покоя.

(С. 47) Племена у тюрков многочисленны. Большая часть их обитает в степи, в разных местах, и кроме зимы, когда степь покрывается снегом, из-за скота, никогда на одном месте не останавливаются [долго]. Если кто-нибудь захочет прибрать к рукам все племена, мечта его никогда не сбывается. Но хорошо известно, что каждый состоит при каком-либо племени. Названия их следующие: турк, йамак, киргыз, чигил, анмур, харлух, кинык, йаги, салук, халадж, огуз, ...гай, ...кай, уран, тухси, тибат, кара тибат, сакулай, кимджи, кимак, хазар, кара хазар, хыфчак, алти куджат, бижанак, огул, сатик, сутук, татар, кара татар, канглы, баргу, гузз, кара гузз, тогузгуз, йагма, аракун, кийак, салгыр, йазгыр, рукур, байандур, ала йандулик, уйгур, туграк, байат, ту-

турга, дучиран, суйик, йабагу, афшар, бакриз, бекдили, икба, аткук, луъзутара, урул, лартилик, басмил, ал-Барсхан. – 60

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ta'rikh-i Fakhri'd-Din Mubarakshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhri'd-Din Mubarakshah Marwadr-rudi, compiled in A. D. 1206. Ed. from unicue Manuscript by Denison Ross. London, 1927.

[2] Средневековые мусульманские авторы под Чином подразумевали Северный Китай.

[3] Так называли мусульманские авторы Рим, Грецию, Византию и европейскую часть нынешней Турции.

[4] Библейский дикий народ, обитавший на азиатском севере, опасаясь вторжения которых Александр Македонский якобы воздвигнул огромную стену, названную садд-и Искандари (Искандарова стена).

[5] Тункат — главный город Илака; был расположен на берегу реки Ахангаран. От Бинкета до него было восемь фарсахов; как и всякий значительный средневековый город, состоял из цитадели, шахристана и рабада (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 229).

[6] Харвар — ослиный вьюк от 60 до 300 кг.

[7] Кирбас — тонкая хлопчатобумажная ткань, производимая в средние века в городах Центральной и Средней Азии и пользовавшаяся большим спросом на рынках зарубежных стран.

[8] Согласно «Худуд ал-'алам», область тогузгузов была самой большой среди иных тюркских владений. На востоке она граничила с Чином, с юга — Тибетом и владением карлуков, на северо-западе — киргизами (Худуд ал-'алам, изд. М. Сетудэ, Тегеран, 1962. С. 76—77 и др.; Бартольд В. В. Гузз//Соч. Т. V. С. 524—525).

ИБН АЛ-АСИР

КИТАБ АЛ-КАМИЛ ФИ-Т-ТАРИХ

Труд знаменитого историка и знатока преданий ʿИзз ад-Дина Абу-л-Хусайна ʿАли ибн Мухаммада ибн ал-Асира (ум. в 630/1232—33 г.) «Китаб ал-камил фи-т-тарих» посвящен всеобщей истории халифата и мусульманских стран со смежными областями[1]. Данная хроника доведена до 628/1230 г. и не ограничивается изложением истории политических событий, но также дает представление о господствующих в разные эпохи идеях, о культуре народов, литературных деятелях и т. п.

Большое значение имеет хроника Ибн ал-Асира для изучения истории монгольского завоевания Средней Азии. В частности, только у Ибн ал-Асира мы находим подробный рассказ о столкновении арабов с китайцами в 133/751 г., решившем судьбы народов Средней Азии.

Эти сведения вошли в извлечение, перевод которого публикуется ниже. Перевод основан на научно-критическом издании Торнберга[2] и переводе извлечений из него К. Б. Старковой[3].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «КИТАБ АЛ-КАМИЛ ФИ-Т-ТАРИХ» ИБН АЛ-АСИРА

В этом году Шарик ибн Шайх ал-Мехри[4] вышел из Бухары против Абу Муслима[5], к которому питал злобу, и сказал: «Не для того мы последовали за потомком [пророка] Мухаммада, что-

бы проливать кровь и совершать неправедные дела». За ним последовали более 30 тысяч [приверженцев]; тогда Абу Муслим отправил к нему Зийада ибн Салиха ал-Хуза'и[6], который воевал с ним и Зийад убил его.

В этом году направился Абу Дауд Халид ибн Ибрахим[7] в ал-Хуттал[8] и вступил в него, и царь его — Хубайш ибн Шибл, не препятствовал, но затворился в крепости с людьми дехканского рода; и когда Абу Дауд настойчиво потребовал их, он и те, кто [был] с ним из дехкан и наемников, вышли из крепости и добрались до Ферганской земли, затем вошли в страну тюрков и прибыли к царю Сина. Абу Дауд взял тех, кого захватил из них и отправил их к Абу Муслиму...

В этом году враждовали друг с другом ихшид Ферганы и царь Шаша. Ихшид попросил помощи у царя Сина и тот помог ему 100-тысячным войском; они окружили и завладели Шашем; [царь Шаша] подчинился царю Сина и тот не препятствовал ни ему, ни его приближенным. Весть об этом достигла Абу Муслима и он выслал на войну с ними Зийада ибн Салиха. Они встретились на реке Тараза[9] и мусульмане победили их, убили пятьдесят тысяч и взяли в плен около двадцати тысяч; остальные бежали в Син. Битва произошла в месяце зу-л-хиджжа в [сто] тридцать третьем году (июнь 751 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об источнике см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 46—47.
[2] Ибн ал-Асир. Изд. Торнберга. Т. V. С. 344.
[3] МИКК. I. С. 52—53.
[4] **Шарик ибн Шайх ал-Мехри** — глава восстания, поднятого в Бухаре арабами в 133/750—751 гг.
[5] Абу Муслим — организатор Аббасидского переворота в Хорасане; убит в 137/755 г.
[6] Зийад ибн Салих ал-Хуза'и — один из правителей Мавераннахра при Абу Муслиме.
[7] Абу Дауд Халид ибн Ибрахим аз-Зухли — арабский военачальник, впоследствии военачальник области Хорасан; погиб в 140/757—58 гг.
[8] См.: прим. 49, с...
[9] Тараз или Талас — позднее Аулийа-Ата, современный Джамбул (Бартольд В. В. Там же. С. 994).

ИБН АБУ УСАЙБИ'А

УЙУН АЛ-АНБА ФИ ТАБАКАТ АЛ-АТИББА

Муфаффак ад-Дин Абу-л-Аббас ибн ал-Касим ибн Халифа ибн Йунус ал-Хазраджи, известный по прозвищу «Ибн Абу Усайби'а» — видный арабский ученый — врач, биограф и библиограф XIII в.[1] Он родился в 1204 г. в Дамаске. Отец его был врачом-окулистом и пользовался большим авторитетом.

После изучения традиционных гуманитарных наук, Ибн Абу Усайби'а приступил к занятиям по медицине. Основное внимание

он уделял изучению глазных заболеваний. Некоторое время учителем Ибн Абу Усайби'а был его отец, затем он отправился в поисках знаний в Каир. Там он вошел в местную ученую среду и завязал многочисленные связи с местными учеными, особенно врачами.

С 1234 г. Ибн Абу Усайби'а стал работать в одной из больниц Каира, где лечил преимущественно глазные болезни и лечебная практика позволила ему расширить и обогатить свои знания в этой отрасли медицины.

Слава об Ибн Абу Усайби'а как искусном враче быстро распространилась по всем областям халифата. Из Каира его пригласил в качестве личного врача эмир Изз ад-Дин ибн Али в город Сархад[2], куда он переехал в 1236 г. Там он жил и работал до конца своей жизни. Умер Ибн Абу Усайби'а в 1270 г.

Перу его принадлежала только одна книга, которая принесла ему известность и славу и сохранила свое значение как источник по истории средневековой культуры Востока до наших дней. Это — «'Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба» («Источники сведений о разрядах врачей»); закончена в 1245 г. в Дамаске и посвящена биографиям врачей и философов.

О задачах, которые ставил перед собой Ибн Абу Усайби'а, когда составлял эту книгу, говорит следующее: «Я не нашел ни одного из знатоков [истории медицины], кто самым лучшим образом занимался ею, и книгу ни у того, которая заключала бы в себе сведения о разрядах врачей и последовательного упоминания обстоятельств их жизни. Я задумал привести в этой книге всю суть и все самое главное, что связано с положением замечательнейших врачей как древних, так и современных».

Книга «'Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба» состоит из 15 глав. Материалы о среднеазиатских врачах содержатся в XI главе книги, где приведены биографии одиннадцати ученых-врачей, родившихся и живших или работавших в Средней Азии.

Ниже дается перевод извлечений из «'Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба» об отдельных ученых Средней Азии.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «УЙУН АЛ-АНБА ФИ ТАБАКАТ АЛ-АТИББА» ИБН АБУ УСАЙБИ'А[3]

(Т. I. С. 322) АБУ-Л-ХАЙР ИБН СИВАР ИБН БАБА ИБН БЕХНАМ. Был известен под именем «Ибн ал-Хаммар».

Абу-л-Хайр был христианином, знатоком основ медицины и ее отраслей, специалистом в ее областях и прекрасным знатоком их тайн, был также знатоком философских наук. Им написаны ценные сочинения по медицине и другим наукам. Он был опытным переводчиком и перевел ряд книг с сирийского на арабский язык. Я нашел написанное его почерком кое-что из этого, он хорошо знал [искусство перевода].

Абу-л-Хайр изучал философию под руководством Йахйи ибн Адди; был исключительно способным и проницательным. [Ибн ал-Хаммар] родился в месяце раби‘ ал-аввал 331/ноябре 942 г. Сказал Абу-л-Хаттаб Мухаммад ибн Мухаммад Абу Талиб в книге «Аш-Шамил фи-т-тибб» («Всеобъемлющий [свод] по медицине»), что Абу-л-Хайр ал-Хасан ибн Сивар был уже на свете в 330/941—42 г.

Говорил о нем Абу-л-Хасан Али ибн Ридван в книге «Снятие сомнений ар-Рази относительно Галена» следующее: «ал-Хасан ибн Баба, известный под именем «Ибн ал-Хаммар» в наше время достиг в медицине такого [успеха], что принял его Махмуд, царь вселенной. Дело в том, что [Ибн ал-Хаммар] был философом — мудрым и с хорошими познаниями и говорил, что [Махмуд] вел правильную политику в отношении законоведов, знатных и великих лиц и царей. Дело [еще] в том, что если подзывал его тот, чье благочестие и набожность были явными, он подходил к нему пешком и говорил: «Я сделал это потому, чтобы искупить мои хождения к нечестивым и жестоким людям».

Если подзывал его султан, то приезжал к нему верхом в одежде царей и знатных вельмож, даже, иногда окружали его 300 тюркских гулямов на хороших скакунах и блестяще одетые. Истинное его искусство было сострадание к слабым и непокорность великим людям. Таков же был образ поведения Гиппократа (С. 323), Галена и других. Среди них были такие, которые выявляли из своих мудростей то, что оказалось украшением всей мудрости».

Сказал Абу-л-Фарадж ибн Хинду в книге «Ключ медицины», что он видел в стране персов общество [людей], отрицавших искусство медицины и он говорит [по этому поводу]: «Глава общества, отвергающий медицину, выступил с нападками против моего учителя, философа Абу-л-Хайра ибн ал-Хаммара и побуждал всех поносить его. [Однажды] этот человек пожаловался на свою голову и спросил мнения Абу-л-Хайра относительно лечения и тогда [Абу-л-Хайр] сказал, что следует [ему] положить под голову ту его книгу, которая отрицает действия медицины, чтобы Аллах вылечил его, и не стал его лечить».

Абу-л-Хайру ал-Хасану ибн Хаммару из книг принадлежат: «Макала фи-л-хайули» («Статья о материи»); «Китаб ал-вифак байна ра’йи ал-фаласифа ва-н-нассари» («Книга согласований философов и христиан»), в 3-х статьях; «Китаб тафсир Исагуджи» («Книга комментариев на «Исагучи»), с толкованиями; «Китаб тафсир Исагуджи мухтасар» («Сокращенный комментарий на «Исагучи»); «Макала фи-с-садик ва-с-садака» («Статья о друге и дружбе»); «Макала фи сират ал-файласуф» («Статья об образе поведения философов»); «Макала ал-асар ал-мухлийа фи-л-джавви ал-хадиса ан ал-бухар ал-ма’йи ва хува-л-хала ва-л-кавс ва-с-субаб» («Статья о явлениях в воздухе, происходивших от водяных паров, ореол, радуга, туман»), составленная в виде

вопросов и ответов; «Макала фи-с-са'ада» («Счастья о счастье»); «Макала фи афсах ан ра'йи ал-кудама фи-л-Бари'и та'ала ва фи шара'и ва мавридиха» («Статья о красноречии из мнений древних ученых о Всевышнем творце, шариате и его источниках»). А статью «Имтихан ал-атибба» («Экзаменовка врачей») он составил для эмира хорезмшаха Абу-л-Аббаса Ма'муна ибн Ма'муна. «Китаб фи халак ал-инсан ва таркиб а'даихи» («Книга о сотворении человека и строении его органов»), в 4-х статьях; «Китаб тадбир ал-машайих» («Книга о режиме пожилых людей»). В начале [этой книги] он упомянул, что Хунайн ибн Исхак написал эту книгу на сирийском языке и собрал [в ней] те высказывания Галена и Руфуса относительно режима пожилых людей, которые необходимо знать, о котором [Хунайн] упоминает с некоторыми добавлениями от себя. Эту книгу [Хунайн] построил в виде вопросов и ответов, а Абу-л-Хайр упростил его речь и разъяснил без вопросов и сделал в 26-ти главах.

«Китаб тафассух» («Книга рассмотрений») — повествует о том, что произошел [спор] между Абу Закарийа Йахйа ибн Адди и Абу Исхак Ибрахим ибн Бакусом о виде огня и разъяснил [Абу-л-Хайр] ложность того, что пришел туда Абу Сулайман Мухаммад ибн Тахир, говоря о видах Устуксат (элементы, состоявшие из воздуха, огня, земли и воды).

«Макала ал-марад ал-ма'руф би-л-кахини» («Статья о болезни, известной под названием «ал-кахини», а это — вид эпилепсии»). «Такасим Исагуджи ва катигурийа ли Илинус ал-Искандарийа» («Разделы «Исагучи» и категории Элинуса Александрийского»), которые перевел с сирийского языка на арабский ал-Хасан ибн Сивар ибн Баба и комментировал в виде глоссария.

Я заимствовал все это из «ад-Дустур» («Правил»), написанных рукою самого ал-Хасана ибн Сивара.

(Т. I. С. 327) АБУ САХЛ АЛ-МАСИХИ[4]. Он — Абу Сахл Иса Йахйа ал-Масихи ал-Джурджани — достойный врач, искушенный в искусстве медицины, как в ее теории, так и в практике. Он обладал изящным стилем и хорошей композицией, почерк у него был красивым и в совершенстве знал арабский язык. Я видел [написанную] его почерком его же книгу «Фи изхар ал-хикма Аллах та'ала фи халак ал-инсан» («Раскрытие мудрости Аллаха Всевышнего в сотворении человека»), (С. 328) написанную предельно мастерски, на чистейшем арабском языке и точно. Эта книга из самых замечательнейших и самых полезных его книг, и он целиком следовал в ней за тем, что упоминал Гален и другие [врачи] о пользе органов [тела] в самых точных выражениях. [Ал-Масихи] снабдил ее ценными прибавлениями от себя, что свидетельствует о блестящем его достоинстве и обильных познаниях, и поэтому он говорит в начале этой книги: «Узнает достоинства того, что мы привели по сравнению с тем, что они привели только тот, кто сравнит эти наши слова с их словами со знанием и справедливостью. Кто не знает того, что он выразил, тот не смо-

жет судить об этом. У кого нет справедливости, тот не может судить в пользу достойного и не окажет ему предпочтение. А тот, кто достоин уважения, он — справедливый ученый, который рассмотрит с вниманием и знаниями то, что мы привели и то, что они привели; увидит, как мы исправили и дополнили то, что они привели; мы улучшили его, облегчили и привели в порядок в самых лучших выражениях речи...

[Следует продолжение цитаты Масихи в восхвалении своей книги]».

Я слышал от шейха ал-имама ал-Хакима Мухзиб ад-Дина Абд ар-Рахима ибн Али, да помилует его Аллах. Он говорил: «Я не нашел ни одного человека из христианских врачей, как из древних, так и поздних, более красноречивого, с самой хорошей речью в выражении и более хорошим содержанием [в изложении мысли], чем Абу Сахл ал-Масихи».

Говорили, что ал-Масихи был учителем Шейх ар-Ра'иса [Ибн Сина] по искусству медицины, и Шейх ар-Ра'ис после этого отличился в искусстве медицины и проявил в нем мастерство, [также] и в философских науках. В связи с этим [Шейх ар-Ра'ис] написал книги в честь ал-Масихи и посвятил ему.

Сказал Убайдаллах ибн Джабра'ил, что ал-Масихи был в Хорасане и являлся приближенным султана. Он умер, когда ему было 40 лет.

Из изречений ал-Масихи: «Сон днем после еды лучше, чем питье полезных лекарств».

Абу Сахлу ал-Масихи принадлежат следующие сочинения: «Китаб ал-ми'а фи-т-тибб» («Сто [проблем] по медицине»), и эта из самых лучших и самых известных его книг. Амин ад-Даула ибн Тилмизу принадлежит комментарий на эту книгу. Он сказал: «Нужно опираться на эту книгу, так как в ней много исследований, мало повторений, выражения ясные и лечения отборные»; [Вышеупомянутое] «Раскрытие мудрости Аллаха Всевышнего в сотворении человека»; (с. 112) «Китаб фи 'илм ат-Таби'и» («Книга о естественных науках»); «Китаб ат-тибб ал-кули» («Книга общей медицины»). Две статьи: «Китаб ал-джадарийа» («Книга об оспе»); «Китаб фи-л-ваба» («Книга о чуме»); «Ихтисар китаб ал-Маджисти» («Сокращенная книга Альмагеста»); «Китаб та'бир ру'уйа» («Книга о толковании снов»). Для справедливого царя, хорезмшаха Абу-л-Аббаса Ма'муна ибн Ма'муна он написал книгу о заразных заболеваниях.

(Т. II. С. 31) АШ-ШАРИФ ШАРАФ АД-ДИН ИСМА'ИЛ. Он был врачом крупной величины, с обширными познаниями, знаменитым человеком своего государства. Он служил султану Ала' ад-Дину Мухаммаду хорезмшаху, и ему им были оказаны щедрые милости: [обеспечено] прочное место (с. 32) и назначена тысяча динаров в месяц.

У [Исма'ила] были изумительные способы лечения, и ему принадлежат ценные сочинения по искусству медицины. Он скончался

в дни правления хорезмшаха в городе[5], после долгой жизни. Ему принадлежат следующие сочинения: «Китаб аз-захира ал-хаваразмшахийа фи-т-тибб» («Хорезмшахское сокровище по медицине»), на персидском языке в двенадцати томах; «Ал-хафиййа ал-Ала'иййа» («Невидимый Ала' ад-динов [справочник]»), на персидском языке в двух томах; «Йадкар фи-т-тибб» («Памятка по медицине»), на персидском языке, в одном томе, которую он написал для хорезмшаха.

(Т. II. С. 31) БАДР АД-ДИН МУХАММАД ИБН БАХРАМ ИБН МУХАММАД ИБН КАЛАНИСИ АС-САМАРКАНДИ. Он был искусным в медицине, уделял большое внимание теории лечения болезней и исцеления больных.

К числу его сочинений принадлежат: «Китаб ал-акрабазин»[6] («Книга об акрабазине»), которая состояла из 49 глав и содержала в себе упоминания тех сложных лекарств, в которых нуждались. Большую часть этих [сложных лекарств] он собрал из книг, заслуживающих большого доверия, вроде «Ал-Канона» [Ибн Сины]. [Бадр ад-Дин ас-Самарканди] упомянул, что он, наряду с этим много извлек также из списков ученейшего имама Кавам ад-Дина Са'ида ал-Махани и из списков имама Шараф аз-Замана ал-Мабарсами.

(Т. II. С. 31) НАДЖИБ АД-ДИН АБУ ХАМИД МУХАММАД ИБН АЛИ ИБН УМАР АС-САМАРКАНДИ — достойный и искусный врач; ему принадлежат великолепные книги и знаменитые сочинения. Он был убит[7] в числе убитых в городе Герате, когда в него вошли татары.

Он был современником Фахр ад-Дина ар-Рази ибн ал-Хатиба. Ас-Самарканди из книг принадлежат: «Китаб ал-агзийа ал-марда» («Книга о питании больных»), которую он разделил на [главы] согласно тому, в каком питании нуждаются при каждой из болезней; «Китаб ал-асбаб ва-л-аламат» («Книга о причине [болезней] и признаках их»), которую он составил для себя и заимствовал [материал] из «Ал-Канона» Абу Али ибн Сины и лечебников Гиппократа и из [книги] «Камил ас-сина'а»; «Китаб ал-акрабазин ал-кабир» («Большая книга об акрабазине»); «Китаб ал-акрабазин ас-сагир» («Малая книга об акрабазине»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основные источники по биографии Ибн Абу Усайби'и: Ибн Абу Усайби'а. Изд. Бейрута. I. С. 3—4; Наллино. С. 64—71; Brockelmann C. I. С. 325; SB, I. С. 560.

[2] Сархад — один из пригородов Дамаска (Йакут. Му'джам ал-булдан. У. С. 349—350).

[3] Перевод выполнен на основании каирского издания сочинения.

[4] Умер в 1010 г. (Ал-'Алам. У. С. 297; Zuter. С. 78).

[5] Название города не указано.

[6] Труд был написан в 1194 г. Brockelmann C. I. С. 489).

[7] Он убит в 1222 г. (Brockelmann C. SB. I. С. 895).

АБУ-Л-ФАДЛ ИБН МУХАММАД ДЖАМАЛ АД-ДИН КАРШИ

МУЛХАКАТ АС-СУРАХ

Историческое сочинение «Мулхакат ас-Сурах» («Прибавления к словарю «ас-Сурах») принадлежит перу средневекового ученого и поэта Джамала Карши (род. 628/1230—31 г.)[1].

Автор родом из города Алмалыка. Многие биографические сведения о нем мы черпаем из самого его сочинения. Он был близок ко двору местного правителя монгольской провинции Иль-Аларгу[2] (столица ее — Алмалык) Сугнак-тегина и пользовался его покровительством. Он был воспитателем сына этого тюркского владетеля; за свою близость ко двору получил прозвище Карши[3]. Оказывал покровительство автору и глава духовенства садр Бурхан ал-Хакк ва-д-Дин, благодаря которому он получил должность в диване переписки и канцелярских дел, а также познакомился с видными людьми того времени, шейхами и учеными.

Джамал ад-Дин Карши много путешествовал; он побывал в Иламише, Дженде, Барчкенде, дважды посетил Ходженд, три раза был в Ташкенте. Большую часть жизни провел в своем родном городе Алмалыке, а в конце 662/1264 г. переселился в Кашгар.

В Кашгаре он и начал свой перевод на персидский язык известного арабского словаря ал-Джаухари «Ас-Сурах», и по настоянию главы местного духовенства садра Са'д ад-Дина написал к нему «Прибавление».

Исторический труд Карши представляет большой интерес. Как отмечает В. В. Бартольд, это единственный источник по истории Средней Азии, написанный в эпоху монгольского владычества уроженцем Средней Азии[4]. Сочинение содержит чисто исторический и историко-литературный материал. Один раздел в нем посвящен истории Караханидов в Средней Азии; в сочинении содержится также обширный материал по истории тюркской династии в Алмалыке. Правда, по словам В. В. Бартольда, здесь допущены некоторые ошибки хронологического порядка[5]. Интересен раздел о монгольских ханах, который дополняет имеющиеся скудные сведения о Чагатае и его преемниках. В. В. Бартольд считал более важными главы историко-литературного содержания[6].

Автор называет имена шейхов, садров, ученых Ходженда, Дженда, Хотана, Барчкенда, Оша и Ферганы, рассказывает о встречах с ними, приводит названия их трудов. Особенно подробно он повествует о своих современниках в Алмалыке и Кашгаре. Иногда фактические данные перемежаются с анекдотическими рассказами, но и они дают материал, характеризующий образ жизни шейхов, и позволяют судить о том, как их воспринимали современники и др.

В. В. Бартольд считал датой написания труда отрезок времени между 702/1302 и 705/1306—07 г., т. е. относил ее ко времени правления монгольского хана Чапара, сына Хайду[7].

Рукопись «Прибавлений» была найдена в Средней Азии М. С. Андреевым и через В. П. Наливкина прислана в 1897 г. в Азиатский музей. Она хранится в рукописном отделе ЛО ИВ АН под шифром В 514 (430 а); подробно описана А. И. Михайловой[8]. Второй, более поздний список этого сочинения (дата переписки 1831 г.) хранится там же под шифром С 286 (430 в). По мнению В. В. Бартольда, переписчик Шараф ад-Дин ибн Мауля Нур ад-Дин Фархад ал-Андижани, скопировавший это сочинение в начале джумада-аввал 1066 (март 1656 г.), сделал это с неполного списка, ибо Мухаммад Хайдар в «Тарих-и Рашиди» упоминает о сочинении «Мулхакат ас-Сурах», в котором перечислялись имена шейхов Баласагуна и Самарканда[9]. Однако их в использованной В. В. Бартольдом рукописи нет. Переводы извлечений выполнены по изданию арабского текста рукописи, предпринятого В. В. Бартольдом[10] на основании списка рукописи под шифром В 514 (430 а).

Следует отметить обилие и достоверность дат рукописи, выверенных и критически введенных в текст В. В. Бартольдом. Он провел ценную текстологическую работу по подготовке рукописи к изданию, широко ввел в научный оборот ее данные, а также использовал их для сравнительного изучения с материалами персидских авторов, современников Джамала Карши.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «МУЛХАКАТ АС-СУРАХ» ДЖАМАЛА КАРШИ

// (С. 128) У имама Абу Бакра ал-Каффала аш-Шаши [есть] «Тафсир» в 20-ти томах, а в нем — [о] стихах Корана и [толкование его] слов. Говорят, что ал-Касиму ибн Абу Бакру ал-Каффалю [принадлежат] слова: «Если бы [количество] частей из сочинений моего отца было поделено на число дней его жизни, то на каждый день пришлось бы по части».

Рассказывают, когда он был в Багдаде, однажды он встал, собрал всех своих учеников и сказал: «Спешите на джихад», поднялся на крышу и пустил стрелу, которая была в его руке, по направлению к Востоку, произнося восхваление Аллаху: «Аллах велик», [затем] спустился с крыши и сказал: «Я избавил [людей] от войны». Кто-то из присутствующих записал эту дату. И сообщили им через несколько месяцев, что некое войско неверных окружило город Шаш и едва не захватило его. Вдруг стало слышно, как кто-то произнес: «Аллах велик», и в войско попала стрела, и все они (т. е. враги), потерпев поражение, бежали в то же мгновение.

Я услышал [об этом] от [одного] верного человека в Шаше, когда был там в мухарраме 693/декабре 1293 г. и написал на гробнице этого имама арабские стихи, переведенные на персидский. Вот они:

Когда я прибыл сюда, чтобы просить о необходимом,
То случилось мне сказать благодаря счастливому знаку:
«Открой мне, Аллах, ключ к моим удачам,
Как открывает [их] этот ученый ал-Каффал»,
И я покину ту сторону, надеясь,
Относительно всех моих дел, что я буду доволен ими.

// (С. 129) И после этого в моем сердце зарубцевались [все] раны и пришли ко мне всякие удачи.

Когда я прибыл в Шаш во второй раз по делам одного из моих сыновей, я посетил его [гробницу] и не нашел [там] и следа от этих двух моих отрывков и у меня ничего [не сохранилось]. Позже напомнил мне эти стихи его автор Шихаб ал-Милла ва-д-Дин, известный как Наких, да убережет его Аллах от тягот нужды и лишений. Он запомнил их [еще] прежде, а я внес их впоследствии в мои «Комментарии» («Ат-Та'ликат»), чтобы [потом] временами читать их.

Преславный имам, составитель и автор сочинений, опора ислама Абу 'Абдаллах ал-Хусайн ибн 'Али ибн Халаф ибн Джабра'ил ал-Халил ал-Фадали ал-Химари ал-Газнави, затем ал-Кашгари, отец имама, редкого в [наши] дни, Абу-л-Футуха 'Абд ал-Гаффара ал-Алма'и[1]. Имам Абу 'Абдаллах ал-Хусайн ал-Фадали умер в Кашгаре и погребен там в 486/1093 г.; а сын его ал-Алма'и скончался скоропостижно.

Рассказывают, что однажды призвал его правящий в то время хан, а он был на уроке у своего отца и [тот] никогда не видел, чтобы его приглашали. Он (сын) поднялся, чтобы пойти, но отец сказал ему: «Сядь». А тот ответил: «Как я [могу] сесть, когда меня зовет хан, а если ты будешь препятствовать [мне], то хан возведет на меня напраслину и скажет: «Он ослушался меня». Отец его сказал: «Пойдешь — не вернешься». Тот вышел, а хан прислал за ним повозку. Он сел в нее и поехал, но когда оставалось лишь немного до хана, у повозки отвалилось сидение. Он упал на землю и наступил его смертный час. Сообщили его отцу, а он все еще был на занятиях; он не покинул места и не встал, и только после того, как совершил омовение, направился к нему, чтобы [сотворить] молитву за него.

Он [только] помолился за него. Рыдания [же] жителей его страны, взрослых и малых, бедных и знатных достигали неба и плач их наполнил землю, а его отец не пролил ни слезинки, так где [уж тут] плач и рыдания? [Люди] говорили, упрекая: «Как может отец не плакать по такому сыну, подобно которому не рождали матери [мира]?» Он (отец) чувствовал, за что его упрекают, но стерпел это; а когда вернулся с похорон, свернул с дороги к отхожему месту и помочился там, а моча — как ярко-красная кровь. И устыдились тогда его ненавистники и те, кто укорял, когда увидели это. Потом он сказал: «Вот какое дело, но так надлежит и тому, кто сказал об этом, [тоже] надлежит. Кому будет жаловаться раб [божий]? Его господь, слава ему (господу),

нет бога, кроме Аллаха, если он (раб) и попросит вернуть его (сына), не удостоит его».

И был погребен ал-Алма'и в Джаукар Мауле (?)[12] за городом, а это место раньше называлось Йатта[13].

Им обоим принадлежит много томов сочинений во всех областях тафсира и хадиса и в других науках.

К толкователям Корана недавнего времени из [числа] наших имамов и саййидов [относятся] — имам благочестивый, глава суннитов и общины, знамя правильного пути, автор толкований Абу Джа'фар Мансур ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Матуриди ас-Самарканди, да помилует его Аллах.

Рассказывают, что по указанию халифа из Багдада была послана фетва. Гонец с фетвой вошел в его сад в Самарканде, чтобы спросить его, и увидел худого старика в ветхой одежде с поясом из виноградной лозы на талии и с лодочкой из папируса на голове. [Гонец] спросил его: «А где наш мавлани (покровитель)?»[14] Шейх ответил: «Наш покровитель // (с. 130) — Аллах. Тогда [гонец] спросил его: «А где ходжа?» Шейх ответил: «Ходжа — это [пророк] Мустафа». Тот спросил: «А где Абу Мансур?» Абу Мансур ответил: «Этот пир здесь». Тот вручил ему фетву, взял ответ и вернулся к своим делам.

Он (шейх), да помилует его Аллах, скончался в Самарканде в 335/946—47[15] и похоронен в Чакардизе[16].

Имам, саййид преславный, погибший мученической смертью, поборник истины и веры Абу-л-Касим Мухаммад ибн Йусуф ибн ал-Хасан ал-Мадини ал-Хусайни ас-Самарканди, автор сочинения «Ал Ахкак фи-т-тафсир».

Имам, образец из благородных, Бурхан ал-Милла ва-д-Дин Насир ибн Абу-л-Макарим Шихаб ал-а'имма (звезда имамов) ал-Мутарризи, автор «Ал-Мугриба» и различных сочинений по тафсиру совершил паломничество в Мекку и скончался в Хорезме в 610/1213—14 г. 71 года от роду.

Имам, скрупулезный исследователь, автор «Илм ал-ма'ани ва-л-байан» («Этимология и риторика»), составитель «Мифтах ал-улум» («Ключ к наукам»), светильник имамов Йусуф ибн Абу Бакр ибн Мухаммад ибн 'Али Абу Йа'куб ас-Саккаки[17], который погиб мученической смертью в 626/1228—29 в столице Чагатайского улуса.

Имам, славный, Хусам ал-Милла ва-д-Дин Мухаммад ибн Усман ибн Мухаммад ас-Самарканди ал-'Алиабади, который четырежды целиком прочел Коран во время пятничных молитв в Самарканде в продолжение двадцати лет. Скончался во время азана в пятницу 18 зу-л-хиджжа 642/апреля 1245 г. [он] — автор 4-х томного «Матла' фи-т-тафсир» («Введение в тафсир»).

Имам, гордость имамов, Маджд ад-Дин ал-Хорезми, уроженец Кашгара, автор «Аз-Зад фи-л-кира'а» («Пища для чтения»), скончался в Кашгаре и там же похоронен.

Сатук Богра-хан[18] ал-Муджахид ʿАбд ал-Карим ибн Базир[19] Арслан хан ибн Бильге хур Кадыр-хан из рода Афрасийаба ин Бшнк ибн Р. с. м. н.[20], а он относится к [роду] Тура ибн Афаридуна ибн Ануан ибн Рарасаф ибн Джамм ибн Фарис ибн ури ибн Карк ибн Йафет ибн Нух, мир над ним, а он — тот, кто первым принял ислам среди тюркских хаканов в пределах Кашгара и Ферганы во время правления халифа ал-Мути'лилла, эмира правоверных в государстве эмира прямоидущего ʿАбд ал-Малика ибн Нуха ас-Самани, о котором приводит [сведения] имам знающий, совершенный, созидающий, Абу-л-Футух ал-Гафирун[21], сын шейха, великого и достойного имама Абу ʿАбдаллаха ал-Хусайна ал-Фадали, об истории которых мы говорили раньше в [разделе] о толкователях Корана, да помилует Аллах их обоих.

В его «Истории Кашгара»[22] [говорится], что Шаш — первая из тюркских областей, жители которой приняли ислам. Во времена Бильге хур[23] Кадыр-хана против него пошел войной эмир Нух ибн Мансур ар-Ради ас-Самани[24] и даже вступил в город Исфиджаб[25].

Между ними был заключен мир на условии [передачи] значительного имущества и тот (Нух ибн Мансур) отступил; и не прекращалась между ними переписка, пока не умер Нух ибн Мансур. А когда стал править Исма'ил ибн Мансур, он продолжал переписку от имени брата, а управление тюрками перешло к Угулджак Кадыр-хану, брату Базир Арслан // (с. 131)-хана. Он (Кадыр-хан) перестал подчиняться повелениям посланников ислама, пока не бежал Наср ибн Мансур от своего брата в Кашгар. Почтил его Угулджак, как подобает чтить старших, и сказал ему: «Я занял место в твоем царстве и согласился [править] твоими подданными и буду верен тебе, если брат будет с тобою грубо обращаться». И он назначил его (Насра ибн Мансура) правителем области Артуджа[26].

И зачастили торговые караваны из Бухары и Самарканда в него (Артудж), сбывая утварь и ткани, и едва ли что оставалось в остатке.

А он (Наср ибн Мансур) посылал диковинные товары к Кадыр-хану[27], стараясь этим расположить его к себе.

Сказал он (Абу-л-Футух ал-Гаффар), да будет доволен им Аллах: «и рассказывали мне люди об их исламе, и что неверный (Кадыр-хан) тогда соблазнился парчовыми одеждами, а из сладостей — сахаром, так как не видел этого прежде и не пробовал; он сблизился с ним (Наср ибн Мансуром), подружился и довериться ему. И попросил его Наср дать ему участок земли величиной с коровью шкуру, на которой он построит мечеть, чтобы поклоняться в ней своему господу. Сказал тот: «Возьми это, где ты хочешь». Наср принес в жертву корову, содрал с нее шкуру, раз-

резал ее [в виде] ремней и обмерил ремнем участок для мечети, известной теперь как мечеть Артудж. Удивился неверный (Кадыр-хан) его сметливости и просьбе. Этот Угулджак был дядей Сатука. Сатук в свои 12 лет был [мальчиком] совершенной красоты, природного ума, чистоты помыслов, здравого разумения и понимания, чего не было у царевичей до него. [Однажды], когда прибыл караван из Бухары, Сатук направился в Артудж посмотреть, что они привезли, и оделить себя чем-нибудь из этого. Наср ас-Самани хорошо принял и почтил его. Когда же наступил полдень, мусульмане исполнили шариатские наставления, а Сатук отныне ощущал счастье, только смотря на этих людей издали. Когда они кончили молиться, он спросил у ас-Самани, что они такое делали. Тот ответил ему: «Мы должны таким образом совершать молитву пять раз в сутки». [Сатук] спросил: «А кто возложил на Вас эту обязанность?» Ас-Самани поспешил восхвалить творца, да будет славным его величие и великим его совершенство, высочайшими чертами и наилучшими именами, а [также] перечислил установления ислама, [переданные] языком Мухаммада, мир над ним, и упомянул достоинства религии (ислама) и ее заслуги.

Стих:

Пришло ко мне влечение к ней (вере)
Прежде, чем я узнал страсть.
Оно (влечение) нашло мое сердце пустым
И утвердилось [в нем].

И сказал Сатук при этом: «И как же достойно поклонения это божество и как прав этот пророк [в том], что следовали за ним, и как прекрасна эта вера и как она заслуживает, чтобы перейти в нее!» Он [Сатук] признал Аллаха, слава ему, и Мухаммада, мир над ним, и принял веру, и тотчас приказал [принять] веру ислама и своим слугам и свите. И они уверовали [все] в тот же час и приняли ислам. Затем ас-Самани рассказал ему по секрету эту историю с его дядей Угулджаком. [Сатук] тайком выучил Коран, постиг положения веры и ислама и утвердился в нем. И тайным же путем призвал [принять] ислам группу родственников, и из них ответили [ему] согласием пятьдесят человек, повиновались ему и последовали за ним. Угулджак почувствовал вскоре, что тот [принял] ислам, а глаза соглядатаев дали ему понять, что видели, как он однажды совершал омовение и молился; и они сообщили ему (Угулджаку) об этом. Его дядя раскрыл это своей хатун. А та была расположена к Сатуку и тайно послала к нему, предупреждая его: «Твой дядя // (с. 132) сам хочет в субботу воздвигнуть храм и небольшой водоем[28], чтобы испытать тебя. Нужно, чтобы ты проявил усердие в работе. Когда наступил срок, каждый приносил по кирпичу, а Сатук носил по два кирпича и между тем [со всем] пылом тайком разговаривал со своим

богом всевышним: «О боже, если ты поможешь мне против твоих врагов и врагов твоей веры и откроешь мне ислам и возвысишь «Слово» (Коран) предо мной, то я обязательно сделаю это место мечетью, в которую соберутся твои рабы для выражения повиновения тебе, и построю в ней михраб для поклонения тебе, и водружу минбар, чтобы восхвалить тебя, затем совершу азан, установлю и возьму на себя имамство в ней (мечети), стремясь узреть твое лицо и в угоду милости твоей». Вот она — эта мечеть в Артудже! И когда он проявил свое усердие и трудолюбие, хатун привела в доказательство своему мужу его старание при строительстве его (храма), его дядя был доволен им и сказал: «Если бы он отклонился от нашей веры, сделав то, что сделал, или бы плохо обращался с моими детьми после меня, то я не оправдал бы его». А он [Сатук] между тем выучил наизусть книгу Аллаха и стал сведущим в вопросах мусульманской веры, что занимало его вплоть до двадцатипятилетнего возраста.

И [вот] в сопровождении пятидесяти человек он отправился верхом, как будто бы на охоту, в направлении к крепости; и вот она, Йигач-Балык, в которой он укрепился и оставался в течение трех месяцев. Стало известно его дяде и он понял, что нет ничего, что [может] предотвратить [его] гибель. И когда он [Сатук] решил выступить против него (Угулджака), у него собралось триста всадников из Кашгара и пришли к нему воины из Ферганы и составили с теми вместе тысячу [человек]. Первым они захватили Атбаши[29]. Затем их стало 3000 конных воинов и они напали на Кашгар и завоевали [его], обратив [их людей] в ислам. И была лишена поддержки шайка тиранов, а слово божие, великое, слава Аллаху, стало поддержкой рабу его [господа], и исполнил он свое обещание.

Умер Сатук Богра-хан-воитель в 344/955—56 г.: его гробница — в Артудже, [в одном] из селений Кашгара. Оно сегодня застроено и населено и [сюда часто] приезжают [для паломничества к гробнице].

'Али Арслан-хан Абу-л-Хасан ибн Бай-Таш Арслан-хан ибн Сатук Богра-хан, погибший мученической смертью, пал в войне за веру в последних числах мухаррама 388/января 998 г.; его могила [также] в Кашгаре, ее [часто] навещают.

Великий Йусуф Кадыр-хан ибн Харун[30] Богра-хан ибн Муса Тулка Илек ибн Сатук умер в самом начале мухаррама 424/декабря 1032 г.; погребен в Кашгаре в кургане хаканов на [берегу] р. Туман[31].

Хакан Шамс ал-Мульк[32] Абу-л-Хасан Наср ибн Ибрахим умер в 471/1078—79 г.; он построил Рабат ал-Малик в Хардженге[33].

Хакан Ибрахим ибн Арслан-хан Мухаммад ибн Сулайман[34] умер в Келлабаде [округа] Бухары в 551/1156 г.

Хакан Арслан-хан — завоеватель, Мухаммад ибн Сулейман-тегин ибн Дауд Кудж-тегин ибн Ибрахим Тафгадж (Тамгач)[35], сын бывшего илека Насра; умер в раджабе 526/мае 1132 г.

Хакан, правитель Ферганы Хусайн Тогрул-хан ибн ал-Хасан Карахан; умер в раджабе 551/августе 1156 г.; умер и его брат Мас'уд Чагры-хан[36], правитель Самарканда и Бухары[37].

Тафгадж-хан[38] скончался в шаввале 560/августе 1165 г. в Самарканде, а его сын Мухаммад Тулка-хан умер в 569/1173—74 г.

Хакан Абу-л-Музаффар Йусуф Арслан-хан[39] Кашгари умер в раджабе 601/феврале 1205 г., погребен там [же] в кургане хаканов.

Его сын, мученик, Абу-л-Фатх Мухаммад Арслан-хан ибн Йусуф Арслан-хан ибн Мухаммад Арслан-хан ибн Ибрахим[40] // (с. 133)-хан ибн Ахмад Арслан-хан ибн Хасан Тафгадж-хан (Тамгач-хан) ибн Сулейман Арслан-хан ибн Йусуф Кадыр-хан был убит в 607/1210—11 г. незадолго до времени монголов, в конце правления гурхана каракитайского. Он был современником христианина Кучлук-хана ас-Сагизи, который не раз опустошал Кашгар, преследуя убийц своего друга-союзника Мухаммада Арслан-хана[41], убитого какими-то правителями Кашгара.

Кучлук овладел Кашгаром, разрушил его и уничтожил многих его правителей и знатных людей. Затем он бежал от монгольского войска, но они настигли его в Сарык-коле[42] и убили его.

Великий знатный хакан, обладатель [многих] достоинств, бывший илек-хан Наср Арслан-илек[43], сын 'Али Тулка-хана, мученика за веру, сожженного [на костре], сына Бай-таш Арслана, сына Сатук Богра-хана, да помилует его Аллах, умер в 402/1011—12 г. в Уздженде[44] и там похоронен.

О его достоинствах, цельности его натуры, о том, что он закончил изучение Корана и о его искренности в уповании [на Аллаха] рассказал нам ученейший садр Камал ал-Милла ва-д-Дин ал-Музаффари, да помилует его Аллах, в Кашгаре, да спасет его Аллах [следующее]: «Султан Йамин ад-Даула Махмуд ибн Сабук-тегин[45] в начале своего правления поссорился с великим ханом Наср-илеком. Итак, Махмуд повел войско из Хорасана, а илек — из Мавераннахра. Оба войска встретились на противоположных берегах р. Джейхун и расположились [здесь] вечером, чтобы расставить воинов поутру. [Тогда] под покровом ночи илек с одним из своих слуг направился к берегу и переправился через Джейхун, а слугу оставил с паромом у переправы, сказав: «Подожди меня до утра, если я присоединюсь к тебе [утром], то хорошо, а если нет — спасайся и возвращайся в свою землю». А сам, переодевшись, бросился к войску Махмуда и дошел до султанской палатки. А они [были заняты] расстановкой сил и подготовкой мечей. Он подошел к одному из хаджибов и сказал ему: «Войди и скажи султану, пришел гонец с письмом от илека». И когда [хаджиб] вошел к султану, тот сказал: «Пусть войдет сейчас». Илек вошел и приветствовал его, как приветствуют великие и надменные, не склонившись [перед ним] в поклоне. Присутствую-

щие осудили это и настроились против него. Спросил султан: «Ты гонец илека?» Тот ответил: «Да». [Тогда] султан сказал: «Давай письмо, о смельчак». Тот ответил: «Наедине». Некоторые спутники султана вышли. После этого [султан] сказал: «Дай, что ты принес». [Гонец] ответил: «Наедине». Тогда вышли [еще несколько человек] и остались только четверо его военачальников. [Султан] потребовал отдать ему письмо. Но он (илек) отвечал: «Нет, клянусь Аллахом, не иначе, как [останемся] только ты да я, с глазу на глаз». Рассердил султана его ответ, а потом он подумал: «А что, если он перехитрит меня. Допустим, он бросится на меня и схватит за шиворот, но [ведь] я в расцвете молодости, а он — слаб и сед». Но тот (илек) заметил, что он внушает страх и трепет в душе султана и сказал: «Клянусь Аллахом, нет у меня оружия, в котором [кроется] тяжелое бедствие. Упаси меня боже от хитрости. И потом, прошу тебя, прикажи обыскать. И если найдется у меня что-нибудь, пусть схватят меня». Доверился [ему] султан и сказал: «Подойди и дай теперь письмо». Тот приблизился к его трону и сказал: «Я перед тобой, Махмуд». И султан чуть не упал с трона от страха. Он сошел с трона и они обменялись рукопожатием. И сказал илек: «О, Махмуд, нас пришло около двухсот тысяч конных с двух сторон, чтобы получилась одна мишень из двух. И я [предпочел быть] у тебя, чем это войско. Затем [говорю] тебе: «Завтра или ты победишь меня, или я — тебя, а сколько наших мужчин будет убито, и сколько женщин овдовеет, и сколько детей останутся сиротами! И не ты ли ответишь [за это] завтра господу славы или я? А сейчас я принес тебе свою голову. И вот я стою перед тобой, делай со мной, что хочешь, и не будет во мне вражды к тебе в судный день». Упал Махмуд в ноги ему, а тот (илек) — ему в ноги, затем [султан] встал и сказал: «По какому знаку мы убедимся, что ты илек?» Он (т. е. илек) сказал: «По тому, что если я вернусь от тебя, то наутро отправлю к тебе вместо укоров и вражды — сватов, а вместо конных, извлекающих мечи и копья,— свиту из наездников, стремящихся к дружбе и миру. Ты услышишь радостные звуки бубнов вместо грома барабанов в военных рядах».

И тот (илек) в ту же ночь отправился в обратный путь, чтобы исполнить свое обещание. Достигнув цели, он прибыл к своим воинам и войскам. А наутро послал сватов с неописуемыми и невиданными дарами; а хутбу сочиняли самые блестящие хатибы и выдающиеся имамы и литераторы. Люди Махмуда ожидали его (илека) возвращения после его ухода вечером до тех пор, пока не забрезжил рассвет. А когда со стороны [илека] обнаружились признаки успеха, радости и веселья, доброжелательства и приготовления к браку, то они приняли их (илека и др.) так, как подобает принимать государей, равных и подобных. И зачастили между ними послы в дружеском общении, которое укрепляет узы и основания любви и дружбы, охраняет суть доверия в обеих сторонах и снимает покрывало отчужденности [в отношениях] меж-

ду ними. Соглашение о брачном союзе и мире состоялось в [месяце] мухарраме 390/декабре 999 — январе 1000 г.

Султан Махмуд направил к илек-хану послом Абу Тайиб Сахл ибн Мухаммада ас-Саʿлуки[46], имама передатчиков хадисов, и приоединил к нему Туганчика[47] для переговоров о браке между своей дочерью и им (илеком); он поручил им двоим сопровождать ее к нему. И они отправились к илек-хану, чтобы передать из Ирана благородную даму, а привезти султану редкую жемчужину из моря Туранского. Закончилось между двумя сторонами дело бракосочетанием, а после этого каждый из них решил направиться в свою царскую резиденцию.

Какое бесконечное счастье и вечное благоприятствование судьбы пришлось [на долю] илека в начале и в расцвете его жизни рассказал мне надежный шейх, шейх шейхов Джамал ал-Хакк ва-д-Дин ал-Иламиши, да помилует его Аллах, когда мне довелось служить у него несколько месяцев в 669/1270—71 г.

«Однажды илек-хан со своими слугами поехал верхом на охоту в окрестностях Узджента. И увидел на дороге благообразного шейха, который, спотыкаясь, с трудом нес на спине вязанку дров и взбирался на холм. Илек сказал одному из своих слуг: «Иди и положи дрова старика на свою лошадь». А старик сказал: «А при чем тут слуга, если повезет лошадь». Илек сказал: «О слуга, положи на свою спину». Тот (шейх) сказал: «А при чем тут ты, если понесет слуга?» Тогда спешился илек, взял вязанку у старика и понес ее сам. Но не прошел и немного, как сильно устал, а лоб [его] покрылся потом от тяжелого напряжения. Когда старик увидел это, он догнал его, вытер рукой ему голову [и сказал] :«Горе тебе, илек, сегодня ты утомился, неся легкую вязанку [дров], подобную тростнику. А как же ты вынесешь несправедливости, злые осуждения и тяжести мучений в Судный день, и не устанешь?» Илек закричал и упал без чувств, а старик поспешно скрылся с глаз. Это был Хызр[48], да будут молитвы Аллаха над ним.

А после этого илек благодаря благословенному прикосновению его [Хызра] руки получил счастье, которое охватило все обстоятельства его [жизни] от сего дня и завтрашнего на веки вечные...

Сельджук ибн К. н. к. (Канук)[49] — глава туркменов, которые пребывали в областях Барчкенда[50] и Дженда[51]; оттуда откочевали в Нур-Бухару[52] и осели там на какое-то время.

Затем султан Ахмад ибн Исма'ил ас-Самани[53] приказал изгнать их из нее (Нур-Бухары), потому что те потеснили ее жителей. И они (т. е. туркмены) переместились в Хорасан.

Махмуд-хан ибн Иль-Арслан хорезмшах[54] — брат Текеша[55]. Рассказывают, что это был красивый [человек], прекрасного телосложения и нрава. Он остался без отца маленьким и его воспитал брат Текеш, который очень его любил. Когда же Текеш попал в плен к кара-китайскому Гурхану[56], его брат Махмуд вос-

пользовался этим и сел самовольно на трон. Когда Текеш спасся [от плена] и вернулся в Хорезм, он схватил его [Махмуда] и едва не убил, однако его душа не позволила ему убить брата, да и супруга его не допустила сделать этого [так как знала, что] он сильно любит брата. Он (Текеш) ослепил его и каждую неделю навещал его, но встретив его, приходил в замешательство от того, что сделал, и возвращался. А ослепленный не чувствовал его прихода, пока однажды не сказал тому, кто [был] рядом с ним: «Воистину, султан мой брат, ни разу не навестил меня за [все] время». А тот сказал: «Напротив, он навещает тебя каждую неделю; посидит немного, глядя на тебя и плачет по тебе и возвращается. Он запретил нам говорить тебе о своем приходе». Сказал [Махмуд-хан]: «Если он еще придет и сядет, дай мне знать каким-нибудь звуком, чтобы я мог почувствовать его присутствие». И они сделали так. Сказал ослепленный, обращаясь к брату, но делая вид, что не знает о его присутствии:

[Руба'и]

О шах вселенной, давай пойдем и посмотрим,
Мы двое — сыновья одного отца.
Как же весь мир стал полностью твоим,
А мне [разве] в наследство от отца досталось одно желание?

Когда султан услышал руба'и, он вскрикнул и упал без чувств от раскаяния в том, что стало с ним (братом) из-за него.

Ослепленный Махмуд-хан умер в 589/1193 г. Его брат султан Текеш оплакивал его этим руба'и:

Махмуд — мой брат, этот Шир Арин —
Хотел унести венец и перстень.
Мы поделили [это] на две части, чтобы люди успокоились,
Я получил поверхность земли, а он — под землей.

Глава о монгольских хаканах

Рассказывают, что причина выступления его (т. е. Чингиз-хана) [в том], что между Бузар-ханом Алмалыги[57], называемым также Тогрул-ханом, и Кучлук-ханом ас-Сагизи была вражда; а между ними расстояние // (с. 136) в полмесяца пути или меньше.

Тогрул-хан послал своего сына Сугнак-тегина[58] в слуги, а дочь Улуг-хатун — подарком Чингиз-хану, домогаясь дружеского расположения и соглашения, прося помощи ко дню встречи с неприятельскими силами, с которыми у него разногласия. А между ним и монголами расстояние в полгода пути или больше. И он сделал свой выбор после того, как посетил его [Чингиз-хана] и оставил его поблизости от соседства Кучлука. И тот (Кучлук) вступил на дорогу насилия и извлек против него меч разногласия; он устроил засаду против него и, захватив его на охоте, растоптал его и пролил его кровь. Затем осадил город, приложив много терпения и силы ума, с конца лета до того, пока не замерз-

ла земля осенью, но не смог овладеть им, хотя и отчаянно домогался этого, так как супруга Тогрул-хана Сельбек-Туркен[59] установила, где только могла, камнеметательные машины на опорах и повсюду разместила вооруженных воинов и храбрецов, пока не рассеялись его [Кучлука] тучи [воинов] и не отступил он от этого города. От Алмалыка он [Кучлук] направился в Кашгар, охваченный гневом из-за убийства Мухаммада Арслан-хана. Рассказ об этом приводился в главе о хаканах Кашгара.

Чингиз-хан, получив печальную весть о Тогрул-хане, послал командующего авангардом своего войска Жебе-нойона[60] во главе отряда неустрашимых, как львы воинов, чтобы отомстить Кучлуку за Тогрула. Он (Жебе-нойон) достиг Алмалыка, но не нашел его там и погнался по его следам в направлении к Кашгару; настиг его [там], а войско его (Кучлука) разбежалось во все стороны. Он схватил его (Кучлука) и убил его, [и этим], искоренил [его зло].

Вслед за авангардом поскакал сам Чингиз-хан с сыновьями. Чингиз-хан умер после возвращения из Хорасана в свою ставку 10 рамадана 624/24 августа 1227 г.

Воцарение на царский престол великого каана Уктая (Угэдэя)[61] ибн Чингиз-хана Бакалрана в знаменательное утро четверга 18-го шавваля 626/9 сентября 1229 г.

Кастай умер в Хорасане раньше своего отца, оставив сына Кайду[62], который родился уже после его [смерти]. Как только он (Кайду) родился, его принесли к его деду-каану. Тот прижал его к груди, поцеловал и сказал: «Пусть сей мой сыночек будет править после меня». Он приказал им хорошо растить и воспитывать его, пока он не вырастет, как пожелает того Аллах.

Воцарение [на престол] Гуюк-хана[63] вместо своего отца, великого каана, в 641/1243—44 г. без согласия на то сыновей его дяди Туши (Джучи). А через восемь месяцев после своего восшествия [на престол] он стал мишенью для смертоносных стрел и погиб, так как замышлял и устремлялся со злом к исламу. Говорят, что в течение нескольких дней он мучился постоянными болями в животе, пока живот его не распух и не лопнул.

Затем сел [на престол] Барак-хан ибн Туши[64], а он — хан мусульманский, опора веры и мира. Он прибыл в Бухару, чтобы навестить и получить благословение у шейха шейхов, полюса полюсов, тайны Аллаха на земле Сайфа ал-Хакк ва-д-Дин Са'ид ибн ал-Мутаххара ал-Бахарзи[65], да освятит Аллах его дух и освятит его гробницу.

// (С. 137) Правление Мункэ-хана[66] справедливого.

Сам воссел [на престол] в Каракоруме[67] и посадил его Бату-хан ибн Туши (Джучи)[68] в области Каялык[69], когда они встретились, верные [слову] и доброжелательности, полагаясь на благословенное применение силы и мощи, а также благодаря счастливой случайности судьбы и фортуны, вопреки сыновьям Гуюка и другим, поскольку между Гуюком и Бату [была] давняя нена-

висть и извечная вражда. И была перенесена эта вражда на потомков сыновей Гуюка даже после того, как Мункэ-хан сел на престол в сафаре 648/мае 1250 г., победив и уничтожив сыновей Гуюка и [людей] из рода Чингиз-хана, числом более сорока эмиров и военачальников около двух тысяч[70].

40
2т.

И когда он избавился от детей каана (Гуюка), направился против Чагатайского [улуса]; а в то время на троне вместо их отца [был] Есу-Мункэ ибн Чагатай[71], а во главе войска — Бури[72], сын его брата. У них, Есу-Мункэ и Бури в то время была и [достаточная] территория, и спокойствие, и возвышение, и полновластие, оружие и снаряжение и бесчисленное войско.

Он (Мункэ) просил совета у самого старшего из везиров и у самого осведомленного в отношении их (чагатаидов) дел и тот дал ему совет, чтобы он вместо Чагатая посадил его внука Кара-Хулагу[73] ибн Мутугэна, который был тогда в родстве с Мункэ-ханом. И вот он (Кара-Хулагу), будучи связан родством своей супруги Оргина[74] с Суругтани[75] — матерью Мункэ-хана, отправился к Мункэ-хану, жалуясь ему на своего дядю Есу-Мункэ, якобы тот отнял у него царство, а ведь ему завещал власть его дед Чагатай и тот (Мункэ-хан) посадил его потом на место деда его Чагатая. И он наложил на него (Кара-Хулагу) обязанность привлечь своего брата Бури к себе, когда тот развязал этот узел своими руками. И когда прибыл посланник Кара-Хулагу к его старшему брату Бури ибн Мутугэну и тот разобрался в содержании письма в отношении того, что обещал ему его брат-царь, то пошел против своего дяди и навлек на него испытания, домогаясь власти и пренебрегая тем, что приближало его к гибели. Однажды он (Бури) вошел к своему дяде и сказал: «Отвечай хану, о дядя». [Тот] сказал: «А кто хан?» [Бури] ответил: «Мункэ-хан». Сказал [дядя]: «Удивительно, что стало. Хан и до сего времени перед тобой, как же стал [им] сегодня Мункэ-хан?» Он (Бури) сказал: «Да, хан — он, и нам надлежит повиноваться ему». И дядя его был вынужден присоединиться к тому, к кому [раньше] не хотел присоединяться. [Первым] поехал Бури, а тот поехал вслед за ним и [Бури] вел его и не знал, что он в своем обмане самого себя ведет к гибели и идет своими ногами к своей смерти.

Стих:

И отправился он, но не знал, что [ожидает его] из судьбы,
Ослеп зрячий; да, когда пришел приговор, ослепло зрение.

Пока они не достигли Мункэ-хана и не прибыли [к нему], [те] оттеснили от них войско и оно (войско) ушло. И поняли оба тогда, [что это была] беспечность, самообман [лишь] после того, как постигла их судьба. И стало известно им свое положение после того, как затянулся узел удушающей веревки. Они, естественно, прилагали огромные усилия, чтобы спасти себя. И один порицал

другого. Но [вот] меч опередил упрек. Первым из них был взят и закован Бури. Его взяли, тут же бросили на буйволову шкуру и он тотчас был отправлен на повозке к тому, кто стоит на страже его жизненного предела. С ними было покончено и прервалась их жизнь.

Мункэ-хан поехал верхом в страну Манзи[76] и умер там в начале 658/1259 г.

И сел Ариг-Бука[77] // (с. 138) вместо своего брата Мункэ-хана в Каракоруме в шаввале 658/сентябрь 1260 г. вопреки некоторым эмирам и везирам, ратовавшим за принятие его брата Кубилая[78]. Мункэ-хан оставил его вместо себя, когда отправился в Манзи. [Ариг-Бука] был его заместителем и из-за этого вскоре погиб; пришла злополучная гибель и кровь его пролилась от руки брата.

После Кубилая-каана сел Темур-каан ибн Чингим[79] ибн Кубилай и он назывался после своего деда Темур-кааном, затем стал ханом в наших землях. И как часто подстрекал его дед Кубилай овладеть нашей областью, но дед не помог ему и он не завладел [ею]. Ни он, ни его сыновья не [могли] овладеть нашими хаканами и их городами из-за сопротивления великого их числа и множества помощников.

А что касается хана нашей страны Кайду ибн Кастая, сына великого каана Уктая ибн Чингиз-хана, то он сел [на престол] в Таразе[80] в конце мухаррама 670/августа 1271 г. Он был ханом справедливым, щедрым, непорочным, мягкого нрава, понимающим интересы [страны], знающим, благосклонным к мусульманам, милосердным, да сделает Аллах легкой для него жизнь.

Я дважды — в начале его правления и в конце службы у него удостоился его благодеяний и почетных роскошных одежд. Из-за множества достоинств я выделял его как высокий образец, имея в виду знатность и самые высокие качества (его). Срок его правления 33 года. Умер он в начале 701/1301 г.; тогда ему было 68 лет.

Правление его сына Джабара[81], он же Джа'фар. Он искаженно произносил свое имя как «Джабар». Сыновей у Кайду [было] много, а Джабар — самый старший, да ведет его Аллах правым путем и да продлит его жизнь и да господствует над ним откровение божие так же, как теперь оно господствует над миром. И он теперь — хан в нашей земле, султан нашей страны и наших городов, да увековечит Аллах помощников ислама в его век и укрепит знаки веры своей помощью. Он стал править в шаввале 702/мае 1303 г. в области Йил (Или).

Что касается рода Чагатаидов, то Чагатай был вторым из сыновей Чингиз-хана и место его правления — Иль-Аларгу[82] и центр в нем — Алмалык[83], да облегчит их Аллах благодеяниями безграничными.

Чагатай умер в 642/1244—45 г.[84], а через два года на место своего отца сел Есу-Мункэ, а Чагатай завещал престол своему внуку Кара-Хулагу ибн Мутугэну, но это не было возможным.

Об Есу-[Мункэ] упоминалось, когда шла речь о Мункэ-хане. Он [Есу-Мункэ] умер от руки мусульманки Оргина-хатун[85], супруги Қара-Хулагу.

И сел Қара-Хулагу в Қаракоруме по назначению Мункэ-хана на место своего деда Чагатая. Но умер по прибытии из столицы Мункэ-хана в столицу своего царства в 640/1242—43 г.[86]

И перешло правление к его супруге Оргина-хатун и сыну [ее] Мубарак-шаху[87], тогда еще малолетнему; время ее правления 9 лет и несколько месяцев. Затем после того, как тот (Мубарак-шах) ушел с ней к Ариг-Буке, сел Алгу[88] ибн Байдар ибн Чагатай по назначению Буки в 659/1260—61 г.

Затем после Алгу сел Мубарак-шах, превосходный мусульманин, сын Қара-Хулагу от Оргина-хатун, в Ахангаране[89] в [месяце] джумада ал-ахира 664/марте 1265 г.

Затем после того, как был отстранен от управления Мубарак-шах, сел Барак[90] ибн Эсин-Тува (Дува) ибн Мутугэн ибн Чагатай, который напал на Мубарак-шаха и взял его [в плен] в окрестностях Ходженда[91] в месяце зу-л-хиджжа 664/сентябре 1265 г. Умер Барак в начале 670/1271 г. Затем после Барака по назначению Қайду сел Никбай ибн Сарбан ибн Чагатай в середине 679/1280 г.[92]

Затем сел Бука-Тимур ибн Кудгай ибн Бури ибн Мутугэн ибн Чагатай[93] после того, как он убил Никбая, одолев его при ночном нападении. Бука-Тимур сел вместо него (Никбая) по указанию Қайду в 671/1272—73 г. и умер в 680/1281—82 г.

После Бука-Тимура в 681/1282—83 г. [на трон] сел Тува[94] ибн Барак по прозвищу Қайду, который посадил [на престол] и его отца.

А между Қайду и Бараком были приятельские дружеские отношения, и сегодня он — хан нашего времени, обладающий изяществом и красотой, обхождением и проницательностью. Он — красивый, сметливый, умеет заключать и разрешать различные [дела], высокочтимый и высокопоставленный, надежная опора для государства Чапара, больше того, любящий старший брат, да наделит его Аллах после истинного пути продолжительной жизнью и осчастливит его своим руководством на прямом истинном пути.

Глава об известных эмирах, везирах и о великих, достойных [людях]

Среди них — сподвижник, старейший и великий образец, гордость мира и веры, помощь исламу и мусульманам, самый справедливый из везиров при хаканах, блюститель порядка в государстве, защитник приверженцев ислама от опасностей [Махмуд Ялавач].

Я опишу время Махмуда Ялавача[95] ибн Мухаммада ал-Хорезми, да изольет Аллах над его могилой щедрые милости. Он

(Махмуд Ялавач) был наделен везирскими полномочиями со времени Чингиз-хана до периода Мункэ-хана. Он упорядочил государственные и религиозные дела от Джейхуна в Хорасане до пределов Сина (Китая). Великий каан Уктай ибн Чингиз-хан поделил владения между собой и своим сыном и посадил его [на престол] во владениях хитаев. Он направился в земли уйгур[96], и была отстроена страна его рукой; он укрепил ее и возродились слуги божии его справедливостью. Его время [правления] взошло над восточными странами подобно луне в период полнолуния. Вознесся над людьми Ялавач, подобно венцу на проборе головы. Как прекрасно управление хитаями в восточных странах! Он скончался в месяце раби' ал-аввал 652/апреле 1254 г. в Ханбалыке[96a], и вскоре был погребен там как мученик-чужеземец, достойный молитв Аллаха и его благоволения.

В стране, которая простиралась до берега Джейхуна в Хорасане, благодаря [его] эмирским и везирским делам, жил его сын, человек большого сердца, великий, достойный, прославленный эмир, султан везиров мира, гордость эмиров рода человеческого, владеющий мечом и пером, учредитель меры знания, распространяющий милость и великодушие, восходящий по ступеням власти и знания; тот, кто поит из чаши силы и кротости, опережающий на двух поприщах — войны и мира — львиными прыжками в войне и щедрыми дарами против возникновения [войны], аргумент мира и веры Мас'уд ибн Махмуд ал-Хорезми[97], суть критики и связь союза, тот, для которого объединяются сила и перед подобным которому бессильны стихии. Дни и ночи он [проводил], подавляя мятежи, примиряя подчиненных и побуждая их к спокойствию, чтобы спасти их от случайностей и бедствий, и утвердить устои государства довольством, обширностью [территории] и утверждением ее жителей в безопасности и достатке. А свои ночи, как и дни, он [проводил] при свете в молитвах и занятиях, а [также] в многократных беседах с великими шейхами и знающими людьми. И вознеслось знамя науки с его помощью и рассеялся мрак тьмы в его время. Он умер в шаввале 688/октябре 1289 г. в Бухаре и погребен в ней в своем медресе.

// (С. 140) Был посажен на его место, да сделает Аллах ясным свои аргументы, по назначению Кайду, его (Ялавача) сын, эмир ал-Муаййид ал-Мансур Дустур ибн Дустур Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Мас'уд II Абу Бакр ибн Махмуд в 689/1290 г., который умер в ша'бане 697/мае 1298 г.

Сел после него по повелению Кайду его брат эмир Сатилмешбек, он же Мас'уд III, и умер в 708/1302—03 г.

И сел в столице Кашгаре по указанию хана Чапара, да ведет его Аллах прямым путем, Мас'уд IV... Это — эмир, сын эмира, и везир, сын везира, обладатель короны и трона Фахр ал-Мульк Суйунч ибн Мас'уд ибн Махмуд ал-Хорезми, да благословит Аллах его правление и убережет его от зла и бедствий времени.

Подробное описание достопримечательностей и лиц, с которыми я знакомился в разных городах и странах, прибегая к их помощи, и описание каждого города с его достопримечательностями и теми, кто свершил добрые дела

Город Алмалык, да облегчит его Аллах своими щедрыми благодеяниями. Я начал с города Алмалыка, и правомерно начать с него, ибо это — место моего рождения, перевязь моего меча, извлекающее огонь из кремня, моя родина, и место дружеских связей, и часть моей радости, начало начал, больше того, это — столица и центр религии, опора правителей и хаканов. Его воздух с приятным легким зефиром, а вода в нем сладкая на вкус, [напоенная] дуновением ветерка. Его зефир [приносит] животворное тепло, его почва превосходит по благоуханию пахучий мускус, сады его — цветущие, а ветви [садов] — плодоносные, его пастбища изобилуют растительностью, его пруды — полноводны, а утренние беседы зефира соединяются с вечерними и их благоухания подобны сумеркам по умеренности.

Бузар-хан Алмалыки. О нем уже упоминалось[98]. У него было 9 сыновей: Хундуджак-Мелик, Сугнак-тегин, Ахмат-тегин, Хусайн-тегин, Сулейман-тегин, Зулфикар-тегин, Дауд-тегин, Тулкан-тегин, Удж Алди-тегин. Лучший из них и их покровитель — Сугнак-тегин. Отец его Бузар-хан привел его еще мальчиком к Чингиз-хану в слуги. И выбрал его для себя великий каан Бату ибн Туши, женил его на своей сестре Балган-Бике. Она родила ему сына, названного Иль-Бутаром; я воспитывал его, [посвящая ему] свои заботы, так же, как и я [сам], был воспитан там в их (Бату и Сугнак-тегина) время [и] в их дворцах. И по сему я и стал известен как ал-Карши[99].

Сугнак-тегин умер в начале воцарения Мункэ-хана в той столице в 648/1250—51 г. И его (Сугнака) сын Данишменд-тегин перевез его оттуда в Алмалык. Он сел вместо своего отца и покорил тех, кто отказался [повиноваться] ему. Он (Данишменд-тегин) был юношей порочным, рисковавшим собой, щедрым до расточительности, ловким и сметливым. Умер он в Кузбалыке[100] в 657/1258—59 г.; был перевезен в Алмалык и погребен в гробнице своего отца в Карши. А Иль ал-Бутар умер совсем молодым уже после того, как я покинул [Алмалык], уехав в Кашгар в 673/1274—75 г.

И я общался в Алмалыке с его превосходительством, дустуром славных [мужей], великим, именитым, властелином мира и веры, убежищем ислама и мусульман Хабашем Амид ал-Карминаги ал-Бухари ал-Иларгави[101], он — поддержка и закон, дустур столицы Чагатаидов, тот, из страха перед которым сгибаются шеи сильных, и встретившись с могуществом которого были разбиты до основания цари хищные; он — тот, кто совершает частые молитвы, поддерживает родственные связи, высокочтимый и славящийся дарами, прославляемый в отсутствие и в глаза, восхваляе-

мый // (с. 141) стихотворцами и красноречивыми. Он скончался в правление Алгуя в ша'бане 658/июле 1260 г. в одном из пригородов Алмалыка — Карке; погребен там в одной ханаке.

И я подвизался через него, постоянно находясь по обету при моем наставнике и сыне моего шейха, моем учителе и прибежище, нашем покровителе, опоре веры и религии Ахмаде ибн Аййуб ибн Ахмад ал-Баласагуни, да будет милосерден к ним обоим Аллах, на службу к нашему покровителю шейхов, ученых и имамов, а [он] садр из садров государств, последний из передатчиков предания, осуществляющий все стремления[102], следующий истине и вере, Абу-л-Фада'ил Мухаммад ибн Абу Бакр аш-Шанади ал-Абиварди, известный под прозвищем Акраб; он скончался в 646/1247—48 г. А через него я поступил на службу к одному из правителей, помогающему, победоносному, одержавшему победу, великому, благородному, наследнику царства, султану Махмуду аз-Завали, льву чащи, нуждающемуся в союзнике, солнцу державы и веры, правителю Газны и Герата; удостоился чести служить ему и получил от него почетное платье и благодеяния, да воздаст ему Аллах своей милостью.

Глава об известных [лицах] из имамов и носящих чалму, саййидов, истинно благородных мужей, которых я еще застал. Я часто сиживал перед ними на корточках, извлекая пользу от них

Среди них шейх великий, богобоязненный, поклоняющийся, почитаемый, обладающий достоинствами, солнце истины и веры Аййуб ибн Ахмад ибн Аййуб ал-Баласагуни, о котором я достаточно вспоминал в годы моей старости, да освятит Аллах его гробницу и удвоит его покой.

И среди них богослов, второй Ну'ман, наш покровитель, шейх, имам наставник ученых нашего времени, бесспорный среди столпов ислама, садр-подвижник, поклоняющийся, постник, проводящий ночи в молитве, исследующий истину, охвативший все науки, завоевавший первенства в разумном и известном, пособник общины и религии Ашраф ибн Наджиб ибн Мухаммад ал-Касани. Он, тот, подобного которому не производили [на свет] матери [любого] происхождения; [этих] великих [можно] сосчитать на пальцах. Мне довелось служить у него в Алмалыке, и мне [тогда] не было и двенадцати лет, и я начал читать при нем его [книги] «Арабиййат фи тарджимат ал-Кур'ан», лежавшую перед ним. Он обучил меня в начале 640/1242 г. сперва слово пророка, мир над ним, и началам науки — а [это] познание Всемогущего, и венцу науки — [а это] поручение дела ему (Аллаху). Через несколько лет он переехал из него (Алмалыка) в Кашгар и умер там в мухарраме 659/декабре 1260 г.

И среди них чудо Корана, жемчужина времени, знамение Аллаха в мире, самый знающий из ученых сынов Адама, отмечен-

ный со стороны Аллаха великим даром, подобного которому не видели ни в этом, ни в загробном мире. Он — свидетельство божие, луна общины и религии Мухаммад ал-Фарахи, выдающийся ученый, слепой, но зрячий во всех науках, в больших и малых. Мне привелось быть у него на службе в Алмалыке несколько месяцев в 646/1248—49 г. ...

И среди них саййид, прославленный садр, господин саййидов, опора счастья, гордость славы, избранник рода и семьи, малик ислама, слава саййидов, садр Ходженда и его областей. Я встретил его впервые в Алмалыке и с ним был шейх, славный имам, Бурхан ад-Дин, о котором [еще] будет много упомянуто; и саййид, имам, хафиз Бурхан ад-Дин ал-Мукри ал-Ходженди отделился от них (жителей Ходженда) и обосновался в Алмалыке. Затем я приехал к нему на службу и благодаря его милости оказался второй раз в Ходженде в течение ряда месяцев 670/1271—72 г.

И среди них кади, имам, луна [среди] имамов ислама, увещеватель людей, предмет гордости владеющих языком и пером, кади из кадиев Рума, слава общины и религии, самый красноречивый в выражениях, самый искренний из проповедников, покровитель шейхов, угодный общине и религии Зарбахш ал-Бахарзи. Я поступил к нему на службу в Алмалыке и однажды мы надели одежды паломников и отправились в хаджж вместе с группой почитаемых, чтобы посетить высокочтимую Каабу и киблу святынь; ему (ал-Бахарзи) не пришлось раньше этого совершить коленопреклонения перед Каабой, и кибла не получила его поцелуев. Он тот, в чьих руках шипы превращаются в финики, пыль — в золото, а уголь — в розу. [Рассказы об этом] обязаны[103] его славе или чрезмерному увлечению его [всякими] средствами врачевания. Мы направились к нему, чтобы совершить обход вокруг Каабы и удостоились приветствовать его, приложились к его рукам и оказались в хвосте [процессии] его родственников, радуясь его щедрому гостеприимству, ослепленные его изобильной милостью. А [этот] дьявол в образе человека ал-Касани как раз [был] при нас, плел сети и расставлял силок за силком. И мы воочию увидели тогда такие его чудеса, которым не поверили бы, если бы нам рассказали; разумнее помолчать об этом, а Аллах лучше знает истину. И это было в 657/1258 г.

Среди садров и саййидов и славных имамов, живущих и обосновавшихся в Алмалыке,— старейший, великий садр, предводитель и именитый прославленный шейх, садр садров вселенной, ʻАла ул-Хакк ва-д-Дин, известный как Ба'у. [Он] был славным садром и благородным шейхом; ему [принадлежит] неприкосновенность поста и древность происхождения со времени Бузар-хана // (с. 143) до того, пока обязанности по возглавлению садров не перешли к его племяннику по [повелению] великого каана во времена империи Чингиз-хана, а он — прославленный садр ʻАбд ал-Му'мин — был садром набожным, благожелательным, чистым [в помыслах].

Он скончался будучи главным садром и занял его место сын его, прославленный преславный садр Бурхан ал-Хакк ва-д-Дин, опора нашего города, квинтэссенция нашего века, оглавление нашей книги, глава нашей проповеди, итог нашего счета, глава имамов и возглавляющий людей, носящих чалму. И возвысилось садрство благодаря ему от земли до вершины созвездия Плеяды... А я [раньше] благодаря ему (Бурхан ал-Хакку) получил должность в диване переписки и канцелярских дел, до того как мне пришлось выехать из Алмалыка в Кашгар в конце 662/1264 г.

И садр имам благочестивый, поклоняющийся [Аллаху], целомудренный, целеустремленный, набожный, проводящий ночи [в молитвах], шейх ал-ислам ва-л-муслимина, на которого указывали [как на образец] благочестия и богобоязненности, Бади' ал-Милла ва-д-Дин (Бади' ад-Дин), автор «ад-Дарс ва-л-фатва» («Уроки фетва»)... Шейх ал-ислам Бади' ад-Дин умер после того, как я покинул его (Алмалык), а сейчас [на его месте] сын его, имам достойный, праведный, разумный, набожный, знающий, деятельный, шейх ас-ислам Маджд ал-Милла ва-д-Дин (Маджд ад-Дин), наследник их жизней, и воскресивший их следы, да продлит Аллах его жизнь и даст мне встретиться с ним...

// (С. 144) *Описание города Кашгара и его достопримечательностей*

Кашгар был великолепным [городом], подвластным исламу, поприщем выдающихся особ, родиной благородных эмиров, местом жительства великих ученых; [это] — город плодородия и благоденствия, место произрастания виноградных лоз, обильных плодами [лишь] с малым изъяном; его долины — полноводны, и его посевы не нуждаются в осадках; весной и летом нет дождей; а зимой и осенью нет снега. Ведь зимний снег не дает плодов лета, а весенний дождь не делает урожайной осень. Во влажности воздуха — вред и бедствие, а сухость его — благодать и милость. Они (жители) не нуждаются для пахоты в быках и коровах, а она (пахота) облегчается для них с помощью мотыги и кирки[104]. То, в чем они нуждаются для жизни, это — зерно, фрукты, утварь, разные украшения, постель и все, не говоря о пожитках и тканях.

В нем (Кашгаре) нет ядовитых вредителей, паразитов-насекомых и змей, его водоемы и реки полны водой, деревья и цветы — плодоносящие, но только в воздухе [много] пыли, а его вода — красноватая. В нем (Кашгаре) преобладает засуха, на его деревьях — черви, воздух — гнилостный, его землю покрывает пыль и на ней появляется сажа, а жителей поражает обильное истечение слезы и ослабление слуха.

Его (Кашгара) благородные [люди] — самые благородные из людей, а его низкие [люди] — особенно низки, хуже, чем Нас-

нас[105]. Сейчас он (Кашгар) — разрушенный и пустынный, погибли и правители и сверстники, осталась [только сорная] трава и пыль.

И вот случилось мне, впервые покинув Алмалык, отправиться туда. И это была самая приятная поездка и самая удачная моя торговля. Мне [было] хорошо там и [в смысле] обстановки и настроения. В нем лучше всего жить и это — самое прохладное [место]. В первый мой приезд я поступил на службу к моему покровителю и покровителю ученых двух миров. А он — великий садр, сведущий, многоопытный, выдающийся ученый, образец для двух [разнящихся] групп, пример для двух направлений, султан ученых, запада и востока Камал ал-Милла ва-д-Дин Абу 'Абдаллах ал-Хусайн ибн ал-Музаффар ал-Балади аш-Шейбани... Он почтил меня, отличив своим присутствием, и приблизил меня, приняв на службу. И как только я прибыл в него (Кашгар), меня встретили наш покровитель Шамс ал-Афадил ал-Му'иззи и наш покровитель Бурхан ад-Дин 'Алим ал-Бухари. Они привели меня на службу к нашему покровителю (ал-Балади аш-Шейбани) да помилует его // (с. 146) Аллах... Наш покровитель, да помилует его Аллах, когда хотел, чтобы я привел ему его излюбленные стихи или что-нибудь другое, говорил: «Читай мне то, что хочу я, а не ты». И он распоряжался по своему усмотрению рукописными копиями [стихов], которые любил. Он продиктовал диван своих стихов еще до моего прибытия в Кашгар, а когда я поступил к нему на службу, снова [начал] диктовать его мне, прося записать; и всякий раз, как заканчивал диктовать, велел мне громко декламировать одну из касыд, отбивая ритм. Какой милостью Аллаха он был наделен, мы увидели спустя 20 дней после его смерти, как ушли проклятые чагатаи; а они ушли, совершив набег, ограбив и перебив много людей. Они похитили и распяли сколько-то ученых, саййидов и знатных людей и взяли в плен пять тысяч рабов и детей, лучших из лучших и женщин-затворниц, отборных, красивых.

После набегов [вместе] с теми, кто избежал смерти, плена, огня, разбоя и неслыханного угона, мы вышли из потаенных уголков и безопасных мест и услышали весть о смерти нашего покровителя. Поспешили к нему, собираясь у него, но нашли его лежащим на спине; казалось, он спит, а от него исходил пар, как будто он вышел из бани. И не отвратил смерть от него [его] смертный час. А был разгар зимы, середина месяца ал-кануна; когда в этот месяц разжигают огонь, то он гаснет, а если появится слюна изо рта, то замерзает.

...Из садров — наш покровитель, садр, славный имам... Джамал ал-Милла ва-д-Дин, садр шариата, садр великий, крупный ученый, который превзошел своих современников знаниями, правильностью мысли и действия; его сторона — это собрание ученых, а ворота его — благо для благородных; подлинно, он — из начал молодости, который объединял нас, молодых, в союз соо-

течественников любовью человеческой, а о нем чуть совсем не забыли.

И у него, да спасет его Аллах, преемник истины, сын праведный, имам славный и великодушный, аргумент шариата Са'д ал-Милла ва-д-Дин, царь [среди] имамов и выдающихся людей, садр ал-ислам, который заведовал делами садров по наследству от деда к отцу и преумножил величие общины и религии. Он же побуждал меня настойчиво и ревностно к сочинению этих «Прибавлений к Ясному», // (с. 147) да преуспею я в [этом] благодаря его (Аллаху) старанию. Об этом я уже упоминал во введении.

А из известных великих имамов, наилучших знатоков — наш покровитель, имам, пример выдающегося ученого, образец [для] имамов ислама, опережающий на поприще славы и величия, превосходный [из] благородных и владеющих фетвой, муфтий общины, наставник имамов... автор [сочинения] «Ан-Нихайа ли-л-хидайа» («Конечная цель для руководства»)... скрупулезный, выдающийся ученый Зайн ал-Милла ва-д-Дин, он по своим достоинствам — обширное море, а знание его соответственно его знамени — океан; он поражает сегодня законодателей своей фетвой, а Кашгар громогласно [объявляет] самую превосходную из фетв в каждой стране ислама.

Описание Хотана и его достопримечательностей

Округ Хотан — красивый, обширной площади, в нем все лучшее; климат его — умеренный, небо его — светлое, чистое. Он имеет много селений и садов, пастбищ и пахотных земель, но только поля его трудно, тяжело вспахивать. Зерна вдавливаются пальцем в землю и его колосья не рождаются с большим количеством зерна. Дело в том, что в колосе сто зерен и самое маленькое способно [иметь] лучшие свойства, а его кожица — самое вкусное кушанье, и с самым приятным вкусом.

Столица его (Хотана) — меж двух вади, их вода вкусная, красноватая и в ней камешки яшмы — светлой и зеленой. Его земли богаты водой, а его деревья — шелковичные, на его рынках торгуют бязью и шелками. Его жители — красивы лицом, со светлыми глазами. И удивительно, что овцы черные, а с годами их шерсть белеет.

Город Ходженд

Рай во вселенной по красоте и плодородию; и разукрашена его земля базиликом и цветами, его Сейхун заполнен плывущими лодками. И украшены его племена, как вращающийся небосвод, планетами наук и яркими звездами; я имею в виду луну в период полнолуния и садров религии, их глава — садр славный, великий..., о котором шла речь при описании Алмалыка, а его сыну Малик ал-ислам Бурхан ад-Дину, да помилует его Аллах, принадлежат стихи о седине, написанные на его могиле на берегу Сейхуна со стороны Мийанкаля[106], а это название [места] на берегу, вот они:

При черноте [волос моих] в молодости, когда моя судьба,
Показала мне нить из белизны старости,
Я сказал: «Добро пожаловать,
Это — жемчуга слез составляют ожерелье.»

// (С. 148) Среди них — кади, прославленный имам, садр религии и веры ал-Ходженди, кади Ходженда.

Среди них [также] — доблестный имам, муфтий людей, наместник Бурхан ал-Милла ва-д-Дин ал-ʿАла; среди них — достойный имам, глава имамов ислама, гордость религии и веры ал-Муджри[107], а среди известных эмиров и везиров — правитель, благородный и великий, могущественный, именитый, достойный Джалил ал-Мульк Джамал-ад-Дин — правитель Ходженда, высший совет, саййид высших, имам, эмир, везир и сын везира — эта сияющая звезда ас-Сахиб ибн ас-Сахиб, наш покровитель, Наджм ал-Милла ва-д-дин ас-Садари ас-Сахиби и его брат — эмир, везир и сын везира, прославленный эмир Маджд ад-Дин, сыновья великого везира Садр ад-Дина ас-Сахиба, да устроит их Аллах в раю и наделит их щедро покоем и довольством.

Я навестил в Ходженде, при вторичном моем проезде через него моего покровителя, верного шейха, набожного, знающего, благочестивого, лучшего из шейхов Фахр ад-Дина ал-Джавалики. Он принял меня, приветливо улыбаясь, куря хашиш, благодаря Аллаха за новую встречу...

Страна Фергана

Каменистая обширная область, земля изобилия и довольствия; ее луга богаты растительностью, а поля — просторны. Из всех мест [здесь] самый лучший воздух, самая вкусная вода; здесь быстрее всего произрастают и созревают плоды; [она] — самая благословенная посещениями.

Город Ош[108]. В нем две небольшие горы: Барака и Ханаф. Около Барака мазары святых и праведных и рядом с другими могила Асафа ибн Бархийа[109] — везира Сулеймана ибн Дауда, да будет мир над ними обоими.

Гробница Кутайбы ибн Муслима [находится] в селении Кылыч, а две могилы — могила голов[110] и могила душ — в местечке Испед-Булан[111].

Говорят, что две тысячи восемьсот асхабов и приверженцев [пророка] пришли с завоевателями, которых послал эмир правоверных Усман ибн Аффан, да будет доволен им и ими Аллах, назначив над ними Мухаммада ибн Джарира, и все они погибли мучениками за веру. [Эта] история известна. [Также] могила ʿАбдаллаха ибн Джабала между Кубой и Шахр-и нау, [также] могила ʿАбдаллаха ибн ʿАли ибн Хусайна ибн ʿАли ибн Абу Талиба, да будет доволен ими всеми Аллах, в Хоканде близ реки Сейхун, а в Узджанде — гробница бывшего илека, да упокоит Аллах его могилу.

Из известных [лиц] Ферганы и ее садров — садр, доблестный имам Нусрат ад-Дин, сын шейха-имама, шейха из шейхов ислама, обладателя [многих] достоинств и чудотворца Бурхан ад-Дина Клыча ал-Уздженди, да помилует его Аллах.

И среди них — садр великодушный, преславный, старший среди садров, ...шейх ал-ислам ва муслимин Мунир ибн Аййуб ал-Касим ал-Оши, садр Оша, да спасет его Аллах.

И среди них — шейх, ревностный имам, продолжение великодушных шейхов, старший среди великих ученых, эмир, имам, солнце общины и религии Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кубави, да спасет его Аллах!

И среди них — шейх, имам сладкоречивый, вступивший на путь [истинный], обладатель истины Джамал ад-Дин ал-Харави ал-Иламиши, шейх сановный, высоко превознесенный, величественный, блестящий, красивый и красноречивый... Он (ал-Иламиши) рассказал нам, да помилует Аллах, о похвальных качествах шейха шариата и тариката Бурхан ад-Дина Клыча, да освятит Аллах его душу. Он сказал: «В расцвете моей молодости я с десятью асхабами, моими последователями перешел через Джейхун в Хорасане, направляясь в Мавераннахр. И едва миновав площадь, мы расспросили шейхов тариката и владеющих истиной о том [человеке], посетить которого и беседовать с которым мы получили благословение. А тогда главной нашей целью было быть в услужении у шейха Бурхан ад-Дина [Клыча]. Мы были наслышаны о его славе и достоинствах и хотели благословиться его милостями. Мы не оставляли никого из шейхов-суфиев и тех, кто обитал по соседству с ханакой, чтобы не расспросить, пока не услышим от них о жизни приверженцев суфизма и об их остроумных изречениях. И так [было], пока мы не прибыли в Ходженд. Мы остановились в ханаке Варигназа (?)[112], отдохнули там несколько дней и направились в Уздженд. В пути мы повстречали правителя ас-Са'ида, добродетельного, доблестного Ильчи-малика, правителя Ферганы и остановились у него... Затем от него мы отправились в Уздженд и когда приблизились к нему, послали сообщить шейху о прибытии путников, но не вернулся к нам посланный и не вышел никто встречать нас. Мы пришли на рынок и дошли до мечети, в которой занимался [с учениками] шейх, и уселись на лавочках у входа в мечеть, ожидая выхода шейха к нам с извинениями, что он не смог нас встретить. А я между тем готовился напуститься на шейха[113] за то, что он не встретил нас. К нему по двое и поодиночке входили люди с рынка и сообщили ему о нас и торопили его; а он говорил: «Подождите, пусть посидят, пока не закончится диспут». А когда затянулось наше ожидание и мы устали, он вышел из мечети, а я поднялся навстречу ему. Вдруг он посмотрел на меня, уложив на место стрелой своего взгляда; обратилось в бегство мое войско и улетучились мои мысли, я онемел от смущения, // (с. 150) позабыв даже приветствовать его. Он обнял меня и сказал мне незаметно: «Ты

забыл даже поздороваться со мной, не говоря уже о [приготовленной] речи. Так где же твое войско, твой правый и левый фланги?» И тогда я искренне раскаялся, понравился ему сердцем и душой, а на службе у него добился успеха и вознаграждения...» Этот рассказ я услышал от него в Иламише в одном из месяцев 668/1269—70 г.

И среди тех, с кем я имел честь беседовать на торжественных приемах, любезно переписываться, имел счастье пожимать руку и наслаждаться приятной беседой,— имам великий, доблестный, выдающийся ученый Тадж ал-Милла ва-д-Дин ар-Ради Бирди аш-Шаристани; он — единственный своего века по достоинствам всякого рода и единственный среди сверстников своего времени в науках о последних и прошедших [временах].

Он жил в Андугане (Андижане) после изгнания из центра и места его славы, да будут вечными его заслуги и будут приятными его дни и ночи.

Город Шаш

Город надежного благополучия, с вкусной водой, благоприятным климатом, омываемый дождями, богатый растительностью, с разросшимися пригородами. Это — один из больших мусульманских городов.

Нам рассказывали, что какие-то неверные тюрки окружили его ночью и устремились к нему подобно потоку. Они (тюрки), осматривая утром проходы для военных действий, услышали перед самым рассветом какой-то крик изнутри цитадели. Они спросили об этом и услышали в ответ, что это призывы муэззинов на утреннюю молитву. Они призывали попарно, настойчиво, провождая часть ночи непрерывно в призывах к молитве. В нем (Шаше) четыре тысячи соборных мечетей; у каждой общины семьдесят или шестьдесят домов с жителями. Их (тюрков) испугало это сообщение и они сказали: «Если бы жители крепости, проснувшись утром, увидели свою многочисленность по сравнению с нашим количеством, то был бы тягостен наш позор от них, ведь они утопили бы нас [только] в своих плевках, не говоря уже о том, что догнали бы и настигли нас». И они (тюрки), потерпев поражение, обратились в бегство. И все это благодаря беспрерывным призывам муэззинов и бодрствованию по ночам.

Я посетил в нем (Шаше) гробницу шейха, имама, устанавливающего истину, толкователя [Корана] Абу Бакра ал-Каффала аш-Шаши, да помилует его Аллах... Я встретил в нем (Шаше) в первый мой проезд через него в 671/1272—73 г. правителя Кадыр-малика и его супругу[114], которая была его поддержкой и опорой, а из их сыновей — великий, славный ʿАла ад-Дин, да продлит [Аллах] его высокое положение и да споспешествует их сыновьям и да подтвердит вести о них.

Среди знатных [людей] и имамов — шейх ал-ислам Джалал ал-Милла ва-д-Дин, их садр и тот, кто был, как луна на небосклоне садрства; и кади, имам // (с. 151) садр ал-Хакк ва-д-Дин и его сын Нусрат ал-Хакк ва-д-Дин, да спасет Аллах их обоих.

Потом мне случилось быть в нем (Шаше) второй раз и правил в нем эмир щедрый, великодушный и превосходный, Нусрат ад-Дунйа пахлаван Махмуд, сын славного саййида ʿАла ад-Дина, известного как саййид Кандабаз ас-Самарканди, позже Алмалыки. С этим пахлаваном — хотанцем нас связывали родственные узы со стороны его великого славного сына, эмира Насира, а он — сын моей сестры.

Что касается жителей Шаша, большинство их курит хашиш, и хашишники враждебны к иноземцам, как собаки, готовые разорвать их когтями и клыками, да простит их Аллах, как прощает волков.

Страна Барчкенд — страна дикарей и туркмен. Территория скопления снегов с рядами холмов и песков, рассадник москитов и муравьев, с обиталищами рыжегривых в пустыне, отдаленных от гор.

Я прибыл в Барчкенд на службу к ученейшему мужу, садру из садров, луне во мраке, редкому среди людей, особенно, по памяти и повторению [слышанной] речи, шейх ал-исламу Хусам ал-Милла ва-д-Дин Абу-л-Махамиду Хамиду ибн ʿАсими ал-ʿАсими ал-Барчинлыги, да помилует его Аллах; а он — великий садр и выдающийся ученый, подобного которому никто не видел и никогда не увидит, даже если проживет вечность. Он закончил [курс] изучения Корана, вынесения решений по фикху, [курс] толкования Корана, обучался сочинению хутб и посланий. Он мог бы быть известным и на поприще прозы и поэзии, если бы считал полем своей деятельности импровизацию и сочинительство. Ему принадлежат удивительные арабские сочинения о науках в прозе и стихах. Он составил сокращение «ал-Муфассала» преученейшего Джараллаха[115], назвав его «ал-Муджмал», а также сокращенную редакцию «ал-Хидайа фи-л-фикх», [сочинения] шейх ал-ислама Бурхан ад-Дина ал-Маргинани, выполнив [это] искусно, и назвал ее «Хадиййат ал-мухди мин хидайат ил-муктади». («Подарок дарящего из руководства для ищущего истинный путь»), изложив предельно кратко, без изъяна основные вопросы и самые существенные тексты доказательства в помощь и для облегчения запоминания руководства учащимися.

Он диктовал его изустно в течение двух месяцев, просил продиктовать его еще в Барчкенде, когда был там в какие-то месяцы 672/1283—84 г. и оно (руководство) было записано под его диктовку [только] до главы «Тайаммун» («Омовение песком») и прекращено. Я слышал, что он не откладывал завершения и оно (руководство) было [официально] закончено, раньше его [полного] завершения.

У него есть стихи на арабском языке классического сложения на персидском — мелодичные, на турецком — стройные, а [также] сочинения на трех языках, подобных которым не сочинял никто из предшествующих и современных [авторов]. Кому не пришлось видеть и слышать, тот не получил никакого удовольствия за всю свою жизнь.

Когда я попросил его, он экспромтом сочинил для меня иджазу[116] и записал ее своим превосходным почерком так быстро, как-будто он сочинил ее за несколько дней до того, как услышал мою просьбу, но придерживал это. Тот, кто читал и видел его почерк, тот оставил [мысль] о сравнении с ним, а о почерке его ходит много рассказов.

// (С. 151) Город Дженд[117]

Он прежде был большим городом, а недавно подвергся нападению. Он — торговый [город], торгующий прибыльно. Купцы спешат туда, важничая выгодными торговыми сделками. На его рынке больше всего торгуют товарами на микьялы[118]. На его рынке мне довелось оказать услугу шейху из шейхов... Камал ал-Хакк ва-д-Дину ал-Хорезми, потом [он же] ас-Сигнаки, прозванный между туркмен [просто] шейхом // (с. 152) Баба, да будет свят его дух.

Я использовал случай служить у него и иметь общение с ним, уважая и его желание. А он — шейх, наш ученейший садр ал-Камали ал-Музаффари, да помилует его Аллах, шейх уединения, [носящий] рубище; и это — самый старейший из приверженцев султана шейхов Наджм ад-Дина ал-Кубра[119] Абу-л-Дженаба, [находящийся] при нем, замещающий его, воспитанный в его доме.

Я видел письмо шейха тариката и хакиката Сайф ад-Дина ал-Бахарзи к нему (Камал ад-Дину), которое он написал своей рукой от имени Са'ида ибн ал-Мутаххара[120] к преемнику нашего шейха Камал ал-Хакк ва-д-Дину, опоре следующих [за ним].

Указал мне шейх, когда тот переселился к соседству Аллаха Всевышнего, и выбрал написанные даты его смерти, а я написал этот текст, выгравированный на черной плите, поставленной в передней части могилы в Хайрабаде[121], в окрестностях Дженда. А выгравировал ее его сын, [наш] брат имам Наджм ал-Хакк ва-д-Дин, шейх имамов, да спасет его Аллах. Вот сия надпись: «Это усыпальница того, кто наблюдал звезду ас-Суха и звезду ал-Фаркад, кто боролся за веру, доказывая свою правоту. Это — шейх, великий избранник [Аллаха], ученый, вершитель [дел], предпочитаемый [перед другими], следующий по пути тариката, обладающий владениями истины, образец для следующих [за ним], опора для сподвижников, водружающий знамена священной войны, обладатель знамений лицезрения... Камал ал-Хакк ва-д-Дин, шейх шейхов в двух мирах, прозванный среди духов Михр ибн Кабир, а это Мухаммад ан-Ну'мани, да почтит его Аллах в раю

милостью лицезрения и приветливостью. Он скончался в возрасте 85 лет в ночь четверга в середине месяца джумада-ал-аввал 612/ декабря 1273 г., отзовясь на зов Аллаха, преданным господу двух миров, благославляя Мухаммада и весь его род».

[Переписка] «Мулкахат ас-Сурах» была закончена в начале месяца джумада-л-аввал рукой слабейшего из рабов Аллаха и самого нуждающегося из них [в нем — Аллахе] Шараф ад-Дина ибн маула Нур ад-Дина, по прозвищу Фархад ал-Андиджани, да простит Аллах грехи им обоим и скроет их недостатки, в городе Ходженде в каком-то из месяцев 1066/1655—56 г. в день среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 100.

[2] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 60.

[3] О чтении слова Карши см.: Бартольд В. В. Мулхакат ас-Сурах// Соч. Т. VIII. С. 101.

[4] Бартольд В. В. Мулхакат ас-Сурах//Соч. Т. VIII. С. 98—102.

[5] Бартольд В. В. Там же. С. 100.

[6] Там же. С. 100—101.

[7] Там же. С. 102.

[8] Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей. Вып. 3. № 30 (С. 55—57).

[9] См.: Бартольд В. В. Мулхакат ас-Сурах//Соч. Т. VIII. С. 100.

[10] Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. Ч. 1. Тексты. С. 128—152.

[11] В. В. Бартольд приводит его имя как Алма'и Абу-л-Футух 'Абд ал-Гафир (Гаффар) ибн Хасан (Туркестан//Соч. Т. I. С. 64).

[12] В тексте: جوقر ما بول

[13] В тексте: يتّى

[14] Свою нисбу знаменитый богослов получил от названия квартала Матурид в Самарканде.

[15] У К. Брокельмана приведена другая дата — 333/944 г.

[16] Чакардиза — квартал Самарканда (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 140—141).

[17] Об Абу Йакуб ас-Саккаки см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 542—544.

[18] Богра-хан Сатук 'Абд ал-Карим, ум. в 344/955 г. Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 315, 318, 589).

[19] В. В. Бартольд читает как بر ير

[20] В тексте: بشنك اسب بن رسمن

[21] Следует читать ал-Гаффар.

[22] Другое сочинение этого автора «Словарь шейхов» («Му'джам аш-шуйух») упомянуто у Сам'ани (изд. Марголиуса) Бартольд В. В. Туркестан// Соч. Т. I. Тексты. С. 64).

[23] В тексте: بيلكا بحور

[24] Саманидский правитель (365/976—387/997).

[25] Исфиджаб — город в Мавераннахре (на месте нынешнего Сайрама). Здесь имеется в виду завоевание его Саманидами в 840 г.(Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 229).

[26] Артудж — селение в области Кашгара.

[27] Кадыр-хан Йусуф ибн Харун — Караханид, ум. в 1032 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 591).

[28] В тексте خوهند

[29] Атбаши — город в современной Киргизии (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 213, 380).

[30] См. Кадыр-хан Йусуф ибн Харун, ум. в 1032 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 591).

[31] Река Туман — по-видимому, Тарым.

[32] Караханид Шамс ал-Мульк Наср ибн Ибрахим, правил в Самарканде в 1063—1080 гг. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 161).

[33] Харджанг — селение, расположенное в трех фарсахах от Самарканда, место захоронения знаменитого ученого-хадисоведа Мухаммада ибн Исма'ила Бухари (ум. в 256/870 г.). Рабат ал-Малик (царский рабат) находился в степи Малик к западу от Кермине (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 308).

[34] См. Тамгач-хан Ибрахим, сын Арслан-хана Мухаммада (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 396); по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга XI, 133) был убит карлуками в месяце зу-л-хиджжа 550/январе—феврале 1156—57 г. Келлабад — место в окрестностях Бухары (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 390).

[35] См. Арслан-хан Мухаммад ибн Сулейман ибн Давид Кюхтегин ибн Тамгач-хан Ибрахим (1103—1130) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 381, 592).

[36] Чагры-хан (Джалал ад-Дин 'Али ибн Хасан; правил в Самарканде в 1156—1165 гг.) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 397, 398, 593).

[37] Видимо, здесь какой-то пропуск.

[38] Следует читать Тамгач-хан; возможно, это Клыч Тамгач-хан Мас'уд, сын и преемник Джалал ад-Дина Чагры-хана (1163—1178/79 гг. в Самарканде) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 397, 593).

[39] См. Арслан-хан Абу-л-Музаффар Йусуф (ум. 601/февраль—март 1205 г.) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 427).

[40] См. Арслан-хан Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Йусуф, сын кашгарского хана; по Джувейни и Казвини, будучи освобожден Кучлуком из плена у каракитаев был отправлен в Кашгар, но был убит мятежными эмирами прежде, чем успел вступить в город (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 431).

[41] Об этом см.: Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. I. С. 138.

[42] См.: Сарыкол (Сарык-кол) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 434, 470).

[43] Илек Наср — Караханид, ум. в 1012—13 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 590).

[44] Узджанд (совр. Узген) — важный средневековый ферганский город, ныне районный центр Ошской области Киргизской ССР.

[45] Султан Махмуд ибн Сабук-тегин — Газневид; 388/998—421/1030 гг.

[46] О Абу Тайиб Сахл ибн Мухаммад ас-Са'луки см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 333.

[47] Туганчик — серахский наместник (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 333).

[48] Хызр — пророк Илья.

[49] У Ибн ал-Асира — Сельджук, сын Тукака (Дукака), основатель династии Сельджуков (Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 566).

[50] Барчкенд — сокращенная форма в мусульманских источниках города Барчынлыгкента, расположенного недалеко от Дженда, в низовьях Сырдарьи (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 236, 237; Его же. Очерки истории туркменского народа//Соч, Т. II. Ч. 1. С. 591).

[51] Дженд — развалины Хишт-кала, в урочище Тумар-уткуль к западу от Сырдарьи, в 25—30 км от Перовска (Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 424); согласно С. П. Толстову, Дженду

соответствуют развалины Джен-кала, в 120 км к юго-западу от Кзыл-Орды (Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 560).

[52] Нур-Бухара — город Нур в Бухарской области. (Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 585).

[53] Ахмад ибн Исма'ил ас-Самани — саманидский правитель, убитый 23 января 914 г. (Бартольд В. В. Место прикаспийских областей//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 685; Его же. Арабские известия о русах/Соч. Т. II. Ч. 1. С. 831).

[54] Махмуд-хан ибн Иль-Арслан — хорезмшах (ум. в 589 г. х.).

[55] Хорезмшах Текеш ибн Иль-Арслан — хорезмшах, правивший в 1172—1200 гг. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 593).

[56] Гурхан — глава государства кара-китаев.

[57] Бузар (Озар) Тогрул-хан — правитель мусульманского владения в Кульджинском крае (главный город Алмалык). Джувейни называет этого хана Озаром (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 54—55; Он же. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 139).

[58] Сугнак-тегин — сын Бузар-хана Алмалыги.

[59] Сельбек-Туркен — вдова Бузар-хана Алмалыги (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 468).

[60] О Жебе-нойоне см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 468—470).

[61] Уктай (Угэдэй-каан) — старший сын Чингиз-хана (624/1227—639/1241).

[62] Қайду (Хайду) — внук Угэдэя (670/1271—72—701/1301—02) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 578).

[63] Гуюк — старший сын Угэдэя, правил в 1246—1248 гг. и ум. в 1248 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 555—557).

[64] Неверно, на самом деле Барак — Чагатаид, двоюродный брат Мубарак-шаха (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 69).

[65] См.: Сайф ад-Дин Бахарзи — видный мусульманский богослов, мударрис и мутавалли медресе Ханийе в Бухаре (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 541, 542, 549, 574).

[66] Мункэ-хан — сын Тулуй-хана, великий каан (649/1251—658/1260) (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 64—65).

[67] Важный средневековый город, развалины которого находятся на Орхоне близ современного монастыря Эрдени-цзу (Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 147).

[68] Бату-хан сын Туши (Джучи) — Чингизид, правитель Золотой Орды в 1227—1255 гг. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 557—562; Он же. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 148—149; Его же. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 259—261).

[69] Қаялык — город в северной части Семиречья в Кульджинском крае, около нынешнего Копала (Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 295).

[70] Имеются в виду события 1251 г., когда на престол сел Мункэ-хан, а его противники — потомки Угэдэя были уничтожены.

[71] Есу-Мункэ старший — сын Чагатая (645/1247—650/1252) (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 64—65. Его же. Туркестан//Соч. Т. I. С. 555—557).

[72] Бури — внук Чагатая; сын Мутугэна (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 565, 573; Его же. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 64—65, 67, 74).

[73] Қара-Хулагу (Хара-Хулагу) — сын Мутугэна, внук Чагатая (639/1241—645/1247; вторично: 650/1252) (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 63—65, 103).

[74] Оргина-хатун (Эргэнэ-хатун-бики) — супруга Қара-Хулагу (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 565, 573—576, 579).

[75] Суругтани (Сиюркуктени, Сурхуктани)-бики — мать великих ханов Мункэ-хана и Хубилая (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 549, 554, 557, 558).

[76] Манзи (Манги) — Южный Китай; до монгольского завоевания подвласт-

ный китайской династии Сун (The Book of Ser Marco Polo concerning the kingdoms and marvels of the East, vol. 2, London, 1903. P. 10).

[77] Ариг-Бука — младший брат Мункэ-хана, правивший в 1260 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. 1. С. 597).

[78] Хубилай-каан — великий каан монголов (658/1260—639/1264).

[79] Так в тексте: Чингим.

[80] О Таразе, позднее Аулийа-Ата (современный Джамбул) см.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. I. Ч. 1. С. 37.

[81] Так передано имя «Чапар» (Бартольд В. В. Чагатай-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 541).

[82] Иль-Аларгу — область, составляющая основную часть владений Чагатая с главным городом Алмалыком (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 60).

[83] Алмалык — главный город Кульджинского края к северо-западу от современной Кульджи (Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. I. Ч. 1. С. 139).

[84] Ошибка. В действительности это произошло в 639/1241—42 г. (Бартольд В. В. Чагатай-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 540).

[85] По мнению В. Ф. Минорского, правильнее — Оркына (Бартольд В. В. Чагатай-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 540).

[86] Ошибка, он был жив еще при Есу-Мункэ и после него даже захватил престол. Умер в 650/1252 г. (Бартольд В. В. Чагатай-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 540).

[87] Мубарак-шах — сын Кара-Хулагу от Оргина-хатун (в 664/1266 г.).

[88] См. Алгуй, сын Байдара, внук Чагатая, ум. в 664/1265 г. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 569, 574, 580, 596).

[89] Ахангаран (совр. Ангрен) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 212, 220, 226, 229, 231).

[90] Барак ибн Эсен-Тува — монгольский правитель в Средней Азии, правнук Чагатая (664/1266—670/1271) (Бартольд В. В. Барак-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 509—518).

[91] Ходженд (позднее Ходжент) — один из древних и крупных городов Мавераннахра; современный Ленинабад Таджикской ССР (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 221—224).

[92] Никбай (Никпай, Никпай-огул) ибн Сарбан — двоюродный брат Алгуя (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 574). Год восшествия его на трон указан у Джамаля Карши неправильно, в действительности — ок. 670/1271 г. (Босворт К. Э. Мусульманские династии. С. 197).

[93] О Буке-Тимуре см.: Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 589.

[94] Тува (Дува) ибн Барак (правил с 690/1291—706/1306) (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 101; Его же. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 70—75; Его же. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 177—179, 260).

[95] Махмуд Ялавач ибн Мухаммад ал-Хорезми — правитель Мавераннахра, назначенный великим ханом (Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 148; Его же. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 261).

[96] Название «уйгуры» дано в искаженном виде.

[96а] Ханбалык — современный Пекин.

[97] Мас'уд ибн Махмуд ал-Хорезми — сын Махмуда Ялавача, правитель Мавераннахра после отца (Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 148).

[98] Бузар-хан Алмалыки — см. прим. 1 (с. 21).

[99] Ал-Карши — здесь дословно: «дворцовый».

[100] Кузбалык (Гузз-балык, Гузз-орду, Куз-орду) — местность около Баласагуна (Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 298).

[101] Хабаш Амид ал-Кармини ал-Бухари ал-Йиларгави — Кутб ад-Дин Хабаш Амид, министр Чагатая (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//

Соч. Т. II. Ч. 1. С. 62—67; История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. С. 147—149).

[102] Букв.: обладатель одного из сорока желаний.

[103] В тексте рукописи: نهبا или لهبا ; принимаем исправление В. В. Бартольда — تتهيا

[104] В тексте لكند, которое следует читать как كلنك (кирка, мотыга).

[105] Наснас — легендарное чудовище.

[106] В тексте مياه غل ; видимо, следует читать ميان كل (Миянкаль); промежуточная станция между Бухарой и Несефом (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 191).

[107] Видимо, здесь следует читать ал-Мукри (Мукри ал-Худжанди).

[108] Ош — один из древних городов Ферганской долины (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 212—214, 216, 220).

[109] О нем см.: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 213. По его словам, здесь находилась могила Асафа, везира Сулаймана (Соломона), а сама гора Барака якобы носит название «Соломонов трон» (Тахт-и Сулайман).

[110] В тексте مشهد الرؤس و مشهد النفوس

[111] См. Испед-Булан в долине Касан-сая (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 216).

[112] В рукописи وَرْغَنَز ; идентификации не поддается.

[113] Букв.: готовил правый и левый фланги и снарядил войско для спора и воинов для битвы.

[114] В тексте تركانه , что означает «царица» (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 400).

[115] Джараллах аз-Замахшари (1075—1144).

[116] Иджаза — разрешение ссылаться на него, как на учителя.

[117] Остатками Дженда являются развалины Хишт-кала в местности Тумар-уткуль, недалеко от Петровска (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 235).

[118] Микьял — мера сыпучих тел.

[119] Наджм ад-Дин ал-Кубра — один из видных представителей среднеазиатского суфизма. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 541—542).

[120] Полное имя: Сайф ад-Дин Са'ид ибн ал-Мутаххар ал-Бахарзи.

[121] Хайрабад — местечко в окрестностях Дженда. (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 237).

ИБН БАТТУТА

ТУХФАТ АН-НУЗЗАР ФИ ГАРА'ИБ АЛ-АМСАР ВА АДЖА'ИБ АЛ-АСФАР

Путешествие ибн Баттуты — богатый фактологический источник по исторической географии, содержащий описание стран Востока в XIV в. «Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий») не является сочинением самого ибн Баттуты — это литературная обработка рассказов с его слов, выполненная ибн Джузайем.

Полное имя ибн Баттуты — Абу ʿАбдаллах Мухаммад ибн ʿАбдаллах ал-Лавати ат-Тунджи (703/1304—779/1377)[1]. Биографические сведения о нем скудны. Неизвестно ничего, кроме того, что он сам попутно сообщал в своем путешествии[2].

Первоначально ибн Баттута имел в виду совершить только хаджж. Для этого он выехал из Танжера, проехал Северную Африку, посетил Иерусалим, Палестину, Сирию, Медину, Мекку, странствовал по Ираку, Йемену и Индии, затем через Тавалиси[3] проехал в Китай.

Произведение ибн Баттуты стало известно только в XIX в. После завоевания Алжира французами в национальную библиотеку Парижа поступило около пяти рукописей, среди них было две полных, частично представленных автографами ибн Джузейа. На основе этих рукописей в 1853—1858 гг. Дефремери осуществил первое издание всего текста и полный перевод его на французский язык[4], которое и послужило основой для дальнейших исследований. Полный перевод текста на турецкий язык, выполненный Дамадом Мухаммад Шарифом, составил трехтомник, опубликованный в 1897—1901 гг.[5] Мухаммад Джевдату принадлежит обстоятельный комментарий[6]. Есть отдельные частичные переводы Мжика[7] и Гибба[8].

Настоящий перевод извлечений путешествий ибн Баттуты выполнен по египетскому изданию сочинения[9].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТУХФАТ АН-НУЗЗАР ФИ ГАРАʾИБ АЛ-АМСАР ВА АДЖАʾИБ АЛ-АСФАР»

[О китайском фарфоре]

// (С. 159) Что касается фарфора Сина, то он изготовляется только в городах Зайтуне и Син-и калане. Основным сырьем [фарфора] является каменная пудра. Она, как мы увидим ниже, горит как уголь; к нему добавляют определенное количество камня и держат под сильным огнем в течение трех дней; затем обливают водой, в результате получается глиняная масса. Эту массу ставят на брожение. Самым лучшим сортом считается фарфор месячного брожения, больше этого [срока он] не выдерживает. Низшим [сортом] считается десятидневное брожение. Это [и] определяет ценность фарфора или снижает цену при перевозке в Индию и в другие страны...

[Занятия, обычаи и нравы населения Китая]

Население Сина — неверующие, идолопоклонники. Они сжигают трупы, как индусы. Владетель Сина — татарин из династии Чингиз-хана. В каждом городе есть кварталы мусульман. Для них построены мечети, в которых совершаются пятничные и другие молебны; мусульмане пользуются большим уважением. Неверующие Сина едят свинину, собачье мясо и продают его на базарах. Не одобряя роскошный и обильный образ жизни, они не проявляют особой заботы о питании и одежде. Можно встретить

крупного купца, у которого неисчислимое количество товаров, а одежда на нем из грубой хлопчатобумажной ткани. Во время праздников золотого и серебряного сезонов жители Сина опираются на костыль при ходьбе и называют его третьей ногой. Они в большом количестве разводят тутовый шелкопряд, который питается листьями тутового дерева; и этот шелкопряд не требует особого внимания и заботы. Поэтому у жителей Сина очень много шелка, и одежды у бедных из шелка. Если бы не было торговли, то шелк был бы обесценен. Одежду из хлопка продают и покупают только одного вида, а из шелковых много разновидностей. По местному обычаю торговец золото и серебро хранит в слитках, чтобы сделать из него монету // (с. 160) по кантару[10]; [слиток] должен носить [постоянно] при себе. Обладатель пяти кантаров надевает на палец одно кольцо, обладатель десяти кантаров — два кольца, обладатель же пятнадцати кантаров называется ситти — почетнейший, как в Египте. В Сине кантар называют буркалла.

[Бумажные деньги, употребляемые в купле и продаже]

Население Сина в купле и продаже не употребляет ни динаров, ни дирхем. Как мы [уже] упомянули выше, они держат слиток, каждый достоинством определенной меры и обмениваются на бумажные деньги, выпущенные с печатью правителя и 25 таких бумажных денег равняются нашему динару. Если бумажные деньги рвутся, то их приносят и сдают в меняльный двор, как в наших краях, и взамен получают новые. Когда меняют деньги, за услуги платят... Меняльный двор подвластен государству. Если кто-либо [из приезжих] для того, чтобы купить товар, отправится на базар с золотым или серебряным динаром, то, не обменяв его на балыш, он не сможет ничего купить, а за балыш сможет купить все, что пожелает (с. 161).

[Непригодные обычаи, запрещенные торговцами]

Если в какой-нибудь город Сина прибывает торговец из мусульман, ему предоставляется возможность остановиться у какого-нибудь [своего] соотечественника или на постоялом дворе. Если же он пожелает остановиться у торговца [-соотечественника], то его имущество после подсчета переводится [в распоряжение] соотечественника. На возмещение издержек торговец тратит определенную часть своего товара. Если он пожелает путешествовать [дальше], то осматривает свой товар и когда находит что-либо подходящее, оставляет в залог торговцу-соотечественнику. Если же он захочет остановиться на постоялом дворе, то свой товар передает его хозяину, который берет торговца под свою защиту. Если торговец пожелает иметь наложницу, то хозяин постоялого двора покупает для него прислугу, при этом дверь поме-

щения [где он остановился] должна быть открыта в сторону постоялого двора, чтобы хозяин мог видеть все, чем занимаются торговец и служанка. У них цена прислуги очень незначительна.

У коренных жителей Сина // (с. 162) продажа детей не считается позорной, покупатели этих детей используют в качестве прислуги, но, уезжая за пределы страны, куда-нибудь за рубеж, их оставляют, потому что вывоз детей за пределы страны запрещен. При желании торговец может жениться. Однако купцу запрещается тратить свой товар на непригодные дела, поскольку китайцы не хотят слышать, чтобы кто-либо, приехав в Китай из мусульманских стран, лишился своего товара.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 416—418.

[2] Ибн Баттута. Voyages. изд. Дефремери. I. С. 8.

[3] Ямамото доказывает, что Тавалиси и есть Чампа, лежащая на пути из Индии в Китай. (Yamamoto. С. 116).

[4] Ибн Баттута. Voyages. I—IV. 1853—1858.

[5] Дамад Мухаммад Шариф. Тухфат ан нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-афсар. Стамбул. Ч. I—II, 1916; Brockelmann. GAL, SB. II. С. 306.

[6] Джевдат Ал-Ахи. Margolioth, JRAS, 1939.

[7] Mzik. Ibn Battuta, 1911; Brockelmann, GAL, II. С. 366.

[8] Gibb. Ibn Battuta, 1929.

[9] Мустафа Фахми. Китаб рихлат ибн Баттута. Ч. I—II.

[10] Кантар — мера веса, равная 36 окка или 100 египетским ратлям, или 44,928 кг.

ШИХАБ АД-ДИН 'АБДАЛЛАХ ШИРАЗИ

ТАДЖЗИЙАТ АЛ-АМСАР ВА ТАЗДЖИЙАТ АЛ-АСАР

Автор хроники «Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-асар» («Книга разделения областей и прохождения времен»), обычно называемой «Тарих-и Вассаф», Шихаб ад-Дин 'Абдаллах ибн Изз ад-Дин Фазлаллах Ширази, получивший титул Вассаф ал-Хазрат (панегирист его величества), служил в Фарсе сборщиком налогов при Ильханах и поэтому имел достаточно полное представление о самых различных сторонах финансовой системы, действовавшей на территории Ирана[1]. Видимо, по этой причине при описании событий, происходивших за пределами Ирана, он уделяет особое внимание финансовым и экономическим вопросам.

Огромный труд Вассафа, состоящий из пяти частей, преимущественно направлен на то, чтобы создать широкую картину жизни Ирана в период правления Ильханов второй половины XIII — начала XIV в. Наиболее полно охарактеризовано тяжелое состояние Фарса. Наряду с льстивыми прославлениями ханов, обусловленными требованиями времени, автор ярко описал их безграничную жестокость и произвол, на конкретных примерах продемонстрировал «гибельные последствия их налоговой поли-

тики для земледелия и городской жизни Ирана»[2]. Помимо сведений об Иране, Вассаф касается и других стран, в частности, Китая. Он существенно дополняет сведения другого историографа — Рашид ад-Дина, прежде всего в части описания того ущерба, который нанесло монгольское завоевание экономике Китая[3].

«Тарих-и Вассаф» довольно широко использован в исследованиях советских и зарубежных ученых и получил высокую оценку как один из «наиболее ценных нарративных источников»[4], который содержит много интересных сведений, отсутствующих в других источниках[5].

Приводимый ниже фрагмент из сочинения Вассафа взят из рукописи ИВ АН УзССР, инв. № 1603 (л. 12а—13а).

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ТАДЖЗИЙАТ АЛ-АМСАР ВА ТАЗДЖИЙАТ АЛ-АСАР

Государь, правитель мира Чингиз-хан захватил некоторые области Китайского царства, но страна и ее столица еще не стали [принадлежностью] народа [Чингиз-хана], царственные помыслы [Кубилая] сосредоточились на окончательном овладении ими. В месяцы 671/1272—73 г. он изволил двинуть пятнадцать туманов войска, о чем так сказано мною в этом кит'а:

Если войско во время бега поднимет пыль,
Ты скажешь: «Диск солнца исчез, исчез!»
В этот момент все становится равными —
Государь и раб, и тот, кто владеет, и тот, кем владеют
И для врага не важны их [подлинные] сословия,
Ибо меч не разбирает, кого разрубать.

А с ними он послал Учуна[6], Пакламиша[7], Пайана, сына Хукта-нойона[8] и Алибека ибн Йалавача[9]. Достойным изумления было то, что, поскольку [главой] был назначен Пайан из [всех] спутников, судьба Китая оказалась в руках Пайана[10].

Когда то войско достигло пределов Китая, они растянули палатку на холмах, ложбинах и на горах так, что долы от тьмы тех войск на вершинах, подобных муравьям и саранче, покрылись волнами. Вдруг со стороны моря несколько судов, не занятых ненавистью рока, и не ведающих о засаде, [устроенной] переменчивой судьбой, прибыли в столицу для перевозки зерна. И весть о несравненной победе, [достигнутой] по милости Пайана, поведала о том, сколько возможно войска зашло на суда и с [той] стороны захватило город. Сам он с войском со стороны суши устремился туда. Корабли, взнузданные парусами, в авангарде южного и северного ветров и безбрежная свита с ногами [скакунов], быстрых, как ветер, подвижных, как огонь, преодолев расстояние между [двумя сторонами] по изогнутой окружности воды и пространству на поверхности земли, устремились к цели. В то время, когда жасминный цветник неба начал расцветать и подул утренний ветерок, мрак, удерживающий [до того] войска

от битвы, державший румское войско с вытянутыми копьями, а рассвет дня отдал на разграбление кладовую черноликой ночи, [т. е. на рассвете], он с войском вошел в город Хатрай[11]. Имя китайского императора было Чукунка[12]. Несмотря на [наличие] могущества и [многочисленность] вельмож, он оробел и изумился и от штурма того войска, которое, подобно злому року, без разведчиков и авангарда, с обеих сторон стало наступать, доведенный до крайности и раздраженный не имел [иного] прибежища, кроме [выражения] покорности и принятия ислама. И мольбы о [даровании] благополучия убежища народу и усыновления [его], о [даровании] убежища искренней привязанности о спасении и [предоставлении] пристанища [ему] самому он счел [расположенными] ближе всего к согласию, страстному желанию народа. И стали они подданными и присоединившимися к числу покорных.

Пайан был человеком разумным, [наделенным] проницательностью и отвагой. Он дал им радостную весть о мире и благоденствии; и имущество того народа он сохранил и защитил от разорения, а кровь его от пролития. И в груди тамошних господ ожило семя послушания и приверженности и сердца всех стали уповать на повиновение, послушание, преданность и доброту и «освобождение вольных от порабощения».

Далее [была] там крепость, которую называли Синафур[13], известная труднодоступностью и неприступностью, [как] убежище и набитая [большим] числом людей, суровыми воинами, провиантом и неограниченной казной. Горные вершины от смущения из-за ее величия возложили камень на сердце. Ее высота при соединении с созвездием Тельца вступала [с ним] в состязание, а длань [ее] обитателей, собирая грозди Плеяд из небесного сада, не оставалась пустой, поскольку

> От спасения за небесный свод над вершиной ее,
> Стражник [ее] взбирается на стенную башню, согнувшись.

Он (Пайан) велел войску подчинить ее. Когда стражники неприступной крепости были предупреждены о [требовании] открыть [ворота] столицы Китая, они стали собирать огромное войско. Предводителем их был опытнейший старец, испробовавший сладкое и горькое, испытавший хлад и жар, ночь и день; (араб) «он доил судьбу из обоих сосков». Он известил: «В пору, [когда я был] мальчиком, когда вновь выросшее деревце моего стана склонялось над речным берегом жизни, а розовый куст радости от животворного северного ветра задушевной дружбы был чист и свободен, а на лужайке беззаботности, заключающей в себе удовольствия жизни, был заключен союз услаждения предмета любви любовными словами и нежного разговора [с возлюбленной] и не [было] поры отступления с поля сражения и перенесения несчастья, [стихи] я слышал от своего отца, что

победа над этой крепостью будет осуществлена дланью [человека] по имени Пайан и сопротивление, противодействие, борьба и сеча не принесут спасения и пользы. Теперь нет надобности в [в том, чтобы] брать на себя тяжесть [по сбору] войска, кроме [оказания] покорности. И крепость, и то, что [было] в царстве без забот самозащиты и удара сабли сзади, они открыли и из крепости спустились вниз (стихи) и вручили [завоевателям] сокровища и (наличные) деньги.

В этом месте цитируется кое-что из повествований о широких просторах того царства и о многочисленности [его] населения и о [различных] видах благ, о которых поведали рассказчики из купцов и достойные доверия путешественники.

Хатрай является большим городом царства китайского... такой протяженности, что длина его окружности составляет двадцать четыре фарсанга. Поверхность земли в нем вымощена обожженным кирпичом, камнем, а дома и жилища сооружены из дерева и изысканно украшены. От начала города до [его] конца три [его] местности соединяются [посредством] почтовых лошадей[14]. Протяженность наибольшего из [его] базаров [составляет] три фарсанга. Как отмечают, он разделяется на шестьдесят четыре равных квадрата одинаковых строений на столбах и выручка с пошлины на соль каждый день составляет семьсот балышей кредитными деньгами[15]. Численность ремесленников доходит до такой степени, что [только] ремесленников, [владеющих] ювелирным ремеслом, насчитывается две тысячи тридцать человек... в диване учета и на реестрах зарегистрировано семьдесят туманов войска и семьдесят туманов подданных[16]. При этом имеется семьсот храмов, подобных крепостям. Каждый [набит] толпами безбожных христианских священников, неверных монахов и другими должностными лицами, сторожами, слугами, идолопоклонниками с имуществом, и родичами, имена которых бесчисленны и несчетны и они освобождены от [всяких] чрезвычайных налогов и податей. Четыре тумана войска являются охраной и ночными сторожами. Когда солнце прятало лик [свой] за земным кругом на западе и ночь начинала надевать черную чадру на голову бродяг, подобных помыслам чаровниц, путешествующих ночью, а мошенники снаряжались, закрутив аркан, подобно локонам возлюбленных, они толпами, со всей осторожностью усаживались на крепостных воротах, в кварталах, в проходах улиц, на больших дорогах и в закоулках на своих условленных местах[17]. В центре города в трехстах шестидесяти метрах наведены мосты через реки, ибо есть множество русел реки Тигр (?), сливающихся и разветвляющихся от Китайского моря, и всевозможные суда и паромы плавают по воде соответственно различным нуждам, с множеством людей [на них], подсчет числа коих не уместится в разуме [ни одного] счетовода. Как же [можно] достичь его при помощи пальцев учетчика расходно-приходных книг! И скопище народа всех сословий съехалось в этом царстве с за-

пада и со всех четырех сторон света для [ведения] торговли и разнообразных нужд. В силу фантазии разума и по воле своей прихоти он (город) стал известным. Такое главенствующее [положение] соответствует положению главной столицы [страны]. Там еще есть четыреста славных городов с обширными площадями и многочисленными местностями из [числа] подвластных областей и подчиненных [владений], из коих самый малозначительный город больше Багдада и Шираза с окрестностями. Из их числа Танкин-фу, Зайтун и Чинкалан. Как и Хатрай, [они] называются «шанк», то есть большой город — место расположения высочайшего двора. Очевидцы утверждают, что, несмотря на такую протяженность и обширность в отношении благоустройства земли, в остальных [частях] той страны нельзя было найти фарсанга земли, пригодной для строительства и земледелия, лишенной посевов. Напротив, вся страна засеяна, застроена и содействовала поддержанию благосостояния, единодушия и спокойствия тем просторам. Благодаря поддержке небес и могуществу каана столь обширное и пространное царство — а упоминанию о [подобных] странах и чудесам из тех краев радовались государи [всех] стран света с начала времен от Адама и до последних времен... И с непреклонной решимостью [каан] завоевал царство китайское и на смутах и мятежах мира он завязал крепкий узел, подобный завитку локона кумиров.

Бейт:

Завоевал одним изгибом брови-лука
Единым махом избежал промаха.

Поскольку Китай приумножал одеяние его государства, и китайский император простился с короной, а сокровища вселенной были захвачены [кааном], вышел приказ, дабы принесли кредитные деньги, посредством коих во владениях китайских отворялись двери торговых сделок, а из казны выдали взамен золото, драгоценности и одежду, и дабы глашатай разгласил в народе, что царство является собственностью каана, а кредитные деньги являются кредитными деньгами китайского императора. Спустя некоторое время он повелел, чтобы кредитные деньги, которые во владениях каана имели хождение и обращение, подобно наличным деньгам его справедливости и щедрости, были принесены и вновь был назначен глашатай, чтобы [возгласить], что царство является собственностью каана и кредитные деньги являются деньгами каана... По необходимости кредитные деньги каана должны были принимать и уподобить по высочайшему приказу и по месту повиновения. Балыш кредитных денег по их подсчету составлял пятьдесят сиров, стоимость которых десять динаров, тогда как балыш золота и серебра составляет пятьдесят мискалей. Балыш золота равен двумстам кредитных денег, или иначе [говоря], двум тысячам динаров; балыш серебра равен двадцати

балышам кредитных денег, соответствующим двумстам динарам. Так, постепенно, в таком порядке, те края оказались освоенными и [покорными] установлениям ханства, а противники были погублены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петрушевский И. П. Земледелие. С. 16; Стори Ч. А. Персидская литература. Т. II. Ч. 769.

[2] Пигулевская Н. В. и др. История Ирана. С. 170.

[3] Ср. Сведения Вассафа о завоевании Китая Кубилаем и соответствующий раздел в хронике Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Ч. 171—173).

[4] Петрушевский И. П. Земледелие. С. 16; См. также: Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 97; Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 170.

[5] Завоевательные походы преемников Чингиз-хана против Китая начались с восшествием на престол Угэдэй-каана. В 617/1220 г. монгольские войска под предводительством Угэдэй-каана и Тулуй-хана вторглись в пределы Цзиньского государства (см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей, Т. II. Ч. 21). С восшествием на престол Менгу-каана завоевание Китая было продолжено. В 653/1255 г. Кубилай назначается им правителем китайских владений монгольской метрополии (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Ч. 144—145, 156, 157). Кубилай становится кааном в 658/1259—60 г., переносит ставку из Каракорума в Китай (Там же. С. 171), по-видимому, в связи с тем, что завоевательный поход против Китая был в то время далек от завершения. В 1264 г. резиденцией монгольского правительства становится Чжунду (Пекин) (Там же. С. 174). Последние военные действия монголов в Китае относятся к 671/1272—73 г. Такое изменение места расположения центральной власти приводит к тому, что власть каана уже при жизни Кубилая становится чисто номинальной. Когда в 663/1265 г. Абака-хан стал правителем иранских владений, на ярлыке Кубилай-хана было прямо сказано: «Царевичи и эмиры сказали: «При наличии тебя, являющегося старшим братом всех царевичей, ведающим древние обычаи, правила, законы и добрые предания и [которого] Хулагу-хан при жизни своей сделал престолонаследником, как может сесть другой» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 66). Позже, когда в 681/1282 г. Абака-хана сменил на троне Текудар Ахмад, а в 683/1284 г. на ханский престол взошел Аргун-хан, о Кубилае даже не упоминалось, хотя почти через два года (в 684/1286) тот присылал ярлык на царствование, но он (Кубилай) уже ничего не решал. При воцарении Кейхату-хана (690/1291), то есть еще при жизни Кубилая (ум. в 693/1293—94 г.), отпадает даже и эта формальность (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 100, 113, 116, 131).

[6] В тексте: اوچون

[7] В тексте: پکلمش

[8] В тексте: پایان پسر هو کتا نو ئین

[9] علی بیک بن یلواچ (м.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 182).

[10] Здесь игра слов: Пайан پایان — имя собственное; هم پایان — спутники и پایان — конец, крайность, предел. Этим приемом Вассаф стремится подчеркнуть безнадежность положения Китая перед нашествием такого войска.

[11] В тексте: ختر ای

[12] В тексте: چوقون قا چوقون قان

[13] В тексте: سینافور

[14] Рашид ад-Дин не дает достаточно ясного представления о том, каковы были последствия монгольского нашествия для Китая. Поскольку об обычае мостить дорогу и улицы и о порядке на дорогах сообщается в общем разделе о нововведениях Кубилая и о существовавших ранее обычаях, такая грань между двумя периодами значительно стирается (см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 175). В связи с этим возникает необходимость привлечения других источников, в частности, «Тарих-и Вассаф».

[15] Упоминание Вассафом о факте существования на территории Китая особой денежной единицы (балыш в кредитных деньгах) свидетельствует о том, что Китай не ассимилировался с другими странами, захваченными монголами, как и с самой метрополией; даже с воцарением Кубилая в Китае сохраняется прежняя денежная единица наряду с единицей, имевшей хождение у монголов.

С другой стороны, финансовая система, принятая в Китае, не нашла применения в других монгольских владениях, хотя ее пытались внедрить в Иране при Кейхату-хане в 693/1294 г. Как Рашид ад-Дин, так и Вассаф подробно описывают полную неудачу, постигшую мероприятие по внедрению кредитных денег. В «Тарих-и Вассаф» даже приводится описание денежных купюр: «...По верхнему краю четырехугольного продолговатого листа бумаги было написано несколько слов..., а над ними с двух сторон было написано: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник божий» [как на] чекане денег золотой, [так] и серебряной чеканки. А в середине — набор цифр и печать (тугра) бумаг государственных рескриптов, и в самом конце сего — черта, а под нею выведено: «Йаранджин турджи» (монгольский почетный титул Кейхату-хана). В середине был начертан круг, в стороне от точного центра — цифры от половины дирхема до десяти динаров и по [прямой] линии было выведено каламом, что государь мира в год 629 х. выпустил во владениях сии благословенные кредитные деньги. Вносящего изменения и исправления подвергнут казни с женой и детьми, а имущество его [конфискуют и] передадут в диван» (Тарих-и Вассаф, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1603, л. 1468).

Такое оформление купюр свидетельствует, во-первых, о том, что инициаторы их введения не имели в виду установления единой денежной единицы для всех монгольских владений, а только пытались безуспешно применить китайскую финансовую систему на иранской почве. Во-вторых, отсутствие имен Кубилая, или сменившего его Тимур-каана на купюрах говорит о том, что власть каана не признавалась даже номинально (о введении кредитных денег см. также Рашид ад-Дин. Т. III. С. 156).

[16] Рашид ад-Дин подробно описывает систему делопроизводства в Китае, а также принятую там систему учета численности населения (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 173, 179—180).

[17] Рашид ад-Дин дополняет сведения Вассафа данными о мерах наказания преступников (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 183).

[18] Сведения, приводимые Вассафом по этому вопросу, не новы, скорее всего содержат значительные преувеличения. Рашид ад-Дин описывает девять различных степеней областей, городов и деревень, на которые было принято подразделять населенные пункты Китая. Среди них первая степень — Кин, определяется как «обширная область», вроде Рума, Фарса и Багдада, а вторая — Ду, как «престольный город» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 177). Что же касается подразделения «шанх» или «шэн», по Рашид ад-Дину, это название относится к великому дивану, расположенному в двенадцати самых больших городах Китая (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 180—181).

«ГЕОГРАФИЯ» И «ЗУБДАТ АТ-ТАВАРИХ»

Шихаб ад-Дин ʿАбдаллах ибн Лутфаллах ибн ʿАбд ар-Рашид ал-Харави (Хавафи), более известный под именем Хафиз-и Абру (ум. в 833/1430 г.),— крупный персоязычный историограф при дворе Шахруха (807/1405—850/1447). Его географический и исторические труды — важнейшие первоисточники по истории и географии Средней Азии первой половины XV в.[1]

Географическое наследие Хафиз-и Абру представлено единственным историко-географическим сочинением без названия, упоминаемым в литературе как «Тарих-и Хафиз-и Абру» («История Хафиз-и Абру»), составлено приблизительно в первой редакции в 817/1414 г., а во второй — в 820/1417—823/1420 г.[2] Труд состоит из двух томов: первый содержит географическое описание Земли, географию и историю областей Фарса и Кермана; второй — географию и историю Хорасана, а также географию Мавераннахра[3]. Отдельные фрагменты по Средней Азии приводятся в работах В. А. Жуковского[4], В. В. Бартольда[5], С. Л. Волина[6] и Х. Хасанова[7].

Главный исторический труд Хафиз-и Абру — четырехтомный свод по всемирной истории «Маджмаʿ ат-таварих-и султанийа» («Сборник летописей, [посвященный] султану»), составленный в 826/1423—830/1427 гг.[8] Четвертый том сочинения — «Зубдат ат-таварих-и Байсунгур-и» («Байсунгуровы сливки летописей»)[9] состоит из двух частей: первая — история правления Тимура, вторая — история правления Шахруха и доведена до 830/1427 г. В целом «Зубдат ат-таварих» дополняет вышеупомянутое историко-географическое сочинение, заканчивающееся изложением событий 820/1417 г.[10] Описывая историю правления Тимура, автор приводит текст «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, дополняя его, однако, новыми сведениями[11], а затем, продолжив эту историю до смерти Тимура (1405 г.), переходит к изложению истории правления Шахруха. Описание событий первой четверти XV в. из упомянутого сочинения было заимствовано историком Абд ар-Раззаком Самарканди и помещено в его «Матлаʿ ас-саʿдайн»; на этой основе существуют издания и переводы[12], иногда в сличении с «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру[13].

Нижеприводимый перевод извлечений в основном касается исторической географии Средней Азии и Восточного Туркестана и выполнен на основе текстов историко-географического сочинения Хафиз-и Абру (рук. ИВ АН УзССР, № 5361 и рук. оксфордской Бодлеянской библиотеки, Fraser, 155)[14] и «Зубдат ат-таварих» (рук. стамбульской библиотеки Фатих, 4371/1[15]).

(л. 29а) Описание больших рек, протекающих в обитаемой части Земли

... (л. 34б) **Река Балх**[16], которую называют [также] Джейхун. <Эту реку среди арабов называют Джейхуном, в Хорасане — р. Амуйа, так как в селении Амуйа находится место переправы [через эту реку] по дороге из Хорасана в Бухару.>

Начало этой реки у Бадахшанских гор[17], с того места, где долгота [составляет] 95°, а широта — 37°. В области Хутталан и Вахш[18] в нее впадают пять больших рек и то место называют Пенджаб[19]. Эта река (Балх) течет на запад, подходит к пределам Балха, долгота которого 91°, а широта — 36°40′; затем [она] течет в Термез, оттуда (л. 35а) — на юго-запад до Земма[20], долгота которого 89°, а широта — 34°; потом [река] поворачивает на северо-запад к [селению] Амуйа[21], долгота которого 87,5°, а широта — 38°; затем [она] течет на северо-запад, к [месту, где] долгота 84°45′, а широта — больше 40°. <В старых книгах вообще написано, что из Хорезма река течет в Хорезмское озеро[22], но теперь это озеро исчезло; вода проложила себе новый] путь, так что изливается в Хазарское море[23] [в месте], которое называется Гёрледи; другое название этого места — Акрича (Огурча). После Хорезма река течет большей частью по пустыне до того места, где изливается [она] в Хазарское море.>

Река Ходженд[24], ее называют [также] Сейхун и Шаш. Сейхун меньше Джейхуна; начало — от Туркестанских гор[25], течет по стране Тюрк[26], доходит до Ахсиката[27], долгота которого 91°20′, а широта — 42°25′; оттуда течет на юго-запад и доходит до Ходженда, долгота которого 90,5°, а широта — 41°25′; затем течет и доходит до Фараба[28], долгота которого 88,5°, а широта — 44°; оттуда течет [дальше] и доходит до Янги[29], долгота которого 86,5°, а широта — 47°. Оттуда, < соединившись в Хорезмской степи[30] с Джейхуном, изливается в Хазарское море.>

(л. 35б) Описание [наиболее] известных гор в обитаемой четверти Земли

(л. 39а) Гора ...[31] Эта гора тянется от границ Чина на запад до границ Ферганы и Усрушаны; затем проходит между Кешом и Самаркандом; соединяется с горами Самаркандского Гарчистана[32] и Бадахшанскими горами; потом простирается в Пенджаб, который является [местом] истока [реки] Амуйа; далее эта гора соединяется с горами Балхского Бамйана, а оттуда — с горами Газнайна и Гура; затем [одна] ветка уходит в сторону Герата, [другая] — в сторону Абеварда и Нишапура; затем проходит в области Бейхак и доходит до границ Бистама и Дамгана, где соединяется с горой Карун[33]. Эту гору в разных местах называют по-разному. В этой горе имеется много полезных ископае-

мых: золото, серебро, медь, железо, свинец, ртуть, нефть, смола и другие...

В Усрушане был рудник серебра. В тех областях имеются также месторождения меди и нашатыря. В настоящее время в районе Узгенда в этих горах находят месторождение нашатыря...

В этих горах в области Ферганы имеется черный камень, который в огне горит, как уголь. Его используют ювелиры и кузнецы; после сгорания в его саже стирают белье, [которое после стирки] становится белым. Камни этой горы очень разные.

<(л. 166а)[34] **[Мавераннахр]**. Та часть населенного пояса, которая носит название Мавераннахра, преимущественно принадлежит к пятому из семи климатов. Начало этой области со стороны запада — место, долгота которого, считая от Райских островов, 95°; это долгота Хорезма; область простирается на 12°, до Кашгара и Хотана (л. 166б), т. е. до 107°. В некоторых рукописях, где долгота определяется от берега [Африки], приведены цифры на 10° меньше, т. е. от 85° до 97°...

Широта области от [города] Амуйа и [реки] Джейхун, составляющего предел четвертого климата и начало пятого, до Чача и Ферганы, лежащих в конце пятого климата, и Кашгара и Алмалыка, составляющих начало шестого, простирается на 5°, от 39° до 44°...

Северо-восточная граница Мавераннахра соприкасается с областью Кашгар и Хотан до пределов Моголистана; дальше идет земля уйгуров... Северо-западная граница — кипчакская степь, страна узбеков и Туркестан. К северу от Мавераннахра простирается шестой климат, [именно] Алмалык и Баласагун; все это — область тюрков...>

В Мавераннахре имеются различные ископаемые: золото, серебро, ртуть, железо, медь; [особенно] нашатырь, что свойственно только этому краю; нефть тоже имеется здесь. Эти полезные ископаемые распространены в горах, которые расположены между Туркестаном и Моголистаном, до пределов Хотана; все [это] относится к области Туран...

(л. 172б) **Ходженд...** Истоки этой реки [Сейхун] находятся в Туркестане в области Узгенд; затем в нее впадают реки Хуршаб[35], Ош[36] и другие, образуя большую реку; [она] приходит к Ахсикету, затем в Ходженд...

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ЗУБДАТ АТ-ТАВАРИХ» ХАФИЗ-И-АБРУ

(л. 578а) О возвращении послов, направленных в Китай. Занимательные рассказы [о путешествии] и обычаях китайцев

(л. 578б) ...Шестого[37] зу-л-ка'да [822/24 ноября 1419 г. послы] покинули стольный город Герат и 9 зу-л-хидджа (27 декабря 1419 г.) прибыли в Балх. Из-за осадков и холода они задержались в Балхе до начала [месяца] мухаррама 823 (17 января

1420 г.). [Затем] вышли оттуда, переправились через Келифскую переправу и 22 мухаррама (7 февраля 1420 г.) прибыли в Самарканд.

Великий царевич Улугбек-кураган [оказывается] на два месяца раньше до их прибытия отправил [в Китай] своих послов — Султан-шаха и Мухаммада Бахши[38] с возвращающимися [на родину] китайцами. В Самарканд прибыли [также]: посол царевича мирза Суйургатмыша, да озарит Аллах его могилу[39], Аргадак, посол Шахмалика[40] Урдуван и посол шаха Бадахшана ходжа Тадж ад-Дин[41]. 10 сафара[42] (25 февраля 1420 г.) послы, вместе с китайскими послами, вышли из стольного города Самарканда. 4 раби' 1[43] (19 марта 1420 г.) прибыли в Ташкент, 12 (27 марта 1420 г.) — в Сайрам, в начале раби' 1[44] — в Ашпару[45], 21[46] раби' II (15 мая 1420 г.) вступили в страну (Иль) Могул[47]. Была весна, [всюду были] прекрасные луга, [послы] переходили каждый день [из одной местности в другую].

В это время пришло известие о том, что Вайс-хан[48] потребовал [к себе] Ширмухаммад-оглана[49] с намерением подвергнуть его казни. По этой причине Кулмухаммад и некоторые [другие] могольские эмиры отвернулись от Вайс-хана; народ [тоже] поддержал [их]. [Ввиду этого] послы забеспокоились и вышли [в путь]. Затем пришло известие об успокоении смуты и примирении эмиров с Вайс-ханом.

Эмир Худайдад, который был почтенным эмиром той страны, явившись к послам, дал им заверения в симпатии и отправился к Вайс-хану. Послы, успокоившись, следовали дальше и 18 джумада 1 (31 мая 1420 г.) прибыли в местность, называемую Билгуту[50], подвластную Мухаммад-беку[51]. Они находились там до прибытия некоторых из дадж[52], слуг шаха Бадахшана и других[53], которые [тоже] направлялись в Китай. 21 джумада 1 (3 июня 1420 г.) послы вышли из Билгуту, 22 переправились через реку Кунгир[54], а 23 встретились с правителем этого народа Мухаммад-беком. Сын Мухаммад-бека, султан Шади-кураган был зятем Шах-Джахана[55]. Его жена является младшей сестрой жены почтенного царевича [Мухаммада] Джуки-бахадура, да увековечит [Аллах] его царствование[56].

Двадцать шестого джумада 1 (8 июня 1420 г.) они прибыли на пастбище и область Юлдуз, минуя его, достигли юрт Ширбахрама. [В то время] сын Ширбахрама был там. В этой бескрайней степи, несмотря на то, что солнце находилось в [созвездии] Рака[57], вода замерзала, образуя лед толщиной в два пальца[58].

Восьмого (л. 579а) джумада 11 (20 июня 1420 г.) пришло известие, что сыновья Мухаммад-бека[59] ограбили даджи[60], посла Вайс-хана. Послы, испугавшись, сказали: «Нам следует торопиться, чтобы скорее добраться до границы Китая. Путь [их] пролегал через высокие горы [и] прошли [они] через ущелья и горы; шел дождь и град.

В конце месяца джумада 11 прибыли в город Турфан. Большая часть [жителей] этого города была иноверцами — поклонялись идолам и имели большой буддийский храм, очень красивый. Там было много изваяний, новых и старых. На переднем возвышении находилось большое изваяние, которое было, как утверждали, фигурой Шакмуни[61]. 2 раджаба (13 июля 1420 г.) вышли из этого города. Было очень жарко и 5 раджаба (16 июля 1420 г.) прибыли в Караходжу[62]. 10 раджаба (21 июля 1420 г.) сюда прибыла группа китайцев и записала имена послов и количество [сопровождавших] их людей.

Девятнадцатого раджаба (30 июля 1420 г.) прибыли в поселок Суфи-Ата[63]. Один из сайидов Термеза, по имени Ханзада Тадж ад-Дин основал здесь обитель и остался жить [там] постоянно. Он приходился зятем эмиру Фахр ад-Дина, правителю мусульман Кумула[64].

Двадцать первого раджаба (1 августа 1420 г.) прибыли в город Кумул. В этом городе эмиром Фахр ад-Дином была построена большая мечеть. Напротив мечети был сооружен огромный буддийский храм, в котором находилось большое изваяние. Слева и справа [от него] располагалось множество подобных красиво оформленных изваяний, но меньших размеров. У входа [в храм] возвышалось большое изваяние, ростом с десятилетнего мальчика; это была искусно выполненная медная фигура. На стенах храма с большим мастерством, в тонких красках были нарисованы различные рисунки. На дверях храма были изображены два демона, готовых напасть друг на друга. Молодой и красивый Мингли Тимур Байири был правителем Кумула.

Оттуда 25 раджаба (5 августа 1420 г.) вышли в путь; дорога в большей части пролегала по пустыне... 14 ша'бана (24 августа 1420 г.) прибыли к месту от которого до Сукджу[65], являющегося первым городом китайцев и их заставой, десять дней пути по пустыне. По приказу императора [сюда] прибыла группа китайцев для встречи послов... (л. 579б) ...был устроен пышный пир... 17 ша'бана (27 августа 1420 г.) двинулись в путь; шли по пустыне и через несколько дней прибыли в Караул[66]... (л. 580б) Караул состоит из укрепленной крепости..., когда послы вошли в крепость, всех их сосчитали, записали имена и [затем] выпустили через другие ворота...

(л. 591а) 15 мухаррама 825 (9 января 1422 г.) г. выехали через Караул Китая, и из-за опасения беспорядков[67] [в Моголистане], предпочли дорогу через пустыню[68]... 8-го раби' 1 (2 марта 1422 г.) пересекли пустыню, но пробыли в ней несколько дней, так как опасались чрезвычайного [положения в] Хотане. 9 джумада 11 этого же года (1 мая 1422 г.) прибыли в Хотан. Выехав оттуда 6 раджаба (26 июня 1422 г.), добрались до Кашгара; 21 раджаба (11 июля 1422 г.) прошли через Андиганский перевал. Здесь часть послов отправилась по самаркандской дороге, другие же предпочли каратегинскую и бадахшанскую дороги.

21 ша'бана (10 августа 1422 г.) прибыли в Хисар-и Шадман. В начале благословенного рамадана вошли в Балх, а 10 числа благословенного рамадана 825 года (28 августа 1422 г.) прибыли в стольный город Герат...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Хафиз-и Абру и его научном наследии более подробно см.: Бартольд В. В. Хафиз-и Абру//Соч. Т. VIII. С. 74—97; Стори Ч. А. Персидская литература. I. С. 341—349.

[2] В настоящее время известно о наличии нескольких рукописных списков этого сочинения как в Советском Союзе, так и за рубежом. (См.: Бартольд В. В. Хафиз-и Абру//Соч. Т. VIII. С. 74—97). Один хороший список сочинения хранится в фонде ИВ АН УзССР, инв. № 5361.

[3] Географический очерк Мавераннахра в настоящее время сохранился только в списке Оксфордской библиотеки (Fraser, 155).

[4] Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. С. 62—68. Им издан текст описания города Мерва по петербургской (ленинградской) рукописи со сличением с текстом рукописи Британского музея (№ 1577).

[5] Бартольд В. В. Хафиз-и Абру//Соч. Т. VIII. С. 74—97. Сведения по сочинению Хафиз-и Абру помещены и в других работах ученого, посвященных исторической географии Средней Азии (Бартольд В. В. Сведения об Аральском море//Соч. Т. III. С. 15—94; Он же. К истории орошения Туркестана// Соч. Т. III. С. 95—237; Он же. К вопросу о впадении Амударьи в Каспийское море//Соч. Т. III. С. 248—251).

[6] МИТТ. Т. I. С. 524—529.

[7] Хасанов Х. (в соавторстве с А. У. Урунбаевым). Хофизи Абру. С. 3—40.

[8] О списках рукописей, об их изданиях и переводах (в извлечениях) см.: Бартольд В. В. Хафиз-и Абру//Соч. Т. VIII. С. 74—97; Стори Ч. А. Персидская литература. I. С. 341—349.

[9] Так назван в честь сына Шахруха царевича Байсунгура. Это название часто распространено для всего сочинения.

[10] Хафиз-и Абру. География, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5361.

[11] В «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами (см. изд. Тауэра, Прага, 1937, 1956) изложена история Тимура хронологически 760/1358—806/1494 гг. В издании Ф. Тауэра в качестве критического материала использованы сведения из «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру.

[12] Например, издание текста и перевод на французский язык Катрмера (Париж, 1843), Мухаммада Шафи' (Лахор, 1933) и А. Урунбаева (Ташкент, 1969).

[13] Например, в вышеуказанном издании Мухаммада Шафи и А. Урунбаева.

[14] Перевод извлечений значительной части текста географии Мавераннахра выполнен В. В. Бартольдом (Бартольд В. В. Хафиз-и Абру//Соч. Т. VIII. С. 74—97). Здесь приведены переводы фрагментов, не охваченных В. Бартольдом. Местами для сохранения полноты материала включены и отдельные переводы В. В. Бартольда, которые выделены в ломаных скобках.

[15] Приводится небольшой фрагмент о маршруте тимуридского посольства в Китай (822/1419—825/1422), отраженный в дневнике участника этого посольства Гийас ад-Дина наккаша и включенный в «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру при изложении событий 825/1422 г.

[16] Река Амударья.

[17] Памирские горы.

[18] В начале XV в. эта область обычно называлась Хуттaлан.

[19] Вахшская долина.

[20] Город, существовавший на месте современного Керки. Сведения Хафиз-и Абру об этом городе восходят к сочинениям авторов IX—X вв.

[21] Амуйа (Амуль) — современный город Чарджоу.
[22] Аральское море.
[23] Каспийское море.
[24] Сырдарья.
[25] Центральный Тянь-Шань и Алайский хребет.
[26] Примерно совпадает с территорией современной Ошской области Киргизской ССР.
[27] Средневековый город на берегу Сырдарьи. Остатки его обнаружены у современного села Ахси Задарьинского района Наманганской области Узбекской ССР.
[28] Фараб — древний город в устье р. Арыс на берегу Сырдарьи. Сведения Хафиз-и Абру об этом городе восходят к сочинениям авторов IX—X вв. В начале XV в. был известен под названием Отрар.
[29] Янги (Янгикент) — средневековый город в устье р. Сырдарьи; в настоящее время развалины Джанкета, в 25 км от города Казалинска, на левом берегу р. Сырдарьи (Бартольд В. В. Сыр-дарья//Соч. Т. III. С. 492—493; Беленицкий А. М. Бентович И., Большаков О. Г. Средневековый город. С. 192—193).
[30] Пустыни Каракум и Кызылкум.
[31] В тексте после слова «гора» оставлено пустое место где должно быть название; нет его и в других списках сочинения. В одном из главных источников Хафиз-и Абру «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды, эта гора названа «Горой Ети» (Абу-л-Фида. Таквим, изд. Рено де Слэна, 1840. С. 68). Описанную Хафизом Абру гору можно локализовать с современными горными хребтами системы Тянь-Шаня и Алая.
[32] Зарафшанский и Туркестанский хребты.
[33] Перечисленные выше названия относятся к системам хребтов Гиндукуш, Копетдаг, Эльбурс.
[34] Здесь указаны листы «Географии» Хафиз-и Абру из оксфордской библиотеки (Fraser, 155).
[35] Река Куршаб.
[36] Река Акбура.
[37] Абдураззак. Матлаи саъдайн (Пер. А. Урунбаева. С. 267): «шестнадцатого». Здесь и далее указаны листы «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру, рук. Фатих, 4371/I.
[38] Мухаммад Бахши в дневнике Гийас ад-Дина упоминается и как Мухаммад Бадахши.
[39] Суйургатмыш (1397—1427) — сын Шахруха. В 1418 г. ему было поручено управление областями Кабул, Газни, Хинд и Синд (Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. С. 127, 181, 200).
[40] Шахмалик (ум. в 829/1426) — видный военачальник Тимура, Улугбека и Шахруха. Последний в 815/1413 г. назначил его правителем Хорезма, где он правил до конца своей жизни (Абдураззак. Матлаи саъдайн/Пер. А. Урунбаева. С. 343, 136, 182, 424).
[41] Основная часть бадахшанцев в состав тимуридского посольства присоединилась позже, в местечке Билгуту. По всей вероятности, они туда следовали прямо из Бадахшана.
[42] Абдураззак. Матлаи саъдайн. (Пер. А. Урунбаева. С. 276): «в начале месяца сафар».
[43] В оксфордском списке «Зубдат ат-таварих» (Бодлеян, 161) эта дата отсутствует.
[44] Правильная дата указана в оксфордском списке «Зубдат ат-таварих» (л. 384а): «араби' II».
[45] Ашпара или Аспара — сохранилось и в настоящее время как название реки и городища (Бартольд В. В. Чу//Соч. Т. III. С. 567).
[46] Абдураззак. Матлаи саъдайн (Пер. А. Урунбаева. С. 306): «одиннадцатого».
[47] т. е. Моголистан.
[48] Вайс-хан (Увайс-хан) — правитель Моголистана в 1418—1428 гг.; в свое

время поддерживал добрые отношения с Улугбеком (Бартольд В. В. Турфан//Соч. Т. III. С. 521—523).

[49] Ширмухаммад-оглан после неоднократных выступлений, наконец в 824/1421 г. стал единоличным правителем Моголистана. Он выступил против Улугбека и был разбит в 1425 г. (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья// Соч. Т. II. Ч. 1. С. 85).

[50] Судя по содержанию дневника, Билгуту находился на расстоянии одного дневного пути от р. Кунгес.

[51] Вероятно, речь идет о вышеупомянутом Ширмухаммад-оглане.

[52] Исходя из контекста, слово «даджи» означает «купец».

[53] Должно быть здесь речь идет о купцах.

[54] Современная р. Кунгес — приток р. Или в ее верховье.

[55] Шах-Джахан — сын Хизр-ходжи (ум. в 1399 г.).

[56] В «Матла ас-са'дайн» изложено так: «Другая дочь которого была замужем за мирза Мухаммада Джуки». Мухаммад Джуки (приблизительно 808/1406—869/1464) — четвертый сын Шахруха, был женат на Мехр Нигар-ага, дочери Шам'и Джахана; по всей вероятности речь идет о вышеупомянутом Шах-Джахане (Абдураззак. Матлаи саъдайн/Пер. А. Урунбаева. С. 259; Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. С. 8, 299).

[57] Т. е. вторая половина июня.

[58] Приблизительно 3—4 см.

[59] По всей вероятности, речь здесь идет о вышеупомянутом Ширмухаммад-оглане.

[60] Т. е. посла.

[61] Имеется в виду изваяние будды Шакья-Муни бурхан.

[62] Караходжа — из древних городов Восточного Туркестана. В орхонских надписях и древнеуйгурских текстах: город Кочо. Развалины его близ Турфана известны как Индикут-шаари, т. е. «Город идикута» (Бартольд В. В. Турфан//Соч. Т. III. С. 521—523).

[63] Данный населенный пункт находился приблизительно вблизи современного Ляодуна.

[64] Современное китайское название этого города Хами.

[65] Современный город Цзюцюань.

[66] Караул — таможенная застава на северо-западе Минской империи; китайское название — Цзяюйгуань; в настоящее время здесь расположен населенный пункт с одноименным названием.

[67] Имеются в виду междоусобные раздоры среди местных могольских феодалов.

[68] Т. е. они шли южной ветвью караванного пути, по направлению в Среднюю Азию через Хотан и Кашгар.

ШАРАФ АД-ДИН 'АЛИ ЙАЗДИ

ЗАФАР-НАМЕ

«Зафар-наме» («Книга побед») — широкоизвестная хроника, представляющая собой полное изложение событий в Средней Азии и за ее пределами, связанных с деятельностью Тимура, завершена в 828/1424—25 гг.[1]

Автор «Зафар-наме» — известный ученый и литератор своего времени Шараф ад-Дин 'Али Йазди (ум. в 858/1454 г.). В связи с тем, что хроника писалась по официальному заказу Ибрахим-султана, сына Шахруха, правившего Фарсом в 818/1415—838/1435 гг., в ней внешне соблюдается хвалебный тон в отношении Тимура, но, в завуалированной форме расшифровывая по-своему хвалебный титул, данный Тимуру придворными историографами по примеру хроник Чингизидов, Йазди выражает свое крайне

отрицательное отношение к отдельным сторонам деятельности этого мирозавоевателя[2], в частности, его походам против соседних стран, оставаясь тем не менее безразличным к покорению так называемых «неверных».

В приводимых извлечениях освещаются события, связанные с подготовкой Тимуром похода против Китая. Перевод извлечений выполнен по тексту, изданному в Ташкенте в 1972 г., в котором учитываются варианты калькуттского и тегеранского изданий, а также некоторых рукописных списков «Зафар-наме» из фондов Института востоковедения АН УзССР[3].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ЗАФАР-НАМЕ» ШАРАФ АД-ДИНА ʿАЛИ ЙАЗДИ

Сказание о курултае сахибкирана[4], [наделенного] сердцем-морем и об устройстве великого пиршества по поводу бракосочетания царевичей в Кан-и гиле

// (с. 936) Поскольку все владения на земле в очах сахибкирана, неразрывно связанного со счастьем, казались ничтожными, высочайшее устремление желаний его величества считало недопустимым, пока вся обитаемая часть мира не станет завоеванной и захваченной им территорией, чтобы он пребывал в одной местности и предавался бы отдыху и покою. Поэтому в это время, когда место размещения трона оказалось возвеличенным и украшенным великолепием августейшего пиршества, было признано за благо до того, как [отмеченные] знаком победы знамена вновь отправятся [в путь] для [сведения] священной войны с неверными Китая, привести в исполнение веление [священного хадиса]: «Женитесь, рожайте и размножайтесь!», да будут молитвы, благословения и приветствия на досточтимом [господине], сказавшем [сие], в отношении некоторых царевичей.

Был обнародован не подлежащий обсуждению указ о том, чтобы приступили к устройству пиршества. Во [все] края и страны послали весть [о том], чтобы хакимы, сардары и прочие вельможи и высокопоставленные [сановники] прибыли на курултай...[5]

Из царевичей, потомков Чингиза, Тайзи-оглан[6] и Таштимур-оглан[7] доложили, что поскольку будет курултай, если последует приказ, то прибудут царевичи Пирмухаммад из Газны и царевич Шахрух из Хорасана. Его величество изволили сказать: «Пирмухаммад пусть приезжает, а прибытие Шахруха нежелательно, [ибо] как же можно будет всему Ираку и Азербайджану искать у него помощи и поддержки?» И он направил человека, чтобы затребовать царевича Пирмухаммада. И удостоен был Кан-и гиль чести быть назначенным в качестве места [проведения] свадебного пиршества, преисполненного веселья в воскресенье в первый день раби‘ ал-авваля в год 807, соответствующий году обезьяны (7 сентября 1404 г.) и уподобили [его] раю, благодаря великолепию августейшего пребывания...

И собрались со всех краев и концов царства все хакимы и калантары и прочий народ и окончательно привели в порядок крепления шатров и [довершили] убранство, согласно желаниям и устремлениям [его величества].

Стихи:

От изящества куполов и шатров [сии] места[8]
Стали [предметом] зависти райских кущ Дар ас-Салама[9]
Люди со всех сторон сошлись,
Все веселые и ликующие пришли.
Из каждого города на увеселения и развлечения люди
Прибыли, чтобы наблюдать свадебное пиршество.
[Людьми] из Китая, из Славении, из Индии и Рума,
А также из Забула, те края оказались населенными.
Из Мазандерана, Хорасана и Фарса,
Из Багдада, Шама, оплота святых,
Из областей Ирана, и из земли Туранской
Люди из всех остальных [стран] оказались сидящими здесь.

Сказания о причинах отправления покоряющего мир знамени в сторону Китая

// (с. 948) В начале восхождения солнца царствования и преуспевания его величества сахибкирана с места восхода поддержки небес, обитаемая четверть вселенной оказалась покоренной и завоеванной удельными владетелями и разными правителями. И [сие] держалось и продолжалось [многие] годы и из-за распрей и ссор правителей и повелителей больших и малых стран, которые согласно смыслу [стиха из Корана]: «Если бы на них обоих (на небе и на земле) были какие-либо боги, кроме Аллаха, то они разрушились бы»[10] являются причиной беспорядка и вреда в мирских делах; спокойствие и постоянство исчезли из стран, а мир и покой [покинули] пути и дороги. И грабители на дорогах, и беспутные злодеи в городах захватили верх и главенство. Миропорядок совсем уклонился с пути равновесия. Очевидно, когда в царстве человеческого организма, который является копией всего мира, одерживает верх порча и состояние [его] здоровья сходит с торной дороги благополучия и невредимости, без сильного слабительного, которое устраняет сущность болезни, исправление и излечение его неосуществимо. Несомненно, [то, что] пока не будет устранена порча, конечно, иное полезное вещество также не будет перевариваться. Поскольку воля предвечного всемогущего премудрого [Аллаха] состояла в том, чтобы здоровье мира вновь пришло в состояние равновесия посредством сладкого и горького напитка гнева и милости бесподобного сахибкирана, главенство поддержки предвечного [Аллаха] избрало его из числа счастливцев времен и удостоило чести. «Мы ниспослали царства».

И несомненно намерение покорения мира и управления всем светом благодаря наставлению [Корана] «но вы можете хотеть только того, чего хочет Аллах, Господь миров»[11], возникло в про-

никновенных дальновидных помыслах его величества. С божьей помощью в короткое время он завоевал большую часть царств мира и освободил их от власти узурпации и от обладания своевольниками и притеснителями [той] эпохи; он украсил [их] лучами справедливости и благотворительности и на поверхности // (с. 949) мира он так разостлал ковер полной безопасности, что «и по сей день», если кто-нибудь в одиночку нес на голове таз, полный серебра или золота, с Запада на Восток, он бывал в безопасности и свободен от бедствий, [ранее причиняемых] когтями воров и злодеев, подобно [невредимости] золота и серебра нарцисса от протянутой длани чинары... Однако в ходе этих событий вершились ужасные дела, [такие, как] убийства, набеги, захват в плен и грабежи, из-за необходимости покорения мира. Все это в сей «Книге побед» было изложено.

В то время[12], как его величество благополучно вернулся после покорения Шама (Сирии), Рума (Малой Азии) и Гурджистана и полного овладения иранской землей от начала до конца и изволил расположиться в месте размещения трона государства и управления миром (в Самарканде), по вдохновению, [внушенному] предвечным могуществом (Аллахом) царственные намерения приняли непоколебимое решение исправить и возместить те упущения посредством достижения выгоды от совершенств священной войны, ибо [как сказано в хадисе,] «одна единственная священная война лучше того, что имеется в мире. Тому, кто это сказал, приветствие и хвала ему». Согласно этому, когда он освободился от совершения бракосочетаний достославных внуков, согласно поведению «Советуйся с ними о делах»[13], собрал царевичей и эмиров на особый совет [и] соизволил сказать: «Благосклонность всевышнего и всесвятого создателя даровала нам такую мощь, что мы захватили [посредством] меча мир и сделали покорными и послушными государей на земле при помощи побед и насилия. Слава всевышнему Аллаху, что из просторов царства нами достигнута верховная власть государства, [удалось добиться] действенности повелений и многочисленности сподвижников и помощников, что доставалось немногим государям. Поскольку подобные дела невозможны без внушения страха, [установления] порядка и отмщения, по необходимости в процессе нашествия и покорения мира много раз случалось так, что всему народу причинялись ущерб и расстройство. В настоящее время есть такая мысль, чтобы после сего мы приступили к такому делу, кое явилось бы искуплением тех грехов и благом, которое никого не минует: [сие] есть война с неверными и искоренение и покорение язычников и неверных, что требует совершенных силы и могущества. Будет правильным, если бы те самые войска, по руслу которых текла вода грехов, мы направили бы в сторону Китая, который является страной неверия, и приведя в исполнение обязанности [ведения] священной войны мы разрушили бы их капища и храмы огнепоклонников и поставили бы вместо них мечети и места пок-

лонения. Да будет согласно повелению, «потому что добрые дела удаляют худые»[14], сие поводом отпущения тех грехов, «это не трудно для Аллаха»[15].

Царевичи и нойоны дали волю языку учтивости, [произнося] приветствия и восхваления и восславили и благословили досточтимое суждение [его величества].

// (с. 950) Был подготовлен для исполнения указ, [коему] покоряется мир, чтобы [таваджии] уточнили численность войска по тысячам и число их приумножили. Эмиры согласно приказу выполняли обязанности по подсчету и наведению справок и повсюду, где имелись дополнительные возможности, преумножили численность [войск] и вносили [данные] в реестр. После этого было приведено в исполнение высочайшее указание, чтобы все улусные эмиры и правители областей приступили к оснащению армии и к сбору войска. Қалантары улуса и сардары [различных] мест получили от великих таваджиев копии тунқалей[16] [с указанием], с каким вооружением и в каком порядке [они должны] прибыть, и отправились в [разные] места для сбора войска.

Его величество сахибқиран, сопутствуемый помощью и поддержкой Аллаха, воздающего за добро и зло, изволил отправиться из Кан-и гиля в город (Самарканд), и медресе Сарай Мулкханум было удостоено чести [его] августейшего пребывания. Благодаря царской благосклонности царевич Пирмухаммад [сын] Джахангира был облагодетельствован короной, поясом и конем и получил разрешение отправиться в Забулистан и всем его нукерам дал по коню и платью. Он (Тимур) назначил на службу при своем стремени царевича Сейди Ахмада, [сына] Умар-Шейха, мать которого состояла в супружеских узах с упомянутым выше царевичем (Пирмухаммадом) и сама на этом празднестве удостоилась чести сочетаться браком с достославным царевичем[17] и по гератской дороге направилась в Қандахар.

Посланника Египта он (Тимур) удостоил множеством милостей, оказав почет и уважение, [подарив] жалованное платье и пояс и дав разрешение возвратиться. Его спутником он [Тимур] сделал маулана ʿАбдаллаха Қеши, во главе посольской миссии. Государю Египта отправил вместе с ними послание, шириной в три гяза и семьдесят гязов в длину в общей сложности, написанное золотом рукою маулана Шейха Мухаммада, сына ходжа хаджи Бандгира Табризи... По содержанию оно было ответом [государю Египта]. Относительно султана Ахмада и Қара Йусуфа туркмана, которые, бежав от страха перед войсками, прославленными до небес, искали убежища в той стране. Поскольку государь тех владений твердо вступил на путь [соблюдения] правил приверженности и проявления покорности [Тимуру], оба они были схвачены и задержаны. Было приказано, чтобы [правитель Египта] // (с. 951), заключив Султан Ахмада в цепь и освободив голову Қара Йусуфа от оков шеи, прислал ко двору прибежища мира. Кроме того, были отправлены послания, царственные дары, [сос-

тоящие] из жалованного платья, короны и поясов, различных тканей и товаров...

И других послов, которые прибыли из страны франков, из [кипчакской] степи, из Джете и других стран, всех соизволил обласкать и отпустил обратно осчастливленными и довольными. Высокая колыбель, Мулькат-ага, которая согласно приказу присутствовала на торжествах, получив разрешение удалиться, вернулась в Герат. Высокое покрывало Бека-султана, облику которой редко встречались подобия вплоть до брачных покоев небесной сферы, приготовленных для невесты-Венеры, отправил к ее мужу, царевичу Искандару в Хамадан. И отправилась она по дороге на Бухару и Махан.

Щедрая милость изволила назначить [в управление] царевичу Улугбеку Ташкент, Сайрам, Ники (Йанги?), Аспару (Ашпару) и область Джете, вплоть до Китая. Андиган, Ахшикет (Ахсикент), Тараз и Кашгар до Хотана, со всеми подданными и угодьями, изволил сделать уделом царевича Ибрахима-султана и пожаловал высочайший йарлиг, украшенный царской тамгой. Эмиры упомянутого царевича, Пирмухаммад Тагай-буга, Саадат Тимур-таш, Шейх Бахлул, Байан-Тимур Акбуга и Мухаммад Азад были посланы, чтобы, собрав воинов тех округов, привели их в Ташкент, где было назначено место сбора войска, коему пожалован мир. Тимур-ходжу Акбуга, по причине преступления, которое он совершил, заковав в цепи, отослал в Моголистан в Аси-кул (Айкул).

[Затем], изволив [отправиться] из медресе благословенной Сарай Мулк-ханум, он счастливо и благополучно расположился в Куксарае — [одной] из благословенных новостроек его величества. Мир и его обитатели, от благоденствия, [обеспеченного] его справедливостью и благотворительностью, процветали и ликовали, а высоконацеленные помыслы были ограничены и поглощены достижением награды за священную войну и войну за веру, а конец всем] делам — Аллах.

Сказание об отправлении его величества победоносного сахибкирана в сторону Китая с намерением [ведения] священной войны

Из благовестия, которое обращено с приветствием к наделенным благородством [следует]: «Благовести верующим, что им от Аллаха будут великие щедроты»[18] и «приветствуйте его миром, желая ему мира»[19]. [Сие], являясь серьгой в ушах людей возвышенной ступени, состоит в том, что когда кто-либо с целью [совершения] паломничества к храму Мекки избирает возможные бедствия путешествий и по достижении цели разрушитель наслаждений (смерть) устраивает засаду, в диване беспредельной милости Аллаха, ежегодно на его имя записывается вознаграждение за пожертвование на богоугодное дело [со стороны] умер-

шего, // (с. 952) И не сокрыто, что исполнение обязанности [ведения] священной войны и [одержание] победы над страной неверия и беспорядка [находится] в ожидании препятствий и опасностей, [ибо] поговорка «путешествие — часть ада», согласуется с упомянутым изречением и наделено наисовершенным и полным блаженством. Несомненно, что обладание нерушимой поддержки предвечного Аллаха в отношении его величества сахибкирана требовало того, чтобы во время путешествия произошли неизбежные несчастья с обладателем [божьей] поддержки, достигающем своих желаний, ибо главная цель в том предприятии состояла в [соблюдении] заповеди о [ведении] священной войны и [пресечении] мести исламу со стороны язычников и вероотступников. Поскольку время кончины его величества приблизилось, после принятия твердого решения об отправлении в сторону Китая[20] — страны недругов ислама, несмотря на стужу и конец зимы, а в стороне, куда направлялись, были страны, чрезмерно холодного климата, он не допускал никаких отговорок и отсрочек. Не давал возможности [отменить] отправление в назначенный срок и переместить созвездие Рыб[21]. Все помыслы непоколебимо он направил на утверждение задуманного предприятия. Он приказал эмиру Бурундуку, внимательно пересмотреть список войска, чтобы [определить] число людей, которое будет находиться на службе в этом походе. Упомянутый эмир, согласно распоряжению, которое было утверждено в Кан-и гиле, проявил осмотрительность, доложил, что из Мавераннахра, Туркестана, Хорезма, Балха, Бадахшана, Хорасана, Систана, Мазандерана и татарского Кума тех, кого с семьями переселили из Рума, и переселенцев земли Иранской, которых доставили из Азербайджана и Ирака, собралось двести тысяч конных и пеших, проворных и славных; все — драконы в битве...[22]

Не подлежащим к обсуждению приказом повелел, чтобы царевич Халил-султан, царевич Ахмад [ибн] Умар-Шейх, а из эмиров — Худайдад Хусайни, эмир Шамс ад-Дин Аббас и другие эмиры туманов и тысяч зимовали с войском в Ташкенте, Шахрухии и Сайраме. Царевич Султан Хусайн с некоторыми войсками левого крыла проводил зиму в Йасы и Сабране.

Прежде [город] Шахрухийа назывался Фанакент и был так разрушен с нашествием Чингиз-хана, что [в нем] не осталось следов зданий до года обезьяны, соответствующего 794/1391—92 г., [когда] его величество сахибкиран отдал приказ о его застройке. Уполномоченные согласно приказу // (с. 953) отстроили его [заново], возвели вокруг него неприступную крепость и переселили туда всех жителей его окрестностей. Поскольку царственная благосклонность изволила назначить его могущественному царевичу Шахруху, она пожелала [назвать его] Шахрухийей.

Мнение, указывающее правильный образ действия, передало управление Самаркандом на попечение Аргун-шаха. Охрану казны он изволил поручить Шейху Джуре и знамена, отмеченные

победой, выступили из Самарканда в четверг 23 джамада ал-авваля 607/27 ноября 1404 г., когда Солнце находилось в середине [созвездия] Стрельца в шестом аспекте с Юпитером, а Луна была в [созвездии] Весов в шестом аспекте с Солнцем и в третьем аспекте с Юпитером, согласно гороскопу, одобренному астрологами; знатоками звезд, в особенности маулана Бадр ад-Дином. Направившись на зимовку в Аксулат, он изволил остановиться в местности Карабулак, подвластной Согду. Могущественные царевичи, прославленные эмиры, постоянно находившиеся на услужении при августейшей свите и в многочисленных войсках, подобных муравьям, [т. е. среди] охотников-тигров, которые со [всех] краев и сторон пришли в движение, были за пределами сравнения и воображения.

Знамена, величием [подобные] Сатурну, а блеском — Солнцу, выступив из Карабулака, осененные попечительством творца, двинулись по дороге на Илан-ути. Когда после прохождения [нескольких] стоянок и дневных переходов тень прибытия пала на местность Тамлик (согласно айату), расстилатель ковра созидания «заставляет облако лить на себя свою ношу»[23], воздвигнул темно-синий шелковый зонт облака от края до края небес и низвергал ураганный дождь и обильный снег. Задул сильный ветер, а стужа достигла крайнего предела. [Благодаря тому, что] свита, сопутствуемая победой, отправившись оттуда, направила скакуна намерений к решимости, земли Аксулата обрели чистоту цветников райских кущ от великолепия прибытия и пребывания отмеченных счастьем знамен. Поскольку эта местность была песчаной и [там было] много хвороста // (с. 954), прежде всего был приведен в исполнение не подлежащий обсуждению приказ, [чтобы] там для зимовки были сделаны шалаши и были возведены [иные] постройки для жилья. После размещения его величества в особом шалаше, царевичи, эмиры и войско — все расположились каждый на отведенном месте.

Повелитель звездного войска страны небес (Солнца) вступил в зимний дом [созвездия] Козерога. Крепость холода достигла совершенства, возрастала день ото дня. Поскольку в этот год, по стечению обстоятельств зимний сезон оказался холоднее известных [зим] других лет, солнце мира от стыда большую часть времени скрывало [свое] сияние за покрывалом туч, а облако с плачем и рыданием рассыпало жемчуг и источало камфору.

Упоминание об истории, в изложении которой будет необходимость для некоторых следующих историй, а также повествование об обстоятельствах, которые имели место в Аксулате

// (с. 955)...[24] Там же, в Аксулате, был оглашен указ, коему повинуется мир, [согласно которому] царевичам, правителям и даругам всех владений было дано предписание, заключающееся в

том, чтобы каждый в сфере своей деятельности соблюдал правила справедливости и, сделав вершение правосудия своей отличительной чертой, связал бы себя [охраной] благополучия и спокойствия творений [божьих][25]. Чтобы они совершенно не обращали внимания на слова злоумышленников и молодых женщин и с подданными и с подчиненными, которые отданы под [их] попечительство всевышним творцом, обязательно проявляя [к ним] доброжелательство и милосердие, обходились бы таким образом, чтобы в день страшного суда не пришлось раскаиваться и стыдиться и вызвать неудовольствие [со стороны] всевышнего обладателя величия...

Все указания относительно этого были посланы к царевичам и правителям владений в сопровождении достойных доверия беков.

// (с. 956) Согласно тому, что было утверждено, царевич Халил султан отправился в Ташкент, а царевич Султан Хусайн — в Сабран и Йасы.

Со всех краев и сторон для дорожного провианта войска на всевозможных арбах и повозках были поставлены необходимые съестные припасы и напитки. Кони для продажи, рассеянные по всем областям, в это [же] время были доставлены в высочайший лагерь. Царственная милость пожаловала всех их царевичам, эмирам и воинам.

Поддерживаемые небесами знамена пробыли в Аксулате около пятидесяти дней. В это время из Хорасана прибыл Саййид-ходжа Шайх ʿАли Бахадир от царевича Шахруха и доставил весть о добром здравии досточтимой персоны царевича. Указывающее правильный образ действий суждение направило эмира Бурундука в Ташкент, дабы он приступил к отправке провианта для мстительного, [как] Марс, войска. Царственное избыточное милосердие изволило повелеть эмирам и военачальникам, чтобы каждый [из них] был хорошо осведомлен о состоянии своих туманов, тысяч и сотен, и проявлял [к ним] такое внимание, чтобы в пути ни одно существо не отстало бы из-за нужды в необходимом. Поэтому запасы каждого в войске при такой его многочисленности достигли таких размеров, что каждый всадник имел при себе столько, что могло бы составить имущество десятерых. Таким же образом у всех были заготовлены и припасены боеприпасы и всевозможное оружие, которое применяется при сражении и обороне. В том числе было собрано и решено [захватить] несколько тысяч харваров[26] зернового хлеба, который везли бы с собой на арбах и по пути засевали бы, чтобы воспользоваться им на обратном пути. В дорогу взяли несколько тысяч верблюдиц, чтобы в трудное время их молоко служило бы подкреплением сил воинов.

Поистине [собралась] такая сила, которую невозможно подсчитать, кроме как путем сравнения и догадок, [с таким] множеством припасов и удивительным порядком, кои [едва ли] до того видел старик-небосвод, под счастливыми знаменами такого кто-либо из обладателя величия и, увы, [едва ли] после этого увидит.

[Божьи] творения при виде пиршества в Кан-и гиле и того совершенства и могущества, подобие которым не умещается ни в какой широте воображения мудрецов, остались удивленными и изумленными. Людей проницательных от соображения... «если завершилось дело, близится убыль [его]», вдруг охватил великий страх и [сие] не сходило с языка людей. Когда вслед за этим в короткое время собралось войско такой численности, величия и снаряжения в лагере, прибежище победы, // (с. 957) приумножилось смятение и в помыслы пробралось сомнение...

Сказание об отправлении отмеченных победой знамен из Аксулата

В то время, когда Солнце все еще находилось в пределах созвездия Козерога, сила холода [достигла] такой степени, которую слова бессильны описать, так что многие из людей и животных погибли в пути, а у многих отмерзли руки, ноги, уши, носы и другие части [тела]. Большую часть времени облако [величиной] с небо, из края в край было пеленой затянуто на небосклоне, а снег от края до края совсем покрыл землю...

В последнее время произошло тройственное соединение высших [планет] в созвездии Водолея. Намерение получить награду за добродетельность священной войны и войны за веру в благословенных помыслах сахибкирана, [наделенных] чистотой веры, было настолько сильно, [что] не [могло] стерпеть, пока сила стужи спадет. Он навел справки о состоянии дорог и, выяснив (стоянка за стоянкой) наличие воды, фуража на равнине и в горах и прочее, [велел] записать [сие]... И поднял он знамя отправления и сияющее солнцем суждение отбросило блеск приказа, чтобы царевич Халил-султан, царевич Ахмад [ибн] Умар-Шейх, эмир Худайдад Хусайни и Йадгар-шах арлат, эмир Шамс ад-Дин Аббас, эмир Бурундук, Мухаммад Дервиш барлас и Рустам Тагай-буга и его брат Пирмухаммад, Нушырван, сын Буйан-Ага, ʻАбд ал-Карим, хаджи Сайф ад-Дин, Пирали Манкли-буга сулдуз, Хан Саʻид сулдуз, Саадат Тимур-таш и другие эмиры, которые согласно приказу зимовали в окрестностях Ташкента, Шахрухии и Сайрама, все вместе поднялись и немедля отправились [в путь]. Когда Солнце достигло середины [созвездия] Рыб, царевич Султан Хусайн, пребывающий в Дашт-и Кипчаке, Йасы и [Сабрана], с наступлением весны, без промедления, отправился в путь.

Когда знамя, отмеченное [божьей] помощью, при поддержке попечителя [и] создателя выступило из Аксулата, оно, опоясавшись ночью, остановилось [на ночлег] в Узун-Ата и, отправившись оттуда, совершило стоянку в Пулходжа-шайхе, а по отбытии оттуда в Суткент, [который] сделался лагерем августейшей остановки. Отбыв оттуда, [прибыли] в Камарша-Ата, оттуда — // (с. 958) в Султайн-шайх, отбыв оттуда, [прибыли] в селение Зернук, отправившись оттуда и переправившись через реку Сейхун по льду,

изволили совершить стоянку. Река Сейхун от сильного холода настолько замерзла, что пришлось пробивать около 2—3 гязов, чтобы достать воду. Так что в тот год с начала Стрельца (ноября) до конца Рыб (февраля) на всех переправах через Сейхун и Джейхун, воины, караваны, арбы, всякий скот и прочее переправлялись по льду. Отбыв благополучно верхом от берега Сейхун, в среду 12 раджаба / 14 января 1405 г., [прибыли в Отрар[27]]; дворец Бердибека в Отраре был удостоен чести августейшего пребывания. Все царевичи, эмиры и сановники, которые были осчастливлены службой в свите, каждый расположился в [отдельном] доме.

Из диковин стечения обстоятельств [произошло] то, что во дворце, который был местом августейшего пребывания, в самый день прибытия из-за дымохода в углу загорелась крыша здания и возник пожар, но вовремя был потушен. Однако значение сего послужило причиной смущения помыслов благожелателей, потому что в это время люди видели много тревожных снов. Несчастье, свершение коего приближалось, оказав воздействие на помыслы, до крайности обеспокоило их и устрашило...

Бесподобный сахибкиран изволил послать Мусу Ракмал (Камала), чтобы он разведал дорогу через мост, возможен ли проход или еще нет. Он поспешил согласно приказу, и, разузнав, вернулся обратно и доложил, что переправа совершенно невозможна. Другой [сановник], согласно приказу, по тому же важному делу поспешил в сторону Сайрама и горы Кулан и, возвратившись, подтвердил, что в горах лежит снег высотой в два копья.

В это время от Тохтамиш-хана, который уже давно бедствовал и блуждал в пустынях и степях, ко двору, прибежищу мира, прибыл Кара-ходжа, [один] из его старых нукеров.

В тот день, когда его высочайшим величеством, главой дивана, великолепием, [равным] небесам дом был одарен блеском трона, прибежища верховной власти, величие [равного] высочайшему небосводу, Тайдзи-оглан, из рода Угэдэй-каана, Таштимур-оглан и Чехра-оглан из рода Джучи-хана были посажены справа, а с другой стороны из присутствовавших досточтимых царевичей были расположены Улугбек, Ибрахим-султан, и Иджал. Посланник Тохтамиш-хана при посредстве таких эмиров, как Бердибек, его брата Шайх Нур ад-Дина, Шахмалика и ходжа Йусуфа, был осчастливлен честью лобзания ковра и изложил послание Тохтамиш-хана // (с. 959) языком извинения: «Я познал и испытал наказание и возмездие за [свою] неблагодарность [в ответ на] благодеяние и милость. Если царственная благосклонность начертает письменное прощение на проступках и заблуждениях сего ничтожного, он не вынет головы из ярма послушания и не сдвинет стопы с торной дороги повиновения и не переступит [ее] границ». Великодушие царственной натуры позволило обласкать посланника и выразить благосклонность: «После этого похода, с божьей милостью, я снова освобожу улус Джучи и [тогда] передам ему (Тохтамиш-хану)».

Августейшие намерения состояли в том, чтобы в те несколько дней, поскольку он изволил отбыть из Отрара с целью [ведения] священной войны с неверными, отправить обратно жен и царевичей, которые для [соблюдения] обряда проводов находились при свите. Кара-ходжу он также, дав [ему] разрешение отбыть, отправил с подарками для Тохтамиш-хана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об авторе и сочинении см.: Урунбаев А. Шараф ад-Дин 'Али Йазди и рукопись его труда «Зафар-наме»//Шараф ад-Дин 'Али Йезди. «Зафар-наме». С. XXIII—XXXIV; МИКК. I. С. 128—129.

[2] См.: Полякова Е. А. Использование астрологических представлений. С. 176—191.

[3] Зафар-наме. С. XXVI—XXVII.

[4] Сахибкиран (обладатель [счастливого] соединения звезд) — хвалебный титул, который применялся в отношении Чингиз-хана, а позже в отношении Тимура и других правителей Средней Азии. Йазди следует общей традиции, но в самом начале своей хроники как бы расшифровывает титул, приведя составленный им же гороскоп Тимура, призванный дать оценку ему и его деятельности. Йазди включил в гороскоп самые зловещие из астрологических знамений и таким путем символически изобразил Тимура величайшим злодеем всех времен и народов (Подробно см. указанную выше статью Е. А. Поляковой. С. 176—191).

[5] Здесь и далее опущены не содержащие новый материал стихотворные вставки.

[6] Тайзи-оглан — чингизид; находился на службе у Тимура с 800/1397—98 г. (Зафар-наме. С. 621—623; МИКК. С. 145; Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 69).

[7] Таштимур-оглан — царевич из рода Джучи; ранее служил у Тохтамиш-хана, когда тот был ханом Золотой Орды. После разгрома Тохтамиша перешел на службу к Тимуру (Зафар-наме. С. 455).

[8] В списке ИВ АН УзССР (№ 4472) и в тегеранском издании زمانه более подходящим, с нашей точки зрения, является вариант калькуттского издания — منازل

[9] Дворец мира — эпитет Багдада.

[10] Коран, XXI, 22. Здесь и далее цитаты из «Корана» приводятся в переводе Г. С. Саблукова, в большей мере соответствующем пониманию их Йазди.

[11] Коран, III, 29.

[12] 10 мухаррама 807/19 июля 1404 г. (см. Фасих Хавафи. С. 125).

[13] Коран, III, 153, 159.

[14] Коран, XI, 116, 114.

[15] Коран, XIV, 23, 20.

[16] Тункал — извещение или уведомление войску собраться в условленном месте (Будагов Л. Словарь).

[17] После смерти первого мужа, Умар-Шейха, мать Сейди Ахмада была выдана замуж за царевича Пирмухаммада, сына Джахангира, который был назначен Тимуром правителем Газни и Кандагара (Фасих Хавафи. С. 129).

[18] Коран, XXXIII, 46, 47.

[19] Коран, XXXIII, 56.

[20] В тексте Чин и Хитай — оба эти названия употребляются Шараф ад-Дином 'Али Йазди как синонимы, обозначающие одно и то же географическое понятие. Хитай — старое название, данное монголами Северному Китаю, которое позже стали переносить на весь Китай. В арабских источниках чаще всего в качестве общего названия страны употребляется термин Чин, тогда как Мачин обозначало Южный Китай. Употребляемые вместе названия Хитай и Чин, как правило, обозначали Северный и Южный Китай. В данном случае Йазди стремится к экспрессии, подчеркивая грандиозные масштабы похода, нацелен-

ного на покорение полностью всего Китая (Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Соч. Т. IV. С. 524; Рашид ад-Дин. Сборник летописей, I, кн. 2. С. 7, 67; МИКК. С. 16, 50).

[21] Созвездие Рыб соответствовало февралю месяцу.

[22] Опущен стих, где говорится о выдаче войску жалованья и о выступлении в поход.

[23] Коран, XIII, 12, 13.

[24] Опущен рассказ о любви царевича Халил-султана к Шади-Мульк.

[25] Упоминание о пристрастии Тимура к вершению правосудия и соблюдению справедливости весьма условно. Клавихо, описывая события, связанные с праздником в Кан-и гиле, упоминает о попрании Тимуром всех мыслимых норм при прокладке базарной улицы через весь Самарканд. При этом безоговорочно и без каких бы то ни было компенсаций сносились дома жителей, в результате чего многие оказались разоренными, а беднота лишилась последнего крова. Когда некоторые влиятельные вельможи осмелились намекнуть на возмещение убытков, Тимур отвечал: «Этот город мой; я его купил за свои деньги; у меня есть на это грамоты и я покажу вам их завтра. Если окажется справедливым, то я заплачу то, что вы требуете». Это он сказал таким тоном, что Кайрисы раскаялись в том, что заговорили и потом, говорят, даже удивлялись, как он не велел их убить, и как они избавились от наказания (Клавихо. Дневник путешествия. С. 318).

[26] См. прим. 6, с...

[27] Отрар — один из политических и экономических центров Туркестана. В первой половине X в. входил в состав государства Саманидов, затем, до монгольского нашествия — в державу Хорезмшахов. После смерти Чингиз-хана, в период ожесточенной междоусобной войны между потомками Джучи, Тулуя и Чагатая, не признававшими не только какой бы то ни было центральной власти, но и единой власти внутри своего клана, Отрар сначала находился в руках Беркая, потомка Джучи; в 1266 г. был отвоеван потомком Чагатая Алгуем. Тимур, провозгласивший себя наследником и фактическим владельцем всех прежних владений Чингизидов, в 1375—76 г. пожаловал Отрар своему ставленнику, потомку Джучи, Тохтамиш-хану. После установления враждебных отношений с Тохтамиш-ханом и его разгрома Тимур возвратил себе этот город (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. I. Кн. 2. С. 191, 198—199; Фасих Хавафи. С. 99; Бартольд В. В. История Туркестана. С. 140, 142, 205).

ФАСИХ АХМАД АЛ-ХАВАФИ

МУДЖМАЛ-И ФАСИХИ

Персоязычное сочинение «Муджмал-и Фасихи» («Фасихов свод»)[1] содержит хронологические данные, относящиеся к основным историческим событиям, биографиям политических деятелей, ученых, поэтов мусульманского Востока с древнейших времен до середины XV в.

Сведения об авторе (Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад) весьма скудны и отрывочны[2]. По одним сведениям он родился 1 джумада 777 (28 сентября 1375) г. в городе Руй[3] (центре округа Хаф в Хорасане), а по другим — в Герате[4]. Социальное положение его предков неизвестно. Он вырос и учился в Герате[5]. Дальнейшие сведения о нем касаются только его служебной деятельности, которая была связана с двором Шахруха (1405—1447) и Байсункура (1416—1433), сына Шахруха, где он занимал высокие должности, в государственной канцелярии (диване) и в финансовом ведомстве. В последние годы жизни

(1432—1442) попал в опалу и был отстранен от службы. По свидетельству его современника — историка ʻАбд ар-Раззака Самарканди, находясь уже в опале, он пытался занять должность везира при Шахрухе, после смерти Саййида Ахмада (26 февраля 1436 г.), но это ему не удалось[6]. 20 рамазана 836 (10 мая 1433) г. Фасих Ахмада Хавафи отстранили от службы в диване Байсункура, по-видимому, из-за растраты, так как он был поручен мухассилу[7]. После этого он оказался не у дел, чем, очевидно, и вызваны его жалобы на судьбу в предисловии к «Муджмал-и Фасихи»[8]. 3 зу-л-хидджа (6 мая 1440 г.) мать Байсункура Гаухаршад-ага по какому-то поводу разгневалась на Фасих Ахмада Хавафи, за что он подвергся заключению в имении Эмирбека[9]. Под арестом он находился недолго. 17 джумада II 845 (2 ноября 1441 г.) он был заключен вторично и освобожден 4 раджаба (16 ноября) того же года[10] и 25 зу-л-хиджжа 845 (6 мая 1442) г. был удостоен аудиенции Шахруха[11]. Э. Браун предполагает, что именно при этой встрече Фасих Хавафи преподнес Шахруху свою книгу[12]. Других сведений о жизни ученого мы не имеем, возможно, он умер в том же году[13]. Похоронен Фасих Хавафи в Герате[14].

Фасих Хавафи был широкообразованным человеком, знавшим поэзию, литературу, историю, богословие, что подтверждает широкий круг источников, использованный им для составления «Муджмал-и Фасихи». Фасих Хавафи обладал и поэтическим даром[15]. Однако поэтические произведения его до нас не дошли.

Судя по тому, что описание событий в нем заканчивается 1442 г., труд завершен в том же году, тем не менее материал для составления данного свода, как утверждает автор в предисловии к сочинению, собирал он в виде заметок в течение многих лет[16].

Сочинение Фасиха Хавафи получило широкое распространение на Востоке. Оно несколько раз переписывалось как в XV в., так и в последующие века, вплоть до XIX в[17]. Этот труд пользовался определенной известностью и среди историографов. Материалы из труда Фасиха Хавафи привлекались в исследованиях авторов, работавших в области истории Средней Азии и Среднего Востока. В их числе Х. Раверти[18], В. В. Бартольд[19], Э. Браун[20], Ханбаба Байани[21], ʻАли Акбар Деххуда[22], А. М. Беленицкий[23], И. П. Петрушевский[24], А. Урунбаев[25], Садри Афшар[26], Мухаммад Таки Даниш Пажух[27], Хусейн Кариман[28], Абдалхай Хабиби[29] и др. Издание персидского текста осуществлено иранским ученым Махмудом Фаррухом в 1961—1963 гг.[30] Русский-перевод оригинальной части сочинения был издан Д. Ю. Юсуповой в 1980 г. в Ташкенте[31].

Приводимый ниже фрагмент из этого труда касается взаимоотношений Средней Азии с Китаем в XV столетии. Перевод основан на втором томе «Муджмал-и Фасихи», изданном Махмудом Фаррухом.

Семьсот шестьдесят первый (1359—60) год

// (с. 93)[32]... В Мавераннахр прибыл Тоглук-Тимур-хан ибн Огул-ходжа ибн Дува-хан из рода Чагатай-хана, который был падишахом Джете[33]. Как только это известие дошло до эмира Хаджи барласа[34] и после того, как он удостоверился в этом, он покинул Мавераннахр и отправился в Хорасан, прежде чем встретиться с Тоглук-Тимур-ханом[35].

Семьсот шестьдесят пятый (1363—64) год

// (с. 96)... Сражение эмир Хусайна ибн Мусаллаб ибн эмир Казагана[36] в союзе с эмир сахибкиран эмир Тимур кураганом[37] с войском Джете. Завоевание Самарканда и Кеша. Захват в плен Искандар-оглана[38], эмира Хамида и эмира Йусуфа-ходжи[39].

Семьсот шестьдесят седьмой (1365—66) год

// (с. 98)... Сражение Джанг-и Лай[40], происшедшее между Хусайном и войском Джете. Эмир сахибкиран эмир Тимур кураган в этом бою проявил большую смелость, однако из-за слабости войска эмира Хусайна победили воины Джете. Сколько бы [эмир Тимур] ни воодушевлял его к битве, не помогло. По этой причине эмир сахибкиран затаил глубокую обиду на эмира Хусайна и между ними снова возникли разногласия[41].

Семьсот семьдесят второй (1370—71) год

// (с. 104) Эмир сахибкиран эмир Тимур кураган отправился вторично в Джете на сражение. Бегство Кепак Тимура и группы, союзничавшей с ним. Возвращение эмира сахибкирана и прибытие его в Самарканд[42].

Семьсот семьдесят шестой (1374—75) год

// (с. 107) Эмир сахибкиран эмир Тимур кураган в третий раз отправился в сторону Джете. Бегство Камар ад-Дина[43]. Преследование эмирзаде[44] Джахангиром упомянутого Камар ад-Дина. Он захватил в плен некоторых его людей и привел с собой вместе с их семьями в Самарканд[45].

Семьсот семьдесят седьмой (1375—76) год

// (с. 109) Эмир сахибкиран эмир Тимур кураган отправился в четвертый раз в сторону Джете. Возвращение его с пути. Сари-Бука и Адил-шах Бахрам джалаир, которых он отправил впе-

ред в Джете за Камар ад-Дином, взбунтовались и эмир сахибкиран [был вынужден] вернуться; [затем], уже в пятый раз отправился на войну в Джете. Бегство Камар ад-Дина.

Смерть эмирзаде Джахангира бахадира ибн эмира сахибкирана.

Возвращение эмир сахибкирана из Джете.

Эмир сахибкиран в шестой раз в этом году отправился на войну в Джете. Вторичное бегство Камар ад-Дина и возвращение эмира сахибкирана.

Тохтамиш-хан, отвернувшись от Урус-хана, приехал к эмиру сахибкирану, когда тот вернулся с битвы из Джете. Эмир сахибкиран оказал милость Тохтамиш-хану, подарил ему Отрар[46] и Сабран.

Приезд Урду-Бука, сына Урус-хана и его сражение с Тохтамиш-ханом. Бегство Тохтамиш-хана, который снова прибыл к эмиру сахибкирану. Вновь он дал ему войско и Тохтамиш-хан сразился с Урду-Бука, сыном Урус-хана. Поражение пало на Тохтамиш-хана, получившего тяжелые ранения. Его оставили на поле боя, считая мертвым. Но несколько нукеров обнаружили его среди убитых и привели к эмиру сахибкирану. Он приказал, чтобы вылечили Тохтамиша, когда тот поправился, то уже в седьмой раз // (с. 110) пошел походом на Джете. Урус-хан, даже не вступив в сражение, сбежал от эмира сахибкирана, а тот в течение пятнадцати дней гонялся за ним, подвергая грабежу и разорению его улус. В это время пришло известие, что Урус-хан умер, а его место занял его сын Тохтакийа, который тоже вскоре умер. Эмир сахибкиран утвердил за Тохтамиш-ханом улус Урус-хана и управление Дашт-и Кипчаком[47].

Семьсот восемьдесят пятый (1383—84) год

// (с. 121) Эмир сахибкиран отправил войска в сторону Джете в поисках Камар ад-Дина, но сколько они его ни разыскивали, не смогли найти даже его следа и вернулись[48].

Семьсот девяносто второй (1389—90) год

// (с. 132) Эмир сахибкиран отправил эмира Сулайман-шаха, Худайдада Хусайни, Шамс ад-Дина эмир Аббаса, Усмана [ибн] эмир Аббаса и группу эмиров с двадцатью тысячами людей на сражение в Джете. Поражение потерпели [жители] Джете, а те вернулись[49].

Семьсот девяносто девятый (1396—97) год

// (с. 141)... Эмир сахибкиран отправил эмирзаде Мухаммад-султана на границу Могол[истана]. Сооружение крепости Ашпара[50].

Восемьсот седьмой (1404—05) год

// (с. 151)... Арест Тимур-ходжа ибн эмира Акбука по приказу эмира сахибкирана. Его отправили на Иссыккул к границам Могол[истана].

Эмир сахибкиран отправился в поход в Китай 23 джумада 1 (27 ноября 1404 г.). Он остановился в Отраре местности Аксулат, где пробыл двадцать восемь дней. Большую часть своих эмиров и слуг он отправил в Ташкент, чтобы они там перезимовали и откормили своих лошадей, так что // (с. 152) из эмиров, кроме эмира Шайх Нур ад-Дина[51], эмира Шахмалика[52] и эмира ходжа Йусуфа[53], никого в лагере не осталось.

Эмир сахибкиран отправился из Аксулата в Отрар в четверг 21 джумада II (25 декабря 1404 г.). В понедельник 6 раджаба (9 января 1405 г.) он остановился в городе Отраре и сорок дней находился там, был здоров, а в четверг 4 ша'бана (5 февраля 1405 г.) дал зарок не играть в нарды и шахматы.

Болезнь эмира сахибкирана Тимур курагана и смерть его величества [приключилась] 17 священного ша'бана (18 февраля 1405 г.) в местности Отрар. Жизнь его величества, да умножит Аллах его блеск, кончилась на семидесятом году [жизни] по солнечному летоисчислению[54].

Восемьсот десятый (1407—08) год

// (с. 180)... Прибытие китайских послов, направленных для выражения соболезнования [по поводу смерти] эмира сахибкирана. Они привезли с собой подарки. Им оказали почести и дали разрешение на отъезд[55].

Восемьсот пятнадцатый (1412—13) год

// (с. 210)... Прибытие китайских послов от Дай Минг[56] хана, падишаха Чин Мачина и Китая[57]. Ко времени их прибытия город разукрасили, их ввезли в Герат и привели к его величеству[58]. Они вручили ему подарки и подношения, которые привезли из Китая. Главных из них звали Бу-таджин и Би-таджин[59].

Восемьсот восемнадцатый (1415—16) год

// (с. 220)... Его величество хакан отправил эмира Тукала, нукера эмирзаде Ахмада, в Кашгар, чтобы тот уговорил вернуться во дворец эмирзаде Ахмада, уехавшего к монголам в обиде на султанзаде Улугбек курагана[60].

// (с. 224)... Смерть Мухаммад-хана в Моголистане и восшествие на место отца его сына Шах-Джахан-оглана[61].

// (с. 225)... Прибыл эмирзаде Ахмад бахадир, сын эмирзаде Умар-Шейх бахадира, который до этого провинился. Его величество простило его, но он, отчаявшись, отправился к моголам. Его пригласили [снова], и ему была оказана ласка и милость[62].

// (с. 226)... Его величество махдумзаде Улугбек кураган отправился из Самарканда в Моголистан в начале священного мухаррама (1 марта 1416 г.). Его прибытие к берегу реки Ходжент 18 мухаррама (18 марта 1416 г.). Прибыло известие из Хорезма о том, что Джаббар-берди-хан обратил в бегство Чингиз-оглана и покорил улус Афранга. // (с. 227) В конце названного месяца мухаррама (30 марта 1416 г.) его величество махдумзаде [Улугбек] переправился через реку Сейхун по проложенному там мосту и возвратился через несколько дней. 23 сафара (22 апреля 1416 г.) он прибыл в Самарканд. В это время эмирзаде Ахмад, сын эмирзаде Умар-Шейх бахадира, разочаровавшись в эмирзаде Улугбек курагане, да увековечит Аллах его власть, отправился в Кашгар. Здесь своим наместником он оставил Шайха Тагаи. Он же послал человека к махдумзаде [Улугбеку], который сказал последнему: «Если простите ему его вину, то он отдаст Кашгар тому, кому будет приказано, а сам прибудет во дворец». Согласно этому, его величество махдумзаде Улугбек кураган отправил эмира Сиддика и Али Камрита [Такрит] в Кашгар. Шейх'Али вручил им Кашгар, а сам направился в Самарканд, где удостоился больших почестей и милостей.

Прибыли послы Накш-и Джахана ибн Шам'и Джахана, падишаха моголов к его величеству махдумзаде Улугбек курагану, и, выразив свою покорность и повиновение, преподнесли дары (пишкаш ва нисар). Удостоившись милости, с подарками, они вернулись обратно[63].

Восемьсот двадцатый (1417—18) год

// (с. 230)... Вторично прибыли послы от Дай Минг хана, падишаха Китая (Восточный Туркестан) в месяце'раби 1 (18 апреля — 18 мая 1417 г.). Старшие из них — Ли-таджин[64], Лу-таджин и Йи-таджин. Вместе с ними прибыли триста всадников. Послы привезли подарки и подношения, которые прислал падишах Китая: соколов, атлас, камха[65], таргу[66], фарфор, китайскую бумагу, изделия из ствола (?) тростника и др. // (с. 231) Послание состояло из слов, которые могли послужить поводом для дружбы и согласия. Они привезли также рисунок коня, отправленный раньше [в качестве подарка падишаху Китая] Сейди Ахмад тарханом. Рисунок был написан художниками Китая. Дай Минг хан выразил большую благодарность мир Сейди Ахмад тархану и отправил ему много добра. Его величество хакан отправил Ардашира тавачи вместе с послами, старшие из которых были ход-

жа сарайами (дворецкими), а на их языке ходжа сарайев называют таджинами. 23 раби (10 мая 1417 г.) послам дали разрешение на отъезд[67].

Восемьсот двадцать первый (1418) год

// (с. 235)... Прибыли послы Вайс-хана — падишаха Джете, к эмирзаде Улугбек курагану. К ним проявлены были добрые намерения и единодушие.

...Убийство Накш-и Джахан-оглана в сражении, которое произошло между ним и Вайс-ханом в Джете. Восшествие упомянутого Вайс-хана на ханство вместо Накш-и Джахан-оглана[68].

// (с. 236) Восемьсот двадцать второй (1419) год

Женитьба его высочества шахзаде совершенства справедливости Гийас ад-Дин Мухаммада Джуки бахадира на Мехр-и Нигар, дочери Шам'и Джахана, внучке Хизир-ходжа-хана, падишаха Моголистана. Она прибыла в Герат 25 рамазана (15 октября 1419 г.). Его величество [Шахрух] велел устроить в Баг-и заган такое пиршество, подобного которому не видел никто, и ее превосходительство билкис эпохи Гаухаршад-ага, да будет вечным ее целомудрие, провела так, что этого нельзя себе представить. Их вручили друг другу. Послы, прибывшие вместе с эмиром Хасанка, который был отправлен просить девушку, уехали обратно[69].

// (с. 237) Восемьсот двадцать второй (1419) год

Послы китайского падишаха Дай Минг хана прибыли в третий раз. Во второй раз их пребывания его величеством хаканом вместе с ними в Китай был отправлен Ардашир тавачи. Во время его возвращения вместе с ними прибыли Ли-таджин и Хан-таджин. 23 рамазана (12 ноября 1419 г.) в столичном граде Герате они удостоились чести целовать ковер его величества хакана и преподнесли дары (пешкаш) и послание, направленное падишахом Китая. Его копия в том порядке, в каком оно написано, приводится [ниже]; обычай жителей Китая таков, что имя падишаха пишут в начале строки, а остальные строчки в письме написны мельче, и везде, где встречается имя всевышнего Аллаха, начинают писать с новой строки, и если пишут о падишахе, то соблюдают то же правило. Это письмо приводится в таком же виде.

Копия письма Дай Минг хана, падишаха Китая[70]*:*

«Дай Минг, великий падишах, направляет послание Шахрух-султану. Мы предполагаем, что Всевышний Аллах создал его

знающим и совершенным, чтобы он заботился о государстве ислама, благодаря этому, жители того государства достигли благополучия. Рассудительный, мудрый и совершенный султан оказался самым умным и благородным из всех мусульман, и к повелению Всевышнего Аллаха он отнесся с почтением и повиновался ему, и дело, порученное Аллахом, он выполнил по достоинству, что заслуживает небесной поддержки. Мы перед этим отправили эмира дворца Ли Да // (с. 238) с группой людей. Они прибыли к султану и согласно правилам приличия оказали большой почет и уважение. Ли Да и группа людей вернулись и доложили: «Нам все стало ясно и известно». Послов Бек-Бука и других вместе с Ли Да и группой людей доставили в этот дворец вместе со львами, разными конями, барсами и другими предметами, [отправленными Вами] в качестве подарка. Мы все осмотрели. Вы проявили искреннюю любовь к нам, [за что] мы очень признательны Вам. В стране Запада, где распространен ислам, из древних мудрецов и праведных, возможно, никто не был превосходнее султана [Шахруха]. Он [Шахрух] хорошо умеет дарить мир и спокойствие людям той страны, что соответствует доброй воле Аллаха, да будет слава ему! Как же [после этого] Всевышний Аллах не будет доволен им. Так же, как мужественные люди бывают единодушными в дружбе, пусть [между нами] души будут откровенными. Хотя расстояние далекое, Вы как будто перед моими глазами. Благоволение и великодушие ценнее всего, но при выражении их вещи также приобретают ценность. А теперь в особенности, когда мы послали Ли Да, Джанк Ку [Чжан Коу] и группу людей вместе с Бек-Бука и другими [Вашими] послами доставить султану подарки: соколов — их семь голов. Всех этих соколов мы собственноручно пускали на охоту. И еще отправлены с ними подарки — камха с другими предметами. Хотя соколов // (с. 239) в нашей стране — Китае, не водится, однако их постоянно доставляют нам в качестве подарка с берегов моря. По этой причине мы не испытываем недостатка в них. А в Ваших [краях], оказывается, они встречаются редко. Мы их прислали к Вам специально, чтобы взамен любезности Высочайшего султана послужило карамчием. Хотя [отправленных] вещей маловато, все-таки это послужит поводом, закрепляющим нашу дружбу. Пусть они удостоятся одобрения султана! Пусть в дальнейшем искренность дружбы увеличивается! Пусть послы и купцы постоянно взаимно посещают обе страны и не будет прервано их хождение, чтобы все дела, благодаря миру и безопасности, пребывали в покое и благоденствии, без сомнения! [Пусть приумножит] Всевышний Аллах свою благосклонность и милосердие! Вот все, что уведомлено [нами]».

И это письмо в это время пришло в Герат к его величеству хакану, // (с. 240) защитнику ислама, да увековечит Всевышний Аллах его власть![71]

Восемьсот двадцать третий (1420) год

// (с. 245)... Его величество махдумзаде Улугбек кураган отправился в Могол[истан] в середине джумада II (27 июня 1420 г.). Из Могол[истана] приехал человек и выразил им дружбу и преданность и, вернувшись I раджаба (12 июля 1420 г.), остановился в Самарканде[72].

...Шер Мухаммад-оглан, Сарик-оглан, Садр Ислам Башлиг прибыли из Могол[истана] в Самарканд в воскресенье 6 раджаба (17 июля 1420 г.) к эмирзаде Улугбек курагану. Бегство Шер Мухаммад-оглана, Сарик-оглана и упомянутого Садр Ислама из Самарканда. Эмирзаде Улугбек кураган лично отправился вслед за ними, и, захватив их, 12 шавваля (20 октября 1420 г.) прибыл в Самарканд, а в месяце зу-л-хиджжа этого же года (7 декабря 1420 г. — 6 января 1421 г.) он дал им разрешение на отъезд после оказания милостей и почестей, а для Шер Мухаммад-оглана выдал царское снаряжение[73].

Восемьсот двадцать пятый (1421—22) год

Прибытие послов, отправленных в Китай: Шади-ходжа и Кукча, которые // (с. 251) были назначены от имени его величества хакана и возглавили послов, а также ходжа Гийас ад-Дин наккаша и Султан Ахмада, которые были отправлены махдумзаде Байсункур Бахадир-ханом, да осветит Аллах его доказательство, в зу-л-ка'да 822 (24 ноября 1419 г.). Время их пребывания [в Китае и в пути] составило два года, два месяца и пять дней. I рамазана (29 августа 1422 г.) они добрались до Герата[74].

Восемьсот двадцать восьмой (1424—25) год

// (с. 257) Прибыл эмир Худайдад, один из великих эмиров Могол[истан]а в Кук-Тине к его величеству махдумзаде Улугбек курагану.

Сражение Шер Мухаммад-оглана с махдумзаде Улугбек кураганом. Бегство упомянутого Шер Мухаммада и возвращение махдумзаде Улугбек курагана целым и невредимым[75]. Он привез с собой камень каш[76]. Его величество эмир сахибкиран, да осветит Аллах его доказательство, [в свое время] оставлял эмира Джахан-шаха [ибн] эмира Джаку с несколькими тысячами людей, чтобы они привезли ему этот камень [в Самарканд], [но] им это не удавалось.

Этот камень был доставлен падишахом из Китая.

Прибытие в Герат его величества махдумзаде Улугбек курагана, который, вернувшись из похода на Могол [истан], несколько дней пробыл в Самарканде, а 15 зу-л хиджжа (10 ноября 1425 г.) в Герате он был удостоен чести быть на приеме у его величества. 28 зу-л-хиджжа (10 ноября 1425 г.) он отправился

обратно и привез с собой махдумзаде Мухаммада Джуки бахадира. За одну неделю они достигли Самарканда[77].

Восемьсот тридцать второй (1428—29) год

// (с. 264)... Прибыло известие об убийстве Борак-оглана Махмуд-султаном в Могол[истан]е[78].

...Казнь Махмуд-султана Мухаммадом Кази в Могол[истане][79].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Другое название сочинения «Муджмал ат-таварих» (см. Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 8). У Х. Раверти сочинение Фасиха Хавафи упомянуто под названием «Тарих-и Фасихи» («Фасихова история») (см. Raverty. On the Turks. P. 73); у Ханбаба Байани — «Тарих-и Муджмал» («Сводная история») Хафиз-и Абру. Зайл-и джаме ʿат-таварих, с. сад).

[2] Они почерпнуты нами из его же труда (Муджмал... Т. II). Что касается имени, то он упомянут в труде как Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад, известный как Фасих Хавафи.

[3] Исфизари. Раузат ал-джаннат. Тегеранское изд. Ч. 1. С. 222.

[4] Стори. Персидская литература. Т. I. С. 356; Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 8.

[5] Там же.

[6] Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 2. С. 690.

[7] Муджмал. Т. II. С. 271. Мухассил — здесь лицо, занимающееся взиманием средств у растратившихся должностных лиц.

[8] Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 5.

[9] Муджмал. Т. II. С. 287.

[10] Там же. С. 290—291.

[11] Там же. С. 293.

[12] Browne. A Literary history of Persia. P. 428.

[13] Dorn. Veber die Mudschmel Faszihy, col. 1—4; Фаррух, Мукаддима. Т. I. Ч. 1. С. 17; Абдалхай Хабиби. Тарих ва кисаси Наби. С. 19; Ч. А. Стори предполагает, что Фасих Хавафи был убит (Стори. Персидская литература. Т. I. С. 356); Профессор Мухаммад Зубайр ас-Сиддики без ссылки на источники датирует его смерть 849/1445—46 г. (Сайфи Херави. Тарихнаме-и Херат. С. 23). Однако эта дата — результат неверного прочтения Э. Брауном приписки к рукописи «Муджмал-и Фасихи» (см.: Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 11, прим. 3; Стори. Персидская литература. Т. I. С. 356, прим. 75).

[14] Алишер Навоий. Мажолисун нафоис. С. 45.

[15] Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 2, прим. 2.

[16] Муджмал. Т. I. Ч. 1. С. 8.

[17] Нам известны восемь списков «Муджмал-и Фасихи» (подробнее о них см. Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. С. 27).

[18] Raverty. On the Turks. P. 73.

[19] Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 104; Его же. О погребении Тимура//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 430; 447. Его же. Улугбек и его время/Соч. Т. II. Ч. 2. С. 537.

[20] Browne. A Literary History of Persia. P 426.

[21] Хафиз-и Абру. Зайл-и джаме ʿат-таварих.

[22] Дехкуда. Лугат-наме. С. 115—116.

[23] Беленицкий. Историческая топография Герата XV в. С. 176, 179, 182 и т. д.

[24] Петрушевский. Движение сербедаров в Хорасане. С. 91, 162; Он же. Земледелие. С. 403—467.

[25] Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 1. С. 22, 26; Уринбоев. Хафиз-и Абру. С. 4—6.

[26] Садри Афшар. Тарих дар Иран. С. 122.

[27] Рузбехан-наме. С. 3—23.

[28] Хусейн Кариман. Рей Бастан. Т. II. С. 360, 452.

[29] Абдалхай Хабиби. Тарих-и Афганистан. Т. II. С. 18—19.

[30] В начале был издан второй том, т. е. часть сочинения, охватывающая события 1301—1442 г., а затем — первый в двух частях.

[31] Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи.

[32] Цифры в скобках указывают на страницу использованного нами издания М. Фарруха.

[33] Словом «падишах» — «царь» иранские и среднеазиатские историки передают титул «хан». Подобно русским летописям XIII—XV вв., они «царями» именуют исключительно ханов из рода Чингиз-хана, хотя бы только номинальных; все другие властители, как бы ни была велика их фактическая власть, обычно именуются эмирами или сыновьями эмира (эмирзаде — мирза).

Джете (смысл. значение «разбойник») — презрительное название кочевого населения Восточного Туркестана и Семиречья в XIV—XV вв. (Тизенгаузен. Сборник материалов. С. 294), известно и как Йеттишар (семь городов).

[34] В 760/1358—59 г. Мавераннахр был завоеван Байан сулдузом, казненным Тоглук-Тимур-ханом в 763/1361—62 г. (Маджмал-и Фасихи. С. 89) и Хаджи барласом (см.: там же. С. 87). Эмир Хаджи барлас был убит жителями Хуалшада в одном из больших селений Джуйина. (Там же. С. 192) в 783/1381—82 г. (Там же. С. 91).

[35] Тоглук-Тимур-хан — из потомков Чагатай-хана. В этом году он надолго завоевал Мавераннахр и ум. в 764/1362—63 г. (МИТТ. Т. I. С. 511, прим. 6; Муджмал-и Фасихи. С. 88).

[36] Эмир Хусайн ибн Мусаллаб ибн эмир Казаган казнен в Балхе эмир Тимуром в 771/1369—70 г. (Муджмал-и Фасихи. С. 95) из-за разногласий, возникших между ними в 770/1368—69 г. (Там же. С. 94).

[37] Кураган или гурган, монг. слово, означает «зять», титул лиц, женатых на царевнах из дома Чингиз-хана.

[38] Оглан, тюрк. букв. «сын», титул членов рода Чингиз-хана, не занимавших ханского престола, встречается в текстах конца XIV и XV вв.: по-персидски переводится «шахзаде» — царевич.

[39] Там же. С. 91.

[40] Лай — местность около Чиназа (ныне Ташкентская область УзССР) между Ангреном и Чирчиком.

[41] Муджмал-и Фасихи. С. 92.

[42] Там же. С. 95.

[43] Камар ад-Дин — эмир Моголистана, с которым воевал Тимур (см. еще: МИТТ. Т. I. С. 517).

[44] Об эмирзаде см. прим. 33.

[45] Муджмал-и Фасихи. С. 98.

[46] См. прим. 27, с. 160.

[47] Муджмал-и Фасихи. С. 99.

[48] Там же. С. 106.

[49] Там же. С. 113.

[50] Там же. С. 119.

[51] Шайх Нур ад-Дин — один из старших эмиров Тимура; убит Хуркадаком, нукером эмира Шахмалика в 814/1411—12 г. (Муджмал-и Фасихи. С. 161).

[52] Эмир Шахмалик — наместник султана Шахруха в Хорезме с конца 815/1412—13 г. до самой смерти, последовавшей в 829/1426 г.

[53] Ходжа Иусуф казнен в 807/1404—05 г. (Муджмал-и Фасихи. С. 129).

[54] Там же. С. 125—126.

[55] Там же. С. 144.

[56] Дай Мин — династия Мин, Минская империя (1368—1644).

[57] Чин Мачин Китай — имеется в виду Восточный Туркестан.

[58] Имеется в виду султан Шахрух, сын Тимура.

[59] Муджмал-и Фасихи. С. 163. У ʿАбд ар-Раззака Самарканди приводится и текст письма, которое привезли с собой китайские послы (Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 1. С. 174—175).

[60] Муджмал-и Фасихи. С. 171.

[61] Там же. С. 174.

[62] Там же.
[63] Там же. С. 175—176.
[64] Таджин — великий князь.
[65] Камха — вид шелковой ткани.
[66] Таргу — вид льняной ткани.
[67] Там же. С. 178—179 (об этом см. еще: Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 1. С. 241).
[68] Муджмал-и Фасихи. С. 182.
[69] Там же. С. 182—183.
[70] Для того, чтобы текст письма был понятен, структура оригинала не соблюдается.
[71] Муджмал-и Фасихи. С. 183—184. См. также: Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 1. С. 257—258.
[72] Муджмал-и Фасихи. С. 188.
[73] Там же. С. 189.
[74] Там же. С. 192. Гийас ад-Дин наккаш с первого дня путешествия вел дневник, подробный текст которого приводится Абд ʿар-Раззаком Самарканди (Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. I. С. 305—324).
[75] Имеется в виду его возвращение из похода в Моголистан.
[76] Камень каш, т. е. нефрит.
[77] Муджмал-и Фасихи. С. 196—197.
[78] Там же. С. 202. Об этих событиях см. еще Абдураззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II. Ч. 1. С. 361—368.
[79] Муджмал-и Фасихи. С. 203.

АБД АР-РАЗЗАҚ САМАРКАНДИ

МАТЛА АС-САʿДАЙН

Камал ад-Дин ʿАбд ар-Раззак ибн Джалал ад-Дин Исхак Самарканди родился в Герате 12 шаʿбана 816 (7 ноября 1413) г. Получил нисбу Самарканди, так как провел большую часть своей жизни в Самарканде, где его отец был кади и имамом в ставке Шахруха (807/1405—850/1447).

Первого рамазана 845 (13 января 1442) г. ʿАбд ар-Раззак был послан им с посольством из Герата в Южную Индию, где он посетил города Каликут, Мангалур, Билур (Беднур), портовые города Боканур, Хинавар (Онур, Онор, Ханавар) и княжество Виджаянагар. Наблюдения, сделанные им во время этого путешествия, изложены во втором томе «Матлаʿ ас-саʿдайн»[1].

В 850/1446—47 г. Шахрух послал его с дипломатическим поручением в Гилан[2]. В 857/1463 г. Тимурид султан Абу Саʿид (855/1451—873/1469) назначил его шейхом обители дервишей (ханака) Шахруха в Герате. ʿАбд ар-Раззак умер в Герате в джумада ал-ахире 887 (июль — август 1482) г.

Как и другие его современники, он пользовался покровительством знаменитого поэта, везира и мецената Мир Алишера Навои (род. в 844/1441 г.; ум. в 906/1501 г.)[3].

ʿАбд ар-Раззак Самарканди известен своим единственным дошедшим до нас историческим трудом «Матлаʿ ас-саʿдайн ва маджмаʿ ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей»)[4]. Написанное на персидско-таджикском языке, сочинение оригинально в большей части, отличается цве-

тистым изложением. Оно посвящено, главным образом, описанию политических событий, совершавшихся при упомянутых двух султанах, и, вместе с тем, содержит сведения социально-экономического характера. Главные события излагаются по годам; состоит из двух почти равных томов (кисм или дафтар).

Время составления сочинения относится к 872/1467—68—874/1469—70 гг. В 875/1470 г. Абд ар-Раззак Самарканди продолжил свой труд и включил события, происходившие в сафаре этого года (август, 1470).

Труд содержит ценнейший материал для изучения истории Средней Азии, Ирана и Афганистана периода Тимура и его преемников (главным образом Шахруха).

Ниже приведены переводы фрагментов из «Матлаʿас-саʿдайн», касающиеся истории Восточного Туркестана в XV в.[5]

(с. 140) События восемьсот двенадцатого (1409—10) года

Продолжение о событиях в Мавераннахре

Его величество счастливый хакан (Шахрух) стал управлять престолом Самарканда как только ему оставили его по наследству.

[В это время] эмир Худайдад отправился в Моголистан [с группой] мятежников. Его величество в начале мухаррама (16 мая 1409 г.) приказал эмиру Хизр-ходже, эмиру Хасанка и Ходжагийу: «Отправляйтесь в Хорасан и присоединитесь к эмиру Лутфаллаху и эмиру Хамзе Катуку, стоящим в Сеистане, и поддерживайте друг друга». Он отправил также и Ладунйа тархана к [эмиру] Худайдаду и направил к нему послание, в котором говорилось: «Раньше ты докладывал, что «я для вас сделал одно дело», а сейчас мы выражаем признательность за то дело» и если ты понял, что наш верный шаг сделан на пути преданности и честности и если ты слышал о том, что мы оказываем помощь далеким и близким, а также поддерживаем тюрков и таджиков, и если не было никакой причины для того, чтобы отвернуться от нас, то почему же ты не пришел к нам и не присоединился, а ходишь, отвернувшись от нас?» Как только Ладунйа тархан прибыл к [эмиру] Худайдаду и выполнил миссию посла, тот сказал: «Эмир Шайх Нур ад-Дин не оставит в покое его величество, если он арестует его, то я пойду к нему в услужение». Его величество разгневался от столь дерзкого ответа и стал готовиться в поход против него.

(с. 141). Поход его величества счастливого хакана в Моголистан и об убийстве эмира Худайдада

Твердо решившись на поход в Моголистан, его величество счастливый хакан прибыл из стольного города Самарканда в селение Шираз и определив в качестве манглай (авангарда) мирзу

Рустама, эмира Саййида ʻАли тархана, эмира Шахмалика и эмира Нуширвана, отправил в Шахрухию, а также мирзу Амирак Ахмада, его брата мирзу Байкара, эмира Султаншах барласа и эмира Хасана Суфи в Ходжент. Его величество выбрал местом августейшей остановки пастбище Ура-тюбе.

[В это время] от эмиров, посланных в качестве манглай, пришло известие, что эмир Худайдад говорит: «Если эмир Шайх Нур ад-Дин прибудет сюда, посоветуемся и что им предложится, на том и согласимся». Его [величество] отправил [к нему] эмир Шайх Нур ад-Дина. В это время свершается такое зрелище, подобного чему не видно было ни в [одном] зеркале мыслей человека. Это объясняется тем, что эмир Худайдад, в надежде на то, что получит помощь от Моголистана, в страницу истории своего смятения начертил картину помощи, которую ожидал получить у падишаха этого края Мухаммад-хана. Мухаммад-хан, согласно просьбе эмира Худайдада, послал своего брата Шамʻ и Джахан падишаха на помощь. Как только [Шамʻ и Джахан] достиг Ташкента, эмир Худайдад встретил его с радостью, исполнил все необходимые условия для услужения, однако [как приводится в аяте]: «Может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло»,— [сказанное назидание] он не знал»[6] // [с. 142].

События восемьсот четырнадцатого (1411—12) года

О событиях, происшедших в Хорасане

(с. 200)... [В этом промежутке] прибыл Хамзайи чухра, слуга мирзы Улугбека, доставил одного из моголов в закованном виде и доложил о том, что эмир Шайх Нур ад-Дин пошел к Мухаммад-хану, падишаху Моголистана, что [Мухаммад-хан] послал ему в помощь Шам'и Джахана[7] и что они прибыли в окрестности Сайрама.

(с. 202)... Эмир Шайх Нур-ад-Дин, сын Хизр-ходжи был на приеме у Мухаммад-хана, падишаха Моголистана и согласно его требованию арестовали находившихся там послов эмира Шахмалика. Хан подготовил также 15 тысяч человек для похода в Мавераннахр [во главе] со своим братом Шам' и Джаханом. Узнав об этом, эмир Шахмалик сообщил трону [его величеству], а затем мирза Улугбек, оставшись в Самарканде, решил пойти войной против недругов Шахмалика.

В то время, когда моголы были заняты защитой крепости Сайрам, которая была в распоряжении подчиненных эмира ʻАбд ал-Халика, они, услышав о том, что эмир Шахмалик отправился в путь, выступили против него. Узнав о том, что [они] находятся в пути, эмир Шахмалик задумал одно мероприятие, которое соответствовало судьбе. Оно таково: эмир Шахмалик поручил достойному похвалы своему нукеру Шаястаму с двумя тысячами воинов составить авангард и совершить нападение на вилайет Янги // (с. 203)

и подвергнуть грабежу становище моголов, находившихся там[8]. Шаястам, продвигаясь быстрым маршем день и ночь, внезапно напал и застал противников на ложе спокойствия и неведения и, подвергнув ограблению ту группу, сравнял с землей их жилье и, захватив огромную добычу, привел 6 тысяч лошадей к эмиру, Шахмалику[9]. Услышав об этом, моголы[10] отделились друг от друга и разбежались в разные стороны[11].

В то время, когда его величество [Шахрух] пребывал на пастбище Бадгис, эмир Шахмалик донес до высочайшего трона о возвращении моголов. Как упоминалось выше, его величество велел возвратиться в столицу государства...

Об отправлении его величества счастливого хакана в Мавераннахр

Эмир Шайх Нур ад-Дин не нашел единомышленников у моголов и его корыстный зуб сломался на безнадежной челюсти и стал на путь использования хитрости: отправил людей в Моголистан, [обратился] к моголам с прошением и сообщил: «Я вам неоднократно говорил, что эмир Шахмалик вам недруг и прибегает к [различным уловкам]. Вы не верили и вот он теперь уничтожил весь улус, если вы не предпримете меры, он может принести [вам и мне] еще больше вреда».

Мухаммад-хан с большим войском выступил на Мавераннахр // (с. 204) и как только известие об этом дошло до Самарканда, мирза Улугбек донес об этом высочайшему престолу (Герату). Его величество Шахрух приказал собрать войска и решил выступить походом на Мавераннахр. В конце месяца раби‘ ал-аввал, в среду, (22 июля 1411 г.) из стольного города Герат он прибыл в Баг-и мухтар и, выступив оттуда с многочисленным войском, достиг берега [реки] Мургаба. Гонец мирзы Улугбека [именно сюда] доставил известие о том, что моголы вернулись в свои вилайеты.

Коротко об этом событии: Мухаммад-хан выехал из своей ставки и прибыл в местность Илан-баши, расположенную между Йангы и Саураном, [здесь] к нему присоединился Шайх Нур ад-Дин. Мухаммад-хан устроил совет со своими сановниками, и более опытные из них люди сказали: «Какая была необходимость из-за Шайх Нур ад-Дина враждовать с одним из сильных племен и доблестным обществом, причем неизвестно, чем кончится вражда». [Мухаммад-хан] отправил к эмиру Шахмалику посла по имени Хафиз с известием: «Лично между нами не было никакой вражды, возникший же конфликт произошел из-за завистников. Теперь нам надобно быть в дружбе, а если между Шайх Нур ад-Дином и тобой возникнет какой-то конфликт, теперь не будем защищать Шайх Нур ад-Дина». Эмир Шахмалик, приняв с почетом посла, отправил его обратно с почестями и направил Науруза Бахши с шахскими дарами к Мухаммад-хану. С обеих сторон было изъявлено чувство преданности[12].

В это время [к его величеству хакану] прибыл слуга Улугбека Малик Йасаул и сообщил, что между мирзой Улугбеком и эмиром Шахмаликом приключились разногласия. Так как моголы отправились обратно и в связи с сообщением Малик Йасаула его величество охватило сомнение — идти походом на Мавераннахр или нет и в течение нескольких дней выжидал в Чечекту и для проверки этого сообщения отправил эмира Саййида ʿАли тархана в Самарканд. После расспросов эмир Саййид ʿАли тархану стало известно, что с тех пор, как Шахмалику было оказано доверие и вручено управление Мавераннахром, он стал наводить порядок, в кое-каких делах стал наставлять мирза Улугбека, // (с. 205) однако же многим, в особенности государям, наставления приходятся не по душе, потому что они постоянно хотят ощущать вкус жизни во всей ее красе и считают весь свет ниже себя. ...Короче говоря, эмир Саййид ʿАли тархан, возвратившись [из Самарканда], доложил об этом его величеству. Эмир Шахмалик [в конечном счете] оттуда отправился в сторону Могол[истан]а.

(с. 206) О том, как по указанию эмира Шахмалика Шайх Нур ад-Дин был убит Хуркадаком

В то время, когда эмир Шахмалик, направляясь в Моголистан, решил построит мост через Сейхун, эмир Шайх Нур ад-Дин, узнав об этом, направил одного посла к Чингиз-оглану со словами: «Я причинил неприятности эмиру Шахмалику, однако сам не смогу просить [у него] прощения, у меня [к тебе] просьба — будь нашим посредником, все то, что ты от нашего имени пообещаешь [ему], все исполним». Чингиз-оглан послал к [эмиру Шахмалику] одного из своих верных слуг [по имени] Рамазан узбек, который в красноречивости умел смешать воду милости с огнем гнева...[13]

События [*восемьсот*] *семнадцатого (1414—15) года*

О событиях, происшедших в этом году в Мавераннахре

(с. 262) ... Мирза Амирак Ахмад, узнав о том, что мирза Улугбек вернулся обратно, отправился в Андижан с отрядом, прибывшим на помощь из Моголистана. Эмир Мусака, эмир Мухаммад Табан и эмир Али каучин с намерением сражаться [с ним] вышли из Андижана и достигли Оша, но из-за того, что не знали о состоянии врага, без всякой осторожности остановились здесь. // (с. 263) Мирза Амирак [Ахмад] знал все о них, и застав их врасплох, подверг казни эмира Мусака, эмира Мухаммад Табана,

эмира ʿАли и других храбрецов. Эмир Рустам, сын эмира Сулайман-шаха, сражаясь с неприятелем на всем протяжении пути, отправился в Андижан, Мирза [Амирак] Ахмад, направляясь в Андижан, провел большие сражения[14]. Эмир Рустам и остальные эмиры [сумели] держать Андижан в руках; моголы же с добычей вернулись в Моголистан[15].

События [восемьсот] восемнадцатого (1415—16) года

(с. 304) ... Об отправлении утешительного письма мирза Амирак Ахмаду ибн Мирза Умар-Шайху

Как было упомянуто выше[16], мирза Ахмад Амирак, подвергнув казни эмира Мусака, Мухаммад Табана и [эмира] Али каучина[17] в окрестностях Андижана, опасаясь мирзы Улугбека, отправился в Кашгар с целью присоединиться к Мухаммад-хану в Моголистане. Его величество, счастливый хакан [Шахрух], услышав об отъезде мирзы Ахмада, // (с. 305) отправил его нукера Тукала с утешительным письмом...[18]

(с. 315)... Отправление его величества счастливого хакана в Фарс во второй раз

(с. 316)... Из Самарканда прибыл нукер мирзы Улугбека и доставил известие о том, что падишах Моголистана Мухаммад-хан дал согласие [отречься от престола] и вместо него посадили Накш-и Джахана, сына Шамʿи [Джахана] и внука Хизр-ходжа оглана.

(с. 331)... События [восемьсот] девятнадцатого (1416) года

О мирза Амирак Ахмаде и мирза Илангире, а также об их порочных мыслях и злополучных намерениях

Подняв восстание против мирза Улугбека в Андижане, подвергнув казни [его] эмиров, [мирза Амирак Ахмад] подался в Кашгар, однако, как было упомянуто выше, его величество хакан [Шахрух], принимая во внимание родственные связи, послал утешительное письмо, предложив ему вернуться в [Герат]. В это время (в середине месяца мухаррама) мирза Амирак Ахмад ибн мирза Умар-Шайх прибыл в Герат и удостоился чести быть в услужении [у его величества хакана Шахруха]. Став сотрапезником мирзы Илангир ибн мирзы Абу Бакра, оба день и ночь занимались [только] питьем вина.

(с. 338) О событиях, происшедших в Мавераннахре

...Как упоминалось выше[19], мирза Амирак Ахмад, живший в Кашгаре, во время [происшедшего] мятежа, // (с. 339) отправляясь в Хорасан, оставил своим наместником в Кашгаре эмира Шайх ʿАли Тагайи. Эмир Шайх ʿАли [Тагайи] отправил своего сына в Самарканд, и, поклявшись прахом великого эмира [Тимура], попросил у мирзы Улугбека прощения за свои проступки и просил его, чтобы тот послал человека в Кашгар, которому он мог бы препоручить владения Кашгара, а самому поехать в Самарканд. Мирза Улугбек отправил [туда] Сиддика и Али Такрита и [Шайх Али] Тагайи, вручив им Кашгар, прибыл в Самарканд; царевич [Улугбек] принял его тепло.

В то время, когда его величество счастливый хакан [Шахрух] вернулся из Фарса в Хорасан, послы Накш-и Джахана, сына Шамʿи Джахана прибыли из Моголистана и привезли с собой [щедрые] дары и выразили покорность. Его величество принял их с почетом, закрепил дружеские узы и дал разрешение на отъезд.

События [восемьсот] двадцать первого (1418) года

О состоянии вилайетов Мавераннахра на этот год

(с. 380) ...Таким образом, мирза Улугбек в начале месяца мухаррам (8 февраля 1418 г.) с зимовки в окрестностях Ходжента прибыл в столичный город Самарканд, как упоминалось выше.[20] В начале сафара (10 марта 1418 г.) войско, отправленное в Хорезм на помощь эмиру Шахмалику, вернулось, одержав победу; 10 сафара (19 марта 1418 г.) прибыло известие о кончине могольского хана; а в раби ал-аввале (8 апреля — 7 мая 1418 г.) нукер Сиддик Бахадира прибыл из Кашгара и доложил, что Увайс-оглан убил Накш-и Джахана, хана Джете, и что среди моголов царит смута.

Бейт:

Когда в войске неприятеля началось несогласие,
[Тогда немедля] вынимай саблю из ножен.

Мирза Улугбек послал надежного человека[21] узнать о положении дел у могольских эмиров и даровал свободу группе моголов[22], заключенных в самаркандском арке.

(с. 381) ...В это время возвратился человек, посланный в Моголистан для выяснения обстановки в стране и доложил его величеству о царивших там беспорядках.[23] Узнав об этом, мирза Улугбек, собравшись с мыслями, оказал шахские почести мирзе

Джуки и оба отправились в Хорасан [и] в середине шавваля (14 ноября 1418 г.) вышли из Самарканда[24] и 26 шавваля (26 ноября 1418 г.) благополучно прибыли в стольный город Герат.

События [восемьсот] двадцать второго (1419) года

(с. 386) ...О женитьбе Мирза Мухаммада Джуки Бахадира на Мехр Нигар-ага, дочери падишаха Моголистана

Падишах Моголистана Шам'и Джахан, сын Хизр-ходжи хана, по зову правды, как только его брат Мухаммад-хан сел на трон Улуса, направил послов к счастливому хакану и выразил покорность. Его величество отправил вместе с послами эмира Хасанка, хорошо осведомленного в посольских делах и несколько раз побывшего [ранее] в Моголистане во времена правления его величества сахибкирана [эмир Тимура] // (с. 387) и [согласно сказанному в хадисе] «женитесь и умножайтесь», для счастливого сына, т. е. мирзы Мухаммад Джуки бахадира просил в жены одну великодушную [девушку] из дворца и династии ханов. Мухаммад-хан, будучи весьма довольным, завязал родственные узы с помощью признаков любви с величием махди улйа Мехр-и Нигар-ага, дочь Шам'и Джахана, внучку падишаха Хизр-ходжи, одну из почтенных и целомудренных девушек, зеницу ока ханской династии отправил из Моголистана [в Герат] в сопровождении группы столпов государства.

(с. 389) ...О состоянии Мавераннахра на этот год

...Абу-л-Лайс вернулся из Андижана и доложил [его величеству] о том, что сын Шер Бахрама сбежал из Джете и прибыл в Кашгар, и что следом за ним приближается другая группа. В последний день раби ал-ахира (25 мая 1419 г.) Борак-оглан, отвернувшись от Улуса Узбека, преклонив колени, прибыл во дворец мирзы Улугбек курагана // (с. 390) [и] удостоившись чести целования его руки, был наделен милостями и занял место среди царевичей. После того, как некоторое время прожил в Самарканде, мирза Улугбек приказал приготовить для Борака необходимое снаряжение, как подобает царевичам и он получил разрешение на возвращение [в свой улус].

В конце раджаба (22 августа 1419 г.) из Кашгара пришло известие о том, что дочь эмира Худайдада замышляет что-то против падишаха и что среди моголов возникла смута[25].

Китайские послы, опять сопровождавшие Ардашера тавачи[26], в конце этого месяца[27] прибыли в Самарканд и преподнесли дары, специально предназначенные мирзе Улугбеку. Царевич устроил в их честь пир и в начале ша'бана (23 августа 1419 г.) их ото-

слал в Хорасан; об их прибытии в Хорасан подробно было изложено [выше].

Мирза Улугбек в начале ша'бана (23 августа 1419 г.), решив отправиться на Токмак, назначил [правителем] Самарканда эмира Искандара Хинду-бука и с Баг-и дилкуша прибыл в Карабулак. Там прибывшие из Моголистана нукеры эмира Худайдада удостоились чести целования земли.

Через день // (с. 391) прибыл нукер Садр Ислама вместе с Исламом тавачи и доставил коней, привезенных для подарков. Мирза Улугбек перешел реку Ходженд через переправу Чиназ[28]. К нему (Улугбеку) сюда прибыл Хасанка [из Моголистана] вместе с упомянутой выше Мехр-и Нигар ханика. О том, что он привез ее в Хорасан, сказано выше. Мирза Улугбек, для того, чтобы встретить плод дерева царства, сел на коня и с почестями проводил ее в [Хорасан]. Затем перебрался из Ташкента и остановился неподалеку от Бурлака. Здесь к нему (Улугбеку) прибыл человек по имени Балху, бежавший из [владений] Узбека и сообщил о том, что у узбеков беспорядки. Мирза Улугбек решил вернуться [в Самарканд]. Арслан-ходжа тархану и эмиру Йадгар Фаттану[29] оказал милость и дал разрешение [на отъезд][30], [а] группу сардаров во главе с Махмуд тарханом отправил в Кашгар, сам же, поохотившись в той радующей сердце местности, 27 рамазана [17 октября 1419 г.] перешел реку Сейхун и 2 шавваля (22 октября 1419 г.) счастливо прибыл в бесподобный Самарканд // (с. 392). Здесь он устроил пиршество в честь вернувшихся из Хорасана китайских послов и вместе с ними отправил в Китай [своего] посла. В конце месяца шавваля (18 ноября 1419 г.) Улугбек отправился в Бухару. Вельможные люди той местности выполнили условия встречи и он 4 зу-л-ка'да (22 ноября 1419 г.) остановился в Бухарском арке[31]. На следующий день он направился в селение Урдукечан. Сюда прибыли из Хорезма нукеры эмира Шахмалика и преподнесли в качестве дара ловчих птиц. 10 зу-л-ка'да (28 ноября 1419 г.) царевич посетил медресе, расположенное во внутренней части города Бухары, построенное его почтенным архитектором, оказал милость и раздал подарки учащимся и нуждающимся, а затем отправился обратно в Самарканд. Когда он достиг селения Куфин, к нему вернулись эмиры, отправившиеся [ранее] в Кашгар и в том месте присоединились к августейшей свите. Мирза Улугбек 23 зу-л-хиджа (10 января 1420 г.] прибыл в стольный город Самарканд[32].

(с. 419)... События [восемьсот] двадцать третьего года

О зданиях, построенных в стольном городе Самарканде

(с. 424) ...В том году в Мавераннахре скончался эмир Йадгар Фаттан, правитель Саурана, и мирза Улугбек назначил вмес-

то него эмира Шах Вали. В конце джумада ал-ахира (11 июля 1420 г.)[33] эмир Джаханшах, сын эмира Камар ад-Дина, прибыл к подножию трона мирзы Улугбека и был удостоен [его] милости. Еще в этом месяце (13 июня — 11 июля 1420 г.)[34] прибыл в Самарканд Кул Мухаммад, сын эмира Худайдада, уважаемого человека Моголистана и был удостоен почестей [Улугбека].

О дальнейших происшествиях в Мавераннахре и о подготовке к отправлению махди Улйа Гаухаршад-ага в раеподобный Самарканд

(с. 425)... После этого мирза Улугбек, твердо решившись на поход в Моголистан // [с. (426), в середине месяца джумада ал-ахир (26—27 июня 1420 г.) отправился в путь с многочисленным войском и из Карабулака послал авангардом эмира Искандара, эмира Хариймалика и эмира Байазида, относившихся к числу почтенных эмиров.

В конце месяца (11 июля 1420 г.)[35] из Могол[истана] прибыл Малик Ислам и сообщил о том, что моголы являются сторонниками государства [Тимуридов]. Мирза Улугбек возвратился обратно и в начале раджаба (12 июля 1420 г.) прибыл в Самарканд.

О рождении царевича Абдаллаха ибн мирза Улугбека и о других событиях

(с. 427) ... 9 раджаба (20 июля 1420 г.) прибыл гонец от эмиров, посланных в авангарде, с сообщением // [с. 428), что старшины моголов согласились выразить дружбу и, соединившись с победоносным войском, 16 числа этого месяца (27 июля 1420 г.) прибыли в Самарканд; самый почтенный из них Шер Мухаммад-оглан, Сарик-оглан и Садр Ислам[36] были удостоены чести целовать руку [его величества]. Их поместили в достойном помещении. Мирза Улугбек устроил для них большое пиршество и удостоил их драгоценной одежды и больших почестей. В этом промежутке пришло известие о том; что могольские эмиры убили сына Камар ад-Дина, а другой сын [его] сбежал и с надеждой обратил лицо во дворец жителей мира; 3 ша'бана (13 августа 1420 г.][37] он прибыл в Самарканд и шахские почести смилостивили его состояние. В конце месяца (8 сентября 1420 г.) прибыл Суфи-оглан от Борак-оглана, привез ловчую птицу, [чистокровного] коня и другие подарки, что пришлось по душе [Улугбеку].

В начале рамазана (9 сентября 1420 г.) Абука и Фулад-Тимур с группой людей прибыли со стороны Джете и были удостоены внимания [царевича]. До прославленных ушей [его величества] дошел слух о том, что 6 шавваля (14 октября 1420 г.) ночью Шер Мухаммад-оглан, Сарик-оглан, Кулмухаммад и // (с. 429) целая толпа джетинцев сбежали. Мирза Улугбек тут же сел на коня и во время полуденной молитвы догнал их в Кичкина яйлаке.

Схватив Шер Мухаммад-оглана, Сарик-оглана, оставив [других] эмиров для поимки остальных беглецов, сам возвратился назад и прибыл в столицу[38]. Схватив беглецов, через четыре дня эмиры прибыли в Самарканд. Мирза Улугбек смилостивился и, несмотря на проявленную провинность, пленных простил.

13 зу-л-хиджжа (14 декабря 1420 г.), дав разрешение Малик Исламу, он отправил их в сторону Кашгара; 16-го (22 декабря 1420 г.), снабдив Шер Мухаммад-оглана царским снаряжением, отправил в его вилайет.

В конце месяца (5 января 1421 г.) из Кашгара пришло известие о том, что крепость Рух завоевана, и мирза Улугбек отправился в Бухару на соколиную охоту.

События [восемьсот] двадцать четвертого (1421) года

(с. 430)... Зимовка в Арране и другие события

(с. 433)... В начале мухаррама (6 января 1421 г.) Ала ад-Дин Алейка кукельташ со старейшинами и казиями прибыл из Тебриза в Карабаг. 7 мухаррама (12 января 1421 г.) посол моголов Андкуй йаргучи[39] прибыл от падишаха Моголистана и рассказал о том, что хотел сказать [падишах Моголистана]...

События [восемьсот] двадцать пятого (1422) года

О возвращении послов, отправленных в Китай, и о достопримечательностях той страны // (с. 478)

Среди событий [8]22 (1419) г.[40] упоминалось о снаряжении его величеством хаканом посольства во главе с Шади-ходжой в Китай. Мирза Байсункур, посылая [от своего имени] Султан Ахмада и Гийас ад-Дина наккаша [вместе с послами], настоятельно просил ходжа Гийас ад-Дина, начиная со дня выезда из стольного города Герата до возвращения, записывать ежедневно, в виде дневника, о состоянии дорог каждого города, вилайета; о примечательностях построек, о правилах и обычаях [населения] городов, о могуществе падишахов, о политике государственного управления и порядках, о достопримечательностях тех городов и местностей и обо всем том, что он заметит в характерах знатных маликов.

В этом году, т. е. [8]25, 11 рамазана (29 августа 1422 г.), послы вернулись в Герат и доставили подарки, переданные падишахом Китая и рассказали интересные рассказы о том государстве, порядках, обычаях.

(с. 527)... Амир Хасан, посол мирзы Ибрахим-султана, возвращающийся из Шираза, и Пахлаван-Джамал, посол мирзы Рустама, возвращающийся из Исфахана, встретились с послами, возвращающимися из Китая, в городе Сукджу и сообщили, что дорога чрезвычайно // (с. 528) неспокойная. В связи с этим пос-

лы некоторое время пожили в Сукджу и в середине мухаррама 825 (9 января 1422 г.) вышли из Сукджу. Через несколько дней они прибыли в город, [где был размещен] караул. Начальники караула сказали им[41]: обычаи населения Китая таковы, что когда вы направляетесь в [Ханбалик], они занесут в реестр количество людей и о внешнем облике [каждого][42], а при возвращении берут тот же реестр и уточняют и если в этом допустят нарушение, будут наказаны падишахом. Короче говоря, послы [благополучно] прошли проверку 18 раби ал-авваля (12 марта 1422 г.) и отправились с большими трудностями по труднодоступной и безводной дороге и 9 джумада ал-ахира (31 мая 1422 г.) дошли до Хотана. 6 раджаба (26 июня 1422 г.) они вышли оттуда и прибыли в Кашгар: 21 числа этого же месяца (11 июля 1422 г.), минуя Андижанский перевал, одна группа послов направилась по самаркандской дороге, а остальные выбрали бадахшанскую дорогу[43]; 21 ша'бана (10 августа 1422 г.) прибыли в Хисар-и Шадман.

Стих:

Прибыли веселые и радостные.

и в начале рамазана (19 августа 1422 г.) прибыли в Балх. Затем, в середине месяца (2 сентября 1422 г.) прибыли в почтенный дворец его величества хакана [Шахруха в Герат] и довели до его сведения обо всем виденном со всеми подробностями.

События [восемьсот] двадцать седьмого (1424) года

(с. 540)... О состоянии Мавераннахра и причина того, что Мирза Улугбек-кураган отправился походом в Моголистан

...Выше [среди событий] восемьсот двадцать третьего (1420) года упоминалось, что Шер Мухаммад-оглан прибыл в Самарканд, мирза Улугбек оказал ему почести, однако он сбежал без разрешения. Мирза Улугбек схватил его и привел в [Самарканд], и снова, оказав ему милость [и] снабдив дорожными припасами, отослал в Моголистан. Об этом было упомянуто в своем месте// (с. 541). Как только Шер Мухаммад достиг своего вилайета, эмиры объединились и возвели его на престол. Когда он утвердился на троне, его гордость и высокомерие перешли указанные Улугбеком границы и [он] установил штандарт независимости на небосводе. Из его писем стало известно, что он уклонился от пути подчинения.

(с. 542)... События [восемьсот] двадцать восьмого (1424—25) года

О походе мирзы Улугбека в Моголистан

(с. 543)... 27 раби‘ ал-авваля (16 февраля 1425 г.) мирзы Улугбек привел в порядок свои войска, и, подняв знамя победы, направился в Моголистан.

События [восемьсот] двадцать восьмого (1424—25) года

Конец повествования о событиях 828/1424—25 года

(с. 553)... Вернувшись с победой из Моголистана, мирза Улугбек в конце этого года (октябрь— ноябрь 1425 г.) твердо решил быть в услужении у [своего] достопочтенного отца и хакана времени и 15 зу-л-хиджжа (28 октября 1425 г.) был осчастливлен целованием руки и объятий [его].

События [восемьсот] тридцать второго (1428—29) года

(с. 618). О благодарении Аллаху; о том, как была оказана милость могущественным царевичам и знаменитым эмирам; известия о других городах и краях

...В то время, когда небовидный урду находился против Салмаса, прибыл из Мавераннахра посол мирзы Улугбека с известием о том, что между Султан Махмуд-огланом и Борак-огланом в Моголистане произошло большое сражение и о том, что Султан Махмуд-оглан казнил Борака.

(с. 619)... Из Мавераннахра снова прибыл посол и сообщил, что Мухаммад Гази казнил Султан Махмуд-оглана в Моголистане.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта часть издана на узбекском языке А. Урунбаевым (см.: Урунбоев А. Абдураззоқ Самарқандийнинг Ҳиндистон сафарномаси. Тошкент, 1960).

[2] Гилан — северная провинция Ирана, расположенная на юго-западном берегу Каспийского моря и занимающая узкое пространство между горами и морем (Бартольд В. В. Иран//Соч. Т. VII. С. 215—225).

[3] О биографических сведениях Абд ар-Раззака и его труде см. подробнее: Урунбоев А. Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Форс-тожик тилидан таржима, кириш сўз ва изоҳли луғатлар, т. ф. к. А. Ўринбоевники. Тошкент, 1969. С. 12—29.

[4] В рукописехранилищах мира существует более 20 списков труда (см. там же, с. 35).

[5] Перевод выполнен с рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1825 с широким использованием его издания на узбекский язык (см. прим. 3). Отмеченные страницы нашего перевода соответствуют страницам узбекского перевода сочинения.

[6] Коран, 2/213.

[7] Учитывая, что события 1405-27 г. в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди заимствованы из «Зубдат ат-таварих-и Байсункури» Хафиз-и Абру, в узбекском переводе событий этих годов А. Урунбаевым использована фотокопия «Зубдат ат-таварих», хранящаяся в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета, и приведены разночтения с ней. В данной рукописи отсутствует пагинация, но пользоваться ею легко, поскольку события приведены в хронологическом порядке по годам (далее сокращенно: «Зубда»). Приведенные ниже разночтения заимствованы из примечаний к переводу А. Урунбаева. Итак, в «Зубда» указано, что у Шам'и Джахана было войско численностью 18 тысяч человек.

[8] В «Зубда» иначе: «моголов, сражающихся против [эмира Шахмалика]».

[9] В «Зубда»: «в качестве добычи они захватили 12 тысяч лошадей, из которых 6 тысяч погибли в пути, а остальные были доставлены Шахмалику».

[10] В «Зубда»: «это известие дошло до моголов тогда, когда они находились в местности Карасаман (современный Кара-аспан), относящийся к Отрару». Отрар расположен на левом берегу реки Арысь (см.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 539. Прим. 86).

[11] В «Зубда» добавление: «Шайх Нур ад-Дин, не надеясь на то, что сможет противостоять, вследствие того, что он закрепил узы дружбы с моголами— сосватал свою дочь за Шам'и Джахана и с пятьюстами всадниками прибыл в Саурбан, где и осуществил обряд венчания».

[12] В «Зубда» сказано и о том, что Мухаммад-хан возвратился в свой вилайет.

[13] Суть, по-видимому, сводится к следующему: чтобы восстановить прежнюю дружбу, эмир Шахмалик поставил свои условия, но, почувствовав, что Шайх Нур ад-Дин не принимает их, направился в Саурбан и снова поставил условия о перемирии. Перемирие не состоялось, Шайх Нур ад-Дин по указанию эмира Шахмалика был убит Хуркадаком.

[14] До этого Амирак Ахмад, укрепив крепость Андижана, ушел далеко в горы и, по-видимому, узнав об этом, эмир Рустам направился в Андижан (Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи сайдайн, текст, л. 262).

[15] В «Зубда»: «[эмир Рустам и остальные эмиры] обороняли город и крепость; [мирза Ахмаду] не удалось одолеть их, и он вернулся в Моголистан».

[16] См. события 817/1414—15 г.

[17] До казни, в этом же году эмир Мусака, Мухаммад Табан и 'Али каучин по назначению Улугбека управляли Андижаном.

[18] См.: события 818/1415—16 г.

[19] См.: события этого же года.

[20] См.: события 820/1417—18 г.

[21] В «Зубда»: «Хизр каучин с группой людей».

[22] В «Зубда» отмечена дата: в месяце джумада ал-ахир означенного года (6 июля—3 августа 1418 г.) и вместо «группы моголов» — могольским эмирам.

[23] В «Зубда»: «Группа людей, посланных в Моголистан, вернулась в начале шавваля (1 ноября 1518 г.). От падишаха Джете тоже прибыли послы и выразили согласие».

[24] В «Зубда» дополнение: 17 шавваля (17 ноября 1416 г.) перешли Джейхун.

[25] В «Зубда»: 12 раджаба (4 августа 1419 г.) из Кашгара прибыл нукер Сиддика и известил».

[26] В «Зубда» дополнение: возвращающийся из Китая в Хорасан.

[27] В «Зубда» 27 раджаба (19 августа 1419 г.).

[28] В «Зубда» указан день: 14 [ша'бана] (5 сентября 1419 г.).

[29] В ленинградских списках (рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С 443, С 446, С442): эмир Йадгаршах Фаттан.

[30] В «Зубда»: «дал разрешение на возвращение в свой вилайет».

[31] Бухарский арк (кремль) возвышается почти на 20 м над уровнем окружающей местности и занимает площадь около 4 га, в настоящее время там расположен областной музей.

[32] В «Зубда» указан день отправления Улугбека из Куфина 20 зу-л-ка'да (8 января 1419 г.), в «Матла'» же указан день прибытия в Самарканд.

[33] В «Зубда»: [823 год] 25 джумада ал-аввал (7 июля 1420 г.).
[34] В «Зубда»: 3 джумада ал-ахир (15 июня 1420) упомянутого года (823).
[35] В «Зубда»: 21 джумада ал-ахир (3 июля 1420 г.).
[36] В «Зубда»: «Садр Ислам во главе».
[37] В «Зубда»: 22 ша'бана (1 сентября 1420 г.).
[38] В «Зубда»: эти события освещены подробнее.
[39] В «Зубда»: Айдку йаргучи (آيد كويرغوچى)
[40] Во всех списках так, однако, об отправлении послов в Китай выше упоминалось среди событий 823/1420 г.
[41] В «Зубда»: «когда прибыли к караулу, жители крепости сказали им».
[42] В «Зубда»: «имена ваших людей».
[43] В «Зубда»: Каратегин и Бадахшан.

ЗАХИР АД-ДИН МУХАММАД БАБУР

БАБУР-НАМЕ

Бабур (6 мухаррама 888/14 февраля 1483—5 джумада II 937/26 декабря 1530), старший сын Тимурида Умар-Шейха-мирзы правителя Ферганы (865/1461—899/1494), поэт и ученый; автор известного сочинения «Бабур-наме» («Записки Бабура»), содержащего богатейший фактический материал по истории Средней Азии, Афганистана и Северной Индии конца XV — первой четверти XVI в. Труд полностью переведен на русский, английский, французский и турецкий языки[1]. Приводимый ниже фрагмент извлечен из издания М. А. Салье (Бабур-наме. Ташкент, 1958. С. 17) и сличен с узбекским оригиналом, изданным в Ташкенте в 1960 г. (С. 64).

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «БАБУР-НАМЕ»

Нравы и поведение Умар-Шейха-мирзы

...Справедливость его была на таком высоком уровне, что однажды, когда следующий из Китая караван из тысячи человек засыпало снегом у подошвы гор к востоку от Андижана, а спаслись только двое из них, узнав об этом, послал [туда] надсмотрщиков и сохранил в целости все товары каравана. Несмотря на то, что сам нуждался в них, а [рядом] не было наследников, сберег эти товары полностью, спустя год или два, когда нашлись наследники в Самарканде и Хорасане, вручил им эти товары в целости и сохранности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бабур-наме/Пер. Салье М. А.; Бабур-наме/Пер. Бевериджс; Бабур-наме/Пер. Пове де Куртеля; Бабур-наме/Пер. Хикмет Бояра.

МИРЗА МУХАММАД ХАЙДАР

ТАРИХ-И РАШИДИ

Сочинение относится к числу выдающихся исторических памятников XVI в. и является ценным первоисточником по истории народов Средней и Центральной Азии и сопредельных с ними

стран — Индии, Афганистана и др. «Тарих-и Рашиди», в частности, — уникальный источник по истории Моголистана, государства, существовавшего на протяжении двух веков (XIV—XVI вв.) на обширной территории, охватывающей часть нынешних советских республик — Казахстана и Киргизии, а также Восточного Туркестана.

Автор «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдар, дуглат, чаще называемый современниками Мирза Хайдаром, принадлежал к высшим слоям могольского общества — предки его были наследными правителями Кашгарии. Отец Мирзы Хайдара — Мухаммад Хусайн Гораган — с 900/1495 г. управлял областью Ура-тюбе от имени моголистанского хана Султан Махмуд-хана (892/1487—913/1508); несколько лет жил в Ташкенте, где в 905/1499—1500 г. родился автор «Тарих-и Рашиди» (мать Мирзы Хайдара была родной сестрой Султан Махмуд-хана). В 908/1503 г., после неудачного столкновения Султан Махмуд-хана с войсками Шейбани-хана (905/1500—916/1510) при Ахси, Мухаммад Хусайн был вынужден оставить Ура-тюбе. Сначала он отправился в Каратегин, затем жил в Кабуле, где в 912/1506—1507 г. оказался замешанным в заговоре против Бабура и был вынужден вернуться в Фергану. Был убит в 914/1508—1509 г. по приказу Шейбани-хана.

Малолетнему Мирзе Хайдару также грозила смерть, и с помощью близкого человека его отца он бежал из Бухары в Бадахшан, а затем в 915/1509 г. приехал в Кабул к своему двоюродному брату Бабуру. Через три года Мирза Хайдар ушел от Бабура к Султан Са'ид-хану (920/1514—939/1533) в Андижан, и с этого времени до конца жизни хана он не покидал его. При Султан Са'ид-хане Мирза Хайдар занимал высокое положение — был воспитателем его сына, престолонаследника 'Абд ар-Рашида и возглавлял многие военные экспедиции — в Бадахшан, Кафиристан, Ладак, Тибет, описанные в «Тарих-и Рашиди».

С приходом к власти 'Абд ар-Рашида (939/1533—978/1570), враждебно настроенного к дому дуглатов, Мирза Хайдар был вынужден покинуть страну. Сначала он скитался по Бадахшану, затем ушел в Лахор к сыну Бабура Камрану-мирзе. В 946/1539—1540 г. он присоединился в Агре к Хумайуну (937/1530—963/1556) и в 948/1541 г. при его помощи завоевал Кашмир, которым правил от имени Бабуридов. В 958/1551 г. Мирза Хайдар был убит во время стычки с горными племенами.

Мирза Хайдар был высокообразованным для своего времени человеком, обладал незаурядными, разносторонними способностями. Кроме исторического сочинения «Тарих-и Рашиди», до нас дошел его стихотворный трактат на тюрки по географии «Джахан-наме» и диван стихов.

«Тарих-и Рашиди» получил большое распространение на Востоке — списки его имеются сейчас во многих рукописехранилищах мира, и все последующие восточные авторы (Амин Ахмад

Рази, Махмуд ибн Вали, Шах Махмуд Чурас и др.) заимствовали из него исторические и географические сведения по Средней Азии, Восточному Туркестану и др. После выхода в свет в 1895 г. английского перевода «Тарих-и Рашиди», осуществленного Е. Д. Россом, сочинение получило широкую известность среди западноевропейских ориенталистов. Обращались к «Тарих-и Рашиди» и русские востоковеды (В. В. Бартольд, В. В. Вельяминов — Зернов и др.), обращаются и советские ученые.

«Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдар написал в Кашмире. Сочинение состоит из двух книг «дафтаров»: первый «дафтар» написан в 952/1546 г. и содержит систематическое изложение истории ханов (Чагатаидов) Моголистана и Кашгарии со времени Туглук-Тимура (год вступления на престол — 748/1347—1348) до Абд ар-Рашид-хана (начало правления — 939/1538 г.). Второй «дафтар», почти в четыре раза превышающий по объему первый, завершен в 948/1541—1542 г. и является мемуарами автора. Первый и второй «дафтары» «Тарих-и Рашиди» представляют собой неразрывное целое, так, история могольских ханов, современных автору, начиная с Йунус-хана (начало правления — 866/1462 г.) во втором «дафтаре» приводится с большими подробностями.

Полного перевода «Тарих-и Рашиди» на русском языке еще нет, опубликован лишь ряд извлечений.

Настоящее извлечение из «Тарих-и Рашиди» касается истории калмыков периода правления Увайс-хана (821/1418—824/1421 и 828/1424—1425 г.) (исполнитель Р. П. Джалилова) и описания Тибета (исполнитель Л. М. Епифанова). Переводы выполнены по рукописи сочинения, хранящейся в Институте востоковедения АН УзССР (инв. № 1430), с привлечением трех ленинградских списков «Тарих-и Рашиди» (один из Восточного отдела библиотеки ЛГУ, инв. № 272; два других — из Института народов Азии АН СССР, инв. № В648 и С394) и упомянутого английского перевода Росса.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ТАРИХ-И РАШИДИ»

(38б) Глава 32. О правлении Увайс-хана[1]

Так очередь на ханство дошла до Увайс-хана. Он был чрезвычайно ревностным мусульманином, отличался святостью; великодушием и доблестью он выделялся в том семействе. Поскольку хан удерживал джете[2] от набега на мусульман, а сам находился неподалеку от калмаков[3], то он постоянно воевал с теми неверными калмаками-татарами. Хотя он чаще терпел поражения, однако не отказывался от священной войны, хотя дважды попадал в плен к тем неверным. Первый раз он попал в плен, когда произошло сражение с главою калмаков Исаном-тайши в местности под названием Минг-лак[4]. Схватив хана, [калмаки]

повели его к Исану-тайши[5], который подумал: «Если он действительно из потомков Чингиз-хана, то не станет мне кланяться, а будет смотреть на меня, как на нукера». Когда привели хана, Исан-тайши был на коне; он спешился, отвесил низкий поклон и пошел вперед, чтобы удостоиться его внимания. Хан отвернулся от него и не подал руки. [Исан-тайши] проникся доверием к хану, оказал ему большие почести и отпустил. Когда хана спросили: «Почему Вы не поклонились ему?», — он ответил: «Если бы он подходил ко мне таким же образом, [как я к нему], то я непременно поклонился бы ему из-за страха за свою жизнь. Но он неожиданно подходил, низко кланяясь, по древнему обычаю неверных. Тогда я подумал, что настало время моей мученической смерти, а спокойно смотреть на кощунственное поведение неверного и кланяться ему не подобает мусульманину, поэтому я и не поклонился». Благодаря тому, что хан был предан исламу, он спасся от этой бездны.

(39а) В другой раз хан дал бой этому же Исану-тайши в Биш-кийа[6], находящимся на окраине Моголистана. Хан там тоже потерпел поражение. Ханского коня сразили стрелой, и хан оказался пешим. Его вот-вот могли схватить, но эмир Саййид Али[7] спешился, отдал ему своего коня, а сам упал вниз лицом [на землю], так что неверные подумали, что он мертв, и ринулись толпой к эмиру. Когда они приблизились, эмир вскочил и схватил одного из них, который оказался одним из знатных людей рода. Подняв его за латы, как ребенка и подставляя его, как щит, во все стороны, откуда летела стрела, эмир шел у стремени хана. Вот почему они не могли стрелять в эмира. Ведя таким образом бой и держа перед собой человека, облаченного в латы, он прошел один фарсах, пока они не достигли реки Илах[8]. Он бросил калмака в воду, схватил поводья [коня] хана и вошел в реку. Вода доходила эмиру до груди. Другие люди потонули в реке. Конь хана стал плыть, а эмир поддерживал голову коня хана. Таким образом он переправил хана через реку на коне и в латах. В тот день в реке потонуло множество людей...

...(39 б) В другой раз Султан Увайс дал бой Исану-тайши в окрестностях Турфана[9] и потерпел поражение. Хан попал в плен. Исан-тайши сказал: «В этот раз так просто я его не отпущу. В качестве выкупа он должен отдать мне свою сестру Махтум-ханим». Хан вынужден был отдать Махтум-ханим и получил свободу. Говорят, что хотя хан шестьдесят один раз выступал против калмаков, [только] однажды он одержал победу, а в остальных [случаях] терпел поражения.

(72 б) Глава 67. Упоминание о Султан Са'ид-хане, сыне Султан Ахмад-хана

...(76а) В конце 938 (июль — август 1532)[10] [Султан Са'ид] хан[11] отправился на священную войну в страну неверных в Тибет[12].

Меня он отправил [туда] раньше, и я взял некоторые крепости Тибета [и] овладел большинством тибетских вилайетов [к тому времени], когда хан прибыл следом за мной. Когда оба войска соединились, получилось пять тысяч человек. Во всем Тибете невозможно было провести зиму пятитысячному войску. Тогда [хан] счел правильным присоединить меня к Искандар-султану[13] и с четырьмя тысячами человек отправил в Кашмир, сам хан направился в Балти[14] — вилайет между Тибетом и Балуром[15].

Зимой хан занялся священной войной в Балти, а весной снова пришел в Тибет.

В ту зиму я находился в Кашмире, в конце зимы произошло сражение с кашмирскими правителями, и Аллах преславный и всевышний даровал [мне] победу. Все кашмирское войско и кашмирские правители были уничтожены, и завоевание Кашмира было уже [делом] решенным, однако из-за злобных людей, в обычае которых было портить дело, полное завоевание не удалось, и с правителями [Кашмира] был заключен мир. Дочь Мухаммад-шаха[16], который был государем Кашмира, обручили с Искандар-султаном, (76б) с именем [Са'ид] хана провозгласили хутбу[17] и стали чеканить монету. Сколько было возможно, собрали мал[18] Кашмира, и весной [после] той зимы я прибыл на службу к хану в Тибет. Удостоив меня разными милостями и царской благосклонностью, он возвратился, отправив меня в Урсанг[19], который является кыблой[20] Китая и Тибета, сам же направился в Кашгар.

Хан по приезде в Тибет очень ослабел от [начавшегося у него] удушья[21]. За время пребывания в Тибете он не поправился, однако во что бы то ни стало должен был пройти эту дорогу. Когда он достиг удушливых мест, там от этого самого удушья его чистая душа отлетела к вершинам святости в конце 939 (июнь — июль 1533) г.[22] Подробно это изложено во второй книге этой истории.

(276 б) Глава 88. Повествование о выступлении [Султан Са'ид]-хана в Тибет

Когда его святейшество Махмуд-и Нуран уехал в Индию, я приехал из Аксу[23], Рашид-султан[24] также приехал, как это уже упоминалось. Той же зимой Рашид-султан со всеми чадами и домочадцами уехал в Аксу. Весной того же года [Султан Са'ид]-хан решил отправиться на священную войну в Тибет. До этого эмиры не один раз ходили туда, одерживали победы и привозили добычу, однако ислам в Тибете из-за невежества тех эмиров не распространился. Неверных же в Тибете, кроме тех, которых покорили эмиры, было еще много. А в мыслях у хана постоянно жило намерение совершить священную войну ради Аллаха. Особенно в это время, когда он вступил на путь высокого тариката[25] ходжей, да освятит Аллах его душу, его высокие помыслы постоянно были направлены на то, чтобы наилучшим образом осу-

ществилось то, в чем виделось счастье. Он всегда готов был заняться этим по любому поводу, в том числе и священной войной, самого главного столпа из столпов ислама и ближайшего пути к сближению со всеведущим Господом. Поэтому в конце 938 (лето 1532) г. он отправился на священную войну в Тибет.

Поскольку нить повествования дошла до этого места, то следует описать местоположение и территорию Тибета, который расположен в таком месте, куда добраться могут немногие люди. Из-за трудности тибетской дороги, как из-за гор и перевалов, полных опасности и холода, так и из-за недостатка воды, фуража и дров, а также из-за беспутных, сумасбродных людей, которые разбой считают обычным делом, никто из путешественников не добрался туда и не мог узнать каково там положение. По этой причине в известных книгах: «Му'джам ал-булдан»[26], «Джам-и гитинамай»[27], «Мулхакат ас-Сурах»[28] и других Тибет не описан подобно другим областям и [их авторы] представляли его как один (277а) вилайет и коротко сообщали о нем, поэтому мы осмеливаемся описать владения Тибета; чего нет ни в одной книге.

Глава 89. Описание положения, гор и пещер Тибета; верований и [религиозных] толков [тибетцев]

Земля Тибета вытянута в длину. [Расстояние] от Рикан Баида, что означает «промежуток между севером и западом», в сторону Бакани, что означает «промежуток между югом и востоком», составляет восьмимесячный путь. Ширина его — не более одного месяца и не менее десяти дней [пути]. Граница его со стороны Рикан Баида подходит к Балуру, описание которого изложено [выше], а с стороны Бакани заканчивается на Хучжоу[29] и Саларе[30], относящимися к Канджанфу[31] Китая.

Как прежде упоминалось при описании гор Моголистана[32] и Кашгара[33], главная гора Моголистана, от которой ответвляются все другие, идет с северной стороны Кашгара на запад и тянется по югу Кашгара. Уже писалось также о том, что область Фергана находится к западу от Кашгара, и эта гора находится между ними, а то, что лежит между Кашгаром и Ферганой, называется Алаем.

К западу от Йаркенда[34] расположен Бадахшан[35], между ними также проходит эта самая гора, и то, что находится между Йаркендом и Бадахшаном, называют Памиром. Его ширина в некоторых местах составляет семи-восьмидневный путь. Когда [люди] пройдут те места, они достигают подножия гор Йаркенда, соединяющихся с Балуром, таких, как Раскам и Тагдумбаш. а когда и их пройдут, — дальше [начинается] земля Тибета. Бадахшан находится на западе летнего захода солнца от Йаркенда, как уже упоминалось, а Кашмир — на западе зимнего захода от Йаркенда, а между ними — та же гора. Между Йаркен-

дом и Кашмиром находится вилайет, относящийся к Тибету, который называют Балти. В Балти верхняя часть той горы шире Памира и составляет двадцатидневный путь.

Перевал, поднимающийся со стороны Йаркенда, — это Санджу, а перевал, спускающийся к Кашмиру, — Аскарду[36]. (277 б) От того перевала [Санджу] до этого [Аскарду] — двадцать дней пути.

Таким же образом на западе зимнего захода солнца от Хотана[37] расположены некоторые из индийских городов, такие, как Лахор[38], Султанпур[39], Баджвара, а упомянутая гора находится между ними. Между Хотаном и упомянутыми индийскими городами находится Урдук[40], Гуга и Аспати, принадлежащие Тибету, и надо думать, что эта гора доходит до Китая. На западе и юге этой горы находится Индия; Бхира[41], Лахор до Бенгалии — все они расположены у подножия этой горы. Все реки Индии берут начало от этой горы, истоки тех рек — все в стране Тибет. На севере и востоке Тибета находятся Йаркенд, Хотан, Джарджан, Лоб, Катак[42], Сариг уйгур[43], а дальше — пустыня, граница которой соединяется с Канджу и Сакджу[44] Китая.

Все воды, которые текут с гор Тибета на запад и юг, образуют реки Индии, как-то Нилаб[45], Бхира[46], Джинаб[47], Лахор, Султанпур, Баджвара[48], которые сливаются в реку Синд[49], Джун[50], Ганг и все другие реки проходят через Бенгалию и впадают в океан. Реки, текущие с гор Тибета в восточном и северном направлении, Йаркенд, Ак-каш, Кара-каш, Керия, Джарджан и другие, кроме них, — все текут в Кук Надир (Куку-нор?)[51]. Кук Надир — это озеро в пустыне, о котором уже упоминалось. Я слышал от некоторых моголов, которые видели то озеро, что его можно обойти кругом за три месяца. С другого конца его выходит большая река, она и есть Кара-Муран Китая. Из этого изложения ясно, что Тибет расположен в очень высоких местах, так как текущие по всем направлениям реки образуются из его вод. С какой бы стороны человек ни пожелал идти в Тибет, ему приходится подниматься по высоким перевалам, которые не имеют спусков. Когда он поднимется на вершину, поверхность там ровная, за исключением некоторых перевалов, где имеются небольшие склоны. По причине [высокого расположения] Тибет чрезвычайно холодный, так что во (278 а) многих местах его, кроме ячменя и репы, ничего другого не сеют. И ячмень у него в большинстве случаев такой, что созревает за сорок дней, а если не успеет созреть, его побьет холод, так что зерно бывает пустым. В большинстве мест трава держится зеленой [только] два месяца. В Тибете имеются некоторые места, где лето продолжается сорок дней, и те сорок дней таковы, что во второй половине ночи речки покрываются льдом. Во всем Тибете из-за чрезвычайной охлажденности воздуха ни деревья, ни даже травы не бывают высокими. Топливом [для тибетцев] служит навоз коров и яков.

Население Тибета делится на две части: одну [из них] на-

40

зывают «йулпа», то есть «житель деревни», другую — «джанпа», то есть «житель степи». Однако жители степи обязательно подчиняются одной из крепостей Тибета. Образ жизни у кочевников в Тибете удивительный, такой, какого нет ни у одного народа. Первое: мясо и любую другую пищу они едят совершенно сырой и никогда ее не варят. Второе: они дают лошадям вместо зерна мясо. Третье: тяжести и ноши они грузят на баранов, и баран поднимает, примерно, двенадцать шариатских манов[52] [груза]. Они шьют переметные сумы, привязывают к ним шлею, нагрудный ремень и кладут на барана, и до тех пор, пока не понадобится, они не снимают груз с них, так что зимой и летом он находится у барана на спине.

«Джанпа», что значит «степняки» зимой спускаются на запад и восток упомянутой горы, где расположена Индия, и привозят туда китайские товары, а также и тибетские (соль, выделанная кожа, цитварный корень, яки, золото и шали). Они торгуют с индусами горной части Индии. А из Индии они нагружают на баранов индийские товары: одежду, сладости, рис. пшеницу и весной отправляются в Тибет. Не спеша, постоянно пася [по пути баранов], к зиме они достигают Китая. Те тибетские товары, которые нужны Китаю, (278б) они приобретают весной, а зиму проводят в Китае. Индийские и тибетские товары они обменивают в Китае. Потом опять весной они привозят китайские товары в Тибет, на следующую зиму они приезжают в Индию, и груз, который они грузят на баранов в Китае, они снимают с них в Индии, а то, что грузят в Индии, снимают в Китае. И таким образом они бывают одну зиму в Индии, другую — в Китае.

Джанпа — многочисленный народ, так в одном его племени, которое называют дулпа, имеется свыше пятидесяти тысяч семей. И имеется много племен, подобных этому; у их уважаемых людей я спрашивал об их числе, но они не смогли назвать, Аллах знает, сколько их.

Что же касается жителей деревень, которых называют «йулпа», то они занимают такую область, как Балти — одна из областей Тибета; а Балти включает несколько районов, такие, как Пурик, Хапула, Ашигар, Аскарду и Ладакс, и каждый из них имеет крепости и деревни. Те из областей Тибета, которые я видел [на своем пути], большинство их я брал силой или же заключал с ними мир, заставив платить джизью[53], а некоторые из [районов] Балти я видел во время охоты: Марйул[54], Рудок, Гуга, Лу, Бурас, Зунка, Минкаб, Зир Суд Канкар, Нисан, Хам, Алалай-Лутак, Тук, Лабук и Аскабрак — последний пункт моего путешествия. От Аскабрака до Бенгалии двадцать четыре дня пути, и Урсанг находится на востоке от Аскабрака, а Бенгалия (279а) — на юге. Урсанг является киблой и каабой всего Китая и Тибета. В Урсанге находится громадный языческий храм и то, что я слышал о нем, не внушает доверия и по этой причине об этом не будет написано, возможно, в этом больше лжи. А вооб-

ще это место — обитель знания и город набожных людей Китая и Тибета.

Глава 90. Описание удивительных мест Тибета

Те области [Тибета], которые я видел, и его народ таковы, что сколько бы я ни хотел приступить к их описанию, ничего не получалось. Однако несколько удивительных вещей, которые я наблюдал сам или дошли до меня по слухам, будут описаны из-за необычности. Среди них — золотые рудники. В большинстве мест [обитания] джанпа имеются золотые рудники и среди них удивительны два: один моголы называют «Алтунчи Тибет»— «поставщик золота Тибета» — где работают некоторые части упомянутого племени дулпа. Из-за чрезвычайно холодного климата там нельзя работать более сорока дней в году. На ровной земле имеются скважины, и они таковы, что там может ходить человек. И таких скважин много; конец одних из них соединяется с концом других. Говорят, что триста семей постоянно пребывают в тех скважинах. Если случается некоторым моголам проезжать там, они видят издали людей, а когда приближаются, то все они прячутся в скважины, и никто их не находит.И внутри тех скважин масло не горит, кроме отборного бараньего сала, к которому не примешано нутряное. Из тех скважин они они выносят землю и промывают ее в воде, а за верность этого я не ручаюсь. Говорят, что из одного решета земли того рудника бывает, что выходит десять мискалей[55] золота. Один человек сам и землю копает, сам и выносит ее, сам промывает и за один день он просеивает двадцать решеток. Хотя это дело и сомнительно, [однако] я слышал это от большинства жителей Тибета, [говоривших об этом] единогласно и единодушно, поэтому я написал об этом.

И еще. [Область] Гуга имеет двести крепостей и деревень; (279б) протяженность ее составляет три дня пути, и в любом месте в Гуге имеется золото. В любом месте, если покопать и высыпать землю на подстилку, обнаружится золото. Самый маленький размер его бывает с чечевицу или с маш[56], а иногда оно встречается большой величины, с печень барана. В те времена, когда я обложил джизьей [жителей] Гуга, его старейшины рассказывали, что недавно один человек пахал и в одном месте его плуг за что-то зацепился, и сколько он ни старался, вытащить не смог. Он сбросил землю и видит — камень, а в середине его — золото, за которое зацепился плуг. Тот человек оставил все это на том же месте и сообщил правителю. Они отправились туда, вместе вытащили камень, разбили его, и извлекли из него полторы тысячи тибетских мискалей чистого золота, а каждый тибетский мискаль составляет полтора обычных мискаля. Бог так чисто создал золото Гуги, что когда его берут из земли, обрабатывают, обжигают и чистят, оно [почти] не уменьшается — только на то, что может взять с него огонь. Все это относится к ка-

тегории странных вещей. Это кажется удивительным знатокам золота, и в мире они не могут указать ни одного такого места.

В большинстве владений Тибета в равной степени встречаются товары и китайские, и индийские.

Другое из удивительных явлений Тибета — [болезнь] д а м г и р и — удушье, которую моголы называют ис. Это явление происходит во всех областях Тибета, однако там, где имеются крепости и деревни, его меньше. Состояние крайне неприятное для любого человека. Во всех положениях его дыхание настолько стеснено, а поясницу так жжет, как будто он с тяжелой ношей долго бежал на высокую гору. Из-за жжения в пояснице не удается легко заснуть, а когда сон овладевает [человеком], то до того, как его глаза сомкнутся крепким сном, он с тревогой просыпается из-за стесненности дыхания, жжения в пояснице и в груди. И такие явления наблюдаются всегда у всех людей. Когда эта болезнь одерживает верх, происходит потеря сознания, [больной] бредит, а иногда бывает, что у него нет сил сказать слово, его лицо, руки и (280а) ноги опухают. Часто, когда появляются эти изменения, [больной] умирает между рассветом и полуднем. Иногда бывает, что в таком состоянии проходит несколько дней, и, если за это время не придет его смертный час, и он достигнет крепости или деревни, то, возможно, он будет жить, а иначе без сомнения он умрет. Эта болезнь поражает не жителей Тибета, а жителям Тибета об этой болезни ничего не известно, и врачи их также не знают, почему это случается с нетибетцами, и никто не знает, как лечить эту болезнь. Чем холоднее погода, тем больше [случаев] этой болезни...

Эта болезнь не является специфической для человека, точно так же она поражает всякое живое существо, в том числе и лошадь, о чем вскоре будет написано. Совершая по необходимости набег, один день мы ехали быстро. Когда мы [утром] проснулись, [увидели], что в лагере мало лошадей. Когда мы расследовали, [оказалось], что в одну ночь погибло более тысячи лошадей. В моей конюшне находилось двадцать четыре отборных коня, которые шли порожняком, и в ту самую ночь двадцать один [из них] погиб. Болезнь «дамгири» больше всего поражает лошадей. Об этой болезни, кроме Тибета, я больше нигде не слышал.

Глава 91. Описание Тибета. Верования жителей Тибета

Духовенство [Тибета] называют общим именем «лама», однако каждого своего ученого в зависимости от знаний они называют различными именами, например, по-нашему «имам-и муджтахид», а они говорят «тункаба» и «киджува». Я много беседовал с ними через переводчика. Когда разговор доходил до тонкостей, переводчик оказывался бессильным понять и изложить их, поэтому беседа с ними оставалась незавершенной.

Я узнал об их верованиях следующее: они говорят, что из-

вечно существующий преславный и всевышний Бог в начале сотворения [мира], создавая души, каждую душу обучил отдельно, как приближаться к святости, какой путь приводит к раю и как спастись от ада, [и все это] он делал без языка и без посредника. И по требованию времен он спускал души несколько раз [на землю] и смешивал их с землей. И эти дающие рост силы (280б) и растения на земле существуют по этой причине. Когда душа из высшей обители спускается на низшую ступень, она теряет свою чистоту и разум и впадает в забвение. С течением времени из соков земли она переселяется в какое-нибудь из презренных тел, и это ее переселение, хотя совершается на низкой ступени, однако по той причине, что она смешивается с землей, происходит ее развитие и развитие в каждом теле идет, как положено, и в каждом теле она, как подобает, осуществляет действие, приводящее к развитию. Если то действие она доводит до завершения, то переселяется из того тела в другое, лучшее, а если [в своем действии] она допустила упущение, она переселяется в тело худшее. Если тело совершит что-то плохое, [душа] снова смешивается с землей и некоторое время остается там, [а затем] таким же образом будет переселяться из одного тела в другое и будет развиваться до тех пор, пока не войдет в человеческое тело. Когда душа переселится в человеческое тело, она входит в тело человека низкой ступени, — в какого-нибудь простолюдина и раба и таким же образом, совершенствуя все ступени человеческого рода, достигает степени тела ламы. Там душа развивает действия таким образом, что у нее появляются осведомленность и знание прошлого, и она узнает, что сделанное ею в каждом теле способствовало развитию и что явилось причиной падения. И эти осведомленность и знания являются степенью святости. Таким же образом, благодаря обилию упражнений, она достигает той степени, на которой она вспоминает его (Бога) извечное учение, и то, что она узнала от Бога всевышнего всесвятого без посредничества языка и слов. Эта степень называется пророчеством, когда душа все, что слышала от Бога преславного и всевышнего, сообщает людям. Вот таковы их вера и религиозная община. Все существующее не подвержено смерти, и жизнь его вечна. До тех пор пока не иссякнет его материальная сила, существует тело его, а когда материальная сила его иссякнет, тогда исчезнет его тело, и дух останется в чистом виде. Каждый, у кого духовная сила подобна этой, может увидеть его (то существо), однако глазом увидеть его невозможно, поскольку глаза материальны. И это есть основные догматы религии Шакья Муни[57]. И это есть религия всех китайцев, и в Китае говорят: «Шакья Муни», а в Тибете говорят: «Шака Ту Ба» и «Шакья Муни». Однако в исторических книгах написано «Шакья Муни». (281а) В некоторых историях Шакья Муни считают одним из пророков Индии, а по утверждению некоторых людей он был врачом. По верованию [тибетцев] человек попа-

дает в рай не по вере и религии, а по своим делам. Если какой-то мусульманин сделает доброе дело, он попадает в рай, а если сделает дурное — попадет в ад. И у неверного то же самое. Они считают пророка, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир, великим, однако не согласны с тем, что все люди обязательно должны исповедовать эту веру. Они говорят: «Ваша вера истинна, и наша вера также истинна, и к какой бы религии человек не принадлежал, он должен совершать добрые дела». Говорят, что Шакья Муни сказал: «После меня будет сто двадцать четыре тысячи пророков, последний из которых будет носить имя Джана Касапа; он останется сиротой без отца и матери, и его религия распространится по всему свету. Когда он будет ниспослан, признание его станет обязательным для всех людей и будет счастлив тот народ, который первым примет его веру. А я завещаю своему народу, чтобы он из поколения в поколение передавал это мое завещание от одного к другому до благословенного времени его появления». И он внешне описал этого пророка и дал его портрет, который все люди сохраняют, чтобы когда объявится пророк с таким обликом, поспешить раньше всех принять его веру.

В настоящее время главный идол, который [тибетцы] во всех языческих храмах помещают в передней части и наподобие которого создают все [другие] изображения,— образ Джана Касапы. Они приписывают ему качества, которые в большинстве своем имеются и у нашего пророка, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир! Я сказал им: «То, что Шакья Муни сказал [о Джана Касапе] — это наш пророк, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир». Они говорят: «Шакья Муни сказал: «Он объявится после ста двадцати четырех тысяч пророков после меня и больше другого пророка после него не будет. А из этих ста двадцати четырех тысяч пророков появилось малое число и большая часть [их] еще не объявилась».

Я настаивал на том, что они уже появились, однако (281б) они с этим не соглашаются и поэтому остаются в заблуждении.

И еще. В Зунка, которое является самым почитаемым местом в Тибете и где произрастает цитварный корень, я видел указ китайского императора, написанный китайским письмом. В одном его углу содержание передано тибетским письмом, а в другом—прекрасным насхом написан его перевод на персидский язык. Там сказано: «Его величество император шлет свою милость всему народу и говорит, что вот уже свыше трех тысяч лет, как Шакья Муни установил эту языческую религию». И там приведены такие загадочные слова, которые не всякому человеку удается понять, и они сохранились здесь на память [народу]. Еще там приведено распоряжение о ремонте храма. Короче говоря, там сказано, что Шакья Муни жил свыше трех тысяч лет тому назад. В этом указе записан год, другой, не тот что по хиджре, и который нам не известен. Но по состоянию износа указа явст-

вует, что тому указу, по-видимому, нет и ста лет, а Аллах знает лучше. Я был в Зунке в [месяце] раби‘ ал-аввал 940 (октябрь — ноябрь 1533) г.

И еще. [В Тибете] водится дикий як — крайне страшное и свирепое животное. Если он нападает на кого-нибудь — бьет ли рогами, лягнет ли ногами, затопчет ли — в любом случае гибель того неминуема. А если это не удается ему, он высоко подбрасывает человека языком таким образом, что тот летит в воздух на двадцать гязов, а когда падает оттуда, то живым не остается. Мясо одного яка составляет груз для двенадцати лошадей, и один человек ни за что не сможет поднять даже лопаточную часть [туши]. Как-то во время моего казачества[58] мы убили одного яка и разделили его на семьдесят человек. Каждому досталось такое количество мяса, что его хватило на четыре дня. Это животное не водится в других местах, кроме Тибета. Об остальных особенностях Тибета вскоре будет сказано в рассказе о тибетском походе.

Глава 92. Отправление хана на священную войну в Тибет

(282а) Итог этого предисловия таков: после того, как хан раскаялся, он постоянно выжидал, как бы лично самому выступить на священную войну. И хотя он ежегодно отправлял войско на священную войну, жажда совершения этого доброго дела не утолялась. [Наконец] в месяце зу-л-хидджа 938 / (июль 1532) г. он пошел со священной войной в Тибет... [Хан] назначил меня в ту страну вместе с Искандар-султаном, а сам отправился по хотанской дороге в Алтунчи Тибет, известный как Дулпа.

Глава 93. Прибытие автора книги в Тибет и о том, что произошло в те дни

В конце месяца зу-л-хидджа упомянутого 938 / 2 августа 1532 г. я отправился в путь и в начале сафара 939 / 2 сентября 1532 г. достиг Нубры, которая является зависимым от Тибета вилайетом. Я отправил по этой окраине одного человека со всеобщим призывом [подчиниться].

Стих:

Всеобщий призыв (282 б) присущ вере Мухаммада
Счастлив тот, кто примет ее и обретет благо

Большинство ответило повиновением, кроме предводителей Нубры, которые проявили упорство и неповиновение; каждый укрепился в своей крепости. Главным среди предводителей [Нубры] был некий Бур Капа — он укрепился в крепости Хундар, главной крепости того вилайета, и я осадил ту крепость. Несколько дней я готовил осадные орудия для взятия крепости —

баллисты, щиты и тому подобное, и когда наступил назначенный день, направился к крепости. Пятерня ислама скрутила руки неверных и в делах их наступил беспорядок [согласно стиху Корана]: И скажи: «Пришла истина, и исчезла ложь»[59]. Неверные оставили крепость, разбежались каждый по себе и исчезли. Мусульмане сколько было возможно преследовали каждого из них, и никто не спасся из этого заблудшего племени. Бур Капу убили со всеми его воинами, а из презренных голов воздвигли высокий минарет так, что от этой расправы дым из мозга неверных тех мест поднялся до неба. Больше ни у кого не осталось сил сопротивляться. Вилайет Нубра был целиком взят, в его крепости были введены [наши] войска, и завоевание завершилось подобающим образом.

Оттуда мы прибыли в вилайет Марйул. Здесь было два правителя — Лата Джугдан и Ташикун. Оба они поспешили подчиниться. В то время наступил [период] Созвездия Весов [мизан]. В мизане 938 (сентябрь — октябрь 1532) г. по всему Тибету холод достигает такой силы, что это время года в других местах в сравнении с этим — самые жаркие дни лета. С бывшими при мне эмирами посовещался относительно зимовки, а именно: какая область Тибета может быть пригодна для зимовки, и где такое место, где зимой нашлись бы ячмень и сено для верховых животных и съестные припасы. Они не смогли указать в тех местах ни одного такого места. Мнения сошлись на том, чтобы зиму провести в Кашмире. Если удастся завоевать Кашмир — это желанно, а если не удастся, то провести там зиму, а весной уйти.

Когда было решено это дело, мы выступили из Марйула и из тех мест, присоединив к себе войско Тибета для увеличения числа воинов. (283а) Между тем прибыл ʿАбд ал-кули йасавул, один из доверенных слуг хана, и привез известие о том, что хан также прибыл сюда, но по дороге благородное здоровье его пострадало от удушья, что типично для той страны неверных, и он хочет, чтобы ты как можно скорее встретился с ним. Я тотчас же бросил войско, и отправился к хану.

Глава 94. Упоминание о прибытии хана вслед за автором книги в Тибет, вступление хана в Балти и уход автора книги в Кашмир

Ранее говорилось, что хан решил отправиться по хотанской дороге в Дулпу, а меня отправил в Балти. В то время величайшее светило и владыка четвертого неба находилось в знаке Льва[60], и хан месяц пути проходил по некоторым летовьям и по горным пастбищам Хотана, пока не наступил конец сезона Созвездия Девы[61]. Люди, неоднократно посещавшие те места, доложили хану о том, что время упущено, потому что после этого все воды и речки полностью замерзнут так, что нельзя будет найти воды. Не будет также и достаточного количества топлива,

чтобы натопить воды и напоить вьючных животных и скот, и нужно приложить много старания, чтобы найти навоз степных яков в таком количестве, которого хватило бы, чтобы сварить на нем еду. По этой причине до этого несколько войск остались без лошадей на этих дорогах. Когда это обстоятельство стало известно хану, он сказал: «Отказ от намерения [совершить] священную войну явится причиной больших лишений в [деле] воздаяния за доброе дело. Если осуществить ее [здесь] затруднительно, то целесообразно отправиться нам следом за Мирза Хайдаром, и вместе с ним мы осуществим дело газавата». Он вернулся из Хотана и отправился по той же самой дороге, по которой прибыл и я. В дороге благословенное здоровье хана из-за удушья расстроилось до такой степени, что днями он находился без сознания, и жизнь его держалась на последнем вздохе. Лекари применяли смягчающие и слабительные средства, и каждый раз, когда его естество смягчалось, он приходил в себя, а [затем] снова терял сознание. И в то время (283б) он сказал эмирам и столпам государства: «Хотя у меня не хватило сил для совершения священной войны, но пусть не уменьшится моя решимость в этом. Когда я окончательно удалюсь из общества живых и присоединюсь к умершим, дай Бог, чтобы я считался умершим на этом пути. И до тех пор, пока у меня будет последнее дыхание, вы, не отказываясь от этого решения, несите меня на неприятельскую сторону, а когда от моей жизни ничего не останется, то поступайте, как хотите». В это же время он спрашивал обо мне и выразил горечь и печаль: «Сейчас у меня нет другой мечты, кроме той, что я прошу у всевышнего Бога, чтобы он до моей встречи с ним держал бы мою душу на привязи». В расстроенном состоянии он прочел стихи, которые отражали это состояние...

И сколько бы раз он ни приходил в сознание в те дни, он непременно повторял эту мысль. И удивительное дело, несмотря на тяжесть его состояния, нельзя было остановиться ни в одном месте. Если задержаться, предположим, из-за больших холодов или из-за недостатка воды и фуража, то эта задержка стала бы причиной усиления той болезни. Лечение ее в том, чтобы любым способом добраться до места, где бы удушья было меньше. Там, где меньше встречается удушья, там и эта болезнь реже.

Как бы то ни было хана довезли до места, где мало случаев удушья. Хан пришел в себя, тут и я приехал. После рукопожатий и объятий он растрогался и сказал: «Ни друзей, ни детей, никого другого, кроме тебя, я не вспоминал и слава Аллаху, что я тебя увидел. Никакой привязанности сейчас у меня не осталось»...

И с того времени с каждым часом он приближался к здоровью и естественной силе и, когда он доехал до крепости Нубра, благородная его натура полностью исцелилась, так что он поставил ногу благополучия на стремя счастья и верхом на коне въехал в Нубру.

После этого все эмиры [собрались] и стали совещаться. Каждый докладывал хану то решение, которое считал правильным. Я сказал следующее: «Как показало расследование, в этих пределах нет места, где могли бы провести зиму свыше тысячи человек, а у тысячи человек нет возможности противостоять мятежам. Для пребывания большого войска другого места, кроме Кашмира, никто не указал, но так как по дороге в Кашмир много горных перевалов, то у благородной натуры не хватит сил. Если будет на то высочайшее повеление, пусть он благополучно и счастливо в сопровождении тысячи человек направит поводья счастья в сторону Балти, так как здесь совсем нет [болезни] удушья и горных перевалов. А мне пусть он прикажет с остальным войском [отправиться] в Кашмир, чтобы провести там зиму, а в начале весны я выполню то, что будет сообразно времени». Хан из всех [предложений] одобрил это мнение и принял это решение. В начале отправления было известно, что в Тибете нет места для большого войска и было определено пять тысяч человек, из которых три тысячи должны находиться при хане и две тысячи при мне. Из тех трех тысяч человек хан взял с собой тысячу человек и направился в Балти, а четыре тысячи человек присоединил ко мне, и мы направились в Кашмир. Он отправил со мной также Мир Даима'Али, имя которого упоминалось во время кашгарского похода, и еще Баба Сарик-мирзу и несколько других своих уважаемых людей.

Глава 95. Упоминание о том, что произошло с ханом в Балти

Хан в конце мизана (938 — сентябрь — октябрь 1532 г.) прибыл в Балти. Из глав Балти Бахрам Джу, надев кольцо покорности на шею повиновения, со счастьем поспешил к целованию трона в царской резиденции. Все другие главы Балти вступили на путь неповиновения, что было свойственно неверным и врагам. Сначала с помощью Бахрам Джу [хан] первым же натиском овладел крепостью Шигар, столицей всего Балти, и мужчины крепости стали травой для кровавого меча счастливого войска, а их женщины и дети вместе с имуществом стали добычей победоносных воинов.

И еще. Везде, куда в тех горных владениях дотягивалась рука, не было упущено случая возможности [захвата], а там, где крепости были сильно укреплены, так что рука беды не могла дотянуться до них, они остались [нетронутыми].

Из-за обилия снега в ту зиму с Кашмиром не было никакой связи, а непокорные неверные из-за своего интереса и злого умысла передавали ложные сведения. По этой причине хан и даже все войско, находившееся при нем, пребывали в печали и унынии до тех пор, пока в конце зимы из Кашмира не был пос-

лан гонец и не принес известия о победе, и вся печаль и уныние сменились радостью и весельем...

Хан в начале весны вернулся из Балти и отдал Амир Канбар кукельташу, имя которого упомянуто и записано в походе на Кашгар, крепость и всю ту область, завоевание которой начал и завершил я и которую передал хану. Тот же из-за недомыслия и слабости в управлении разорил тот вилайет так, что весь он восстал, и каждый укрепился в своем месте, а оставшееся там малое количество людей они истребили и ни одной минуты не проводили без разбоя и злодеяния. По этой причине оставаться в Нубре было нецелесообразно, (л. 284а) и [хан] поехал в Марйул. Ташакун допустил нерадивость в услужении [хану] и по этой причине у него отобрали крепость, а самого казнили. И они находились там, когда я приехал к ним из Кашмира, о чем вскоре будет рассказано.

(л. 302б) (Глава 108). Поход автора книги в Урсанг. Убиение моего брата ʿАбдаллаха-мирзы и о том, что произошло в том походе

Когда хан направился в столицу Йаркенд, он отпустил меня, и я первые десять дней зу-л-хидджи 939 (с 24 июня по 4 июля 1533) г., проведя праздник жертвоприношения в Марйуле, выступил на разрушение языческого храма Урсанга. Мы преодолели двадцатидневный путь и не было поблизости ни одного неверного тибетца. Были только некоторые крепости, [а тибетцы], полностью полагаясь на их укрепленность и прочность, сидели там. Взять эти крепости удалось бы с трудом, а результаты от этого не оправдали бы тех трудностей.

Оставив Искандар-султана, моего брата Абдаллах-мирзу и сына моего дяди Махмуд-мирзу с тяжелыми грузами и с ослабленными мулами, я вместе с храбрыми людьми и с сильными лошадьми быстро продвигался. В первый день сафара в местности под названием Барйанг мы обнаружили большой отряд из людей джампа Тибета и устроили на них набег, в результате чего триста тысяч овец стали достоянием победоносного войска и в наши руки попало [много] пленных, лошадей и имущества. По нашему желанию и по разным надобностям мы остановились на подходящем пастбище, чтобы подкрепить лошадей, и чтобы Искандар-султан, Абдаллах-мирза и сын моего дяди Махмуд-мирза догнали нас. Однако, когда я ушел от той группы, они, не спеша, последовали [за мной] и в первый день мухаррама 940 (23 июля 1533) г. направились к одной из упомянутых крепостей под названием Кардун. Положение тех презренных [внутри крепости] оказалось очень затруднительным и, обратившись за помощью к одному из раев[62] Индии, они привели три тысячи пеших индийцев, вооруженных кинжалами...

Искандар-султан и мои братья выступили с двумя сотнями человек и шли так быстро, (л. 303а) что из этих двухсот за ними поспевали немногие. Мой брат Абдаллах-мирза был отважным юношей и до этого он совершил подвиг, неся службу в Балти при хане, заслужил награду, и все воины хана это признавали. Опьяненный [успехом], он возгордился. Не дожидаясь войска и остальных людей, он прибыл с тремя людьми и необдуманно, бесстрашно устремился в центр трех тысяч [индийцев]; его окружили. В это время подоспел сын моего дяди Махмуд-мирза с четырьмя воинами и застал брата в таком положении. Он также смело бросился [на врагов] и спас брата от гибели. Абдаллах-мирза снова напал [на врагов], его опять окружили, и Махмуд-мирза еще раз бросился на них, чтобы спасти его, и его также окружили. В это время подоспели пять уважаемых бахадуров[63], они увидели двух братьев в таком положении и бросились [на врагов]. Однако к этому времени рукою насилия они уже разрубили ʿАбдаллаха [-мирзу] на куски таким образом, что каждый кусок его доспехов и одежды оказался в руках какого-нибудь неверного...

Я пробыл на том пастбище несколько дней, так что люди и лошади отдохнули. Затем я отправил назад всю добычу, которая попала в руки и, выделив девятьсот человек отборных воинов, направился в Урсанг. От Марйула Тибета до того места было два месяца пути. Когда мы отошли от тех мест на расстояние месячного пути, то достигли места, где расположено озеро, окружность которого составляет сорок фарсахов. На его берегу имеется крепость, которую называют Нук-у Лабук, и там мы провели ночь. Когда наступило утро, все лошади оказались мертвыми, и только немногие из них были чуть живыми — метались и корчились. Так у меня было двадцать семь лошадей и из этого числа (л. 303б) наутро в хорошем состоянии осталась только одна лошадь; две другие были полуживыми, а остальные двадцать четыре лошади были мертвы. Причина этого — [болезнь] удушье, уже описанная выше. Когда утром мы выступили оттуда, на конях была только пятая часть войска, все остальные шли пешком. На второй день мы совершили нападение на вилайет под названием Ним. Люди тех мест говорили, что отсюда до Бенгалии двадцать четыре дня пути. В наши руки попало много рабов. В этом войске [только] у девяноста человек были лошади, способные двигаться. С этими девятью десятками людей мы прошли четырехдневный путь и напали на местечко под названием Аскабрак. Около ста тысяч овец, двадцать тысяч яков и соответственно этому рабов и лошадей попало в наши руки. От Аскабрака до Урсанга оставалось восемь дней пути, но из-за того, что лошади в войске совершенно выбились из сил, нам поневоле пришлось вернуться. Через шесть дней, присоединившись снова в Ниме к войску, мы стали возвращаться. Это дело произошло 6 рабиʿ ал-авваля. В последний день джумада I в Тамлике,

находящемся в двадцати днях пути от Марйула, мы догнали людей, с которыми ранее отправили добычу и трофеи. В Тамлик пришли люди из Гуга и заявили, что это самый главный вилайет Тибета и что все они согласны уплатить джизью. Они пригласили меня приехать к ним, чтобы определить джизью соответственно возможностям и доходам [того владения]. Ввиду этого я отправился и за одну ночь доехал из Тамлика до Гуга. Они оказали мне достойный прием и [проявили] настоящее гостеприимство. Я оставался там три дня. Определив для того места джизью в три тысячи тибетских мискалей, каждый мискаль которого составляет полтора шариатских мискаля, я возвратился назад. По дороге я получил известие о разорении моего войска, что вскоре будет описано.

(Глава 109). Упоминание о прискорбных событиях, которые произошли в Тибете, и смерть сына моего дяди Махмуда-мирзы

(л. 304а) Как только Рашид-султан покончил с убийством, разорением и оскорблением моего дяди, его родственников и [других] знатных людей, он отправил человека в Тибет, снабдив его несколькими указами. Один был адресован его брату Искандар-султану и содержал следующее: «Мы даруем тебе вилайет Тибет, Мирза Хайдар и Махмуд-мирза пусть также будут там». А к каждой группе войска он послал другие указы следующего содержания: «Скарб и домочадцы каждого, кто останется в Тибете, (л. 304б) будут проданы [здесь] киргизам за лошадей. Как только будет получен этот приказ, вам следует разойтись и отправиться в Йаркенд».

В то время, когда прибыл этот злосчастный приказ, я находился в Гуге, как уже писалось об этом. Как только воинам стало известно об этих событиях, и они узнали о содержании письма, то посчитав время благоприятным для ухода, все разом поспешно направились в Йаркенд. Искандар-султан и сын моего дяди Махмуд-мирза бежали [от них] с небольшим количеством людей и остались [там]. Через два дня я прибыл в то место, откуда ушли люди. Искандар-султан и сын моего дяди Махмуд-мирза заявили, что лучше эту ночь провести здесь, так как некоторые из бежавших людей ушли поневоле и, возможно, при удобном случае отстанут и присоединятся к нам. Со мной было более ста человек, все богатыри и предводители воинства, отцы и деды которых служили [нашему семейству] и мне они [тоже] достались по наследству. В сражениях и в битвах они много раз выделялись и отличались среди равных, удостаивались даров и наград, пользовались милостями и каждому был присвоен титул эмира, некоторые из них были моими молочными братьями — кукельташами, и мне трудно было поверить в их неповиновение. Когда войско звезд ночи обратилось в бегство, и искусный наездник неба один воссел на пегом коне неба, я узнал, что подобно

войску звезд, которое неустойчиво и исчезает днем, все доверенные люди ночью покинули меня.

Когда сияние солнца осветило поверхность земли, темную, как напасти судьбы, прибыли Джан Ахмад-атака, о котором уже упоминалось до этого и который приходился мне молочным братом, и еще один человек из кукельташей[64] — Шах Мухаммад, из числа уважаемых людей той группы. Они привели с собой пять шагирдпише[65] и, в общем, страх перед одиночеством рассеялся. Через некоторое время прибыли Искандар-султан и сын моего дяди Махмуд и со всех сторон собралось около пятидесяти человек. Оттуда мы направились в Марйул. Было начало сезона Козерога[66], начало (л. 305а) зимы и стояла большая стужа [такая] —

Бейт:

Когда от холода [месяца] Дея[67]
Утка пришла искать убежище у шашлычника.

Стояли такие холода, что если бы их описать, то [люди] посчитали бы это преувеличением. Короче говоря, из числа этих пятидесяти человек более сорока отморозили себе руки, ноги, уши и носы. С такими мучениями и трудностями за двадцать пять дней мы достигли Марйула. Главы Марйула Ташикун и Лата Джугдан, имена которых упоминались ранее в нескольких местах, поспешили оказать нам услуги. Так как [прежде] мы проявили жестокость к ним, [допустили] грабежи и убийства, то я опасался их, а они, наоборот, проявили усердие в оказании услуг и просили извинения. [Они сказали]: «Вот уже четыреста лет, как из поколения в поколение мы — подданные, а вы — государи; мы — рабы, а вы — владетели рабов. Если в период вашего могущества и обилия великолепия из-за страха мы допустили какую-нибудь провинность, то встретить ее поучением — обычай господ. И если каждый из глав Тибета в то время повиновался и служил вам, то это было из-за страха, а сейчас [наша] служба вам основывается на нашей верности и искренности; да будет вам известно, кто в действительности, верен [вам], и чьи заверения в покорности — от сердца, а не от языка... Они вручили нам крепость Шайа, являющуюся центром Марйула. Мы вошли в Шайа и, в конце концов, получили возможность отдохнуть. Там к нам присоединилось несколько отставших от войска человек. Среди них был Маулана Дарвиш Мухаммад Карабаш. Он был одним из слуг (мулазим) Махдума ходжа Мухаммад Йусуфа, упоминание о котором было сделано ранее. Этот Маулана Дарвиш Мухаммад был благочестивым и убежденным мусульманином. Он хорошо владел тибетским языком, находился в большой дружбе со всеми тибетскими предводителями-джуями и наши дела с ними разрешал наилучшим образом. Из Кашмира прибыл некий Хаджи, который впоследствии (л. 305б) будет упо-

мянут в разных местах, и посчитал для себя обязательным служить мне. Вместе с ними собралось более шестидесяти человек.

Распавшееся войско уже ушло, однако по дороге из-за изменения погоды на их долю выпали такие трудности, что идти для большинства из них оказалось невозможным. Те, которые прилагали усилие, чтобы уйти, потеряли все свое имущество; около ста пятидесяти человек погибло от стужи, а оставшиеся, полуживые отправились в Йаркенд. Другая группа вернулась с дороги назад и в жалком состоянии прибыла в Марйул. Снова собралось пятьсот человек, и нам досталось десять тысяч овец. Наступило полное благополучие.

Перед тем, как прибыть в Марйул, я отправил к Рашид-султану в Йаркенд Джан Ахмада-атака и Шах Мухаммада кукельташа с некоторыми подарками, добытыми в этой кампании. Я послал также несколько фраз, напоминающих о прежних [наших] обетах и несколько вещей, которыми мы обменялись в знак [дружбы]: синюю арабскую шубу и стальную секиру, которые дал мне Рашид-султан.

Стихи:

Пусть это будет тебе напоминанием, ибо о нас ты не вспомнил никогда,

Сердце мое безрадостное ты не обрадовал никогда,
Как только ты стал шахом над нами,
Не поступил ты с нами по справедливости никогда.
Что было, то прошло.

Бейт:

Мы знаем, что неверность — обычай возлюбленной,
Мы хорошо знаем, что нет верности у красавиц.

Когда кончилась эта зима, Рашид-султан послал Бидакана, сына Джан Ахмада-атака, моего молочного брата, в сопровождении Хасана дивана, чтобы передать свои извинения и раскаяние: «Все, что случилось, произошло по глупости и стало причиной стыда в мире земном и будущем. Теперь для удовлетворения того дорогого друга я приношу извинения и отправляю маулана Кудаша с двумя сотнями человек. Все, кто из [тамошних] слуг пришли сюда, возвратятся обратно, никто им не будет препятствовать». Он послал мне лошадь и несколько подарков. Из-за этих известий я стал рассчитывать на его покровительство и большинство тибетцев приняли это с покорностью.

В это время прибыл маулана Кудаш и с ним несколько моих видных слуг. Опираясь на эту группу, мы направились в Балти, который примыкает к границам Кашмира. (л. 306а) Весь Балти наилучшим образом уплатил причитающийся с него мал.

Суру — одно из мест Балти, надежная опора и образец неприступности для тех владений. Маулана Кудаш попросил у меня разрешения собрать мал с того места. Я не согласился, ибо

знал, что те неверные совершенно не желают, чтобы кто-нибудь видел их место [обитания] и ущелье. Они попросили извинения, говоря, что все, что положено из мала, мы полностью доставили в то место, где вы находитесь, и нет надобности приходить сюда. Однако, если охотник судьбы и предопределения положит в силок кончины зерно бренности, то ни одна догадливая птица не избежит того силка.

Бейт:

То, что тебе выделено судьбой, большего не дадут.
Если ты откажешься взять, то насильно вручат тебе.

Докучая своими просьбами, [маулана Кудаш] получил в конце концов мое разрешение и уехал. Люди Суру в узком ущелье подвергли его сотням унижений и без боя убили его вместе с двадцатью четырьмя уважаемыми людьми. Хотя наше войско составляло около семисот человек, однако из-за отсутствия возможности и недостатка снаряжения нам не удалось отомстить [за него].

Стих:

Ты посмотри на результат своего дела,
Чтобы ни с какой стороны не было для тебя опасности,
Если нет сил для отмщения,
Не сворачивайся, подобно змее [для нападения].

Zaskar

Со ртом, подобным зубам змеи, полным яда и с сердцем, подобным желчному пузырю змеи, полным гнева, мы ушли из Балти в сторону Тибета в вилайет под названием Зангискар. Когда мы туда прибыли, посевы там еще не поднялись высоко, и время для сбора урожая еще не наступило. До того, как урожай поспел, и тот урожай был сообща собран, в то время прибыл человек от главы Балти по имени Танги Сакаб, в прошлом оказывавший нам подобающие услуги, с сообщением, что настало время устроить нападение на убийц Кудаша, то есть на людей Суру, увести в рабство их семьи, а мужчин подвергнуть истреблению. Мы тотчас же отправили в Марйул некоторых ослабевших людей, а с сильными выступили в путь. Так как на расстоянии одного дня дорога была опасна, я послал сына моего дяди Махмуда-мирзу, чтоб он провел людей [идущих в Марйул] через то опасное место. Ночью он остановился там и так как место было опасное, (л. 306б) держал свою лошадь недалеко от себя. Во время его сна пасущаяся лошадь приблизилась к его голове. Он прикрикнул на лошадь, чтобы она отошла подальше, а лошадь лягнула его в лоб, так что кость размером с лошадиное копыто вдавилась вовнутрь. На следующий день он прибыл ко мне, я увидал его рану и способом могольских костоправов, держа его сломанную кость, занялся лечением. Об этом я сообщил Танги

Сакабу, который прислал ответ: «Поскольку для вашего прихода [сюда] возникли препятствия, то если вы отправите [к нам] несколько человек, мы возьмем Суру, а пятую часть доставшейся добычи мы отошлем вам, и это тоже явится достойной услугой».

Между Зангискаром, который был местом моего пребывания, и Сутом, где жил Танги Сакаб, было пять дней пути. Я отправил туда семьдесят человек во главе с маулана Дарвиш Мухаммадом Каратаги, который был в большой дружбе с главами Тибета и с Нур Али диваном, который был одним из способнейших учеников. Оба возвратились с пути. Прошло два месяца в обмене посланиями, прежде чем было принято решение.

Рана Махмуда[-мирзы] ухудшалась. Из-за холода ему было трудно осваиваться в Зангискаре, и я был вынужден отправить его в Марйул, а сам задержался в Зангискаре с расчетом на то, что когда Махмуд [-мирза] достигнет Майула, я отправлюсь в Суру и, может быть, найду там средства к существованию. Когда Махмуд [-мирза] добрался до того места, где его голову лягнула лошадь, он остановился там на ночь, а утром, перед тем как сесть на лошадь, он открыл свою голову, чтобы наложить пластырь. Холодный воздух охватил его раненный мозг, у него закружилась голова, и он потерял сознание. К полуденной молитве ко мне прибыл человек и сообщил об этом. Я быстро отправился к нему и прибыл в полночь, — он лежал без сознания. На следующий день он пришел в себя, сознание полностью прояснилось, и на следующий день он был в сознании, а на третий день стал бредить. На вторую ночь [после этого], отказавшись от общества живых, он отправился по дороге небытия для беседы с умершими. Рашид-султан, который был для меня как зрачок глаза, мечом насилия, подобного ресницам красавиц-угнетательниц, казня моего дядю и его детей, (л. 307а) ранил мою душу и сердце, и язвы этого еще не зажили [как произошла смерть Махмуда]. Я не знаю, изменчивая судьба учила его жестокости или сама училась у него?...

(л. 307б) В это время прибыл человек из того отряда, который я послал в Суру, известивший о том, что Нур'Али дивана, договорившись со своими спутниками, схватил маулана [Дарвиш Мухаммада] Каратаги и отправился с ним к Багану. Баган был джоем одной из областей Тибета, а маулана Дарвиш Мухаммад Каратаг в каком-то месте коварно нанес ему раны, так что тот был близок к смерти. И эти злодеи преподнесли того мусульманина в качестве подарка тому неверному, а [сами], получив от него разрешение, отправились в Йаркенд. Неверный острием палки прошил рот упомянутого маулана и убил его. В связи с этим затея с Суру была оставлена.

Я привез тело Махмуда [-мирзы] в Марйул, а оттуда отправил в усыпальницу его предков в Кашгар. Эти дела произошли в начале сезона Скорпиона[68]; когда мы ушли в Марйул, было начало холодов в Тибете. Та зима, вплоть до весны, прошла в таких

трудностях, что если их описывать, то заподозрят преувеличение.

Весной мы, семьдесят человек, из-за лошадей отправились в горную долину Утлук, которая по всему Тибету славилась прекрасной травой. Мы проводили там время в охоте на диких ослов и степных яков, [а затем] вернулись. Я оставлял Искандар-султана с группой людей в Марйуле. Когда все собрались в одном месте, и лошади подкормились и стали сильнее, люди, не устояв перед трудностями и опасностями, все разом разбрелись и ушли в Йаркенд. Из тех людей осталось пятьдесят человек — все остальные разбежались. В это время из Йаркенда прибыл Джан Ахмад-атака, которого я два года тому назад, во время своего возвращения из похода в Урсанг, отправил к Рашид-султану, как уже было упомянуто, и он привез приказ о том, чтобы мы покинули Тибет. Причиной моей задержки здесь было следующее: если бы я подался куда-нибудь по собственной воле, то [всю] ответственность за нарушение обязательств возложили бы на меня, хотя сам он нарушил договор и обещание, подкрепленные верой и клятвенными заверениями, внешне выказывая верность им. Теперь он, превращая все это в забытый прах, (л. 308а) прислал приказ о бегстве.

Стихи:

О государь, в то время, когда я уходил от тебя,
Ответственность за клятву я возложил на тебя и ушел.
Когда ты нарушил клятву и договоры,
Ответственность за все я возложил на тебя и ушел.

Как только прибыл Джан Ахмад-атака, я направился в Бадахшан.

(Глава 110). Упоминание об отправлении автора книги из Тибета в Бадахшан

Раньше упоминалось, что из тех семисот человек осталось пятьдесят, остальные же, как только могли, бежали в Йаркенд. Упоминалось также, что трудность тибетских дорог из-за недостатка фуража и дров, сильные холода и тяжесть пути своими крайностями были таковы, что здравый рассудок отказывался в это верить. Вместе с тем отсутствие возможности [достать] пищу, одежду, особенно подковы для лошадей, которые совершенно необходимы на тех дорогах, малое количество лошадей и ослабленность их дошла до такого предела, что оставаться в Тибете [дальше] было невозможно...

И оставаться здесь, и пускаться в путь — оба дела были крайне трудными, однако в уходе была надежда, что придет конец трудностям, а в пребывании здесь — нельзя было и представить конца трудностям...

[Уход] в любую сторону — и в Кашмир, и в Кашгар, и в Турфан, и в Индию был одинаково невозможен. Единственной стороной, где имелась надежда на спасение, был Бадахшан, но никто [из нас] не знал дороги из Тибета в Бадахшан, чтобы можно было уехать, минуя Кашгар. В группе людей, которая бежала в Яркенд, был некий [по имени] Джахан-шах, и он как-то рассказывал, что слышал от людей горного Яркенда, как они говорили, что от места под названием Таганак имеется какая-то дорога, которая ведет в Памирский Бадахшан. Тогда я расспросил [о ней], и мы отправились по дороге, которой не знали...

Несколько человек из тех оставшихся пятидесяти, потеряв силы, остались в Тибете. Я с двадцатью семью человеками отправился в путь; не хватало снаряжения для путешествия, лошади потеряли силу, дорога была трудная и, несмотря на сезон Девы, стоял такой холод, что когда после захода солнца мы доехали до местечка (л. 308б) под названием Каракорум, то протекавшая там большая река была полностью скована льдом и, где бы мы ни пробивали его, не было ни капли воды. Так мы старались до вечернего намаза. Лошадям, которые весь день шли по земле, [где наличествовала опасность болезни удушья], и прибыли в местность, где не было воды, а трава была, как исчезающая ртуть, мы дали немного ячменя, что было у нас, однако из-за отсутствия воды они не стали его есть. Джан Ахмад-атака сказал: «Я как-то видел родник, примерно около полфарсаха отсюда, надо идти туда». Он показал одно место среди льда, где надо было пробить, и когда пробили во льду пробоину, там оказалась вода. У нас был один мул, самый сильный из всех вьючных животных. Из-за отсутствия воды зубы его сомкнулись и, сколько бы мы ни старались, он не смог выпить [и глотка] воды и погиб. Груз, который был на нем, так и остался. Вот до какой степени была трудна дорога!...

Когда с подобными трудностями мы доехали до того места, откуда отделялась незнакомая нам дорога, ведущая в Бадахшан, Искандар-султан испросил у меня разрешения: «Я пойду к Рашид-султану, может быть братское сострадание, подобное птице Хума, накроет меня тенью полы милости, а раны, которые он до сих пор наносил мечом разрыва родственных связей, он, возможно, исцелит исполнением родственных обязанностей». Я сказал: «Он не остался верен братству, предписанному Аллахом, что является основой мусульманства. Об этом свидетельствуют его деяния, о которых мы слышим. К тому еще прибавляются его упущения в желанных ему мирских делах и примешаны козни Мухаммади барласа, у которого душевная злость соединена с низостью его существа и которого он посчитал за человека и стал его единомышленником. Поэтому никогда нельзя надеяться на узы родства с ним и его милосердие».

Рубаи:

В его мирских делах и в дружбе нет верности,
Нет в нем чистоты ни внутри, ни снаружи,
От такого человека для людей верности,
Нет ничего, кроме обиды, насилия и жестокости.

Я произнес несколько подобных фраз, но поскольку трудности дороги и несчастия в Тибете дошли до предела, его проницательный взгляд не видел верного пути, и он упорно настаивал на получении разрешения. Я поневоле отпустил его, присоединив к нему четырех человек. (л. 309а) Так как из двадцати семи человек пятеро отделились, я отправился по тому незнакомому пути, с двадцатью двумя человеками. Из-за того, что не было подков, несколько лошадей вышли из строя. В тот самый день, когда [от нас] отделился Искандар-султан, в полуденный намаз мы убили одного степного яка. Из его шкуры мы сделали обувь для ног обессилевших лошадей и взяли мяса столько, сколько смогли унести. Из провизии у нас ничего не оставалось, кроме ячменного толокна, которого хватило бы на один-два дня, и [добыча яка] была милостью дающего хлеб насущный, да будет всеобщим его благодеяние. Мы смогли взять с собой только то, на что хватило силы у вьючных животных, чтобы нести. У нас оказалось еды на пять дней, что составило, по-видимому, четверть яка. Остальное было брошено и, возможно, в течение недели те места оглашались призывными криками воронов, пировавших и дравшихся друг с другом. Так мы шли наугад. На следующий день мы снова убили яка крупнее этого. На третий день опять выпало счастье...

Из рассказа упомянутого Джахан-шаха я предполагал, что, возможно, за шесть дней мы дойдем до какого-нибудь населенного места. Однако на третий день, как мы отделились от Искандар-султана, в полдень мы дошли до людей с хозяйством. Несколько человек поспешили к нам навстречу и выразили радость. Мы спросили их о дороге и об их делах. Они сказали, что эта долина называется Раскам и отсюда до Памира пять дней пути. Когда [наши] люди встретились с теми людьми, мы полностью отдохнули от трудностей нескольких лет. Они забрали ослабевших лошадей, а вместо них дали хороших коней, полных сил. Все, что они имели из пищи и напитков, они приносили нам, положив на блюдо подношения. Каждый из тех людей, кто видел меня, начинал плакать и говорил на своем наречии: «Благодарение [Аллаху], что хоть ты один остался в живых из наших царевичей [династии], существующей четыре столетия, все мы — жертвы твои». Они со всеми чадами и домочадцами кружились вокруг меня и, сколько бы я ни запрещал им, пользы не было». (л. 309 б) Куда бы мы ни приходили, все те же люди со своими чадами и домочадцами сопровождали нас. За семь дней, оказы-

вая нам огромный почет, уважение и заботу, они довели нас до Памира и настаивали на том, чтобы таким же образом дойти вместе до Бадахшана. С большим усилием мы отговорили их и отправились в Бадахшан [сами]. [Правитель Бадахшана] Сулайман-шах-мирза был сыном Мирза-хана, сыном моей тетки по материнской линии, и раньше уже упоминалось в нескольких местах о [нем] и о завершении его дел. Когда я пришел [к нему], он поспешил меня встретить и все услуги, которые он мог оказать нам, оказал. Я воздал тысячу благодарностей всевышнему Аллаху за то, что через такие опасности мы прибыли и нашли убежище...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Увайс-хан (Вайс-хан) ибн Шир 'Али-оглан, моголистанский хан в 821/1418-824/1421 и в 828/1424-1425 гг. Племянник моголистанского хана Шир Мухаммад-хана ибн Мухаммад-хана (824/1421-828/1424-1425), с которым он боролся за власть. Убит в 831/1428 г. (Акимушкин О. Ф. Хронология правителей. С. 159; Пищулина К. Л. Юго-восточный Казахстан. С. 100 и сл.).

[2] Джете — букв. «разбойник», «скиталец». Пренебрежительное название моголов осевшими в Мавераннахре чагатаями за то, что те сохраняли кочевой, «варварский», «разбойничий» образ жизни (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. С. 80; Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан. С. 189).

[3] Калмак (калмык) — тюркское название одной из монгольских народностей, само название которой — ойраты; основатели большой кочевой империи в Средней Азии на р. Или, просуществовавшей до середины XVIII в. Калмаки исповедовали буддизм (Бартольд В. В. Калмыки//Соч. Т. V. С. 538 и сл.; Юдин В. П. Реценз. на работу Б. А. Ахмедова. Государство. С. 87; Howorth H. History. P. 608).

[4] Минг-лак, по-видимому, Минг-булак. Местность под этим названием расположена в районе Мерке (Джамбульская область Казахской ССР), западнее Большого Юлдуза, в бассейне рек Чонгол и Карагол, стекающих с хребта Халык-тау. (МИКХ. С. 521).

[5] Противником Увайс-хана в это время был не Исан-тайши, который в 1417 г. только родился (в 1428 г. Увайс-хан уже был убит), а, по-видимому, киргизский хан Эсеху (1415—1425). А ханом калмаков Исан-тайши стал в 1455 г. (Петров К. А. К истории. С. 156, 160—161, 166, 168—171).

[6] Название местности Биш-кийа в «Материалах по истории казахских ханств XV—XVIII веков» (с. 521) прочитано как Биш-Каба, предполагается, что оно идентично местности Биш-тюбе, имеющейся в верховьях Или, написание же قبا — это перепутанное переписчиком تبه (تبا). Однако мы имеем здесь дело не с ошибкой переписчика, а с синонимами, ибо словарное значение слова «кийа» (قيا) — «вершина», «ребро», «грань» (Навоий асарлари луғати. С. 734).

[7] Эмир Саййид 'Али дуглат — прадед автора «Тарих-и Рашиди», наследный владетель Кашгарии; умер в 862/1457—1458 г.

[8] Илах — река Или; образуется от слияния двух рек: Кунгеса (берет начало в предгорьях хребтов Арашан и Нарат) и Текеса (начало у подножия Хантенгри) и впадает в озеро Балхаш.

[9] Турфан — название оазиса и города в Восточном Туркестане. Оазис расположен между впадиной Лукчуна и горными цепями Тянь-Шаня; с давних

времен имел большое значение в торговых сношениях между Китаем и Западом (Бартольд В. В. Туран//Соч. Т. III. С. 521).

[10] Последний месяц 938 г. соответствует 5 июля — 2 августа 1532 г.

[11] Султан Са'ид-хан сын Султан Ахмад-хана — Чагатаид, хан Моголистана с 920/1514 г. по 939/1533 г. после захвата власти в Кашгаре в результате разгрома Мирза Абу Бакра. Умер 16 зу-л-хидджа 939 (9 июля 1533) г. (Тарих-и Рашиди, лл. 75а, 297б; Акимушкин О. Ф. Хронология правителей. С. 157 и сл.).

[12] Тибет — ныне автономный район КНР, расположен на Тибетском нагорье, в юго-западной части КНР. Первое раннефеодальное государственное образование на территории Тибета относится к VII в. н. э., основателем Тибетской империи считается Сронцзангамбо (ум. в 649 г.), введший в Тибете буддизм, который в 787 г. стал государственной религией (Бартольд В. В. Тибет//Соч. Т. III. Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии. С. 532 и сл.; СИЭ. Т. 14. С. 208 и сл.).

[13] Искандар-султан — сын Султан Са'ид-хана, младше Рашид-султана (Тарих-и Рашиди, л. 81б).

[14] Балти — Балтистан, или Малый Тибет, к нему шли дороги из Хотана и из Бадахшана, через Вахан (Бартольд В. В. Тибет//Соч. Т. III. С. 510, 512).

[15] Балур (Болор) — название горной страны, сохранившееся теперь только в названии горной цепи Болор-таг. Ныне это Нуристан (бывш. Кафиристан) — отроги южного склона Центрального Гиндукуша, входящего значительной частью в состав Афганистана (Бартольд В. В. Кафиристан//Соч. Т. VIII. С. 21; Чурас. Хроника. С. 308; Современный Афганистан. С. 9, 13). Мирза Хайдар приводит границы Балура (Та'рих-и Рашиди, л. 250а). Описание Болора имеется и в «Худуд ал-'алам» (л. 25б).

[16] Мухаммад-шах — правитель Кашмира, приходил к власти четыре раза: 894/1489—895/1490; 903/1498—904/1499; 905/1500—932/1526; 935/1529—939/1533 гг. (Босворт К. Э. Мусульманские династии. С. 254).

[17] Хутба — проповедь, которая произносится во время пятничной молитвы, праздников жертвоприношения и в особых случаях.

[18] Мал — араб. термин, обозначает «состояние», «богатство», «имущество» (движимое), «деньги», «скот». В Иране мал употребляется как налоговый термин в двух значениях: 1) налог вообще и 2) поземельная подать, харадж (Петрушевский И. П. Земледелие. С. 373). В данном случае термин, по-видимому, дается в его первом значении.

[19] Урсангом Мирза Хайдар называет г. Лхасу, центр Тибета. У восточных авторов название «Урсанг» встречается с названием «Лхаса» (Гурсанг в «Худуд ал-'алам»), что, по-видимому, соответствует Урсангу (Бартольд В. В. Тибет//Соч. Т. III. С. 511—512; Росс. С. 136).

[20] Кыбла — направление, в котором обращает свое лицо мусульманин во время молитвы, а именно к Мекке, к Каабе (Ислам. Краткий справочник. С. 72).

[21] Болезнь, которая началась у Султан Са'ид-хана в Тибете, Мирза Хайдар называет «дамгири» («удушье»). Заболевание это связано с разреженностью атмосферного воздуха на большой высоте и описано у ряда авторов (перечислены у Росса. С. 413).

[22] Последний месяц 939 г.— зу-л-хидджа — соответствует 24 июня—22 июля 1533 г.

[23] Аксу — город в Восточном Туркестане, расположен при слиянии рек Аксу и Кокшаал (Корнилов. Кашгария. С. 177, 275; Бичурин Н. Я. Собрание. Т. III. С. 7; Бартольд В. В. Аксу//Соч. Т. III. С. 316; Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна. С. 336).

[24] Рашид-султан ('Абд ар-Рашид-султан) сын Султан Са'ид-хана, Чагатаид; после смерти отца — хан моголистанский с 940/1533 г. по 967/1559—1560 гг. (Акимушкин О. Ф. Хронология правителей. С. 159).

[25] Тарикат — путь религиозно-нравственного самосовершенствования суфия (Ислам. Краткий справочник. С. 104).

[26] Му'джам ал-булдан — известный географический словарь Якута (Шихаб ад-Дин Абу 'Абдаллах ал-Хамави, ум. в 626/1229 г.); в нем собран обильный

материал и перечисляются почти все города и важные селения мусульманских стран (Крачковский И. Ю. Соч. Т. IV. С. 330 и сл.; Бартольд В. В. Туркестан. С. 82).

[27] Джам-и гитинамаи — возможно, Мирза Хайдар имеет здесь в виду сочинение Мухаммада ибн Наджиб Бекрана «Джахан-нама» («Книга о мире»), посвященное хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду ибн Текешу (596/1200—617/1220) и представляющее собой краткий географический обзор мира (Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 325; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание. Вып. 1. С. 29. № 14).

[28] «Мулхакат ас-Сурах» — историко-географический словарь Абу-л-Фазла Мухаммада ибн Умар ибн Халида, по прозвищу Джамал ал-Карши (родился в Алмалыке в 628/1230—1232 г.). До нас дошел не полностью.

[29] Хучжоу — город в Китае, расположен на правом притоке р. Хуанхэ (Желтой реки).

[30] Салар — народность, ныне проживает в провинциях КНР Чинхай и Ганьсу, численность — 62 102 человек. (О Китае. Национальные меньшинства Китая. Пекин, 1983).

[31] Канджанфу, называемый позднее Синганфу (у Бичурина: Сианьфу) — столица провинции Китая Шенси (Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии. С. 285; Росс. С. 404).

[32] Моголистан — независимое феодальное государство, образовавшееся в середине XIV в. на территориях современных Юго-восточного Казахстана и Киргизской ССР (Семиречье и Тянь-Шань) в результате распада Чагатаидского государства и просуществовавшее до середины XVI в. (объединяло тюркские и тюркизированные монгольские племена). Границы Моголистана, известные из «Тарих-и Рашиди», менялись на протяжении XIV—XVI вв. (Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. С. 79 и сл.; Иванов П. П. Очерки. С. 16; Чурас. Хроника. С. 155; Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан. С. 13; Ахмедов Б. А., Кутлуков М. К выходу в свет «Хроники». С. 62—63).

[33] Кашгар — название оазиса и города, самого значительного в Синьцзяне, центра кашгарского округа (Мурзаев. Природа. С. 342—343; Ласточкин. Восточный Туркестан. С. 103—104, 138).

[34] Йаркенд — второй по величине город Восточного Туркестана; расположен в северо-восточной части оазиса, в 12 верстах к северу от Яркенддарьи (Корнилов. Кашгария. С. 273).

[35] Бадахшан — горная область на левом берегу Пянджа, истока Амударьи, занимающая бассейн р. Кукчи с притоками. До открытия морского пути в Индию значение Бадахшана как центра транзитной торговли было особенно значительным, так как на его территории скрещивались караванные пути из Китая в Индию, Иран и Европу. (Бартольд В. В. Бадахшан//Соч. Т. III).

[36] Топоним Скардо существует поныне, однако перевала под таким названием здесь нет (Бартольд В. В. Тибет//Соч. Т. III. С. 512; Спейт. С. 419).

[37] Хотан — название оазиса и города по среднему течению р. Тарим, на левом берегу Урун-каша, в южной части Синьцзяна.

[38] Лахор — ныне второй по величине город в Пакистане; известен с VII в., особого расцвета достиг в период правления Бабуридов в XVI—XVII вв.

[39] Султанпур — новое название города Варангал, столицы Телинганы, переименованной делийским султаном Мухаммад Туглаком в Султанпур после своего победоносного похода тула в 1321—1323 гг. (Ашрафян К. З. Делийский султанат. С. 67).

[40] Урдук — город Рудок, на пути из Кашмира в Тибет и далее в Синьцзян через перевал Каракорум, ныне важный торгово-транзитный путь.

[41] Бхира — город на левом берегу реки Джелам, часто упоминается Бабуром в его «Записках». О местоположении города Бабур сообщает следующее: «В семи курухах (куух — приблизительно два километра.— *Л. Е.*) к северу от Бхиры стоит гора. В «Зафар-наме» и в некоторых других книгах ее называют гора «Джуд». Далее он сообщает, что название горы происходит от племени джуд, обитающем на этой горе и между Нил-абом (Инд.— *Л. Е.*) и Бхирой (Бабур-наме. С. 259; Росс. С. 406).

[42] Лоб и Катак — исследователи помещают их в районе озера Лоб-Нар (Ласточкин. Восточный Туркестан. С. 97; МИКХ. С. 521).

[43] Сариг уйгур — название области «желтых уйгуров» на юго-восточной границе Восточного Туркестана — восточнее Черчена и южнее оз. Лоб-Нар (Бартольд В. В. Система//Соч. Т. V. С. 364; Его же. Тюрки//Соч. Т. V. С. 592; МИКХ. С. 521).

[44] Канджу и Сакджу Китая — это большой город Гань-чжоу и оазис Сучжоу провинции Гань-су (Обручев. От Кяхты. С. 109).

[45] Название Нилаб мусульманские историки вплоть до XVII в. относили к р. Инд (Росс, с. 406).

[46] Бхира — ныне Джелам.

[47] Джинаб — Чинаб.

[48] Баджвара — Сатледж (Росс. С. 406; Спейт. С. 43).

[49] Синд — Инд.

[50] Река Джун — Джамна.

[51] Здесь, по-видимому, имеется в виду озеро Куку-нор (Росс. С. 406.— Kuk Naur), описанное во многих работах, в частности у Обручева В. А. (От Кяхты до Кульджи. С. 150 и сл.).

[52] Ман — мера веса, сильно различавшегося в зависимости от государства, области, города и т. п. Шариатский ман — самый мелкий из манов, составлял 40 сиров (сир — примерно 75 г) и, следовательно, равнялся 3 кг (Хинц В. Мусульманские меры. С. 39; Давидович Е. А. Материалы по метрологии. С. 85).

[53] См. прим. 23, с. 17.

[54] Названия Марйул сейчас не существует. В отношении определения этого названия в научной литературе высказаны разные мнения: одни считают, что оно применялось к собственно Ладаку вместе с Нуброй и др., другие — только к Ладаку, а третьи переносят его на весь Балти (Балтистан). Д. Росс предполагает, что это название относилось только к главному городу Ладака — Леху (Росс. С. 410).

[55] Мискал — мера веса, равная 4,6 г.

[56] Маш — вид мелкого гороха.

[57] Шакья Муни — одно из многочисленных имен Будды.

[58] Словом «казак» в Средней Азии в XV — нач. XVI в. называли как мятежных претендентов на престол, которые во главе своих сторонников вели жизнь искателей приключений, так и отряды кочевников, отделившихся от своих государей и находившихся с ними в состоянии войны (Бартольд В. В. Двенадцать лекций//Соч. Т. V. С. 170; Его же. Казак//Соч. Т. V).

[59] Коран, XVII, 81.

[60] Зодиакальный знак Льва соответствует месяцу июлю и считается неблагоприятным созвездием. Здесь — июль—август 938/1532 г.

[61] Сезон Созвездие Девы приходится на август—сентябрь 938/1532 г.

[62] Раи — элемент индийской феодальной титулатуры, относившийся к владетельным князьям, представителям высших слоев феодальной иерархии (Ашрафян К. З. Аграрный строй. С. 172).

[63] Бахадур — со времен Чингиз-хана один из титулов феодализированной военно-кочевой знати; употребляется и в своем первоначальном значении: «богатырь», «герой», «витязь».

[64] Кукельташ — молочный брат.

[65] Шагирдпише — термин обозначал представителей служилого сословия без чинов и званий, находившихся в услужении для разных мелких поручений при военно-административных чинах (правителях областей и т. п.), которые за усердную службу могли получать чины и переходить в сословие чиновных лиц (адмиралы).

[66] Козерог — знак Зодиака, соответствующий декабрю.

[67] Дей — десятый месяц персидского солнечного года, соответствующий декабрю.

[68] Сезон Скорпиона — зодиакальное созвездие Скорпиона соответствует октябрю.

МА'СУД ИБН УСМАН КУХИСТАНИ

ТАРИХ-И АБУ-Л-ХАЙР-ХАНИ

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» («Абу-л-Хайр-ханова история») — сочинение по всеобщей истории, освещающее политические события, происходившие в мусульманских странах от «сотворения мира» до 60-х годов XV в. Оригинальной является его заключительная часть (лл. 234б—267б. По списку ИВ АН УзССР, инв. № 1512), посвященная Шейбаниду Абу-л-Хайр-хану (832/1428—873/1468), основателю государства кочевых узбеков на восточной части Дашт-и Кипчака (включало большую часть территории нынешнего Казахстана и юго-западной части Сибири)[1].

Сведения об авторе скудны. По отрывочным данным, приведенным им самим в сочинении, был секретарем Шейбанида Суйунч-ходжа-хана (916/1510—937/1531), сына Абу-л-Хайр-хана, а после его смерти (шавваль 937/май-июнь 1531 г.) служил при дворе его сына Абд ал-Латиф-султана, правителя Самарканда (947/1540—959/1551).

В приводимом ниже отрывке из «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» повествуется о набеге ойратов («калмак» в мусульманских источниках) в районы среднего течения Сырдарьи и столкновении их с кочевыми узбеками в 849/1446 г. Фрагмент взят из списков сочинения (инв. № 1512 и 539/1), хранящихся в ИВ АН УзССР[2].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И АБУ-Л-ХАЙР-ХАНИ»

После того как хан времени (Абу-л-Хайр-хан) счастливо и с победой вместе с именитыми султанами и истребляющим [всякого] неприятеля войском, с помощью Аллаха, завладел Дашт-и Кипчаком[3] (л. 30а, 257а)[4]... у Уз-Тимура-тайши, падишаха калмаков[5], после того, как узнал о величии и могуществе славного хана [Абу-л-Хайра], в полном злобы лице этого несчастного воспламенился гнев и, собрав [своих] эмиров, бахадуров и предводителей войска, сказал: «Абу-л-Хайр-хан, прибрав к рукам много добра и большое количество оружия, пирует и веселится в степях [Сыгнака], [пользуясь этим] скрытно пошлем против него войска и посмотрим, что бог нам даст». Предводители войска этого заблудшего [от истинного пути] отметили: «Слова царя, убежище мира, — дело благое». Уз-Тимур-тайши велел войску собраться у ставки, на следующий день собралось [там] многочисленное и хорошо вооруженное войско и эти безбожники, согласно повелению [своего] хана, выступили с обозом (угрук) и семьями. После того, как достигли берега реки Чу, оставили там обоз, семьи и пошли дальше... [Уз — Тимур-тайши шел] с таким многочисленным войском, что (л. 30б, 257б) от поднимаемой копытами лошадей пыли зеркальное лицо небосвода становилось влажным и серым, мастер воображения [оказался] бессильным сосчитать его, а исследователь [того же] воображения был в за-

труднении в измерении длины и ширины [рядов] его. С таким войском, от лицезрения которого удивятся [даже] очи времени, калмакский хан выступил для сражения...

Хан, подобно Фаридуну[6] Абу-л-Хайр-хан, после того, как установил достоверность приключившегося, всему войску велел собраться и выступить для сражения [с неприятелем]... Славным султанам Бахтийар-султану и Ахмад-султану, также некоторым именитым султанам, мстительным эмирам и победоносным бахадурам велел идти впереди [войска]. Лучший потомок пророка Мухаммада, жемчужина [правого] пути имамства и пророческой миссии, отпрыск памяти и гордость его величества ʿАли[7] Кулмухаммад саййид, предводитель [суры] Таха и Йасин[8] Кара саййид, Бузунджар-бий кийат, Хасан-оглан чимбай, Бишкада-оглан иджан, Мустафа-оглан маджар, Тимур-оглан, Суйунчкули, Мухаммад-бек конгурат, Давлат-ходжа диван кушчи, Тули Хаджи-бий кушчи, Конгур-бай кушчи, Кепак-бий кушчи, Сариг Усман мангыт, Абу Бакр найман, Йакуб-бий дурман и другие бахадуры и воины выступили против неприятеля и направились на Кок-кашанэ[9]. Хан-мирозавоеватель также выступил вместе с бахадурами — рубаками и поражающими [всякое] войско всадниками подобно волнующей реке. Звуки труб и барабанов достигли расписанного золотом дворца вращающей небесной сферы. Когда дошли до местечка Дуржи Кутли кийат в Нурдукае, что рядом с Кок-кашанэ (л. 31а, 258а) [перед ними], подобно горе, предстало вражеское войско. После того, как оба войска, по предопределению Аллаха, встали друг против друга, звуки труб, малых и больших барабанов и литавр достигли небесной сферы и луны...

Калмакский хан, несмотря на многочисленность [своего] войска, одному из видных воинов велел отправиться [на поле], встать посредине войска и довести до сведения покровителя мусульман падишаха (Абу-л-Хайра-хана) слова о мире и согласии. Тот [согласно этому приказу] отправился на поле и прокричал: «Пусть не потечет пот с неба, а у молодцов — кровь, давайте мириться!» Бахтийар-султан и другие именитые [эмиры] были беспечны относительно [кораническое изречение] «Мир — благое дело»[10], и, так как всевышний и всесвятой Аллах на челе сих двух набожных султанов и славных бахадуров предначертал слова «мученическая смерть», они не вняли предложению о заключении мира и согласия, из-за чрезмерного мужества и большой смелости не приняли во внимание многочисленность неприятельского войска и бросились на него подобно ураганному ветру и [готовому сжечь весь свет] пламени. Поднятая с поля сражения пыль достигла вращающихся небес, кровожадное войско мстительного врага [тоже] бросилось в схватку. Львы сечи и леопарды гористых мест, схватившись стрелами, топорами, копьем и кинжалами, поле сражения полили кровью и превратили его в табархун[11]... Бахтийар-султан и Ахмад-султан, подоб-

но разъяренному льву и могущественному [как горы] слону, нападали на врага и в каждый раз убивали многих из них; [в конце концов] оказались бессильными продолжать борьбу (л. 31б, 258б), и злополучный неприятель окружил этих именитых султанов и довел их до мученической смерти.

Хан, воитель как Бахрам[12], твердый, как Юпитер[13], как только узнал об этом, выскочил из центра (калб) войска [стих:], что являлся местом нахождения падишаха, подобно величайшей горе. Настал судный день из-за того, что горы пришли в движение. Витязи обоих войск проливающими [кровь] мечами кинулись друг на друга с ножами и кинжалами; оба войска сбились на одном месте и топтали друг друга... Просторы над полем битвы наполнились криками и воплями одетых в латы [воинов]. [В конце концов] ветерок победы подул со стороны неприятеля и врага. Владыка вселенной (Абу-л-Хайр-хан) после того, как увидел, что счастье отвернулось [от него], а витязей [своих] сраженными, оставил поле брани и отступил в крепость Сыгнак.

Неприятельское войско занялось грабежом... После того, как владыка вселенной (Абу-л-Хайр-хан) закрылся в крепости Сыгнак, царь калмаков снова направил [к нему] посла с предложением заключить мир и согласие и поклялся в дружбе... Однако до заключения мира и согласия войско хана калмаков [основательно] разграбило жителей, подвластных Туркестану, Шахрухии и Ташкенту селений и кочевое население окрестных мест этой области.

После заключения мира и согласия Уз-Тимур-тайши впереди войска через Сайрам (л. 32а, 259а) направился к берегам реки Чу-буйи, где находились его дети и домочадцы, и оттуда со всем войском подался в сторону калмаков, к своей [главной] ставке.

Убежище султанства, могущественный и счастливый падишах Абу-л-Хайр-хан после ухода Уз-Тимура-тайши вышел из крепости Сыгнак и, собрав весь народ, приступил к управлению страной, упорядочению войска и заботе о народе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об Абу-л-Хайр-хане и созданном им государстве кочевых узбеков см.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

[2] Краткое описание списка ИВ АН УзССР «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (инв. № 1512) см. СВР АН УзССР. Т. I. С. 64. Подробно о сочинении см.: Ахмедов Б. А. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» («Абу-л-Хайр-ханова история») как источник по истории кочевых узбеков. С. 143—149.

[3] Это произошло в 849/1446 г., в год взятия Абу-л-Хайром Сыгнака (город на среднем течении Сырдарьи, развалины которого находились в 18 км к юго-востоку от почтовой станции Тюменарык), куда он перенес столицу государства кочевых узбеков из г. Тура в Западной Сибири (Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 58—59).

[4] Первая цифра указывает на листы рукописи ИВ АН УзССР, инв. № 539/1, вторая — из того же собрания, инв. № 1512.

[5] Уз-Тимур-тайши, по данным Ховарса Г. (History of the Mongols, pt. II, p. 168), возглавлял правое крыло войска Сананг—Сетзена, наследника всемогущественного Эсен-хана (1440—1455).

[6] Фаридун (Афридун) — пятый правитель из древнеперсидской династии Пишдадидов, правившей 750 лет до н. э.; один из персонажей «Шах-наме» Фирдоуси (Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений. С. 116).

[7] ʿАли — четвертый правоверный халиф ʿАли ибн Абу Талиб (35/656—40/661).

[8] Таха и Йасин — название сур (20 и 26) «Корана». Под людьми Таха и Йасин подразумевались суфии и достигшие совершенства люди (подробно см.: Th. Hughes A. Dictionary of Islam. P. 517—518).

[9] Кок-Кашанэ — некрополь белоордынских ханов; расположен в 5 км к юго-востоку от Сыгнака (Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 66).

[10] «Мир — благо дело» — Коран, 4/128.

[11] Табархун — красного цвета дерево; грудная ягода (Baccae Jujubae).

[12] Бахрам—Сасанид Бахрам Гур (421—439).

[13] Здесь — планета Марс; по представлениям мусульман определял судьбу человека (Фирдоуси. Шахнаме. II. С. 584), у древних греков — бог войны.

ХАФИЗ-И ТАНЫШ ИБН МИР МУХАММАД БУХАРИ

ШАРАФ-НАМЕ-ЙИ ШАХИ

Сочинение Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы»), иначе называемое «Абдаллах-наме» («Книга о ʿАбдаллах-хане»), посвящено одному из ярких представителей Шейбанидской династии ʿАбдаллах-хану II, верховному правителю Бухарского ханства (официально с 991/1583 г., фактически с 968/1560—1006/1598).

Сочинение в том виде, в каком оно дошло до нас, состоит из введения и основной части. Во введении, составляющем около десятой части труда, подробно излагается генеалогия ʿАбдаллах-хана со стороны отца и матери, приводятся рассказы о духовном наставнике хана ходже Мухаммада Исламе Джуйбари. Почти все введение написано по трудам других авторов.

Основная часть сочинения посвящена описанию походов ʿАбдаллах-хана и его борьбе с шейбанидскими султанами за власть в Мавераннахре и в большей части Хорасана. Данная часть написана автором по рассказам очевидцев и собственным наблюдениям[1].

В «Шараф-наме-йи шахи» содержатся также сведения о Фергане. Несмотря на свою отрывочность, они дают некоторое представление о политической жизни в данном регионе в 50—80-е годы XVI в.

По сообщению Хафиз-и Таныша, в 50—70-е годы XVI в. шейбанидские султаны призывали на помощь войска из Ахси и Андижана в своей междоусобной борьбе за власть, в основном против ʿАбдаллах-хана. Войска из Ахси и Андижана, например, привлекались в битвах в 962/1555 г., 969/1561 г., 964/1557 г., 975/1567 г., 979/1572 г., 983/1575 г., 986/1578 г.

В эти годы в самой Фергане, по-видимому, сохранялось спокойствие. ʿАбдаллах-хан был занят борьбой за установление своей власти в районах Бухары, Самарканда, Ташкента, отчасти и в Балхской области. Фергана становится объектом нападений извне и военных действий в конце 986/1578 г. Тогда обрушились на Андижан вытесненные из Ташкента потомки Науруз Ахмад-хана (Борак-хана): Тахир-султан, сыновья Баба-султана ʿАбд ал-Гаффар-султан, ʿАбд ас-Саттар-султан, а также сын Дустим-султана Хашим-султан. В следующем 987/1579 г. самаркандские султаны совершили набег на Андижан, окружили сначала Маргинан, а затем и Андижан.

В то время правителем Андижана был Мухаммад Му'мин-султан ибн Амин-султан, сын Науруз Ахмад-хана. Он был назначен на эту должность самим ʿАбдаллах-ханом в 986/1578 г., видимо, потому, что тот «давно вступил на путь вражды по отношению к своему дяде Баба-султану»[2], главному врагу ʿАбдаллах-хана. Управление Ахси принадлежало Хашим-султану, двоюродному брату Мухаммад Му'мин-султана, а младший брат последнего — Махди-султан управлял Маргинанским вилайетом.

В конце 987/1579 г. ʿАбдаллах-хан возвысил Мухаммад Му'мин-султана, передав ему в управление еще и Ташкентскую область и Ходженд со всеми подвластными этому городу землями. Хафиз-и Таныш замечает, что это было сделано «по требованию времени»[3]. В то время Ташкентом владел еще Баба-султан. Он оставил в этом городе своего брата Тахир-султана, а сам отправился в Туркестан. Там он надеялся набрать войско и вернуться в Ташкент для борьбы против ʿАбдаллах-хана. ʿАбдаллах-хан счел момент весьма удобным для похода на Ташкент. Для участия в походе он призвал Мухаммад Му'мин-султана и назначил его предводителем войска, принадлежавшего раньше правителю Ташкента Дарвиш-хану (ставленнику ʿАбдаллах-хана). Таким образом, Мухаммад Му'мин-султан, как правитель Ташкентской областью и предводитель войска, естественно был заинтересован в завоевании Ташкента и сыграл большую роль в этом.

Когда ʿАбдаллах-хан завоевал Ташкент, он назначил правителем этого города и области своего брата ʿАбд ал-Куддус-султана. Мухаммад Му'мин-султану он послал указ о том, что ему предоставляется в управление Шахрисабз вместо Андижана, но Мухаммад Му'мин-султан отказался подчиниться ханской воле. Тогда против него Абдаллах-хан отправил огромное войско, которое и расправилось с Мухаммад Му'мин-султаном и его сторонниками. Это событие описано Хафиз-и Танышем с большой подробностью.

Ниже приводятся фрагменты из «Шараф-наме-йи шахи», повествующем об этих и других событиях в Фергане в 50—80-х годах XVI в. Фрагменты взяты из ленинградского списка сочинения.

(л. 83а) В доблестном войске Бухары поднял голову вражды Халкаман-бий дурман. Он отделился от Бурхана[4] и направился в Каракуль[5]. Некоторые эмиры того [города], такие, как Джан-Кельди аталык, кунграт, его брат Халкаман аталык, Тангри-кули хитай и другие, каждый из которых по мужеству и отваге был единственным и непревзойденным для [своего] времени, вследствие кое-каких недостойных дел и неподобающих слов, постоянно исходивших от Бурхана, объединились и захватили крепость Каракуля. Отправив человека к подножью трона государя — покорителя мира [ʿАбдаллах-хана], они просили [его] почтить [их своим] прибытием. Его величество [хан], посоветовавшись со столпами государства, удовлетворил просьбу их (эмиров Каракуля). Вместе с братьями, такими, как Узбек-султан[6], Хосров Мухаммад-султан[7] и другими он направился к Каракулю.

Когда на горизонте этой страны показался полумесяц [ханского] зонта, вызывающего беспокойство в небе, все эмиры [Каракуля] поспешили встретить кортеж [ʿАбдаллах-хана]. С достойными дарами и соответствующими [по этому случаю] подарками они поспешили к нему шагами покорности. Заверив в [своей верной] службе, выразив покорность, они [обрели] безмерное счастье, удостоившись чести поцеловать стремена [хана]. Вместе со славной свитой его величества они вошли в крепость и вручили ключи от крепости привратникам великого [ʿАбдаллах-хана]. Они оказали [хану] всевозможные почести и сделали это с большой охотой.

Когда правитель Бухары Бурхан-[султан] узнал об этом великом событии, по необходимости он отправил в Самарканд гонцов и известил Борак-хана[8] об этом страшном случае. Хан Самарканда (Борак-хан) тотчас же созвал своих вельмож и соизволил сказать: «Даже тогда, когда войско его (ʿАбдаллах-хана) было крайне незначительно, когда число их воинов не превышало трехсот человек[9], оказать им сопротивление было чрезвычайно трудно, крайне затруднительно. В настоящее время, когда с помощью Творца и по благосклонности судьбы количество воинов в этой толпе возросло, оказать [ей] сопротивление, воевать не представляется возможным. Вместе с тем, пока битва не проиграна, не следует отказываться от сражения [с ней]. Теперь, хотя и есть у нас сила для отражения [неприятеля], однако подавление этого мятежа не следует представлять себе легким. Мисраʿ: «Воздействовать на события следует еще до того, как они произойдут».

Словом, после того, как закончилось совещание и обмен мнениями, [Борак-хан] приказал, чтобы войска Шахрисабза, Самарканда, Ура-тюбе, Ходженда, Сайрама[10], Ташкента, а также войска Ахсикета[11], Андижана вместе с людьми из Дашта и Туркестана в кратчайший срок присоединились к войску его (т. е.

Борак-хана). [После того, как собралось войско, Борак-хан] немедленно выступил с двумя тысячами отборных богатырей, способных, сильных, храбрых воинов...

(л. 88а) Когда Науруз-Ахмад-хан переселился из тленного мира в мир возмездия (ад)[12], в то время в Самарканде не было никого из его сыновей старше годами, кроме Баба-султана. Поэтому он (Баба-султан), во-первых, самовольно воссел на трон подобного раю [Самарканда], во-вторых, посоветовавшись с некоторыми столпами государства и вельможами, сделал своим соправителем его величество Гадай-хана ибн ʿАбд ал-Латиф-хана[13], который был одним из наследников престола этого вилайета: он сделал его соучастником, союзником во всех делах управления страной, в исполнении великих, важных дел. Вместе с ним [Баба-султан], ввиду [своего] исключительного величия и высокого положения, поднял знамя власти и счастья, стяг могущества и славы.

(л. 88б) Хотя в течение некоторого времени Гадай-султан на этой подобной раю земле выражал [полное] единодушие с ним (Баба-султаном), но в сущности, он был против него, и вот почему. Султан Саʿид-хан[14], который также является одним из наследников [трона] этой страны (т. е. Самарканда), проводит жизнь, испытывая трудности, [перенося] тяготы в Қарангу-таге[15], как об этом уже было сказано [выше][16], а его брат, Джуванмард ʿАли-султан[17], гарцует на скакуне власти в Ахси и Андижане. Все время Гадай-хан посылал кого-нибудь в Ахси и Андижан и сильно подстрекал [Джуванмард ʿАли-султана] идти походом на Самарканд, пока, наконец, Джуванмард ʿАли-султан не собрал неисчислимое войско в областях Ахси и Андижана. Повинуясь приказу Гадай-султана, [Джуванмард ʿАли-султан] стал лагерем в Ура-тюбе, которое в исторических сочинениях пишется Усрушана.

Узнав об этом, Баба-султан предупредил события. Он выступил против Гадай-султана и сверг его с престола власти, с трона совместного управления [страной]. Некий бродяга, дьявол, [который] «наущает груди людей»[18], нанес ему сильный удар в лицо, и в таком состоянии он ушел из этой страны и устремился в Ура-тюбе, которое также является его наследственным владением...

(л. 90б) Несколько дней спустя, утром, донесли до высокого слуха [ʿАбдаллах-хана], что Дарвиш-хан[19] с войском Ташкента, Андижана, Ходженда, Туркестана, подняв победоносные знамена для оказания помощи [своим] братьям, повернул поводья похода в сторону Самарканда и только что прибыл [туда]...

(л. 131б) В это время (осады Кеша войсками ʿАбдаллах-хана)[20] к ставке [хана] неожиданно пришли лазутчики и через посредство высокостепенных эмиров сообщили, что войска Туркестана, Ходженда, Андижана и Ташкента прибыли на самаркандскую землю. Правители тех земель, такие, как Султан Саʿид-

хан, Джуванмард ʿАли-султан, Баба-султан и другие, с войском, не поддающимся исчислению, все разом направились на бухарскую землю. В связи с этим обстоятельством его величество [ʿАбдаллах-хан] без промедления оставил окраины крепости Кеш. Хосров-султана он отправил в Несеф[21], а сам направился к славной столице Бухаре...

(л. 162а) [*О том, как*] *его величество* [*ʿАбдаллах-хан*] *направился к подобному раю Самарканду по причине того, что услышал о походе войск Ташкента, Туркестана, Андижана и Ахсикета и как он встретился с Джуванмард ʿАли-ханом, сообщившим печальную весть в связи со смертью Султана Абу Саʿид-хана*

Забрезжил рассвет счастья и блаженства на горизонте величия и славы, на востоке надежд и спокойствия. Земли Термеза оказались под властью и в сфере обладания и могущества благородного хакана (ʿАбдаллах-хана). После этого счастливый государь распустил победоносное войско, а сам с небольшим отрядом благословенных войск покинул ту местность, направив победоносные знамена в стольный город [Бухару], повернул поводья возвращения [туда].

Когда великая и славная свита [хана] прибыла в Несефскую степь, она величественно остановилась [здесь.] В этой местности к великой ставке [хана] прибыл гонец от Джуванмард [ʿАли]-султана. Проявив искренность, заверив в дружбе, он сообщил следующее: «Счастливый Султан Саʿид-хан из-за несчастий, [посылаемых] судьбой, переселился из мира трудностей и горестей в вечный мир блаженства, из дворца в саду тленности поспешил в райские сады, в сад вечности. Стихи... Короче говоря, услышав об этом, Дарвиш-хан и Баба-султан со всеми братьями и сородичами, решившись завоевать Самарканд, нацарапали лик договора когтями вероломства. Вследствие кичливости и самомнения они вступили стопами спеси в долину надменности и задумали вражду и ссору. Если (л. 162б) его величество, украсив узы дружбы, союзные отношения, направится в эту страну, то несомненно, еще больше упрочатся основы дружбы. Когда весть об этой великой смуте дошла до высокого слуха [хана], его величество государь не видел пользы [в том, чтобы] согласиться [с этим положением]. Он счел наиболее удобным овладеть властью согласно шариату, [в этом] сделать посредником острый меч и смертоносную индийскую саблю. Стихи... В это время в войске августейшего [хана] было лишь небольшое число оставшихся победоносных храбрецов. Несмотря на это, [ʿАбдаллах-хан], уповая на милость всепрощающего господа, в сафаре [980] г.[22] поднял руку выступления и двинулся по направлению к Самарканду, земле, подобной раю. После того, как [ʿАбдаллах-хан] совершил [несколько] переходов, местность Кульба[23], рас-

положенная в стороне от города, близ реки Кухек, осветилась лучами солнца — блеска государя, просторы той страны от приятности лучей, [исходивших] от короны [государя], прибежища мира, превратились в цветник. В этой местности Абу-л-хайр-султан и Музаффар-султан[24] поспешили навстречу [хану] и удостоились счастья поцеловать руку его величества могущественного [хана]. Стихи... На следующий день произошла встреча его величества с Джуванмард [ʿАли]-ханом. Упомянутый хан (т. е. Джуванмард ʿАли-хан) проявил старание в оказании почестей хакану, прославленному храбростью. На скрижалях сердца, на страницах мысли он начертал письмена об оказании уважения и почтения [ʿАбдаллах-хану]. Он ни на секунду не проявлял нерадивости при выражении почтительного отношения к нему. Почитая обычай [устраивать] пиры, [Джуванмард ʿАли-хан] устроил праздник по-царски и пир в честь [ʿАбдаллах-хана]. На этом пиру [оба хана], проявив единомыслие, выразив дружбу и искренность, назначили срок относительного упорядочения дел в стране, в приведении в порядок дел султанской власти и царства. Они заключили новый договор, подкрепили союз клятвой и повели разговор о врагах. После долгих разговоров его величество могущественный [ʿАбдаллах-хан] соизволил сказать: «Представляется наиболее правильным расположиться нам на берегу реки и послать человека для сбора победоносных войск, (л. 163а) чтобы у подножья нашего трона, достойного халифа, собрались великие войска, идущие с разных сторон одно за другим. Если враги, совершив нападение, обрушатся на нас, мы тотчас же выйдем навстречу, тронув боевых коней, уповая на Творца всего сущего, мы обрушимся на них». Согласно предложению его величества [хана], все великие, высокосановные султаны, опоясавшись поясом ненависти [к врагу], выступили решительными шагами. Лик рвения они обратили к истреблению врагов. Стихи... В этой местности последовал непреложный приказ о том, чтобы подобные Бахраму таваджии отправились в Мийанкал, Нафас, Бухару, Термез, Балх[25], Андхунд[26] и доставили приказ о сборе [войска] и в самое ближайшее время привели бы [войска] к лагерю августейшего [хана] и присоединили [бы их] к победоносному войску.

Случилось так, что еще до того, как победоносные войска спешно прибыли к великолепной, прекрасной ставке [хана], прибыли [и] войска противника из Термеза, Андижана и Туркестана. [Их было] так много, что, казалось, будто Яджуджи и Маджуджи[27] пробили брешь в Искандаровой стене и огромной толпой хлынули в степь. Они расположились у реки в заповеднике Панук, что входит в Согарджский вилайет[28]. Ввиду сильной боязни, чрезмерного страха, они поставили вокруг себя караульных и боялись перевести дыхание.

Когда распространилась весть о прибытии неприятеля, первым поспешил к августейшей ставке высокодостойный Дустим-

султан[29]. Собрав войска из всех подвластных Мийанкалю[30] земель, он [прибыл] и удостоился счастья поцеловать руку его величества [ʿАбдаллах-хана]. Таким же образом военачальники со всех сторон, войска со всех областей направились в победоносный лагерь [хана]. Они собрались у подножья трона, подобного [трону] Сатурна, и подняли руки смелости и храбрости. Стихи...

(л. 163б) Войско, [многочисленное], как звезды, численностью выходящее за пределы счета, вошло в состав ханского войска, могущественного, как небо. В это время до высокого слуха [ʿАбдаллах-хана] донесли, что Баба-султан отправил для нападения на южные районы Самарканда своего сына ʿАбдаллах-султана, а также Му'мин-султана, сына Амин-султана[31], с 20 тысячами всадников-меченосцев и полных гнева по отношению к врагу воинов....

(л. 199б) Стало известно о том, что [Баба-султан] с отрядом отважных неверных прибыл к своему брату Дарвиш-хану и желают объединиться [против ʿАбдаллах-хана]. Несмотря на покровительство [им] со стороны [Джуванмард ʿАли-султана], они не пренебрегут воспользоваться случаем отправиться в ту сторону с огромным войском (л. 200а), неисчислимой ратью. В связи с этим событием в печи рвения его величества [ʿАбдаллах-хана] воспламенился огонь возмущения. Последовал приказ, которому повинуется [весь] мир, чтобы всадники войска, вельможи двора, которые были рассеяны по различным странам, областям и большим городам, немедленно собрались под сенью победоносных знамен, под сенью знамен величия и славы. [Сам хан] во всем величии и несказанном великолепии изволил направиться из стольного города Бухары в Самарканд. Он отправил вперед человека известить Джуванмард [ʿАли]-хана о своем прибытии. Стихи...

Когда правитель Самарканда узнал о походе войска, [многочисленного], как звезды, он вызвал к себе своего старшего сына Абу-л-Хайр-султана и приказал, чтобы тот вместе с некоторыми братьями, столпами государства, вельможами, казиями, саййидами, знатными и простыми людьми, великими и малыми поспешил навстречу [хану]. Благословенные султаны подошли к победоносному знамени [ʿАбдаллах-хана] в окрестностях Самарканда и исполнили обряд рассыпания драгоценных камней. Они проявили исключительное старание в преподношении подарков и даров. [Абу-л-Хайр-султан] удостоился чести и счастья поцеловать кончики пальцев [ʿАбдаллах-хана]. Соответственно [своему] положению они произнесли следующие слова. Масневи...

На следующий день его величество [ʿАбдаллах-хан] пошел в высокий арк Самарканда и произошла встреча его с Джуванмард [ʿАли]-ханом, [словно] произошло слияние двух морей. Джуванмард [ʿАли]-хан исполнил условия почитания, восхваления [ʿАбдаллах-хана], как подобает. Он устроил пир и исполнил

обряд гостеприимства как следует и как подобает. После трапезы они беседовали о важных делах страны и обо всем необходимом для управления ею. Было решено выступить совместно против злого врага с войском, более многочисленным, чем пески в пустыне. С этим условием они заключили договор, поклялись и подкрепили союз [клятвой] о верности.

Весной 983 г.[32] они выступили для истребления врагов и направились к ним шагами старания.

(л. 200б) Словом, когда войско августейшего ['Абдаллах-хана] дошло до города Ходжакета[33], оно разбило палатки величия на берегу реки Сейхун. Баба-султан на той [противоположной] стороне вместе с Дарвиш-ханом собрал бесчисленное войско, несчетную рать от отдаленных пределов Ахси и Андижана до границ Сабрана[34] и Туркестана. Он прибыл на берег реки [Сейхун] и воздвиг палатки кичливости, зонт величия до высшей точки неба. От встречи этих двух морей войск получилось [нечто, напоминающее стихи]: «Он разделил моря, которые готовы встретиться»...[35]

(л. 224а) Дин-Мухаммад-султан[36], который после посещения священного храма в Мекке, возвратился в Хорезм, бежал оттуда, направившись в Ташкент [к Баба-султану]. Все хисарские султаны, такие, как Факир-султан[37], Махди-султан, Мухаммад Шариф-султан, Мухаммад Касим-султан, которые после события в Хисаре[38] нашли убежище у Баба-султана, постоянно побуждали и подстрекали последнего к вражде и ссоре с его величеством ['Абдаллах-ханом]. Вместе с некоторыми своими сыновьями они стали йараулом[39]. Люди этого отряда по его (Баба-султана) приказу облачились в кафтаны кичливости, надели на головы шлемы гордыни и сумасбродства. Хорошо вооруженные, с множеством боеприпасов, многочисленные сподвижники [хисарских султанов] стояли впереди войска.

Масневи

С другой стороны мстительные степняки,
Стянули войска к полю битвы,
Отряд, [в котором] все жаждущие мести,
Все злые, как волки, повадками тигра.
Брови их, лишенные волос, в морщинах,
В складках бровей их спрятаны глаза.
Все подобны совам, лицом напоминают филина,
У всех глаза, как у мышей, у всех злое лицо.
Влажные глаза их лишены зрачка, напоминая нарцисс,
Они глубоко провалились в глазницы.
Головы их без волос, словно тыква,
Лица их в складках морщин, похожи на щит.
Лица их лишены [даже] пушка [усов и бороды],
У них длинные подбородки из-за [отсутствия] усов и бороды.
У всех только лица, а на лицах нет волос,
Кроме пыли злосчастья, нет ничего на этих лицах.

Они прикрепили крепкими цепями, прочными канатами огромное число телег, которые еще раньше собрали из вилайетов Дашта (Дашт-и Кипчака), Туркестана, Сабрана, Ташкента, Андижана, Касана[40] и установили их перед боевыми рядами. В них устроилось много стрелков из ружья (туфанг), бесчисленное множество стрелков из лука.

Масневи

(л. 224б). Величественные степняки, сидящие на телегах,
Выступили, словно сто гор Альванд[41],
Арбы, будто сделанные из дерева кони,
На них степняки, словно дети, сидящие на конях.
На этом ристалище, казалось, шахматисты,
Сделали много слонов из дерева.
На телегах герои с ружьями в руках,
Напоминающими хобот опьяненных слонов.
Сидящие на телегах — все мстители время,
Напоминающие детей, вновь устроившихся в колыбели.

... (л. 234а) В это же время прибыл человек из Андижана от ʿАбд ас-Самад-бия[42]. Он доложил следующее: «Из султанов Ташкента Тахир-султан[43], ʿАбд ал-Гаффар-султан[44], ʿАбд ас-Саттар-султан[45], Хашим-султан[46] с огромным войском окружили крепость Андижана. Если шах окажет милость осажденным в крепости, выступив для оказания помощи, это послужит причиной избавления [тех, кто] оказался в цепях мучений». Узнав об этом, [ʿАбдаллах-хан] написал славное письмо, важное послание и отправил в Андижан через одного из воинов личной гвардии. Содержание [послания] следующее: «Руки ад-даула ʿАбд ас-Самад-бий, который был отмечен царскими милостями, не должен сойти с пути решительности, [стоя] твердо на пути защиты крепости, пусть не теряет пути бдительности, потому что мы только что направились в ту сторону с победоносным войском».

Когда до благородного слуха хакана, подобного Искандару, [ʿАбдаллах-хана] дошла весть о новом мятеже Баба-султана, рассказ об убийстве [им] Дарвиш-хана[47], для его сердца, твердого, как горы, это оказалось очень тяжелой [ношей], в нем загорелся огонь возмущения. Ввиду исключительного гнева, он вновь приказал, чтобы наводящие страх, как Марс, таваджии один за другим погнали коней к границам [владений] и собрали победоносное войско и присоединились к благословенной свите...

(л. 256б) В воскресенье [22 раби‘ I[48] ʿАбдаллах-хан] выступил в путь и остановился в заповеднике (корук) Кара-камыш[49]. В тот день во время ночной молитвы в прибежище мира, в ставку, прибыл человек от могущественных султанов, которые еще раньше пошли преследовать ту толпу несчастных [врагов]. Он доложил: «Когда враги получили известие о выступлении победоносного войска, в силу безвыходного положения они избрали путь отступления и бегства. Султаны, [посланные для преследо-

вания их], остановились в местности Пскент[50] и доложили: «Враги (л. 257а) бежали по направлению к Ахси, если [хан] сочтет нужным, мы также пойдем преследовать их, а если нет, вернувшись назад, отправимся к войску [хана], многочисленному, как звезды». Масневи...

Его величество [ʿАбдаллах-хан] разрешил им преследовать отступающего неприятеля...

(л. 258б) На следующий день [2-го рабиʿ II[51] ʿАбдаллах-хан] отправился в путь и на берегу реки Фарак[52] поднял подобное солнцу знамя до зенита голубого неба. Несколько дней он стоял в этой чудесной местности, на стоянке с [приятным] воздухом. К этому месту прибыл человек из Ахси. У подобного небесному порога он доложил: «ʿАбд ас-Саттар-султан, Тахир-султан, Хашим-султан засели в крепости Ахси. Победоносное войско [ʿАбдаллах-хана] и войско [его] могущественных султанов соединились друг с другом и окружили крепость. Они [обвили ее] плотным [кольцом], уподобив букве «мим»...

(л. 261б) На этом месте (Кан-и гиле)[53] [ʿАбдаллах-хан] простоял до понедельника 26 [рабиʿ II][54]. В течение этих нескольких дней он был озабочен [состоянием] победоносного войска, находящегося под Ахси, потому что все время поступали тревожные вести о том, что Баба-султан прибыл в Ташкент и вновь намеревается поднять мятеж и смуту, а киргизы преградили путь победоносному войску и причисляют себя к сторонникам неприятеля. На основании этого [ʿАбдаллах-хан] задумал направиться к городу Ахси и повернул поводья. Сначала он послал в Самарканд могущественного эмира Кулбаба кукельташа[55] за султаном, не имеющим себе равного и подобного, ʿИбадаллах-султаном[56]. Сам [хан], решившись отправиться в Ахси, направился к берегу реки Кухек[57].

Переправа его величества [ʿАбдаллах-хана] через реку Кухек, прибытие других султанов из Ахсикета и преследование ими самаркандских султанов

Когда могущественный хакан [ʿАбдаллах-хан] вновь повернул поводья, во вторник 27-го [рабиʿ II][58] он переправился через реку и остановился у реки. Туда прибыл человек из Ахси и доложил: (л. 262а) «Султан, подобный Сулайману, Махмуд-султан[59] со своим аталыком Иким-бием остановится в Ура-тюбе; только что прибыли остальные султаны со всеми великими и могущественными эмирами».

В среду[60] из Ахси прибыли войска великих и могущественных султанов, таких, как султан, подобный дервишу, ʿАбд ал-Куддус-султан[61], султан, достоинством Хосрова [Ануширван][62], Исфандийар-султан[63], Мухаммад Му'мин-султан ибн Амин-султан и все эмиры, как-то эмир Таниш-бий джалаир, Джангельди-бий, ʿАбд

ал-Баки-бий, Науруз-бий парваначи[64] и Гандж Али шигаул[65] со всеми ишик-ага...[66]

(л. 287б) В этой местности (Йайилма)[67] счастливый государь [ʿАбдаллах-хан] отличил царскими милостями Мухаммад-Му'мин-султана, который давно вступил на путь вражды по отношению к своему дяде со стороны отца, Баба[-султану], и вследствие выражения верноподданности его величеству [ʿАбдаллах-хану], благодаря счастью и руководимый счастьем, нашел приют во дворе государя, достойном Каабы. По требованию времени [хан] передал [ему] управление Ташкентской областью и власть над Ходжендом со всеми подвластными [этому городу] землями, присовокупив [их] к Андижанскому вилайету. На должность его аталыка [хан] снова назначил храброго, смелого помыслами эмира ʿАбд ас-Самад-бия, который заслужил похвалу среди близких людей благодаря правильному, верному суждению и ярким мыслям. [Хан] вложил в длань справедливости [этого бия, доверил] его доброму совершенному уму бразды правления [страной], защиту ее, [ведение] других важных дел в его (Мухаммад Му'мин-султана) дворе, подобном небу...

(л. 309а) В последний день почитаемого месяца раджаба[68] из Ура-тюбе вернулся всадник ристалища смелости и храбрости ʿАбд ас-Самад-бий. Он обрел исключительное счастье, удостоившись чести поцеловать ногу его величества. Удостоившись чести аудиенции, он сделал заявление следующего содержания: «Тахир-султан и ʿАбд ас-Саттар-султан с другими братьями, отправив [к нам] заслуживающих доверия лиц, сообщили следующее: «Его величество, ведя войска, перенося трудности, связанные с походами, передвижениями по ночам, преследует лишь одну цель, а именно: чтобы мы изгнали из пределов своей страны самаркандских султанов и, ошеломив, вызвали бы [у них] растерянность, беспомощность и замешательство. Поскольку это событие уже свершилось, убедительная просьба довести до сведения его величества просьбу этого общества [людей], пусть сотрется пыль с поверхности зеркала лучезарного, как солнце, сердца хакана [ʿАбдаллах-хана], покорителя стран, пыль неприязни и беспокойства, которая осела из-за нас».

Когда просьба этой группы людей дошла до слуха его величества, он снова позвал ʿАбд ал-Гаффара, успокоил его, обрадовал милостями и оказал исключительный почет. Он разрешил ему отправиться в свой вилайет и оказал помощь. В сопровождении его хан назначил Низам ал-мулька Кулбаба кукельташа и благословенных эмир-заде ʿАбд ал-Баки-бия, Мухаммад Баки-бия дурмана, Дуст-мирза хазиначи...

(л. 309б) Не успела та группа эмиров приготовить все необходимое [для сопровождения ʿАбд ал-Гаффара] и отправиться в путь, как из Маргинанского вилайета[69], которым тогда владел младший брат Му'мин-султана Махди-султан, [прибыл] человек последнего и привез несколько голов военачальников и мятеж-

ников времени, то есть людей из самаркандского войска. Стоя на ногах, он изложил привезенное послание, содержание которого следующее. В пятницу, в последний день упомянутого месяца, после того, как Бузахур-султан[70] убил Бек аталыка, приближенного Пайанде Мухаммад-султана[71], дело закончилось ссорой между ними. Тогда действительно Бузахур-султан отделился от этого отряда (сторонников Пайанда Мухаммад-султана) и отправился в Ахсикет. В тот же день самаркандские султаны переправились через реку и поспешили окружить крепость Маргинана. При небольшом столкновении с нами они потерпели поражение. Из удивительных событий, счастливых случайностей было следующее. В то время, когда несчастные султаны расположились, окружая Маргинан, сначала они послали тысячу человек для грабежа одной из окраин Андижанского вилайета, второй раз они послали многочисленный отряд мстительных воинов в ту же сторону. Случилось так, что тот, исполненный жажды мести отряд, [который окружил Маргинан], в тот же день потерпел поражение на подступах к Маргинану. Те два отряда, [отправившиеся по направлению к Андижану], растерянные и ошеломленные, рассеялись; вступив на путь отступления, обратились в бегство.

После того, как его величество [ʿАбдаллах-хан] узнал о том, как произошло это событие, он приостановил отправку ʿАбд ал-Гаффар-султана, а эмиру ʿАбд ас-Самад-бию разрешил вернуться в Ура-тюбе. Тогда же он послал отряд свыкшихся с победой султанов, таких, как Суйунч Мухаммад-султан, Йар Мухаммад-султан, сыновей Дустим-султана, и Дин Мухаммад-султана, чтобы они, после того, как соберутся в городе Ура-тюбе, проверят положение дел у неприятеля и, если сочтут нужным оказать [им] сопротивление, пусть вступят в бой. Пусть они выступят вместе с Му'мин-султаном и направятся решительным маршем на Андижан.

Когда ʿАбд ас-Самад-бий получил разрешение от его величества уехать, он поспешил в Бухару. [Здесь] он приготовил свое снаряжение и в тот же день отправился в поход на Ура-тюбе.

В пятницу 20 [числа] упомянутого месяца [раджаба][72] снова прибыл человек от Хади-султана[73] и сообщил: «После поражения [в битве] с маргинанцами, неприятель переправился через Сейхун и отправился к Бузахуру. Пользуясь случаем, тот несчастный отряд, [который осаждал Маргинан], встретился с [Бузахуром] и они возобновили договор о братстве и дружбе и совместно с Хашим-султаном[74], (л. 310а) правителем Ахси, подняли руки решительности с намерением окружить Андижан. 8-го [числа] месяца [раджаба][75] они окружили Андижан, захватили укрепления и намереваются завоевать его крепость. Если благодаря шахским милостям будет оказана помощь оставшимся на этой стороне, быть может бедняки этих пределов избавят-

ся от той несущей бедствие толпы фида'и»[76]. Когда содержание этого послания дошло до высокого слуха его величества [ʿАбдаллах-хана], через посредство смелого всадника ʿАбд ал-Васи ʿмирахура[77], брата великого эмира ʿАбд ас-Самад-бия, его величество тотчас же приказал, чтобы счастливые сыновья эмиров ʿАбд ал-Баки-бий, Мухаммад Баки-бий дурман, всадник ристалища храбрости Дуст-мирза хазиначи, которому в то время было передано командование [воинами] чухра[78] левого крыла, помчались вслед за тем, кто раньше отправился в поход...

(л. 314 а) Когда от пыли, [поднятой] снаряженным и приведенным в порядок войском, все вокруг Дизака[79] обрело красоту и свежесть, [ʿАбдаллах-хан] пробыл в этой чудесной местности в течение нескольких дней. Поскольку крепость Дизака была разрушена Бузахур-султаном, [хан] приказал столпам государства, своим вельможам, вместе с другими счастливцами, восстановить ее.

В это время из Андижана от Му'мин-султана прибыл человек и сообщил следующее: «Братья Махди-султан и Хади-султан, окружив ʿАбд ал-Гаффар-султана в крепости Испара[80], опоясанные поясом усердия, держат их в окружении. Будет уместно, если [хан], выступив с отрядом войска, окажет помощь». После того, как его величество услышал это сообщение, он отправил в Испара всадника ристалища и отваги Шах Назар бахадура с пятью тысячами храбрецов ратного поля, воинами ристалища битвы и сражения, которые были единственными в [свою] эпоху, прославленными в [разных] странах и больших городах и во время битвы были твердыми и стойкими, как гора Каф[81]. Сам [ʿАбдаллах-хан] направил поводья коня величия в сторону несчастных врагов и поднял могучую руку. На другой день он послал также султана, подобного Хосрову [Ануширвану], Исфандийар-султана с отрядом эмиров, сильных, как Бахрам[82], князей, суровых, как Марс, таких, как Шахим-бий и другие, в помощь войску Маргинана...

(л. 315б) Победоносное войско, которое было отправлено к андижанцам, не осуществив желания, не достигнув цели, прибыло в эту местность (Каратал) по [следующей] причине. Прежде, чем победоносное войско направилось в Испара и Маргинан, и отправившись туда, оказало помощь султанам Андижана, Музаффар-султан. ʿАбд ас-Саттар-султан с многочисленным отрядом из войска Дашта (Дашт-и Кипчака) [успели] прибыть в Испара и, освободив ʿАбд ал-Гаффар-султана из заточения в той прочной крепости, вернулись назад. По этой причине великое, могущественное войско [хана] возвратилось обратно и отправилось к ставке его величества, обладателя счастливого сочетания светил [ʿАбдаллах-хана] и обрело покой под сенью знамени, простиравшегося до небесного трона...

(л. 382а) В это время из Андижана одна за другой поступали вести о том, что Му'мин-султан стал на путь измены [ʿАбдал-

лах-хану], охваченный страхом без причины, он стал шагать по пути вражды и ссор [с ним]. Он не удостоил взглядом, не принял во внимание [ханский] указ, жалованную грамоту, [предоставляющую ему управление] Шахрисабзом взамен Андижана, привезенную Дустим-бием кушчи...

Услышав эту весть, государь семи поясов земли [ʿАбдаллах-хан] возмутился, словно огонь при сильном ветре и как пламя при страшном урагане бедствия. Стихи... Созвав совет со своими вельможами и столпами государства, [хан] соизволил сказать: «Всем известно, что на протяжении долгого времени, многих лет, благодаря нашей милости и воспитанию Му'мин-султан восседает на троне власти, на подушке управления в городах Маргинан, Андижан и других. Благодаря нашей щедрости, безграничным милостям он поднял голову превосходства над своими собратиями. Все его двоюродные братья по отцу, великие и малые, сложили головы по причине [своего] высокомерия и непослушания, которые они сделали своим уделом по отношению к [нашему] могущественному роду; погибли те из его родственников, которые оказывали неповиновение [нам], а дерево жизни его и братьев его оставалось свежим и цветущим благодаря дождю нашей щедрости, орошению из родника нашей милости. Несмотря на все это, по наущению сатаны и по собственному желанию, мечтая о независимости, он надеялся завладеть верховной властью. Отказавшись [обременять] шею ярмом покорности, кольцом повиновения [нам], он сменил прежнюю верность на ослушание. Следовательно, прежде чем из-за него произойдет (л. 383а) большой мятеж, огромное бедствие и с полной силой разгорится пламя бедствия, надлежит и даже необходимо проницательным умом и правильными действиями постараться погасить огонь его жизни, свернув страницу его существования, надо перечеркнуть [страницу его] бытия пером уничтожения». На основании этого он присоединил к Ташкенту вилайет Уратюбе и послал в этот вилайет своего брата, подобного дервишу, ʿАбд ал-Куддус-султана. Затем [хан] приказал, чтобы великий и могущественный эмир-заде Мухаммад Баки-бий дурман составил список тех эмиров и столпов [государства], ишик-ага и чухра-ага[83] победоносного войска, которых нужно было отправить в поход и представил бы составленный список пред светлые очи [хана]. Когда упомянутый князь написал славные имена [воинов] победоносного войска и показал лист его величеству хану, могущественный хакан [ʿАбдаллах-хан], заговорив красноречиво приказал: «До того, как выступит войско, пусть отправятся на помощь достойному похвалы, прославленному султану ʿАбд ал-Куддус-султану, подобный Хосрову [Ануширвану] султан Исфандийар-султан с войсками Шахрисабза, Суйунч Мухаммад-султан с войском Согарджа и подвластных ему земель и Таваккал-султан с хорошо вооруженным отрядом, славным войском, [состоящим] из могущественных эмиров, таких, как ʿАбд ал-Баки, Кел-

диш-бий, Дустим курчи, из чухра-агаси: Рахимкули чухра-агаси, Дуст-мирза чухра-агаси. [Они поведут] такое огромное количество людей, что быстрый скакун-разум не дойдет до пределов числа и счета их, а быстроходный вестник-воображение утомится после того, как определит несметное число их, [таких воинов], которые на поле брани облачаются в кольчугу из Хата, подобную солнцу, держат в руках щит, напоминающий луну, грохот барабана привычен для них, как для Меркурия скрип пера, а гром боевой трубы — как для Венеры[84] звуки чанга[85]. Они обнажают сверкающие, как огонь, сабли и стоят на славном, почетном месте, как Юпитер и Сатурн. Месневи... [ʿАбдулла-хан] приказал, чтобы этот отряд отправился в Андижан (л. 383б) для уничтожения врагов...

(л. 385б) Когда [ʿАбдаллах]-хан[4], подобный Фаридуну, выступив, словно Искандар или Сулайман из Дарайи Ардахшан и остановился, к этой местности прибыл гонец и доставил весть о том, что Махди-султан, брат Му'мин-султана, и огромный отряд из войск Маргинана и Андижана и подвластных ему земель все еще осаждали крепость Маргинана и были опоясаны поясом усердия. Дустим-бий, Бикай-бий, засев в крепости, оказывали сопротивление неприятелю. Настроив инструменты вражды, они все время играли, выводя мелодии войны медиатором сражений. Услышав о том, что его величество [ʿАбдаллах-хан], снарядив отряд из лучших мужей, отправил [его] раньше [себя], он (Махди-султан) обратился в бегство и устремился в Андижан.

О том, как столпы [государства] и вельможи [ʿАбдаллах-хана] отправились в вилайеты Фергана и Андижан, вошли в крепость Маргинана и восстановили ее

Объяснение этого события следующее. Когда Му'мин-султан, взяв сыновей Дарвиш-хана, вместе со своими братьями отправился из Ура-тюбе в Андижан, стремясь всем сердцем к мятежу и смуте, он забыл о благополучии. Его величество [ʿАбдаллах-хан], присоединив к Ташкенту и Туркестану Ура-тюбе и Ходженд, передал [их] счастливому брату Дустим-султану. (л. 386а) [Дустим-]султан, повинуясь приказу [хана], поспешил в Ура-тюбе и поселился в этой благословенной местности. Он услышал, что Махди-султан, оставив своим людям Испара и Маргинан, а те, гонимые боязнью и страхом, избрали путь бегства.

Ввиду этого [Дустим-султан] приказал, чтобы Бикай-бий и Дустим-бий кушчи, которые по приказу его величества [хана] еще раньше прибыли в Ура-тюбе, отправились бы в Маргинан и, прибыв туда, если удастся, укрепили бы его крепость.

После того, как Махди-султан узнал о положении дел у них, с незначительным числом [своих] эмиров натянул поводья возвращения назад. Избрав путь дерзости, посыпав голову государства прахом гибели, он окружил эмиров [ʿАбдаллах-хана].

Когда враги, отказавшись от владений,
Направились в сторону Андижана,
[Дустим-] султан, дервиш по нраву,
Воинственный шах в день сражения,
Приказал, чтобы отряд всадников шаха, Джама[86] по достоинству,
Двинулся по направлению к врагам.
По приказу султана, друга дервишей,
Кому присущи набожность и благочестие,
Бикай-бий бахрин, витязь времени,
Прославленный мужеством, отвагой,
А также Дустим-бий кушчи,
От которого враги терпят сотни поражений,
Быстро опоясались бы для отмщения врагу,
Направились бы к врагам веры.
Они благополучно достигли крепости,
Прочной, неприступной, как высокое небо,
После совещания войско [хана], исполненное [жажды] мести,
Расположилось в цитадели.
Всюду, где были разрушения в крепости,
Они были быстро восстановлены [ими].
Когда Махди-султан узнал о положении дел у них,
О том, каково состояние дел в крепости,
Он поспешил, стремясь отомстить,
Вернулся обратно с дороги,
Сразу же окружил крепость,
Закрыл ворота благополучия перед эмирами [хана].

Махди-султан со своим младшим братом Хади-султаном все время прицеплял к поясу вражды подол мятежа и смуты, высунув руку из рукавов надменности, направлялся к крепости. Он усердно стремился захватить крепость, делал все необходимое для завоевания крепости и цитадели.

Внутри крепости счастливые эмиры [ʿАбдаллах-хана] с утра до ночи, с ночи до утра оказывали сопротивление врагам, (л. 386б) все активнее вступали в битву. В дни осады [крепости], когда мятежные враги стремились захватить эту неприступную крепость, [воины ʿАбдаллах-хана], нанося удары стрелами, туфангом, занбуреком и аррада[87], [не давали] врагам никакой возможности подступить к крепости. Когда по времени осады эмиров [хана] прошло более пятнадцати дней, а рассказ о походе победоносного войска [ʿАбдаллах-хана] все время доходил до слуха Махди-султана, поневоле он покинул поле битвы и сражения стопами вражды и в панике пошел по пути бегства, вступил на дорогу отступления.

Словом, после того, как упомянутые события дошли до высокого слуха победоносного хакана [ʿАбдаллах-хана], его величество снова приказал, чтобы у победоносного стремени оставалось лишь незначительное число [воинов] победоносного войска, а великий эмир, прибежище эмирского и везирского достоинства Кулбаба кукельташ, да приумножатся достоинство его, а также счастливый эмир Кучак-оглан, Мухаммад Баки-бий, Канбар-бий, Науруз-бий парваначи, Гаджи ʿАли шигаул вместе с остальным

войском, [могущественным] как небо, [как] и те, которые были в августейшей свите [самого хана], выступили вслед за теми, [кто отправился в поход] раньше. Упомянутые эмиры во всем величии и великолепии тотчас же двинулись в поход. Они выступили, позаимствовав скорость у ветра. После того, как они совершили много переходов, прибыли в Ура-тюбе, а оттуда вместе с его высочеством [Дустим-] султаном отправились в поход [с отрядом войск хана], выступившим раньше... Этот отряд в составе войска победоносного [Дустим-] султана догнал отряд, ранее отправленный [этим султаном] в Маргинан. Вместе с его высочеством Дустим-султаном отправились для уничтожения врагов, подобный Хосрову [Ануширвану] Исфандийар-султан со всеми эмирами столпами государства, а также Таваккал-султан[88] со всеми ишик-ага, чухра-ага, йасаулачи, могущественными, как Марс, караульными, подобными львам. В полном порядке, [вооруженный] по всем правилам, он направился к врагам, [быстро], как холодный ветер.

Еще раньше непрерывно (л. 387а) поступали сведения о том, что Му'мин-султан со всеми братьями, семьей, подданными и с Хашим-султаном, ʿАбд ал-Гаффар-султаном, выступив из Ахси и Касана, отправился в Кашгар. [Двигаясь] быстро, как восточный ветер, волей-неволей в панике они оказались в пустыне и в горах.

Словом, когда победоносное войско [ʿАбдаллах-хана] прибыло в окрестности Андижана, здесь услышали, что враги отправились в Ош, который является границей этого (Андижанского) вилайета. Они сразу же пошли преследовать их. Когда Ош стал местом лагерного расположения шатров величия и славы [воинов хана], дошли слухи о том, что сбившийся с пути отряд [неприятеля] бежал в Дашт-и Алай[89], подвластный Кашгару[90], а оттуда до крепости Кашгара — столицы Моголистана, не более одних суток пути. Воины [ʿАбдаллах-хана] тотчас же спустились преследовать убегающих. После пересечения пустыни они прибыли в такую местность, где в зеркале мысли и воображения ничего нельзя было видеть, кроме лиц дива и демона; на скрижалях познания, то есть в сердце, вырисовывались лишь [картины] перехода через рощи и холмы.

[Стихи]

Вершина горы ее [подобна] мечу на груди неба,
Кончики колючек, как скальпель на веках дракона,
Эта гора поднялась высоко и поэтому я сказал:
Удивительно, что не закрылись двери неба для солнца.
Вершина ее [горы] недоступна взору,
Густота ее леса не дает прохода воображению,
Самум[91] ее сжег перья Семург[92] так,
Что она лишилась возможности летать до дня воскресения,
Когда впервые холодный ветер прошел по ней [горе],
От страха он поднялся еще выше.

Глаз утренней птицы [соловья] не видел в ней воды, [даже] ночью, во сне, нога вестника не доходила днем до родника.

[Стихи]

Ни птица не видела в ней [даже] капли воды,
Ни демон не находил в ней [своего] дитяти,
Воздух ее — огонь, почва — раскаленный уголь,
Трава в ней — яд, ветер ее — самум,
[Своей тяжестью] она подобна горю, скрытому в сердце,
Протяженность ее, словно время в мире,
Подъемы и спуски в ней по протяженности — целый мир,
Можно сказать, что это растянутый ковер.

В понедельник 22 [числа] джумада I[93] они поднялись по горной тропе, подобной обиталищу Сатурна, которая тянулась вдоль Дашт-и Алай. Вдруг они увидели, что в этой бескрайней степи беглецы, воздвигнув палатки и шатры до высшей точки Сатурна, положили головы на подушки несчастья. Поэтому многочисленный отряд ханских [воинов] тронул норовистых походных коней. [Воины] были вооружены мечами, как солнце [лучами], держали щиты, подобные небу, копья, уподобившись Симак-и Рамиху[94], сабли, [блестящие] как метеор, они были облачены в кольчугу битвы, в латы сражения на головах их [были] каски храбрости и шлемы смелости. (л. 387б) Подобно голодному ястребу, который спускается сверху вниз, они спустились с вершины горы и вцепились в врагов. Звуки барабана и трубы поднялись до шарообразного неба и до солнца. На поле битвы крики молодых и старых вознеслись до вершины Луны и Меркурия. Месневи...

Му'мин-султан и Хашим-султан с остальными братьями спали беспечным сном, спокойно почивали на ложе отдыха. Когда до слуха их донесся рокот трубы и крики, издаваемые при наступлении храбрецами, покорителями [врагов], завоевателями мира, они проснулись от сна беспечности. В панике они сели на неоседланных коней и избрали путь бегства. Однако Махди-султан и ʿАбд ал-Гаффар-султан, которые хвастались [своей] храбростью, подобно недорезанной дичи, у которой дрожат конечности, предпочтя путь храбрости, остановились и стали воевать с победоносным [ханским] войском, по отношению к которому неусыпна победа. Победоносное войско устремилось, наподобие холодного ветра, чтобы уничтожить тот злосчастный отряд. Кого бы [воины хана] ни настигли из этого бесстрашного отряда, который блуждал в пучине смущения, быстрым струистым мечом тотчас же отсекали [им] горячие головы, пропитанные злом, и бросали под ноги коней, под копыта [скакунов] крепких, как железо. Стихи... Наконец, небесный Хумаи[95] счастья осенил сенью победы и торжества головы воинов могущественного [хана], на ясном челе помощников его величества появились лучи великой божественной помощи.

Таваккал-султан, благодаря милости господней, силе счастья шахиншаха (ʿАбдаллах-хана) и безграничной помощи [божьей], взял в плен Махди-султана и ʿАбд ал-Гаффар-султана и немедля умертвил [их]. Их имущество, скарб (л. 388а) и их семьи всецело оказались в руках победоносного войска [хана]. Войско, которому бог оказывает помощь, стало богатым деньгами и драгоценными камнями, как море жемчугами. Стихи... Когда, благодаря великой щедрости, огромной милости господа, в зеркале успеха показалась картина победы, начало улыбаться утро надежды на востоке желанной цели, у подданных его величества радость еще больше увеличилась от того, что им выпало такое счастье. Веселью, радости и ликованию не было предела. [Воины хана], взяв головы спесивых врагов, повернули поводья возвращения назад, на быстрых конях они поспешили к его величеству [хану]...

(л. 388б). Так, весь Ферганский вилайет от Ходженда до Оша и то, что является сопредельными землями Андижана, [ʿАбдаллах-хан] превратил в суюргал[96] султана, подобного Хосрову [Ануширвану], Исфандийар-султана, Ахсикет он пожаловал сыну султана, подобного дервишу Дустим-султана, то есть Пайанда Мухаммад-султану. Головы гордецов, которые были убиты, он послал через таваджиев во все вилайеты, в частности, в купол ислама Бухару. Он отправил славные реляции о победе его величеству Искандар-хану и махди-заде мира его святейшеству ходжа Калану[97], и успокоился насчет [всего] этого.

Победоносный [хан] с удовлетворением [выступил] оттуда, подняв знамя возвращения. Когда от остановки [его] войск, [многочисленных], как звезды, окрестности Ходженда стали средоточием величия, в этой же благословенной местности выяснилось следующее. После того, как сыновья Дарвиш-хана обратились в бегство с поля битвы, они бежали в Каратегин[98], что является границей Бадахшанского вилайета, к его правителю Хакиму и обосновались [там]. [Хан] назначил в качестве посла великого и славного эмир-заде Худайберди йасаула и приготовил все, что подобает правителю, как-то бунчук и знамя и отправил упомянутому правителю в знак поддержки [его]. Содержание послания следующее: «Некоторое число беглецов, которые бежали в результате нашего натиска и удара, ушло в ту сторону. По мере возможности он (правитель) пусть постарается задержать их и отправить [к нам] для того, чтобы отсечь им надменные, спесивые головы. Иначе, если возникнет мятеж со стороны этого разбитого отряда, рука принятия мер не достигнет до подола [успеха], и будет причинен ущерб всем мусульманам...» Худайберди йасаул, отправившись в Каратегин, вернулся с успехом — он привез головы сыновей Дарвиш-хана. В то же время прибыл человек из Ахсикета от Пайанда Мухаммад-султана и привез в подарок голову его правителя Хашим-султана и бросил [ее] к подножью трона халифостепенного [хана].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О сочинении и его авторе, а также литературу о них подробно см.: Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи. Ч. 1. С. 4—23.

[2] Рук. ЛО ИВ АН СССР, д. 88, л. 287б.

[3] Там же.

[4] Бурхан-султан — Шейбанид, сын Мухаммад Рахим-султана, сына ʻУбайдаллах-хана; правитель Бухары 1552—1556 гг.

[5] Қаракуль — средневековый город, расположенный к юго-востоку от Бухары, ныне районный центр Бухарской области Узбекской ССР.

[6] Узбек-султан — Шейбанид, сын Рустам-султана, сына Джанибек-хана.

[7] Хосров-султан — Шейбанид, сын Йармухаммед-султана, сына Джанибек-хана.

[8] Борак-хан (Науруз Ахмад-хан) — Шейбанид, сын Суйунч-ходжа-хана, сына Абу-л-Хайр-хана.

[9] Речь идет о битве, которая произошла в 962/1555 г. между войсками ʻАбдаллах-хана и Борак-хана у Фараба.

[10] Сайрам — средневековый город, расположенный в 20 км к востоку от нынешнего Чимкента.

[11] См. прим. 15, с. 60.

[12] Науруз Ахмад-хан умер в месяце зу-л-каʻда 963/сентябрь—октябрь 1556 г. в местечке Рабат-и Ходжа, расположенном в верховьях канала Даргам.

[13] ʻАбд ал-Латиф-султан — сын Кучкунджи-хана, сына Абу-л-Хайр-хана, правитель Самарканда (947/1540—959/1552).

[14] Султан Саʻид-хан — сын Абу Саʻид-хана, (937/1531—940/1534), сына Кучкунджи-хана; правитель Самарканда.

[15] Қарангу-таг — горная цепь между Аксу (Қашгар) и Тибетом (Абдулланома. Т. I. С. 359, прим. 608).

[16] Султан Саʻид-хан был сослан в Қарангу-таг в 962/1555 г. Науруз Ахмад-ханом после поражения войск последнего в битве за Бухару против ʻАбдаллах-хана, у Фараба.

[17] Джуванмард ʻАли-султан (хан) — Шейбанид, сын Абу Саʻид-хана, правитель Самарканда.

[18] Коран, С XIV, 5.

[19] Дарвиш-хан — Шейбанид, сын Науруз Ахмад-хана, правитель Ташкента.

[20] Это событие произошло в месяце джумада II 975 (декабре 1567 г.).

[21] Несеф — средневековый город, получивший название Карши в XIV в.; расположен в долине реки Қашкадарьи в 150 км к юго-востоку от Бухары; ныне районный центр Сурхандарьинской области Узбекской ССР (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 190).

[22] Сафар 980 г. х. соответствует июню месяцу 1572 г.

[23] Местность Кульба расположена на правом берегу реки Кухек (Абдулланома. Т. II. С. 343, прим. 336).

[24] Абу-л-Хайр-султан и Музаффар-султан — Шейбаниды; сыновья Джуванмард ʻАли-султана.

[25] Балх — древний город, расположенный к западу от современного Мазар-и шарифа современного Афганистана (Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 24—27).

[26] Андхуд — древний город, расположенный около нынешнего Андхоя (на севере современного Афганистана).

[27] Яджудж и Маджудж (библийские Гог и Магог) — легендарные народы, обитавшие на крайнем севере, которых якобы Александр Македонский согнал далеко на восток и построил для защиты от них стену, получившую название Садд-и Искандари (Искандарова стена).

[28] Согарджский вилайет — округ к северо-востоку от Самарканда. Главный город его Согардж находился в 5 фарсахах от Самарканда. Развалины его находятся в 4 км от селения Янгикурган (Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 181).

[29] Дустим-султан (ʿАбд ал-Куддус-султан) — Шейбанид; сын Искандар-хана, брат ʿАбдаллах-хана.

[30] Мийанкал — территория между Акдарьей и Карадарьей, рукавами Зеравшана.

[31] Амин-султан — Шейбанид; сын Науруз Ахмад-хана.

[32] Весна 983 г. соответствует марту—апрелю 1576 г.

[33] Ходжакет — селение, расположенное к северо-востоку от Ташкента на расстоянии ок. 60 км. Ныне входит в состав Орджоникидзевского района Ташкентской области УзССР (Абдулланома. Т. II. С. 363, прим. 762).

[34] Сабран (Сауран) — город на правом берегу Сырдарьи. Точное местонахождение города определено А. Х. Маргуланом — в 35 км к северу от Туркестана, в 8 км от разъезда 30, на левой стороне от железной дороги. (МИКХ. С. 494, прим. 22).

[35] Коран, LV, 19, 55.

[36] Дин Мухаммад-султан — сын Пирмухаммад-хана, сына Джанибек-хана, правитель Балха.

[37] Факир-султан — Шейбанид, сын Бурундук-султана, брат Хашим-султана (Абдулланома. Т. II. С. 334, прим. 174).

[38] Речь идет о подчинении ʿАбдаллах-ханом Хисара в 981/1574 г.

[39] Ираул — авангард, следовавший за передовым отрядом (Будагов Л. З. Словарь турецко-татарских наречий. Т. I. С. 185).

[40] Касан — древний город в Фергане на реке того же названия, ныне районный центр Наманганской области (Абдулланома. Т. I. С. 341, прим. 306).

[41] Альванд — гора в Иране к западу от Хамадана.

[42] ʿАбд ас-Самад-бий в то время был назначен ʿАбдаллахханом аталыком Му'мин-султана, сына Амин-султана.

[43] Тахир-султан — сын Науруз Ахмад-хана.

[44] ʿАбд ал-Гаффар-султан — сын Баба-султана.

[45] ʿАбд ас-Саттар-султан — Шейбанид; сын Баба-султана.

[46] Хашим-султан — сын Дустим-султана, сына Науруз Ахмад-хана.

[47] Дарвиш-хан был убит в 986/1578 г.

[48] 22 раби' I 987//соответствует 19 мая 1579 г.

[49] Каракамыш — местность к северо-востоку от Ташкента, ныне один из жилых массивов города (Абдулланома. Т. II. С. 358, прим. 648).

[50] Пскент — средневековый город; расположен к юго-востоку от Ташкента, в настоящее время центр одноименного района Ташкентской области Узбекской ССР.

[51] 2 раби' II 987 соответствует 1 июня 1579 г.

[52] Фарак — одно из древних названий реки Чирчик.

[53] Кан-и гил — название равнины к северо-востоку от Самарканда.

[54] Понедельник 26 рабби II соответствует пятнице 25 июня 1579 г.

[55] Кулбаба кукельташ — один из видных сановников ʿАбдаллах-хана, обладавший поэтическим даром и занимавший при хане ряд высоких постов; убит в 1006/1588 г. Абд ал-Му'мин-ханом в Ташкенте.

[56] Ибадалах-хан-султан — брат ʿАбдаллах-хана.

[57] Слово «кухек» обозначает горку. Данная горка, от которой заимствовала свое название река Зеравшан, расположена к северо-востоку от Самарканда и позже получила название Чупан-Ата.

[58] Вторник 27 раби' II соответствует 26 июня 1579 г.

[59] Махмуд-султан — Шейбанид; сын Сулайман-султана; сына Джанибек-султана.

[60] Среда 28 раби' II соответствует 27 июня 1579 г.

[61] Абд ал-Куддус-султан — см. Дустим-султан.

[62] Имеется в виду сасанидский царь Хосров II Парвиз (590—630).

[63] Исфандийар-султан — Шейбанид; сын Хосров-султана, сына Ярмухаммад-султана, сына Джанибек-хана.

[64] Парваначи — должностное лицо, которое по «высочайшему повелению вручало ярлыки государя удостоившимся их эмирам и великим людям» (Мирза Бади' диван. Маджма' ал-аркам. С. 97).

[65] Шигаул — должностное лицо, в обязанности которого вменялось вводить

послов на прием к хану (Мирза Бади‘ диван. Маджма‘ ал-аркам. С. 99).

[66] Ишик-ага (ишик-ага-баши) — главный хранитель ханского порога (Мирза Бади‘ диван. Маджма‘ ал-аркам. С. 98).

[67] Йайилма — местность на пути из Дизака в Самарканд (Шарафнама-йи шахи, рук. ЛО ИВ АН СССР, Д. 88, л. 308а).

[68] Последний день месяца раджаба 988 соответствует 10 сентября 1580 г.

[69] Маргинанский вилайет — область в Фергане с главным городом Маргинан (Маргелан). Маргинан был расположен на реке Маргелан-сай, в 12 км к северу от Нового Маргелана (нынешнего г. Фергана).

[70] Бузахур-султан — Шейбанид; сын Султан Мухаммад-султана, сына Абу Са‘ид-хана.

[71] Пайанда Мухаммад-султан — Шейбанид; сын ‘Абд ал-Куддус-султана.

[72] Пятница 20 раджаба 988 соответствует 2 сентября 1580 г.

[73] Хади-султан — Шейбанид; сын Дустим-султана, сына Науруз Ахмад-хана.

[74] 8 раджаба 988 г. соответствует 19 августа 1580 г.

[75] Хашим-султан — Шейбанид; сын Дустим-султана, сына Науруз Ахмад-хана.

[76] Фида‘и — жертвующий собой ради достижения цели.

[77] Мирахур — главный ханский конюший (Мирза Бади‘диван. Маджма‘ ал-аркам. С. 99, 114).

[78] Чухра — придворный паж.

[79] См. прим. 61, с. 56.

[80] Испара — средневековый город-крепость в Фергане, находившийся на реке того же названия на месте современного селения Исфара, центра Исфаринского района Ленинабадской области Таджикской ССР.

[81] Каф — согласно представлениям средневековых арабских географов, горы, опоясавшие землю.

[82] Бахрам — имеется в виду Бахрам Чубин, знаменитый полководец сасанидского царя Хормизда IV (579—590).

[83] Чухра-ага (чухра-агаси) — начальник придворных пажей.

[84] По представлениям восточных авторов, планета Венера является небесным музыкантом.

[85] Чанг — многострунный восточный музыкальный инструмент, похожий на лютню с загнутой ручкой в оконечности (Будагов Л. З. Словарь. Т. I. С. 489).

[86] Джам или Джамшид — царь из мифической древнеиранской династии Пишдадидов, согласно преданию научивший людей земледелию и ремеслу.

[87] Занбурак и аррада — небольшие пушки.

[88] Таваккал-султан — сын казахского хана Шигай-хана.

[89] Дашт-и Алай (Алайская степь) — горная долина между Алайским и Заалайским хребтами.

[90] Здесь имеется в виду название области (о границах ее см.: Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 71).

[91] Самум — жаркий ветер пустыни.

[92] Семург — мифическая птица, будто бы обитавшая в горах Эльбурс.

[93] 22 джумада 1 991 г. соответствует 15 июня 1583 г.

[94] Симак-и Рамих — копьеносец Рамих — название звезды Арктур, самой яркой звезды в созвездии Волопаса(EJ. Т. III. С. 425).

[95] Хумай — мифическая птица; по преданию, тот, на кого упадет ее тень, обретает счастье.

[96] Суюргал — земля, переданная в наследственное владение с правом взимания с ее жителей податей в пользу владельца суюргаля (Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений. Т. II. С. 100—103).

[97] Ходжа Калан-ходжа Са‘д ад-Дин (938/1531—32—997/1589) старший сын известного джуйбарского шейха ходжа Мухаммад Ислама и его наследник, игравший, как и отец, большую роль в общественно-политической жизни Бухарского ханства.

[98] Каратегин — средневековая область, расположенная по среднему течению реки Кизил-су.

МАХМУД ИБН ВАЛИ

БАХР АЛ-АСРАР ФИ МАНАКИБ АЛ-АХЙАР

(МОРЕ ТАЙН ОТНОСИТЕЛЬНО ДОБЛЕСТЕЙ БЛАГОРОДНЫХ)

Энциклопедический труд, из которого исследователь может почерпнуть исторические, географические и иные сведения; малоизученное оригинальное сочинение среднеазиатской историографии XVII в.

Автор сочинения — крупный балхский ученый Махмуд ибн Вали (родился около 1004/1595 г. — год смерти неизвестен), выходец из влиятельной семьи, получивший разностороннее образование, много путешествовавший по Индии, Цейлону и Мавераннахру. Помимо «Бахр ал-асрар», им написан ряд сочинений этико-дидактического, богословского и поэтического содержания: «Рава' их-и тайййба» («Приятные ароматы»), «Мухаббат-наме» («Книга о любви»), «Наджми сакиб» («Яркая звезда»), «Рисала-йи бахарийа» («Книга о весне»), «Ахлак-и хусайни» («Превосходные нравы») и большой диван стихов, состоящий из 50 тыс. бейтов[1].

Сочинение, откуда приводятся эти выдержки (города Восточного Туркестана и прилегающие к нему районы), состоит из семи томов, из которых дошел только первый (гео-исторического содержания, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2372) и шестой (всеобщая история, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1375, 1385 и 7414; еще один список этого тома, вернее четвертой части (рукн) его хранится в Англии в библиотеке «Индия оффис», инв. № 575).

Приводимые извлечения взяты из издания «Бахр ал-асрар»[2], рукописного списка его (первый том, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2372 и шестой том, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7418; а также рук. биб-ки «Индиа оффис» (инв. № 575).

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «БАХР АЛ-АСРАР» МАХМУДА ИБН ВАЛИ (Т. I.)

(л. 135а) **Аксу** — из городов области (мамлакат) Кашгар. Расположен поблизости к Китаю. Имеет весьма прочную и неприступную крепость на берегу глубокого оврага. Большинство жителей этого города идет в войска и ополчения. Из-за постоянного прохождения [через него] киргизов, калмаков, казахов и иных грабителей Моголистана[3] благосостоянию этой области (хатт) причинен большой ущерб. Также, ввиду систематического прихода [туда] и ухода [оттуда] различных султанов и правителей, можно сказать, что не бывает и недели, когда бы ни провозглашали хутбу на имя какого-либо падишаха, нет [и] дня, когда не было бы услышано о прибытии какого-либо [нового] правителя.

Климат Аксу хороший, земля плодородная...

(л. 134б—135а) **Алмалык**[4] — ближайший к Мавераннахру из

городов Уйгур[истана]. Чингиз-хан, считая [все земли] от Алмалыка до Джейхуна относящимися к Мавераннахру, пожаловал их в качестве суюргала[5] своему второму сыну Чагатай-хану. Рассказывают: когда Чингиз-хан пригнал в Туран[6] семьдесят семей хорасанских ткачей, как бы они ни старались здесь ткать шелковые одежды, они не были похожи на хорасанские. Находя причину этого в несходстве климата, обратились к каану [разрешить им выехать из Каракорума]. Последовал приказ, чтобы все [они] отправились по Турану и устраивались на жительство там, где климат был схож с климатом Хорасана. Они тут же отправились в города и области (билад ва асмар) Туранзамина и ходили до тех пор, пока не нашли климат Алмалыка схожим с хорасанским и облюбовали его для [постоянного] жительства.

Первая изобретенная в Туране письменность — уйгурская[7], [которая] по сей день известна и используется в некоторых странах Востока.

Народ этой страны в прошлые времена занимался наукой сийак[8], счислением, счетоводством и делопроизводством и ответственные [чиновники], находившиеся на службе у ханов Турана и [правителей] Китая, были из этого города и страны.

Ныне одно из племен (умак) монголов—это уйгуры и суть этого названия будет раскрыта в последнем томе этой книги[9].

В настоящее время от этого города (билад) ничего, кроме того, что [написано] в книгах и трактатах, не осталось. В некоторых степях и долинах Алмалыка обитают калмаки, а в некоторых [из них] временами поселяются племена киргизов и казахов. Однако от его построек не осталось и следа. Земля и [частично] степи его орошаются и засеваются.

(л. 144б—145а) **Баласагун** — из городов Туркестанзамина, известного [под названием] Моголистан. До нашествия монголов был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых. Мустоуфи[10] говорит: [Баласагун] — страна обширная и приятная, из шестого — седьмого климатического поясов, с очень прохладным климатом. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной [гяза]. [Баласагун] имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе[11].

Народ Баласагуна — сунниты и из общества ханифитов. В том городе из наук наиболее были распространены фикх и хадис.

После нашествия монголов до тех пор, пока законы (тураджат) монголов не повредили ему, он был благоустроенным и цветущим. И с тех пор до сегодняшнего дня он опустошенный и заброшенный. Некий путешественник, кашгарец, во время составления настоящего сочинения, в Балхе [нам] рассказал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмаков. Спустя два месяца, следуя по направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка

на четыре — пять зира'[12] выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок медресе и приметы их были видны с расстояния четырех фарсахов. Недалеко от той местности мы настигли калмаков и [между нами] приключилось сражение. Схватили много пленников из числа этих неверных и при возвращении, когда дошли до того места, где мы [раньше] увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно [лишь] то, что здесь [в прошлом] был город под названием Баласагун. Во времена правления некоторых потомков Чингиз-хана остался под песком, а в настоящее время в некоторых его местах из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей [домашней] утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а паласы и [прочие] пожитки исчезли. В некоторых же комнатах покоятся люди.

Словом, Баласагун в прошлом был одним из лучших городов того края (худуд), но в настоящее время забыто [даже] его название.

(л. 151б — 152а) **Биллуристан.** В некоторых исторических книгах сказано, что Биллуристан — это Кафиристан, ввиду инаковерия [его народа]. Он из благоустроенных мест на Востоке. Большую часть его составляют труднопроходимые горы.

[Биллуристан] с востока граничит с Кашгаром и Йаркендом, с севера — Бадахшаном, с запада — Кабулом и Лагманом, а с юга — Кашмиром. И все это, окружность которого составляет четыре месяца пути, есть Биллуристан. Во всей стране нет даже фарсанга земли, которую можно было бы считать ровной.

Народ Биллуристана не знает ни религии, общины [мусульман]; все то, что приходит им на ум, считают правильным. Между жителями деревень никогда не бывает согласия, а наоборот, между ним существует постоянная вражда и тяжба. Драка между ними происходит так: когда наступает день, жены их занимаются уходом за посевами, а мужья [их] дракой и [брато]убийством. С наступлением вечера жены [все] вместе направляются [к дерущимся мужьям] и разнимают их и, возвратившись домой, приступают к ужину. На другое утро женщины снова приступают к своим делам, а мужчины к своим. Так проводят они [всю] свою жизнь. Частенько и ночь проходит у них в драках и ссорах[13].

Жители Биллуристана имеют мало выгоды от землепашества и скотоводства, но некоторые виды фруктов и злаков в той стране (мулк) родятся хорошо, особенно гранаты, кои славятся сладостью и пользуются спросом. Там добывают и много меди. Автор «Тухфат ал-гара' ибн»[14] говорит: в области Биллуристана есть город, куда не попадает ни луч солнца, ни свет луны, кроме только снега и дождя... Народ Биллуристана бедный, не имеет ни земли, ни скота, но в горах есть много [рудников] золота и серебра, и [население] довольствуется тем, что попадает ему в руки...

(л. 214а — 214б) **Кашгар** — из больших областей восточной половины [обитаемой части света]. Мустоуфи относит его к чис-

лу хитайских городов, другие — Уйгуристана[15]; на стыке третьего и четвертого климатов. Как бы то ни было, [Кашгар] из известных областей (мамлакат) и границ ислама. Граничит с равнинами Моголистана, Китая с Тибетом, Биллуристаном, Бадахшаном и Ферганой. Известные города его: Йаркенд, Аксу, Хотан, Чалыш, Турфан, Бай, Кусан. Стольный город его также называют Кашгаром.

Урожаи зерновых и прочих злаков получают там хорошие, а хлопка мало. Из фруктов [и плодов] хороши виноград, персики и дыни.

Климат Кашгара близок к умеренному. Много в нем трав и растений.

Крепость Кашгара весьма прочная и неприступная, деревни и селения его в полном порядке. Имеется много садов и бахчи, бесчисленны в нем мечети, медресе, ханака и прочие благотворительные заведения и дома воздаяний.

Вот уже около трехсот лет, правление той областью находится в руках потомков Чагатай-хана ибн Чингиз-хана. В настоящее время не осталось в живых никого из дома Чагатай-хана ибн Чингиз-хана, кроме правителей Кашгара. Ввиду того, что между двумя династиями (между правителями Кашгара и Индии. — Б. А.) многократно имели место случаи заключения брачных союзов[16], падишахов Хиндустана [тоже] причисляют к потомкам Чагатай-хана, о чем будет сказано в своем месте, если будет угодно Аллаху.

Народ Кашгара в характере и натуре имеет преимущество над другими народами. По внешности они похожи на калмаков.

Войско Кашгара, хотя и состоит из узбекских родов (умакат), но в доблести и отваге на одну ступень ниже узбеков Мавераннахра.

Поэты и ученые Кашгара свободны и от порочного нрава, весьма знающие и начитанные; стремление одолеть трудности одержало верх над их естеством.

Кашгарцы изредка покидают свою родину (вилайет); говорят и по-тюркски, и по-таджикски. На обоих языках говорят без ошибок.

Натура их далека от [таких пороков, как] причинение ущерба [кому-либо] и поношения. Нет в их уравновешенной натуре особенно [таких плохих черт, как] высокомерие, своеволие, хвастовство, обман и притеснения. Они временами воюют с калмаками, киргизами и прочими...

Товар Кашгара — камень каш[17], яшма, брусчатый камень, мускус, золото, шитая золотом одежда, як, китайские изделия, рабы из калмаков, киргизские лошади и др.

Из мазаров знаменитых лиц там находится гробница Дувахана[18], являющаяся местом удовлетворения просьб и достижения цели.

Ходит молва о том, что однажды кашгарцы перепутали пятницу, совершив пятничное моление в субботу. Так, купец (кафила), ездивший [с товаром] повсюду, [как-то] проезжал через эту область и, понаблюдав такую картину, [потом] рассказал об этом случае повсюду...

Однако такое несоответствие не особенно проявляется в областях Мавераннахра, Балха и в других местах.

Прочие обстоятельства Кашгара будут изложены в разделе повествования о чагатайских ханах[19], если [это] будет угодно Аллаху.

(л. 130а — 130б) **Ош** — город, [расположенный] недалеко от границ (худуд) Кашгара и Уйгуристана. В прошлом считался [одной] из границ ислама... В преданиях есть отдельные рассказы о достоинствах Оша, а основание [его] приписывают [пророку] Сулайману[20], мир ему! В нем есть старинная постройка, известная под названием Тахт-и Сулайман[21] и в ней было похоронено большинство последователей [пророка] Сулаймана. Во время завоевания Оша арабами приняли там мученическую смерть многие их предводители.

В настоящее время [Ош] далек от благоденствия и благоустройства. Временами в его окрестности переселяются киргизские племена и мятежные казаки[22].

(л. 199б) **Тараз**[23] — город на границе области (мамлакат) Ферганы, смежен с Кашгаром. Из пятого климатического пояса, с хорошим и приятным климатом. Земля Тараза благая и приятная. Жителям его присущи доблесть и отвага.

Сто шестьдесят лет тому назад Тараз был чрезвычайно богатым и благоустроенным [городом]. В настоящее время, вследствие частых прохождений через него казахского и киргизского войск, область (вилайет) пришла в упадок, вернее, стала похожа на мираж.

В прошлом товар его составляли золото, серебро, рабы (гулям), невольницы-турчанки, холст и лошади.

(л. 156б — 157а) **Татар.** Хотя в действительности слово это означает название одного из тюркских племен, но [этим названием] стали именовать особую местность в Туркестане, где находятся юрты[24] и жилища этого племени (синф). Область (саразамин) находится около Китая.

В некоторых исторических книгах говорится: Татар и Монгол были братьями, являясь потомками тюркских царей. После смерти отца между братьями началась борьба за престол, переросшая в [открытую] войну. Поскольку у Монгола людей (атба') и оружия было больше, Татар вынужден был бежать и явился под защиту Тура ибн Фаридуна[25], который в то время был правителем Туркестана. И Тур, по просьбе Татара, [с войском] переправился через реку Карамуран, внезапной ночной атакой покончил с Монголом и, подчинив себе весь его народ и улус[26], во

главе [его] поставил Татара. И с тех пор улус Татар приобрел известность..., а имя Монгол было забыто...

В прежние времена татары поклонялись солнцу, между ними и китайцами существовали добрые отношения и согласие. В настоящее время племя татар составляет одно из узбекских племен.

(л. 157а — 157б) **Тибет** — обширная страна из четвертого — пятого климатов; расположен между Кашгаром, Кашмиром и Китаем. Мирза [Мухаммад] Хайдар говорит: «Тибет расположен так, что из-за труднопроходимости, скудости трав [и растений], сильной стужи и малонаселенности, его посещают очень немногие. Страна так обширна, что ее с севера на запад и с юга на восток можно пройти за восемь месяцев, а в ширину — за месяц.

Тибет граничит с северо-запада с Биллуристаном, на котором мы уже останавливались выше, на юго-востоке с Киндженфу[27], подвластным Китаю. На северо-востоке Тибета расположены Йаркенд, Хотан, Сариг уйгур и еще несколько мест [Уйгуристана], а с юго-запада он граничит с Кашмиром и некоторыми другими вилайетами Хиндустана[28].

Тибет расположен на большой высоте [над уровнем моря], по этой причине климат его холодный, а земля ничего, кроме репы не родит, трава и деревья не растут...

В прежние века у населения Тибета не было признаков верования и мусульманства и лишь после того, как некий даосский монах принял ислам при его посредничестве тибетцы были обращены в ислам. И в настоящее время, а с тех пор прошло уже более тридцати лет, тибетцы — мусульмане.

Из чудес Тибета — это рудники золота. Об этом и других чудесах [и диковинках] этой страны будет изложено во второй части (рукн) последнего (шестого) тома этой книги...

(л. 156а — 156б) **Туркестан** — обширная и приятная страна, объемлет множество городов, степей и равнин, так что подвластные ему местности разбросаны по восточной части пятого, шестого и седьмого климатов. В длину, согласно автору «Гара'иб»[29], [Туркестан] простирается от [северного берега] реки Сейхун до берегов реки Карамуран. И эту землю в настоящее время называют Моголистаном. Кашгар, Йаркенд, Хотан, Тибет, Биллуристан, Северный и Южный Китай в него не входят. Все эти земли, относя к Туру ибн Фаридуну, называют Тураном. Однако нынче Туркестан (город Туркестан. — Б. А.) — это город Сакси, который простой народ называет Йассы. Ходжа Ахмад Йасави — родом из этой области [и города] и похоронен там. В настоящее время от имени его халифостепенного величества Имамкули-хана[30] им правят казахские султаны.

Словом, страна Туркестан, как в древности, так и после была юртом и местом обитания потомков Тура ибн Йафаса, некоторые из известных племен (каба'ил ва умакат) которого будут описаны в последнем томе сей книги[31].

Большими городами [Туркестана], которые при Чингиз-хане были центрами его, являются Келуран[32], Каракорум[33], Кок-кашанэ[34] и Дашт-и Кипчак[35].

Народ сей страны (мулк) в каждую эпоху имел особое имя и прозвище. Так, со времени Тура ибн Йафаса до появления Могул-хана жителей этой страны называли тюрками. После становления у власти Могул-хана ко всем племенам, обитавшим в ней, прилагалось имя могул. После поднятия государева знамени Узбек-хана[36] и по сей день жители этой страны именуются узбеками. И это признано в соседних с Тураном странах, а в отдаленных же странах, как и прежде, все население Турана называют тюрками. Сказал пророк, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир!: «Не покушайтесь на тюрка, пока не трогает он Вас»[37]. Народ этот славится злостью, проворством, смелостью и отвагой. В настоящее время управление большой частью света принадлежит этому народу...

Климат Туркестана прохладный. В настоящее время возделанных и пригодных [к посеву] земель, городов и крепостей в нем мало. В эти дни большая часть этой страны (худуд) — место обитания калмаков и киргизов. У них признаки верования и мусульманства проявляются редко. Повседневным средством существования являются лошади и овцы, особенно конина и конское молоко, называемое кумыс, [также] шерсть и кожа этих животных. Существование предводителей племен тоже от них. Ввиду большой занятости нападениями друг на друга и ограблениями, у них времени для других занятий не остается.

Товар Туркестана — белый тополь (хаданг), соболий мех, меха серой белки, горностая, черной лисицы, рабы и рабыни, овцы, белый сокол, ястреб, тогрел, кречет и камень йада[39]...

(л. 134б) **Уйгур [истан]** — из стран восточной половины обитаемой части света. Из пятого — шестого климатов. Расположен к востоку от Мавераннахра и является границей Туранзамина. Объемлет несколько городов и поселений (касаба) Алмалык, Бишбалык, Халлух, Чигил, Фараб, Кашан[39], Кум и Татар, некоторые из которых будут упомянуты на своем месте, являются из числа его городов.

(л. 205а) Фаргана — область (вилайет) из пятого климата. Большинство районов (музафат) ее входят в состав Мавераннахра. Основана Ануширваном Справедливым[40]. Затем переселил он туда [из подвластных ему стран] по одному человеку из каждой семьи и благоустроил ее. Поэтому она обрела известность [под названием] Хархане, но большинство [народа] назвало Фаргана.

В первые годы владычества монголов область пришла в упадок. Кайду-хан ибн Каши ибн Угудей-каан[41], приложив усердие к ее восстановлению, вернул ей прежний вид. После него этой областью (мулк) владел Дува-хан ибн Борак-хан, потомок Чингиз-хана и постепенно сделал ее благоустроенной [областью].

Словом, [Фаргана] — область обширная и из пределов ислама. Имеет множество подвластных районов и самыми известными [среди них] являются Ахсикат, Касан и Узгенд, где находится благословенный мазар саййид Бурхан ад-Дина Клыча[42]. Город этот расположен недалеко от Ахсикета. Другой [большой город Фарганы] — Андижан, который в настоящее время является центром области.

Климат Фарганы прохладный, а вода ее— из реки Сыр [дарьи]. Урожаи здесь хорошие. Из фруктов: виноград, абрикосы, яблоки, персики, а из бахчевых очень хороши и желанны дыни.

Народ Фарганы смышленый, сообразительный и представительный. Начиная от воина и кончая простолюдином, все они смелые, отважные и предприимчивые. Ученых в этой области много; большинство ученых-законоведов (факих) вышло из Фарганы.

В городах области много рудников золота, серебра, меди, нефти, ляпис-лазури и тому подобных. Однако в настоящее время, из-за постоянных междоусобиц, [они] не разрабатываются.

(л. 205б) **Фархар** — область (мамлакат) из шестого климата; ей подвластно много районов (таваби‘ ва музафат) и в настоящее время входит в состав страны (улка) калмаков...

(л. 173а) **Хитай** — ... страна из четвертого — пятого климатов, столица его— город Ханбалик, в бытности резиденция потомков Чингиз-хана после завоевания [монголами] Хитая[43]... страна обширная. Посередине ее протекает река...[44], и по ней в день проходит три тысячи судов. Хитаю подвластно много городов и областей (мамалик). Хубилай-каан[45] около Ханбалика построил другой город и о нем будет сказано в [разделе] о положении дел Хубилай-каана[46]... Камчи и Шакчи — из больших городов Хитая. Товар его — посуда чеканная, ткань, пользующаяся большим спросом, мускус, бумага, деревянная посуда, китайская медь, бадьян, чай, наложницы-калмычки, а из плодов — различные фрукты.

(л. 173а) **Хотан**... — Мустоуфи говорит: [Хотан] область (мамлакат) обширная, из четвертого — пятого климатов. Известные его города — Кашгар и Талас. В настоящее время [Хотан] подвластен Кашгару. От Кашгара до Хотана — двенадцать переходов, а от Хотана до Китая — четыре месяца пути.

Народ этой области, благодаря храбрости и отваге, [ни перед кем] не унижается. Среди них людей красивых и привлекательных много.

Товар Хотана — каш, нефрит и некоторые [виды] шелковых материй, рабы и рабыни. Большинство [его] народа уходит в войска и ополчения.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «БАХР АЛ-АСРАР» (Т. VI)

[Набег Ишим-султана[47] в юрт калмаков]

(л. 110а — 111а) Обстоятельство [этого события] вкратце следующее. После того, как высокостепенный хан (Имамкули-

хан) возвратился из встревожившего его похода[48], Турсун-султан[49] и Ишим-султан простили друг друга и снова завязали узы дружбы. [Продолжалось так] до тех пор, пока ум Ишим-султана не охватило намерение устроить набег на [юрты] калмаков, [и поэтому] со всем доблестным войском (кошунат) и некоторыми султанами из улуса [самого] Ишим-султана и родами (умакат) Турсун-султана не выступил и внезапно не появился в некоторых становищах (йуртгах) калмаков в Моголистане и после горячих схваток и убийств не подверг их разграблению.

Турсун-султан.., узнав об этом, с многочисленным войском послал всех своих родичей на ставку (урду) Ишим-султана, находившегося где-то в Туркестане, с приказом истребить и пленить его людей. И все они, согласно приказу, приступили к выполнению своих обязанностей, справились с поручением и, схватив в плен жен и детей упомянутого султана, привели их в Ташкент.

В это самое время Турсун-султана охватило желание лично выступить против Ишим-султана, застать его врасплох и схватить его в пути. Однако, ввиду того, что в челе этого истинного мусульманина всевышним был предначертан знак небытия... в местечке Саййид сукмас, подвластном Сайраму, [Турсун-султан] встретился с Ишим-султаном и растопил печь сражения. С той стороны Ишим-султан, узнав об уловке [Турсун-султана], разгневался, нахождение этого завоевателя в этой неспокойной степи счел удобным случаем и сжег огонь небытия в подолах его платья... На лике жизни Турсун-султана появились следы несчастья, счастливые же знамена Ишим-султана возвысились...

Словом, воинство Ташкента оказалось в плену роковой судьбы: большая часть [его] была истреблена, Турсун-султан же бежал [с поля боя]. Однако же, когда он добрался до своего постоянного местопребывания (в Ташкент), узнал, что невестка царства уже находится в объятиях другого... Подробность этого [события] такова: в то самое время, когда Турсун-султан, с намерением учинить засаду, направился против Ишим-султана, Даучабий конгурат, приближенный бодрствующего падишаха (Имамкули-хана) и правитель Ходженда и правитель Ура-тюбе Суюнчбий, считая момент удобным, выступили на подвластный Ташкенту Бискент. В это самое время владетель Андижана Абулай-султан объединился с упомянутыми эмирами и все вместе напали на Бискент; после упорных боев отняли его у Иш Кара-султана... Затем оттуда направились на Шахрухийа, изгнали оттуда Мурад-султана и подчинили его в верховный диван (диван-и ʿали).

После того, как эта добрая весть относительно смекалки и успехов друзей государства дошла до слуха правителя Дизака[50], в жилах Бек-оглы укрепились твердость и рвение, и напал он на Ташкент.

Ишим-султан, узнав о том, что Турсун-султан оказался в трудном положении, с намерением отомстить ему [за содеянное] выступил из Сайрама и [тоже] направился на Ташкент, но [сна-

чала] из-за необходимости подстелил коврик веселья перед Бек-оглы и превратил его (коврик) в место дружеских бесед.

Хотя Турсун-султан по року судьбы избавился от вражды внутренних и внешних недругов... [однако] его приближенные, кочевники и его доблестные воины вышли из круга повиновения и разом напали на арк и совершили тяжкое преступление (т. е. умертвили его). Ишим-султан голову Турсун-султана отправил в чертог искушенного опытом падишаха (Имамкули-хана) через упомянутого выше эмира [Бек-оглы]... После того, как сей подарок (тухфа) был доставлен к слугам падишаха, последний пожаловал Ташкент, Туркестан и другие крепости и селения (бук'а) тех областей (худуд) Ишим-султану, которому был отправлен об этом ферман его величества.

(л. 223б) [*Отправление 'Абд ал-'Азиз-султана в Бухару*]

И еще. В те дни[51] среди населения распространился слух о набеге калмаков в окрестные районы (худуд) благородной Бухары. По этой причине последовал приказ (ферман) [его величества Надр Мухаммад-хана][52] о том, чтобы счастливый царевич ['Абд ал-'Азиз-султан] спешно отправился к стопам дражайшего дяди (Имамкули-хану в Бухару) и с усердием исполнял все, что он прикажет. Благородный царевич в тот же час, согласно повелению своего могущественного отца, собрался [в путь] в сопровождении некоторых эмиров, в частности 'Абд ар-Рахмана аталыка, который в те дни постоянно добивался отставки от должности аталыка султана, последний же просил [отца] оставить его при нем и просьба его была уважена; и с некоторыми приближенными хана, как-то Мехди Мирзайи ширином и ему подобными 19 ша'бана того же года[53] со всем величием переправился через Джейхун, а четвертого дня благословенного рамазана[54] со всем величием и достоинством прибыл во дворец уважаемого, прославленного, гордости царства дяди.

(л. 382а). *Повествование о посылке могущественным хаканом ('Абдаллах-ханом) авангарда на Андижан для погашения пламени смуты оставшихся бунтовщиков*

Когда наступил 991 (1583) г. и думы могущественных султанов были заняты различного рода мирскими увеселениями и на их лицах не были видны [следы] вражды и насилия..., высокие помыслы его величества хакана успокоились от беспокойства смут, чинимых коварными людьми, и были заняты [только] намерениями захватить Хорасан, [чтобы] искоренить еретиков и бунтовщиков, отважившихся [выступить против него], начиная со времен появления его государства до достижения им могущест-

ва[55]... и поэтому с многочисленным войском направился на Чарджуй и решил зимовать в селении Могулан. После сбора победоносного войска и упорядочения некоторых неотложных дел... из-за сильной пыльной бури, разыгравшейся тогда в тех местах, благородное здоровье хана... ухудшилось, а после расквартирования войска вокруг Чарджуя болезнь усилилась...

(л. 382б) Ввиду усиления жары в теле, хан, по совету приближенных, ...чтобы поправить здоровье, возвратился в столицу. Встретившись [и посоветовавшись] с благородными и рассудительными мужами, решил переменить местожительство и направил вожжи государева скакуна на сторону Карши...

В это самое время в небовидный чертог [хакана] из Герата прискакал гонец (касди) и повел разговор о подлинной дружбе и сказал, что хорасанцы стеснены из-за гнета туркмен[56] и прочих торговцев и [поэтому] с нетерпением ждут [прибытия] августейшего кортежа хана [в Герат].

В то же время... некоторые султаны удостоились приема хакана. В небовидный чертог приехали также послы (расулан) правителя Рума[57], выразили чувства подлинной дружбы и преподнесли [хану] чудесные дары и подношения [своего правителя]. Послам правителя Рума и гонцу хорасанцев [хакан] устроил пышный прием, уважил их просьбы и разрешил им возвратиться.

(л. 383а) В это самое время [хана] одолела слабость, вследствие чего отъезд [в Карши] был отложен.

После того, как весть об ухудшении здоровья хана дошла до ушей Му'мин-султана, сына Амин-султана[58], он, разорвав нити дружбы и единства [и] вступив на путь распутства и порочности, поехал к Махди-султану, сыну Джуванмард ʿАли-хана[59], хитростью и уловками сбил его с пути единодушия [с ʿАбдаллах-ханом] на путь лицемерия. После этого упомянутые султаны заключили союз с Хашим-султаном, сыном Достим-султана, сына Борак-хана, и ʿАбд ал-Гаффар-султаном[60] и другими отколовшимися султанами и [все вместе] подняли бунт [против ʿАбдаллах-хана].

Когда сей пыл огорчения поднялся высоко, омрачился рассудок хакана, но, ради спокойствия страны и успокоения упорствующих [султанов], решил мирным путем направить их на путь истины и вызволить их из пучины бунта, являющегося следствием порочности и несправедливости, [поэтому] послал ему (Му'мин-султану) право на управление Шахрисабзом... Однако [султан] отклонился с пути [повиновения] и поднял пыл вражды.

По этой причине высокие помыслы могущественного хакана были охвачены решимостью наказать, т. е. искоренить бунтовщиков и [поэтому] Исфандийар-султану[61], Суйунч Мухаммад-султану[62], Тиниш-султану[63] и Таваккал-султану[64] велел идти к Достим-султану[65] и вместе с ним вырвать деревцо [бунтовщиков] с корнем. [Упомянутые] султаны, согласно повелению [хана],

собрались под знамена Достим-султана и направились на Андижан. После того, как местечко Тева йайлак[66] стало лагерем [этих] славных султанов, они решили послать авангардом (мангилай) Бикай-бия и Достим-аталыка с приказом закрепиться в крепости Маргинан. Эмиры, с одобрения султанов, немедля направились [на Маргинан] и вошли в него.

Махди-султан[67], узнав о приходе сих двух именитых [эмиров], с 4000-м жаждущим мести войском из Андижана, направился на Маргинан, обложил его и прикрыл текущие вокруг крепости воды. Бикай-бий велел [своим] рвением и вдохновением прорыть колодец в самой крепости; было добыто много воды. Затем к Достим-султану послал гонца и известил его о положении дел [в Маргинане] и просил оказать помощь. С прошествием двадцати дней, после того, как эти два эмира, проявляя преданность и усердие, силой оружия укорачивали алчную руку неприятеля от захвата той крепости, до ушей [осаждавших Маргинан] несчастных военачальников дошел слух о приближении доблестного эмира Кучак-оглана и верховного эмира (амир ал-умара) Кулбаба кукельташа во главе с пятью сотнями [конницы]. Как только лучи авангарда победоносного войска осветили разум неприятеля, (л. 383б) Махди-султан, охваченный страхом, покинул свой лагерь, в полночь снял осаду Маргинана и подался на сторону Андижана, [но] и там не решился остаться и, захватив с собой домочадцев и скарб, ушел на сторону Кашгара, но подобно куску железа, затерялся в щебне.

Хакан-миродержец, после назначения авангарда (илгар) и отправления [вышеупомянутых] именитых султанов, из Карши возвратился в стольный град Самарканд, но, ради защиты чести, сочтя неподходящим остаться в нем, не спеша [тоже], направился в сторону Андижана. После остановки в [местечке] Кирк Мир Агаджан[68], узнав о случившемся с неприятелем [в Маргинане], оставшихся бахадуров направил к своим на помощь. На другой день... сам вступил в путь и сделал остановку в Кентибадаме[69]. Далее, делая остановку за остановкой, не спеша доехал до Исфары[70], и совершил поклонение местному мазару... Из Исфары направился на сторону речки Баришкан и, переправившись через нее, несколько дней отдыхал там [на берегу этой речки].

Когда эмиры авангарда дошли до Маргинана, не смогли найти даже следа от неприятеля. [Тем не менее], Кучак-оглан и Кулбаба-кукельташ решили не успокаиваться до тех пор, пока нога их не коснется камней [гор] и не обнаружат следы сих безумных (на фарханган). После того, как предложение это было принято, об этом было послано донесение в [высокий] порог [хакана], а султаны выступили авангардом, чтобы с корнем вырвать деревцо неприятеля. После того, как достигли местности Кизили[71], оставили там некоторые вьюки и ноши, и направились на сторону Тушканлык[72]. Когда проехали Шаш табан, им преградила путь обрывистая, подобно высокому минарету, гора, вершина которой

даже в месяце таммуз[73] не бывает без холода и молнии. Благодаря выдержке и отваге [воинов] им удалось подняться на ее вершину... Когда заглянули в вызывающий страх низину, увидели неприятеля, пребывающего в душевном спокойствии и увеселениях. После этого Таваккал-султану было приказано идти караулом и совершить [внезапное] нападение на неприятеля, а султанам выступить вслед за ним, забить и рассеять его. В первой же стычке были убиты Махди-султан и ʿАбд ал-Гаффар-султан. Му'мин-султан, воочию увидев постигшее братьев, со страху подался на сторону Хашим [-султана][74], которого не было в том сражении, он находился вдали от той горы. Из-за упреков, кои он слышал от султанов-бунтовщиков, и посчитав время благоприятным для того, чтобы найти [надежное] убежище, повернул он на сторону Муз-таг[75]. Мужи покоряющего государства тоже направились туда вслед за неприятелем.

(л. 384а) В то же самое время, когда положение неприятеля было доложено в небовидный чертог, стало причиной [серьезного] обсуждения на высоком собрании. [Но] те злосчастные, после того как выбрались из водоворота [того] бедствия, Му'мин-султан, Хашим-султан, Шахмухаммад-султан[76] и Музаффар-султан[77] с 400 всадниками подались в сторону Муг, подвластный Каратегину[78]. Когда о них стало известно хакиму Муга, он для вида решил выказать им почести..., [но] до того они повернули на узкое и опасное ущелье Халаф [что в пути в Бадахшан], но прошли через него и спаслись только Му'мин-султан и Хашим-султан, остальные же султаны и воины сложили там головы. Гордые головы султанов хаким отослал в чертог хакана — защитника ислама.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Махмуде ибн Вали и его жизни подробно см.: Ахмедов Б. Маҳмуд ибн Вали. Тошкент, 1966; Его же. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд. С. 62—65; Его же. Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 3—12.

[2] Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география)/Введение, перевод с персидского, примечания и указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

[3] Моголистан — феодальное государство, основанное в 748/1347 г. эмиром Пуладчи из племени дуглат и Чингизидом Туглук—Тимуром (748/1347—48—764/1362—63). В его состав входили: Восточный Туркестан, Семиречье и др. (Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. С. 79—95).

[4] Алмалык — крупный средневековый торговый город в долине Или, к северо-западу от г. Кульджи, южнее озера Сайрам и перевала Талки (Bretschneider M. P. Mediaval Researches. P. 44).

[5] См. прим. 96, с. 239.

[6] Туран или Туркестан — «страна тюрков», расположенная к северу от рек — Амударьи и Сырдарьи вглубь до Великой китайской стены на Востоке.

[7] Здесь допущена неточность. Письменность среди тюркоязычных народов возникла еще в первых веках нашей эры (например, орхоно-енисейская руническая письменность). Вслед за рунической появилась уйгурская письменность, созданная на основе согдийской.

[8] Сийак — наука о счете (как денег, так и зерна). При этом использова-

лись особые знаки счисления (Мирза Бади‘ диван. Маджма‘ ал-аркам С. 13—20, 117).

[9] Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа Оффис», л. 376б—377б, и след. Ср. Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 146—149.

[10] Мустоуфи — известный иранский государственный деятель и ученый-географ Хамдаллах Мустоуфи Казвини (1281—1349).

[11] Сведения об оборонительных и иных сооружениях и достопримечательностях Баласагуна в известных нам источниках отсутствуют. Приведенные в «Бахр ал-асрар» данные относятся ко времени Караханидов, когда Баласагун — одна из резиденций их правителей. Судя по тому, что кара-китаям удалось захватить город (в 1130 г.) лишь после шестнадцатидневной осады (Бартольд В. В. Баласагун. С. 356), он был в те времена большим и укрепленным.

[12] Зира‘ — мера длины (локоть), равная примерно 65—81,28 см. (Хинц В. Мусульманские меры и веса. С. 64—71).

[13] Сведения о Кафиристане (Биллуристане), в большей части заимствованы у Мухаммад Хайдара (Ср. Бартольд В. В. Кафиристан. С. 21—22).

[14] «Тухфат ал-гара‘иб» — сочинение, которое до нас не дошло, ничего не известно и об его авторе.

[15] Под Уйгуристаном подразумевается весь Восточный Туркестан.

[16] Имеется в виду вступление Тимурида Умар-Шейха (правитель Ферганского удела Тимуридов) в брак с дочерью моголистанского хана Юнус-хана (866/1462—892/1487) Михр Нигар-ханум, сын которых — Бабур — положил начало династии Бабуридов (Великие моголы), правивших Кабулом, Газной, Кандагаром и Индией (932/1526—1274/1858).

[17] Каш — (монг. хас) — высший сорт яшмы.

[18] Дува-хан — Чагатаид, правитель Чагатаева улуса в 690/1291—706/1306 г.

[19] Истории Кашгара, да и всего улусу Чагатая, посвящена вторая часть (рукн) «Бахр ал-асрар» (см. рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7418, л. 135б—257б).

[20] Сулайман (библейский Соломон) — легендарный пророк. Согласно верованиям мусульман, был покровителем духов (Камус ал-‘алам. Т. IV. С. 2614).

[21] Тахт-и Сулайман (престол Соломона) — почитаемая мусульманами горка в центре Оша; в древности назывался Ханаф, где было много мазаров мнимых святых, в числе которых якобы, и мазары Сулаймана и его везира Асафа (Подробно см.: Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням. С. 53).

[22] «Казак» — всякий, кто лишился власти в прошлом и вел бродячий образ жизни (подробно см.: Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. С. 212).

[23] Тараз — средневековый город на берегу одноименной реки, около нынешнего Джамбула.

[24] Юрт (староузб.) — в широком смысле означает страну, государство, царство, отечество, народ. Здесь — определенная территория, населенная племенем, народом.

[25] Фаридун — шестой правитель из древнеперсидской династии Пишдадидов (см.: Навои. Тарих-и мулук-и Аджам. С. 189—191. Ср. Беруни. Асар ал-бакийа. С. 114, 116; Фирдоуси. Шах-наме. Т. I. С. 616—617, 2321, 2859).

[26] Улус — территория, населенная кочевыми племенами (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа Оффис», л. 278а—286а) и др., крупное племенное объединение, народ (Будагов Л. З. Сравнительный словарь. Т. I. С. 88—89).

[27] Кинчджанфу — один из больших городов Тангута. «Там,— рассказывает Рашид ад-Дин,— следующие большие города, которые являются столицами их государей: Кинчджанфу, Камджифу, Арзуй, Халджан и Ак-балык (Рашид ад-Дин. Т. II. С. 208). Но, как известно, Тангут — на северо-востоке Тибета. По-видимому, в текст «Бахр ал-асрар» вкралась ошибка, исходящая от переписчика.

[28] Тибет, помимо Кашмира, граничит с Индией, Джамму и Хамачал-Прадешом.

[29] «Гара‘иб» — по-видимому, имеется в виду космографический труд Абу-л-

фида (ум. в 699/1299 г.) (см.: Михайлова Н. А. Каталог арабских рукописей. Вып. 2. С. 28—30).

[30] Имамкули-хан — бухарский хан (1020/1611—1052/1642) из династии Аштарханидов (Джанидов).

[31] См. Бахр ал-асрар, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1375, л. 269б—271б.

[32] Келуран — точное местонахождение установить невозможно. Автор «Зинат ал-маджалис» (конец XVI в.) помещает его между областью киргизов и Селенгой (МИКК. Ч. 1. С. 80—91 и след.).

[33] Каракорум — средневековый город на реке Орхон (Монголия); резиденция монгольского каана и улусных правителей в 1230—1260 гг. Потерял былое значение после XV в. (Бартольд В. В. Каракорум//Соч. Т. III. С. 443—444).

[34] Кок-кашанэ — некрополь белоордынских ханов; был расположен в пяти километрах к юго-востоку от средневекового Сыгнака (подробно см.: Дивае в А. А. Мавзолей Кок-кесене//ПТКЛА, год десятый. Ташкент, 1905).

[35] Дашт-и Кипчак — земли, расположенные к северу от Сырдарьи.

[36] Узбек-хан — Джучид, хан Золотой Орды (712/1312—742/1341).

[37] Хадис.

[38] Камень йада (тюрко-монг.— джада) — безоар, при помощи которого, по верованию тюрко-монгольских народов, можно было вызвать дождь, снег, бурю, или же предотвратить их (см.: Беруни. Минералогия. С. 205—207; Бартольд В. В. ...//Соч. Т. II. Ч. 2. С. 97, 180, 517).

[39] Кашан — описка в рукописи, должно быть Кусан — нынешний Кучар, расположенный на севере Тарымского бассейна.

[40] Ануширван Справедливый — сасанидский царь Хосроу I Ануширван (531—579).

[41] Кайду-хан ибн Каши — потомок Угедэй-каана, соправитель Чагатаева улуса в 664/1265—701/1301 гг. (см. Бартольд В. В. Туркестан//Соч. Т. I. С. 582—583; Он же. Чагатай-хан//Соч. Т. II. С. 541).

[42] Саййид Бурхан ад-Дин Кыч — крупный среднеазиатский шейх, родом из Ферганского Узгенда; современник Караханида Богрохана Абу 'Али ал-Хасана ибн Сулаймана (451/1059—467/1075); пользовался непререкаемым авторитетом не только в Фергане, но и в Кашгаре, Самарканде и Бадахшане (Кандийа, л. 71б—72а).

[43] Китай, вернее Северный Китай был окончательно завоеван монголами в 1231 г., а столица монгольской империи была переведена из Каракорума в Китай в 1260 г., сначала в Кайпин, а в 1264 г.— в Джунду (современный Пекин).

[44] Название реки не поддается идентификации (з... р... ф...). Не приводится оно и у Рашид ад-Дина. У него просто сказано: «В Ханбалыке — Дайду есть большая река, текущая с северной стороны, из пределов Чамчиаля (ущелье Гуань-тоу). (Рашид ад-Дин. Т. II. С. 174).

[45] Хубилай-каан — великий каан; правитель Монголии и Северного Китая (658/1260—693/1294).

[46] Бахр ал-асрар. рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7418, л. 52а — 56а). Основанный Хубилаем в 1271 г. новый город находился рядом с Джунду (Ханбалык) и назывался Дайду; он был большим и укрепленным. «Его крепостная стена имеет семнадцать башен; от одной башни до другой расстояние — один фарсанг. Он так населен, что и снаружи [за крепостной стеной] построено зданий без числа» (Рашид ад-Дин. Т. II. С. 174).

[47] Ишим-султан — казахский султан, позднее управлявший от имени Имамкули-хана Туркестаном и областью. Умер в 1038/1628 г. (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа Оффис», л. 114 б).

[48] Имеется в виду поход Имамкули-хана против Турсун-султана и Ишим-султана в 1034/1624—25 году (подробно см.: Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа Оффис», л. 108б—109б).

[49] Турсун-султан — казахский султан (сын Джалим-султана) правил Ташкентом и областью от имени Имамкули-хана; убит в 1036/1627 г. упомянутым выше (прим. 47) Ишим-султаном (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индна Оффис», л. 111а).

[50] См. прим. 61, с. 56.

[51] В месяце джумада II 1044/22 ноября — 20 декабря 1634 г.

[52] Надр Мухаммад-хан — Аштарханид; в 1015/1606—1051/1642 управлял Балхаским владением Аштарханидов, 1051/1642—1055/1645 верховный бухарский хан.

[53] 19 ша'бана того же года — 9 февраля 1635 г.

[54] 4 рамазана — 20 февраля 1635 г.

[55] Речь идет об официальном восшествии на престол 'Абдаллах-хана в 991/1583 г.

[56] Речь идет о кызылбашах, т. е. Сефевидах, завоевавших Хорасан в 817/1511 г.

[57] Так называлась в средневековой историко-географической литературе Турция.

[58] Му'мин-султан — внук небезызвестного Науруза Ахмада [Барак]-хана (957/1550—963/1556).

[59] Джуванмард 'Али-хан — второй сын Шейбанида Абу Са'ид-хана (937/1530—940/1533); правитель Самарканда в 980/1572—986/1578 гг. (о нем см.: Мусаххир ал-билад, рук. ИВ АН УзССР инв. № 1505, л. 56б—57а).

[60] 'Абд ал-Гаффар-султан — пятый сын Баба-султана, внук упомянутого выше Науруз Ахмад-хана (о нем см.: Мусаххир ал-билад, л. 65а—65б).

[61] Исфандийар-султан — сын Хосроу-султана; в 990/1582—999/1591 гг.— правитель Андижана (о нем см.: Мусаххир ал-билад, л. 82а—82б).

[62] Суйунч Мухаммад-султан — сын Кепак-султана, внук соратника Шейбани-хана Бубай-султана (подробно см.: Мусаххир ал-билад, л. 68а—68б).

[63] Тиним-султан — казахский султан, сын Хакназар-хана (1538—1580).

[64] Таваккел-султан казахский султон, сын Хакназар-хана (1538—1580).

[65] Достим-султан — Шейбанид; сын Махмуд-султана, внук Сулайман-султана, правителя Мийанкаля в 976/1559 г. (о нем подробно см.: Абдулланома. Т. II, л. 130а—130б, 132б, 134а, 150а—150б, 151б, 153а, 155а, 165б, 168а, 190а—190б, 197б, 199а—199б, 212а, 216б, 217б, 222б, 225б, 226а). С. 987/1579 г. правитель Ташкентской области (см.: Абдулланома. Т. II. л. 222б).

[66] Тева йайлак — местность, идентификации не поддается.

[67] Махди-султан — второй сын упомянутого выше Амин-султана (Мусаххир ал-билад, л. 66а—66б).

[68] Кирк Мир Агаджан — местность, идентификации не поддается.

[69] Кентибадам, Канд-и бадам («город миндаля») и Кан-и бадам («[город] изобилующий миндалем»); ныне районный центр в Ленинабадской области Таджикской ССР, расположен на дороге между Ходжендом (Ленинабад) и Кокандом.

[70] Исфара — крупное селение, расположенное на одноименной реке, к юго-западу от Маргинана на расстоянии девяти йигачей от него (о нем подробно см.: Бабур-наме. С. 13—14).

[71] Кизили — местность, идентификации не поддается.

[72] Тушканлык — местоположение установить невозможно.

[73] Таммуз — десятый халдейский или сиро-македонский месяц; приходится на июль.

[74] Хашим-султан — сын Достмухаммад-султана, внук Науруз Ахмад-хана (Барак-хана). В описываемое время правил Ахсикетом (Мусаххир ал-билад, л. 66а).

[75] Музтаг — ледяной хребет, идущий от Гиндукуша на север, известен как Болорский хребет (по-китайски: Куэн-Лунь — Луковые горы; местное население именует Теректы, Кашкар-даван, Тонбурук и т. д. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 15, 41, 271 и др.).

[76] Шах Мухаммад-султан — старший сын Дарвиш-хана, внук упомянутого выше Науруз Ахмад-хана (Мусаххир ал-билад, л. 63б).

[77] Музаффар-султан — второй сын вышеупомянутого Джуванмард 'Али-хана (Мусаххир ал-билад, л. 57б).

[78] Каратегин — горная область, расположеная в верховьях рек Вахш и Сурхаб.

ХОДЖАМКУЛИ-БЕК БАЛХИ

ТАРИХ-И ҚИПЧАК-ХАНИ

Автором «Тарих-и Қипчак-хани» является, как об этом свидетельствует нисба, выходец из Балха Ходжамкули-бек Балхи. Его отец Имамкули был кушбеги Субханкули-хана, аштарханидского правителя Балха, а затем Бухары в 1091/1680—1114/1702 гг.

Наши сведения об авторе ограничиваются в основном тем, что он сообщил в своем труде, причем он говорит об этом не прямо, а недомолвками, очевидно, руководствуясь какими-то соображениями. Молодость его прошла в Балхе и Меймене.

В то время наместником Балха был Махмуд-бий катаган, который отличался сепаратистскими устремлениями и держал себя в отношении Бухары независимо. Его деятельность настолько усилила феодальную усобицу, что привела к мятежу ряда племен, что в итоге парализовало политическую жизнь в Балхе. Видимо, сепаратистские притязания Махмуд-бия затронули и отца нашего автора, так как он считает, что «оставаться в этом владении (т. е. Балхе. — *Э. Х.*) нельзя, [ибо] узбекские чапаны и аламаны (низшие слои населения. — *Э. Х.*), считая себя из числа знаменитых людей и простерев руку насилия и гнета, стали бы учинять оскорбления знатным и честным людям. [В подобных условиях] спасение в том, чтобы отстраниться от всего, дабы оставшиеся [в живых] не были попраны роковыми событиями» (л. 284а). Трудно сказать, как он очутился в Индии, где автор, по его словам, претерпел много невзгод и лишений и стал свидетелем важных политических событий, которые произошли в это время в империи Бабуридов, переживавших упадок своего былого могущества.

Қипчак-хан приступил к работе над сочинением в Лахоре — столице Пенджаба, где наместником в это время был ʿАбд ас-Самад-хан, которому и посвящен этот труд. Работа над «Тарих-и Қипчак-хани» заняла шесть лет и была закончена в среду 5 рабиʿ I 1137/22 ноября 1724 г.

Сочинение представляет собою тип всеобщей истории, охватывая период от «сотворения мира» до 1726 г.; состоит из введения (фатиха) и, в зависимости от списка, ряда глав (баб) и заключения (хатима).

Последняя часть (по Бодлеянскому списку № 117 — девятая) посвящена важнейшим политическим событиям, начиная от Шейбанида Абу-л-Хайр-хана (832/1428—873/1468) и кончая 1726 г., происходившим на обширной территории: Дашт-и Қипчаке, Средней Азии, Хорасане, Северном Афганистане, Восточном Туркестане, Иране, Индии. Приводятся отдельные эпизоды по истории Турции и Египта. Как видим, автор стремится «дать всеобщую историю» и в каждой из частей этого труда.

Среди первоисточников, введенных в научный обиход, нет

ни одного, который подобно «Тарих-и Кипчак-хани» излагал бы связную историю народов Средней Азии и сопредельных стран XVI—XVII вв.

«Тарих-и Кипчак-хани» — малоизвестное, можно сказать даже, неизвестное сочинение. До настоящего времени сведения о нем можно было почерпнуть только из каталогов, причем зачастую ошибочные. Небольшой фрагмент был опубликован в сборнике по истории казахских ханств. За исключением этого фрагмента, сочинение в исторических работах не использовалось, не переводилось ни на один из европейских языков, издания на языке оригинала (персидском) также отсутствуют[1].

Перевод настоящих извлечений осуществлен впервые и выполнен с фотокопии микрофильма рукописи Бодлеянской библиотеки № 117. В списках рукописехранилищ СССР эта часть отсутствует.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И КИПЧАК-ХАНИ» ХОДЖАМКУЛИ-БЕКА БАЛХИ

(л. 289а) *Саййид Абу-л-Файз-хан, сын саййида Субханкули-хана*

При содействии [своей] счастливой ночной звезды [и побуждаемый тем], что утром в этом коловратном мире обнаружится событие брата-мученика лета тысяча сто двадцать второго (1710—11) в возрасте шестнадцати лет в славном граде Бухаре ступил на престол владычества Турана. Был мужем просвещенным, счастливым, доблестным и отважным. Крепко препоясался поясом рвения, [дабы споспешествовать] благосостоянию народа. По причине превосходства и непокорности [кочевых] узбеков его рвение и усилия оказались тщетными, ибо он взялся за такое удивительное дело, о котором прошлые хаканы не могли [даже] помыслить.

Грациозное перо, чтобы [придать] связность речи, по мере возможности поначалу прогарцует по известиям матери городов [Балху], а засим завершит события Мавераннахра. После того как узбеки Балха услышали о происшествии с Убайдаллах-ханом, [они], собравшись к Адил аталыку[2], сказали: «Впредь мы не желаем подчиняться бухарскому хану». Адил [аталык] смекнул, что в дальнейшем управлять этой страной без тюры не представляется возможным. После гадания и совещания жребий султанствования [в Балхе] пал на потомка Вали Мухаммад-хана, обосновавшегося [к тому времени] в Герате; [с этой целью] в сторону Хорасана к шаху Султан Хусайну и Хасан ʿАли-хану, хакиму Герата, направили гонцов с посланиями, чтобы осуществить [свои] замыслы.

Тем временем прошло около двух лет. Шах (Султан Хусайн) с признаками отличия написал Хасан ʿАли-хану и предписал [ему] направить Ибадаллах-султана, сына Мухаммад Рахим-султана, сына Рустам Мухаммад-султана, сына Вали Мухаммад-

хана для управления Балхом, передав с ним пятьсот шитых золотом халатов, позолоченных изделий, сто иракских скакунов и сто быстроходных верблюдов, Хасан ʿАли-хан устроил в честь Ибадаллах-хана пир и согласно предписанию вручил ему шахский указ и отпустил его в сопровождении двух его сыновей: Джахангира и Санджара. (л. 289б) Когда [он] достиг Чечекту, все узбекские, тюркские и таджикские предводители выступили [ему] навстречу.

В это самое время в Балхе скончался Адил аталык[3].

В месяцах лета тысяча сто пятнадцатого (1703—04) [Ибадаллах-султан], озарив светом [своего] прибытия купол ислама Балх, стал обладателем венца и трона предков. [Он] был мужем похвальных качеств и достойный нравом. Обласкав народ, открыл перед ним врата справедливости, и радостная весть [о его] справедливости и доброте достигла слуха народа. [Ибадаллах-хан], искоренив значительную часть порицаемой ереси, утвердил похвальные обычаи. Хусайн диванбеги йабу аталыка и Исма'ил-ходжу, племянника Мухаммад Саʿид-ходжа накиба, возвысил до должности накиба.

В том же году Бахадур-хан, известный под [именем] Махмуд аталык катаган, погиб во время землетрясения. Его голову доставили к хану.

Лета тысяча сто шестнадцатого (1704—05) вслед за ним умер и его сын Джахангир[4]... [Он] погребен у ног его величества повелителя правоверных [ʿАли ибн Абу Талиба], да почтит Аллах лик его. Продолжительность его правления[5] — около двух лет, жизни — примерно семьдесят лет.

В конце упомянутого лета Санджар-султан наследовал [своему] родителю[6]. По молодости лет [он] предался радости и веселью. С эмирзаде и махрамами постоянно пил маленькими глотками животворное вино, [так что] насильники [кочевые] узбеки важные дела государства прибрали к [своим] рукам и [учиняли] в отношении подданных все, что хотели, не оставляя [их] ни минуты без внимания.

В эти дни скончался Хусайн аталык, [и] опорой государства (умдат ал-мулк) стал Ибадаллах диванбеги тилау.

Лета тысяча сто двадцать седьмого (1715—16) Санджар-хан на несколько дней заложил основы пребывания в Баг-и Мурад. Исма'ил-ходжа накиб совместно с конгуратскими сархангами задумал уничтожить султана, [но] Барат диванбеги кипчак во время охоты уведомил хана об этом деле [и тот] немедля повернул поводья в сторону города. (л. 290а) Исма'ил-ходжа и иже с ним, устрашившись, поторопились к его дяде Мухаммад Саʿид-ходже в сторону селения Минглик[7]; разграбив все дома [Исма'ил-] ходжа накиба, конгуратов и снискавших [к ним] благоволение, предали [их жилища] огню. Доставив Халмурад диванбеги дурмана, хакима Кубадиана, назначили [его] аталыком. [Засим] созвали совещание для [решения вопроса] об уничто-

жении накиба. [Халмурад] аталык в соответствии с требованием времени утешил [его]. Противоборствующие [накибу] сказали: «Он также заодно с ним», хотели было покончить с ним, [но] Халмурад, почуяв [недоброе], в одиночку бежал в сторону Кубадиана. Его ставку и имущество подвергли разграблению. Кутлук диванбеги кипчак облачился в халат аталычества.

Хан с войсками Балха поднял знамя для устранения [бунта] накиба. Ходжа накиб и конгураты, сразившись с авангардом [балхцев], предали безжалостному мечу [их] значительную часть, а оставшиеся в живых обратились в бегство. [Заключив] перемирие, хан возвратился [в Балх].

В месяцах лета тысяча сто двадцать восьмого (1715—16) Кутлук аталык увязал пожитки бытия, [в силу этого] из Хуттала потребовали Бури мирахура, двоюродного брата Махмуд [-бий], катагана, и отличили [его] должностью аталыка. Он проявил рвение для благополучия божьих тварей.

Весной лета тысяча сто тридцатого (1717) Санджар-хан выступил в Дерегез для лицезрения тюльпанов[8]. Однажды ночью устроил собрание увеселения. Его мозг распалился от чистого вина. Поскольку [он] испытывал влечение к жене мирза Кал Мушаррафа, он, проведав об этой тайне, запретил своей супруге идти [к хану]. Ввиду этого хан спросил: «Почему твоя жена не идет в гарем?» Тот обреченный на смерть немедля поразил хана кинжалом в грудь, [он] тотчас [же] скончался. Пребывавшие при этом убили и его самого...[9] Время правления (мухлат-и гафлат) [Санджар-хана] — четыре с половиной года[10], жизни — двадцать один год. Погребен рядом с отцом.

(л. 290б) [В это самое время] Бури аталык находился в городе, [поэтому] он посадил на трон [некоего] прислугу (гулямбаче), представив [его как] Субханкули-султана, брата Санджар-хана. Благодаря его предприимчивости город избежал бедствий грабежа.

[Наместник Балха] неоднократно посылал к Хасан ʿАли-хану, эмиру Герата, илчи относительно [отправления в Балх] тюра. После огромных усилий [в Балх] доставили Мухаммад-бий-султана, сына Фатхаллах-султана, племянника Ибадаллах-хана, и лета тысяча сто тридцать первого (1718—19) поставили его у власти[11]. Однако [он] был человеком кровожадным (саффак-и хунхар). Бури аталык, видя характер времени, поступки людей, слабость истинной веры и невозможность улучшить дела мусульман, получил разрешение отправиться в сторону Хутталана, где и скончался спустя несколько дней. Кучук диванбеги кипчака отличили высоким чином опоры государства.

Мухаммад-хан понял, что [ему] не укоротить десницу притязаний [кочевых] узбеков на государство, а страна по воле судьбы оказалась в руках двух враждующих групп из улуса кипчак, которые завладели должностями аталыка и диванбеги; хан, посовещавшись с аталыком, однажды позвал в уединенное место

Барата диванбеги[12] и его брата Мухаммад Назар дадхах ильтана и убил [их. Засим], заключив союз с мингами, во время совещания убил Кучук аталыка, Динмухаммада диванбеги, Рахима туксабу и Хакназар кушбеги кипчак джигилбая. Остальные же кипчаки бежали в направлении Дерегеза. Жилища той группы со всеми кварталами и другими соседями были преданы метле расхищения, а землю просеяли через сито грабежа.

Ныне среди узбеков бытует обычай, согласно которому, если падишах днесь казнит или изгонит кого-либо из своего окружения, то забирают его жен и тотчас же женятся на них, и такой брак хуже развода[13]. Насколько были прочны установления священного шариата [среди них] можно видеть из этого [случая]; если то будет угодно Аллаху, [надеемся, что] они приобщатся к сокровенным помыслам ислама.

См. прим. Кенгес

После события (т. е. после убийства) Кучук аталыка на трон аталычества заступил Ибрахим парваначи аргун[14]. (л. 291а) В соответствии с приказом хана минги в день науруза лета тысяча сто тридцать второго (21 марта 1720 г.) предали мученической смерти своего пира Мухаммад Сa'ид-ходжу и Исма'ил-ходжу накиба. [Их] имущество и достояние было разграблено, а домочадцы взяты в плен.

После отстранения от власти Ибрахима [парваначи] должностью опоры государства отличили Аллахйара, сына Ураз Мухаммада. Кипчаки, объединившись с племенами канглы, кийат и муйтан, обитавшими в местности Айбак и Хульм, после стараний и сомнений нашли Араб Мухаммад-султана, сына Муса-хана, вали Ургенча, отец которого погиб по умыслу хорезмийцев, с постоянной опасностью скитавшегося [в тех краях] в нищенском одеянии, и всем обществом направились в сторону Балха. Мухаммад-хан постарался укрепить крепость.

Городская беднота также была недовольна Мухаммад-ханом, [поэтому] сочтя момент удобным и прихватив с собой Му'мин-ходжу, шейх ал-ислама, сына Падшах-ходжа парсаи, с возгласами «чарйар»[15] побежала в сторону арка. Хана уведомили об этом сборище, [но поскольку он] оказался в водовороте событий, волей-неволей, убив свою жену и сестру, вместе с Аллахйар аталыком и немногочисленными близкими бросился бежать по направлению Джаулана (?)[16]

Араб Мухаммад-хан без применения меча и копья в середине упомянутого лета утвердился у власти. Поскольку он был [мужем] благочестивым и богобоязненным и поскольку неоднократно в числе передовых оказывались три волка, а око рвения не приносило пользу его добрым замыслам, несмотря на то, что он усердствовал [в делах государства] с утра до вечера[17], то получилось, что по этой причине Аллахйар, возведя...[18] сына 'Абд ал-...муйтана, [в ранг] аталыка, а Пирнакш кипчака — диванбеги и, вложив в десницу этих тиранов право [решать] малые

и большие дела [государства], сам изъявил им покорность и смирение.

В течение нескольких дней кипчаки обрели всю полноту власти, [так что] пята устойчивости Аллахйара и иже с ним поскользнулась, [поэтому они] поспешили в сторону Хульма. Пирнакш стал аталыком, а Махмуд, сын Кутлука — диванбеги, [и они сообща] стали вершить делами государства, (л. 291б) раскрыв перед народом врата насилия.

Несмотря на многочисленность общества [людей, достойных быть отмеченными], заслуживает быть услышанным кое-что об отсутствии самостоятельности у почитаемых людей. Кази Исмат, сын муллы Умара, из приверженцев Аллахйар муйтана, полагаясь на данные [ему ими] многочисленные обещания, не дожидаясь их прибытия и сообразуясь с судьбой, в полночь вошел в наккарехане[19] с сорока пятью подонками общества и восклицая «хвала такому-то хану», радостно забил [в барабан].

Араб Мухаммад-хан, узнав об этом происшествии, укрепился в арке. Кипчаки в смятении ступили на путь бегства в направлении Дерегеза. Ночью большая часть жилищ того общества была предана грабежу.

Поскольку Аллахйар не подоспел [на помощь], утром жители города, видя подобное обстоятельство, атаковав и захватив казия вместе с [его] товарищами, вздернули [их] на воротах. Тем временем по одному, по двое стали собираться поджигатели домов, ему всевышнему слава, и, пользуясь смутами и беспорядками, хватать мусульман.

Уже минуло примерно тридцать лет, а из-за бесчинств той шайки из каждых десяти селений и дворов Балха благоустроен лишь один...

Если в городе, каждый из которых расположен друг от друга на расстоянии десяти фарсангов, два падишаха, как например, в Балхе Араб Мухаммад-хан, а в Шибиргане и Сарипуле Мухаммад-хан, будут товарищами подобных тиранов, то в отношении (л. 292а) угнетенных чего только не будет учинено.

В месяцах лета тысяча сто тридцать шестого (1723—24) Аллахйар муйтан вместе с предводителями Уч-урака вознамерился направиться в Балх; обратив кипчаков в бегство, [они] стали обладателями положения[20].

Последовало удивительное предписание о том, [чтобы] каждое племя выставило две-три тысячи [человек] для набега, [с тем, чтобы неожиданно] устремиться на город, разрушить [его] и, одержав верх над прежней группой, предать смерти и завладеть их достоянием, имуществом и домочадцами; если [же они] осведомятся об этом раньше, то, побросав жен и детей, устремятся прочь. При любой возможности денно и нощно занимались набегами друг на друга, уводя в плен мужчин и женщин. Если их рука мягка, то, причисляя их к числу снискивающих благоволение, за полновесную цену продавали родственникам, если же

груба, то поступали соответственно. Во время смуты в отношении божьего народа учиняли такое, что не делали никакого различия между мусульманами и зависимыми, и денно и нощно сеяли смерть. Творец несравненный премудр, явив своим рабам знамения за их дела — ведь в конце концов очевидно, что проистечет от этих низких деяний, а вера же прочна, ибо рано или поздно, как это бывало с их предшественниками, на головы тех распутников снизойдет кара, дабы стать назиданием мирянам и бальзамом для страждущих...

Теперь двуязычное перо запечатлит на странице эпохи несколько слов о бедствиях обездоленных Мавераннахра, страдающих от притеснений кровожадных [кочевых] узбеков и [опишет] положение Абу-л-Файз-хана.

В месяцах лета тысяча сто двадцать четвертого (1712—13) Худайар диванбеги мангыт и Ни'маталлах дадхах найман с пятью тысячами всадников прибыли в славный град [Бухару] для поздравления [в связи] с восхождением на трон [Абу-л-Файз-хана]. После получения аудиенции [они] доложили, [что де] Ма'сум-хаджи аталык — убийца Убайдаллах-хана, [поэтому] надлежит изгнать его из двора. Поскольку аталык не имел силы воспротивиться (л. 292б) [этому решению], волей-неволей получил разрешение удалиться в область Карши. Но до прибытия [к месту назначения] скончался в пути[21]. Худайа[р] удостоился степени опоры эмиров, то есть аталыка, а Ни'маталлах — оси государства, [то есть стал] диванбеги; оба крепко препоясались поясом верноподданности.

В середине лета тысяча сто двадцать седьмого (1715—16) Ибрахим парваначи, сын Рустам аталык кенегеса, зять Ма'сум-хаджи, а также знаменитые люди и сарханги [племен] правой и левой [сторон], позавидовав близости [к хану] Худайара и Ни'маталлаха[22], с семью — восемью тысячами всадников[23] выступили из Шахрисабза и однажды ночью внезапно ворвались в Бухару. Ни'маталлах, будучи заранее осведомленным, бежал в сторону Балха. Захватив Худайар аталыка и Убайдаллах кушбеги калмака вместе со снискивающими к ним благоволение и разграбив их жилище, [всех] препроводили в Мекку. То общество из Чахарджуя поспешило к Санджар-хану, вали Балха[24]. Ибрахим аталык и ходжа Кули, сын Хушхаля диванбеги катагана, стали диванбеги и, не считаясь с ханом [25], предались наслаждениям, притесняя и угнетая народ; пустив [таким образом] на ветер весь народ.

Одновременно с этим обстоятельством лета тысяча сто двадцать девятого (1716—17) племена хитай-кипчаков, примерно лак[26] семейств по причине стесненности пастбищ, переселились со стороны Мийанкаля в окрестности Самарканда и Карши, подобно саранче уничтожив посевы и деревья тех областей; и учиняли все, что хотели в отношении простолюдина и знатного от мала до велика.

Абу-л-Файз-хан собрал по этому поводу победоносных эмиров на совещание и соблаговолил сказать: «Кто как не вы отразит несчастье притеснителей, а не то увольте меня. Я покину эту страну, а царство можете вручить кому сочтете нужным». Ибрахим аталык и ходжа Кули диванбеги тотчас получили указание для [исполнения] этого важного дела. Ибрахим [аталык], назначив для охраны хана тысячу вельмож и амирзаде улуса, вместе со [своими] сыновьями (л. 293а) и братом Султаном кушбеги направился к мазару его святейшества великого ходжи [Баха ад-Дина накшбенда], прибыв [туда], совещались около сорока дней [о дальнейших действиях]. Исход [дела] усмотрели в убийстве владыки, [то есть Абу-л-Файз-хана, дабы], назначив другого, жить по своей воле.

Хаким-бек, сын Худайар аталыка, осведомил Султана [кушбеги] о том, что мол завтра поутру [заговорщики] замыслили осуществить свое абсурдное намерение. [Было условлено]: как только аталык дойдет до ворот арка, Султан кушбеги решит [его] дело.

В условленную ночь хан, назначив гулямов и махрамов, посадил их в засаду. По воле бунтовщиков Султан-бий с пятьюстами юношей, отобранными для ночного предприятия, вошел в арк, устранив стражу и разбив замок весом в один ман, с крыш и стен стал осыпать противника рассекающими грудь стрелами и расплавляющими душу [свинцом] ружей, в мгновение ока отправив всех в ад. Главарь (сардафтар) смутьянов Ибрахим аталык, оставив в лагере ходжа Кули диванбеги, в полночь всем обществом прибыл в условленное место и забил в барабан уведомления...[27] Шахские мулязимы вначале отрубили головы его сыновьям; повсюду падали мертвые и слетали головы. Это было достойное лицезрения событие. [Ибрахим аталык] в панике погнал коня поражения в сторону Шахрисабза. Несколько тысяч дворов и жилищ недоброжелателей были преданы огню гнева.

На следующий день [хан], призвав ходжа Кули диванбеги, соблаговолил назначить [его] опорой государства, а Хаким-бека — осью государства.

Поскольку одновременно с этими [событиями] ходжа Кули [тайно] объединился с Ибрахимом, в месяцах лета тысяча сто тридцатого (1717—18) его вместе с тридцатью двумя сарханга-ми заманили в уединенное место и убили[28]. [Таким образом], мир очистился от грязи претендентов [на власть].

Между тем Фархад-бий куланг[29], пригласив из Самарканда предводителя хитай-кипчаков и ободрив и утешив [его], (л. 293б) лета тысяча сто тридцать первого (1718—19) отличил должностью амир ал-умара. Словом, хитай-кипчаки изъявили покорность приказу и предписаниям. Фархад аталык умолил владыку времени по беспредельной милости [своей] соблаговолить посетить жилище [своего] гуляма. Касающийся главою эмпирея величия принял [его приглашение. Аталык] от подножия

трона и до своего дома, [что составляет] полфарсанга, расстелил пойандоз[30] и преподнес [хану] десять тысяч овец, девяносто скакунов с златотканными попонами и тысячу кусков парчи.

Лета тысяча сто тридцать второго (1719—20) по докладу Хаким [-бека] диванбеги из Балха отозвали его отца Худайарбия, Ни'маталлаха и Убайдаллаха кушбеги. Последовал приказ передать Худайар аталыку область Карши, но [тот] умер, не достигнув места [назначения]. Ни'маталлах поспешил для умиротворения племен найман и конгурат, [которые] враждовали в пределах Термеза. После заключения мира прибыл в Бухару, где и скончался[31], а Убайдаллах [кипчак] направился для услужения [хану].

Фархад аталык по причине общения с гулямами денно и нощно пребывал в постоянном страхе перед правителем, [ведь] известно чего можно ожидать от того общества. Каждый раз, отправляясь ко двору, он прощался с сыновьями, а кипчаки до его возвращения стояли наготове верхом. Низкорожденные надимы расценивали это обстоятельство так, что якобы аталык выжидает удобный случай. Однажды в конце лета тысяча сто тридцать третьего (1721) аталыка пригласили на совещание и с несколькими предводителями принудили испить шербет смерти[32]. Должность опоры государства вложили в могущественную длань Хаким-бия.

После того как произошло это событие, хитай-кипчаки погнали гарцующих коней на ристалище противоборства. Ибрахим аталык и салары [племен] правой и левой [сторон], каждый [из которых] потерял сына или брата, сочтя это обстоятельство предзнаменованием осуществления мести, направили к кипчакам послов и послания (л. 294а) и стали единодушными [между собой.

Затем] Ибрахим-[бий], заполучив [Ра]джаб Мухаммад-султана, уроженца Мийанкаля, потомка Джанибек-султана, лета тысяча сто тридцать четвертого (1721—22) примерно с двумя лаками беспощадных всадников направился в Самарканд[33]. Тот подобный райскому саду город, [который] ранее был попран событиями, благодаря жительству в нем ходжей [из дома] Ахрарийа и Махдум-и 'Азама в какой-то степени благоустроился, посадив в пятницу на трон сахибкирана Раджаб Мухаммад-султана, хутбу и чекан [монеты] исполнили с его именем и захватили Согд, Нур[-Ата], Мийанкал, крепость Дабусийа и округа Карши. Все эти кровожадные, подобные обликом ифриту, из которых достаточно одного, чтобы разрушить целую страну (иклим), неожиданно подобно небесной напасти всем обществом обрушились на эти тюмени, убив мужчин, полонили женщин и распространили под синим сводом большую смуту.

По приказу [хана] Хаким аталык направился для устранения смуты; неоднократно сразившись с отрядами противника, одержал победу.

Раджаб-хан и Ибрахим[-бий], узнав о победе Хаким[-бий аталыка], вознамерились выступить против него. Тот призвал [на помощь] Абу-л-Файз-хана. Хан без промедления с ратью славного града [Бухары] поднял знамя. Обе стороны остановились у границы Кермине. Сарханги несколько дней беспрерывно сражались друг с другом. В прах погибели обратилось множество людей, пока однажды Абу-л-Файз-хан, построив правый и левый фланги, центр и крылья и заиграв на карнае и забив в шахские литавры, лично не повел [войско] в атаку. Сумятица общения (т. е. схватки) стала очевидной и зрители воскликнули: «Машаллах!», вознеся [Аллаху] хвалу и одобрение. Из убитых образовались горы. Между тем ветер победы всколыхнул стяг султана мира [Абу-л-Файз-хана]. Раджаб-хан (л. 294б) и Ибрахим[-бий], видя, что значительная часть юношей [племен] правой и левой [сторон], и хитай-кипчаков пала, исподволь натянули поводья и отступили на пять фарсангов.

Одновременно с этим обстоятельством доложили, [что] Ибрахим [-бий] совместно с джуйбарскими ходжами, арбабами и кадхуда намерен ворваться в город. Основываясь на благоразумии и предосторожности, хан, оставив саларов и надежных [людей] в крепостях и опорных пунктах (банадир), забил в барабан возвращения.

После доказательства [виновности] доброжелателей Ибрахима предал безжалостному мечу, а [самого] Ибрахим аламана, подонков общества и распутников направил на ограбление и устрашение окрестностей Бухары, заявив: «Я захвачу этот вилайет [и] совершенно разорю [его]».

Поскольку кунтайджи калмак[34], правитель страны Моголистан и Кашгар, на протяжении ряда лет посылал отряды на завоевание Кухистана, Читрала, Бадахшана, Дара, Дарваза и Каратегина, население Каратегина не воспрепятствовало обоснованию племени киргиз в области Шахр-и Алай. Другие хакимы, согласившись [на уплату] небольшой подати (на'лбанди), ежегодно доставляли [ее].

[Кунтайджи калмык], услышав в это время о беспорядках в Туране, справился о мощи своего государства и привел в движение ставку в сторону юрта киргизов. Киргизы [численностью] примерно лак хорошо вооруженных всадников, выступили против [них]. После многочисленных схваток и сражений значительная часть киргизов была перебита. Неверные[35] полонили их жен и детей, оставшиеся в живых бежали в направлении Хисар-и шадмана и Хутталана.

В то же время каратегинцы, [узнав об этом], смирились и уплатили [калмыкам] харадж. Поскольку кунтайджи [калмык] назначил своего сына для завоевания юрта казахов: Ташкента, Андижана, Сайрама и прибрежных районов Сейхуна, примерно три лака казахов совместно с ташкентцами препоясались поясом ратоборства. Построив войска, обе стороны [в течение] месяца не-

прерывно сражались с утра до вечера. Творец премудрый дал неверным победу над жестокими мусульманами. Примерно (л. 295а) лак людей испили шербет мученической кончины. Казахи потерпели жестокое поражение. Более одного лака пятидесяти тысяч домов казахов, обращенных в бегство, поспешили в сторону Самарканда. Население Ташкента и Андижана с дарами и подношениями вышло навстречу [победителям] и согласилось на уплату хараджа.

Узнав [об этом] событии, Раджаб Мухаммад-хан и Ибрахим аталык возвратились для защиты Самарканда.

Кунтайджи [калмык] направил с письмом посла к саййид Абу-л-Файз-хан бахадуру и Раджаб Мухаммад-хану, [в котором говорилось]: «Вилайет Мавераннахр не сможет вместить наше войско, [поэтому] дастуру Кашгара предписано доставить [нам] установленный харадж, дабы ваша страна избежала бедствий». [Так как] наступила зима лета тысяча сто тридцать шестого [1723 кунтайджи калмык] повернул поводья возвращения в сторону [своего] основного юрта. Абу-л-Файз-хан в ответ [ему] написал: «Если Раджаб Мухаммад-хан будет устранен, то доход Самарканда и Шахрисабза получит он (кунтайджи калмык)». Раджаб Мухаммад-хан [же], обругав посла [калмыков] грубыми словами, унизив и оскорбив [его], разрешил [ему] удалиться.

Ибрахим аталык направил всех казахов, [племена] правого и левого [сторон] и хитай-кипчаков для разрушения Бухары. [Поскольку] та группа ежедневно просеивала землю того города через сито небытия, в преславном городе начался великий голод.

Таково состояние той страны на сегодня, первый день лунного месяца раби‘ I лета тысяча сто тридцать седьмого (19 ноября 1725 г.) хиджры, [а что касается] дальнейших событий, [то о них] осведомляйтесь из сочинений последующих хронистов...

(л. 298б) В настоящее время Мавераннахр по подстрекательству Раджаб Мухаммад-хана, тюры Самарканда, и Ибрахим аталыка попирается несколькими лаками кровожадных [кочевых] узбеков и казахов. Абу-л-Файз-хан не в состоянии выступить из Бухары. Подданные (ра‘ийят ва барайа), которые являются заложниками творца несравненного, оказались в водовороте событий, поскольку путь к бегству закрыт, почитая себя обреченными на погибель, стали невольными очевидцами битв и сражений, уповая на милость всевышнего.

В начале того же года кунтайджи [калмык] поспешил в ад. На его место сел его сын. Примерно лак домов киргизов, обосновавшихся в Каратегине, бежав от калмаков, прибыл в Хисар-и шадман. Поскольку [эта область] являлась юртом племени йуз [они] не смогли осесть [там, (л. 299а) ввиду чего] подобно селю хлынули в сторону Кубадиана — местообитание двадцати тысяч домов [племени] дурмен. Халмурад аталык, [хаким Кубадиана], препоясался поясом противодействия. Некоторое время сражались друг с другом; с обеих сторон пало значительное число

[людей]. В конце концов киргизы одолели, а обращенные в бегство дурмены переправились через Джейхун в сторону Балха.

По обнаружении [этого] события Аллахйар аталык муйтан и известные люди Уч-урака, прогнав кипчаков, стали осью важных дел Араб Мухаммада, вали Балха. [Население] Айбека и Хульма выступило для защиты своих улусов и жилищ. Кипчаки, воспользовавшись [этим] удобным случаем, вступили в купол ислама [Балх]. Махмуд аталык вновь стал вершить делами государства.

Одновременно с этим обстоятельством между аймаками Чечекту и Меймене, которые тридцать лет тому назад вынуждены были скитаться в округах Герата и Бадгиса из-за жестокого гнета [кочевых] узбеков, и мингами, которые захватили юрт аймаков, в эти дни начались раздоры, [и они] стали грабить и разорять друг друга. Аймаки при содействии афганцев Герата повели войско, чтобы освободить [свою] родину. После схватки и сражения нога устойчивости мингов поскользнулась, [и они] бежали в сторону Балха. Араб Мухаммад-хан отвел им место в окрестностях Балха.

Махмуд [-бий], сблизившись с Уразом парваначи, их предводителем, сыном Пиркули диванбеги, сделал [его своим] аталыком. Господство этого общества вызвало зависть Аллахйар муйтана, [поэтому] объединившись с Халмурад аталыком, Йа'куб конгуратом и другими мингами Шибиргана и Сарипуля, вознамерился идти на Балх.

Кипчаки, поразмыслив и памятуя, что они мусульмане и что в случае сечи и побоища оставшиеся [в живых] раййаты будут попраны событиями, сочли разумным устраниться на несколько дней, а когда пожелают, то [это] владение будет принадлежать им. [Затем] в сопровождении Ураз аталыка направились в сторону Дерегеза. Вышеупомянутые амиры вступили (л. 299б) в город [и] созвали совещание. Поскольку Араб Мухаммад-хан ежедневно затевал скандалы, то его умертвили. [Решили, что] необходимо доставить Мухаммад-хана, который является кровоместником кипчаков, дабы, преградив общение с тем племенем..., уничтожить ту группу, чтобы государство обрело спокойствие. В соответствии с этим избрали [местом] лагеря местечко Хассепаж, [что] в одном фарсахе от Балха. На следующий день кровожадные [кочевые] узбеки вознамерились выступить против хана.

Тем временем хан понял каково положение и совместно с Мансур-ходжа накибом, своим дядей и несколькими [приближенными] предпринял тщетную попытку оказать сопротивление, пока не испил шербет мученической кончины. [Затем], призвав из Сарипуля Мухаммад-хана, в который уж раз утвердили на престоле несчастья.

Аллахйар аталык и Йа'куб диванбеги с двадцатью [тысячами] кипчаков, засев в Дерегезе, что в двух фарсахах от Балха,

занялись разорением той области. Поскольку со временем племя йабу и келечи стали [проявлять] неповиновение и учинять мятеж в [округе] Гури, а хитай-кипчаки — [в] Баглане, Гури же по благоустройству был известен как второй Қабул, [то] в [течение] нескольких лет те безжалостные распутники [творили] в отношении божьего народа все, что хотели, не оставляя ни минуты без внимания (т. е. в покое) их. По этой причине в той области не осталось ни одного жителя.

Халмурад аталык, обретя грамоту (ярлыг) на управление [над] Гури и Багланом, вознамерился выступить для истребления группы в Санаре. Йабу и келечи объединились с хитай-кипчаками [и] попросили содействия у мир Йарбек-хана Второго, амира Бадахшана, и Сиддика, мира хазара [округа] Хаст и Андераба. Мир Йарбек направил отряд, а Сиддик — подступил с многочисленным ополчением. Йусуф-бек, племянник Махмуд [-бий] катагана, хакима Кундуза, и Аллахйар муйтан пришли на помощь Халмурад [аталыку]. Короче говоря, [та] жестокая группа около месяца свирепствовала в окрестностях Баглана. (л. 300а) Ежедневно в пустыню небытия уходило большое число [людей]. Наконец, Халмурад [аталык] одержал победу, оставшиеся в живых из тех групп бежали в направлении Мурга, Асрафа и Дерегеза. В настоящее время Халмурад [аталык] удерживает [в своих руках] Гури и Баглан.

Между тем Махмуд аталык и Ураз аталык поспешили в сторону Дерегеза. Минги, опасаясь [дальнейшего пребывания] в окрестностях Балха, вновь погнали [коней] в направлении Меймене и Чечекту...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Хуршут Э. «Тарих-и Қипчак-хани». С. 56—60. Его же. «Тарих-и Қипчак-хани» и его списки. С. 64—68.

[2] Адил аталык — правитель Балха. В Балхе возникли волнения, с общего согласия в Герат направили доверенное лицо, доставившее в Балх Убайдаллаха (Ибадаллаха), потомка Вали Мухаммад-хана. Его назначили правителем, но спустя полтора года он умер. ('Абдуррахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. С. 40—41).

[3] Адил аталык умер в 1123/1711—12 г.

[4] Здесь или повтор, ибо вслед за фразой طومار حیات در نور دید сразу следует: متعاقب پدر نیز نماند, или пропуск.

[5] В ориг.: در بست

[6] В это время ему исполнилось 15 лет; отличался высокомерием и спесивостью ('Абдуррахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. С. 41).

[7] Из-за вражды с Санджар-ханом Мухаммад Саид-ходжа счел благоразумным «удалиться в свою крепостцу Мингли, [а потом] прибыл за помощью в Бухару», так как Санджар-хан постоянно преследовал его. В его отсутствие Санджар-хан взял укрепление Мингли и вернулся в Балх ('Абдуррахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. С. 41).

[8] Традиционный народный праздник, который торжественно отмечался весной при широком стечении народа. Праздник сопровождался различными уве-

селениями, устраивались оживленные базары. Все это длилось более месяца. (Подробно см.: Пещерева Е. М. Праздник тюльпана. С. 374—384).

[9] По другим сведениям, Санджар-хан прибыл в Дерегез для охоты. У Санджар-хана был возлюбленный по имени мирза Халил, которого Санджар-хан приревновал к Мушаррафу, в результате произошла ссора, во время которой Мушарраф убил Санджар-хана. Это случилось в 1126/1714—15 г. Мушарраф также был убит. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 41).

[10] По другим данным, правил три года (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 41).

[11] По другим данным, к этому времени Мухаммад-хан процарствовал уже два года. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 41).

[12] Согласно другому источнику, его убил в 1131/1718—19 г. Кутлук аталык кипчак. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 41).

[13] Возможно, это тот случай, о котором пишет А. Борнс: «У турков есть обыкновение жениться на неприятельских женах, захваченных во время войны». (Борнс А. Путешествие в Бухару. Т. II. С. 283).

[14] По другим данным, он был из племени кенегес. (Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. С. 50 и др.; ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 36 и др.).

К тому же наш автор далее (л. 292б) говорит, что он сын Рустам аталык кенегеса.

[15] «Чарйарами» называли первых четырех преемников пророка Мухаммада: халифов Абу Бекра (11/632—13/634), Умара (13/634—23/644), Усмана (23/644—35/656) и ʿАли (35/656—40/661).

[16] Правление Мухаммад-хана отличалось гнетом и жестокостью в отношении народа, к тому же он стал враждовать с Му'мин-ходжа парсаи, потомком бухарского шейха ходжа Мухаммада Парса (ум. в 822/1420—21 г.). Против Мухаммад-хана вспыхнуло восстание. Он был вынужден вместе со своим аталыком бежать в Шибирган. Известен также под именем Кафир-хан. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 41).

[17] Смысл фразы неясен: چون مکرر سه‌کرك پیش افتاده دیده سعی با صوابش چندان سود ندارد اگر زیاده کوشش نماید از صبح تا شام نیاید

[18] Пропуск в тексте.

[19] Помещение с открытой с фасада стеной, устраиваемое над воротами арка или же дворцовыми воротами.

[20] В ориг.: در بار بیمدار

[21] По другим данным, он скончался в Карши. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз/-хана. С. 39).

[22] Ни‘маталлах приходился Худайару дядей по материнской линии.

[23] Согласно другому источнику, у Ибрахима было две тысячи человек. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 42).

[24] Прибыв в Мерв, Худайар аталык и Убайдаллах кушбеги калмык вместо того, чтобы продолжить путь в Мекку, направились в Балх, где оставались несколько дней, а затем подались в Термез к Ни‘маталлах-бию, а оттуда — в Карши к Фархад-бию, приятелю Худайар-бия. Однако, ввиду того, что племя кенегес отняло Шахрисабз у Хаким-бия, сына Худайар-бия, они не могли ехать в Шахрисабз. (ʿАбдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 42—43).

[25] В ориг.: وجود شهریار علم مشمرده

[26] Лак — примерно сто тысяч.

[27] Здесь, вероятно, пропуск в тексте.

[28] Более подробно см.: ʿАбдуррахман-и Тали‘ История Абулфейз-хана. С. 64—65.

[29] Фархад-бий был правителем Самарканда.

[30] Пойандоз — обычай стелить на пути следования высокого гостя ковры и дорогие ткани.

[31] По другим данным, он умер от чахотки в Самарканде, где и похоронен. (‘Абдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 66).

[32] По другим сведениям, убит в 1134/1721—22 г. совершенно при других обстоятельствах. (‘Абдуррахман-и Тали‘. История Абулфейз-хана. С. 67).

[33] Более подробно изложено у ‘Абдуррахман-и Тали‘. (История Абулфейз-хана. С. 68—69).

[34] Кунтайджи (хунтайджи, хунтайцзи, хунтайша) — титул наследника ханского престола у монголов и ойратов:

[35] Речь идет о калмыках, которые являлись ламаистами. Это учение во принято ими в период пребывания в Джунгарии.

МУХАММАД ВАФА-ЙИ КЕРМИНЕГИ

ТУХФА-ЙИ ХАНИ (ХАНСКИЙ ПОДАРОК)

Ценный труд по истории Бухарского ханства 1722—1782 гг., составленный ахундом мулла Мухаммад Вафа ибн Мухаммад Захири Керминеги (1685—1769) и домуллой Алим-беком ибн Ниязкули-беком. Большая часть труда (события 1722—1769 гг.) принадлежат перу Мухаммад Вафа, который ведал ханской библиотекой, писал стихи под псевдонимом «Шухрат» («Слава»). В рукописехранилищах СССР и за рубежом существует большое количество списков «Тухфа-йи хани».

Нижеприводимый фрагмент взят из списка «Тухфа-йи хани», хранящегося в ИВ АН УзССР под инв. № 2604.

Рассказ о походе завоевателя стран эмира (Мухаммад Рахима) на Самарканд и Ургут и захвате им некоторых крепостей тех [вилайетов] благодаря поддержке Аллаха

Пахучее базиликом перо, нарисовав благоухающую картину, тонко намекнуло относительно воли, решившегося на этот поход с целью завершения задуманного. Оно и извещало об этом сведущих мужей искусства красноречия (л. 96б) и причину приостановления этого дела изложило следующим образом. Полное искоренение общества кенегесских эмиров ставится важнейшим делом. После того, как счастливый эмир, благодаря поддержке и милости Аллаха в пору тирмах[1], в году мыши захватил весь вилайет Шахрисабз, считаясь со сложившимися обстоятельствами, охрану укрепленных его крепостей поручил вновь назначенным надежным и стойким правителям, подающим надежду военачальникам. Войска улуса кенегес и прочих близлежащих мест [эмир Мухаммад Рахим-хан] присоединил к победоносному войску, и в сопутствии счастья и удачи возвратился в центр царствования.

К этому времени в благородную память эмира пришла яркая мысль выступить на Самарканд и восстановить разрушившиеся

части того города, а затем сломить руки и ноги мятежникам ущелья Ургут и Магиян... В целях сбора продовольствия и корма (джирэ ва илик) для победоносной армии в мухарраме 1166 (ноябре 1752) г. несколько опытных сановников он направил в Самарканд. Вместе с ними он послал людей для закупки зерна из близлежащих к Мийанкалату местностей за наличные динары. Тюрки и таджики того вилайета на своих вьючных животных доставили зерно в кладовые богохранимого города; кроме того [Мухаммад Рахим-хан] отправил своего кутвала[2] вместе с зодчими и плотниками, чтобы воздвигнуть новые величественные постройки для остановок славной свиты. Согласно приказу миродержца уполномоченные со скоростью утреннего ветерка прибыли в упомянутый город и, раздобыв семь тысяч харваров[3] зерна из окрестностей и близлежащих мест [Мийанкаля], доставили в Самарканд и выгрузили в медресе, которое пустовало, и предприняли меры его охраны. Закончив восстановительные работы в этой пленительной местности, являющейся одним из центров государства и проявляя усердие и старание в скорейшем завершении этих дел, обо всем этом написали в подобно Сатурну столицу. Но злонамеренные жители крепости Ургут, а также его правитель Муса, когда услышали об этом, ужас и огонь лихорадки завладели их боязливыми сердцами. Дым тревоги и свет волнений как у уличного фонаря охватил их безмозглые, неразумные головы. Описав подробности этих событий, [Муса] направил [гонца] в Хисар и Ходжент к Мухаммад Амин-бию и Фазил-бию, сам же, подготовив необходимые вещи для ведения войны и оружие для защиты крепости, приготовился к смертельной схватке. Когда кончилась зима года обезьяны, появились признаки весны и распространитель благоухания и цветов роз по сфере подлого мира его настелил палас благоуханий и скатерть благородства, победоносный счастливый эмир приказал подготовить все необходимое для выступления против врага государства и бесстрашных неприятелей.

20 раби‘ ас-сани (24 февраля 1753 г.) состоящие на жаловании войска были построены за крепостью города Бухары для проведения смотра и всеобщей поверки. Мироукрашающий трон славы и командования был установлен на одном из возвышенных мест чахарбага Газиабад, являющегося изобретением высокопоставленного эмира. Он занял место на том с благоприятным воздухом месте и пропустил перед своим проницательным взором все победоносное войско по полкам, тысячам, сотням и десяткам, во главе с их эмирами. Каждое подразделение согласно приказу и очередности проходило под своими знаменами. Подобный Джамшиду эмир свое благосклонное внимание направил на улучшение их положения, осчастливил и сделал довольным неимущего и имущего. Недостатки и довольствие каждого подразделения он счел нужным принимать под ответственность своего великодушия. После того как войсковые соединения собрались на

высокопоставленный суд, они, словно чистое золото, собрались и прошли через чекан эмирского внимания. Их искренние намерения и беспорочное верование подверглось его испытанию. Большинство из [полков] согласно древним установлениям удостоились соответствующих знамен и патронташей. Отличившихся храбрецов каждого полка [Мухаммад Рахим-хан] одарил чекменами банат[4] и халатами багряного цвета. Эмиров же каждого полка он обрадовал славными золототканными и царственными одеждами. В тот день высокопоставленный эмир с раннего утра до поры предвечернего намаза все дела каждого войска, сотни завершил с великой предприимчивостью, всем полкам определил занятия. Сам же вместе с полками с великой радостью поспешил в столицу славы и счастья. Он счел необходимым уделить главное внимание предметам великолепия и пышности и приказал разукрасить шатры и палатки краше чем перед предыдущими походами.

В среду 10 дня [месяца] хут[5] и 24 числа упомянутого месяца, соответствующему концу года зайца высочайшие портик (л. 97а) вынесли в район гробницы его святейшества шаха Накшбанда. По обыкновению любого всадника, скачущие, как молния, таваччии[6] всенародно объявили на окрестных богохранимых вилайетах, чтобы всем воинам, разным чинам в установленное время собраться возле царского дворца, и каждому полку и отряду храбрецов с обычаем величия и отваги в ожидании счастливого эмира становиться в длинные ряды.

После полуденного намаза того же дня счастливый эмир, севши на коня надежды, вознамеривался выступить походом на восточные пределы своих владений и с бесподобным величием выехал через Мозарские ворота города Бухары. В тот день победоносные войска прошли около одного фарсаха пути. На следующее утро, в четверг, августейший эмир остановился возле [гробницы] величественного ходжи [Баха ад-Дина Накшбанда], центра круга почтенных, попечителя преданных людей из слуг и благородных. Ту ночь там провели в сопутствии с искренними намерениями и благодушия. Нуждающихся и бедных людей наделили принесенными в обет вещами и милостынями.

[Здесь] со всех сторон стали прибывать остальные бесчисленные войска под знамена справедливого эмира. Отсюда эмир забил барабан перемещения на лад отбытия для слуха людей разума. Войско с величием урагана и подобно стремительному потоку пришло в движение. При этом выступлении, благодаря милости Аллаха, необходимые предметы вооружения для завоевания стран превышали силу каждого из предыдущих походов: шестьсот верблюдов, триста хачиров[7] высочайшего отряда счастливого эмира были навьючены, начиная от царской палатки и шатров до предметов кухни и фаррашханэ[8], победоносного стремени. Все предметы величия и славы были перевезены. Еще прибыло сорок повозок с вместимостью вселенной с пушками и

летающими молниями аррада[9] к стремени гнедого коня эмира и вызвали сотрясение ужаса мощных крепостей неприятеля. Когда пересекающие пустыни быстроходные кони армии с численностью звезд с большой скоростью прошли намеченное на тот день расстояние, на следующий день, в пятницу, пространство между Даразун и Асбаб стало центром для победоносного знамени.

К вечеру субботы высокопоставленный отряд достиг участка (касаба) Хазара и ту ночь провели там. Наутро небовидный отряд пришел оттуда в движение и солнце победоносного знамени взошло с востока намазгаха Кермине. Убежище эмирского достоинства Данийал-бий[10] поспешил навстречу гостям. В воскресенье он накрыл скатерть угощения. Всеми возможностями (л. 98а), чем он располагал, всеми необходимыми для вкуса гостей счастливый эмир ничего не пожалел.

В понедельник, 29 числа упомянутого месяца (4 марта 1753 г.) равное солнцу знамя из той местности пришло в действие и крепость Дабус сделалась местом расположения победоносных палаток. Во вторник и в последний день того месяца, после прохождения требуемого расстояния, полотнища знамен бросили тени своего прибытия над головами жителей крепости Хатирчи, Исма'ил-бакаул[11], уполномоченный счастливого государства, все имеющиеся в казне свои деньги и даже душу свою, осыпал под ноги счастливых слуг эмира. Счастливый эмир вместе с победоносной армией в четверг, второго джумада ал-авваля оставил и эту местность. Светило счастья совершеннейшего государства взошло на горизонте вилайета Панжшанба. Шах Сайид туксаба[12], который был одним из старых преданных слуг и достойный уважения сардаров, настелил перед высокопоставленным эмиром и победоносными войсками скатерть гостеприимства, проявляя при этом всяческие старания. Он старался развеселить и угодить счастливому эмиру и ни на минуту не перестал услуживать эмиру.

В субботу четвертого дня джумада ал-авваля (9 марта 1758 г.) с того благоустроенного участка войско пришло в движение, победоносная армия словно морская волна, бросила сотрясение славы на те края. После прохождения долгого пути царские палатки посеяли пыль своего прибытия на Йангикурган. Пересекающие вселенную урду[13] и тяжеловесный угрук[14] выгрузили свои постели спокойствия в ту крепость. Ходжамйар-бий, склонивший весь улус хитаев и кипчаков на милость его величества миродержца, достойного уважения эмира, драгоценные материи и изящные одежды настелил под ноги слуг [дворца] и величественного кортежа. Разносортных блюд и все необходимое для победоносной армии пронесли перед лучезарным взором эмира. Этим [Ходжамйар-бий] проявлял свою искреннюю преданность и чистоту намерений.

В понедельник 6 числа джумада ал-авваля, (11 марта 1753 г.) поднявший солнцеподобное знамя похода в сторону [намеченной]

цели, подобно седьмому небу царские палатки бросил на местность Дахбед. Счастливый эмир поспешил на поклонение священной гробнице полюса полюсов Махдум-и ʿАзама[15]. Уповающим обитателям той благородной местности оказал помощь подарками.

Во вторник эмир намеревался послать гонца Муса-бию, правителю Ургута, который, прийдя в волнение и мятежа, готов был получить помощь даже у сатаны или жестокого тирана.

(л. 98б) Стих:

Для смывания грехов необходимо,
Найти у себя во дворце миродержца.
Ибо он необъятнее моря прощения,
Другого пути не ищи в достижении достоинства.

В среду восьмого [числа] великолепная свита выступила из Дахбеда и лучи концов солнцеподобных знамен засверкали и на горизонте города Самарканда. Пыль, поднятая пересекающими мир конями, открыла глаза жителям того вилайета. Арк же Самарканда разукрасился присутствием августейшерожденного. Благодаря размещению высочайшей урды, этот вилайет, находящийся в полном разрушении, вкусил язык укора.

Эмиры войск и высокопоставленные вельможи разместились в высочайших медресе и велели дать покой коням и вьючным животным. В тот же день, когда все чины свиты группами разместились по местам отдыха, последовал благословенный приказ: двум тысячам отважных воинов под начальством Даулат-мирахура и Исма'ил-бакаула учинить набег на крепости Йари и Панджакент. Всякие меры относительно тех мест в интересах покоряющего государства должны проводиться от чистого сердца, в противном случае многочисленным войскам тут же следует напасть на врага. Первым осадили жителей крепости Панджакент. Жители этой крепости сколько ни старались распустить руки выносливости к сражению, пустить ли в ход бревна, камни, луки и оружие для отражения атаки победоносного войска, ничего не добились. В конце концов победоносное войско силою счастливого государства нанесло продолжительные удары и разрушило стены и башни той крепости, сравняв ее с землей. Богатство и имущество жителей предали разграблению, согласно предписанию рокового пера начальников [крепости] захватили в плен. Захваченное имущество того народа было сосчитано и внесено в тетрадь. В том числе пятнадцать тысяч овец, тысячи голов коров, пятьсот коней было передано в распоряжение государственного саркарства[16].

В четверг девятого числа месяца [джумада ал-авваля] счастливый эмир вместе со всеми приближенными и привилегированными, сев на коней бескорыстия, направился на поклонение гробнице средоточия гаус-алʿазама, полюса благочестивых ходжи

Убайдаллаха Ахрара. По пути достигли склепа (дахма) прибежища милосердия сахибкирана Амир Тимура-курагана. Поминали дух того царя, завоевателя мира благоухающей молитвой. После этого они остановились возле гробницы [ходжа Ахрара], места сошествия божественных лучей его святейшества, указывающего истинное вероучение. Свой лоб покорности и беспомощности положив к равному небу порогу (л. 99а) того киблы челобитчиков, эмир просил поддержки, энергии в осуществлении завоевания и победы у священного духа того главы последователей тариката, совершил паломничество благословенной хатире[17]. Освободившись от необходимых обрядов поклонения, эмир совершил благородное посещение имения ходжа Шихаб ад-Дина шейх ал-ислама, одного из потомков [упомянутого] ишана. Сей шейх ал-ислам исполнил поклон и возвеличивание, приличествующие подобному знатному гостю. [Эмир и его войско] на той славной местности сели на коней возвращения и после прохождения нужного расстояния эмир украсил своей драгоценной персоной высочайший трон дворца величия.

В пятницу десятого джумада ал-авваля от начальников войск прибыл человек и известил о победе и следующим образом представил их донесения на зеркале разума счастливого эмира: «Бури-дадхах[18] обратился в бегство от ударов наших войск и нашел убежище в крепости Йари. Его сыновья и приближенные попали в плен. Какой будет приказ, тому повинуемся». Согласно этому последовало обязательное для исполнения повеление «Йадгар-туксаба [из племени] йабу с тысячью своими одолевающими львов воинами пусть присоединится к сардарам победоносной армии и участвует в переброске на зубцы стен крепости Йари веревки захват и ни на минуту не ослабят старания».

Тем временем подданным [крепости] Йари помогла божья милость и, до прибытия туда победоносных войск, [их представители] с подарками и подношениями вышли навстречу сардарам наступающих войск и слугам победоносного государства вручили ключи от ворот. Бури-дадхаха тоже выдали именитым эмирам. Так, благодаря помощи победоносного государства крепость Йари была присоединена к прежде подчиненным землям. Войска убежища отваги [Йадгар-туксаба], следуя повелению эмира, с достоинством солнца устроили набег до ущелья Кштут на илатов курама и улусов минг и йуз, которые горные вершины превратили в преграду для своих имуществ и утварей, и предали их урагану грабежа и расхищения. Захватив множество имущества и несметные богатства как добычу, их женщин и детей выселили вместе с подданными [местностей] Йари и Панджакент и из местности Джум'а-базар в пятницу восемнадцатого (23 марта 1753 г.) направились к ступеням превосходного трона. Именитые эмиры, явившись к порогу дворца, с большим почтением целовали высочайший порог (л. 99б) джамшидового двора. Проворство этого приличествующего предприятия эмир хранил в своей благосклон-

ной милостивой памяти и [те эмиры] были наделены халатами возвеличивания. Бури-дадхаха тоже привели в прием миродержца. После переживания смущения и стыда было предписано начертить слово прощения на страницы его поступков. Бунтовщиков этого племени вместе с упомянутым дадхахом и их приближенными отправили в столичный город Бухару. На дороге больному Бури-дадхаху волк смерти разорвал грудь, и он отправился в дом пыток.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тирмах — четвертый месяц мусульманского солнечного года; соответствует 21—22 июня — 21—22 июля.

[2] Кутвал — комендант крепости. Заведующий ханскими постройками (Ханыков В. Н. Описание Бухарского ханства. С. 186).

[3] См. прим. 6, с. 93.

[4] Банат — род ткани.

[5] Хут — двенадцатый месяц солнечного года, соответствует февралю-марту.

[6] Тавачи — должностное лицо, в обязанность которому вменялись сбор и устройство войска.

[7] Хачир — род лошади.

[8] Фарраш — слуга, расстилающий ковер, приготовляющий постель, шатер и пр.

[9] Аррада — осадное орудие на колесах, баллиста.

[10] Бий — девятый чин в служебной иерархии в Бухарском ханстве с титулом амарат панах (убежище начальствования). Лицо, получившее этот чин, сохраняло его и после получения его носителем следующих чинов (Семенов А. А. Очерк устройства административного управления Бухарского ханства. С. 57).

[11] Бакаул — стольник, кухмейстер; наблюдал за исправным состоянием личной кухни хана (Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. С. 262).

[12] Туксаба — седьмой чин в служебной иерархии ханства. Начальник полка, имеющего свой бунчук (тут, тук).

[13] Урду — лагерь, ставка.

[14] Угрук — собрание палаток со всеми женами, детьми и слугами хана.

[15] Махдум-и ʿАзам — почетное прозвище известного суфийского шайха ходжа Ахмада ибн саййид Джалал ад-Дина Касани (ум. 1549 г.). В суфизме он принадлежит к ордену ходжагон.

[16] Саркар-и ʿали — финансовое ведомство.

[17] Хатирэ — надгробный памятник.

[18] Дадхах — букв. «радеющий о правосудии». Десятый чин в восходящем порядке с титулом амарат—панах.

МУХАММАД ХАКИМ-ХАН

МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ

Аннексированная в середине XVIII в. территория Восточного Туркестана представляла для цинского Китая довольно беспокойный район, ибо его население не раз вооруженным путем пыталось вернуть себе былую независимость. Эти восстания вспыхивали неоднократно и жестоко подавлялись; в результате из Кашгарии в Среднюю Азию, спасаясь от репрессий со стороны цинских властей, эмигрировало немало семейств.

Одним из эпизодов борьбы за независимость от цинского засилья явилось восстание под предводительством Джахангир-ходжи. Он родился в 1783 г., был человеком умным и предприимчивым. Надеясь получить поддержку и помощь мусульман, он решился поднять восстание, которое и вспыхнуло в 1826 г. Это и подобные многочисленные восстания известны у китайских историков как «ходжамские», т. е. возглавляемые ходжами, а в Средней Азии — как «газават» (священная война).

Первоначально Джахангир-ходжа без всякой подготовки отправился к киргизам и уговорил их идти походом на Кашгар. Предводитель киргизского рода чонбагыш Суранчи подошел к городу, но вынужден был отступить. В результате контактов с киргизами Джахангир-ходжа приобрел славу святого и боговдохновенного. Он не раз вторгался в Кашгарию, но это были всего лишь набеги.

Цинское правительство отправило в один из аулов пятьсот человек с приказом схватить Джахангир-ходжу. Однако его там в это время не оказалось и китайцы повернули обратно. Киргизы и Джахангир-ходжа, узнав о налете, настигли их в горной теснине; после схватки отряд цинских посланцев был разбит. Эта удача вдохновила Джахангир-ходжу, он решил действовать активнее и весь 1825 г. готовился к походу на Кашгар. Весной 1826 г. Джахангир-ходжа разбил китайцев, занял Кашгар, принял титул сайида и, объявив себя правителем, учредил придворные и военные чины по кокандскому образцу.

В июне того же года в Кашгар прибыл с войском кокандский хан Мухаммад ʿАли (1822—1842), который не мог оставаться наблюдателем этих событий. Джахангир-ходжа встретил его весьма неблагосклонно, поэтому он на свой страх и риск безуспешно атаковал китайскую крепость и через несколько дней возвратился в Коканд. Подступив к крепости, Джахангир-ходжа после продолжительной осады захватил ее, но осенью был разбит 70-тысячным войском китайцев, сам он спасся бегством в горы.

Правитель Кашгара, ставленник китайцев Исхак-хан, склонил на свою сторону кое-кого из киргизов и через верных людей убедил Джахангир-ходжу в своей преданности и готовности вверить ему Кашгар. Предательски схватив Джахангир-ходжу, он выдал его китайцам, которые отправили пленника в Пекин, где он был казнен.

Эти и другие события нашли отражение в «Мунтахаб ат-таварих», автором которого является Мухаммад Хаким-хан, сын сайида Ма'сум-хана. Он родом из знатной кокандской семьи. Его отец и дед были видными кокандскими сановниками. Сам Мухаммад Хаким-хан был приближенным наследника престола Мухаммад ʿАли-хана, однако с его приходом к власти впал в немилость и в 1822 г., покинув родину, в течение семи лет скитался на чужбине. Описание путешествий, во время которых он пере-

жил немало приключений, занимает значительную часть сочинения. Автор повествует о своем пребывании в России, приводит любопытные сведения о быте и нравах населения, встречался с высокопоставленными русскими чиновниками и т. д. Очевидно, «Мунтахаб ат-таварих» является единственным сочинением, которое знакомило среднеазиатского читателя с Россией и другими странами того периода.

Труд написан в конце первой половины XIX в. По своему характеру он представляет тип всеобщей истории. Ценность сочинения состоит в том, что основная его часть посвящена истории Кокандского ханства и прежде всего времени правления Умархана (1810—1822), современником которого был автор. Для истории же ханства периода Нарбута-бия (1770—1798) и Алим-хана (1798—1810) автор почерпнул сведения из воспоминаний отца и других информаторов.

Перевод извлечений сделан по списку «Мунтахаб ат-таварих», хранящемуся в Институте востоковедения АН УзССР (инв. № 593). В качестве вспомогательных использованы также списки № 592 и № 594 (староузбекское изложение данного сочинения)[1]. Не беря на себя труд фиксировать все расхождения между № 594 и другими списками, мы указываем лишь существенные моменты. Перевод выполнен впервые.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» (ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО)

(л. 236б) Династия двенадцатая — Минги

[Мингов] было семь человек. Время их султанства во владениях Ферганы сто лет.

Первый из них — Рахим-хан, сын Шахрух аталыка, сына Мухаммад Халик-бия, сына Джамиш-бия, а он суть мюрид убежища наставничества маулана Лутфаллаха Ходженди[2], известного под прозвищем (лакаб) Шабид, а они суть мюрид султана святых, приюта избранников Махдум-и ʿАзама, да освятит Аллах его драгоценную тайну. В настоящее время их потомок — ишан Ходжаджан-ходжа.

У шахрух аталыка[3] было три достойных сына — Рахим-хан, ʿАбд ал-Карим-бий и Шади-бий. Их местопребыванием была местность Дехкантуда, которая в настоящее время находится в городе Коканде, в трех фарсахах[4] с южной стороны; сейчас она разрушена. Там они и проводили время.

В те времена Акбута-бий, сын Мухаммад Рахим аталыка[5], в Ходженде забил в литавры амирства. Случилось так, что извечному и судьбе было угодно, чтобы дочь Шахрух аталыка, пребывавшую за завесой девственности, сосватал Акбута-бий и, с большим торжеством устроив пир и той, женился на ней. Пригласив

к себе Рахим-хана, он вверил ему государственные дела, а сам предался радости и веселью.

Слава Рахим-хана[6] в то время распространилась по всему свету, и все войска (л. 237а]) Акбута-бия обратили лик к Рахим-хану. Осведомившись об этом положении, Акбута-бий, опасаясь [Рахим-хана], замыслил схватить [его], но тот узнал об этом и с несколькими своими махрамами направился на свою исконную родину.

Узнав о его уходе, Акбута-бий приказал пятистам киргизам[7] погнаться за ним следом, схватить и доставить его [к нему]. Киргизы со всей поспешностью погнались за ним и настигли [его] в Шум-кургане. Тот лев чащи доблести, видя, что иного выхода нет[8], с большими чаяниями, но с немногочисленными людьми, схватив лук и стрелы, вступил в бой и устроил такое сражение, что от крови киргизов земля той степи стала ярко-красной, а вода Сейхуна превратилась в чистое рубиновое вино.

У Рахим-хана был некий Канбар[9]-лучник, который только сам в тот день пронзил стрелой сорок киргизов. Киргизы, видя, что [в живых] осталось [всего] несколько человек, а все их товарищи обратили лик в сторону небытия, пять-шесть оставшихся [в живых] волей-неволей воспользовались удобным случаем и тихо произнеся: «Покинувший поле сражения — трус!» — обратились в бегство; а Рахим-хан, живой и невредимый, избавился от этой опасности. Сочтя эту первую победу признаком доброго предзнаменования власти, он вознес к чертогу султана истинного хвалу и направился в свою ставку.

Акбута-бий, осведомившись о его деянии, прикусил зубами палец удивления, не зная каким образом заполучить в руки ту вольную птичку. И сколько он не слал к нему сладкоречивых илчи с приглашением прибыть, Рахим-хан (л. 237б) не соблаговолил принять [это приглашение]... В конце концов после этого[10] высокодостойный хан [собственной персоной] явился к Акбута-бию и оба государственных мужа милостиво заключили друг друга в объятия милосердия. Сочтя его прибытие благословенным, [Акбута-бий] занялся приемом гостей.

По прошествии некоторого времени после этого события несколько смутьянов с норовом Иблиса многократно пытались возмутить нрав Акбута-бия в отношении Рахим-хана, побуждая его схватить того доблестного хана. Об этом обстоятельстве осведомился Рахим-хан. В ночь из ночей, когда Акбута-бий почивал блаженным сном на верху арка Ходженда, Рахим-хан с несколькими алчущими мести бахадурами препоясался в сотне мест слева направо старинным мечом[11] и, облачившись в одежду великодушия, направился в арк. Налетев подобно скоропостижной смерти на того убежища власти, предал его и двух его луноликих сыновей мечу возмездия, принудив их отведать сущности смерти[12], так что они до дня воскресения не поднимутся с места...

Той же ночью того униженного мученика предали погребению в его склепе (хакдане).

На следующий день Рахим-хан воцарился на престоле амирства и молва о нем распространилась по всем странам мира. И был он ханом чрезвычайно доблестным и смелым, и захватил значительную [часть] вилайета Фергана. Ввиду того, что он овладел всеми владениями [Ферганы], лакабом его стал Рахим-хан-и сахибкиран.

После некоторого времени (л. 238а) власть над Ходжендом он отдал своему [младшему] брату ʿАбд ал-Карим-бию, а сам утвердился в вилайете Коканд. В то время Коканд только начинал застраиваться, и он приложил немалое рвение для благоустройства того вилайета. Власть над Маргиланом вручил самому младшему брату Шади-бию. Завладев всеми владениями Ферганы, он всецело успокоился в этом отношении.

Упоминание о походе Рахим-хана в сторону Самарканда и Мийанкаля и завоевание тех вилайетов

Рахим-хан с многочисленным войском направился в Самарканд; преодолев стоянки, он достиг вилайета Самарканд и довольно легко захватил то владение. Оттуда он подался в Йангикурган и также завоевал тот город. После этого он натянул поводья чистокровного [коня] в сторону Шахрисабза.

В то время вилайетом Кеш (Шахрисабз) правил Хаким Букари, брат Ибрахим аталыка. Осведомившись о прибытии Рахим-хана, он изготовился к схватке и сражению, но едва только Рахим-хан благоволил остановиться в окрестностях Шахрисабза, красноречивые илчи, выступив посредниками, предложили дружбу. У Хаким-бека за завесой непорочности была чрезвычайно красивая племянница [по имени] Айчучук-айим, отпрыск Ибрахим аталыка, и он счел весьма подходящим через ее посредство заключить договор с Рахим-ханом.

[После всех этих событий] Рахим-хан с большим торжеством направился в сторону Самарканда, но едва только вступил в тот город, как его естеством овладел тяжкий недуг. Кое-кто говорит, что он взошел [на лошади] по ступеням мазара его святейшества шейха Кусам ибн (л. 238б) ʿАббаса Аспаки[13] и ввиду этой неучтивости подвергся той болезни. Назначив со своей стороны Анакули дадхаха и муллу Бичара наибом Самарканда, он направился в Коканд, но когда благоволил остановиться в вилайете Ходженд, его недуг переступил за пределы умеренности. И сколько лекари (табиб) того времени не пользовали его, все было тщетно. Поэтому, собрав пожитки бытия, он из обители мира обратил лик в сторону загробного мира. Его прах доставили в Коканд и предали погребению. Время его правления — десять лет, время жизни — тридцать три года.

В то время, когда Рахим-хан включил дочь Ибрахим аталы-

ка в разряд своего брачного союза, та убежище девственности понесла от Рахим-хана и после определенного свыше срока беременности, уже после смерти Рахим-хана, произвела на свет из-за завесы небытия прекрасную девочку. Ее нарекли именем [Ай] Джан-айим. Короче говоря, от него остались один сын, а это был Ирдана-бий, и три дочери...

Вместо него на престоле власти утвердился ʿАбд ал-Карим-бий и занялся правосудием. После кончины Рахим-хана ʿАбд ал-Карим-бий женился на его жене Айчучук-айим.

В период его правления со стороны Чина вторглись калмаки; в это время в вилайете Кашгар правили Ай-ходжа и Кун-ходжа[14]. Когда воинство Хитая овладело Семиградьем[15], они после многочисленных схваток предпочли бегство покою и подались в Бадахшан, но (л. 239а) когда достигли той области, тамошние люди, введенные в заблуждение посулами китайцев, продали [свою] веру за мирское и, схватив тех двух саййидзаде, выдали китайцам, а те неверные предали головы тех двух жемчужин власти острому мечу, и подобно Хусайну отделив их от тела, сподобили степени мученичества[16]. От их крови земля Бадахшана стала словно бадахшанский ла'л, как говорится

Марсийа

О правоверные! Этот Бадахшан стал землей Кербелы,
В месяце мухаррам ходжа был предан мучительной смерти[17]...

От тех убежищ власти остался один грудной ребенок; доброжелатели и преданные [люди] утаили того сироту от тех кафиров[18] и неизвестно по какой дороге доставили в Бухару.

После того как китайцы успокоились в отношении своего зловещего дела относительно убежищ власти (т. е. ходжей), они послали в сторону владений Ферганы калмакское войско, которое, овладев значительной частью вилайета, осадило вилайет Коканд. ʿАбд ал-Карим-бий, стократно препоясав чресла, ежедневно объявлял тем нечистым кафирам газават, однако время осады затянулось.

В те времена в Ура-тюбе правил Фазил-бий, валинами[19], сын Сиддик-бий йуза, приемный сын ʿАбд ал-Карим-бия. В этот период ему исполнилось двадцать лет от роду. Как только он услышал эту весть, со всей поспешностью направился в Коканд. Преодолев переходы, он прибыл в Коканд и счастливо (л. 239б) сподобился газавата. ʿАбд ал-Карим-бий весьма обрадовался приходу того убежища амирства; сочтя прибытие того убежища власти благословенным, он занялся его приемом.

Через несколько дней калмаки оказались в очень тяжелом положении, оставив государство Коканд, они подались в свою страну. Люди ислама погнались за ними и предали их разграблению. Говорят, что убежище ратоборства Шир Мухаммад, а это суть имя бахадура Фазила валинами, в этом самом сражении с невер-

ными [в течение] одного дня погубил девяносто калмаков. Их высокосвященство ишан Султан-хан[20] говаривал, что он неоднократно слышал эти слова из уст самого Шир Мухаммад бахадура. Словом, ʿАбд ал-Карим-бий, покончив сражение с неверными, с большим почетом отпустил Фазил-бия валинами.

В то время в Маргинане[21] правил его брат Шади-бий. Тамошний люд весьма утеснялся обществом киргизов, ввиду этого значительная часть тех степняков[22] осела вблизи города. Однажды Шади-бий выехал на ловитву. Возвращаясь с охоты, он приблизился к тому обществу. Вместе со своими махрамами он ради потехи прикинулся киргизом и напал на то общество, а то общество было уверено, что напали [действительно] киргизы. Каждый из них, схватив свое ружье, выскочил из дома и открыл стрельбу. И прежде чем махрамы Шади-бия известили то общество [об истинном положении дел], пуля случайно угодила в грудь Шади-бия, и он тотчас же вручил свою жизнь богу, как говорится

Мисраʿ

Разве шутке место среди самоотверженности?

Бейт

Их забава обернулась скорбью
(240а) И их Шади-бий стал печалью[23].

Все с рыданиями доставили его прах в город и предали погребению в хакдане.

От него остался один ребенок по имени Сулайман-бек. Время его амирства в Маргинане[24] девять лет, а время жизни — тридцать лет.

Спустя некоторое время ʿАбд ал-Карим-бий[25] также подобрал полу своей [жизни] с этого хакдана эпохи и обратил лик в сторону загробного мира. От него остался один ребенок по имени ʿАбд ар-Рахман-бек. Время его правления — восемь лет, а время жизни — тридцать четыре года.

После [его] кончины на престоле амирства вместо него утвердили Ирдана-бия[26], сына Рахим-хана. Он правил над всеми владениями Ферганы, был весьма мудрым и рассудительным государственным мужем. Он вступил в брак со своей молочной сестрой Айджан-айим, которая была связана узами брака с сыном его дяди ʿАбд ар-Рахман-беком.

Мисраʿ

Луна сочеталась браком со звездой.

Впоследствии они оба упокоились на престоле нежности и спустя некоторое время те две жемчужины произвели на свет из-за завесы небытия одного ребенка достойного счастья Юпитера. Того счастливого мужа нарекли именем Нарбута-хан-бий[27].

Накануне этого происшествия в период Рахим-хана в Бухаре падишахствовал Абу-л-Файз-хан[28]; он, забросив государственные дела, чрезмерно предавался развлечениям и удовольствиям. Ввиду этого среди узбеков[29] начались беспорядки. Одним из числа их был Фархад аталык, который в течение нескольких дней бил в литавры власти среди своего улуса. В Самарканде не было ни одного человека, который сел бы на престол власти, поэтому амиры поневоле (л. 240б) посадили на престол власти [его] высокосвященство убежище власти и знатности ишана Абд аш-Шахид-ходжу, сына [его] высокосвященства ʿАбд ал-Маджид-ходжи. Буквально через несколько дней между убежищем власти и Фархад аталыком произошла стычка. Ветер победы задул со стороны йезидов и [его] высокосвященство убежище власти был взят в плен и подобно Хусайну сподобен степени мученичества... Его достойный сын Артук-ходжа, предпочтя бегство покою, направился в сторону Ходженда.

ʿАбд ал-Карим-бий, узнав о приближении того высокосвященства, выступил ему навстречу и, сочтя прибытие того убежища власти благословенным, предоставил ему подобающее жилище, и [его] высокосвященство обосновался в том вилайете.

В бытность Ирдана-бия валинами он отправился в паломничество к Тахт-и Сулайман[30]. Ирдана-бий, сочтя [его] возвращение благословенным, несколько дней прислуживал ему.

В тот период убежище девственности Айчучук-айим, отрасль Ибрахим аталыка, известной как Кенегес-айим, исполнилось без двух пятьдесят лет[31], когда она вступила в брак с их высокосвященством. После срока беременности от их высокосвященства она произвела на свет ребенка и того убежище власти нарекли именем Хаким-тюра. К тому времени жизнь их высокосвященства превысила семьдесят [лет, когда он скончался].

Словом, в то время в Бухаре правил Рахим-хан мангит[32], а он был приемным сыном Ирдана-бия, а в Ура-тюбе правил Фазил валинами, сын Сиддик-бия[33]. Подробное изложение этого события дано выше...

(л. 316а) Упоминание о бегстве[34] убежища власти Джахангир-ходжи и Хаккули в сторону вилайета Кашгар и возвращение восвояси в упомянутом году

40

Короче говоря, Джахангир-ходжа и Хаккули с сорока приверженцами, избрав стезю бегства, с предельной поспешностью выступили в путь. Спустя три дня избавились от приспешников амир Умар-хана и три дня отдыхали в той единственной [в своем роде] стране от дорожных тягот.

В той местности из общества киргизов собралось примерно пятьсот человек и [сообща] двинулись на Кашгар. Преодолев дорогу, достигли вилайета Кашгар. Общество китайцев, осведомившись о прибытии Джахангир-ходжи, изготовилось к схватке и сражению. Подступив к гулбагу[35], Джахангир-ходжа приготовился

к схватке. Неверные также изготовились к сражению. Едва разрядили две пушки, как киргизы в панике[36], расстроив [ряды], избрали стезю бегства. Когда убежище власти и Хаккули увидели подобный поворот событий, то натянув поводья отправления в сторону вилайета Коканд, обратили лик к бегству.

В то время люди ислама из населения Кашгар, не поверив в приход Джахангир- (л. 316б) ходжи, утверждали, что это возмущение произвели киргизы, но затем они установили, что действительно это был убежище власти, который соблаговолил прибыть для избавления мусульман и [объявления неверным] газавата. Выяснив истинное положение дел, мусульмане, воздев руку сожаления, весьма раскаивались, однако втуне...

Словом, Джахангир-ходжа и Хаккули-бий, с большими трудностями и лишениями преодолев путь, подошли к вилайету Андижан, терзаемые жаждой и голодом[37]. Когда [они] вошли в [пределы] вилайета Андижан, эта весть распространилась по всем областям Мавераннахра. Все мусульмане, [поначалу] радовавшиеся, [теперь] опасались [прихода] китайского войска. Амир Умар-хан, узнав о прибытии убежища власти, весьма обрадовался и успокоился от несчастья, [ожидаемого] с той стороны (Китая)...

(л. 362а) Упоминание об обстоятельствах бегства моего брата убежища власти Джахангир-ходжи в вилайет Кашгар

В бытность амир Умар-хана убежищу власти в арке было определено место и ему уделялось [всяческое] внимание; когда же к власти пришел Мухаммад ʿАли-хан, то он не обращал на него внимания. По этой причине убежище власти, весьма стесненный обстоятельствами, в сопровождении брата убежища власти Махмуд-хана, Тура-хана и нескольких других [приверженцев] объединились и, избрав путь бегства, направились в вилайет Кашгар.

Эта весть дошла до Мухаммад ʿАли-хана, [который] без отлагательств соблаговолил послать в погоню за ними человека. Витязи, которые были уполномочены на это дело, с предельной быстротой преодолев путь, после трех ночей и трех дней настигли их в горах Андижана; пленив убежище власти и его [приверженцев], с многочисленными оскорблениями и унижениями доставили в вилайет Коканд. Мухаммад ʿАли-хан, заточив убежище власти и его [приверженцев], спустя три дня освободил Тура-хана[38], предоставив его самому себе, а Джахангир-ходжу оставил в заточении.

Говорят, что именно в 1248 году[39] в вилайете Коканд от злобного нрава погоды случилось такое землетрясение, подобного которому ни один человек ни в какую из эпох и периодов не видывал и не слыхивал. Значительная часть населения осталась под домами и погибла, ибо многие дома разрушились, [поэтому] люди построили дома из камыша; равным образом в горах Коканда несколько семей ушло под землю, а земля так разверзлась (л. 362б), что из-

под нее ничего, кроме черных испарений, не виднелось, а вода била из-под земли подобно фонтану, растекаясь [во все стороны]. Земля содрогалась свыше шести месяцев средь [белого] дня.

Короче говоря, когда подобным образом прошло несколько дней в голову убежища власти вновь запала страсть по Кашгару. С большими ухищрениями и хитростью выбравшись оттуда (т. е. из заточения), он на быстроходных лошадях избрал стезю бегства. С предельной поспешностью за три дня и ночи, оторвавшись от [преследования] подданных Коканда, достиг местности Алай; снявшись оттуда, вошел в крепость Ташкурган и забил в барабан власти. Эта весть разнеслась по окрестностям и весям тех пределов. Значительная часть населения киргизов хлынула к убежищу власти.

В то время Иса дадхах, хаким Андижана, и Худайар-мирза, которые были из высокопоставленных лиц Коканда, отложились от Мухаммад ʿАли-хана и примкнули к убежищу власти, проведя в тех пределах год; засим с несметной ратью направились в Кашгар, с большим трудом и лишениями преодолевая узкие [горные] дороги. [Поэтому] надим и значительная часть киргизов возвратилась в сторону своей родины. Наконец, вышеименованный убежище власти с несколькими из своих надимов после многочисленных лишений вступил [на территорию] изобилующего светом мазара полюса святых и приюта благочестия султана Сиддик Бора-хана[40], который суть один из[41] общества семи султанов, а высочайший их последователь — Аффак-ходжа [также] погребен там. Вышеименованный убежище власти, попросив от обоих святейших (азиз) помощи и содействия, взялся за нить своего дела[42] (л. 363а). Тем временем закатилось солнце.

Эту весть услышали китайцы. Выступив из гулбага, примерно четыре тысячи человек направились к мазару; прибыв туда, занялись схваткой и сражением. Убежище власти также приступил к стрельбе из ружья... Тем временем значительная часть войска убежища власти обратила лик к бегству, [но] он продолжал сражаться с семнадцатью человек. Перед этим Джахангир-ходжа послал Хасан-ходжу, а это имя его надима, в сторону Кизил-су, а это — местность, чрезвычайно многочисленная людом ислама, который осведомил их о прибытии убежища [власти]. Между тем войско неверных возобладало и одним натиском вступило на [территорию] мазара. Один из надимов и убежище власти совместно с Иса дадхахом обратили лик к бегству, а прочие из них сподобились степени мученичества... Ратоборцы-китайцы в ту ночную темень искали убежище власти. [Между тем] убежище власти, пройдя некоторое расстояние, понял, что избавление от этой напасти превыше сил и усилий человека, [поэтому] поневоле положился на провидение и спрятался в разрушенной могиле. Они оба пребывали в ожидании смерти; а тот надим блуждал в том полном ужасов месте...

(л. 363б) Суть слова в том, что в то время, когда убежище

власти обратил лик к бегству, а ратоборцы-китайцы овладели мазаром, он еще за два дня до этого известил общество чонбагыш[43] о своем прибытии, направив [им] послание. Едва только услышав имя Джахангир-ходжи, доблестные гази [чонбагыш], примерно шесть тысяч ратоборцев, вооруженных кинжалами, утренней порой прибыли в ту местность и увидели, что там господствуют китайцы, а от убежища власти нет и следа. Люди неверия и мусульмане поневоле схватились за сабли и смешались друг с другом. Произошла такая схватка, что потоки крови мусульман устремились в сторону рая, а потоки с нечистой кровью неверных потекли в ад. В конце концов после многочисленных схваток ветер победы задул в сторону людей ислама, а язычники обратили лик к бегству[44]. В то время из четырех тысяч [воинов] войска китайцев не спасся даже один, и все [они] поспешили в ад; а ратоборцы ислама, ослобонив свои помыслы от дела неверных, занялись поисками убежища власти.

И тут с двенадцатью тысячами[45] вооруженных гази со стороны Кизил-су подоспел Хасан-ходжа; видя, что от убежища власти нет даже следа, они все погрузились в пучину раздумия, подобно сумасшедшим бросаясь во все стороны.

Между тем светило востока утвердилось в этих девяти лазурных сферах и озарило мир своим сиянием. Случайно тот несчастный надим скитался и блуждал в той местности (л. 364а). Гази, схватив его, спросили об [участи] убежища власти, но этот несчастный не только не признал их, а наоборот, полагая, что это суть войско китайцев, [всячески] отрицал, [что знает что-либо] об убежище власти. Спустя некоторое время хорошо заметив, что все они суть: гулямы и слуги убежища власти, он от радости немедля указал местонахождение (нишана) убежища власти. Они, как только услышали о здравии убежища власти, возблагодарив, [Аллаха], с предельной поспешностью поторопились для услужения к убежищу власти, [но] тот надим опередил их и [первым] доставил эту радостную весть к убежищу власти. Когда убежище власти услышали эту новость, то от радости были на седьмом небе[46] и вознесли благословение всевышнему богу...

В это время воинство ислама с плачем разорвало ворот [одежды], устремилось на то кладбище для услужения убежищу власти и все разом пали к стопам убежища власти. Можно было подумать, что в тот день восстало такое ополчение, что от плача и рыданий гази на все сущее[47] пало землетрясение. Засим убежище власти с превеликими почестями и уважением воссели на ветроподобного коня с грациозной походкой и со всей поспешностью обратили лик к цели,.

Когда эту весть услышало население вилайета Кашгар, то и млад, и стар устремился к убежищу власти. Как только убежище власти подступил к окрестностям вилайета [Кашгар], ученые, амиры и обыватели вышли навстречу убежищу власти и удостоились лобзания его руки.

В то время хаким Қашгара, которого китайцы (л. 364б) в качестве представителя назначили со своей стороны благожелателем государства, оставался в городе наедине со своей властью[48], и видя, что дело проиграно, поневоле явился к убежищу власти с намерением изложить обстоятельство своей вины. Люди ислама, разом напав [на него], по повелению убежища власти на том же самом месте предали его смерти; а убежище власти с большим торжеством и пышностью вступил [в пределы] вилайета [Кашгар] и воссел на троне султанствования...

Упоминание о правлении моего брата убежища власти Джахангир-ходжи в вилайете Кашгар

Короче говоря, мой брат господствовал над всеми семью городами[49] Қашгарии и сия радостная весть ввиду своей важности (ба жихат-и асар) распространилась по всей обитаемой четверти [земли]

Когда Мухаммад ʿАли-хан также услышал [об этом], в нем взыграла кровь его предков[50], [и он] непрерывно слал к убежищу власти илчи для установления тесных связей (бар сабил-и шинаси). Убежище власти в свою очередь направил красноречивых илчи и передал: «Мы вверим газават гулбага тебе, [и] если явишься [сюда], то сообща испросим ту крепость от всевышнего бога». Илчи, прибыв к Мухаммад ʿАли-хану, вручили свои верительные грамоты и изложили суть дела. Услышав слово (нам) «газават», Мухаммад ʿАли-хан затрясся подобно осиновому листу. Надимы, осведомленные о его положении, сказали: «Мы слышали, что в крепости Гулбаг было несколько сокровищниц, полных йамбу[51]. Если бы вы пошли [туда походом], то степень [вероятности] победы была бы [более] реальной и все сокровища стали бы вашими». Мухаммад ʿАли-хан, услышав слово «йамбу», подобно обезьяне зловеще рассмеялся и немедля с войском Ферганы (л. 365а) направился в ту сторону.

Тем временем с тремястами человек из Ура-тюбе подоспел и объединился брат Мухаммад Рахима диванбеги, ʿАбд ар-Рахман-бек[52]. Короче говоря, Мухаммад ʿАли-хан, преодолев дорогу, вступил в тот вилайет, однако со стороны убежища власти ни один человек не вышел ему навстречу. По этой причине сердцем Мухаммад ʿАли-хана овладел страх, и он направил к убежищу власти нескольких своих надимов. Однако убежище власти не придал этому значения и не дал подобающий нраву [Мухаммад ʿАли-хана] ответ. В конце концов Мухаммад ʿАли-хан, видя, что ничего не получится, поневоле направил к Джахангир-ходже его высокосвященство убежище власти Султан-хан-ходжу, ходжа калана, вместе с Хаккули дадхахом и Бахадир-ходжой дастарханчи. Услышав о прибытии Султан-хана, Джахангир-ходжа выступил ему навстречу на несколько шагов и, усадив на свое место, оказал ему почести...

Засим его высокосвященство Султан-хан пригласил его (Джахангир-ходжу) к Мухаммад ʿАли-хану, но он ответил: «Ради вашего высокосвященства я один раз выеду ему навстречу и встречу его верхом на лошади. Вторично же я не желаю видеть его физиономию. Если благоволите принять на этом условии, то прекрасно, в противном случае как будет ему угодно». Его высокосвященство Султан-хан соблаговолил принять его [условие]...

(л. 365б) Выезд убежища власти Джахангир-ходжи к Мухаммад ʿАли-хану

Короче говоря, на следующий день убежище власти так украсил своих амиров и ратоборцев (л. 366а), что они [буквально] утопали в золоте и железе. Говорят, в том войске собралось три лака[53] людей, [так что] в эпоху ни одного из падишахов никто подобного стечения не видывал и не слыхивал. С великой пышностью и торжеством воссев на коней, направились к стану войска Ферганы; когда приблизились, [то] Мухаммад ʿАли-хан и его ратоборцы, узрев это величие, прикусили зубами палец удивления и погрузились в пучину изумления. Сердце Мухаммад ʿАли-хана обуял такой страх, что его нечистая душа затрепетала подобно колокольчику, [поэтому] он поневоле с опущенной выей направился в сторону убежища власти. Оба войска, сблизившись, построило ряды; убежище власти совместно с его высокосвященством Султан-ханом, а Мухаммад ʿАли-хан вместе с Хаккули, выступив вперед, заключили друг друга в объятия. Убежище власти, обратив лик к Мухаммад ʿАли-хану, сказал: «Добро пожаловать! [Честь] одоления крепости Гулбаг принадлежит вам». Сказав [это], убежище власти соблаговолил возвратиться в сторону своего дворца, а Мухаммад ʿАли-хан обратил лик к крепости Гулбаг и приступил к осаде.

В течение пяти дней войско Ферганы прилагало чрезмерные усилия и старания, чтобы овладеть гулбагом, [но] ветер победы никоим образом не задувал, а многие люди ислама сподобились степени мученической кончины. Наконец, в ночь из ночей войско Ферганы в панике и страхе изготовилось к бегству[54]... Мухаммад ʿАли-хан, видя это обстоятельство, изумленный и растерянный, вращал во все стороны глазами, не зная, каким средством выволиться из этой напасти (л. 366б). Несчастный не знал, как поступить и распорядиться при подобных обстоятельствах, [поэтому] осел подобно павшей корове. В конце концов амиры, видя, что дело уходит из рук, поневоле воссев на коней, с предельной поспешностью вступили на кокандскую дорогу. Многие амиры и высокорожденные Коканда, улучив момент, отложились от него и примкнули к убежищу власти. Джахангир-ходжа [в отношении] каждого из них проявил милость в соответствии с его [общественным] положением...

Мухаммад ʿАли-хан, с огромным трудом и лишениями преодолев путь, вступил в вилайет Коканд и занялся возлиянием бузы и гоньбой голубей.

Джахангир-ходжа после возвращения войска Коканда с несметной ратью подобно тому, как оправа охватывает алмаз, окружил гулбаг и приступил к осаде и сражению. [Поскольку] срок осады затянулся, Джахангир-ходжа благоволил возвратиться и остановиться в своем дворце.

В то время в гулбаге находилось двенадцатитысячное[55] китайское войско; весьма стеснившись ввиду недостатка продовольствия, [оно] в одну из ночей единодушно покинуло крепость Гулбаг, предпочтя покой пешему бегству. Сия весть дошла до убежища власти; немедля воссев на коня, [он] двинулся в ту сторону. Подоспев с предельной быстротой, отважные газии ввязались в сражение. Спустя некоторое время подошло неисчислимое войско людей ислама и началось избиение людей неверия. Неверные, видя это обстоятельство, по глупости также стали убивать друг друга[56]. Спустя некоторое время из двенадцати тысяч человек (л. 367а) [в живых] не осталось ни одного[57]; а убежище власти с победой и торжеством благоволил возвратиться в свою ставку.

Эту весть услышали все вилайеты Семиградья, и люди ислама стали избивать неверных той местности... От совершенства ликования люди ислама очистили весь вилайет от ненависти и фальши людей неверия. Джахангир-ходжа соблаговолил пожаловать сыну убежища власти Махмуд-хана[58], Тура-ходже, который был его племянником, власть над вилайетом Хотан, а вилайет Йаркенд передал своему брату[59], владычество над Аксу — Умар Али-ходже, сыну Хан-ходжи и так далее и тому подобное.

Таким образом, Джахангир-ходжа, утвердившись над всеми вилайетами семи городов Кашгара, предался беспечности в отношении Хитая (хатир-и худра ба-тавр-и худ аз жаниб хитай джамь сахт), не ведая, что мудрецы говаривали: «Не будь милосердным к слабости врага, ибо, когда [он] станет могущественным, то не будет жаловать тебя...»

Изгнание Джахангир-ходжи из вилайета Кашгар [усилиями] китайских амиров, которые схватили того восседающего на троне убежище власти и сподобили степени мученической кончины

К этому времени благоразумие (хавсала) моего брата Джахангир-ходжи достигло предела и, не почитая государство за благо, он запустил дела правления, постоянно беседуя с низкими людьми... (л. 367б). Его деяния (нишаъ) в то время преступили пределы справедливости. [Он] постоянно предавался возлияниям с кашгарскими периликими, черноокими мускусновласыми агаче[60] и розоволикими саки, пил чистое вино, предав забвению ратные дела. От этих деяний убежища власти все прикусили зубами палец удивления, пораженные [его поведением]. Кое-кто из его

благожелателей неоднократно заявлял ему: «Твоя жизнь прошла в лишениях. Теперь же, когда всевышний по беспредельной милости благоволил сподобить тебе государство, подобного которому нет ни у одного падишаха, должно ценить это, дабы не сожалеть [впоследствии]»...

Ввиду того, что его сущность не внимала [внушениям], то сколько бы благожелатели ни внушали подобного рода мудрые слова с многочисленными доводами, все было втуне; чем далее, тем более мой брат усердствовал в недостойных делах[61].

Эта весть распространилась по всем вилайетам Хитая и Хотана. Сардары людей неверия также осведомились об этом обстоятельстве. Узнав, что одеяние правления тому убежище власти не подходит (раст намиайад), они с неисчислимой ратью[62] по незнакомой дороге направились к своей цели и с предельной быстротой преодолев примерно трехдневный путь, достигли вилайета Кашгар.

Джахангир-ходжа, услышав об этой новости, погрузился в пучину печали. Немедля назначив брата его высокосвященства Султан [-хана], Тура-хана и сына Бекмурад-бия, Худайар-бека амир-и лашкаром (л. 368а), с несметной ратью отправил на войну с неверными. Когда от убежища власти изошло разрешение, [они] с предельной быстротой выступили вперед на расстояние одной стоянки. С противоположной стороны подошло войско неверных, и оба войска, встретившись в той местности, сразились друг с другом. Произошла такая схватка, что прах ристалища обагрился кровью неверных [и] людей ислама. В конце концов ветер победы задул в сторону людей неверия, но войско ислама продолжало отчаянно сражаться. Войско неверных было подобно огню, павшему в камышовые заросли, который равным образом сжигал сухое и зеленое, устремляясь вперед. Сражаясь подобным образом, [неверные] вступили в вилайет Кашгар и сподобили мусульман степени мученической кончины. Значительная их часть, и в том числе убежище власти, предпочли стезю бегства. Брат Махмуд-хана, Тура-хан и сын Махмуд-хана, Тура-ходжа, а также сын его высокосвященства Султан-хана, Муса-хан были взяты в плен и отправлены в сторону Чина. Власть в Кашгаре вновь утвердилась за неверными[63].

В ту ночь, а именно в первый день месяца раджаб года 1241, во время схватки Джахангир-ходжа, презрев имущество и достояние, с несколькими приближенными предпочел стезю бегства и с большими трудностями и лишениями добрался до йайлака Алай...

В это время хакан Чина направил своим сардарам предписание, чтобы они приложили все усилия и постарались схватить Джахангир-ходжу. [Китайские] сардары, узнав об этом (л. 368б), приняли меры для поимки убежища власти. Кое-кто из мусульман, прельстившись мирскими благами, продал свою веру за ло-

маный грош и стал сподручным китайцев[64]. Одновременно, направив убежищу власти письмо, [они] заверили, что ежели убежище власти вновь благоволит вступить в эти пределы, то власть в Кашгаре снова будет вручена его высокосвященству убежищу власти.

Когда сия весть дошла до слуха Джахангир-ходжи, то этот обреченный на гибель брат немедля с несколькими [приближенными] людьми направился к цели. Когда он подступил к окрестностям вилайета Кашгар, то путь убежищу власти преградили ратоборцы-китайцы, засевшие в засаде в горах. Обнаружив это обстоятельство, Джахангир-ходжа уразумел какую участь уготовило ему небо и в отчаянии избрал стезю бегства. Там была гора чрезвычайной высоты, [сочтя это] за счастливое предзнаменование, [он нашел на ней убежище]. Ратоборцы-китайцы, избрав ту гору центром, окружили ее и начали взбираться вверх. Убежище власти, видя, что дело проиграно, с опущенной выей спустился с горы. Неверные ратоборцы, пленив убежище власти, вступили в вилайет Кашгар. Люди ислама, видя это обстоятельство, начали плакать и стенать. Бросив убежище власти в китайскую арбу, отправили к хакану в Ханбалык[65]...

Время его правления было девять месяцев, а продолжительность жизни к тому моменту достигла примерно сорока лет[66] (л. 369а). Ввиду этого многие амиры и высокорожденные Коканда, [которые в свое время отстранились] от Мухаммад ʿАли-хана и перешли к убежищу власти, бежали [из Кашгара] и пришли в Коканд. Узнав об этом, Мухаммад ʿАли-хан потребовал [призвать их] к себе и, обрив многим из них бороды и усы, кое-кого арестовал, приказав давать им вместо хлеба макуху. А [в отношении] двух великих семейств учинил такое дело, что упоминание об этом в пределах данной книги не представляется возможным...

(л. 452а) Упоминание о походе амиров Коканда в сторону Кашгара[67]

Спустя три дня такие саркарде, как Хаккули, Мухаммад Шариф кушбеги, Лашкар кушбеги[68], Хаккули диванбеги[69] и другие амиры Коканда сообща с Мухаммад Йусуф-ходжой[70] с несметной ратью направились к цели. Преодолев горы, вершины которых упираются в небесную высь, с большими лишениями и трудностями достигли вилайета Кашгар и без отлагательств захватили город, а на следующий день окружили крепость Гулбаг подобно тому, как оправа охватывает алмаз, и приступили к схватке и сражению. Срок осады затянулся на три месяца, однако никакими мерами не удавалось овладеть крепостью Гулбаг, [поэтому], снявшись с осады, несколько тысяч человек с понурыми выями возвратились в сторону Коканда[71].

Тем временем до Мухаммад ʿАли-хана дошла весть, что убежище амирства Мухаммад Рахим диванбеги и Исхак диванбеги,

прибыв из Шахрисабза с восемнадцатью человек, вошли в Ура-тюбе. Шахи парваначи, исключая Исхака диванбеги, всех прочих предал смерти, а голову Мухаммад Рахима диванбеги в сопровождении Исхака диванбеги отправил в Коканд...

(л. 452б) Мухаммад ʿАли-хан, услышав об этом, был вне себя от радости. Чрезмерно ликуя, [он] приказал повесить голову Мухаммад Рахима диванбеги на ворота, а Исхака диванбеги заключить под стражу.

Тем временем ратоборцы Ферганы с большими лишениями и унижениями вступили из вилайета Кашгар в вилайет Коканд и предались отдыху от дорожных тягот...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом сочинении: Хуршут Э. «Мунтахаб ат-таварих» как источник. С. 41—45. Он же. «Мунтахаб ат-таварих» и история его изучения. С. 59—63.

[2] В № 594 (л. 219а) — Чусти, умер в 979/1571—72 г.

[3] Основатель Кокандского ханства (1709—1721).

[4] В № 594 (л. 219а) — ташах.

[5] В № 594 (л. 219а) добавлено — йуза.

[6] Кокандский правитель (прим. 1721—1734).

[7] В. А. Ромодин фразу переводит так: «...послал в погоню за ним киргизского пансада» (МИКК. Вып. 1. С. 230).

[8] В ориг.: «хишт аз калиб жуст» (букв. «кирпич выпал из формы»).

[9] В № 592 (л. 328б) — Камбар.

[10] В № 592 (л. 329а) — многих обещаний.

[11] В № 592 (л. 329б) — мечом мести.

[12] В № 592 (л. 329б) — шербет.

[13] Кусам ибн Аббас — двоюродный брат пророка Мухаммада.

[14] Ай-ходжа и Кун-ходжа — ходжа Бурхан ад-Дин и Ходжа-хан.

[15] Семиградье — в него входили: Кашгар, Янги-хисар, Яркенд, Хотан, Аксу, Кучар и Карашаар.

[16] На одном из этапов борьбу против Цинов возглавили белогорские ходжи-братья Бурхан ад-Дин и Ходжа-хан, известные в китайской литературе как Боронида и Хоцзичжань. В научной литературе встречаются самые противоречивые сведения об этих событиях. Так, В. В. Григорьев пишет: «Чтобы не упустить случая захватить Ходжей (один из них, рассказывали, был убит в сражении), бежавших во владения своего единоверца, султана Бадахшанского, очевидно, с намерением пробраться оттуда в Индустан, немедленно послано было к этому султану требование о выдаче их. В письмах своих к нему Фу-дэ, и грозил, и обещал. Султан-Шах Бадахшанский отвечал, что ему слишком мало известна сущность борьбы, возникшей у китайцев с ходжами, почему и не может он принять на себя роль судьи в этом деле; что, впрочем, религия воспрещает ему выдавать единоверцев своих в руки немагометан, не имея вполне уважительных к тому причин; что он не находит нужным торопиться, должен действовать добросовестно, разузнать дело в точности, и, если найдет ходжей виновными, то сам их накажет по обычаям страны своей и согласно с постановлениями Корана...

Один из ходжей вскоре умер от полученных ран; другой оказался нанесшим Султану тяжкое оскорбление в лице одного из своих родственников, которого, за несколько месяцев пред тем, велел он бесчеловечно умертвить. В то же время Султан известился и о других несправедливостях, сделанных ходжами; между прочим, их обвиняли в том, что они собрали подать с земель союзников Султана, и при этом, по их повелению, умерщвлены были жители одного селения, которое воспротивилось такому требованию. Это решило участь оставшегося в живых ходжи; он был казнен». (Риттер К. Землеведение. Гео-

графия стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. (Восточный или Китайский Туркестан. Вып. I. СПб., 1869. С. 273—274).

В другом месте В. В. Григорьев, ссылаясь через Клапрота на «Дай-цин-итхун-чжи», пишет, что китайское войско прибыло в Бадахшан, и Фу-дэ потребовал у правителя Бадахшана выдачи обоих ходжей: «Тогда Султан-шах раздумал и приказал умертвить обоих мятежнических вождей». (Там же. С. 531—532).

Что касается оставшегося грудного ребенка, то сведения о нем также самые противоречивые. Например, В. В. Григорьев пишет: «...все позднейшие показания свидетельствуют единогласно, что при резне ходжей в Бадахшане один из сыновей Хан-ходжи успел уцелеть и спастись бегством. По Тимковскому, этот спасеныш звался Сарымсак-ходжа; По Мирзе Сипегру — Мохаммед-Эмин-ходжа. О Мохаммед-Эмине этом Мирза Сипегр, новейший историк Персии, рассказывает, что от преследования китайцами спасся он в Кабул, где властвовал в это время основатель сильного тогда, хотя и недолговечного, царства Афганского, знаменитый Ахмед-шах; что могущественный государь этот, в отмщение за гибель ходжей, пошел войною на Бадахшан, покорил его, и захватив самого Султан-шаха, отправил его в Кабул, чтобы Мохаммед-Эмин мог там совершить над ним месть за кровь отца и дяди, вследствие чего в Кабуле на площади и отсечена была Султан-шаху голова, а тело его распято; и что после этого Мохаммед-Эмин лично отправился в Бадахшан, и прожил там до конца жизни занимаясь иршадом, т. е. делом религиозного учительства». (Там же. Вып. II. СПб., 1873. С. 437—438).

«По Мирзе-Шемсу, отрасль белогорских ходжей, спасшаяся от истребления их, был двухлетний мальчик, не сын Ай-ходжи (Бурган ад-Дина?), а внук его, и привезен был этот ребенок из Бадахшана в Уратепе, правитель которого, узнав о происхождении ребенка, воспитал его и отправил затем в Бухару, где лицо это и проживало до конца жизни, пользуясь почетом и содержанием от бухарского эмира». (Там же. С. 441).

«По Валиханову, Сарымсак-ходжа, после долгих странствований по разным среднеазиатским владениям, под конец жизни своей поселился в Коканде, и было у него три сына: Мат (сокращенное Мохаммед) Юсуф-ходжа, Бахаеддин (т. е. Баха ад-дин)-ходжа и Джеигир (т е. Джахангир)-ходжа; старший из них проживал в Бухаре, младший родился в 1783 году, и, вместе с отцом, жил в Коканде». (Там же. С. 441—442). В. В. Григорьев приводит и другие версии.

[17] Речь идет о сыне халифа ʿАли (656—661) Хусейне, который погиб 10 мухаррама 680 г. при Кербеле.

[18] В ориг. слово недописанно: ...كا переводим по № 592 (л. 331б): كافران

[19] В. В. Бартольд пишет: «Русский переводчик Филипп Назаров, который был в Коканде зимой 1813/14 г., называет правителя Коканда Амир Валиами (Назаров. Записки. С. 50 и сл.); вероятно, это *вали ан-ни'ами,* а не *вали мийани,* как у Клапрота» (Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 463). У В. А. Ромодина (МИКК. I. С. 232) — *ванна'мий.*

[20] Это та самая личность, о которой пишет П. И. Демезон: «Очень интересным было для меня знакомство с одним из первых сановников Бухары — шейх-уль-исламом (главой духовенства) — ишаном Султан-ханом-Ходжой. Этот старец, выходец из Самарканда, по прямой линии происходил от святого Ахрар Аулия, почитаемого во всем Туркестане. Проведя несколько лет на службе у коканского хана, он вернулся в Самарканд, откуда покойный Мир Хайдар пригласил его в Бухару и предложил место шейх-уль-ислама...» (Записки о Бухарском ханстве. С. 46, а также 47).

[21] В № 592 (л. 332а): Маргилане.

[22] В № 594 (л. 222а): тюрков-степняков.

[23] Игра слов: нарицательное значение имени Шади — радость, забава.

[24] В № 592 (л. 332б): Маргилане.

[25] Кокандский правитель. Годы правления примерно 1734—1750.

[26] Ирдана-бий — кокандский правитель, правил примерно в 1751—1770 гг.

[27] Слова «бута-хан» приписаны поверх строки; а на полях — Нарбута-хан. В № 592 (л. 333а) — Нарбута-бий. Годы правления примерно 1770—1798.

[28] Бухарский хан из династии Аштарханидов, правил в 1711—1747 гг.

[29] В ориг.: «уз», в № 592 (л. 333а): узбекан.

[30] Находится в г. Оше; был местом паломничества мусульман.

[31] В № 594 (л. 223а): сорок восемь лет.

[32] Годы правления — 1753—1758.

[33] В №594 (л. 223а): сын Фазил-бия валинами, Сиддик-бий.

[34] В Кокандском ханстве проживало немало кашгарских эмигрантов, бежавших от репрессий со стороны цинских властей. Однако даже здесь они находились под неусыпным оком Китая, который подарками и вознаграждениями побуждал кокандского хана, чтобы он не дозволял ходжам-эмигрантам покидать пределы ханства.

[35] Гулбагом местное население Кашгара называло китайскую крепость маньчены — букв. «Маньчжурская крепость». (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. II. Алма-Ата, 1962. С. 287). Однако далее наш автор перед словом «гулбаг» почти всегда употребляет слово «крепость», что позволяет полагать, что он использует его то как имя нарицательное, то как собственное.

[36] В ориг.: «худ бахуд».

[37] В ориг.: «лаб-и ташна ва шекан-и гурисна».

[38] Эта фраза добавлена по № 592 (л. 508а). В № 594 (л. 313б).

[39] В № 594 (л. 313б) указан 1230 г.

[40] В № 594 (л. 314б) указан Сатук Богра-хан, основатель Караханидской династии в Восточном Туркестане и Средней Азии в X в. За приверженность к исламу и его распространение причислен к гази (борец за веру). Гробница его расположена в селении Астын Артыш (Нижний Артыш), иначе Алтын Артыш, на северо-востоке Кашгара. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. II. С. 290).

[41] В № 594 (л. 314б) добавлено: «...который суть пир семи султанов».

[42] В ориг.: «басар-и ришта кар-и худ шуд».

[43] В ориг.: «жум багиш». Чонбагыш — одно из крупных родовых объединений алайских киргизов.

[44] В № 594 (л. 315а) добавлено: «подобно пораженной стрелой свинье, а мусульмане преследовали их до самого гулбага».

[45] В № 594 (л. 315б): две тысячи человек.

[46] В ориг.: «аз шади бапирахан намигунджиданд» — букв.: «от радости не уместились в рубашке». Точный эквивалент этому находим в узбекском языке: «у хурсандлигидан терисига сиғмайди» (от радости не вмещается в свою кожу). Русское выражение «быть на седьмом небе от счастья» весьма близко к казахскому «тубеси кокке жетер», т. е. «его макушка от радости упирается в небо».

[47] В ориг.: «дар замин-и заман».

[48] В ориг.: «...дар мийан-и шахар басабил-и хукумат гузашта буданд» — китайцы бежали, бросив на произвол судьбы своего ставленника.

[49] Ч. Ч. Валиханов пишет: «После взятия городов Кашгара, Яркенда и Хотана ходжа (Джахангир-ходжа.— *Э. Х.*) отправил послов в Балх, Бадахшан, Кокан, Бухару и Хиву и просил помощи у них для завоевания остальных городов (Кашгарии)»— (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. III. С. 128).

[50] В ориг.: عرق نجل او در حرکت آمده

[51] Слитки золота или серебра различной формы и веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег.

[52] В № 592 (л. 512а) добавлено: «...а из Шахрисабза — сын Мухаммад Сиддика диванбеги, Улугбек с двумя сотнями».

[53] В лаке — 100 тысяч. По другой версии, его войско насчитывало 200 тысяч человек.— (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. II. С. 320).

[54] Как свидетельствует Ч. Ч. Валиханов, желание «скорого завладения (крепостью.— *Э. Х.*) и славы не позволило ему действовать согласно и единодушно с ходжой (Джахангиром.— *Э. Х.*). Сей поход лишил его 3600 человек

войска, из коих часть погибла, как значится, во время взрыва, а прочие присоед[инились] произвольно к ходже» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. III. С. 426).

[55] По другим данным, китайский гарнизон состоял из десяти — восьми тысяч человек. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 320).

[56] По китайским законам, когда они терпят поражение, то, чтобы избежать плена, должны покончить с собой или же убить друг друга. Хаким-хан, по-видимому, не знал этого обычая и поэтому называет китайцев «глупцами» за их приверженность к нему.

[57] По другим данным, «за исключением четырехсот человек тунгеней (дунган.— *Э. Х.*) и китайцев, принявших ислам», все были уничтожены. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 319).

[58] Его брат. Правильно Мухаммад-хан.

[59] В № 594 (л. 318б) добавлено: Мухаммад-хану.

[60] Так назывались женщины-танцовщицы. Это своего рода гетеры.

[61] По другим данным, «в ожидании помощи от среднеазиатских мусульман Джангир [-ходжа] не воспользовался своим успехом и, медля, дал время китайцам собрать войска. Если б Джангир после взятия Кашгарской крепости двинулся прямо на Аксу, то, конечно, весь Восточный Туркестан был бы в его руках, и даже Кульджа подверглась бы опасности». (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 320).

[62] По Ч. Ч. Валиханову, с 70-тысячным войском (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 321).

[63] В № 592: китайскими кафирами (л. 517а).

[64] Речь идет о предательстве Исхака, который за это был возведен в ранг вана, т. е. хакима. Однако здравствовал он недолго — вскоре его вызвали в Пекин и, по некоторым данным, отравили. Во всяком случае он в Кашгарию больше не возвращался. Исхак был приверженцем черногорцев, а Джахангир-ходжа — белогорцев. В силу вражды между этими партиями предательство Исхака не вызывает удивления.

[65] Так назывался в мусульманских источниках средневековый Пекин.

[66] В № 594 (л. 320а): 38 лет.

[67] Этот раздел повествует об очередном походе кокандцев в Кашгарию в 1830 г.

[68] Кушбеги Лашкар — персидский раб, достигший при кокандских ханах высших должностей. К моменту похода на Кашгарию был наместником Ташкента, входившего в состав Кокандского ханства.

[69] Так в оригинале. Возможно это повтор, или же речь идет о другой личности.

[70] Не то брат (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. III. С. 129) Джахангир-ходжи, не то его сын (Там же. С. 134). После захвата Кашгара был назначен его наместником.

[71] Враждебные «действия бухарского эмира заставили кокандского хана отозвать Хаккулы, занятого осадой кашгарской цитадели, и в ноябре месяце кокандские войска возвратились обратно. Мад-Юсуф-ходжа (т. е. Мухаммад Юсуф-ходжа.— *Э. Х.*), видя невозможность удержаться одному и будучи человеком миролюбивого характера, возвратился также в Коканд. Владычество его продолжалось ровно девяносто дней» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 324).

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» (УЗБЕКСКАЯ РЕДАКЦИЯ)

[Рассказ о правлении ʿАбд ал-Карим-бия и Ирдана-бия и о тех событиях, которые случились в те времена]

(л. 221а)... В дни правления Ирдана-бия[1] на Коканд со стороны Китая выступили калмаки. В то время вилайетом Кашгар управляли Ай-ходжа и Кун-ходжа[2]. Когда китайские войска захва-

тили Йэттишар, они (братья-ходжи) после множества схваток решили бежать на сторону Бадахшана.

Как только прибыли они в ту сторону, местные жители, обольщенные посулами Китая (цинского командования), продали религию за богатство и, схватив этих двух саййидзаде, выдали их китайцам (цинским властям) (л. 221б), а те неверные тут же отрубили голову этим двум ходжам саййидского достоинства...

От этих двух саййидского достоинства [ходжей] остался один малолетний сын[3]. Доброжелатели и верные слуги этих ходжей укрыли сего драгоценного сироту от неверных и тайно доставили в Бухару.

Осуществив свои злодейские намерения в отношении саййидских достоинств, китайцы (цинское командование) послали калмакское войско в ферганские владения. Подчинив себе множество селений, эти войска обложили Кокандский вилайет, где правил ʿАбд ал-Карим-бий. Он ежедневно с величайшим рвением вел священную войну против тех нечестивых. Осада [Коканда] затянулась. В то самое время в Ура-тюбе правил Фазил-бий, сын Сидик-бия [из племени] йуз. Он [ранее] был усыновлен ʿАбд ал-Карим-бием. Ему было двадцать лет [от роду]. Как только услышал он известие об осаде Коканда калмаками, выступил со всей поспешностью на Коканд и, быстрым маршем прибыл в Коканд и удостоился чести принять участие в священной войне. Прибежище власти ʿАбд ал-Карим-бий его приезду был весьма рад и, сочтя это благословенным, позаботился о гостеприимстве. Однажды ранним утром объединенные силы кокандцев перешли в наступление против калмаков. Завязался бой. Через несколько дней войска калмаков, оказавшись в очень затруднительном положении, оставили кокандское владение и убрались восвояси. Мусульмане преследовали их по пятам и побили множество калмаков, захватили несметную добычу. Говорят, что один из богатырей Фазил-бия по имени Ширмухаммад бахадур в тот день своим копьем заколол 90 калмаков. (л. 222а) Его святейшество Ишан Султан-хан говорил, что он слышал об этом многократно из уст самого Шир Мухамад бахадура... Словом, ʿАбд ал-Карим-бий избавился от угрозы калмаков и с большими почестями отпустил Фазил-бия.

Рассказ о поездке эмира Умар-хана на охоту в сторону Маргинана и Андижана

(л. 294б) В 1235 (1819—20) году его величество Умар-хан[4], желая поохотиться, выехал из Коканда в сопровождении всех придворных и гарема и расположился лагерем в местности Йармазар[5]. ...Но там эмира застало неприятное известие о бегстве его убежища саййидского достоинства ходжа Джахангира (Джахангир-ходжа)[6] и Хаккули мингбаши[7] в сопровождении сорока воинов в сторону Кашгара с целью газавата. Когда это известие

дошло до слуха придворных, никто не осмелился доложить об этом эмиру. Тогда они обратились ко мне, автору этой книги, чтобы я сообщил об этом эмиру. Я, ничтожный, зашел в палатку его величества и осторожно доложил ему о происшествии. Когда эмир услышал об этом, он вскочил с места, совершил омовение и, выйдя из палатки, приказал [эмирам] послать за ним погоню. Его саййидское достоинство Джахангир-тюра и Хаккули за один вечер покрыли такое расстояние, что ежели преследовавшие их люди летали бы на крыльях, то все равно они не догнали бы их. (л. 295а) Гонцы эмира шли быстрым маршем за ними трое суток и, потеряв всякую надежду, вернулись обратно и доложили [об этом] эмиру. Эмир Умар-хан, потеряв надежду вернуть саййидское достоинство ходжа Джахангира, впал в море раздумья и беспокойства. В это время на него навалился такой груз печали, что он ни с кем не вступал в разговор и никому не говорил о своих переживаниях[8]. Волей-неволей [он] переехал из Йармазара в Шахрихан, не останавливаясь, поехал в Андижан, оставив там свой гарем и придворных, под предлогом охоты направился в Ош, где оставался в течение трех дней, а на четвертый день возвратился к себе в Коканд...

Рассказ о заточении ходжа Джахангира эмиром Умар-ханом

Спустя несколько дней после смерти Махмуд-хана тюры[9], Джахангир-ходжа, желая завладеть Кашгарским вилайетом, снова бежал из Коканда, но эмир, узнав об этом, немедленно послал за ним погоню. Джахангир-ходжа, не рассчитывая на успех, волей-неволей возвратился в Коканд по другой дороге и укрылся у себя дома. Узнав об этом, эмир послал за ним и вместе с его братом Мухаммад-ходжой посадил под арест в домике, стоящем возле [ханского] дворца, а для охраны приставил 100 афганцев, которым было строго приказано никого не допускать к ним, не брать никакой пищи, не давать им табак и чилим. Ханские слуги раз в день носили им пищу и воду для умывания... Так прошло несколько дней. Наконец, Закир-ходжа ишан[10] и Ма'сум-хан-тюра[11] взяли Джахангира и его брата на поруки, после чего хан отвел им помещение в Орде и предоставил некоторую свободу.

В этой главе рассказывается о положении его святейшества прибежище саййидского достоинства ходжа Джахангире и о том, как он бежал из тюрьмы Мухаммад 'Али-хана и завладел Кашгарским вилайетом

(л. 313б) При Умар-хане, он, прибежище саййидского достоинства, жил при дворе и пользовался некоторой свободой, но с воцарением Мухаммад 'Али-хана перестали о нем заботиться и он испытывал крайнюю нужду в еде и одежде[12]. Ходжа Джахангир [в конце концов], сговорившись с Махмуд-хан тюрой и Тюра-

хан тюрой[13], в сопровождении нескольких добровольцев, бежал в Кашгар. Когда весть о бегстве ходжей дошла до Мухаммад ʿАли-хана, в тот же час отправил за ними отряд из нескольких сот человек. [Отряд] шел быстрым маршем, через трое суток догнали их в андижанских горах и схватив ходжей саййидского достоинства, с позором доставили их в Коканд. Хан приказал их бросить в подземелье. Спустя три дня Тура-хан тюра получил свободу, а Джанхангир-ходжа остался под арестом.

В тысяча двести тридцать восьмом году[14] в Кокандском вилайете произошло страшное землетрясение, подобного которому народ не помнит ни прежде, ни после этого. Множество домов было разрушено и большое количество людей нашло свою смерть под развалинами. Люди в страхе жили только в камышовых шатрах... (л. 314а) Джахангир-ходжа, воспользовавшись всеобщей суматохой, бежал [из заключения] и отправился в сторону Кашгара. Через трое суток он оказался за пределами Коканда и через Алай пробрался в Ташкурган, где объявил о своем намерении идти походом на Кашгар. Когда слух об этом распространился всюду, к нему со всех сторон стали стекаться кочевники и оседлый народ (илатийа ва баладийа)[15], чтобы служить ходже. В то время правитель Андижана Иса-дадхах[16] и кокандский сановник Худайар-мирза, бежав от гнева Мухаммад ʿАли-хана, присоединились к ходжа Джахангиру. Прибежище саййидского достоинства его святейшество ходжа целый год оставался в Ташкургане, пока не собрал значительное войско, с которым он затем выступил на Кашгар. Они шли по горным тропам с невероятными трудностями. Большая часть [бывших с его отрядом] киргизов разошлась по своим юртам. Его святейшество опора саййидского достоинства остался с несколькими своими приближенными, с которыми, в конце концов, преодолев путь с великими трудностями, достиг гробницы (л. 314б) султана Сатук Богра-хана[17], одного из семи султанов. Там же покоится и саййид Афак-ходжа[18], прадед его прибежища саййидского достоинства. Ходжа Джахангир совершил здесь обряд почитания своих предков, выпрашивая каждого из этих святых о покровительстве и помощи. Солнце склонилось к закату, наступил вечер. Предатели и двурушники, не замедлили донести китайцам о появлении ходжа Джахангира. Получив известие об этом, китайцы, числом четыре тысячи человек выступили из Гулбага и направились к гробнице. Опора саййидского достоинства, узнав об этом, укрылся в гробнице. Неверные окружили его и открыли огонь [по гробнице]. Воины ислама тоже начали стрелять из ружей. В конечном итоге войско ходжи Джахангира, состоявшее большей частью из киргизов, обратилось в бегство. Его святейшество опора саййидского достоинства остался с семнадцатью воинами и мужественно сражался. Во время боя он отправил Хасан-ходжу, своего приближенного, в Кизилсу, где жили в основном мусульмане, с поручением сообщить им о прибытии [в Кашгар] его саййидского достоинства.

Его святейшество, опора саййидского достинства Иса-бек дадхах с одним человеком спасся от страшной опасности бегством, остальные же были убиты. Ночью того же дня в темноте китайские воины разыскивали его святейшество опору саййидского достоинства. (л. 315а) Его святейшество ходжа, немного отступив от этого места, убедился в том, что нет возможности вырваться из окружения, [поэтому] вынужден был спрятаться в развалившейся могиле, его верный слуга ходил вокруг могилы... Два дня до этого события ходжа посылал известие киргизскому роду Чонбагыш о своем прибытии [в Кашгар]. Как только эта весть дошла до киргизской общины, числом в 6000 человек [и] с оружием в руках немедля явились к упомянутой гробнице. Увидев, что там нет и следа от ходжи, а гробница занята китайцами, в отчаянии напали на китайцев. Произошло ожесточенное сражение, которое закончилось полной победой мусульман и бегством китайцев. Мусульмане преследовали китайцев вплоть до самого Гулбага и перебили почти всех четырех тысяч китайцев. [Словом], ни одному [из них] не удалось спастись от меча мусульман. Воины ислама, захватив большую добычу, благополучно вернулись к вышезнаванной гробнице (л. 315б) и [продолжали] беспокоиться за ходжу. Как раз в это время Хасан-ходжа, отправленный ранее в Кизил-су, прибыл к гробнице с двенадцатью тысячами вооруженных добровольцев, но узнав, что от ходжи нет и следа, все опечалились и размышляли, куда он мог пропасть. В разные стороны были отправлены люди для розыска. Так прошла ночь и наступило утро. [И в это время] случайно натолкнулись на телохранителя ходжи, ходившего вокруг этой местности. Начали его допытывать. Люди ему были незнакомы, поэтому он сразу не мог им сообщить. Затем после того, как узнал, что это за люди, сообщил им о том, что ходжа здоров и невредим. Затем сам первым отправился к ходже и сообщил ему эту радостную весть. Ходжа обрадовался и благодарил бога. В это время все воины ислама направились в сторону могилы и когда они своими глазами увидели ходжу, все пали ниц, целовали его ноги, рыдали и поклялись служить ему верой и правдой. Затем посадили ходжу на лошадь и спешно направились в Кашгар. Когда ходжа и его люди приблизились к городу на один фарсах, (л. 316а) все кашгарские улемы и горожане вышли к нему навстречу и удостоились чести облобызать его саййидское достоинство. Тогда назначенный китайцами хаким-бек[19] Кашгара, видя, что дело уже ушло из рук, вынужден был выйти навстречу к ходже, опоре саййидского достоинства, чтобы просить у него прощения за свои проступки. Но разгневанная толпа не дала ему приблизиться к ходже и, напав на него, разорвала его на куски[20]. Его святейшество ходжа торжественно вошел в город и утвердился на кашгарском троне[21]. Все семь городов кашгарского владения выразили ему покорность и подчинились[22].

[Правление ходжи Джахангира. Прибытие Мухаммад ʿАли-хана в Кашгар]

Весть о победе Джахангира быстро облетела все страны[23]. Мухаммад ʿАли-хан, получив известие [о победе Джахангира], один за другим отправлял к нему гонцов и послов с посланием. Джахангир-ходжа так же, в свою очередь, посылал к Мухаммад ʿАли-хану сведущих и красноречивых людей, через которых он уведомлял хана: «Гулбаг еще не покорен и все мы пребываем в ожидании прибытия [в Кашгар] его величества хана. Ежели его величество сочтет возможным прибыть лично, то мы общими усилиями и при поддержке всемогущего бога завоюем его»... Приближенные сановники и приближенные (надиман) сказали хану: «По слухам, в середине крепости Гулбаг есть несколько складов с ямбо. Ежели ваше величество окажете милость и согласитесь удовлетворить просьбу Джахангира и идти к нему на помощь, то без особых усилий можно будет завладеть китайской крепостью и тогда станете обладателем всех их сокровищ». Услышав про ямбо, Мухаммад ʿАли-хан не выдержал и тотчас же послал во все вилайеты гонцов и собрал войска и выступил на Кашгар. На пути к нему присоединились брат Мухаммада Рахима диванбеги ʿАбд ар-Рахман-бек из Ура-тюбе с 300 нукерами, (л. 316б) и Улугбек, сын Мухаммада Садыка диванбеги, из Шахрисабза с 200 добровольцами.

Словом, Мухаммад ʿАли-хан, преодолевая переход за переходом, наконец достиг пределов Кашгара. Но со стороны прибежища саййидского достоинства никто не вышел встречать его. По этой причине ханом овладел страх и он послал несколько человек из числа своих приближенных к опоре саййидского достоинства, но из-за нежелания его саййидское достоинство не спешил с ответом[24]. Мухаммад ʿАли-хан понял, что положение ходжи иное, чем он полагал, [поэтому] хан вынужден был послать к Джахангиру великого ходжу Султан-хана ходжа Калана[25] в сопровождении Хаккули мингбаши и Бахадура-ходжи дастарханчи. Джахангир-ходжа, услышав о прибытии Султан-хана тюры, поспешил к нему навстречу и обнявшись с ним, с большим почтением посадил его на почетное место. После [поклона и поздравлений] Султан-хан тюра предложил его святейшеству ходже Джахангиру выехать навстречу Мухаммад ʿАли-хану. В ответ ходжа сказал: «Я не могу ослушаться Вас и ради уважения к Вам согласен встретиться с ним один раз, но не слезая с коня; второй же раз я не хотел бы видеть его лицо. Если Вы согласны на эти условия, [то будет так], в противном случае, Вы сами знаете». Его святейшество тюра принял это условие. Сей ничтожный слышал из уст моего покровителя (т. е. Султан-хана тюры), что в то время (л. 317а) Джахангир-ходжа пребывал в таком величии, славе и богатстве, что никто из правителей Мавераннахра не мог сравниться [с ним], ни один падишах не имел в своей казне столько

богатства — золота и драгоценных камней, сколько имел [ходжа] Джахангир. Он рассказывал мне [такое]: «трое подошли ко мне и обратились с просьбой: «Каждый из нас привез с собой в дар по пятьдесят ямбо серебром в дар ходже, чтобы получить его благословение. Вот уже прошла неделя, но очередь наша никак не подходит к нам, не знаем, что делать». И просили меня помочь им вручить свои дары ходже. Услышав эти слова из их уст, покровитель мой укусил палец и в тот же час послал их к ходжам в сопровождении своих приближенных и помог им вручить дары. Он еще рассказывал: как-то он слышал о том, как некий купец из вилайета Хотан преподнес Джахангиру в подарок шкатулку, полную жемчугом. Джахангир-ходжа собрал купцов и попросил их оценить этот дар. Никто из купцов не решался оценить его стоимость, но после долгих совещаний оценщики ответили ему: «ежели двенадцатилетнего мальчика засыпать золотыми монетами до тех пор, пока его закроет [от ног до головы], тогда стоимость всего этого золота будет равна стоимости шкатулки». Еще рассказывают о том, как дочь одного йаркендского купца прислала Джахангиру 600 воинов с золотым оружием. Отсюда можно 600 догадаться, каким богатством и славой обладал в то время Джахангир-ходжа[26].

Встреча его святейшества ходжи с Мухаммад ʿАли-ханом

(т. 317б) Короче говоря, на другой день его святейшество опора саййидского достоинства вывел свои войска из города. Все они были одеты в золотые и железные доспехи и говорили, что их было три лака (300 тысяч)... Сели они на коней и, гарцуя, двинулись в сторону лагеря ферганских войск. Когда они приблизились, глазам Мухаммад ʿАли-хана и его войску представилось такое пышное зрелище, они были так удивлены, что Мухаммад ʿАли-хан укусил себе палец, его охватил страх и дрожь, как в лихорадке. Затем волей-неволей выехал навстречу ходже Джахангиру... Его святейшество ходжа в сопровождении Султан-хана тюры, а Мухаммад ʿАли-хан — Хаккули-бия подъехали друг к другу и встретились. Его святейшество ходжа поздравил Мухаммад ʿАли-хана, не слезая с лошади, и сказал: «Добро пожаловать, право взять Гулбаг принадлежит Вам» и, пожелав ему успеха, повернул коня в город. Мухаммад ʿАли-хан с места повел войска на осаду Гулбага. Ферганские войска в течение пяти дней отчаянно дрались и пытались штурмом захватить крепость, но это им не удалось, [более того], они понесли значительные потери[27]. Однажды ночью ферганские войска вдруг сами по себе стали разбегаться. Видя такое положение в войске, хан растерялся, не зная, что делать и как вырваться из этого кольца. В конце концов, кокандские военачальники поняли, что все кончено и волей-неволей они посадили своего хана на коня и отправились в Коканд; кокандские эмиры и чиновники (л. 318а) бежали от Му-

хаммад ʿАли-хана и присоединились к войскам его святейшества ходжи Джахангира[28]. Ходжа каждому из них, учитывая их положение [в обществе], оказал милость. Мухаммад ʿАли-хан гази, после долгой утомительной дороги, достиг Коканда и предался развлечениям.

Через некоторое время после ухода Мухаммад ʿАли-хана в Коканд, войска Джахангира захватили Гулбаг[29]. В то время в Гулбаге находилось около двенадцати тысяч китайских солдат, которые из-за голода находились в крайне тяжелом положении. Они однажды ночью, сговорившись между собой, покинули крепость и бежали. Получив известие о бегстве китайцев, Джахангир-ходжа со своим войском преследовал бежавших китайцев и догнав их на подступах к горам, истребил. Его святейшество ходжа с победой возвратился в Кашгар. Эта весть быстро разнеслась по всем городам кашгарского владения, и каждый город, уничтожив китайский гарнизон, присоединился к Джахангиру[30].

(л. 318б) Таким образом, во всех городах Кашгара восторжествовал ислам. Был положен конец китайскому владычеству. Его святейшество ходжа отдал Хотан своему племяннику Махмуд-хану Тюра-ходже, Йаркенд — брату своему Мухаммад-хану, а Аксу пожаловал своему приближенному Умар ʿАли-ходжа накибу. Поскольку все семь городов кашгарского владения были без труда завоеваны, его святейшество ходжа, ослепленный этим успехом, вычеркнул из памяти [опасность] со стороны Китая. При этом он забыл известное изречение мудрецов, гласившее о том, что «не давай пощады немощному врагу, ибо он тебе не даст пощады, если будет в состоянии это сделать».

В этой главе рассказывается о выдворении ходжа Джахангира из Кашгарского владения при содействии китайских чиновников, и о том как его взяли в плен и казнили

В то время величие моего брата Джахангира дошло до такой степени, что он не ценил такое счастье и богатство, совершенно забросил государственные дела, постоянно общался с плохими людьми и предавался пьянству и разврату, совершенно не заботился о войске. Все придворные сожалели и удивлялись беспечности ходжи[31]. Некоторые доброжелатели, предостерегая его, говорили: «О, ходжа! В жизни терпели Вы немало бедствий, пережили много лишений. Нынче бог дал Вам такое большое счастье, которого нет ни у одного царя, [и] Вы должны ценить его и вести правильный образ жизни, иначе [потом] будете раскаиваться, но от этого пользы не будет». Сколько бы они не уговаривали его, он их не слушался, а наоборот, усердно продолжал свои недостойные дела. (л. 319а) Это стало известно всему Китаю и Хотану (Кульдже). Китайское начальство, узнав истинное положение дел у ходжей, заключило, что он недостоин трона и с бесчисленным войском по другой дороге выступило на Кашгар[32]. Джахангир-

ходжа узнал [о приближении] китайцев лишь тогда, когда они были уже в трех днях пути от Кашгара. Он пришел в смятение и спешно послал навстречу врагам своего брата Султан-хан Тюрахана тюру и Худайар-бека, сына Бекмурад-бия с многочисленным войском. Но не успели пройти они фарсаха пути от Кашгара, как появился авангард китайских войск. Произошло такое ожесточенное сражение, что невозможно его описать. В конечном итоге оно закончилось победой китайцев и поражением исламских войск, которые с боем начали отступать[33]. Китайцы неотступно преследовали их. Словом, эти неверные ворвались в город Кашгар и произвели там страшное избиение мусульман, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Большая часть войск ходжей испила [шербет] мученической смерти. Тюра-хан-ходжу, сына Махмуд-хана вместе с его братом и Муса-хан-ходжу, сыном Султан-хана тюры китайцы взяли в плен и увезли в Китай. Кашгарское владение вновь было подчинено Китаю. (л. 319б).

В ту же ночь во время переполоха Джахангир-ходжа, потеряв все надежды вернуть себе царство, с несколькими своими слугами бежал из Кашгара. Это событие приключилось в тысяча двести сорок первом году в первых числах месяца раджаба[34]. Они с большими трудностями добрались до Дашт-и Алая. Китайский богдыхан разослал всем своим военачальникам приказ о поимке Джахангира и доставке его в Пекин. Получив этот приказ, китайские военачальники приступили к поимке Джахангира. Нашлось и несколько мусульман, продавших своею веру за состояние. Они, помогая неверным в этом деле, написали ходже фальшивое письмо такого содержания: «Ежели Ваше святейшество соизволите приехать в Кашгар, то без труда сможете захватить власть, ибо все мы, от млада до велика, на Вашей стороне и ждем Вашего приезда». Как только эта весть достигла слуха ходжи, [он] пожелал вновь захватить власть в Кашгаре и с несколькими своими слугами поспешил туда. Он пересек кашгарскую границу и углубился довольно далеко. Но там, за горами, его в засаде ждали китайцы, и, выйдя из засады, преградили ему путь. Ходжа, когда все это увидел, понял, что обманут, повернул коня и поскакал прочь. Но путь ему преграждала высокая гора. Его стерегли и там, и, [выйдя из засады], начали окружать его со всех сторон. Ходжа, видя, что не сможет вырваться из окружения, вынужден был спуститься с гор. (л. 320а). Китайцы (цинские власти), схватили его святейшество, опору саййидского достоинства и привезли в Кашгар[35]. Мусульманские жители Кашгара, увидев это, рыдали и раскаивались в содеянном. [Цинские чиновники], посадив ходжу на китайскую телегу, отправили в Ханбалык[36] для представления китайскому богдыхану. Правление ходжи [в Кашгаре] длилось 9 месяцев. Ему было 38 лет от роду[37].

Кокандские военачальники и чиновники, в свое время бежавшие от Мухаммад ʿАли-хана и примкнувшие к ходжи Джахангиру, теперь, с падением последнего, бежали на свою родину — в

Коканд. Мухаммад ʿАли-хан устроил над ними суд. Хан многих из них обесчестил, сбрив им усы и бороды, а нескольких посадил за решетку, приказав дать им вместо хлеба жмых.

[О подготовке вторичного похода кокандских войск на Кашгар]

(л. 390а) Спустя некоторое время [после описанного выше события], старший брат Джахангира Мухаммад Йусуф-ходжа прибыл из Шахрисабза в Коканд. Мухаммад ʿАли-хан, назначив ему место [среди вельмож] и жалование, оказал ему милость и почтение. Через некоторое время его святейшество ходжа завел разговор с эмирами о делах кашгарских, о священной войне (газават). Кокандские эмиры сообщили хану о намерениях и желаниях ходжи. Хан в ответ сказал: «И в прошлый раз вы настаивали на священной войне, а что из этого вышло? Теперь вы снова хотите воевать!» Эмиры, видя, что хан не склонен идти навстречу их желанию, обратились к всемогущему Хаккули диванбеги. Последний, улучив подходящий момент, заявил хану: «В том случае, если Ваше величество разрешите ходже [идти в Кашгар], а мне, Вашему ничтожному рабу, прикажете [сопровождать его], то я, не дорожа своей жизнью, воевал бы ради Вашего величества»[38]. После этого хан согласился на сбор войска для похода [в Кашгар]. (л. 390б) Хаккули, получив приказ хана, поставил об этом в известность всех эмиров. Воины все как один избрали Хаккули диванбеги военачальником и под его предводительством ферганские эмиры и воины выступили на Кашгар[39].

Рассказ о походе кокандских эмиров на Кашгар

Через три дня после этого военачальники, как-то: Мухаммад Шариф кушбеги, Лашкер кошбеги и Хаккули диванбеги, в сопровождении нескольких именитых эмиров, под предводительством ходжа Мухаммад Йусуфа и Хаккули диванбеги, с многочисленными войсками (л. 630б) двинулись в путь и, преодолев немало трудностей, вступили в пределы вилайета Кашгар и напали на китайский город [Гулбаг]. Китайское начальство и войска встретили кокандцев с оружием. Война с китайцами продолжалась три месяца и все попытки кокандских войск завладеть крепостью Гулбаг были безуспешным. [В конечном итоге] кокандские войска, почувствовав непрочность своего положения, оставили Кашгар, и, захватив с собой несколько тысяч кашгарцев, вернулись в Коканд.

Повествование о священной войне Мухаммад ʿАли-хана гази с Китаем и его победе

Как передают достойные доверия люди, после того, как Мухаммад ʿАли-хан гази отправил в Бухару (л. 183а) труп Умархана[40], сыну эмира Хайдара, к хану зашли Хаккули мингбаши

и вся кокандская знать с заявлением: «Слава Аллаху, благодаря Вашему ханскому могуществу, все вилайеты пребывают в покое и мире. Эмир Насраллах видит в Вашем лице грозного и всемогущего правителя. К Вам прибывают от него одно посольство за другим. Кроме того, вся кипчакская степь, вплоть до предела России, умиротворена и находится в мире и покое. Словом, наступил благоприятный момент, которым надо воспользоваться. Ежели в тира махе (июне—июле) будет объявлена священная война, слава Аллаху, надеемся, что Гулбаг будет взят и все мусульмане, [ранее] взятые в плен и томящиеся в заточении, получат избавление и это будет добрым, богоугодным делом и Вам принесет громкую славу». «Предложение это Мухаммад ʿАли-хан принял с удовольствием и тот же час, вызвав глашатаев, объявил сбор войска. Был обнародован приказ о том, что «каждый способный носить оружие, при уклонении от похода, будет казнен, а имущество его подлежит конфискации». Вскоре хан торжественно выступил на Кашгар. Продвигаясь от одного перевала к другому, хан достиг пределов Ошского вилайета. Здесь было получено донесение, от правителя Ура-тюбе Шахи парваначи[41] о том, что Мухаммад Рахим аталык вновь собирается повести войско на Ура-тюбе. Хаккули мингбаши и придворные заявили: «Ваше ханское величество! По установлению шариата Вы уже совершили богоугодное дело. Наше участие в [этой] священной войне в то же время есть Ваше участие. Мы все рабы Ваши и доброжелатели Ваши. Учитывая интересы государства, осмеливаемся советовать не оставлять ферганские владения. (л. 183б) Впрочем, Вы сами знаете как поступить, ибо Вы падишах и повелитель всех нас».

Мухаммад ʿАли-хан гази обнародовал приказ, в котором говорилось: «Все что принадлежит государству и предназначено для войны, будь то оружие или боеприпасы, фураж или продовольствие, все отдать в распоряжение Хаккули мингбаши». Еще сказал: «Те, кто сопровождает нас и изъявил желание остаться с нами — дастарханчи[42], или шигаул[43], или тункатар[44], пусть отдаст Хаккули все имеющиеся при них и предназначенные для газавата продовольствие и лошадей». Таким образом, передав все свои войска в распоряжение Хаккули мингбаши, Мухаммад ʿАли-хан покинул Ош, и устраивая охоты в пути, прибыл в Коканд и сел на трон справедливости.

Хаккули мингбаши же, в сопровождении Мухаммад Йусуфа-ходжи[45] и многочисленной ферганской рати[46], выступил в поход в целях газавата[47] и, достигнув своей цели, кольцом окружили Гулбаг[48]. Кашгарцы, узнав о появлении кокандцев, вышли [к ним] с подношениями и выразили желание оказать им помощь. Они сообщили, что [до этого] в городе было много китайского начальства, [теперь] все они бежали и закрылись в Гулбаге. Свое имущество и личные вещи побросали. Если будет проявлена смелость и направлен отряд за этими вещами, то можно бу-

дет обеспечить продовольствием и фуражом все войско. Мингбаши, посоветовавшись с высокопоставленными сановниками, (л. 184а) послал Азим-бая дадхаха[49] с поручением, чтобы он с войском вошел в Кашгар, составил учет китайских чиновников и отправил принадлежавшее им имущество в ставку, сам же, распределив обязанности между великими эмирами, занялся осадой Гулбага и лежащих вокруг мест. Осада [Гулбага] продолжалась шесть месяцев[50].

(л. 184б)... Хаккули мингбаши, покорив Гулбаг, возвратился в Коканд[51], захватив с собой несколько тысяч дунган и китайцев[52]. Хан оказал мингбаши царские почести. Что же касается пленных китайцев и дунган, то освободил и отпустил тех, кто принял ислам, других велел казнить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бегство ходжей в Бадахшан и выдача их цинским властям в персидско-таджикском варианте (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 592) отнесены ко времени правления ʿАбд ал-Карим-бия, что является ошибочным. Как известно, ʿАбд ал-Карим-бий умер в 1164/1751 г., а описываемые здесь события произошли гораздо позже — в 1759 г., при правлении Ирдана-бия (1164/1751—1176/1762—63).

[2] По сведениям китайских источников, ходжи, разбитые китайскими войсками, в сопровождении нескольких тысяч человек бежали в сторону Бадахшана, правитель которого, Султан-шах, опасаясь цинских войск, умертвил обоих ходжей, а головы их отправил в китайский лагерь. По другим известиям, Султан-шах убил только одного из них — Хан-ходжу, а Бурхан-ад-Дин был тяжело ранен в стычках с китайцами и вскоре умер, тело его было похищено кем-то. И только в 1763 г. нашли труп Бурхан ад-Дина и отправили вместе с женой и сыном к цинскому двору. Согласно кашгарским источникам, произошло это событие в воскресенье 2 сафара середины 1173 г./16 октября 1759 г. Ходже Бурхан ад-Дину было тогда 49 лет, а его брату Хан-ходже — 45 (Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии. С. 577—578; Асар ал-футух, рук. ИВ АН УзССР, № 753, л. 117б; Тарих-и Бадахшан. С. 57).

[3] По данным местных источников, из двух сыновей Бурхан ад-Дина старший — ʿАбд ал-Халик — попал в плен и отвезен в Пекин, где его держали в заточении. Во времена восстания ходжа Джахангира (1826—27 гг.) он был еще жив. А младший сын по имени Сарымсак (настоящее его имя саййид Мухаммад Имин) был спасен одним из слуг ходжи; вначале был привезен в Кабул, затем в Андижан. Саййид Джахангир-ходжа, поднявший восстание в Кашгаре, был прямым потомком этих ходжей. (См. Приложения к «Тарих-и Рашиди», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 10191, л. 402а).

[4] Умар-хан — кокандский хан, правивший страной в 1225/1810—1237/1822 гг. после убитого заговорщиками Алим-хана (1213/1798—1225/1810).

[5] Йармазар — селение, подвластное Маргинану.

[6] Джахангир-ходжа — потомок ходжи Афака, правившего Восточным Туркестаном до завоевания его цинами в 1759—1760 гг.; родился в 1788 или 1789 г. в семье ходжи Сарымсака; дважды пытался бежать из Коканда в Кашгар, однако потерпел неудачу. Только после смерти Умар-хана ему удалось бежать из Коканда в Кашгар, поднять там восстание и завладеть страной. (См.: Валиханов Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 140—141).

[7] Хаккули мингбаши — представитель узбекской знати из племени юз; при Умар-хане занимал должность дадхи, а при его преемнике Мухаммад ʿАли-

хане (1237/1822—1258/1842) был возведен в чин мингбаши, соответствующий бухарскому «кошбеги»; впоследствии (в 1248/1832—33 г.) был казнен по приказу самого хана (Мунтахаб ат-таварих, л. 18а).

[8] После переселения кашгарских ходжей в Кокандское ханство, цинское правительство, в целях предупреждения восстания населения в Кашгарии вступило в переговоры с кокандским ханом Нарбута-бием и склонило его установить надзор за ними, взамен цинское правительство платило хану ежегодное пособие в размере по одним данным 200, по дургим — 1000 ямбо серебром и некоторое количество чая (Подробнее см.: Кутлуков М. Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством. С. 203—204).

[9] Махмуд-хан тюра — потомок Махдум-и ʿАзама; приближенный Умар-хана, был правителем Ура-тюбе, подвластного тогда Бухаре, позже, сговорившись с Умар-ханом, отдал Ура-тюбе кокандцам; умер в 1236/1821 г.

[10] Закир-ходжа ишан — шейхулислам Коканда; умер в 1243/1827—28 г. в Бухаре (Таварих-и манзума, л. 16—17).

[11] Маʿсум-хан тюра — потомок Махдум-и ʿАзама; отец автора сочинения «Мунтахаб ат-таварих» Хаким-хана. При Умар-хане занимал пост шейхулислама, но при его преемнике Мухаммад ʿАли-хане попал в немилость и был изгнан из Коканда, некоторое время жил в Ургенче, затем отправился в Мекку и по дороге (в Хорасане) умер в 1250/1834—35 г. (Мунтахаб ат-таварих, л. 281б).

[12] Не совсем верно. Мухаммад ʿАли-хан известен приверженностью к ходжам, два—три раза помогал им войсками в их борьбе против цинского Китая (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 146—147).

[13] Махмуд-хан тюра и Тюра-хан тюра — родственники Джахангира, первый — племянник его, второй — брат, убитый китайцами при взятии Кашгара в 1242/1827 г. (Таварих-и манзума, л. 9а).

[14] В персидско-таджикской редакции (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 592, л 508а) ошибочно указан 1248/1832 г. В «Тарих-и манзума» (л. 3а) годом происшествия землетрясения назван 1239/1823—24 г., что ближе к истине.

[15] В персидско-таджикской редакции (л. 508б): киргизы (мардум-и киргиз).

[16] Иса дадха — правитель Андижана при Умар-хане и при Мухаммад ʿАли-хане, примкнувший к Джахангиру, командовал его отрядами; после взятия Кашгара получил чин мингбаши; после падения Джахангира бежал в Коканд и впоследствии был назначен комендантом (кутвалом) Ташкента.

[17] Сатук Богра-хан ʿАбд ал-Карим (ум. в 344/955—56 г.) — основатель династии Караханидов в Кашгаре и в Семиречье; первым принял ислам среди тюркских племен Кашгара. После этого ислам стал распространяться среди уйгурского населения Восточного Туркестана. Его гробница находится в 40 верстах от Кашгара в селении Мешхед Артушского уезда и считается местом паломничества мусульман Восточного Туркестана.

[18] Автор допустил неточность. Афак-ходжа не был там похоронен. Его могила находится в местности Йагду в г. Кашгаре; также является местом поклонения мусульман Восточного Туркестана (Хидайат-наме, рук. ИВ АН УзССР, № 1682, л. 218б).

[19] В то время хаким-беком Кашгара был турфанец сайид Мухаммад-ван, сын Фаридун-ван-бека. Он правил Кашгаром 6 лет (1237/1821—1243/1827). Местные источники о нем отзываются положительно: будто заботился о благе подданных, рыл новые каналы, освоил целину и распределил ее среди безземельных крестьян (См.: Приложения к «Тарих-и Рашиди», л. 407б—408а).

[20] По данным персидско-таджикской редакции (л. 511б) — «мусульмане напали на него и казнили на месте по велению Джахангира».

[21] По данным Ч. Ч. Валиханова, Джахангир-ходжа со своим войском, которым командовал комендант г. Андижана Иса-дадха, сначала расположился лагерем в селении Бишкирим и, увеличив свои силы за счет жителей других селений Кашгарского округа, разбил наголову вышедшую навстречу цинскую армию. (См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 142).

[22] По данным китайского источника, Джахангир взял Кашгар 10 сентября 1826 г. (Вэй Юань. Шэнъу-цзи (Записки о священных войнах), цз. 4, л. 41.

[23] Джахангир-ходжа отправил победную реляцию к соседним мусульманским странам, в частности, в Коканд, Бухару, Хиву, Балх и Бадахшан с призывом оказать помощь мусульманам Кашгара для окончательного изгнания китайцев из страны. По словам Ч. Ч. Валиханова, его эмиссары проникли даже в глубь казахской степи и уговаривали казахских султанов оказать помощь своим единоверцам в борьбе против китайцев (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 143).

[24] К моменту прибытия кокандцев обстановка складывалась в пользу Джахангира. Подкрепление китайцам из Или еще не подошло. Джахангир же сколотил большое, сравнительно хорошо вооруженное войско, собрал деньги, поставлявшиеся ему богатыми кашгарскими купцами. Поэтому Джахангир, полагая управиться сам, встретил кокандского хана недружелюбно. К тому же Джахангир опасался хана (Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 127; Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 11. С. 446, прим. 15).

[25] Султан-хан тюра ходжа Калан происходил из знатной кокандской семьи и играл большую роль в общественно-политической жизни страны при Мухаммад ʿАли-хане. В 1244/1828—29 г. по приглашению эмира Насраллаха переселился из Коканда в Бухару и получил пост шейхулислама; умер в 1251/1835—36 г. в Бухаре. Он был хорошим поэтом и писал стихи на персидском и узбекском языках; у него было три дивана (Мунтахаб ат-таварих, л. 189а; Таварих-и манзума, л. 23б—24а).

[26] Нечто подобное говорит и Ч. Ч. Валиханов (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 143).

[27] По данным Ч. Ч. Валиханова, потери кокандцев составляли убитыми до одной тысячи человек. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 143).

[28] Причиной дезертирства в рядах кокандских войск явилось то, что Джахангир-ходжа щедро раздавал войскам Мухаммад ʿАли-хана ямбо, шелковые ткани, привлекая их на свою сторону. В рядах кокандских войск участилось дезертирство, что заставило хана сняться с осады и возвратиться в Коканд. (Мунтахаб ат-таварих, л. 177б—178а). По данным китайских источников, число дезертиров составляло около трех тысяч человек. (Шэньу-цзи, гл. 15, с. 41).

[29] По данным Ч. Ч. Валиханова, Гулбаг пал после семидесятидневной осады. Там находилось от 8 до 10 тыс. солдат, которыми командовал бывший илийский Цзянь-цзюнь Цын сян. Весь гарнизон был истреблен, осталось только 400 человек, принявших ислам (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 143).

[30] По китайским известиям, к осени 1826 г. ополченцы Джахангира завладели, помимо Кашгара, Янги-хисаром, Яркендом и Хотаном и повели наступление на Аксу и Учтурфан, которыми, однако, не удалось завладеть (См.: Шэньу-цзи, гл. 5, с. 41).

[31] Местные и китайские источники подтверждают это. По показаниям яркендского караван-баши Мухаммад Имина, Джахангир-ходжа допускал белогорцев неистовствовать над черногорцами, ограбил дома служивших китайскому правительству местных чиновников и при взятии Кашгара наложил тяжелую контрибуцию на купцов. По словам китайского автора, «андижанцы, при поддержке которых он действовал, не только захватили казенное имущество, но грабили и самих жителей, притом Джахангир часто казнил людей без причин; наконец народ увидел, что все его честолюбивые замыслы рушились, поэтому и перестал на него надеяться» (Шэньу-цзи, гл. 5, с. 44; Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. II. с. 447, прим. 17).

[32] По свидетельству Вэй Юаня, вся империя была приведена в движение. По приказу императора в Синьцзянь была послана 36-тысячная армия. Джахангир, ожидая помощь от соседних мусульманских стран, дал время противнику оправиться. К сентябрю 1826 г. китайцы уже сосредоточили в Аксу примерно 70-тысячное войско, которое, перезимовав там, в феврале 1827 г. выступило на Кашгар (Шэньу-цзи, гл. 4, с. 44).

[33] По Ч. Ч. Валиханову, Джахангир с 200-тысячным войском, состоявшим главным образом, из ополченцев Кашгара, Яркенда и среднеазиатских добровольцев, лично выступил против китайцев. Однако, во время боя часть китайских солдат, переодетых по-кокандски, смешалась с ополченцами Джахангира

и произвела в их рядах беспорядок. Первыми пришли в замешательство кокандские отряды и обратились в бегство, а за ними последовало все войско. Ходжа же с трудом успел спастись и бежал в горы (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 144).

[34] Согласно хронограмме: «барамад Жахангир аз Кашгар», приведенной в «Таварих-и манзума» (л. 8б), произошло оно в конце 1242/январе 1827 г.

[35] О поимке Джахангира в исторической литературе бытуют разные мнения. Согласно А. Куропаткину, он был схвачен своим приятелем Мемет-беком из Упала и затем передан китайским властям. По В. В. Григорьеву и В. П. Наливкину, ходжу выдали испугавшиеся алайские киргизы. По словам же Ч. Ч. Валиханова, Джахангир-ходжа был предательски схвачен своими приближенными и киргизами, подкупленными китайцами. Как известно, поимка Джахангира была организована кашгарским хаким-беком Исхаком. Он, согласно местным источникам, дарами и посулами склонил нескольких киргизских старшин из рода машак и предательски схватив ходжу, передал китайским властям, за что был возведен в потомственное звание цзюньвана с последующим пожалованием ему нескольких сот крепостных крестьян и ежегодных пособий. Пленного Джахангира под усиленным конвоем отвезли в Пекин и подвергли страшной казни (Шэнъу-цзи, гл. 4, с. 50; Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 116; Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. СПб., 1873. С. 446; Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885. С. 129; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 144).

[36] Ханбалык — монгольское название Пекина.

[37] По персидско-таджикской редакции (л. 518а) — «около сорока лет от роду».

[38] В персидско-таджикской редакции (л. 630а) говорится о том, что при успешном исходе кампании Мухаммад Йусуф-ходжа обещал уступить хану казну Гулбага, после чего хан выразил согласие выступить с ним на Кашгар.

[39] Поход этот состоялся в сентябре 1830 г. (Тарих-и манзума, л. 15а).

[40] Царевич Умар-ходжа был сослан в Коканд бухарским эмиром Насруллой, захватившим власть в стране после смерти отца эмира Хайдара. По утверждению Хаким-хана, царевич погиб от рук подосланного убийцы, но чтобы скрыть от народа свое преступление, эмир Насруллах распространил слух, что царевич будто бы умер от холеры (Мунтахаб ат-таварих, л. 183а).

[41] Парваначи — ханский приказчик, третий по нисходящей лестнице после аталыка и диванбеги (подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. С.156—157).

[42] Дастарханчи — стольник; дворцовый чиновник, в обязанность которому вменялось накрытие государева стола во время больших приемов и торжеств (подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. С. 177).

[43] Шигаул — церемониймейстер; дворцовый чиновник, отвечавший за организацию приема иностранных послов и высокопоставленных особ (подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. С. 161).

[44] Тункатар — придворный ночной сторож.

[45] Мухаммад Йусуф-ходжа (иначе Мэд-Йусуф-ходжа) — старший брат ходжа Джахангира; проживал в Бухаре. Мухаммад ʿАли-хан, готовясь к походу на Кашгар, чтобы заручиться поддержкой преданных ходже кашгарцев, тайно вызвал его из Бухары и объявил, что хочет освободить кашгарских мусульман от ига китайцев и возвести его на престол предков. Мухаммад Йусуф-ходжа принял участие в походе кокандских войск на Кашгар, возвратился в Коканде вместе с войском и через некоторое время (в 1252/1836—37 г.) умер. (Таварих-и манзума, л. 24а).

[46] По данным Ч. Ч. Валиханова (Собр. соч. Т. 3. С. 146), общая численность кокандских войск, принимавших участие в этом походе, насчитывала 40 тыс. человек, в том числе 20 тыс. кокандцев, 15 тыс. ташкентцев, 2 тыс. горных таджиков из Каратегина и кашгарские эмигранты, проживающие в Коканде. При войске имелись 10 пушек (замбурек). По свидетельству Мирза Шамса Бухари, участника похода, число кокандских войск доходило до 20—25 тыс. человек. Кроме того, к кокандцам присоединились 10—12 тыс. кашгар-

ских эмигрантов, проживавших ранее в Коканде (Записки Мирзы Шемса Бухари. С. 36).

[47] Ч. Ч. Валиханов и В. В. Григорьев причину похода кокандцев на Кашгар видят в ущемлении торговых интересов кокандцев в Кашгаре, сильно пострадавших после подавления восстания Джахангира (Кутлуков М. Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством. С. 208—209).

[48] По Ч. Ч. Валиханову, китайцы, числом три тысячи человек, получив известие о вторжении кокандцев в пределы Кашгара, выступили к ним навстречу, а по Мирзе Шемсу, их было 13 тыс., которые, однако, были разбиты наголову в урочище Мингйол (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 146; Записки Мирзы Шемса Бухари. С. 38).

[49] Азим-бай дадхах — кипчак; один из кокандских эмиров; занимал должность топчи-баши и кошбеги; впоследствии попал в немилость и был убит Ширали-ханом в 1260/1844 г.

[50] По Ч. Ч. Валиханову, кокандцы пребывали в Кашгаре ровно девяносто дней, а это должно быть верно, если учесть, что поход начался в сентябре, а закончился в ноябре 1830 г. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 147).

[51] По данным Ч. Ч. Валиханова, кокандцам не удалось захватить Гулбаг, хотя они овладели Янги-хисаром, Йаркендом, Хотаном и дошли до Аксу и Учтурфана. Только приближение многочисленных китайских войск, выступивших из Или (Кульджи), вынудило кокандцев оставить Кашгар (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 146).

[52] Вместе с Мухаммад Йусуфом в Коканд эмигрировали до 70 тыс. кашгарцев, а по «Запискам» Мирзы Шемса — 50—60 тыс., которые были поселены на Сырдарье ниже Ходженда в урочище Далвас и в Ташкенте, где они основали селение Янги-шахар (бывшая Кашгар махалла) (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 147; Записки Мирзы Шемса Бухари. С. 94).

ПРИЛОЖЕНИЯ К «ТАРИХ-И РАШИДИ»

В рукописном фонде ИВ АН УзССР хранятся два списка «Тарих-и Рашиди» — один под инв. № 1430 (на персидско-таджикском языке), другой под инв. № 10191 (уйгурская редакция). Перевод осуществлен неким ходжа Мухаммад Шарифом в 1253/1837-38 г. по распоряжению правителя Кашгара Зухр ад-Дин Таджи хаким-бека (1830—1848). Переводчик снабдил сочинение обширным предисловием, сделал от себя добавление к «Тарих-и Рашиди», продолжив историю Восточного Туркестана с 952/1545 г. до 30-х годов XIX в. При этом, как было установлено, переводчик использовал главы «Тарих-и Кашгар» анонимного автора и «Хидайат-наме» Мир Хал ад-Дина Йарканди, вместе с известным сочинением «Тарих-и Саид Раким». Хотя эта часть книги не лишена отдельных недостатков, тем не менее, представляет определенный интерес и дает возможность проследить историю Восточного Туркестана с XVI в. вплоть до 30-х годов XIX в.

Автор анонимный. В приводимом ниже извлечении содержатся ценные данные о восстаниях Джахангира-ходжи, Мад-Юсуфа [Мухаммад Йусуфа] и выполнены по списку ИВ АН УзССР № 10191.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ К «ТАРИХ-И РАШИДИ»

(л.407б) Повествование о событиях, имевших место после вступления Умар-бека на пост кашгарского хаким-бека

Умар-беклик[1] — сын Хайдар-бека. Он сменил вернувшегося в Куча Исхак-бека. Пять лет его правления протекали без особых

происшествий. После этого киргизский старшина Суранчи[2] вторгся в пределы Кашгара из-за предела, прошел через селения Устин-Артыш[3], достиг реки Тюмень и оттуда совершил налет на Кашгар. Китайские власти выступили с войском и вступили с ним в сражение. Суранчи был разбит и бежал за пределы Кашгара. В связи с этим Умар-бек в 1237/1821-22 г. вернулся к себе на родину [в Кучу].

Повествование о событиях, имевших место после вступления Мухаммад саййид ван-беклика на пост кашгарского хаким-бека

Мухаммад саййид ван-беклик — сын Фаридун ван-беклика, сына Имин ван-ханлыка[4] — уроженец Турфана. Вступил на пост кашгарского хаким-бека после ухода с него Умар-бека. (л. 408а) Мухаммад саййид ван был человек храбрый и решительный. Он установил в стране жесткий порядок и спокойствие, защитил подданных от произвола и насилия китайских чиновников. Все слои населения наслаждались мирной жизнью.

В 1239/1823-24 г. он провел воду в местность Коштограк, что у селения Калта-йайлака[5]. Ныне эта местность озеленена и превращена в цветник. Еще в 1242/1826-27 году по его инициативе начали осваиваться богарные земли Хуш-абад в местности Карадун. За два года на этой земле был проведен канал и оставалось только распределить воду среди крестьян... В это время по воле Аллаха Джахангир-ходжа, в сопровождении киргизов и андижанцев[6] вторгся через перевал Тешик-таш[7] в пределы Кашгара и расположился лагерем в местности Мешхед у селения Астин-Артыш. После того, как об этом стало известно китайским властям, они выступили с войском в сторону Астин-Артыша. В местности Мешхед они встретились с повстанцами, где завязался бой, продолжавшийся три дня. На четвертый день саййид Джахангир-ходжа со своими людьми выступил из Мешхеда, перешел в наступление и достиг Калта-йайлака. Затем он прибыл в Казанкул. Весть о появлении Джахангир [-ходжи] быстро распространилась в окрестных селениях Кашгара, и со всех сторон стали стекаться к нему добровольцы, которые оказали ему помощь. Затем саййид Джахангир-ходжа повел за собой толпы в Ак-йар[8], (л. 408б) где он дал сражение китайскому войску. После этого он прибыл в селение Ара-баг, расположенное в местности Кара-кыр, где сделал остановку на ночлег. На следующий день он появился в окрестности Даулат-бага и расположился лагерем в Токае[9]. Словом, Мухаммад саййид ван-беклик правил Кашгаром шесть лет и в 1243 (1827-28) г. по приказу саййида Джахангира был предан казни за пределами города. Тело его похоронено в мазаре саййида Джалал ад-Дина Багдади.

Рассказ о вторичном вступлении Исхак-бека на пост кашгарского хаким-бека[10] и событиях, происходивших во времена его правления

Узнав о выступлении саййида Джахангира и восстании в Кашгаре, китайский хакан собрал большое войско, поставил во главе его несколько своих видных военачальников и отправил в Кашгар. Это многочисленное войско, выступившее из Китая, прибыло в Аксу, где тогда находился Исхак-бек.

Его двоюродный брат Ходжа бейса-бек (л. 409а) во время восстания Джахангира был лишен своего звания бейса. Эту наследственную должность китайский хакан передал Исхак-беку. Китайское войско в сопровождении Исхак бейса-бека, ʿАбд ар-Рахман-бека и Пайанда-бека выступило из Аксу и направилось в Кашгар. С приближением китайского войска к пределам Кашгара, ополченцы саййида Джахангира выступили навстречу неприятелю и в окрестностях Йангиабада[11] и Файзабада[12] дали бой китайскому войску, но были разбиты и обратились в бегство. Китайское войско, перейдя в наступление, подошло к Кашгару и в первом же приступе захватило город. Саййид Джахангир-ходжа со своими людьми бежал из Кашгара и через заставу Камга[13] направился в сторону Алая. Затем Исхак бейса-бек [вновь] занял пост кашгарского хаким-бека.

После распространения известия о пребывании Джахангира в Алае, туда были посланы китайские войска. Джахангир, дав бой китайцам, отошел в сторону Токузторау[14]. Войска китайского хакана повернули обратно в Кашгар. Спустя восемь месяцев было получено известие о появлении Джахангира в местности Аргу[15] в сопровождении киргизов. Исхак бейса-бек немедля повел туда китайское войско и видных китайских сановников. Саййид Джахангир отступил за пределы [Кашгара] в местность Каратека[16]. (л. 409б) Там его схватили и привезли в Кашгар, а затем отвезли в Пекин. Пленение ходжи Джахангира было делом рук Исхак бейса-бека, о чем было доложено китайскому хакану, который [за оказанную услугу] пожаловал Исхак-беку и его потомкам титул «цзюнь-ван» («князь второй ступени»).

После четырехлетнего спокойного правления Исхак-бека Кашгаром, стало известно о вторжении кокандского военачальника Хаккули со стороны заставы Карангу[17]. После получения этого известия китайское войско выступило навстречу кокандцам. И китайское войско, и отряды Хаккули мингбаши одновременно подошли к урочищу Минг-йол[18], где и завязалось [между ними] ожесточенное сражение.

В конце концов, китайские войска, [потерпев поражение], вернулись в Кашгар и укрылись в крепости Гулбаг, возведенной не так давно в местечке Кара-кыр. Там же укрывался Исхак ван-бек, казначей Таджи Зухр ад-Дин-бек[19] и другие китайские чиновники. Хаккули со своими войсками занял Кашгар, подверг

город и окрестные селения разграблению, захватил большую добычу, заполонил несколько тысяч семейств китайских чиновников и конфисковал их имущество.

Китайский хакан, получив известие об этом событии, немедля собрал войска и, поставив во главе их несколько полководцев, отправил в Кашгар. Когда это войско достигло [местности] Барчук[20], Хаккули мингбаши, услышав о вступлении этих войск в Кашгар, оставил Кашгар и немедля повернул в Коканд, захватив с собой несколько тысяч семейств кашгарцев. С уходом кокандцев, китайские войска вновь заняли Кашгар. (л. 410а) В 1247/1831—32 г. Исхак-бек вернулся к себе на родину в Кучар.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Умар-бек — кашгарский хаким-бек (1816—1821).

[2] Суранчи — родоначальник киргизского племени чон-багыш, кочевавшего в местностях Кашгара. Его дед Авалэ участвовал в подавлении Учтурфанского восстания в 1765 г. сам же Суранчи участвовал в поимке Зийа ад-Дина, за что был пожалован княжеским титулом второй степени. Впоследствии перешел на сторону повстанцев и преследуемый китайскими властями примкнул к Джахангиру, который уговорил его пойти на Кашгар. Он напал на Кашгар, однако не имел успеха (См.: Си юй Шуйдавцзи, гл. 1, с. 851б).

[3] Устин-Артыш (Верхний Артыш) — селение в 25 верстах от Кашгара на севере. Есть и селение Нижний Артыш (Астын-Артыш) в 60 верстах от Кашгара, на северо-востоке.

[4] Имин-ван — турфанский князь, оказавший большую услугу Цинам при завоевании ими Восточного Туркестана.

[5] Калта-йайлак — селение при впадении реки Артыш в Файзабад, в 57 верстах от Кашгара на востоке.

[6] Так именовали тогда всех узбеков — выходцев из Средней Азии.

[7] Перевал Тешик-таш расположен за Терек-даваном и через него шла дорога на Кашгар.

[8] Ак-йар — селение Артыш, где произошло сражение повстанцев с цинскими войсками.

[9] Даулат-баг токай — равнина на правом берегу реки Тюмень, где произошло крупное сражение Джахангира [ходжи] с китайско-маньчжурскими войсками, окончившееся победой повстанцев.

[10] Исхак-бек — сын Усман бейса-бека, (бэйцзы-бека) хаким-бек Кашгара в 1231/1815—16 г. при котором Козы-бий, сын киргиза Турди-бия, соратника восставшего против Цинов ахунда Зийа ад-Дина, в 1232/1816—17 г. был снят с занимаемой должности и отправлен в город Кучар.

[11] Йангиабад — селение на южном берегу реки Файзабад-дарьи, напротив Калта-йайлака, в 15 верстах от Файзабада.

[12] Файзабад — большое селение в 52 верстах от Кашгара, на южном берегу Файзабад-дарьи (китайское название Чжасы).

[13] Застава Камга.

[14] Токузторау — местность в долине реки Нарын, там, где сливаются в него девять рек.

[15] Аргу — небольшое селение на северо-западе от Кашгара в 95 верстах от него.

[16] Каратека — горный перевал на Алае, где впоследствии был схвачен Джахангир-ходжа.

[17] Карангу — пограничная застава, расположенная на юго-западе от Кашгара.

[18] Минг-йул — урочище, где была расположена китайская застава.

[19] Зухр ад-Дин-бек — сын Мир Тахир-бека, сына Нурмухаммад-ахунлыка, сына Имин Ходжи-ван-ханлыка. Казначей, впоследствии правитель Кашгара (1830—1848), сторонник китайской ориентации.

[20] Барчук (Маралбаши) — город к востоку от Кашгара (китайское название Бачу).

МИРЗА АЛИМ ТАШКАНДИ

АНСАБ АС-САЛАТИН ВА ТАВАРИХ АЛ-ХАВАКИН

«Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин» (Генеалогии султанов и истории ханов) мулла Мирза Алима, сына домлы Мирза Рахима Ташканди (написано в конце XIX в.; на узбекском языке) посвящено истории Ферганы XV—XIX вв. Свою задачу автор сформулировал следующим образом: «Сей бедный факир и несостоятельный хакир мулла Мирза Алим, сын домлы Мирза Рахима Ташканди, вознамерившись увековечить и желая обессмертить генеалогию падишахов ферганских владений, старательно собрал из историй жалкие крохи минувших деяний и передав тюркским наречием простыми выражениями некоторые прошедшие поразительные и удивительные события со времен покойного Ширали-хана вплоть до последнего правления Худайар-хана[1], включил в рамки изложения и назвал «Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин» с тем, что, когда мусульмане прочитают или услышат, возможно, откроется их душа и рассеется скорбь, от нас же останется память. Наша просьба и чаяния к прозорливым, наблюдательным и проницательным мужам суть то, чтобы они, облачившись в халат прощения и [шествуя] по стезе благодеяний, исправили замеченную ими каждую погрешность и упущение и возведя их в ранг правдивости, пожелали [автору] всяческих благ» (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1314, л. 2б, 3а).

В Институте востоковедения АН УзССР хранится несколько списков этого сочинения: № 1314, 3753, 7515 и 9841; самый оригинальный из них — № 1314, по которому и выполнен впервые перевод нижеследующего фрагмента. В качестве вспомогательного использован список № 3753.

Об этом сочинении упоминает А. З. Валидов (Тоган), который в 1913 г. в Коканде видел его в собрании Юнусджана-дадха Мухамедова[2]. Описание сочинения см.: СВР АН УзССР. Т. I, Ташкент, 1952. С. 90, 91; Т. V. Ташкент, 1960. С. 51.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «АНСАБ АС-САЛАТИН ВА ТАВАРИХ АЛ-ХАВАКИН»

(л. 13б)... От него[3] осталось три сына. Первый — ʿАбд ар-Рахим-бек, второй (л. 14а) — ʿАбд ал-Карим-бек, третий — Шадибек. Однако на месте отца на троне ханствования при содействии народа утвердился ʿАбд ар-Рахим-бек; он стал известен под именем Рахим-хана. В местности Дехкантуда он воздвиг крепость и обосновался там [на жительство]...

Едва воцарившись на троне султанствования, он неожиданно повел войско и в одну из ночей вступил в Ходженд[4]. Убив сына Мухаммад Рахим аталык киргиза[5], Акбута-бия и двух его сыновей, власть над Ходжендом вручил своему младшему брату—Абд ал-Карим-беку, а самому младшему брату — Шади-беку — отдал власть над Маргинаном.

Собрав войска, он пошел на Самарканд [и] овладел им, оттуда подался в Катта-курган[6], захватил его и направился в Шахрисабз.

(л. 14б) В это время Хаким-бий Наукари[7], брат Ибрахим аталыка, хаким [Шахрисабза], приготовился к сражению, но амиры и ученые [мужи] посовещались и решили заключить мир. Составив проект знакомства, они обручили Айчучук-айим, дочь Ибрахим аталыка, с Рахим-ханом, укрепив тем самым договор и соглашение.

Он с почестями возвратился и, вступив в Самарканд, несколько дней пребывал там, но заболел черной меланхолией и впал в безумие. Многие полагают, что Рахим-хан по гордости взошел по ступеням мазара его святейшества Шах-и Зинда[8] на лошади, и ввиду этой неучтивости подвергся болезни. День ото дня болезнь усиливалась, он то терял сознание, то приходил в себя. Назначив муллу Бичара хакимом Самарканда, а Аллакули-бек дадхаха хакимом Дизаха[9], повернул вспять и вступил в Ходженд. Болезнь переступила за пределы, и сколь табибы не пользовали, (л. 15а) лечение не принесло пользы.

Его младший брат ʿАбд ал-Карим-бек, воспользовавшись удобным случаем, в одну из ночей сделал его мучеником, а сам вместо него стал ханом[10].

Прах Рахим-хана мученика доставили в Коканд и погребли на кладбище его отцов. От него остался один сын — Ирданабек и три дочери. Он падишахствовал двенадцать лет[11] и был убит в возрасте тридцати трех лет...

Глава о происшествии ʿАбд ал-Карим-бека

ʿАбд ал-Карим-бек, сын Шахрух-бия, самостоятельно воцарился на престоле султанства; он хорошо обращался с народом, усердствовал в упорядочении войска. Он взял себе в жены Айчучук-айим Шахрисабзскую, которая была замужем за Рахим-ханом, (л. 15б) усердствовал и ратовал за благоустройство Кокандского владения.

В это время вторглись китайцы[12] и овладели Семиградьем Кашгара, а [его] правителей (хаким) Ай-ходжу и Кун-ходжу, потомков Махдум-и ʿАзама, китайцы сделали мучениками. Остался один грудной ребенок, которого какой-то человек укрыл и, доставив в Хиндустан, поручил Аурангзеб падишаху[13]. Он воспитал его до совершеннолетия и женил на своей дочери. В настоящее

время ходжи Маргинана ведут свой род от того саййидзаде и той падишахзаде[14].

После того, как китайцы овладели Кашгаром, общество калмаков, кашгарцев и общество горцев (таглик) бежали и осели в Коканде. К тому же в Самарканде был недород, ввиду чего несколько обществ, бросив свои мульковые земли, пришли и обосновались в Коканде. Именуя их галамис[15], нашли [в этом слове] та'рих [сего происшествия] 1130 — одна тысяча сто тридцать. (л. 16а) Коканд [между тем] весьма благоустроился.

Захватив Кашгар, китайцы оттуда направили в эту сторону общество калмаков, которое, овладев Ошем, Андижаном и Маргинаном, разом направилось в Коканд и осадило город. ʿАбд ал-Карим-хан укрепил город и сразился с калмаками. В те времена крепость Коканда была незначительной. Они каждый день выходили из крепости и сражались на месте старой урды, где в настоящее время [находятся] базарные ряды и медресе. В один из дней сражения какой-то молодой витязь[16] верхом на лошади врезался в ряды кипчак-калмаков и, порубив, послал нескольких калмаков в сторону преисподней. Но в конце концов его ранили и он пал мученической смертью. Все вознесли ему хвалу и одобрение. Ученые мужи и богословы прочитали за этого мученика заупокойную молитву (джаназа) и погребли его на высоком месте в саду падишахства, который в те времена назывался Катта Кабристан. Мазары и усыпальницы всех кокандских ханов находятся там.

Словом, (л. 16б) осада затянулась [и] он поневоле обратился за помощью к правителю (хакиму) Ура-тюбе и попросил людей. Поскольку между ними было близкое знакомство[17], хаким Ура-тюбе Фазил-бий, сын Сиддик-бий йуза, повел войско и быстро вступил в Коканд. ʿАбд ал-Карим-бек[18] сверх меры обрадовался этому и занялся приемом гостей. С наступлением утра [все] выступили для сражения. Убив нескольких калмаков, они совершили богоугодное дело в священной борьбе за веру. В конце концов [калмыки] посовещались и, решив попросить мира, направили послов. Сорок—пятьдесят видных калмаков с целью заключения договора вступили в Коканд, но аламаны и войско окружили их и предали смерти. Калмаки же, которые остались за крепостью, узнав об этом, разом пустились бежать.

ʿАбд ал-Карим-хан и Фазил-бий с войском, преследуя их по пятам, побили бессчетное количество, а прочие спаслись бегством. С большими почестями и уважением проводили Фазил-бия валинами в его юрт. И все были радостны и довольны...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т. е. 1281/1864—65—1292/1875 гг.

[2] Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области. С. 303—304.

[3] Имеется в виду Шахрух аталык. Правил примерно в 1709—1721 г.

[4] В «Мунтахаб ат-таварих» эти сведения изложены подробнее (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 236б, 237аб).

[5] В «Мунтахаб ат-таварих» — йуза (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 594, л. 219а).

[6] В «Мунтахаб ат-таварих» — Янги-курган (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238а).

[7] В другом списке «Ансаб ас-салатин» (инв. № 3753, л. 17б) — Букари.

[8] По другим данным, «мазара его святейшества шейха Кусама ибн Аббаса Аспаки» («Мунтахаб ат-таварих», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238аб).

[9] По другой версии, «назначив со своей стороны Анакули дадхаха и муллу Бичара наибом Самарканда» («Мунтахаб ат-таварих», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238б).

[10] В «Мунтахаб ат-таварих» эта версия отсутствует (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238б).

[11] По другой версии, десять лет («Мунтахаб ат-таварих», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238б).

[12] В «Мунтахаб ат-таварих» — калмаки (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 238б).

[13] Аурангзеб — Бабурид; правил Индией в 1658—1707 гг. По этому поводу в научной литературе встречается множество самых противоречивых мнений. Согласно «Мунтахаб ат-таварих» (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 239а), его доставили в Бухару.

[14] Эти сведения научной литературой не подтверждаются.

[15] Т. е. подстрекателями. Сумма числовых значений букв по абджаду равна 1130.

[16] Согласно другому источнику, это был некий Шир Мухаммад, бахадур Фазила валинами, правителя Ура-тюбе («Мунтахаб ат-таварих», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 239б).

[17] Фазил-бий был приемным сыном ʻАбд ал-Карим-хана.

[18] Автор никак не может обобщить данные своих источников, поскольку называет его то ханом, то беком.

МУЛЛА МУСА САЙРАМИ

ТАРИХ-И АМИНИЙА (ИСТОРИЯ СПОКОЙСТВИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ)

Некоторые сведения об авторе (ум. в 1916 или 1917 г.) содержатся в его же сочинении, согласно которым он родился около 1840 г. в селении Сайрам, расположенном между городами Бай и Кучар. Сам же он свое происхождение связывает со среднеазиатским Сайрамом. Учился в медресе мулла Усмана ахунда в Кучаре. Ко времени начала восстания в Кучаре в 1864 г. находился в Сайраме, присоединился к повстанцам и участвовал во всех сражениях за освобождение Аксу и Учтурфана. После занятия Учтурфана повстанцами служил у его правителя — Махмуд ад-Дина-ходжи.

После занятия Учтурфана войсками Якуб-бека поступил на службу к Мирза Баба-беку, назначенному Якуб-беком на должность закятчи; на этой должности и в должности мирзы (секретарь) и сборщика налогов служил в течение семи лет. По словам же В. В. Бартольда, Муса Сайрами в течение одиннадцати лет находился непосредственно на службе у Якуб-бека, сидел рядом с государем, пил с ним из одной чашки и пользовался полным его

доверием[1]. Последние годы своей жизни Муса Сайрами провел в Аксу и занимался научной деятельностью. Настоящее сочинение было написано им в 1321/1903—05 гг. по инициативе Амин-бая аксакала.

«Тарих-и аминийа» — историко-литературный труд; состоит из введения, двух частей и заключения. Во введении, в общих чертах, изложена легендарная история тюркских племен Восточного Туркестана, Чингиз-хана и его потомков, правивших в Восточном Туркестане, повествуется о господстве ходжей и калмаков в стране, вторжении Цинов в Восточный Туркестан и их правлении вплоть до начала вооруженного восстания в Кучаре. Первая часть книги посвящена событиям, начиная со времени восстания уйгуров и дунган (1867 г.). Во второй части излагаются события, связанные с Якуб-беком, его правлением до восстановления в стране цинского господства (1878 г.).

В 1908 г. автор переработал сочинение, внеся в него некоторые изменения. Вторая редакция книги получила название «Тарих-и Хамидийа» и хранится в Урумчинском музее КНР[2].

Сочинение богато фактическим материалом, свидетельствующим о политических и культурных связях народов Средней Азии и Восточного Туркестана в период существования независимого государства Йэттишаар.

Мы располагаем списком сочинения, скопированным в Восточном Туркестане (хранится в ЛО ИВ АН СССР, инв. № 335, 302 листа)[3] и казанским изданием Н. Пантусова (в 1905 г.). Отдельные сведения об авторе и оценки его сочинений содержатся в рецензии В. В. Бартольда, в статьях К. Усманова, Д. Тихонова, А. М. Мугинова и в брошюре А. Джалилова[4]. Приводимое извлечение основано на издании Н. Пантусова.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И АМИНИЙА»

(с. 28) *Повествование о завоевании Йэттишаара Джахангир-ходжой, прибытии Мухаммад ʿАли-хана в Кашгар, покорении [китайского] города Гулбаг, о прибытии большого числа войска из Китая и [вторичном] завладении ими Йэттишааром, отправлении Джахангир-ходжи в Пекин, взятии в плен большого числа мусульман и уводе их китайцами, об отправлении Мухаммад ʿАли-ханом посольства в Китай с требованием освобождения из плена мусульман*

Из сообщений очевидцев и исторических сочинений становится известным, что в 1239 (1823-24) году при правлении Мухаммад ʿАли-хана, сына Умар-хана, сына Ширали-хана, Джахангир-хан тюра, собрав вокруг себя несколько тысяч человек из кокандских и кашгарских добровольцев, в 1242 г. х. бежал из Ферганского вилайета и пришел в моголистанский город Кашгар. Его святейшество Тюра, завладев городом Кашгаром и подвластными ему

селениями, стал прилагать усилия к тому, чтобы захватить китайский город [Гулбаг] и обложил его [со всех сторон]. В это самое время Мухаммад ʿАли-хан загорелся желанием совершить подвиг и созвал войско [для похода]. Излагая обстоятельства предполагаемого похода столпам государства, он сказал: «Всевышний дал нам власть и царство, если мы проявим халатность и беспечность, то какой-то безрассудный ходжа, стоящий вдали от царской плеяды и управления страной, со сбродом, претендуя на [Кашгарский] вилайет, окружив китайский город Кашгар, попытается захватить власть. [Поэтому] начал бить в барабан и ведет завоевательную войну. Затеянное им дело не из возможных. При этом следует иметь в виду, что если (с.29) им удастся завладеть [китайским] городом, то все сокровища, собранные в китайской казне на протяжении многих лет, попадут в их руки и будут расхищены [ими]. Что же касается китайского хакана, то он великий царь. Если с его стороны будет сделана попытка возвратить [потерянную область] и направлены войска, то в таком случае невозможно обойтись без затраты казны. И если неверные, приложив усилия, возьмут верх [над повстанцами] и рассеят их, то казна мусульманских городов, вне сомнения, опустошится. Если же Джахангир-ходжа не сможет удержаться в завоеванной им области и китайские войска одержат над ним верх, то он вынужден будет бежать сюда, в наши края. Тогда нам придется отвечать перед китайцами за все. Выход из создавшегося положения состоит в том, что мы должны идти походом на Кашгар. Если они подчинятся нам — будет хорошо, а если нет, то мы не теряем ничего, [более того], совершим богоугодное дело — священную войну».

Таким образом, Мухаммад ʿАли-хан с тремя тысячами войск[5] вступил в пределы Кашгара. Джахангир-ходжа тюра, с несколькими тысячами своих ополченцев, вышел навстречу Мухаммад ʿАли-хану, встретился с ним и, не сходя с лошади, поздравил хана с приездом [в Кашгар] и разместил его в загородном саду.

В то время китайский город (Гулбаг) находился внутри мусульманской части города. На следующий день Джахангир-ходжа тюра, оказав хану необходимые почести, предоставил ему право завладеть китайским городом, а осаждавших [Гулбаг] кашгарцев отозвал. Кашгарцы, занятые осадной работой, вернулись в свой лагерь. По приказу хана, кокандские и андижанские войска обрушились на китайскую крепость и со всех сторон окружили ее. Был сделан подкоп под крепостную стену, куда подложили порох и взорвали ее... В этот момент все отважные воины стремительно бросились в крепость. Но китайцы камнями и песком сумели заполнить разрушенную часть крепостной стены и стали отчаянно сражаться. Со стен крепости (с. 30) открыли огонь из пушек. И исламские войска обстреливали их из своих пушек. Неверные и мусульмане вступили в рукопашную схватку, смешались друг с другом, произведя настоящее побоище. Исламские воины, приставив лестницы с разных сторон, стали взбираться на крепостную

стену, но трижды были отброшены. Китайцы обстреливали их со всех сторон и оказали упорное сопротивление. На четвертый день осады хан-воитель увидел бесчисленные трупы убитых и раненых, которые заполнили путь к крепостной стене. При виде этого зрелища у хана появилось сострадание в душе и он вынужден был прекратить осаду и дать отдых войскам. Всех убитых и раненых вынесли с поля боя и привезли в лагерь. Убитых воинов похоронили на кладбище его святейшества Афака-ходжи. После недельного отдыха хан, благословив Джахангир-ходжа тюру, со своим войском покинул Кашгар и отправился к своей столице Коканд[6]. Спустя месяц после отбытия [хана в Коканд] китайская крепость была взята Джахангиром. Джахангир-хан тюра известил хана о своей победе [над китайцами] через своих доверенных лиц... [С падением Кашгара] города Йанги-хисар, Йаркенд и Маралбаши тоже подчинились Джахангир-хан тюре. Однако Хотан все еще находился на осадном положении. Войска Джахангира подошли к Аксу и остановились в двух фарсахах от города. Передовые части войска уже форсировали речку и, полагая, что на следующий день они завладеют городом, расположились на отдых. Но к этому времени китайцы успели сосредоточить в Аксу большое число своих войск и в первый день выступления этих войск из Аксу войска Джахангира рассеялись. Преследуя их по пятам, китайские войска вновь заняли Кашгар, Йаркенд и Йанги-хисар[7]. Некоторые полагают, что число китайских войск было до двадцати туманов[8], а по словам других — до десяти туманов. В то время на китайском престоле сидел Даван-хан[9], у которого не было врагов и он достиг апогея своего могущества...

(с. 31). Главнокомандующего китайскими войсками звали Айцзянь-цзюнь[10]. Его сопровождал в Кашгар Озак-бек (Исхак-бек), второй сын Усман бейса-бека, уроженца Кучара. Он, преследуя Джахангира, дошел до Алая. Тогда ходжа сказал ему: «О, Озак, чтобы твое усилие не было напрасным, свяжи мне руки и веди к китайскому начальству». Озак со слезами на глазах принял решение и сказал: «Я не осмелюсь [на такое], но ходжа, вынув из кармана свой платок, сам связал себе руки и сказал ему: «Теперь держи за кончик платка и веди меня [куда следует]». Тогда он, подчиняясь воле его святейшества, повел ходжу к китайскому начальству. Тот объявил по всей стране, о поимке Озак-беком врага великого хана и представлении его императору для вознаграждения. Озак-беку пришлось ехать в Пекин, сопровождая своего пленника, [и представиться императору]. Говорят, что Джахангир был подвергнут допросу, после чего был казнен[11]. Другие утверждают, что [китайский] хан его [вовсе] не видел. Он был посажен в подземелье и там скончался собственной смертью .Озак-бек был возведен в звание цзюньвана (князя второго класса), а его супруга — в звание фуцинвана с ежегодным денежным пособием в размере 24 ямб серебром ему, а жене — 12 ямб серебром. Кроме того, ему было пожаловано в суюргал

несколько селений вместе с [сидящими на них] крестьянами. После смерти Озака его сын Ахмад [был] возведен в звание вана. (С. 32) Затем это звание стал носить [его потомок] Хамид-ван, а теперь — Махмуд-ван и пользуется всеми привилегиями. Поскольку это звание является наследственным, им пользуется все его потомство. В то время когда Озак-ван-бек был хаким-беком в Кашгаре, его сын Ахмад-бек был хаким-беком в Аксу.

[После подавления восстания Джахангира] китайские войска учинили суд и расправу над теми, кто принимал участие в восстании и оказывал услугу ходжам. Разыскав, где бы они ни укрывались, их казнили, имущество же их, как движимое, так и недвижимое, конфисковали и объявили государственной собственностью, а жен и малолетних детей и слуг [казненных], коих насчитывалось свыше десяти тысяч человек, выслали в Или и в китайскую провинцию Ланьчжоу и продали там китайцам в рабство. Когда весть об этом ужасном случае дошла до слуха Мухаммад ʿАли-хана, он сказал: «Мы оказались виновниками их несчастья» и велел снарядить посольство к китайскому хакану с богатыми дарами, и поставив во главе этого посольства Алимбая-паша мингбаши, отправил в Пекин с посланием, состоящим из нескольких пунктов. Один из пунктов гласил: «Те, кто поднял руку против великого хакана, все истреблены и получили заслуженную кару, но их малолетние дети и вдовы не повинны. Мы просим великого хакана пощадить их». Во-вторых, просим предоставления нам права назначить своего аксакала над андижанцами, проживающими в шести городах [Восточного Туркестана], чтобы он следил за их деятельностью; если среди них окажутся смутьяны, схватил и направил бы их нам для наказания, и таким способом мы могли бы предотвратить беспорядки и пресечь действия, вызывающие недовольство его ханского величества...

Упомянутое посольство было встречено в Пекине благосклонно[12]. Китайский император, ознакомившись с содержанием ханского послания [Мухаммад ʿАли-]хана, проявил милосердие и обнародовал указ о всеобщем помиловании и возвращении на родину всех пленных и сосланных, вне зависимости от пола и возраста. Все пленные, подлежащие возвращению на родину, где бы они ни находились, согласно императорскому указу были обеспечены на всем пути следования средствами перевозки и провиантом. Между тем, с истечением четырех лет после подавления восстания многие из них уже успели нажить себе детей от китайцев. И когда им разрешили вернуться с детьми на родину, они от радости сочинили песню «Назигум, вай-вай назигум!» и хором пели на всем пути следования. Когда эти несчастные проходили с песнями по дорогам, люди, услышав издалека эти песни, выходили взглянуть на них и слезы невольно лились у них из глаз. Эта песня до сих пор хранится в памяти народа.

И еще. Был обнародован указ о предоставлении права кокандскому хану назначать своего аксакала над андижанцами, прожи-

вающими в шести городах [Восточного Туркестана] и этот порядок тоже с тех пор существует. В конце концов Мухаммад ʿАли-хан простился с этим бренным миром[14] [и] кокандский престол достался Худайар-хану[15]. Спустя некоторое время люди хана и народ отвернулись от своего государя — Худайар-хана и возвели на престол его старшего брата Малла-хана[16]. Худайар-хан бежал в Бухару. Мулла Алимкул[17], поддавшись интригам киргизов, казнил Малла-хана. Он (Алимкул) правил Кокандом четыре года. В конце концов, по совету ташкентского правителя Канаат-шаха таджика[18], [Мулла Алимкул] отозвал Худайар-хана из Бухары и вновь посадил на кокандский престол. Но Киргиз Алимкул, сколотив вокруг себя нескольких единомышленников, выступил с притязаниями на ханскую власть и стал бить в барабан. Ферганский вилайет день ото дня разорялся и приходил в упадок. Когда наступил 1278/1861—62 год, Худайар-хан во второй раз воссел на ханский престол[19].

Со времен Джахангир-хана до настоящего времени Кашгар и весь Йэттишаар находились под властью китайских правителей. Но в настоящее время Вали-хан тюра выступил [из Коканда], осадил Кашгар и подчинил себе его окрестные селения[20]. Он до единого истребил всех китайских чиновников — угнетателей народа, не исключая и местных (с. 34) чиновников и, отрубив им головы, возвел из них шесть пирамид. Говорят, что высота этой пирамиды достигала десяти гязов. Затем пришли многочисленные войска, состоящие из китайцев и калмаков, и разобрали эту пирамиду. [В столкновениях] пролилась кровь множества людей. Затем, спустя некоторое время, пришли в Кашгар Катта-хан тюра[21] и Кичик-хан тюра[22] и осадили китайский город (Гулбаг). Осада продолжалась три месяца, но не смогли взять город, не достигнув цели, ходжи удалились к себе на родину[23].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бартольд В. В. Рецензия на «Тарих-и Эминие». С. 214. Однако, с мнением В. В. Бартольда не согласен В. П. Юдин (МИКХ. С. 478).

[2] Юсуф-бек Мухлисов. Каталог рукописей уйгурской классической литературы. С. 45.

[3] Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей. Т. I. С. 151—152.

[4] Бартольд В. В. Рецензия на «Тарих-и Эминие». С. 213—219; Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. С. 87—89; Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. С. 155—172; Его же. Уйгурские исторические рукописи конца XIX—начала XX вв. С. 146—147; Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей. С. 43; ПТР. I. С. 151—152; Джалилов О. Муса Сайрами. Ташкент, 1968 (на узб. яз.).

[5] По Ч. Ч. Валиханову, Мухаммад ʿАли-хан пришел в Кашгар с 15-тысячным войском (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 142). По сведениям же автора «Таварих Хамса-и шарки» (с. 33) — с 30-тысячным войском, а по китайским известиям (Шэнъу цзи, цз. 4, Л. 41) — с 10-тысячным войском. Последняя цифра близка к действительности.

[6] Согласно автору «Мунтахаб ат-таварих» (л. 318а), кокандский хан в Кашгаре пробыл всего лишь 12 дней, что совпадает с данными Ч. Ч. Валиханова.

[7] По данным китайского источника, китайцы выступили из Аксу 19 февраля 1827 г. 10 марта достигли города Шаббудур (Шаптул?), лежащего среди болот и озер. Здесь повстанцы пытались приостановить движение противника. 12 марта китайцам оказали жестокое сопротивление повстанцы в Абате, но были разбиты и обратились в бегство. Преследуя повстанцев, китайцы дошли до реки Яндама, что в 40 верстах от Кашгара. На другой день китайская армия дошла до северного берега Кизил и расположилась лагерем в 5 верстах от Кашгара, а 15 марта ворвалась в город и заняла Кашгар. 19 марта был занят Йанги-хисар (Вэй Юань. Шэнъу цзи, цз. 4, л. 38а—39а).

[8] Туман — около 10 тыс. Согласно Ч. Валиханову, численность китайских войск, выступивших из Аксу, достигала 70 тыс. человек (Собр. соч. Т. 3. С. 144), а по китайским данным — 35—40 тыс. (Шэнъу цзи, цз. 4, л. 41).

[9] Даван-хан — местная передача имени цинского императора Суань цзуна (Дао гуана), правившего в 1821—1851 гг.

[10] Ай-цзян-цзюнь — местная передача имени илийского наместника Чанлина, который был назначен главнокомандующим армией, действовавшей против ходжи Джахангира.

[11] Сведения эти подтверждаются китайским источником «Шэнъу цзи» (л. 50).

[12] Йаркендский караван-баши Мухаммад Имин по поводу кокандского посольства, направленного в Пекин рассказывает следующее: «После бегства Джахангира из Кашгара, китайские власти потребовали от кокандского хана Мухаммада ʿАли выдачи Джахангира и бежавших с ним кашгарцев; Мухаммад ʿАли-хан отказался выдать ходжу, но заявил, что если будут удовлетворены его требования о назначении аксакалом в города Восточного Туркестана и будет уступлен в пользу кокандцев сбор пошлин с товаров, привозимых в Йаркенд из Тибета, то он со своей стороны, будет смотреть сквозь пальцы, в том случае, если китайские власти сами захватят ходжу и в пределах Кокандского ханства и, кроме того, обязуется выдать китайцам, бежавших к нему из Кашгара их подданных. Это заявление хана вызвало положительный отклик у китайских властей. Вследствие этого, Мухаммад ʿАли-хан отправил в Пекин Алим-пашу, а вместе с тем выдал Хан-амбаню (так называли мусульмане китайского правителя Восточного Туркестана) и значительную часть бежавших в Коканд кашгарцев, получив при этом обещание, что они не будут подвергнуты преследованиям. Видя его готовность к мирному урегулированию вопроса и рассчитывая на обещанный нейтралитет по отношению к Джахангиру, китайцы захватили его в ауле киргиза Тайлака, у которого проживал он и на дочери которого женился в это время, привезли в Кашгар и оттуда переправили в Пекин под усиленным конвоем. Посольство кокандского хана прибыло туда тогда же, когда там уже знали и о захвате Джахангира-ходжи и о выдаче кашгарцев. Посольство было принято благосклонно, и Мухаммад ʿАли-хан получил дозволение на назначение в города Восточного Туркестана аксакалов по своему усмотрению, но в взимании пошлины с привозимых в Йаркенд тибетских товаров ему было категорически отказано. Вместе с тем, чтобы замаскировать уступку, сделанную кокандцам, в Пекине было решено допустить в Йаркенд и аксакала бадахшанского правителя. Торговцы же из Тибета были освобождены от уплаты всяких таможенных сборов и оставлены, как и прежде, у собственного аксакала из Амритсара (Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. С. 458—459).

[13] Восстание Джахангира было окончательно подавлено в марте 1827 г. Если учесть, что спустя четыре года после подавления восстания Китай, согласно подписанному в Пекине договору, вернул пленных мусульман, то договор был подписан не в 1831 г., как установлено в исторической литературе, а в январе 1832 г.

[14] Мухаммад ʿАли-хан был убит в 1842 г. завоевавшим Коканд бухарским эмиром Насруллой.

[15] Еще до Худайара Кокандом правил его отец Ширали-хан (1842—1845),

который с помощью киргиз-кипчаков выгнал из Коканда бухарцев и восстановил независимость страны. После Ширали кокандский престол унаследовал Худайар-хан, который правил страной с перерывами в 1845—1857, 1862—1863, 1866—1876 гг.

[16] Малла-хан — кокандский хан (1857—1862), старший (сводный) брат Худайара; был возведен на престол недовольной Худайар-ханом кипчако-киргизской знатью. Был убит в 1862 г. в результате внутренних раздоров. На ханский престол был посажен его племянник Шах Мурад.

[17] Мулла Алимкул — один из предводителей подвластных Коканду южных киргизов. Со своими киргизами он принимал активное участие в дворцовом перевороте в Коканде и обеспечил приход к власти Малла-бека, затем его сына Султан Саида. За эти заслуги Алимкул фактически занимал пост верховного везира. Был убит в 1865 г. в сражении с русскими под Ташкентом.

[18] Канаат-шах таджик — правитель Туркестана при Малла-хане (1857—1862), а при Худайар-хане стал правителем Ташкента. Благодаря ему Худайару удалось прийти к власти в третий раз, за что он (Канаат-шах) был возведен в звание аталыка; убит в 1863 г. бухарским эмиром Музаффаром. (Таварих Хамса-и шарки. С. 40—41, 45—46).

[19] Здесь ошибка. Это уже третье правление Худайар-хана.

[20] Речь идет о восстании Валихана тюры 1857 г. По свидетельству Ч. Ч. Валиханова, посетившего Кашгар накануне подавления этого восстания, повстанцы заняли тогда Кашгар и Янги-хисар; спустя три месяца, с приближением китайских войск, Валихан тюра бежал в Коканд. Восстание было подавлено китайцами. (Подробнее об этом см.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 12—13).

[21] Катта-хан тюра (Ишан-хан тюра) был руководителем борьбы народов Восточного Туркестана за свою независимость; возглавил движение 1847 года, получившее название «бунта семи ходжей». В 1865 г. Катта-хан тюра со своими братьями пришел в Кашгар и присоединился к Бузрук-хану и Йа'куб-беку. Последний, опасаясь его влияния среди местного населения, тайно убил его, подмешав яд в еду. Похоронен в Кашгаре (Тарих-и эменийа. С. 24).

[22] Кичик-хан тюра — младший брат Катта-хана тюры; принимал активное участие во всех движениях, происходивших в XIX в. в Кашгаре. Был достойным соперником Йа'куб-бека, который, опасаясь отравил его. Похоронен в Аксу (Тарих-и эминийа, с. 117—118, 241).

[23] Описываемые события приключились до восстания Валихана тюры. В этом восстании принимали участие и киргизы. Повстанцам удалось занять Кашгар и провозгласить его независимость во главе с ходжой Катта-ханом, но продержались они у власти всего лишь семьдесят дней. С приходом китайских войск из Или ходжи бежали в Коканд и в Кашгаре вновь была восстановлена китайская власть.

КУРБАН 'АЛИ АЙАГУЗИ

ТАВАРИХ ХАМСА-И ШАРКИ

О Курбане ибн Халиде Айагузи известно то, что он сообщал о себе в своем сочинении. По этим данным, вначале жил в Айагузе, на территории нынешней Алма-Атинской области Казахской ССР, затем переселился в Синьцзян и обосновался в Чугучаке. Отец его, Халид занимался торговлей скотом в казахской степи. Когда казахи начали переходить в русское подданство, он переселился в Ташкент, где жил 7—8 лет. Во время мятежа таш-

кентского правителя Мухаммад Шарифа аталыка против Шир-али-хана (1842—1845) татарские купцы Ташкента, в том числе и Халид-баба, отец историка, бежали в казахскую степь и обосновались в Айагузе. Курбан ʿАли начальное образование получил в Айагузе, затем учился в Семипалатинске в медресе. В 1291/1874 г. он со своей семьей и родителями переселился в Синьцзян и жил в Чугучаке, стал имамом местной мечети, затем казием города.

В 1314/1897 г. Курбан ʿАли совершил длительное (до 1316/1899 г.) путешествие по странам Европы и Азии; побывал во многих городах. Умер он в Чугучаке 1 марта 1912 г.

Курбан ʿАли был одним из образованнейших людей своего времени. Кроме «Таварих хамса-и шарки», его перу принадлежит «Тарих джарида-йи джадида», историко-географическое сочинение, составленное в 1304/1886—87 г. на основе материалов, которые автор собрал во время путешествия по городам Восточного Туркестана[1].

«Таварих хамса-и шарки» — главный труд ученого, по словам самого автора, был написан в течение 21 года; закончен в шаʿбане 1328/августе 1910 г. в Казани.

Сочинение состоит из 12 глав. В первой повествуется о ферганских правителях, начиная с династии Минг до падения ее; во второй — о ханах Алтышаара (Кашгарии), начиная с Афак-ходжи, кончая падением государства Якуб-бека (1878 г.). В третьей главе рассказывается о казахских ханах, в четвертой — о калмаках Джунгарии, в пятой излагаются события уйгуро-дунганского восстания 1864 г. в Синьцзяне. Шестая глава повествует о наступательном движении русских войск в сторону Казахстана и Средней Азии; седьмая — о различных календарях, употребляемых у кочевых и оседлых народов. Восьмая глава содержит материал о путешествии автора по странам Европы и Азии; девятая — о монголо-татарах, начиная с Чингиз-хана, кончая падением этой династии. В десятой главе говорится о Японии; в одиннадцатой — о правителях Цинской династии. В последней главе приведен текст в татарском переводе петербургского трактата, заключенного между Китаем и Россией в 1881 г.

Источниками «Таварих хамса-и шарки» служили, главным образом, рассказы Халид-бабы, жившего долгое время среди кочевых народов, современников и участников событий, а также личные наблюдения автора. Этим объясняются путаница и неточности в именах и датах. Несмотря на это, труд Курбана ʿАли «Таварих хамса-и шарки» является важным источником по истории Средней Азии и Восточного Туркестана XIX в. и содержит много ценных, оригинальных сведений.

Приводимые ниже извлечения выполнены по казанскому изданию 1910 г.

Об авторе и его сочинении читатель может найти дополнительные сведения в журнале «Шора» от 1911, 1913, 1915 гг.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАВАРИХ ХАМСА-И ШАРКИ»

Начало смуты ходжей

После бегства из Кашгара вышеуказанных двух ходжей[2], китайцы, захватив их жен и детей, выслали[3] в Пекин. (с. 90) Рассказывают, что ныне отпрыск [этих] ходжей получает пособие от китайского хана и живет беззаботно, и временами приезжают их потомки в Алтышаар, [чтобы исполнить обряды поклонения мазару своих предков][4]. В то смутное время один из учеников его святейшества Афака-ходжи увез с собой тайно в Бухару малолетнего сына ходжи Ахмада по имени Сарымсак[5]. В Бухаре ходжа достиг совершеннолетия и имел трех сыновей: Йусуфа-ходжу, Баха ад-Дина-ходжу и Джахангир-ходжу. Сей Джахангир-ходжа при правлении Умар-хана переселился в Коканд. [Тогда] до китайцев дошел слух о том, что некий Джахангир-ходжа, внук Ахмад-ходжи, переселился из Бухары в Коканд с целью быть поближе к Кашгару и завладеть им. На самом деле [об этом он тогда и не думал], жил в бедности и без всяких пособий. Но и среди кашгарского населения бытовал слух о том, что вот-вот появится ходжа и избавит их от гнета Китая. Убежденный в преданности жителей [Кашгара] ходжам, некий ходжа Зийа ад-Дин, живший у гробницы ходжа Афака, выступил против существующего режима, был поддержан местным населением и начал истреблять китайцев[6]. Через некоторое время китайские войска, находившиеся в крепости Гулбаг, неожиданно напали на Зийа ад-Дина, схватили и казнили его, а его люди были наголову разбиты. Это было первое выступление [ходжей] после завоевания Кашгара Китаем. Событие это произошло в 1230/1814—15 г.

По прошествии двух-трех лет после этого начался мятеж Тилла киргиза[7], который, сколотив отряд из кочевников окрестных местностей, вторгся в Кашгар и осадил крепость Гулбаг, куда заперлись китайцы, но не смог ее взять. [Тогда] он пошел на Йанги-хисар и осадил его, но взять его не смог, после этого пошел на Йаркенд, попытался завладеть городом, но безуспешно. В конце концов Тилла киргиз попал в плен и погиб от рук китайцев.

После этих событий китайцы стали опасаться волнений местного населения, наущаемого всякими проходимцами и негодяями. Если же сюда придут настоящие ходжи благородного происхождения, подобно Джахангиру, то можно ожидать, что народ безусловно окажется под его знаменем и может отделиться [от Китая]. Рассуждая так, китайцы снарядили в Коканд посольство и вступили в переговоры [с кокандским ханом] об установлении надзора над ходжами, [проживающими в его владении] и воспрепятствовании их бегству в Кашгар. (с. 91) Взамен этого китайцы обещали кокандскому хану ежегодную дань в виде определенного количества ямб, а кокандский хан, со своей стороны взял на себя обязательство не допускать бегства ходжей [в сторону Кашгара].

На основе соглашения [они] договорились не оглашать условия договора и держать [его] в секрете. Хан сдержал данное Китаю слово и держал ходжей [как бы] под домашним арестом. Китай также, согласно договору, без задержки выплачивал ежегодную дань, обещанную хану. Говорят, что этот договор был заключен в начале правления Мухаммада ʿАли-хана, а некоторые утверждают, что он был заключен [еще] в последние годы правления Умар-хана[8].

Восстание ходжи Джахангира, сына Сарымсака-ходжи, сына Ахмада-ходжи[9], сына хазрата Афака-ходжи

У кокандского хана был великий полководец по имени Исабек дадха. Хан из-за какого-то проступка рассердился на него и лишил его занимаемой должности. Искушенный человек, Исабек хорошо знал, что китайцы опасаются ходжей и взоры мусульман [Кашгара] устремлены на ходжей, [поэтому] стал чаще посещать ходжу Джахангира и призывал ходжу идти на Кашгар, возбуждая у него стремление к власти. Оба (ходжа Джахангир и Иса-бек) в сопровождении шести слуг и проводника [киргиза] вышли из Коканда и [вскоре] появились под стеной Артыша. Китайцы, получив об этом известие, выступили с войском из Кашгара и окружили ходжу, но тысячи жителей окрестных селений [как-то] Калта-йайлака, услышав о прибытии ходжи, устремились к нему на помощь. Среди них было много охотников, [естественно] имевших ружья. Они ночью вывели ходжу [из окружения] и привели в Казанкуль, что в окрестностях Файзабада. Отсюда во все стороны [вилайета] Кашгар были посланы гонцы с известием о прибытии ходжи. Все ханские родичи и другие добровольцы, узнав об этом, со всех сторон Кызилбуя, Тазгуна и других селений, поспешили к нему на помощь. Были направлены люди в Маралбаши к Садат-беку с призывом к священной войне. В письме к Саадат-беку говорилось: «...дело обстоит таким образом, что вам следует уничтожать размещенных у вас китайцев и преградить дорогу идущим из Аксу в Кашгар, а с этой стороны мы покончим с Кашгаром. Аллах нам поможет».

С получением этого письма [жители] Маралбаши (с. 92) взбунтовались и истребив китайцев, расквартированных в так называемых тринадцати уртэнгах (заставах) и пяти аймаках, все как один перешли на сторону ходжи и ждали его приказаний. Ходжа с многочисленным войском выступил из Казанкуля и вошел в город Кашгар. Толпа, напала и убила саййида Мухаммадвана, сторонника китайцев. Он приходился четвертым внуком упомянутому выше Имин-вану[10]. Все китайцы заперлись в крепости Гулбаг. Большая часть жителей Кашгара подчинилась ходже и его власть распространилась вплоть до Аксу. Это событие приключилось в 1245/1829—30 г., а по другим данным — в 1243/1827—28 г. Но по утверждению мударриса аълам Ахуна... Джа-

хангир-ходжа вступил на кашгарский престол в 1239/1823—24 г., а в 1240/1824—25 г. был схвачен и свергнут. По его словам, Джахангир-ходжа был схвачен через два-три месяца после бегства из Кашгара в горы...

Прибытие Мухаммад ʿАли-хана в Кашгар

После вступления ходжи Джахангира на кашгарский престол, в Кашгар пришел кокандский хан Мухаммад ʿАли. Цель его прибытия [в Кашгар] заключалась в следующем: безоружный и без [необходимого] снаряжения, нагай-ходжа голыми руками натворил в Кашгаре многое, но Гулбаг все еще не покорился [ему], там хранились вся казна и сокровища — золото, серебро и оружие, собранные китайцами в течение семидесяти—восьмидесяти лет. Располагая большим войском, лучше было бы самим завладеть этой казной, чем отдать ее кашгарцам. Размышляя так, а для видимости (с. 93) под предлогом поздравления ходжи [с победой], он прибыл в Кашгар с 30 тысячью отборных войск[11] и сразу же приступил к осаде Гулбага. Кокандцы снаружи, а китайцы изнутри [крепости] обстреливали друг друга и это продолжалось несколько дней. [Кокандцы] понесли большие потери в людях, но не смогли взять крепость. Тем временем, между ходжой и ханом произошли раздоры, и хан, сняв осаду, собрался было возвратиться в Коканд. Тогда кашгарцы заявили: «Мы подданные [ваши], немощные, без оружия и без снаряжения совершаем столько дел, помогая ходжам, хан же пришел сюда с большим войском, знаменами и с полным вооружением и, не совершив ни одного [доброго] дела, собирается удалиться отсюда. Ежели он уходит к себе, не взяв для нас Гулбаг, то он будет нашим врагом и мы объявим ему газават». После этого хана охватил страх; он не знал, что делать и не осмелился сразу же покинуть Кашгар. Хан вызвал к себе Иса-бека дадху, соратника Джахангира, и сказал ему: «Выведи нас отсюда невредимыми, проводи нас отсюда, за [эту] услугу я обещаю пожаловать тебе хакимбекство Маргинана». Получив обещание хана, Иса-бек дадха отправился к ходже и обратился к нему со словами: «О, ходжа! Будет хорошо, если мы сумеем удержать власть в своих руках, не дай бог, если мы ее потеряем, последним убежищем нашим будет все-таки Коканд, а оплотом нашим — этот хан». Совет пришелся по душе ходже, он запретил своему народу чинить хану препятствия и проводил его в Коканд с почетом и уважением. Мухаммад ʿАли-хан не смог взять Гулбаг, тем не менее вернулся [в Коканд] с [почетным] титулом газий, которого ни один из его предков в прошлом не носил...

(с. 94) Спустя некоторое время после ухода Мухаммада ʿАли-хана [Джахангир-ходжа] с большим усилием взял крепость Гулбаг. Большинство из оставшихся в живых китайцев приняли ислам и получили свободу, а отказавшиеся были обращены в раб-

ство. Через некоторое время после взятия Гулбага Иса-бек дадха уехал в Коканд[12]. Хан, сдержав свое слово, назначил его хакимбеком в Маргинан.

Пленение ходжи Джахангира и отправление его в Пекин

После ухода Иса-бека дадха [из Кашгара] каждый из ходжей начал борьбу за власть и совершенно не заботился о своих подданных, [более того], народ терпел от них притеснения. Джахангир-ходжа не обратил на это внимания и допустил ошибку и в деле правления страной, был увлечен увеселениями и проявил беспечность во всем. Такое поведение ходжи стало известно китайцам в Аксу и, сочтя момент благоприятным, выступили с войском и через определенное время подошли к стенам Маралбаши. [Далее], не встречая на своем пути сопротивления, они направились в сторону Кашгара и остановились в селении Йангиабад, расположенном в однодневном пути от Кашгара[13]. Ходжи, узнав о приближении китайцев, выступили с войском навстречу и дали бой, который, однако, закончился поражением ходжей. Повстанцы обратились в бегство. Китайцы, преследуя их неотступно, пришли в местечко Адж'ак. Здесь мусульмане предприняли еще одну попытку остановить продвижение неприятеля. Но это им не удалось и они обратились в бегство. В конце концов китайцы ворвались в Кашгар. Ходжа Джахангир бежал в горы. За ним погнался некий купец по имени Исхак со своими людьми и, догнав его в горах Артыша, схватил и выдал китайцам[14]. Китайцы с почетом отправили своего пленника в Пекин, где он был казнен. Его правление длилось всего лишь девять месяцев и десять дней... За услугу в поимке ходжи Джахангира Исхак-бек был награжден титулом «цзюнь-ван» и назначен хакимбеком в Кашгар.

Восстание ходжи Джахангира — одно из крупных событий в Кашгаре и стало памятным событием для его населения...

(с. 95) *Восстание Йусуфа-ходжи*

После упомянутого выше события китайцы, недовольные кокандским ханом, говорили, что хан проявил вероломство — он не только отпустил ходжу, но сам пришел в Кашгар и воевал с ними. [Поэтому] порвали прежнее соглашение с Кокандом и прекратили оплачивать хану дань. (с. 96) Этот акт Китая сильно затронул Мухаммада 'Али-хана, который [в ответ] решил отпустить одного из ходжей в Кашгар и с этой целью отправил в Бухару кашгарца бакалейщика Хасан-ахуна за Йусуф-ходжой, старшим братом Джахангира-ходжи. Хасан-ахун тайком прибыл в Бухару и увел оттуда Йусуфа-ходжу и привел в Коканд. Хан, передав в распоряжение ходжи своих лучших полководцев, подобных Иса-беку дадхи, Мухаммад Шарифу кошбеги, Батиру дадхи и Беклар-беги[15] и, поставив их во главе разнородного войска и под-

чинив всех Хаккули мингбаши, назначенного главнокомандующим ферганским войском, с большим торжеством отправил Йусуфа-ходжу в Кашгар. Число кокандских войск насчитывало 20 тыс. человек. Событие это произошло в третий год после восстания ходжи Джахангира[16].

Когда это многочисленное войско достигло урочища Мингйул, там же оказались и китайцы, выступившие навстречу кокандцам, и завязали бой, но, потерпев поражение, бежали в горы, а мусульмане, пришедшие на подмогу китайцам, возвратились в Кашгар. Кокандское войско гналось за ними и достигло местности Сармен[17], откуда направили в город людей, чтобы уговорить жителей города перебить китайцев и впустить кокандское войско в город. Мусульмане не откликнулись на призыв ходжи [Йусуфа] и не взбунтовались, [поэтому] кокандцы стали опасаться, поскольку, во-первых, в сражении в Мингйуле в рядах китайцев оказались мусульмане, и, во-вторых, кашгарцы отказались исполнить волю ходжи и вернули его гонцов без ответа.

Поскольку в самом городе не восстали, кокандцы не осмелились войти в него, ибо в этом случае могла бы пролиться кровь мусульман с обеих сторон, чего кокандцы не хотели. По этой причине Хаккули-бек предложил вернуться в Коканд. Все беки, за исключением Беклар-беги, поддержали его предложение. Правда, хотя Беклар-беги не возражал открыто Хаккули-беку, но прислушивался к мнению других и при беседе с ними говорил: «Если такое многочисленное войско не взяв хотя бы одного [кашгарского] города, возвратится назад, то это будет позором для всех». [Поэтому] ночью он послал в город Мухаммад Ахуна и Хаки-бека с отрядом из тридцати человек. Они проникли в город и с наступлением утра начали бить в барабаны, бегая по улицам с кличем: «Да здравствует эпоха Йусуфа-ходжи». (с. 97) Жители города проснулись от этой суматохи и пришли в волнение. Китайцы же укрылись в крепости. Все мусульмане от мала до велика вышли навстречу Йусуфу-ходже и с радостными возгласами ввели его в город. Ходжа остановился в Урде, а войска пошли на осаду Гулбага. Исках-ван (правитель Кашгара), который за услуги в задержании Джахангира был возведен на пост хаким-бека Кашгара, заперся в крепости вместе с китайцами. Его сын Ахмад-бек[19] находился в Аксу и занимал должность казначея. Они, отец и сын, были сторонниками Китая. Сей Ахмад-бек написал письмо мусульманам Маралбаши такого содержания: «Привет и мир вам всем, малым и великим, знатным и простолюдинам. После привета суть дела состоит в том, что в Аксу пришло стотысячное китайское войско. В настоящее время оно направляется в Кашгар и жаль мне вас, о мусульмане, братья по вере! О, соотечественники! Схватите Хаким-бека и Пулад-бека, если упустите их из рук, то не упрекайте нас на том свете — китайцы истребят вас поголовно. Сообщая вам об этом, мы исполнили свой долг истинных мусульман, остальное же зависит от вас». Еще одно письмо

было адресовано духовенству и вельможным людям Кашгара, в котором говорилось: «После поклона и приветствия, да будет вам известно, что из Пекина в Аксу прибыло многочисленное войско; войска продолжают прибывать. Мы, ваши соотечественники и братья по вере, [поэтому] схватите и не упустите из рук Иса дадху, из числа андижанцев, а из кашгарцев Тока-бека и других военачальников. Ежели упустите их из рук, то не упрекайте нас на том свете — китайцы сожгут ваши трупы. Все». Это известие сообщил [нам] Мухаммад-бек, сын Саадат-бека долани[20]. Он рассказал: «Мы — из тех, кто задержал лазутчика с [вышеизложенным] письмом. Тогда мне было около двадцати лет; мы вчетвером шли по окрестности селения Маралбаши и по дороге встретили подозрительного всадника, [с виду] едущего издалека. Мы спросили, откуда он едет. Он ответил, что едет из Кашгара (с. 98) к знакомым. Мы не поверили ему, заподозрив в нем лазутчика, вынудили его последовать за нами, привели в Кашгар и сдали Хаккули-беку. Он допрашивал его, но тот не сознался; тогда его подвергли пытке, и он тотчас же признался и вынул из тайника два вышеизложенных письма. Хаккули-бек, прочитав письмо, не сдержал гнева и тут же разрубил лазутчика. Все войска в течение одного дня покинули Кашгар и отправились в Коканд. На следующий день Йусуф-ходжа, [сочтя невозможным удержаться одному,] тоже последовал за кокандским войском и направился в Коканд. Через три дня после ухода кокандцев сидевшие в Гулбаге китайцы вышли из крепости и заняли город, из Аксу же никто не пришел...[21] Таким образом, казначей хитростью сумел прогнать из Кашгара столько войска, принеся [при этом] в жертву лишь одного человека и устранив его кровью все, что ему препятствовало.

Правление Йусуфа-ходжи длилось лишь три месяца. Он умер в Коканде[22], там же похоронен. Последствием этого события явилось назначение кокандским ханом в Кашгар своего аксакала, о котором будет сказано ниже.

(с. 100) Назначение [кокандского] аксакала в Кашгар

Выше было упомянуто о назначении кокандским ханом аксакалов в Кашгар после восстания Йусуфа-ходжи. Аксакалы управляли вплоть до уйгуро-дунганского[23] восстания. [История сего вопроса] вкратце такова:

[В конце концов] китайцы поняли, что пока не будут установлены добрососедские отношения с Кокандом, они не добьются спокойствия в своем [западном] владении и поэтому послали в Коканд посольство[24]. Хан подписал соглашение на условиях, что ходжам не будет позволено выезжать за пределы кокандских владений и взамен он будет иметь в Кашгаре своего аксакала, которому должно подчиняться все купечество, ведущее торговлю с городами, куда простиралась власть ходжи Джахангира. Всеми сборами, взимаемыми с купечества, будет пользоваться один ко-

кандский хан. Согласно этому договору, в 1250/1834—35 году, т. е. в середине правления Мухаммада ʿАли-хана, первый раз в качестве аксакала в Кашгар приехал некий ʿАбд ал-Гафур. Некоторые, искажая называют его ʿАбд ал-Каххаром или ʿАбд ар-Расулом[25]. После него аксакалом стал Нигматджан[26]. Так называемая смута семи ходжей произошла при нем. Его заменил Байхан[27], а Байхана — Шукур-хан[28]. Сменщиком последнего стал Саʿид-хан[29], при котором произошло восстание Валихан-тюры. Затем аксакалом [в Кашгар] прибыл Наср ад-Дин дадха[30]. В то время посланный Россией Чокан тюра тайно проник в Кашгар под видом купца и вошел в город по разрешению аксакала. Китайцы не заметили, что это за человек, а если и заметили, то молчали. Об этом сообщил [нам] Джолай, сын Мата-бия[31], ездивший в Кашгар с Чоканом тюрой и впоследствии ставший аксакалом в Чугучаке и несколько лет занимавший эту должность. Это сообщение подтверждает и участник этого путешествия Мухаммад Раззак, сын Пирназар-бия[32] из Маргинана, который [между прочим] рассказывал: «Как раз перед нашим прибытием [в Кашгар] было подавлено восстание Вали-хана тюры. На дорогах между мусульманской и китайской частью города валялись трупы, торчали, как камни, головы [казненных] людей. Вскоре их убрали и закопали. Завершив торговлю и уладив свои дела, мы выехали в обратный путь и как только добрались до окрестности Иссыккуля, киргизские манапы под разными предлогами остановили нас и хотели ограбить, (с. 101) но, боясь могущества России, не осмелились нам причинить какой-либо вред. Получив известие о том, что мы находимся в окружении, из крепости Верный был на выручку направлен отряд. Киргизы, испугавшись, снялись с юрт и скрылись за горой. Мы вступили в дорогу и через два дня встретились с отрядом, высланным из Верного и благополучно прибыли домой. В то время обитавшие около озера Иссыккуль и в его окрестностях киргизы считались подданными Коканда. В Кашгар мы прибыли осенью 1859 г., где находились около шести месяцев и весной шестидесятого года мы выехали в обратный путь».

Как только они выехали из Кашгара, аксакалу был вручен приказ кокандского хана схватить и убить того лазутчика (Чокана тюру), о котором он (аксакал) говорил, что он купец. Аксакал хорошо знал, кто они [на самом деле] и по каким делам прибыли [в Кашгар], но промолчал. По приказу хана была организована погоня за ними. Однако после некоторых трудных переходов, не догнав их, ханские сипаи вернулись обратно в Кашгар. По этой причине хан отозвал Наср ад-Дина и обвинив его в допущении в Кашгар людей из враждебной страны, предал его казни и вместо него отправил в Кашгар аксакалом Нармухаммадададу[33]. Однако его управление продолжалось недолго и он возвратился в Коканд. Бывший аксакал Кашгара Шукур-хан вновь был назначен туда аксакалом. Спустя некоторое время [и] он

возвратился в Коканд, оставив вместо себя [некоего] Хамракула. На второй год после его отъезда началось восстание дунган и уйгуров, в результате которого было свергнуто господство китайцев в Кашгаре и власть перешла в руки мусульман[34]. Этим пришел конец и правлению аксакалов.

Каждый из аксакалов, в особенности Наср ад-Дин дадха, обладал такой властью над Синьцзяном, что [китайские власти] были вынуждены с ним считаться. Как-то китайский хаким-бек побил одного из слуг аксакала за то, что тот не сошел с лошади при встрече с ним. Узнав об этом, аксакал рассердился и послал нарочного к китайскому начальнику сказать, чтобы тот извинился перед ним, «иначе,— говорил он,— я напишу письмо хану, позову сюда ходжу и сделаю им мир тесным». Когда же сия весть дошла до китайского начальства, тот сразу же послал в дар аксакалу двадцать ямб и несколько штук парчовой ткани и просил извинения, а того хаким-бека лишил должности и этим успокоил аксакала. Когда аксакалы в чем-то бывали недовольны китайцами, они отправляли пятнадцать—двадцать человек в горы, убивали двух—трех китайцев, пришедших за дровами в лес, и ложно распространяли слухи о появлении [там] ходжи. При этом известии китайцы всегда обращались к аксакалу с большими дарами, чтобы тот прогнал ходжей. Аксакал, получив от китайцев дары, лошадей и снаряжение, пропадал с неделю в горах, затем, возвратившись в город, объявлял китайцам, что он прогнал ходжей. Таким образом, [аксакалы] более тридцати лет властвовали над Синьцзянем. Аксакал являлся вроде независимым правителем, господствовавшим над всем Кашгаром. Говорят, что кокандская казна ежегодно получала от кашгарского аксакала доход в размере 500 ямб серебром. Один ямб равнялся четырем с половиной фунтам серебра. Во времена [кокандских] аксакалов в Кашгаре произошли два [важнейших] события, одно — так называемая «смута семи ходжей», другое — восстание Вали-хана тюры. Поскольку эти мятежи ходжей были подготовлены стихийно и без ведома хана, обиды китайцев на аксакала не принимались всерьез и хана также не могли обвинить [в нарушении договора], поскольку не было на это основания. Поэтому условия договора относительно аксакальства оставались в силе. Поскольку отсутствует документ о назначении первого аксакала в Кашгар, среди историков существуют разногласия. Некоторые считают, что назначение аксакала в Кашгар началось при правлении Умар-хана, другие — при Мухаммад ʿАли-хане. Как мы уже выяснили, оно началось в период правления Мухаммад ʿАли-хана.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Дмитриева В. А., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей. Вып. 1. С. 151.

[2] Имеются в виду братья ходжа Бурхан ад-Дин и ходжа Джахан (Ханходжа), возглавившие антицинское движение в Восточном Туркестане в 1756—1759 гг.

[3] В тексте: «Ак уйлик килиб», букв.: «сделав белокибитчиком».

[4] То же самое говорит и Ч. Валиханов (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 197).

[5] Ошибка. На самом деле Саримсак-ходжа приходится внуком ходже Ахмаду от его сына ходжи Бурхан ад-Дина.

[6] По данным китайского источника, событие это произошло в сентябре 1815 г. в районе Ташмалик, что в 180 верстах от Кашгара. Цинская администрация через свою агентуру заранее узнала о готовящемся восстании и приняла меры к защите, поэтому восстание не имело успеха и в первые же дни было подавлено («Сиюй шуйдао цзи» «Записки о водных путях Западного края»), [б. м.], 1823. Т. IV. Кн. 13. Гл. 1. С. 851).

[7] По данным китайских источников (Сиюй шуйдао цзи. С. 851) восстание Тилла киргиза произошло еще до восстания Зийа ад-Дина.

[8] Переводчик Филипп Назаров, бывший в Коканде в 1813 г., видел при дворе кокандского хана Умара китайское посольство (Назаров Ф. Записки. С. 42). На этом основании Ч. Валиханов считал, что вышеуказанный договор был заключен при Умар-хане (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 141), а по данным кашгарских источников (Асар ал-футух, л. 9), этот секретный договор был заключен еще Нарбута-бием, затем он был подтвержден Алим-ханом и Умар-ханом. С. В. Кузнецов, основываясь на китайских источниках, считает, что кокандско-китайский договор был подписан его предшественником Алим-ханом (Кузнецов В. В. Экономическая политика цинского правительства. С. 119—120).

[9] Правильнее внука Ахмад-ходжи, сына Йахйа-ходжи, сына Афак-ходжи.

[10] Имин-хан (Имин-ходжа) — турфанский князь, оказавший большую помощь цинским войскам при покорении ими Восточного Туркестана в 1758—1759 гг., за что он получил наследуемый чин цзюньваня (князь II ступени).

[11] По Ч. Ч. Валиханову, численность ханского войска достигала 15 тыс. человек (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 143).

[12] По Ч. Ч. Валиханову, после взятия Кашгара Джахангиром, Иса-бек дадха был возведен в чин мингбаши, но происки кокандского хана привели к раздорам в войске ходжи, ввиду чего Джахангир должен был лишить Иса-бека звания мингбаши и назначить его на место кашгарца. Иса-бек ушел в Коканд и был назначен хакимом в Маргилане. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 143).

[13] По китайским источникам, повстанцы, несмотря на свою плохую вооруженность, все же пытались остановить продвижение цинских войск и неоднократно вступали с ними в стычку (см. Шэнъу цзи, цз. 4, л. 44—48).

[14] Здесь допущена неточность. Джахангир изменнически был схвачен спустя три месяца после бегства из Кашгара (см. Шэнъу цзи, цз. 4, л. 50).

[15] Имеется в виду небезызвестный Лашкар кошбеги, в бытность раб; Ташкентский правитель.

[16] Следовательно, поход Юсуфа-ходжи состоялся в 1830 г.

[17] Сармен — предместье Кашгара, на его северо-западе.

[18] Ахмад-бек — сын Исхак-бека, сына Усман-бейса-бека, уроженец Кучара, правитель Аксу; за услугу, оказанную цинским властям, его дед был удостоен звания вана. В 1266/1849—50 г. он стал правителем Йаркенда, в 1268/1851—52 г. был отстранен от этой должности и отозван в Или, откуда вернулся только в 1270/1853—54 г., а в 1271/1854—55 г. вторично стал хаким-беком в Аксу, в 1272/1855—56 г.— хаким-беком Кашгара, затем — Йаркенда. Впоследствии он лишился своего места и вернулся в Кучар. О нем упоминает в своем сочинении и Муса Сайрами. По его словам, во время уйгуро-дунганского восстания в Кучаре повстанцы предложили ему стать главой движения, но получили отказ; разгневанная толпа умертвила его, а имущество подверглось разграблению (см. Тарих-и Аминийа. С. 46; ср.: Таварих-и манзума, лл. 44а, 61б, 67б).

[19] Долоны принадлежат к ведомству Аксуйского, Йаркендского и Кашгарского округов. Аксуйские, йаркендские долоны занимают течение рек Кашгар-дарьи и Йаркенд-дарьи, имеют несколько больших селений, из которых замечательны Барчук с китайским гарнизоном и Маралбоши. Карашарские долоны

занимают селения Корла и Бугур. Долоны были подданными ходжей, отличаются от других народов Восточного Туркестана акцентом и тем, что женщины обвертывают головы, подобно киргизским и бурутским женщинам, белыми платками. (Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1987. С. 167).

[20] Согласно «Шэнъу цзи», под предводительством самого илийского наместника Юнъань, сына На Янь-чэна, были направлены цинские войска в Кашгар. Они сначала пришли в Аксу, но дальше не пошли и свернули в Учтурфан. По приказу императора Юнъань был заточен, а его отец отстранен от должности (Шэнъу цзи, 4, Л. 52).

[21] Юсуф-ходжа скончался в 1252/1836—37 г. (Таварих-и манзума, л. 46).

[22] Т. е. до 1864 г.

[23] В 1831 г. весной в Коканд приехали цинские послы с предложением заключить мир. Кокандский хан, задержав троих из них, четвертого отправил со своим послом Алим-пашой в Пекин (см.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 147).

[24] По Ч. Ч. Валиханову, первым аксакалом Коканда в Кашгаре был некий купец Алим-паша, подписавший вышеуказанный договор в Пекине, что подтверждает и автор «Тарих-и аминийа». Эти сведения могут быть верными, если исходить из того, что договор был заключен и вступил в силу с января 1832 г., а ʿАбд ал-Гафур, по словам нашего автора, прибыл в Кашгар аксакалом несколько позже — в 1250/1834—35 г. Следовательно, он не был первым аксакалом. Автор «Таварих-и манзума» упоминает аксакала по имени ʿАбд ал-Гафур, который в 1265/1848—49 г. лишился должности и закованным был отослан в Коканд и повешен в 1266/1848—50 г. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 147; см. также Тарих-и эминийа. С. 32; Тарих-и манзума, л. 60б).

[25] Согласно автору «Таварих-и манзума», еще до Нигматджана аксакалом был некий Рози-шум, лишенный должности в 1258/1842—43 г. Вскоре он был восстановлен в должности, однако, на этот раз, его управление продолжалось недолго и в 1259/1843—44 г. был отозван в Коканд. Ч. Валиханов упоминает о Нигматджане (Намед-хане) из числа ташкентских купцов. Нигматджан активно участвовал в восстании семи ходжей (1846—1847); открыл кашгарские ворота ходжам. Впоследствии был возведен в звание мингбаши. После подавления восстания цинскими войсками, Нигматджан был назначен кокандским ханом аксакалом. Все кокандцы, служившие ранее ходжам, жили в Кашгаре спокойно под покровительством аксакала (см.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 148, 149, 150 и др.); Таварих-и манзума, лл. 43а, 46б).

[26] Байхана упоминает и Ч. Валиханов, по словам которого это был чиновник, получивший место аксакала через ошского зякетчи. Приехав в Кашгар, он запретил всем андижанцам сходить с лошади перед местными чиновниками, потому что это было не в обычае кокандцев, а от местных стал требовать, чтобы ему оказывали согласно их этикету, те же почести, какие оказываются хаким-беку (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 181).

[27] По словам автора «Таварих-и манзума», Байхана (Байджан-бия) заменил Саʿид-ходжа урак, о Шукур-хане же он не упоминает. Байхан происходил из киргиз-кипчаков. По возвращении в Коканд умер по дороге в 1269/1852-53 г. (Таварих-и манзума, лл. 68а—68б).

[28] Согласно автору «Таварих-и манзума», Саʿид-хан (Саид-ходжа) лишился должности аксакала еще в 1269/1852—53 г. На его место был назначен аксакалом Нигмат-хан (Намед-хан), бывший аксакал Кашгара. На этот раз его управление продолжалось недолго. В 1272/1855—56 г. он был отозван в Коканд и в том же году был казнен по приказу хана. На его место аксакалом в Кашгар был назначен Мухаммад-бий (Нур Мухаммад дадха по Ч. Валиханову). Именно при нем произошло восстание Вали-хана тюры, о чем свидетельствует Ч. Валиханов. По его словам, Нур Мухаммад дадха принял активное участие в восстании, за что был возведен Вали-ханом тюрой в звание мингбаши (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 186, 188; Таварих-и манзума, лл. 69б, 78б, 79а).

[29] О нем упоминает и Ч. Валиханов. Он пишет: «В пребывание наше в Кашгаре, было два аксакала, и мы, будучи с ними в близких отношениях, знали хорошо их действия с китайскими и туземными властями. Первый ак-

сакал Наср ад-Дин дадха, был человек энергичный, прямой и как истый узбек; все деятельные участники последнего восстания находились при нем... Наср ад-Дин, будучи в разладе с хаким-беком, делал ему беспрестанные неприятности и в сношениях с Цинами был дерзок и угрожал ходжой» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 187—188).

[30] Джолай, сын Мата-бия — уроженец Казахстана, принимал участие в снаряжении каравана Ч. Ч. Валиханова и ездил вместе с ним в Кашгар. Впоследствии он переселился в Чугучак и был аксакалом русских подданных.

[31] Мухаммад Раззак Пирназаров — купец, ездивший в составе каравана Ч. Ч. Валиханова в Кашгар. По возвращении был награжден золотой медалью в петлицу на Владимирской ленте (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 360).

[32] Ч. Валиханов упоминает о нем следующее: «Преемник Наср ад-Дина Наср Мухаммад дадха, был человек гуманный и вследствие долгого пребывания знал характер туземцев и соблюдал наружный этикет, который у кашгарцев считался признаком образованности. С хаким-беком и туземными чиновниками в частных делах он был дружен, обменивался подарками, представлялся амбаню, чего ни за что не хотел [делать] его предшественник, а в день китайского нового года послал амбаню подарки» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 86, 188).

[33] Речь идет о захвате здесь власти Йа'куб-беком в 1865 г.

[34] Подробно об этом см.: Кутлуков М. Взаимоотношения цинского Китая с кокандским ханством//Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 204, 215.

САНГ МУХАММАД БАДАХШИ

ТАРИХ-И БАДАХШАН

Ценный источник по истории Бадахшана XVII—XIX вв., завершен в 1325/1907 г. Сочинение дошло до нас в двух списках. Первый, обнаруженный в свое время А. З. Валидовым в Коканде[1], охватывает историю этого древнего и богатого края за 1068/1657—58—1223/1808—09 гг. Автором его является Санг Мухаммад Бадахшан. Второй список завершен в Оше и принадлежал андижанцу Мирза Фазл 'Али-беку по прозвищу Сурхафсар. История края доводится в нем до 1325/1907 г. Автором приложения истории (1223/1808—09 — 1325/1907 г.) является тот же Фазл 'Али-бек[2].

Помимо политической жизни Бадахшана за 300 лет его истории, в «Тарих-и Бадахшан» приведены отдельные, заслуживающие внимание сведения о политических взаимоотношениях этого края с калмыками (калмак в мусульманских источниках) и Восточным Туркестаном середины XVIII столетия.

Приводимый ниже отрывок из «Тарих-и Бадахшан» — о бегстве части населения Восточного Туркестана во главе с ходжами Бурхан ад-Дином и Хан-ходжой — взят нами из факсимильного издания сочинения, осуществленного А. Н. Болдыревым[3].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ТАРИХ-И БАДАХШАН»

(л. 33б) В 1163/1749—50 году два брата из числа высокочтимых саййидов и потомков калмак Кашгара[4], живших там из поколения в поколение и благодаря этому достигших положения

предводителя и руководителя в тарикате, после того, когда полнолуние владычества калмакской тюры [уменьшилось и] стало в виде полумесяца и пришло в расстройство, а черед управления страной перешел к хаканам китайским и рука китайцев простерлась на подчинение той страны, они удостоились внимания хана той страны. Вначале... путем различного рода заискиваний и учтивостью (л. 34а) перед китайским хаканом [они] царствовали спокойно и жили беззаботно. Но их голову постоянно занимала мысль о притязании на верховную власть и независимость, а вино гордости опьяняло их так, что [они] переступили порог послушания и повиновения. Падишах Китая для их усмирения и наказания послал туда войско, но, повоевав в течение года, оно возвратилось [ни с чем]. На второй год (в 1164/1751 г.) китайское войско дважды вторгалось [в Кашгар], но [кашгарцы] стойко сражались с ними, держались прочно и нанесли им поражение. Тем не менее, поскольку китайцев было немного, да из-за обилия камыша и зарослей, они не смогли одолеть кашгарцев полностью. На третий год (в 1165/1752 г.) из Китая было направлено бесчисленное, подобно бушующему морю войско и оно полк за полком начало прибывать [в Кашгар].

И ходжи, считая сопротивление бессмысленным, взяв с собой 12000 бунэ, т. е. семей и состоявших при них в мулязимах отважных людей, разграбили город Йаркенд и направились на эту страну (Бадахшан). По дороге грабили все, что попадало им в руки, считая их своей добычей. 9000 бунэ (т. е. семейств) из них направились в сторону области (мамлакат) Хуканд, оставшиеся 3000, в сопровождении самих ходжей, через Шугнан пошли на Бадахшан. Когда достигли Шива[5], известили Султан-шаха[6]. (л. 35а) Эмир Султан-шах, связанный с ходжами-изгнанниками узами дружбы, к тому же уже ходил слух о вторжении [в Кашгар] иноверцев и об их насилии, а странник [кто бы он ни был] заслуживал снисхождения и заботы, счел нужным в тот же час выказать [должное] внимание и старейшинам велел встретить их в субе Арганджхак[7]. Однако же, некоторые распутные и самовольные воины его в местечке Арганджхак отняли вещи и часть скота у людей ходжи. Те, у кого отняли скот и вещи, обиделись и послали ходжам жалобу. Ходжи не придали жалобам значения, но Султан-шах расстроился и (л. 35б) направил к ним на встречу Мирза-йи калана, т. е. Мирза Бурхан ад-Дина[8], сам же эмир для встречи гостей переправился через реку Джузгун и поднялся в крепость Зигирчи. Ходжи [после прибытия в Джузгун] свои шатры и палатки разбили [около крепости]. После того, как увидели в городе множество торговцев и покупателей, душу их охватило желание при удобном случае напасть на эмира Султан-шаха, отнять у него Бадахшан и стать правителем этой страны. В действительности же ходжи располагали тремя тысячами готовых к сражению всадников, каждый из коих мог тягаться с тигром, сразиться и умереть не зная страха (л. 36а), а нукеры его [уже]

стояли вокруг крепости и ожидали сигнал [для дальнейших действий]. Ходжи пребывали в крепости до тех пор, пока все их подданные не прибыли [в Арганджхах] и не расположились своими шатрами и палатками вокруг мазара его святейшества Абу-л-Ма'руфа[9]. После этого, в сопровождении девяти слуг, отправились в свои палатки. Эмир Султан-шах по гуманности велел устроить [в их честь] пир и [поэтому] ранним утром послал за ними Мирза-йи калана, а ходжи, считая это не по достоинству [для себя], не пришли в ставку [эмира Султан-шаха]. По этой причине эмир Султан-шах очень огорчился. Он понял их непостоянство и неблагодарность еще тогда, когда ходжи после утренней молитвы, начали переправлять свое имущество и скот через перевал, (л. 36б) а для совершения визита вежливости[10] [ходжа Хурд] направил к эмиру не пользовавшегося властью ходжа Калана. Эмир [Султан-шах] не впустил его в крепость, ибо им пренебрег его (ходжа Калана) брат. Ходжа Хурд же со своими слугами (шагирдпишэ) построил [войска] на краю абканда[11] и стоял там до вечерней молитвы. И когда стало известно, что бунэ, т. е. жены и дети [его слуг] переправились через перевал и добрались до назначенного места, [ходжа Хурд] немедля выступил к ним навстречу. Воины его, во время прохождения обоза и бунэ через перевал, разграбили стада и имущество кочевавших на равнине (дашт) Лайаба[12] тюрков. Эмир [Султан-шах] пришел в ярость из-за этого насилия и на рассвете направился в Аргу[13] вслед за теми, которые были отправлены туда на подмогу. (л. 37а) Оба войска сошлись в степи Аргу. Приключилось продолжительное и кровопролитное сражение. Поэт [об этом] изрек:

Бадахшанцы ловки, с нравом хищника,
Могущественнее тигра в борьбе и схватке.
Сверкнул луч победы с высших небес,
На имя эмира бадахшанского.

Словом, после двух-трехчасового сражения войско ходжей не устояло против натиска бадахшанцев и обратилось в бегство. Все имущество ходжей, состоявшее из золотых вещей, жемчуга и иных изящных и дорогостоящих вещей, попало в руки прозорливого эмира Султан-шаха. [Казна эта] была настолько богата, что опытный счетовод затруднился бы сосчитать ее. Поэт говорит:

Навьючено на верблюда в полных чашах,
Много манов и харваров золота и драгоценностей.
Различного сорта дорогие товары,
Коих не суждено было видеть никому из рода человеческого

(л. 37б)

и джиннов.

Навьючив, везли их с [большою] поспешностью,
Везли ко двору Султан-шаха, падишаха времени.

Короче говоря, [бадахшанцы] привели три тысячи семейств калмаков и кашгарцев и поселили в Файзабаде, и с этого времени возобладало великолепие и пышность эмира [Султан-шаха]. Три тысячи вооруженных луками и стрелами кровожадных конных воинов-кипчаков постоянно находились у его стремени, и это опьяненное общество было занято [только] тем, что с утра до вечера шумело под звуки литавр и барабанов. Прибытие этого общества стерло обиду и трепет из души файзабадцев, [которые] сообразно натуре тех красивых [людей] с луноликими юношами и девушками (агачайан), т. е. красивыми ханскими детьми, (л. 38а) головой окунулись в [море] гуляния и пиршества. Эмир Султан-шах тоже, [когда] открыто, [когда] скрытно, предавался тем же исступлениям.

У эмира [Султан-шаха] привилегированными были: 300 человек из числа знатных калмакских юношей, в украшенных драгоценными каменьями шапках и поясах, а именно: Ислам-бек, Таваккал-бек, Фаргу-мирза, Инкиш-бек, Дулба-джийан, Балтуджийан, Джар-гулан, Баз-данг и др. ...ʿАбд ал-Халик-бек, Усман-бек, Нийаз-бек, ʿАбд ар-Рахим-бек, Мухаммад Амин-бек, Шукур-бек, ʿАбд ар-Раззак-бек, Йаʿкуб-бек, Инайат-бек и им подобные из кашгарцев; из махрамов — мальчиков с косами, также пользующихся привилегиями в собраниях эмира [Султан-шаха], были: ʿАбд ал-Карим, ʿАбд ар-Рахман, Йаʿкуб-джан, Тангриберди, Бул-Ислам, Ходжамйар, Лачин, Буранчи и прочие, (л. 38б), [дальнейший] рассказ о которых удлинил бы повествование. Худайар кушбеги, который могущественным эмиром [Султан-шахом] был удостоен чина мир-и шикар из числа их. Другое — Ислам-бек дадха, заслуживший благосклонность высокопоставленного эмира и удостоенный должности главнокомандующего войском.

Изложение восшествия на престол эмира Йусуф ʿАли-хана

(л. 13а) [Йусуф ʿАли-хан][14] был юным, но в рассудительности был взрослым, доблестным, подобно Искандару [Зу-л-карнайну][15], красноречивым, как Аристотель...

После некоторого колебания, проявив неописуемые хлопоты, в добром согласии со всеми братьями, в единодушии со знатью и вельможными людьми, с многочисленным войском и ополчением выступил против узбеков и [племени] катаган и подчинил [земли] от Талькана[16], Ишкамиша[17], Гури[18] и Хазрат-имама[19] до ущелья Хафтдех Хенджана[20]; сполна получил его харадж и пошлину (бадж) и подверг Кундуз сильной осаде. Правитель Кундуза[21] с [тысячью] хитростями и милостивым обращением [со своим народом] от малого до великого, и не причиняя [им] беспокойства, беспечно проводил время, что явилось отместкой за вред, причиненный узбеками бадахшанцами в течение ряда лет, и послужило поводом для похвалы, примером для соседних прави-

телей того края. Так, [Йусуф ʿАли-хан] правил [в Бадахшане] на протяжении пяти лет и в конце концов [самым] коварным образом был отравлен неким Хасан-баем из общества Тимур-бека, жившим [до того] в Йаркенде и возвратившимся в этот вилайет (Бадахшан) [в последнее время]. Йусуф ʿАли-хан покинул сей [бренный] мир в 1130 году[22]. Еще тогда, когда Мир Йусуф ʿАли хан находился в состоянии агонии, файзабадцы наметили в миры шестого брата покойного, известного под именем Мир Зийа ад-Дин-ходжи; подняли его на крышу крепости Зигирчи, ударили в барабаны празднества и объявили о восшествии на престол [нового] Мира[23].

По этой причине Мир Падшах, сын покойного Йусуф ʿАли-хана, вместе со слугами (аван) закрылся в медресе ишана Махдум-заде, сына ишана шейх Мухаммад имама и оказался в водовороте менялы [т. е. судьбы]. Мир Зийа ад-Дин [до того] находившийся в крепости Зигирчи, расположенной в полуфарсахе от Файзабада[24], напал на мечеть со всеми приближенными и слугами, и завязалось кровопролитное сражение; в конце концов сожгли мечеть. После этого Мир Падшах, сын Йусуф ʿАли-хана, видя дело проигранным, волей неволей, поменяв одежду, перебрался через расщелину горящей мечети, что была на стороне реки, и бежал в крепость Лайаба. Здесь его встретил Пахлаван казак, один из его старых слуг (мулязим) и заступил к нему на услужение. [Но], когда доехали до местечка, Саййид-бай эмиру (Мир Падшаху) преградили путь несколько почтенных стариков (аксакалов) из общества тюрков Зийа-бека, Рашид-бека и им подобных. После этого они (старцы) все вместе поклялись и решили послать тайком гонца к Мир Зийа ад-Дину и известить его обо всем...

Мир Падшах благополучно добрался в Пасакух[25]. Население Сада и Пасакуха, все, как один, поклялись выступить против Мир Зийа ад-Дина и направились на Файзабад; осадили его со всех сторон; завязалось [кровопролитное] сражение. Мир Падшах пустил стрелу на сторону Мир Зийа ад-Дина и ранил его. [Короче говоря,] положение войска последнего оказалось в затруднении и оно потерпело поражение. Мир Зийа ад-Дин вынужден был подчинить ему крепость Файзабад и бежать на сторону Читрала[26], а оттуда подался он в Кабул и через него пришел в Кундуз. Затем, с помощью катаганских эмиров, пришел в Файзабад, осадил его и, взяв его, воссел на престол. Мир Падшах [снова] бежал в Йасакух.

Мирза Набат, старший сын Мир Зийа ад-Дина, был назначен правителем крепости Фархар[27], [но] вскоре фархарцы восстали против него, схватили его при помощи Йусуф-бия, правителя Кундуза, отвезли в крепость Хазрат-имам и посадили там под стражу.

Мир Зийа ад-Дин, узнав об этом, послал в Ила[28] к верховному правителю (тюра) калмаков казия Аллахкула из числа знатных людей тюркского племени ак-Бури, с просьбой оказать помощь.

Некоторое время спустя 10-тысячное войско [калмаков] с обозом прибыло на помощь [Мир Зийа ад-Дину] и остановилось в [местечке] Надила, но, ввиду того, что узбеки, получив об этом известие, могли им преградить путь, [опередили их] и направились на сторону Талькана. В то самое время Мирза Набат был схвачен и заточен в крепости Ишкамиш. Войско калмаков, после прибытия в Талькан, разделилось на три группы: три тысячи человек направились на сторону Хазрат-имам, [другая группа численностью] три тысячи человек — на сторону Ишкамиш, Гури и Баглан[29], а [четвертая, числом] четыре тысячи человек остановилась напротив Кундуза. В течение одного дня они устроили набег (чапаул) и опустошили все эти упомянутые выше владения, освободили Мирза Набата из заточения в Ишкамише, [затем] вошла в Файзабад, после чего возвратились к себе на родину.

Мир Зийа ад-Дин правил восемнадцать лет. Поскольку звезда счастья [его] склонилась с востока величия и славы на сторону запада и исчезновения, в день всенародного праздника (йоуми йид), по предопределению Аллаха, между отцом (Мир Зийа ад-Дином) и сыном (Мирза Набатом), по бытовавшему в той области (шахар) обычаю приключилось состязание (чапана джанги)[30]. Мирза Набат тоже был достойным и сановным [мужем]. Глупые нукеры (чапана) обоих [противоборствующих сторон] бросились друг на друга и развели костер сражения. Мирза Набат, из-за легкомыслия и невежества, заступился за своих нукеров и побил нукеров отца, нанес им поражение. От этого у Мира-отца вскипела кровь, выхватил он саблю и бросился на сына. Мирза Набат, видя отца в таком разъяренном состоянии, бежал с ристалища и спрятался в доме казия Аллахкули. Мир, в возбужденном состоянии с обнаженной саблей, пришел в дом кази. Последний пытался заступиться и уговорить отца, чтобы он простил недостойный проступок сына... Поскольку гнев Мира [Зийа ад-Дина] был беспредельным и кровь его уже превратилась в черную желчь..., не проявил он милосердие к сыну. Это напугало казия, вынул он саблю и зарубил Мира [Зийа ад-Дина]. Та'рих его смерти, сообразно с обстоятельствами, нашли в словах «кази ба-кар дузд» («казий подобно вору»)[31], что соответствует 1148 г. х. ...[Этим] кончилось время правления потомков Мира Йари-бека.

Мирза Набат, видя, что казий Аллахкул убил Мира [Зийа ад-Дина], немедля покинул дом казия и бежал в Аргу. Мир Падшах без промедления пришел в Файзабад со всем войском Сада и Пасакуха и завладел властью.

[В это время] в Джурме[32] правил Сулайман-шах, сын Сулайман-бека. Он (Сулайман-шах) тоже вышел из Джурма и объединился с Мирза Набатом, [затем оба] пришли в Файзабад и осадили Мир Падшаха. После долгой осады Мир Падшах, подчинив Файзабад Сулайман-хану, сыну Сулайман-бека, которой был его наследственным владением, возвратился в Пасакух. Направляясь

из Сада в Пасакух, Мир Падшах послал в Файзабад почтенных людей (аксакалов) Сада и Пасакуха для поздравления Сулайман-хана с вступлением в отцовское владение и восшествием на престол. Мирза Набат, узнав об этом, послал верного человека к Сулайман-хану и сообщил: Мир Падшах послал к ним почтенных людей (аксакалов), [через которых] предоставил им полную свободу действий. Услышав это, Мир Сулейман-хан удивлялся: какое же отношение имеет он к этому делу... Удивился этому и Мирза Набат.

Сын Мир Сулайман-хана, собрав все свое войско, встал напротив города в местечке Базпаран у горы Джулгур. Нукер его по имени Нийаз бахадур, сын Имамкули Чахаби, человек храбрый и отважный, с разрешения Мира, направился в город за известием. Когда он доехал до моста, увидел, что настил его был разобран. Упомянутый Имамкули погнал коня через разрушенный мост, взобрался на противоположный берег и заколол копьем несколько человек [из числа неприятеля] и рассеял всех назначенных сторожить мост воинов.

Мирза Набат, оценив важность этой удачи, будучи еще в своей ставке, в тот же час со всеми слугами (наукаран) примчался к городу и осадил Сулайман-хана. Мир Падшах, узнав об этом также немедля выступил со всеми слугами (наукаран) и разбил лагерь в местечке Лайаба. Мирза Набат, узнав об этом, призадумался и вынужден был возвратиться в Аргу. Мир Сулайман-хан же, видя, что не сможет противостоять [претенденту], был вынужден подчинить Файзабад Мир Падшаху и удалиться в крепость Джурм.

После [этого] Мир Падшах, сколотив хорошо вооруженные войска, направился на Аргу против сына Мирзы Набата. Последний тоже не дремал и между ними произошло кровопролитное сражение, [в котором] Мир Падшах потерпел поражение и через Кара-козы бежал на сторону Пасакуха. Часть его войска была перебита, оставшаяся часть — захвачена в плен, раздета, опозорена и отпущена по домам.

[Так] взошла пора восхода счастливой звезды Мирза Набата. [Он] воссел на престол в стольном граде Файзабаде, [затем] Мирза-баши, предводителя старейшин племени (коум) ак-Бури послал на сторону Ила к верховному правителю (тюра) калмаков за подмогой и чтобы [при его помощи] отнять у Мир Падшаха владение Сада и Пасакух и разграбить их. Вскоре появилось войско калмаков. Мир Падшах со своим народом закрылся в крепости Рагдашт. Калмаки напали на эту крепость и одолели [Мир Падшаха]. Крепость Рагдашт была разрушена. Мир Падшах бежал на сторону Чахаба[33], а оставшийся его народ попал в плен. Мирза Набат, одарив предводителя калмаков с учетом его общественного положения и дарами, и пишкешом [для тюры] отпустил его. Но он прихватил с собой сына Мирза Набата и отвез его в Ила к калмакскому предводителю (тюра) Галдан-

Черену[34]. Эмирович там заболел и умер. Его похоронили внутри городского парка Ила, а над его могилой воздвигнули надгробный камень.

В третий раз Шах Бузахур-бек, брат Мирза Набата, недовольный тем, что при дележе наследства ему досталась меньшая доля, отправился в город Ила к предводителю (тюра) калмаков с просьбой о помощи и привел с собой полк калмакского войска. Вступив в землю Бадахшана, они разбили палатки от гор Джулгур до Кух-и рики; в Файзабаде долгое время осаждали Мирза Набата; ежедневно между ними происходили стычки и сражения. Ежедневно на возвышении, являющемся [главной] площадью крепости, у Мирзы Набата играли трубы, [дудка] и барабаны.

Калмаки построились в местечке Базпаран и, беспрерывно браня друг друга, простояли там несколько месяцев. Ввиду того, что положение Мирзы Набата упрочилось, калмакам не удалось добиться своего: схватить Мирза Набата или же разрушить крепость. Поэтому вынуждены были помирить братьев. Последние заключили между собой мир и тем самым положили конец распре. После этого калмаки подались в сторону своей страны, куда шли через Дарваз[35] и Каратегин[36], но путь оказался небезопасным. В Каратегине они подверглись нападению, были разграблены и перебиты, так что ни одному из них не удалось добраться в свой юрт.

После этого происшествия Мирза Набат спокойно стал владыкой стольного града Файзабада...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области. С. 303.

[2] Тарих-и Бадахшан. Введение. С. 7—8.

[3] Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана)/Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, и указатели А. Н. Болдырева. Л. 1959.

[4] Речь идет о ходжа Бурхан ад-Дине и Хан-ходже, потомках ходжа Данийара, живших до 1755 г. в Или, в ставке предводителя калмаков. Мать их была дочерью калмыкского нойона (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 129—131).

[5] Шива — горная местность в Шугнане, состоящая из многочисленных долин, богатых пастбищами (подробно см.: Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 197—199).

[6] Султан-шах I по прозвищу «Дракон», правил Бадахшаном в 1160/1747—1179/1765—66 гг.

[7] Суба Арганджхак — один из крупных округов Бадахшана.

[8] Мирза Бурхан ад-Дин (Мирза-йи калан) — сын и наследник Султан-шаха I. Правил Бадахшаном в 1179/1765—66—1184/1770 гг.

[9] Мазар Абу-л-Ма'руфа — мазар известного мусульманского «святого» шейх Ма'руфа Каррухи, мюрида шейха Дауда Та'и, духовная генеалогия которого восходит к небезызвестному Хасану Басри (Джами. Нафахат ал-унс. С. 39—40), в действительности находится в Мекке.

[10] В ориг.: ба-расми фатиха хандан — букв. «для исполнения молитвы о ниспослании благополучия и благословения».

[11] Абканд — опоясавшая крепость искусственная водная преграда.

[12] Дашт-и Лайаба — относится к Яфталю, расположенному в 3—4 курухах и к северу от Файзабада (подробно см.: Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 108—109).

[13] Аргу — один из крупных округов Бадахшана, расположен на высоте 5930 футов, на расстоянии шести курухов от Файзабада (подробно см.: Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 104—105).

[14] Третий представитель из династии Йаридов; правил в 1125/1713—1130/1718 гг.

[15] Искандар Зу-л-карнайн — известный полководец и император из Македонии Александр (356—325 до н. э.).

[16] Талькан — важный средневековый город Тохаристана, «таможенная застава (бандар)... на пути следования караванов в Индию, Кашгар, Хорасан и в другие страны» Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 60), расположен между реками Кокча и Фархар.

[17] Ишкамиш — расположен на востоке Бадахшана (южнее Ханабада); богатый рубиновыми копями район; стоит на караванной дороге от Балха в Тибет и Восточный Туркестан; прилегает к реке Пяндж; расположен в 7 курухах от Зебака (Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 146; Абаева Т. Г. Очерки истории Бадахшана. С. 46).

[18] Гури — подвластный в средние века Балху город Тохаристана; расположен в 36 курухах от Ханабада (Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 40).

[19] Хазрат имам — центр одноименной области, расположенный на расстоянии 24 курухов к северу от Ханабада. Известен под названием Хазрат-и имам Сахиб (Бурхан ад-Дин. Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 46).

[20] Хенджан — небольшой город, расположенный на юго-запад от Ханабада, западнее Андераба, находится среди гор, на караванной дороге из Кундуза в Кабул (Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 43; Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 39).

[21] Кундуз — один из крупных городов Тохаристана, в XVII—XVIII вв. центр узбекского княжества Каттаган; расположен к северо-западу от Ханабада, на одноименной реке Кундуз-дарья).

[22] 1130 г. х. соответствует 1718 году н. э.

[23] Мир Зайа ад-Дин — четвертый правитель из династии Миров (1130/1718—1148/1735—36).

[24] Файзабад (древний Джузун) — центр Бадахшана; заложен в середине XVII в. основателем династии Йаридов Мир Йарбек-ханом (1068/1657—58 — 1118/1707—67); расположен на правом берегу реки Кокча (подробно см.: Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 101—104).

[25] Пасакух (Шахр-и бузург) — расположен восточнее Рустака, на труднопроходимом перевале Кызыл-дара (Абаева Т. Г. Очерки истории Бадахшана. С. 36).

[26] Читрал — центр одноименной области, известный также под названием Катур; стоит на берегу реки Кунар; важный транзитный пункт между Кашгаром, Бадахшаном и Индией (подробно см.: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. С. 98—99 и далее).

[27] Фархар — расположен к юго-востоку Талькана, на берегу одноименной реки, притока Кундуз-дарьи.

[28] Ила — город в Алма-Атинской области КазССР. Расположен в 70 км к северу от г. Алма-Ата. С 1970 г.— г. Капчагай.

[29] Баглан — один из крупных городов древнего Тохаристана; расположен в двух днях пути от Хейбака (Махмуд ибн Вали. Море тайн. С. 23—24; Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 43—44; Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. С. 50).

[30] На полях «Тарих-и Бадахшан» (л. 16б) есть такое пояснение: «чапаной называют бездельника, невежду, бестолкового и незаслуживающего внимания простого слугу (нукера)».

[31] Числовое значение слов «Кази ба-кар дузд» по абджаду — 1148, что соответствует 1735—36 г.

[32] Джурм (древний Голан) расположен в 30 км южнее Файзабада, на берегу р. Мунджан, левого притока Кокчи; от Файзабада до него 15 курухов (Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 119).

[33] Чахаб — один из районов Рустака, расположен к востоку от слияния Кокчи с Амударьей (Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. С. 210).

[34] Галдан-Черен (Галдан-Церен) — верховный правитель калмаков (ойратов) в 1727—1745 гг.

[35] Дарваз — горное владение на левом берегу Пянджа (подробно см.: Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. С. 100).

[36] Каратегин — область, расположенная на среднем течении р. Сурхаба (Кизил-су).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества, СПб., Пг.

ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественная. Алма-Ата.

МИКК, 1 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)/Под редакцией Б. Сулейменова. Алма-Ата, 1969.

МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. XII—XV вв. Арабские и персидские источники/Под редакцией С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1939.

ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.

ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.

ПТР — Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог)/Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая.

СВР АН УзССР — Собрание восточных рукописей АН УзССР/Под редакцией А. А. Семенова, Д. Г. Вороновского, А. У. Урунбаева и др. Т. 1. Ташкент, 1952; Т. II. Ташкент, 1960.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия. Т. I—XVI. М., 1961—1976.

СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.

УЗИВ — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР. М.— Л.

EI — The Encyclepaedia of Islam, New ed., vol. I—III..., Leiden—London, 1960—1971.

GMS — Gibb Memorial Series, I—XX, 1905—1928.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн. Изд. и пер. Катрмера.— Notice de L'ouvrage persan qui o pour titre Matle-assaadein ou-madjma-albahrein. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн et qui contient l'histoire des deux sultans Schah—Rokh et Abou-Said, par M. Quatremere, notices et extraits, t. XIV, pt. 1. Paris, 1843.

'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн. Изд. Шафи, 1933. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн. Та'лиф Маулана Камал ад-Дин 'Абд ар-Раззак Самарканди. Жилд-и доввум... Ба тасхих Мухаммад Шафи'. Oriental college Magazine, Lahor. Vol. IX. N 3. May, 1933.

'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн, изд. Шафи'.— 'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн. Жилд-и доввум, джуз-и доввум ва сийум. Ба тасхих Мухаммад Шафи', Лахур, 1368/1949.

'Абд ар-Рахман Джами. Нафакат ал-унс.—'Абд ар-Рахман Джами. Нафакат ал-унс ва хидарат ал-кудс, Ноул Кошур (Индия), 1920.

'Абдаллах-наме, рук. ЛО ИВ АН СССР, д. 88.— Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нами-йи шахи, рук. ЛО ИВ АН СССР, д. 88.

'Абдаллах-наме.— Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф нама-йи шахи (Книга шахской славы). Факсимиле, рук. д. 88/Пер. с персидского, введение, примечания и указатели М. С. Салахитдиновой. Ч. 1. М., 1983.

Абдулланома, т. 1.— Хафиз Таниш ибн Мир Муҳаммад Бухорий. Абдулланома (Шарафномайи шоҳий), 1 жилд. Форсчадан С. Мирзаев таржимаси. Нашрга тайёрловчи, изоҳлар ва муқаддима муаллифи Б. А. Аҳмедов. Тошкент. 1966.

Абдулланома, т. II.— Хофиз Таниш ибн Мир Муҳаммад Бухорий. Абдулланома (Шарафномайи и шоҳий). II жилд. Форсчадан С. Мирзаев таржимаси. Нашрга тайёрловчилар: Р. Ғафурова, А. Жувонмардиев, Б. Аҳмедов. Изоҳлар муаллифи Б. А. Аҳмедов. Тошкент, 1969.

Абдурраззоқ. Ҳиндистон сафарномаси.—Абдурраззоқ, Самарқандийнинг Ҳиндистон сафарномаси. А. Ўринбоев. Тошкент, 1960.

Абдурраззоқ. Матлаи саъдайн. Т. II, ч. қ. 1.— Абдурраззоқ Самарқандий Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн. Т. II, қ. 1. Форс-тожик тилидан таржима, кириш сўз ва изоҳли луғатлар тарих фанлари кандидати А. Ўринбоевники. Тошкент, 1969.

Абдурахман-и Тали'. История Абулфейз-хана.—Абдурахман-и Тали'. История Абулфейз-хана./Пер. с персидско-таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1959.

Абу Исхак Нишапури. Кисас ал-анбийа.— Абу Исхак Нишапури. Қисас ал-анбийа. Техран, 1340/1921—1922.

Абу Райхан Беруни. Минералогия.— Абу Райхан Беруни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)/Пер. А. М. Беленицкого, редакция Г. Г. Лемлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой. М., 1963.

Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений.— Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений.— Избр. произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.

Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда.— Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1031—1041)/Пер. с персидского, примечания А. К. Арендса. Ташкент, 1962.

Абу-л-Фида. Таквим, изд. Рено-де Слэна.— Geographie d'Aboul-féda. Texte arabe publie d'apres les manuscrits de Paris et de Leyden par M. Reinaud et M. le Bon Mac Guckin de Slane, Paris, 1840.

Алишер Навоий. Мажолисун нафоис.— Алишер Навоий. Мажолисун нафоис. Илмий-танқидий текст тайёрловчи: Суйима Ғаниева. Маъсул муҳаррир Воҳид Зоҳидов. Тошкент, 1961.

Ал-'Алам. Ал-'Алам ли Хайр ад-Дин аз-Зирикли. Т. I—X. Каир, 1954—1959.

Ансаб ал-салатин.— Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1314, 3753.

Асар ал-футух.— Мухаммад Имин садр Кашгари. Асар ал-футух, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 753.

Бабур-наме, изд. Беверидж.— The Babur-nama, being the autobiography of the Emperor Babar, the founder of the Moghul dynasty in India in Chagatay Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Salar Jang of Haydarabad, and ed., with a preface and indices by A. S. Beveridge. Leyden—London, 1905 (GMS, I).

Бабур-наме, пер. Беверидж.— The Babour-nama in English (Memoirs of Babur). Transl, from the original Turki Text of Zahiru'd-din Muhammad Babur Padshah Ghazi by A. S. Beveridge, vol. I—II. London, 1921.

Бабур-наме, пер. Пове де Куртея.— Memoires de Baber (Zahired-din Mohammed) traduites... sur le text djagatai par Pavet de Courteille. Paris, 1871.

Бабур-наме, пер. Хикмет Баяра.— Gazi Zahir-üddin Muhammad Babur, Vekayi. Babur'un Hâtirati. Dogu Tükcesinden ceviren Resit Rahmeti Arat. Önsözu ve torihi özeti yazan Y. Hikmet Bayir, c. I—II. Ankara, 1943—1946.

Бабур-наме, пер. Салье.—Бабур-наме. Записки Бабура/Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1958.

Бабур-наме, узб. изд.— Заҳириддин Муҳаммад Бобир. Бобирнома. Нашрга тайёрловчилар: Порсо Шамсиев ва Содиқ Мирзаев. Тошкент, 1960.

Бахр ал-асрар, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7418.— Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7418.

Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа оффис».— Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар, рук. биб-ки «Индиа оффис», (Англия), № 575.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений.— Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии/Составители: Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван. Чебоксары, 1960.

Борнс А. Путешествие в Бухару.— Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах Александром Борнсом. Т. II. М., 1848.

Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан.— Бурхан ад-Дин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения с 34 картами. Перев. с персидского П. П. Введенского и Е. В. Левкинского /Под редакцией, с предисловием проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1926.

Вей Юань. Шень у-цзи (История священных войн)//Тайбэй. 1962. Ч. 4, 5.

Дамад. Тухфат ан нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар.— М. Дамад. Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар. Ч. I—II. Стамбул, 1916.

Деҳхуда. Луғат-наме.— Деҳхуда (Али Акбар). Луғат-наме. Техран, Чапхане-йи маджлис, 1332/1954.

Записки Мирзы Шамса Бухари.— [Мирза Шамс Бухари]. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгарии. Записки Мирза Шамса Бухари/Изд. текста с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, Казань, 1861.

Записки о Бухарском ханстве.—[П. И. Демезон и И. В. Виткевич] Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1983.

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга.— Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Edidit Carolus Johannes Tornberg. Vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni, Batavorum, 1851—1876.

Ибн Абу Усайби'а. Бейрут.— Ибн Абу Усайби'а, «Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба». Бейрут, 1957.

Ибн Абу Усайби'а. Каир.— Ибн Абу Усайби'а, «Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба», Каир, 1883.

Ибн ал-Кифти. Лейпциг. — Lippert I. (ed.). Ibn el Qifti, Tarich el Hukama, Leipzig, 1903.

Ибн ал-Кифти. Каир.— Ибн ал-Кифти. «Тарих ал-хукама» или «Китаб ихбар ал-улама би ахбар ал-хукама», Каир, 1908.

Ибн Халликан.— Ибн Халликан. Вафайат ал-айан ва анба абнау-з-заман, I—II, Булак, 1892.

Исфизари. Раузат ал-джаннат.— Исфизари. Раузат ал-джаннат фи авсафи мадинат ал-Херат. Ба тасхих ва хаваши ва та'ликат саййид Мухаммад Казим-имам. Техран, 1338/1959.

Йакут. Иршад.— The Irshad al-arib ila Ma'rifat al-adib or Dictionary of Learned Men of Yaqut. Edited by D. S. Margoliouth, vol. I—VII. Leyden—London, 1907—1927 (GMS, VI, 1—7).

Йакут. Му'джам ал-булдан.— Йакут ал-Хамави. Китаб Му'джам ал-булдан,— I—VII. Миср, 1906.

Кадри.— Кадри Хафиз Тукан. Турас ал-араб ал-илми фи-р-рийадийат ва-л-фалак. Каир, 1963.

Кандийа.— Имам Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Абд ал-Джалил ибн Абд ал-Малик ибн Хайдар ас-Самарканди. Кандийа, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5405.

Кандийа, изд. мулла Абд ал-Халика.— Абу Хафс Наджим ад-Дин Умар ибн Мухаммад ан-Насафи ас-Самарканди. Китаб ал-канд фи ма'рифат улама-йи Самарканд, изд. мулла Абд ал-Халика таджира. Самарканд, 1327/1909.

Кандийа, изд. Ирадж Афшара.— Абу Хафс Наджим ад-Дин Умар ибн Мухаммад ан-Насафи ас-Самарканди. Китаб ал-канд фи ма'рифат-и 'улама-йи Самарканд, изд. Ирадж Афшара, 1334/1955.

Клавихо. Дневник путешествия.— Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881.

Масуд ибн Усман Кухистани.— См. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани».

Махмуд ибн Вали.— См. Бахр ас-асрар.

Махмуд ибн Вали. Море тайн.— Махмуд Ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введение, перевод, примечания и указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони.— Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент. Т. I—III. 1963. Индекс (1967).

Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме.— Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме/Пер. с персидско-таджикского с примечаниями А. А. Семенова. Ташкент, 1957.

Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин.— Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1314/3753.

Мирза Бади' диван. Маджма' ал-аркам.— Мирза Бади' диван. Маджма' ал-аркам/Факсимиле рук., введение, пер., примечания и приложения А. Б. Вильдановой. М., 1981.

Мунтахаб ат-таварих, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 592, 593.— Хаким-хан тюра Хуканди. Мунтахаб ат-таварих, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 592, 593.

Мунтахаб ат-таварих (узб. редакция).— Хаким-хан тюра Хуканди. Мунтахаб ат-таварих, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 594.

Мунтахаб ат-таварих (изд. А. М. Мухтарова).— Мухаммад Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. Подготовка факсимиле, введение и указатели А. М. Мухтарова. Т. I—II. Душанбе, 1983, 1985.

Мусаххир ал-билад.— Мухаммадйар ибн Араб катаган. Мусаххир ал-билад, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1505.

Назаров Ф. Записки.— [Ф. Назаров]. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.

Наллино.— Наллино. Китаб илмал-фалак. Та'рихуху инд ал-араб фи-л-курун ал-вуста, Рим, 1911.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. III.— Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III/Пер. с персидского А. К. Арендса. Под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1946.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. 1, Кн. 2.— Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2/Пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. II.— Сборник летописей. Т. II/Пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Редакция И. П. Петрушевского. М.—Л., 1960.

Риза ад-Дин. Ахмад Мидхат-эфенди.— Риза ад-Дин ибн Фахр ад-Дин. Ахмад Мидхат-эфенди. Оренбург, 1913.

Росс.— The Tarikh-i Rashidi Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A. History of the Moghuls of Central Asia. An English version, ed. with commentary, notes and map by W. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.

Рузбехан-наме.— Рузбехан-наме. Ба кушиш-и Мухаммад Таки Данишпажух, Техран, 1347/1969.

Сайфи Херави. Тарих-наме-и Херат.— Сайф ибн Мухаммад ибн Йа'куб ал-Херави. Тарих-наме-йи Херат. Ба тасхих проф. Мухаммад Забир ас-Сиддики, ба са'ий ва ихтимам Хан Бахадур халифа Мухаммад Асадаллах, Калькутта, 1362/1943.

Сейфи (Челеби). Исторические записки.— Сейфи (Челеби). Исторические записки о царях Индостана, Китая, Хотана, Кашгара, Кашмира, Мавераннахра, казахов и др., рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № 248/4 (микрофильм).

Сцйути.— ас-Суйути. Китаб хусн ал-мухадара фи ахбар Миср ва-л-Кахира, Миср, 1909.

Тарих ар-русул Табари.— Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулук, Миср, 1326/1908.

Табари. Тарих-и Табари.— Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари. Китаб русул ва-л-мулук ва-л-хулафа, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1229 (на староузб. языке).

Табари, изд. де Гуе.— Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, ed. M. J. de Goeje, series I—III, Lugduni Batavorum, 1879—1901.

Таварих-и манзума.— Имам 'Али Кундузи. Таварих-и манзума, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 597.

Таварих-и хамса-и шарки.— Курбан 'Али Айагузи. Таварих-и хамса-и шарки. Казань, 1910.

Тае Хуйяо (Собрание восточных сведений по истории династии Тан). Т. 3. Шанхай, 1935, гл. 100, с. 1783/Пер. Л. И. Думана.

Тарих-и Абу-л-Хайр-хани.— Мас'уд ибн Усман Кухистани. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1512, 539/1.

Тарих-и аминийа.— Тарих-и Эмение. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905.

Тарих-и Бадахшан.— Тарих-и Бадахшан. Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели подготовил к изданию А. Н. Болдырев. Л., 1959.

Тарих-и Вассаф.— Шихаб ад-Дин 'Абдаллах Ширази. Тарих-и Вассаф, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1603.

Тарих-и Шахрухи.— Тарих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

Фаррух. Мукаддима. Т. I. Ч. I.— Махмуд Фаррух. Мукаддима (Фасих Хавафи. Мужмал-и Фасихи ба тасхих ва тахшийа Махмуд Фаррух, жилд-и аввал, бахш-и аввал). Тус-Мешхед, 1341/1963.

Фасих Хавафи. Муджмал. Т. I. Ч. I.— Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Ба тасхих ва тахшийа Махмуд Фаррух. Жилд-и аввал, бахш-и аввал, Тус-Мешхед ,1341/1963.

Фасих Хавафи. Муджмал. Т. I. Ч. II.— Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Жилд-и аввал, бахш-и доввум. Тус-Мешхед, 1340/1962.

Фасих Хавафи. Муджмал. Т. II.— Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Ба тасхих ва тахшийа Махмуд Фаррух, жил-и доввум. Тус-Мешхед, 1339/1961.

Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи.— Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи («Фасихов свод»)/Пер. предисловие, примечания и указатели Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.

Фахми. Китаб рихлат ибн Баттута.— Фахми М. Китаб рихлат ибн Баттута. Ч. I—II. Каир, 1904.

Фирдоуси. Шах-наме. Т. I.— Абу-л-Касим Фирдоуси. Шах-наме/ Изд. Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Старикова. Т. I. М., 1957.

Фирдоуси. Шах-наме. Т. II.— Абу-л-Касим Фирдоуси. Шах-наме. Изд. Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Старикова. Т. II. М., 1960.

Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб, изд. Ле Стренджа.— Nuzhat al-Qulub. Composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwinn in 740 (1340), edited by Le Strange. London—Leyden, 1915 (GMS, XXIII).

Хафиз-и Абру. География, рук. инв. № 5361.— Хафиз-и Абру. География, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5361.

Хафиз-и Абру. География, рук. Fraser, 155.— Хафиз-и Абру. Историко-географическое сочинение, рук. Оксфордской Бодлеянской библиотеки (микрофильм).

Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, рук. Бодлеян., 1961.— Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих-и Байсунгури. Рук. Бодлеянской библиотеки, № 161 (микрофильм).

Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, рук. Фатих, 4371/1.— Хафиз-и Абру, Зубдат ат-таварих-и Байсункури , рук. Стамбульской библиотеки Фатих, № 4371/1.

Хафиз-и Абру. Зайл-и Джамеʿ ат-таварих.— Хафиз-и Абру. (Шихаб ад-Дин ʿАбдаллах ибн Лутфаллах ибн ʿАбд ар-Рашид ал-Хавафи). Зайл-и Джамеʿ ат-таварих. Бахш-и нохистин ба муқаддима ва хаваши ва таъликат доктор Ханбаба Байани. Техран, 1317/1939.

Хафиз-и Таныш Бухари.— См. ʿАбдаллах-наме.

Хидайат-наме.— Мир Хал ад-Дин Йарканди. Хидай-ат-наме, ИВ АН УзССР, инв. № 1682.

Худуд ал-ʿалам.— Худуд ал-ʿалам, рук. Туманского/С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

Худуд ал-ʿалам. Изд. М. Сетуде.— Худуд ал-ʿалам мин ал-машрик ила мағриб ки ба-соли 372 хиджри камари таʾлиф шуда аст. Ба кушиш доктор Минучехр Сетуде. Техран, Исфанд мах 1340/1962.

Хусайни Кариман. Рей Бастан. Т. I.— Хусайн Кариман (доктор). Рей Бастан, мужаллад-и аввал. Техран, 1345/1967.

Чурас. Хроника.— Шах Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника/Критический текст, пер., комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

Шами. Зафар-наме, изд. Тауэра.— Histoire des conquetes de Tamerlan intitulee Zafarnama par Nizamuddin Sami avec des aditions empruntees au Zubdatu-t-tawarih-i Baysunguri de Hafiz-i Abru. Edition critique par F. Tauer, t. I:

Text persan du Zafarnama. Praha, 1937; t. II. Introduction, commentaire, index. Praha, 1956.

Шамсад-Дин Сами. Камус ал-алам.— Шамс ад-Дин Сами. Камус ал-ʿалам. Т. III—IV. Константинополь, 1891—1894.

Шараф ад-Дин ʿАли Йазди. Зафар-наме.— Шараф ад-Дин ʿАли Йазди. Зафар-наме/Подготовка к печати, предисловие и указатели А. Урунбаева, Ташкент, 1972.

Шараф нама-йи шахи.— См. ʿАбдаллах-наме.

Bretschneider E. Mediaeval Researches.— Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vol. I—II. London, 1888; 2d ed. London, 1910.

Chavannes Ed. Documents sur les Tou-kine (Turcs).— [Ed. Chavannes]. Documents sur les Tou-kine (Turcs) occidentaux. Recueilles et commentes par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абаева Т. Г. Бадахшан.— Абаева Т. Г. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964.

Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений.—Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, 1966; Т. 2. Ташкент, 1970.

Акимушкин О. Ф. Хронология правителей.— Акимушкин О. Ф. Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук Тимур-хана)//Восточный Туркестан и Средняя Азия/Под ред. Литвинского Б. А. М., 1984.

Ахалли С. Махмуд Кошгарнын созлуги.— Ахалли С. Махмуд Кошгарнын созлугу ва турмен дили. Ашхабад, 1958.

Ахмедов Б. А. Бабур-наме.— Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии (письменные памятники). Ташкент, 1985.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков.— Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов Б. А. История Балха.— Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII вв.). Ташкент, 1982.

Ахмедов Б. А. Махмуд ибн Вали и его труд.— Ахмедов Б. А. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд//ОНУ. 1969. № 11.

Ахмедов Б. А. Махмуд ибн Вали.— Ахмедов Б. А. Махмуд ибн Вали. Тошкент, 1966.

Ахмедов Б. А., Кутлуков М. К выходу в свет «Хроники».— Ахмедов Б. А., Кутлуков М. К выходу в свет «Хроники» Шах Махмуда Чураса//ОНУ. 1978. № 1.

Ашрафян К. З. Аграрный строй.— Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — сер. XVIII в.). М., 1965.

Ашрафян К. З. Делийский султанат.— Ашрафян К. З. Делийский султанат. М., 1960.

Бартольд В. В. Аксу.— Бартольд В. В. Аксу//Соч. Т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах.— Бартольд В. В. Арабские известия о русах.//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1964.

Бартольд В. В. Бадахшан.— Бартольд В. В. Бадахшан//Соч. Т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Баласагун.— Бартольд В. В. Баласагун//Соч. Т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Барак-хан.— Бартольд В. В. Барак-хан.//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Гузз.— Бартольд В. В. Гузз//Соч. Т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций.— Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч. Т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор.— Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. М., 1971.

Бартольд В. В. История культурной жизни.— Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов.— Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов//Соч. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.— Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана.— Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Казак.— Бартольд В. В. Казак//Соч. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. Калмыки.— Бартольд В. В. Калмыки//Соч. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. Каракорум.— Бартольд В. В. Каракорум//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Кафиристан.— Бартольд В. В. Кафиристан//Соч. Т. VIII. М., 1973.
Бартольд В. В. Коканд.— Бартольд В. В. Коканд//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Место Прикаспийских областей.— Бартольд В. В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
Бартольд В. В. Мулхакат ас-сурах.— Бартольд В. В. Мулхакат ас-сурах//Соч. Т. VIII. М., 1973.
Бартольд В. В. О погребении Тимура.— Бартольд В. В. О погребении Тимура//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане.— Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей)//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья.— Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1963.
Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа.— Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
Бартольд В. В. Рецензия на «Тарих-и Эминие».— Бартольд В. В. Рецензия на «Тарих-и Эминие». История владетелей Кашгарии, соч. Муллы Мусы б. Мулла сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905.
Бартольд В. В. Сарай.—Бартольд В. В. Сарай//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Сведения об Аральском море.— Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Система.— Бартольд В. В. Система отчисления орхонских надписей в современном диалекте//Соч. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. Сыр-Дарья.— Бартольд В. В. Сыр-Дарья//Соч. Т. III, М., 1965.
Бартольд В. В. Тараз.— Бартольд В. В. Тараз//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Тибет.— Бартольд В. В. Тибет//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Туран.— Бартольд В. В. Туран//Соч. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Туркестан. Тексты.— Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898.
Бартольд В. В. Туркестан.— Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963.
Бартольд В. В. Тюрки.— Бартольд В. В. Тюрки//Соч. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. I. Ч. 2. М., 1964.
Бартольд В. В. Ученые мусульманского ренессанса.—Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата//Соч., Т. VI. М., 1966.

Бартольд В. В. Фергана.— Бартольд В. В. Фергана//Соч. Т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Хафиз-и Абру.— Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения//Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд В. В. Хорезмшах.— Бартольд В. В. Хорезмшах//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Чагатай-хан.— Бартольд В. В. Чагатай-хан//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Чу.— Бартольд В. В. Чу//Соч. Т. III. М., 1965.

Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV в.—Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV в.//Алишер Навои. Сборник статей/Под редакцией А. К. Боровкова. М.—Л., 1946.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город.— Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Босворт К. Г. Мусульманские династии.— Босворт К. Г. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии/Пер. с английского и примечания П. А. Грязневича, под редакцией И. П. Петрушевского. М., 1971.

Будагов Л. З. Словарь.— Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I—II. СПб., 1869—1871.

Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области.— Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области//ЗВОРАО. Т. XXII, Пб., 1915.

Валиханов Ч. Ч. Собрание соч.— Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. II—III. Алма-Ата, 1985.

Вамбери Г. История Бохары или Трансоксонии.— Вамбери Г. История Бохары или Трансоксонии с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и не обнародованным рукописным историческим источникам/Пер. И. А. Павловского. Т. I—II. СПб., 1873.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда.— Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Григорьев В. В. Об арабском путешественнике Абу-Долефе.— Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки.— Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Давидович Е. А. Материалы по метрологии.— Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

Диваев А. А. Мавзолей Кок-кесене.— Диваев А. А. Мавзолей Кок-кесене (историко-археологическая заметка)//ПТКЛА, год десятый, Ташкент, 1905.

Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей.—Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. М., 1965.

Жалилов О. Мусо Сайрамий. Тошкент, 1968.

Жуковский В. А. Развалины старого Мерва.— Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Материалы по археологии России. СПб., 1894.

Завадовский Ю. Н. Ибн Сина.— Завадовский Ю. Н. Абу Али ибн Сина//Автореф. канд. ист. наук, Ташкент, 1958.

Иванов П. П. Очерки.— Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958.

Искандеров Б. И. Из истории Бухарского эмирата.— Искандеров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958.

Ислам. Краткий справочник.— Ислам. Краткий справочник. М., 1983.

История Китая.— История Китая с древнейших времен до наших дней/Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. М., 1974.

Козлов П. К. Монголия.— Козлов П. К. Монголия и Кам. М., 1948.

Кононов А. Н. Махмуд Кашгари и его «Дивану лугат ат-турк».— Ко-

нонов А. Н. Махмуд Кашгари и его «Дивану лугат ат-турк»//Советская тюркология. 1972. № 1.

Корнилов. Кашгария.— Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.—Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Соч. Т. IV. М.—Л., 1957.

Крачковский И. Ю. Коран.— Коран/Пер. и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.

Кузнецов В. С. О реакционной сущности движения Джехангира.— Кузнецов В. С. О реакционной сущности движения Джехангира//Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (15). Алма-Ата, 1961.

Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства.— Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков.— Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кутлуков М. Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством.— Кутлуков М. Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством//Китай и соседи в новое время. М., 1982.

Куропаткин А. Н. Кашгария.— Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

Миклухо-Маклай Н. Д. Описание.— Вып. 1.— Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР. М., 1955.

Миклухо-Маклай Н. Д. Описание. Вып. 3.— Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. М., 1975.

Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей.— Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. Географические сочинения. М., 1961; Вып. 3. История. М., 1963.

Мурзаев Э. М. Природа.— Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.

Наливкин В. П. Краткая история.— Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи.— Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.—Л., 1940.

Петров К. И. К истории движения.— Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами XIII—XV вв. Фрунзе, 1961.

Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане.— Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане//УЗИВ. Т. XIV. История и экономика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1956.

Петрушевский И. П. Земледелие.— Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.— Л., 1960.

Пещерева Е. М. Праздник тюльпана.— Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда//В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана.— Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан.— Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI вв. Алма-Ата, 1977.

Полякова Е. А. Использование астрологических представлений.— Полякова Е. А. Использование астрологических представлений в некоторых хрониках эпохи Улугбека//История науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.

Риттер К., Григорьев В. В. Восточный Туркестан.— Риттер К. Землеведение, география стран Азии, находящихся в непосредственных сноше-

ниях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет В. В. Григорьев. Вып. 1/Пер. и примечания; Вып. II. Дополнения. Отдел I — историко-географический. СПб., 1869—1873.

Ромодин В. А. Перевод извлечений из Мунтахаб ат-таварих.— [В. А. Ромодин]/Пер. извлечений из «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммад Хаким-хана//МИКК. Вып. 1. М., 1973.

Семенов А. А. Очерк устройства административного управления Бухарского ханства.— Семенов А. А. Очерк устройства административного управления Бухарского ханства позднейшего времени//Труды АН Таджикской ССР. Т. XXV. Вып. 2. Сталинабад, 1954.

Спейт.— Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. Общая и региональная география с главой о Цейлоне, написанной Б. Х. Фармером/Пер. с английского А. Б. Шмелева. М., 1957.

Стори. Персидская литература, ч. I, II, III.— Стори Ч. А. Персидская литература//Биобиблиографический обзор, перевел с английского, переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972.

Тизенгаузен. Сборник материалов. Т. II.— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941.

Тихонов Д. И. Восстание в 1864 г. в Восточном Туркестане.— Тихонов Д. И. Восстание в Восточном Туркестане//Советское востоковедение. Т. V. М.—Л., 1948.

Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX — нач. XX в.— Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX — начала XX вв.//Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.—Л., 1954.

Толстов С. П. По следам.— Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

Уринбоев А. Ҳофизи Абру.— Уринбоев А. Ҳофизи Абру//Хасанов Х. Х. Ҳофизи Абру, Хайдар Мирза, Филипп Ефремов. Тошкент, 1964.

Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне в 1864 г.— Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года//Вопросы истории. 1947. № 2.

Фролова О. Б. Топонимы Средней Азии.— Фролова О. Б. Топонимы Средней Азии в «Словаре стран» Йакута//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М., 1981.

Ханна ал-Фахури.— Ханна ал-Фахури. История арабской литературы. Т. I—II. М., 1959—1960.

Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства.— Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

Хасанов Х. (в соавторстве с А. Уринбаевым).— Хасанов Х. Ҳофизи Абру, Хайдар Мирза, Филипп Ефремов. Тошкент, 1964 (Жизнь и творчество Хафиз-и Абру в этой брошюре написаны А. Уринбаевым).

Хинц В. Мусульманские меры и веса.— Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему/Пер. с немецкого. М., 1970.

Хуршут Э. Тарих-и Кипчак-хани.— Хуршут Э. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVIII вв.//ОНУ. 1981. № 6.

Хуршут Э. Тарих-и Кипчак-хани и его списки.— Хуршут Э. Тарих-и Кипчак-хани и его списки//ОНУ. 1982. № 1.

Хуршут Э. Мунтахаб ат-таварих как источник.— Хуршут Э. Мунтахаб ат-таварих как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX вв.//ОНУ. 1984. № 7.

Хуршут Э. Мунтахаб ат-таварих и история его изучения.— Хуршут Э. Мунтахаб ат-таварих и история его изучения//ОНУ. 1985. № 2.

Чуланов Ю. Г. Городище Ахсыкет.— Чуланов Ю. Г. Городище Ахсыкет//Советская археология. 1963. № 3. С. 197—206.

Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням.— Щер-

бина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням Средней Азии (Путевые заметки и впечатления)//СКСО. Вып. IV. Отд. IV, 1896.

Юдин В. П. Рецензия на работу Б. А. Ахмедова Государство.— Юдин В. П. Рецензия на работу Б. А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков». М., 1965. //ИАН КазССР. Серия общественная. 1966. № 2.

Мухлисов Юсуфбек. Каталог рукописей уйгурской классической литературы — Мухлисов Юсуфбек. Каталог рукописей уйгурской классической литературы. Урумчи, 1957.

3. Исследования на восточных, западноевропейских языках

Абдулхай Хабиби. Тарих ва кисас-и Наби.— Хабиби Абдулхай. Тарих ва кисас-и Наби, «Арйана» (муджалла-йи махана-и тарихи, адаби ва хунари), давра-йи бист-у йакум, шумара-и дуввум. Кабул, 1341/1963.

Абдулхай Хабиби. Тарих-и Афганистан, т. II.— Хабиби Абдулхай. Тарих-и мухтасари Афганистан. Т. 2. Кабул, 1349/1971.

Browne E.— Browne E. A. Arabian Medicine, Cambridge, 1921.

Brockelman C.— Brockelman C. Geschichte der arabischen Litteratur. Bd. I—II. Weimar—Berlin, 1898—1902.

Brockelman C.— Brockelman C. Geschichte der arabischen Litteratur, Supplement bande I—III. Leiden, 1937—1942.

Suter.— Suter H. Dei Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre werke. Leipzig, 1900.

Zambaur.— Zambaur E. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam. Hanovre, 1927.

Koprülü M. F. IA.— Koprülü M. F. Beyhaki. Islam Ansiklopedesi, cilt. Istanbul, 1961.

Садри Афшар. Тарих дар Иран.— Гулям Хусейн Садри Афшар. Тарих дар Иран, Шарх ахвал ва ма'ариф асар муаррихан ва жуграфийанан-и Иран. Техран, 1345/1966.

Howorth H. H. History of the Mongols.— Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19 th century, pt. I. The Mongols proper and the Kalmiks; pt. II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I—II; pt. III. The Mongols of Persia; pt. IV. Supplement, London. 1876—1927.

Hughes Th. A Dictionary of Islam.— Hughes Th. A Dictionary of Islam. London, 1875.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ*

Абаева Т. Г. 344, 352
Абака-хан 139
ʻАббас, Сефевид 56
ʻАббас ал-Джаухари 62
ʻАбд ал-Азиз-султан 249
ʻАбд ал-Баки-бий 227, 228, 230, 231
ʻАбд ал-Васи, мирахур 230
ʻАбд ал-Вахид ал-Бакирджи 67
ʻАбд ал-Гаффар-султан 219, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 238, 250, 252, 255
ʻАбд ал-Гафур 332, 335
ʻАбд ал-Карим 339
ʻАбд ал-Карим-бий (сын Шахрух аталыка), бек, хан, 278, 280, 281, 283, 295 296, 306, 314, 315, 316, 317
ʻАбд ал-Карим хаджи Сайф ад-Дин 157
ʻАбд ал-Куддус-султан — см. Дустим-султан
ʼАбд ал-Маджид-ходжа 283
ʻАбд ал-Латиф-султан 215
ʻАбд ал-Латиф-султан (ʻАбд ал-Латиф-хан) 237
ʻАбд ал-Малик, Саманид 37, 104
ʻАбд ал-Му'мин, садр 118
ʻАбд ал-Мумин-хан 238
ʻАбдаллах (Абдулла) ибн Гарир (Узайр) 26, 35
ʻАбдаллах ибн мирза Улугбек 180
ʻАбдаллах Кеши 152
ʻАбдаллах-мирза, султан 201, 202
ʻАбдаллах-хан II 218, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 249, 250, 255,
ʻАбд ал-Халик-бек 306, 349
ʻАбд ал-Халик, эмир 173
ʻАбд ар-Раззак Самарканди — см. Камал ад-дин ʻАбд ар-Раззак ибн Джалал ад-Дин Исхак Самарканди
ʻАбд ар-Расул 332
ʻАбд ар-Рахим-бек (Рахим-хан) 314, 339
ʻАбд ар-Рахман Тал'ы 268, 269, 270, 339, 347
ʻАбд ар-Рахман-бек, аталык 282, 287, 300, 312
ʼАбд ар-Рахман Джами 347
ʻАбд ар-Рахман ибн Халид ибн ал-Валид 87
ʻАбд ар-Рашид-султан, (сын Султан Са'ид-хана) 186, 187, 189, 203, 205, 207, 208, 212
ʻАбд ас-Самад-бий 226, 228, 229, 230, 238
ʻАбд ас-Самад-хан 256
ʻАбд ас-Саттар-султан 219, 226, 227, 228, 230, 238
ʻАбд аш-Шахид-ходжа 283
Абдураимов М. А. 239, 352
Абдулхай Хабиби, 161, 169, 170, 357

* Указатели составлены А. Д. Шайховой.

Абу ‘Абдаллах ал-Бабари 67
Абу ‘Абдаллах ад-Дамагани, кади 78
Абу ‘Абдаллах ал-Хасан ибн ‘Али ибн Халил ибн Джабраил ибн ал-Халил ибн Салих ибн Мухаммад ал-Алмаи ал-Кашгари 79
Абу ‘Абдаллах ал-Хусайн ибн ‘Али ибн Халаф ибн Джабраил ал-Халил ал-Фадали ал-Химари ал-Газнави ал-Кашгари 102
Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн ‘Али ас-Сури 79
Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн ‘Абдаллах ал-Лавати ат-Туджи — см. Ибн Баттута
Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн ‘Али ибн Абу Са‘ид ат-Таджир 69
Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Муса ал-Баласагуни 78
Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн ‘Абдаллах ибн Идрис ал-Хамудди ал-Идриси 57
Абу ‘Абдаллах Таи 47
Абу ‘Абд ар-Рахман ‘Абдаллах ибн Убайдаллах ибн Карих ал-Бухари 73
Абу ‘Абд ар-Рахман ас-Суллами 86
Абу ‘Али — см. Абу ‘Али Мухаммад ибн Мухаммад Симджур
Абу ‘Али Бал‘ами. см. Абу ‘Али Мухаммад ибн Абу-л-Фазл Мухаммад Бал‘ами
Абу ‘Али ад-Дарир ан-Найсабури 67
Абу ‘Али ал-Хасан ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн ал-Мазхаб ат-Тамими ал-Багдади 72
Абу ‘Али ал-Хасан ибн ‘Али ибн Сулейман ал-Маргинани. 79
Абу ‘Али ал-Хусайн ибн ‘Али ибн Абу-л-Касим ал-Ламиши ал-Фергани 85
Абу ‘Али Мухаммад ибн Абу-л-Фазл Мухаммад Бал‘ами, 26, 54
Абу ‘Али Мухаммад ибн Мухаммад Симджур 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 54
Абу ‘Али ибн Сина 354
Абу ‘Али Исма‘ил ибн Ахмад ибн ал-Хусайн ал-Байхаки 74
Абу ‘Али Симджур см. Абу ‘Али Мухаммад ибн Мухаммад Симджур
Абу Ахмад Иса ибн Муса Гунджар ал-Бухари 73
Абу Ахмад ибн Адди 87
Абу Бакр ал-Каффал аш-Шаши 101, 124
Абу Бакр, найман 216
Абу Бакр Мухаммад ибн Ахмад ибн Хабиб 73
Абу Бакр ас-Сиддик, 68, 87
Абу Бакр ибн ‘Али ал-Хатиб 72
Абу Бакр ибн Даджан 87
Абу Бекр, халиф 269
Абу Дауд, см. Абу Дауд Халид ибн Ибрахим
Абу Дауд Халид ибн Ибрахим 94
Абу Джа‘фар 42
Абу Джа‘фар, сын Зу-л-Карнайна 30
Абу Джа‘фар Мансур ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Матуриди ас-Самарканди 103
Абу Джа‘фар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари 5
Абу Джа‘фар ибн ал-Хусайн ас-Симинджани 85
Абу Дулаф — см. Абу Дулаф Мис‘ар ибн Мухалхил
Абу Дулаф Мис‘ар ибн Мухалхил 79, 89
Абу Закарийа 37
Абу Закарийа Йахйа ибн ‘Адди 97
Абу Ибрахим Исма‘ил ибн Нух, см. Абу Ибрахим Исма‘ил Мунтасир ибн Нух.
Абу Ибрахим Исма‘ил Мунтасир ибн Нух 25, 37, 38, 43, 53
Абу Исхак Ибрахим ибн Бакус 97
Абу Мудар — см. Махмуд ибн Джарир
Абу-л-Аббас, хорезмшах — см. Абу-л-Аббас, Ма‘мун, хорезмшах
Абу-л-Аббас Ма‘мун, хорезмшах 65, 97, 98
Абу-л-Аббас ал-Фазл ибн Ахмад 46
Абу-л-‘Ала ал-Ма‘арри 74
Абу-л-Вафа Мухаммад ибн ал-Касим ал-Ахсикати 84
Абу-л-Дженаб 126

Абу-л-Исхак Нишапури 347
Абу Йа'куб 37
Абука 180
Абу-л-Касим, 33, 78
Абу-л-Касим — см. Абу-л-Касим Симджур
Абу-л-Касим аз-Замахшари 64, 66, 67, 68, 69, 71, 75, 76
Абу-л-Касим Махмуд ибн Мухаммад ас-Суфи 74
Абу-л-Касим Мухаммад ибн Йусуф ибн ал-Хасан ал-Мадини ал-Хусайни ас-Самарканди, имам 103
Абу-л-Касим Мухаммад ибн Хаукал — см. Ибн Хаукал
Абу-л-Касим Симджур 39, 40, 56
Абу-л-Касим Табарани 87
Абу-л-Лайс 178
Абу-л-Ма'ли Тугрул-шах Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Хашим ал-Кашгари 79
Абу-л-Ма'руф 338
Абу-л-Махасин ибн Абу-л-Хасан ал-Димишки 78
Абу-л-Му'айид ал-Муваффак ибн Ахмад ибн Исхак 69
Абу-л-Музаффар, хорезмшах 68
Абу-л-Музаффар Йусуф Арслан-хан 107
Абу-л-Музаффар Наср ибн Насир ад-Дин 39, 44, 48, 56
Абу-л-Музаффар ас-Сам'ани 74
Абу-л-Фада'ил Мухаммад ибн Абу Бакр аш-Шанад ал-Абиварди 117
Абу-л-Фазл Мухаммад ибн 'Абд ал-Джалил ибн 'Абд ал-Малик ибн Хайдар ас-Самарканди 349
Абу-л-Фазл Бакр ибн Мухаммад ибн 'Али аз-Заранджара 83
Абу-л-Фазл хаджиб 42
Абу-л-Файз Бейхаки 347
Абу-л-Файз-хан, сын Субханкули-хана 257, 262, 263, 265, 266, 347
Абу-л-Фарадж ибн Хинду 96
Абу-л-Фатх ал-Бусти 65
Абу-л-Фатх Мухаммад Арслан-хан ибн Йусуф Арслан-хан ибн Мухаммад Арслан-хан ибн Ибрахим-хан ибн Ахмад Арслан-хан ибн Хасан Тафгач-хан (Тамгач-хан) ибн Сулайман Арслан-хан ибн Йусуф Кадир-хан, Караханид 107, 128
Абу-л-Фида 147, 253, 254, 348
Абу-л-Футух 'Абд ал-Гаффар ал-Алма'и 102, 103, 127
Абу-л-Футух ал-Гаффар — см. Абу-л-Футух 'Абд ал-Гаффар ал-Алма'и
Абу-л-Футух ал-Гафарун, сын шейха, имама Абу 'Абдаллаха ал-Хусайна ал-Фадали — см. Абу-л-Футух 'Абд ал-Гаффар ал-Алма'и
Абу-л-Хайр-султан (Шейбанид, сын Джуванмард 'Али-султана) 223, 224
Абу-л-Хайр-хан 215, 216, 217, 237, 256
Абу-л-Хайр ибн Сивар ибн Баба ибн Бехнам (Ибн ал-Хаммар) 95, 96
Абу-л-Харис Махкуль 37
Абу-л-Харис Фаригуни — см. Абу-л-Харис Мухаммад ибн Ахмад ибн Фаригуни
Абу-л-Харис Мухаммад ибн Ахмад ибн Фаригуни 31, 34
Абу-л-Хасан 'Али ибн Ахмад ал-Мухйи 67
Абу-л-Хасан 'Али ибн Ридван 96
Абу-л-Хасан Бейхаки 3, 14
Абу-л-Хасан Мухаммад ибн ал-Касим ал-Фариси 86
Абу-л-Хасан ибн Мухаммад 'Али ал-Харрас ал-Ва'из 84
Абу-л-Хасан ал-Узджанди (Узканди) 86
Абу-л-Хасан ибн Кубайс, факих 78
Абу-л-Хасан ибн Мухаммад ал-Мада'ини 5, 12
Абу-л-Хасан Наср ибн Ибрахим 106
Абу-л-Хаттаб Мухаммад ибн Мухаммад Абу Талиб, 96
Абу-л-Хусайн ас-Сухайли — см. Ахмад ибн Мухаммад Абу-л-Хусайн ас-Сухайли ал-Хорезми
Абу Мансур Мухаммад ибн 'Али Арслан-хан, Караханид 57
Абу Мансур Насир ад-Дин Сабук-тегин, Газневид 25, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 41, 107

Абу Мансур ас-Са'алиби 64
Абу Мудир 66, 67
Абу Муслим 93, 94
Абу Мухаммад 'Абдаллах 31, 54
Абу Мухаммад ибн Арслан 67
Абу Мухаммад Умар ибн Ахмад ибн Абу-л-Хасан ал-Гандаби ал-Маргинани 85
Абу Наср Ахмад ибн 'Абд ар-Рахман ибн Исхак ар-Ригзамуни 87
Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад ибн 'Али ал-Астарсани ал-Базгенди 78
Абу Наср ал-Бухари 72
Абу Наср ал-Кушайри 64
Абу Наср Мухаммад ибн 'Абд ал-Джаббар ал-Утби 24, 25
Абу Наср Мухаммад ибн Махмуд ас-Сармади аш-Шуджа'и 79
Абу Наср Мухаммад ибн ал-Хакам ал-Барраз ас-Самарканди 88
Абу Наср ас-Саффар — см. Исхак ибн Ахмад
Абу Наср Фаригуни 48
Абу Наср Фариси 29
Абу Наср Хаджиб 34, 35, 42, 43
Абу Нуайм ал-Хафиз 87
Абу Райхан Беруни 218, 253, 254, 347
Абу Рашад Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Касим 84
Абу-р-Рида Ахмад ибн Ма'суд ан-Накид 78
Абу Ридха ал-Мухаммад ибн Масрур ал-Шаши 83, 84
Абу Са'д 'Абд ал-Карим ас-Сам'ани 84, 90
Абу Са'д 'Абд ал-Малик ибн Абу Усман Хуркуши 86, 90
Абу Са'д 'Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ал-Идриси 86
Абу Са'д ас-Сам'ани 72, 73
Абу Са'д ал-Халил ибн Ахмад ас-Сиджази 74
Абу Са'д ал-Хуркуши — см. Абу Са'д 'Абд ал-Малик ибн Абу Усман Хуркуши
Абу Са'д ибн ал-Араби 87
Абу Са'ид султан, Тимурид 171
Абу Са'ид-хан, Шейбанид 255
Абу Салих Гази 37
Абу Сахл ал-Масили 61
Абу Сахл ал-Масихи 97, 98
Абу Сулейман 37
Абу Сулайман Мухаммад ибн Тахир 97
Абу-т-Тайиб — см. Абу-т-Тайиб Сахл ибн Мухаммад ибн Сулайман ал-Са'луки, имам
Абу-т-Тайиб ибн Мухаммад ибн Джа'фар ибн ал-Хайр ал-Махзуми ал-Хаванди 87
Абу-т-Тайиб Сахл ибн Мухаммад ибн Сулайман ас-Са'луки, имам 45, 109, 128
Абу Талиб ибн Гайлан 79
Абу Талха Хаким ибн Наср ибн Халидж ибн Джунда-бек ал-Усрушани 86
Абу Убайд ал-Карувани 74
Абу Умран ибн 'Абдаллах ал-Ходжанди 88
Абу Ханифа 69, 78
Абу Хатима ар-Рази 87
Абу Хафс — см. Абу Хафс Умар ибн Ахмад ан-Насафи (Несефи) 79
Абу Хафс Умар ибн Ахмад ан Насафи 66
Абу-ш-Шараф Насих ибн Зафар ибн Са'д ал-мунши ал-Джарбадакани 25
Авалэ 313
Авраам 121
Адам 98
Адил аталык 257, 258
Адил-шах Бахрам джалаир 162
Азим-бай дадхах 306, 310
Азуд ад-Даула 55
Айджан-айим 282
Айчучук-айим 280, 283, 315
Ай-ходжа 281, 292, 293, 295

Аййуб ибн Ахмад ибн Аййуб ал-Баласагуни 117
Акбута-бий, сын Мухаммад Рахим аталыка 278, 270, 315
Акимушкин О. Ф. 211, 212, 352
Акраб — см. Абу-л-Фада'ил Мухаммад ибн Абу Бакр аш-Шанади ал-Абиварди
Акраба Зибби 206
Ал-Алма'и — см. Абу-л-Футух 'Абд ал-Гаффар ал-Алма'и
'Ала ад-Дин 124
'Ала ад-Дин, саййид 125
'Ала ад-Дин Алейка кукельташ 181
Аллахйар 267, 268
Ала ад-Дин Мухаммад ибн Текеш 76, 98, 213
Александр Македонский 93, 237, 339, 344
Алгу — см. Алгу (Алгуй) ибн Байдар ибн Чагатай 114, 117, 130, 160
'Али, султан 71
'Али, эмир 176, 293
'Али Акбар Деххуда 161, 169, 348
'Али Арслан-хан Абу-л-Хасан ибн Бай-таш Арслан-хан ибн Сатук Богра-хан, Караханид 106
'Али-бек ибн Махмуд Йалавач 135
'Али ибн Абу Талиб 68, 80, 218
'Али ибн Ирак ас-Синнари Абу-л-Хасан ал-Хорезми 67
'Али ибн Ма'мун 47
'Али ибн Мухаммад — см. 'Абу-л-Хасан ибн Мухаммад ал-Маданни
'Али ибн Мухаммад ибн 'Али ибн Ахмад ибн Марван ал-'Имрани ал-Хорезми Абу-л-Хасан 67
'Али ибн Мухаммад ибн Арслан ибн Мухаммад ал-Катиб Абу-л-Хасан ибн Абу 'Али ал-Мунтаджиб, 74
'Али ибн Сулайман ибн Дауд ал-Хатиби 86
'Али ибн Умар ад-Даракутни 87, 90
'Али Тулка-хан 107
'Али ибн Хариб 87
'Али Камрит (Такрит) — см. 'Али Такрит
'Али Каучин 175, 176, 184
'Алимкул 322, 324
'Алим-паша, Алим-бай, мингбаши 321, 323, 335
'Алим-хан 278, 306
'Али Такрит 165, 177
'Али-тегин, Караханид 207
Алишер Навои 169, 171, 253, 348, 355
Аллахйар, сын Ураз Мухаммада 260, 261
Аллахйар муйтан — см. Аллахйар, сын Ураз Мухаммада
Аллахкули-бек, дадхах 315
Аллахкул, кази 340
Алтунташ 39, 48
Амин Ахмад Рази 186, 187
Амин-бай, аксакал 318
Амин ад-Даула ибн Тилмиз 98, 224
Амин-султан, Шейбанид (сын Науруз Ахмад-хана) 238, 250, 255
Амир Канбар кукельташ 201
Амир Тимур 146, 147, 148, 152, 159, 160, 162, 164, 170, 172, 178, 275, 349
Амирак Ахмад ибн мирза Умар-Шайх, Тимурид 157, 173, 175, 176, 177, 184
Амир Хасан 181
Андкуй, йаргучи 181
Андреев М. С. 101
Аннакули, дадхах 280, 317
Ануширван Справедливый — см. Хосров I Ануширван
Араб Мухаммад-султан (хан), сын Муса-хана 260, 261, 267
Аргадак 144
Аргун-шах 139, 154, 178

Ардашир-тавачи 165, 166
Арендс А. К. 347, 350
Ариг-Бука, Чингизид 113, 130, 13
Аристотель 339
Арслан Хаджиб 44, 46, 47, 48
Арслан Йалу 37, 39, 40
Арслан-хан Абу-л-Музаффар Йусуф 128
Арслан-хан Мухаммад ибн Сулайман-тегин ибн Дауд Кудж-тегин (Кюч-тегин) ибн Ибрахим Тафгач (Тамгач), Караханид 106, 128
Арслан-ходжа, тархан 179
Артук-ходжа 283
Асаф 253
Аскар ибн Ибрахим 63
Аурангзеб, Бабурид 315, 317
Афак-ходжа 285, 307, 320, 325, 326, 327
Афрасиаб 197
Ахаллы С. 24, 352
Ахмад бахадир, эмирзаде 164, 165
Ахмад (ван) бек, сын Исхак-бека 321, 326, 330
Ахмад ибн Аййуб ибн Ахмад ал-Баласагуни 117
Ахмад ибн Иса ибн Убайдаллах ал-Дулафи 78
Ахмад ибн Исма'ил ас-Самани 109, 129
Ахмад ибн Мама ал-Исбахани 73
Ахмад ибн Мухаммад Абу-л-Хусайн ас-Сухайли ал-Хорезми 65
Ахмад ибн Мухаммад ибн 'Али Абу Наср ал-Астарсани ал-Базкенди 78
Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Касим ибн Ахмад ибн Хузаййу ал-Ахсикати Абу Рашад 73
Ахмад ибн Мухаммад ас-Сахри Абу-л-Фадл 64
Ахмад ибн Умар-Шайх — см. Амирак Ахмад-мирза ибн мирза Умар-Шайх
Ахмад ибн Хамдун 87
Ахмад Йусуф 152
Ахмад Мидхат 350
Ахмад мирза — см. Амирак Ахмад-мирза ибн мирза Умар-Шайх
Ахмад султан 216
Ахмад-тегин 116
Ахмад-ходжа 293, 327, 334
Ахмедов Б. А. 54, 56, 211, 213, 217, 218, 252, 309, 347, 349, 352, 357
Ахмед Рифат 24
Ахнаф ибн Кайс 7, 8, 9, 10, 11
Ахрар-авлия 293
Ахун, мударрис, а'лам 327
Ашрафян 213, 214, 352
Ашраф ибн Наджиб ибн Мухаммад ас-Касани 117, 118
Аштарханиды, династия 254, 255, 256, 294

Баба Сарик-мирза 200
Баба-султан 219, 221, 222, 224, 225, 227, 228, 255
Бабур — см. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур
Бабуриды, династия 213, 253, 256, 317
Бади' аз-Заман Абу-л-Фадл ал-Хамадани 65, 75, 238, 239, 253
Бади' ал-Милла Ва-д-Дин (Бади' ад-Дин), шейх ал-ислам 119
Бадр ад-Дин, маулана 154
Бадр ад-Дин Мухаммад ибн Бахрам ибн Мухаммад ибн Калаиниси ас-Самарканди 99
Баз-данг 339
Байазид 180
Байан сулдуз 170
Байан-Тимур Акбуга 153
Байджук — см. Мухаммад ибн Абу-л-Касим

Байкара-мирза, Тимурид 160, 161, 173
Байсунгур, Байсункур Бахадир-хан, Тимурид 146, 168, 181
Байташ-арслан 107
Байхаки — см. Захир ад-Дин Абу-л-Хасан ибн Абу-л-Касим Зайд ал-Байхаки
Байхан (Байджан-бий) 335
Балган-бика 116
Балту-джийан 339
Балху 179
Бандгир Табризи 152
Бану 351
Барак ибн Эсен-Дува (Тува) ибн Мутугэн ибн Чагатай, Чингизид 114
Барак (Борак)-оглан, 169, 178, 180, 183
Барак (Борак)-хан (Науруз Ахмад-хан), Шейбанид 111, 219, 237, 238, 250, 255
Баранов Х. К. 347
Барат диванбеги, кипчак 258
Бартольд В. В. 16, 17, 20, 25, 53, 54, 55, 56, 58, 60, 77, 88, 89, 90, 93, 94, 100, 101, 127, 128 129, 130, 131, 139, 141, 146, 147, 148, 159, 160, 161, 169, 182, 187, 211, 212, 213, 214, 237, 252, 253, 254, 293, 317, 318, 322, 344, 352, 353, 354
Батир дадхах 329
Бату — см. Бату-хан ибн Туши
Бату-хан ибн Туши, Чингизид 111, 116, 129
Баха ад-Дин-ходжа Накшбанд 263, 272, 293, 326
Бахадур-хан, дастурханчи 287
Бахарзи — см. Сайф ад-Дин Бахарзи
Бахрам, Сасанид 217, 218, 239
Бахрам Джу 200
Бахтийар-султан 215, 216
Беверидж 185, 348
Бека-султан 153
Бек аталык 229,
Бек-Бука 167
Бек Мурад-бий 290, 303
Бек-оглы 248, 249
Бейкусе (Пероз) 17
Беленицкий А. М. 147, 161, 169, 355
Бертельс Е. Э. 350
Бентович И. Б. 147, 354
Беркай, Чингизид 160
Бикай-бий 232, 251
Бильге хур Кадыр-хан, Караханид 104
Бирджанди 89
Би-таджин, китайский посол 164
Бичар, нанб 280, 317
Бичурин Н. Я. 212, 213, 306, 348
Бишкада-оглан, иджан 216
Богра-хан Абу 'Али ал-Хасан ибн Сулейман, Караханид 89, 254
Богра-хан Харун, Караханид 25, 26, 27, 54, 56, 220, 221
Болдырев А. Н. 336, 343, 350
Большаков О. Г. 147, 354
Борис А. 269, 348
Боровков А. К. 354
Браун Э. 161, 169, 357
Бретшнейдер М. П. 252, 352
Брокельман К. 24. 63, 75, 99, 127, 357
Бретель Ю. Э. 356
Босворт К. Э. 130, 212, 354
Бубай-султан 255
Будагов Л. 159, 238, 239, 253, 354
Бузар-хан (Азар-хан) — см. Бузар-хан (Озар-хан) Алмалыги

Бузар-хан (Узар-хан) Алмалыги (Алмалыки) 110, 116, 118, 129, 130
Бузахур-султан, Шейбанид, сын Султан Мухаммад-султана 229, 230, 239
Бузрук-хан тюра 324
Бузунджар-бий кийат 216
Буиды, династия 54, 55
Буйан-Ага 157
Бука-Тимур ибн Кудагай ибн Бури ибн Мутугэн ибн Чагатай, Чингизид 114, 130
Бу-л-Ислам 339
Буранчи 339
Бури ибн Мутугэн, Чингизид 112, 113, 129
Бури мирахур, аталык 259, 275, 276
Бур Капа, предводитель 187, 188
Бурундук, эмир 153, 156, 157
Бурхан — см. Бурхан-султан, Шейбанид, сын Мухаммад Рахим-султана
Бурхан ад-Дин 100, 118, 119, 293, 306, 336, 343, 344, 345, 348
Бурхан ад-Дин Алим ал-Бухари 120
Бурхан ад-Дин ал-Мукри ал-Ходжанди (Худжанди), саййид, имам, хафиз 118, 122, 131
Бурхан ад-Дин ал-Маргинани, шейх, ал-ислам 125
Бурхан ад-Дин Кдыч — см. Бурхан ад-Дин Кдыч ал-Узджендн
Бурхан ад-Дин Кдыч ал-Узджендн, шейх, имам 123
Бурхан ал-Милла ва-д-Дин ал-'Ала 122
Бурхан ал-Милла ва-д-Дин Насир ибн Абу-л-Макарим Шихаб ал-А'имма ал-Мутарризи, имам 103
Бурхан-султан, Шейбанид, сын Мухаммад Рахим-султана 220, 237, 238, 239
Бурхан ад-Дин, саид 254, 292, 333, 334
Бу-таджин, китайский посол 164
Вайс-хан Джете, Чингизид 144, 165
Валид ибн 'Абд ал-Малик 14, 17
Валидов А. З. (Тоган) 314, 316, 336, 343, 354
Вали Мухаммад-хан 257, 258, 268
Валиханов Ч. Ч. 255, 293, 294, 295, 306, 307, 308, 309, 310, 322, 323, 334, 335, 336, 343, 354
Валихан-тюра 322, 324, 332, 333, 335
Вороновский Д. Г. 346
Вамбери 354
Вассаф 134, 135, 139, 140
ал-Ватват — см. Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн 'Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ибн Йахйа ибн Мордавейх ибн Салим ибн 'Абдаллах ибн Умар ибн Хаттаб Рашид ад-Дин ал-Ватват
Вей-Юань 307, 308, 323, 348
Верховский Ю. П. 350
Вахабова Б. А. 88
Вельяминов-Зернов В. В. 187
Введенский П. П. 348
Вильданова А. Б. 349
Виткевич И. В. 348
Волин С. Л. 141, 346, 356

Гадай-султан, Гадай-хан 221
Газневиды, династия 25, 54
Галдан-Черен 345
Гален 96, 97
Ганджи Али шигаул 228, 233
Гариб ибн Макна 65
Гаухаршад-ага 161, 166, 180
Гибб 132, 134
Гийас ад-Дин Махмуд 90
Гийас ад-Дин Мухаммад 90

Гийас ад-Дин Мухаммад Джуки бахадир, Тимурид 144, 148, 166, 169, 178
Гийас ад-Дин наккаш, ходжа 146, 147, 168, 171, 181
Гиппократ 96, 99
Григорьев В. В. 89, 292, 293, 308, 309, 310, 323, 348, 354
Греков Б. Д. 354
де Гуе 5, 18, 58, 59, 60
Гумилев Л. Н. 16, 17, 348, 354
Грязневич П. А. 354
Гунджар — см. Мухаммад ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Сулейман ибн Камил ибн ʻАбдаллах ибн Амир ибн Синан ал-Бухари ал-Гунджар ал-Хафиз Абу ʻАбдаллах ибн Абу Бакр
Гурек 6, 17
Гуриды, династия 90, 91
Гуюк-хан, Чингизид 111, 112, 129

Даван-хан (Даогуан) 320, 323
Давидович Е. А. 214, 354
Давлат-ходжа, диван, кушчи 216
Дай-Минг-хан 164, 165, 166
Дамад Мухаммад Шариф 132, 134, 348
Данийал-ходжа 273
Данишменд-тегин 116
Дара ибн Шамс ал-Маʻали Кабус ибн Вашмгир, Зийарид 33, 38, 39
Дарвиш-хан 222, 224, 225, 226, 232, 236, 237, 238, 255
Дарвиш Мухаммад Каратаг 207
Дауд Таʻи, шейх 343
Дауд-тегин 116
Даулат-мирахур 274
Дауча-бий, конгурат 248
Демезон П. И. 293, 348
Денисон Росс Е. 91, 92
Дефремери 132
Деххуда — см. ʻАли Акбар Деххуда
Джабар (Джаʻфар) — см. Чапар, сын Хайду 113
Джаббарберди-хан, Чингизид 165
Джамал ад-Дин Багдади 311
Джалал ад-Дин ʻАли ибн Хасан (Чагры-хан) 128
Джалил Абу Саʻид Масʻуд 53
Джалил ал-Мульк Джалал ад-Дин, эмир 122
Джалилов О. 318, 322, 354
Джалилова Р. П. 187
Джалим-султан 254
Джами 343, 347
Джамал ад-Дин Абу-л-Хасан ʻАли ибн Йусуф Ибрахим ибн ʻАбд ал-Вахид аш-Шайбани ал-Кифти 3, 60, 61, 63, 213, 349
Джамал ад-Дин Карши 100, 101, 116, 127, 130
Джамал ад-Дин ал-Харави ал-Иламиши 123
Джамал ал-Милла ва-д-Дин 120
Джамал ал-Хакк ва-д-Дин ал-Иламиши — см. Джамал ад-Дин ал-Харави ал-Иламиши
Джамшид-бий 271, 278
Джан Ахмад, атака 204, 205, 208, 209
Джана Касапа 196
Джанкельди-бий 227
Джанкельди, аталык, конгурат 220
Джан-Ку, китайский посол 167
Джараллах 71, 125, 131
Джар-гулан 339
Джаухари 71
Джаʻфар-тегин 37, 46, 47, 48, 49, 55

Джахангир, Тимурид 152, 159, 162, 163
Джахангир-ходжа; Джахангир-хан тюра-йи саййид-и Афаки 277, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 313, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 328, 329, 330, 331, 334, 355
Джахан-шах 168, 180, 220
Джахан-шах ибн Джаку, эмир 168, 209
Джебе-нойон (Жебе-нойон) 111, 129
Джолай, сын Матабия 332, 336
Джуванмард ʻАли-султан (хан), Шейбанид 221, 222, 223, 224, 237, 250, 255,
Джувейни 128, 129
Джузайа 131
Джуки Мирза — см. Мухаммад Джуки бахадир
Джучи-хан, Чингизид 111, 158, 159, 160
Диваев Д. А. 254, 354
Дин Мухаммад, диванбеги 260
Дин Мухаммад-султан 225, 229, 238
Дмитриева Л. В. 322, 333, 354
Долинина А. А. 347
Дорн 169
Достим, аталык 251
Достим-султан, Шейбанид, сын Махмуд-султана 227, 236, 237, 238, 255
Дубайси 78
Дува-хан ибн Барак-хан, Чингизид 246, 253
Дулба-джийан 339
Думан Л. И. 17, 350
Дустим курчи 232
Дустим-бий кушчи 231, 232
Дустим-султан (ʻАбд ал-Куддус-султан), Шейбанид, сын Искандар-султана 219, 229, 231, 234, 238, 250, 251, 255
Дуст-мирза хазиначи, чухра-агаси 228, 230, 232

Епифанова Л. М. 187
Есу-Мункэ ибн Чагатай 112, 113, 129, 130
Ефремов Ф. 356

Жуковский В. А. 55, 56, 141, 146, 354
Жобер 57

Завадовский Ю. Ю. 354
Закир-ходжа ишан 297
Замбаур 357
аз-Замахшари — см. Абу-л-Касим аз-Замахшари
аз-Захид ас-Саффар Ибрахим ибн Исмаʻил ибн Исхак ибн Ахмад 72
Захидов В. 348
Захир ад-Дин Мухаммад Бабур 4, 185, 186, 213, 253, 348
Зайд — см. Яхйа ибн Зайд
Зайн ал-милла ва-д-Дин 121
Зарбахш ал-Бахарзи — см. Сайф ад-Дин Бахарзи
Зийа ад-Дин-ходжа 313, 326, 334
Зийа-бек 340
Зийад ибн Салих — см. Зийад ибн Салих ал-Хузаʻи
Зийад ибн Салих ал-Хузаʻи 94
Зулфикар-тегин 116
Зухр ад-Дин Таджи хаким-бек 310, 312, 314

Ибадаллах-султан (Ибадаллах-хан), Шейбанид 227, 238, 257, 258, 259

Ибн Аббас ас-Сахиб — см. Исма'ил ибн Аббад
Ибн Абу Усайби'а — см. Муваффак ад-Дин Абу-л-Аббас ибн ал-Касим ибн Халифа ибн Йунус ал-Хазраджи Ибн Абу Усайби'а
Ибн ал-Асир — см. 'Изз ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ибн ал-Асир ибн Джузайи
Ибн Баттута 131, 132, 134
Ибн ал-Кифти — см. Джамал ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али ибн Йусуф Ибрахим ибн 'Абд ал-Вахид аш-Шайбани ал-Кифти
Ибн Сина 98, 99
Ибн ал-Факих Абу Мансур 'Абд ал-Валид ибн Ибрахим 87, 89, 90
Ибн Нукта Умран 86
Ибн Тахир 85
Ибн Халликан 75, 88, 349
Ибн ал-Хаммар — см. Абу-л-Хайр ибн Сивар ибн Баба ибн Бехнам (ибн ал-Хаммар)
Ибн Хаукал 3, 18, 57, 58, 60
Ибрахим 260, 269
Ибрахим-аталык 263, 264, 265, 266, 280, 315
Ибрахим ибн 'Али ибн ал-Хусайн Абу Исхак ал-Куба'и ас-Суфи 85
Ибрахим ибн Арслан-хан Мухаммад ибн Сулейман 106
Ибрахим парваначи, аталык, сын Рустам аталыка 262
Ибрахим-султан, Тимурид 148, 153, 158, 181
Иванов П. П. 213, 364
Иджал 158
Идриси 3, 57, 60
'Изз ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ибн ал-Асир 93, 94, 128, 349
'Изз ад-Дин ибн 'Али 95
Иким-бий, аталык 227
Иламиши — см. Джамал ад-Дин ал-Харави ал-Иламиши
Илангир 176
Ил-Бутар 116
Ильчи-малик 123
Имамкули-хан, Аштарханид 245, 247, 148, 249, 254, 256
Имам 'Али Кундузи 350
Имин-ходжа ван-ханлык 314, 327, 334
'Имрани — см. 'Али ибн Мухаммад
Инайат-бек 339
Инкиш-бек 339
Ирдана-бий (бек) 281, 282, 293, 295, 306, 315
'Иса дадхах (Иса-бек дадхах) 286, 298, 299, 307, 327, 328, 329, 331, 334
Исан-тайши 187, 188, 211
Искандар (Зу-л-карнайн) — см. Александр Македонский
Искандар-султан 189, 197, 201, 202, 204, 208, 209, 210, 212
Искандар, эмир 153, 180, 232
Искандар-оглан 162
Искандар Хинду-Бука 179
Искандаров Б. Н. 346, 364
Ислам-бек 339
Исма'ил бакаул 274
Исма'ил ибн Аббад 54, 64
Исма'ил ибн Мансур 104
Исма'ил Мунтасир — см. Абу Ибрахим Исма'ил ибн Нух
Исма'ил тавачи, бакаул 273
Исма'ил-ходжа, накиб 258, 260
Исма'ил ибн 'Али ал-Гази ал-Байхаки Абу-л-Касим 73
Истахри 18, 58, 60, 86, 87, 88
Исфандийар-султан, Шейбанид, (сын Хосров-султана) 227, 230, 231, 234, 236, 238, 250, 255
Исфизари 169, 349
Исхак 21

Исхак диванбеги 291, 292, 294, 329, 330
Исхак-хан (Исхак-бек) 309, 310, 312, 313, 321, 334
Исхак ибн Ахмад ибн Шабиб ибн Наср ибн Шабиб ибн ал-Хакам ибн Аклаз ибн ʻАкаба ибн Йазид ибн Салма ибн Руʻба ибн Хафатих ибн Ваʻил ибн Худайм ибн Зубйан ас-Сафар Абу Наср ал-Адиб ал-Бухари 72
Ишан Султан-хан 296
Ишим-султан 247, 248, 249, 254
Иш Кара-султан 248
Йадгар-дадхах 275
Йадгар Фаттан 179, 184
Йадгар-шах, арлат 157
Йаʻкуб-бек 324, 336
Йаʻкуб-бий, дурман 216
Йаʻкуб-джан 339
Йаʻкуб конгурат диванбеги 267
Йакут Абу ʻАбдаллах Шихаб ад-Дин Йаʻкуб ибн ʻАбдаллах ар-Руми ал-Хамави 3, 61, 63, 72, 75—77, 88—90, 99, 212, 349
Йакут ал-Хамави — см. Йакут Абу ʻАбдаллах Шихаб ад-Дин Йаʻкуб ибн ʻАбдаллах ар-Руми ал-Хамави
Йалавач — см. Махмуд Йалавач ибн Мухаммад ал-Хорезми
Йамин ад-даула Махмуд — см. Махмуд Газневи
Йариды, династия 344
Йармухаммад султан, сын Джанибек-хана 229
Йахйа ибн Адди 96
Йахйа Ходжа 334
Йахйа ибн Ахмад Абу Закарийа ал-Фараби 73
Йахйа ибн Зайд 80
Йахйа ибн Мансур 62
Йезид ибн Мухаллаб 17
Йездигерд 6, 7, 8, 9, 10, 11, 16, 17
Йи-таджин 165
Йису 21
Йунус-хан 187
Йусуф 61
Йусуф Али-хан 339, 340
Йусуф-бек 268
Йусуф-бий 340
Йусуф ибн Абу Бакр ибн Мухаммад ибн ʻАли Абу Йаʻкуб ас-Саккаки, имам 70, 103, 127
Йусуф ибн ал-Касим ал-Майаниджи 87
Йусуф Кадыр-хан ибн Харун Богра-хан ибн Муса Тулка-илек ибн Сатук, Караханид 49, 51, 56, 105, 106, 128
Йусуф-ходжа, эмир 158
Йусуф-ходжа 162, 293, 326, 329, 330, 331, 334, 335

Кавам ад-Дин Саʻид ал-Махани 99
Кадри Хафиз Тукан 34
Кадыр-Малик 124
Кадыр-хан — см. Йусуф Кадыр-хан ибн Харун Богра-хан ибн Муса Тулка-илек ибн Сатук
Казвини — см. Хамдаллах Казвини
Казы-бий, сын Турды-бия 261
Кайду (Хайду) ибн Кастай, Чингизид 111, 113, 114, 115, 129
Кайду-хан ибн Каши ибн Угэдэй-каан, Чингизид 246, 254
Калин, сын аш-Шахира 79, 89
Кал Мушарафф, мирза 259, 269
Камал — см. Муса Рахмал
Камал ад-Дин ʻАбд ар-Раззак ибн Джалал ад-Дин Исхак Самарканди 4, 141, 147, 148, 161, 169, 170, 171, 172, 182, 184, 347

Камал ал-милла ва-д-Дин Абу ʿАбдаллах ал-Хусайн ибн ал-Музаффар ал-Балади аш-Шейбани 120
Камал ал-милла ва-д-Дин ал-Музаффари, садр 107, 126
Камал ал-хакк ва-д-Дин, Михр ибн Кабир Мухаммад ан-Нуʿмани, шейх 121
Камал ал-хакк ва-д-Дин ал-Хорезми, шейх 126, 161
Камар ад-Дин, эмир 162, 163, 170, 180
Камран-мирза 186
Канаат-шах 324
Канбар (Камбар, Канбар-бий) 233, 279
Кандабаз ас-Самарканди — см. Ала ад-Дин, саййид
Кара Йусуф туркман 152
Кара саййид 216
Караханиды, династия 25, 54, 89, 253, 254, 294, 307
Кара-ходжа 158, 159
Кара-Хулагу (Хара-Хулагу) ибн Мутугэн, Чингизид 112, 113, 114, 129
Карун 50, 56
Карши — см. Джамал ад-Дин Карши
Касани — см. Ашраф ибн Наджиб ибн Мухаммад ал-Касани
Касим ибн Абу Бакр ал-Каффал аш-Шаши 101
Касим ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад Абу Мухаммад ал-Хорезми 65, 70, 71, 338
Касир 73
Кастай 79
Катрмер Э. 146
Катта-хан тюра (Ишан-хан тюра) 322, 324
Кафир-хан 269
Каффал — см. Касим ибн Абу Бакр ал-Каффал аш-Шаши
Кахлан, династия 57
Кейхату-хан 139, 140
Келдиш-бий 231, 232
Кенегес-айим — см. Айчучук-айим
Кепак-бий кушчи 216
Кепак-султан 162
Кипчак-хан — см. Ходжамкули-бек Балхи
Кичик-хан тюра 322, 324
Клавихо Рюи Гонсалес 160
Клапрот 293
Клыч Тамгач-хан Масʿуд 128
Козы-бий 313
Козлов П. К. 354
Конгур-бий кушчи 216
Кононов А. Н. 24, 354
Корнилов 212, 213, 355
Крачковский И. Ю. 59, 75, 76, 88, 89, 134, 139, 160, 213, 355
Кубилай (Хубилай-каан), Чингизид 113, 135, 139, 140, 247, 254
Кудаш 205, 206
Кузнецов В. С. 334, 355
Кукча, посол 168
Кулбаба, кукельташ 233, 238, 251
Кулмухаммад, саййид 216
Кулмухаммад, сын мира Худайдада 144, 180
Кумайт 84
Кумеков Б. Е. 57, 59, 88, 89, 353
Кусаййар 12
Кун-ходжа-хан 281, 292, 295, 315
Курбан ʿАли ибн Халид Аягузи 324, 325
Куропаткин А. Н. 355
Кусам ибн Аббас Аспаки 292,
Кутайба ибн Муслим 5, 11, 12, 14, 16, 17
Кутб ад-Дин Хабаш Амид, везир 116, 130

Кутлук, аталык (Кутлук диванбеги) 259, 261, 269
Кутлуков М. 213, 307, 310, 336, 352, 355
Кучак-оглан аталык, диванбеги 251
Кучлук — см. Кучлук-хан ас-Сагизи
Кучлук-хан ас-Сагизи, найманский хан 107, 110, 111, 128
Кучук диванбеги 259, 260
Ладунйа, тархан 172
Ласточкин 213, 214
Лата Джутдан, правитель 198, 204
Лахути 351
Лачин 339
Лашкар кушбеги 291, 295, 304, 329, 330, 334
Левкинский Е. В. 348
Лемлей 347
Ли-Да 167
Липперт И. 61, 63
Ли-таджин 165, 166
Литвинский Б. А. 57, 59, 352
Лу-таджин 165
Лутфаллах Ходженди (Шабид) 278
Лутфаллах, эмир 172

Маджд ад-Дин ал-Хорезми, имам 103
Маджд ал-Милла ва-д-Дин (Маджд ад-Дин) 119
Макдиси 89
Малик Ислам 121, 180, 181
Малик йасаул 175
Малла-хан 322, 324
Ма'мун — см. Ма'мун ибн Мухаммад
Ма'мун ибн Мухаммад 6, 31, 54, 62
Ма'мун сын Харуна ар-Рашида 43
Мансур, факих 86
Мансур-ходжа накиб 267
Марголиус Д. С. 63, 75, 232
Маркварт 89
Марко Поло 89
Маркс К. 3
Ма'руф Каррухи 343
Мас'уд — см. Джалил Абу Са'ид Мас'уд, эмир
Мас'уд, сын Мансура 86
Мас'уд III 57
Мас'уд IV 115
Мас'уд ибн Махмуд ал-Хорезми 115, 130
Мас'уд Кухистани 351
Мас'уд Чагры-хан 107
Ма'сум-хаджи, аталык 262, 297
Ма'сум-хан, тюра 277
Матабий 332, 336
Маулана Дарвиш Мухаммад Каратаг 204
Маулана Фасих Руйи — см. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад
Махди-султан 219, 225, 228, 230, 232, 233, 235, 236, 251, 252, 255
Махдум-и-Азам 264, 274, 276, 278, 307, 315
Махдум ходжа Мухаммад Йусуф 204
Махмуд ад-Дин-ходжа 317
Махмуд Газневи 25, 43, 44—46, 48—50, 52, 53, 56, 57, 96, 107—110, 128
Махмуд, аталык — см. Махмуд-бий катаган
Махмуд-бий катаган 204, 256, 266, 268
Махмуд аз-Завали 117
Махмуд ас-Сирафи 74

Махмуд ибн ал-'Азиз ал-Ариди Абу-л-Касим ал-Хорезми 64
Махмуд ибн Вали 237, 239, 240, 252, 344, 348, 349, 352
Махмуд ибн Джарир ад-Даби ал-Испахани Абу Мудар 66, 67
Махмуд ибн Умар аз-Замахшари 67
Махмуд Йалавач (Ялавач) ибн Мухаммад ал-Хорезми 114, 115, 130
Махмуд Кашгарский (Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари) 20, 24, 349, 352
Махмуд ибн Мухаммад ал-Ислами 65, 75
Махмуд-мирза 201, 202, 203, 206, 207
Махмуд, сын Кутлука, диванбеги 261
Махмуд-султан, Шейбанид, сын Сулайман-султана 169, 227, 238, 255
Махмуд-хан ибн Ил-Арслан, хорезмшах 109, 129, 289
Махмуд тархан 179
Махмуд Фаррух 161, 351
Махмуд-хан, тюра 285, 290, 297, 302, 303, 307
Махруй 44
Махтум-ханим 188
Махуй Сури 7, 8
Мемет-бек, 309
Менгу-каан, Чингизид 139
Мерверруди — см. Мухаммад ибн Хамид ибн 'Абд ал-Малик ал-Мунаджжим ал-Мерверруди
Мехди Мирзайи ширин 249
Мехр Нигар-ага (Михр Нигар-ханум) 166, 178, 179, 253
Мжик Г. Ф. 132, 134
Миклухо-Маклай Н. Д. 53, 213, 346, 355
Минги, династия 278
Мингли Тимур Байири 145
Минорский В. Ф. 130
Минучехр Сетудэ 93, 351
Минучихр 38, 39
Мир, династия 344
Мирза Алим Ташканди 349
Мир Алишер Навои — см. Алишер Навои
Мир Мухаммад Амин Бухари 349
Мир Даим 'Али 200
Мирза-хан 211
Мирза Алим, сын Мирза Рахима Ташканди, историк 314, 348
Мирза Абу Бакр 212
Мирза Баба-бек 317
Мирза Бади Диван 349
Мирза Бурхан ад-Дин (Мирза-йи Калан) 337, 338, 343
Мирза Зийа ад-Дин 340, 341, 344
Мирзаев Э. М. 212, 213, 347, 348, 355
Мирза Хайдар — см. Мирза Мухаммад Хайдар
Мирза Мухаммад Хайдар 101, 185, 186, 187, 199, 203, 212, 213, 245, 253, 356
Мирза Набат 340, 341, 342, 343
Мирза Шамс Бухари 293, 309, 310, 348
Мир Йар-бек-хан, эмир 340
Мир Падшах 340, 341, 342
Мир Хайдар 293
Мир Халаддин Йарканди 310
Михайлова А. И. 101, 127, 254, 355
Монгол 244, 245
Муаййид ал-Мансур Дустур ибн Дустур Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Ма,'уд II 115
Мубарак-шах — см. Мубарак-шах ибн Хара-Хулагу, Чингизид
Мубарак-шах ибн Хара-Хулагу, Чингизид 90, 91, 93, 113, 114, 130
Муваффак ад-Дин Абу-л-Аббас ибн ал-Касим ибн Халифа ибн Йунус ал-Хазраджи Ибн Абу Усайби'а 3, 94, 95, 97, 99, 349

Муджри — см. Бурхан ад-Дин ал-Мукри ал-Худжанди (Ходжанди)
Мугинов А. М. 318, 322, 333, 354
Музаффар-султан, Шейбанид, сын Джуванмард ‘Али-султана 223, 237, 252, 253
Музаффар, эмир 324
Му‘ин ад-Даула 54
Мульк-ага (ханум) 153, 155
Мулла Нияз Мухаммад б. Ашур Мухаммад 351
Мумин-султан, сын Амин-султана 224, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 238, 250, 252, 255
Мумин-ходжа шейх ал-ислам, сын Падшах-ходжа Парсаи 269
Мунир ибн Аййуб ал-Касим ал-Оши, садр 123
Мункэ-хан, Чингизид 111, 112, 113, 115, 116, 129, 130
Мурад-султан 248
Муратов С. А. 322, 333, 354
Муса Рахмал (Камал) 158
Муса ибн Мулла Айса 350
Мусака, эмир 175, 176, 184
Муса Сайрами 317, 318, 334, 353
Муса-бий 274
Муса-хан 260, 270, 290, 303
Муса ибн ‘Абдаллах ал-Агмани 75
Мустафа, пророк 103
Мустафа-оглан маджар 216
Мустоуфи 241, 242, 247
Мутарризи — см. Насир ибн ‘Абд ас-Саййид ибн ‘Али Абу-л-Фатх ал-Мутаризи ал-Хорезми
Мутталибов С. М. 349
Мухаллаб ибн Ийас 11
Мухаммад, адиб 74
Мухаммад, пророк 30, 52, 57, 93, 105, 127, 140, 215, 269, 292
Мухаммад ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ар ар-Рахим ал-Хафиз ал-Кассара 85
Мухаммад Азад 153
Мухаммад ‘Али-хан 277, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 318, 319, 321, 322, 323, 327, 328, 329, 332, 333, 339
Мухаммад Амин-бек 271
Мухаммад Арслан-хан 107, 111
Мухаммад аталык 258
Мухаммад Ахун 330
Мухаммад Бадахши 336
Мухаммад Баки-бий 228, 230, 231, 233
Мухаммад Бахши 144, 147
Мухаммад-бек 144, 216, 331
Мухаммад-хан 164, 173, 260, 269
Мухаммад-ван 307, 327
Мухаммад-Дарвиш барлас 157
Мухаммад Джуки бахадур, махдумзаде — см. Гийас ад-Дин Мухаммад Джуки бахадур, шахзаде
Мухаммади барлас 209
Мухаммад ибн ‘Али аз-Заузани 63
Мухаммад ибн Ахмад ибн ‘Али ибн Халид Абу ‘Абдаллах ал-Оши 86
Мухаммад ибн Абу-л-Касим Байджук Абу-л-Фадл ал-Баккали ал-Хорезми ал-Адами 68, 69
Мухаммад ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Сулайман ибн Камил ибн ‘Абдаллах ибн Амир ибн Синан ал-Бухари ал-Гунджар ал-Хафиз Абу ‘Абдаллах ибн Абу Бакр 73
Мухаммад ибн Арслан 75
Мухаммад ибн Джарир — см. Табари
Мухаммад ибн Мансур Мерверруди — см. Мубарак-шах

Мухаммад ибн Мухаммад ибн ‘Абдаллах ибн ‘Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ибн Йахйа ибн Мордавейх ибн Салим ибн ‘Абдаллах ибн Умар ибн ал-Хаттаб Рашид ад-Дин ал-Ватват 68
Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кубави 123
Мухаммад ибн Наджиб Бекран 213
Мухаммад ибн Тахир 87
Мухаммад ибн Хамид ибн ‘Абд ал-Малик ал-Мунаджжим ал-Мерверруди 62
Мухаммад Имин 293, 306, 308, 323, 348
Мухаммад, имам 340
Мухаммад Зубайр ас-Сиддики 169
Мухаммад Ислам-ходжа 239
Мухаммадйар ибн Араб Катаган 350
Мухаммад Йусуф ибн Бабаджан-бек 17
Мухаммад Йусуф-ходжа 291, 295, 304, 305, 309, 310
Мухаммад Казы 169
Мухаммад Касим-султан 225
Мухаммад Махмуд ибн Арслан 64
Мухаммад Мумин-султан ибн Амин-султан 219, 227, 228, 229
Мухаммад Назар дадхах 260
Мухаммад ан-Ну‘мани (Михр ибн Кабир) 126
Мухаммад Раззак, сын Пирназар-бая 332
Мухаммад Рахим, аталык 270, 271, 305, 314, 315
Мухаммад Рахим, диванбеги 287, 291, 292, 300
Мухаммад Рахим-султан 257
Мухаммад Садик, диванбеги 294, 300
Мухаммад Садик Кашгари 5
Мухаммад Са‘ид-ходжа, накиб 258, 260, 268
Мухаммад саййид ван-беклит 311
Мухаммад-султан 163
Мухаммад Табан 175, 176, 184
Мухаммад Таки Даниш Пажух 161, 350
Мухаммад Туглак 213
Мухаммад Тулка-хан 107
Мухаммад ал-Фарахи 117
Мухаммад Халик-бий 278
Мухаммад Хайдар — см. Мирза Мухаммад Хайдар
Мухаммад Хаким-хан 277, 307, 356
Мухаммад-хан 174, 176, 184, 260, 261, 267, 269, 295
Мухаммад-ходжа 297
Мухаммад Хусайн Гораган 186
Мухаммад Хусайн Хаким-бек ибн Таджи-бек 5
Мухаммад Шариф-султан 225, 310, 325
Мухаммад Шариф-ходжа 291, 304, 329
Мухаммад Шафе 146, 347
Мухаммад-шах, правитель Кашгара 189, 212
Мухаммад Джевдат 132
Мухлисов Ю. 322
Мухсин ибн Таг 47
Мухтаров А. М. 350

Наджиб ад-Дин Абу Хамид Мухаммад ибн ‘Али ибн Умар ас-Самарканди 99
Наджм ад-Дин ал-Кубра, шейх 126, 131
Наджм ал-милла ва-д-Дин ас-Садари ас-Сахиби, имам, 122
Наджм ал-Хакк ва-д-Дин, имам, 126
Надр Мухаммад-хан, Аштарханид, 249, 255
Назаров Филипп 334, 350
Наких 102
Накшбанд — см. Баха ад-Дин ходжа Накшбанд
Накш-и Джахан-оглан — см. Накш-и Джахан ибн Шам‘и Джахан

Накш-и Джахан ибн Шам'и Джахан, Чингизид 165, 166, 176, 177
Наливкин В. П. 101, 308, 309, 355
Наллино 99, 350
Нарбута-хан (Нарбута-бий) 278, 287, 294, 307
Нармухаммад (Нормухаммад), дадхах 332
Насиф Самарканди 349
Насир, эмир 125
Насир ад-Дин Сабук-тегин — см. Абу Мансур Насир ад-Дин Сабук-тегин
Насир ибн 'Абд ас-Саййид ибн 'Али Абу-л-Фатх ал-Мутарризи ал-Хорезми 69
Наср ибн Насир ад-Дин — см. Абу-л-Музаффар Наср ибн Насир ад-Дин
Наснас, легендарное чудовище 119, 131
Наср, эмир 39, 40, 41, 48
Наср, илек-хан, Караханид 107, 128
Наср ибн Ахмад ибн Исма'ил ал-Кинани 19, 72
Наср ад-Дин, дадхах 332, 333, 336
Насраллах, бухарский эмир 305, 309
Наср Арслан-илек, сын Али Тулка-хана, сына Бай-таш Арслана, сына Сатук Богра-хана, илек-хан — см. Наср илек-хан
Наср ас-Самани (Абу Наср Самани), миссионер 105
Наср ибн Ахмад ас-Самани 89
Наср ибн Мансур 104
Наср ибн Насир ад-Дин, эмир 29, 37, 38
Науруз Ахмад-хан — см. Барак-хан
Науруз Бахши 219
Науруз-бий, парваначи 227, 233
Нигматджан (Намед-хан) 335
Низам ад-Дин Шами 141, 146, 351
Низам ал-Мулк 71, 228
Нийаз-бек 270, 339, 342
Никбай (Никтай, Никпай-огул) ибн Сарбан ибн Чагатай 114, 130
Ни 'маталлах, дадхах, найман 262, 264, 269
Ной 21, 54
Нур ад-Дин — см. Шайх Нур ад-Дин
Нур 'Али, диван 207
Нурмухаммад, ахунлык 314, 335, 336
Нусрат ад-Дин, имам 123, 125
Нусрат ад-Дунйа пахлаван Махмуд, эмир 125
Нух Харун 54
Нух ибн Мансур, Саманид 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 54, 104
Нуширван, сын Буйан-ага 127, 157, 173

Обручев В. А. 214, 355
Огул-ходжа ибн Дува-хан 162
Оргина (Эргэнэ, Оркына-хатун) 114, 129, 130

Падшах-ходжа парсаи 260
Пайан сын Хукта-нойона 135, 136, 137
Пайанда-бек 312
Пайанда Мухаммад-султан, Шейбанид, сын 'Абд ал-Куддус-султана 229, 236, 239
Панкратова Б. И. 350
Пакламиш 135
Пантусов Н.— 318, 351
Пахлаван Джамал 181
Пахлаван Казак 340
Петров К. А. 211, 355
Петрушевский И. П. 55, 135, 169, 212, 350, 355

Пешерева Е. М. 269, 355
Пигулевская Н. В. 355
Пирали Манкали-Буга, сулдуз 157
Пирмухаммад — см. Пирмухаммад Тагай-Буга
Пирмухаммад Тагай-Буга 153
Пирмухаммад, Тимурид 149, 152, 157, 159
Пирназар-бий 332
Пирназаров 336
Пирнакш, кипчак 260, 261
Пишдадиды, династия 218, 239, 253
Пищулина К. А. 211, 213, 355
Пове де Куртель 185, 348
Полякова Е. А. 159, 351
Птолемей 86
Пулад-бек 330
Пуладчи, эмир 252

Раджаб Мухаммад-султан (Раджаб-хан, Раджаб Мухаммад-хан) 264, 265, 266
Раверти Х. 161, 169
Рази 96
Рамазан, узбек 175
Растани 70
Рахимкули чухраагаси 232
Рахим, тукоаба 260
Рахим-хан ('Абд ар-Рахим-бек) 283, 314, 315
Рахим-хан, сын Шахрух аталыка (кокандский хан) 278, 279, 280, 281, 283
Рашид ад-Дин 135, 139, 140, 160, 253, 254, 350
Рашид-бек 340
Риза ад-Дин ибн Фахр ад-Дин 350
Рашид-султан — см. 'Абд ар-Рашид-султан, сын Султан Са'ид-хана
Рено де Слэн 147
Риттер К. 292, 355
Рожер II Норманнский 57
Рози шум 335
Ромодин В. А. 292, 293, 355, 356
Ромаскевич А. А. 346, 350, 356
Рор-Зауер 89
Росс Е. Д. 187, 212, 213, 214, 350
Рум, сын Имсу, сын Исхака, сын Авраама (Ибрахима) 21
Рустам, аталык 262
Рустам-мирза, Тимурид 173, 181
Рустам Мухаммад-султан 257
Рустам Тагай-Буга 157
Рустам, сын эмира Сулайман-шаха, эмир 176, 269
Руфус 97
Рье Ч. 349

Са'адат-бек 327, 331
Са'алиби 65, 66
Сабук-тегин — см. Абу Мансур Сабук-тегин
Са'д ад-Дин, садр 100
Са'д ад-Дин Джуйбари 338
Са'д Абу-л Макарим Риззаллах ибн Мухаммад ибн Абу-л-Хасан ибн Умар ал-Кубави 85
Са'д ал-Милла ва-д-Дин, имам 121
Саблуков Г. С. 159
Сабук-тегин — см. Абу Мансур Насир ад-Дин Сабук-тегин
Садик Бора-хай — см. Сатук Богра-хан
Садр-джахан 71

Садр ад-Дин ас-Сахиб 122
Садр ад-Дин ибн Низам ад-Дин 68
Садр Ислам Башлиг 167, 179, 180, 184
Садри Афшар 161, 169, 357
Са'ид бай 340
Са'ид ибн ал-Мутаххар 126
Саид-хан (Саид-ходжа) 335
Са'ид-ходжа Шайх Али Бахадир 156
Саййид 'Али, дуглат, эмир 211
Саййид 'Али, тархан 173, 175, 188
Саййид Ахмад 161
Саййид Бурхан ад-Дин Клыч, шейх — см. Бурхан ад-Дин Клыч Узджендн
Сайф ал-Хакк ва-д-Дин Са'ид ибн ал-Мутаххар ал-Бахарзи — см. Сайф ад-Дин Бахарзи
Сайф ад-Дин Бахарзи 111, 118, 126, 129, 131
Сайфи Херави 169, 350
Салахитдинова М. А. 347
Салье М. А. 185, 348
Сам'ани 74, 127
Саманиды, династия 25, 26, 27, 35—37, 41, 42, 54, 55, 89
Санг Мухаммад Бадахши — см. Мухаммад Бахши
Санджар-султан (Санджар-хан), сын Ибадаллах-хана 258, 259, 262, 268, 269
Сари-Бука 162
Сариг Усман, мангыт 216
Сарик-оглан 168, 180, 181
Сарымсак-ходжа 293, 306, 326, 327, 334
Сатилмеш-бек — см. Мас'уд III
Сатук Богра-хан 54, 104—107, 127, 294, 298, 307
Сатук Богра-хан ал-Муджахид 'Абд ал-Карим ибн Базир Арслан-хан ибн Бильге хур Кадыр-хан — см. Сатук Богра-хан
Сахиб-и Кафи (Исма'ил ибн Аббад) 37, 75
Сафи' 44
Сейфи Ахмад ибн Умар-Шейх, Тимурид 152, 159, 165
Сейфи Челаби 17, 350
Сельбек-туркан III, 129
Слезневский Ш. И. 349
Сельджук ибн К. н. к. (Канук) 109
Сельджук сын Тукака (Дукака) — см. Сельджук ибн К. н. к. (Канук)
Семенов А. А. 346, 348, 349, 350, 356
Сельджукиды, династия 128
Сефевиды, династия 255
Сигнаки — см. Камал ад-Дин Хорезми
Сиддик-бий 294, 296, 316
Сиддик, мир 286,
Сиддик, эмир 165, 177, 184
Симоновская Л. В. 354
Синд ибн 'Али 62
Синнари 67
Си юй Шу 313
Спет О. Х. 356
Старкова А. А. 351
Стори Ч. А. 53, 139, 146, 169, 356
Строева Л. В. 355
Субханкули-хан 256, 257, 259
Сугнак-тегин 99, 110, 116, 129
Суйунчкули (Суюнчкули) 216
Суйунч Мухаммад-султан 229, 231, 250, 255
Суйунч-ходжа-хан, Шейбанид, сын Абу-л-Хайр-хана 215
Суйургатмыш 144, 147

Суйути 63, 350
Сулейман (Соломон, Сулайман) 131, 227, 232, 253
Сулейман, халиф 11, 17
Сулейман-бек 282, 341
Сулейман ибн ʻАбд ал-Малик 14
Сулейман ибн Дауд (Хаджжадж ал-Хотани) 79
Сулейманов Б. 346
Сулейман-тегин 116
Сулейман-хан, сын Сулейман-бека 341, 342
Сулейман хаджиб 44
Сулейман-шах, эмир 163, 176, 255, 342
Сулейман-шах-мирза, сын Мирза-хана 210
Суллами ʻАбд ар-Рахман ибн Мухаммад ибн Хасан ан-Найсабури 90
Султан Абу Саʻид султан, Шейбанид 222
Султан Ахмад 168, 181, 188
Султан Кушбеги 263
Султан Махмуд-оглан 183
Султан Махмуд-хан 186
Султан Саʻид 324
Султан Саʻид-хан, сын Абу Саʻид-хана 188, 189, 311, 221, 237
Султан-хан тюра (ишан, ходжа-калан) 282, 287, 293, 300, 301, 303
Султан Увайс 188
Султан Хусайн, Тимурид 154, 156, 157, 257
Султан-шах 144, 292, 293, 306, 337, 338, 339, 343
Султан-хан 287, 288, 290
Султан-шах, барлас 173
Сун, династия 130
Суранчи 311, 313
Сурхафсар 336
Суругтани (Сиюркуктани, Сурхуктани)-бики 129
Суфи-оглан 180
Суюнч-бий 248
Сыгнаки — см. Камал ал-Хакк ва-д-Дин ал-Хорезми, шейх
Сюбаши-тегин 46, 47, 48
Суань цзун (Дао гуан) — см. Даван-хан

Табари 5, 7, 9, 16, 17, 54, 122, 350
Таваккал-бек 339
Таваккал-султан 234, 239, 252
Таганджук (Таганчик) 45
Тадж ад-Дин, ходжа 144
Тадж ал-Милла ва-д-Дин ар-Рази Берди аш-Шаристани 124
Тайзи-оглан 149, 158, 159
Тай-цзун, император 6, 16
Тамгач-хан Ибрахим 128
Тамим ибн Бахр ал-Мутавваʻи 77, 88
Танги Сакаб 206, 207
Тангриберди 339
Тангрикули 220
Таниш-бий джалаир 227, 252
Танская династия 17
Татар 244, 245
Тауэр Ф. 146
Тафгадж-хан (Тамгач-хан) 107, 128
Тахир-султан 219, 226, 227, 228, 238, 314
Таширун, правитель 188, 201, 204
Таштимур (Баштимур)-оглан 149, 158, 159
Тегин-хан 37
Текеш ибн ил-Арслан 109, 110, 129

Текудар Ахмад, Чингизид 139
Темур-каан ибн Чингим ибн Кубилай 113, 140
Тимур, (Тамерлан) — см. Амир Тимур
Тимур-бек 340
Тимуриды, династия 171, 180, 185, 253
Тизенгаузен В. Т. 356
Тимур кураган — см. Амир Тимур
Тимур-оглан 216
Тимур-ходжа Акбуга 153, 164
Тимур-ходжа ибн эмир Акбуга — см. Тимур-ходжа Акбуга
Тиним-султан 255
Тихонов Д. И. 318, 322, 356
Тоглук-Тимур (Туглук-Тимур) — см. Тоглук-Тимур-хан
Тоглук Тимур-хан ибн Огул-ходжа ибн Дува-хан, Чингизид 162, 170, 187, 252, 352
Тогрул-хан — см. Бузар-хан Алмалыги 110, 111
Тока-бек 331
Толстов С. П. 128, 356
Томашек 57, 59
Тюрнберг 93, 94
Тохтакийа 163
Тохтамиш-хан 158, 159, 160, 162
Тува ибн Борак 114, 130
Туганджук (Туганчук, Туганчик) 44, 108, 109, 128
Туган-хан 49, 51, 52, 53
Тузташ, хаджиб 40
Тукал 164, 176
Тули Хаджи-бий, кушчи 216
Тулкан-тегин 116
Тулуй-хан, Чингизид 129, 139, 160
Тур ибн Йафас 245, 246
Тур ибн Фаридун 244, 245
Тура-хан 285, 290, 297, 298, 303, 307
Тура-ходжа 289, 290
Тур ибн Афаридун ибн Ануан ибн Рара, саф ибн Джамм ибн Фарис ибн .ури ибн Карк ибн Йафет ибн Нух 104
Турсун-султан 248, 249, 254
Турди бай 313
Туулию 59
Туши — см. Джучи-хан
Тюрк, сын Йафета ибн Нуха 21

Убайдаллах Ахрар 275
Убайдаллах, кушбеги 264, 269
Убайдуллах-хан 257, 262, 264, 268
Убайдуллах ибн Джабра'ил 98
Увайс-оглан — см. Увайс-хан
Увайс-хан (Вайс-хан) ибн Шир 'Али-оглан 147, 177, 187, 211
Угедей — см. Угедей-каан
Угедей-каан, Чингизид, 111, 113, 115, 129, 158, 254
Узбек-султан, Шейбанид, сын Рустама-султана 178, 179, 220, 237, 254
Узбек-хан — см. Узбек-султан
Уз-Тимур-тайши 215, 217, 218
Угулджак — см. Угулджак Кадыр-хан
Угулджак Кадыр-хан 105, 106
Удж Алди-тегин 116
Уктай ибн Чингиз-хан — см. Угэдэй-каан
Улугбек — см. Улугбек кураган
Улугбек кураган, Тимурид 144, 147, 153, 158, 164, 165, 166, 168, 173, 174, 175,

176, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 294, 353, 355
Улугбек, сын Мухаммад Садыка диванбеги 300
Улуг-хатун 110
Умар, халиф 7, 8, 9, 10, 11, 16, 269
Умар Али-ходжа, накиб 289, 302, 309
Умар-хан (Умар-бек, сын Хайдар-бека) 278, 284, 285, 296, 297, 304, 306, 307, 310, 311, 318, 326, 327, 333, 334
Умар-шайх (Умар-шейх), Тимурид 154, 165, 176, 185, 253
Умар ибн ʻАли 87
Умар, мулла 261
Умар ибн Муса ал-Оши (ал-Уши) 85
Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи (ал-Хафиз, Абу Хафс) 75, 87, 90
Умар ибн Мухаммад ибн Тахир ал-Андукани ас-Суфи 83
Умар ибн Мухаммад ибн Халид ибн ʻАбд ал-Малик ал-Мерверруди 62
Умар Раби‘ ибн Амир 9
Умар ибн ал-Хаттаб 68
Умар ат-Тарджумани 68
Ураз, аталык, парваначи 267, 268
Урду-Бука, сын Урус-хана, Чингизид 163
Урдуван 144
Урунбаев А. У. 146, 147, 148, 159, 161, 183, 184, 346, 347, 356
Урус-хан, Чингизид 163
Усман, ахунд 317
Усман-бек 339
Усман бейса-бек 313, 334
Усман, халиф 7, 11, 16, 269
Усман [ибн] Аббас 163
Усман ибн Аффан 68, 122
Усманов К. 318, 322, 356
Утби 25, 72
Учун 135

ал-Фазари 62
Фазил-бий, сын Сиддик-бия 271, 281, 282, 283, 294, 296, 316, 317
Фаик 25, 26, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 40, 54
Факир-султан, Шейбанид, сын Бурундук-султана 225, 228
Фарахи 68
Фаргу-мирза 339
Фаригун ибн Мухаммад 44
Фаригуниды. династия 54
Фаридун (Афридун) 215, 218, 232, 253
Фаридун ван-беклик 307, 311
Фаррух Махмуд 169, 170, 351
Фархад-бий, аталык 263, 264, 269, 270, 283
Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад 4, 147, 148, 159, 160, 161, 162,
Фасих Ахмад Хавафи, Фасих Руйи — см. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад
Фатих 147
Фатхулла-султан 259
Фахми 351
Фахр ад-Даула Абу-л-Хасан ʻАли, Буид 30
Фахр ад-Дин, эмир 145
Фахр ад-Дин ал-Джавалики 122
Фахр ад-Дин Мубарак-шах — см. Мухаммад ибн Мансур ибн Са‘д ибн ʻАбд ар-Рахман Абу Бакр ас-Сиддик ат-Таййими ал-Курайши
Фахр ад-Дин ар-Рази ибн ал-Хатиб 99
Фахр ал-Малик Абу Галиб Мухаммад ибн Халаф 65
Фахр ал-Мулк Суйундж ибн Мас‘уд ибн Махмуд ал-Хорезми (Мас‘уд IV) 115
Фирдоуси 218, 253, 351

Фролова О. Б. 88, 356
Фу-Дэ 292, 293
Фулад-Тимур 180

Хабаш Амид ал-Карминаги ал-Бухари ал-Йиларгави — см. Кутб ад-Дин Хабаш Амид
Хабаш ал-Хасиб 62
Хаджи 204
Хаджи барлас, эмир 162, 170
Хаджаджж 17
Хаджжи ал-Хасан ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн ал-Музаххиб 72
Хаджиб ибн Малик ибн Аркин Абу-л-Аббас ат-Турки ар-Фергани 87
Хади-султан, Шейбанид 230, 233, 239
Хайдар-бек 304, 309
Хайр ад-Дин аз-Зирикли 348
Хакам ибн Усман 12
Хаким бек 330
Хаким-бек, сын Худайар аталыка 236, 262, 264, 265, 310, 311, 312, 330
Хаким Бухари (Хаким-бий Наукари) 269, 280, 315
Хаким тюра 283, 349
Хаким-хан тюра — см. Мухаммад Хаким-хан, сын Саййид Ма’сум-хана
Хаким Мухзиб ад-Дин ‘Абд ар-Рахим ибн ‘Али 98
Хаким ибн ал-Бий‘ ал-Хаким ибн Мухаммад ал-Хиджази ал-Ка‘ини 72
Хаккули (дадхах, диванбеги, мингбаши) 284, 285, 286, 288, 291, 296, 297, 301, 304, 305, 306, 312, 313, 330, 331
Хакназар кушбеги 260
Хакназар-хан 255
Халид-баба 324, 325
Халиков Н. В. 356
Халил-мирза 269
Халил-Султан, Тимурид 156, 157, 160
Халкаман (аталык, бий) 220
Халмурад диванбеги, аталык 258, 259, 266, 268
Хамдаллах Казвини 128, 253, 351
Хамза (ибн ал-Хасан ал-Испахани) 76
Хамза Катук 172
Хамзайи Чухра 173
Хамид, эмир 162
Хамракул 333
Ханбаба Байани 161, 169, 351
Хан Бахадур халифа Мухаммад Асадаллах 350
Хан Джахан 333
Ханзада Тадж ад-Дин 145
Ханна ал-Фахури 356
Хан Са‘ид, султуз 157
Хан-таджин 166
Хан-ходжа 293, 306, 336, 343
Харий малик, эмир 180
Хасан ‘Али-хан 257, 258, 259
Хасан, ахунд 329
Хасан-бай 340
Хасан Басри 343
Хасан-диван 205
Хасанка, эмир 172
Хасан ибн Мансур 73
Хасан ибн Музаффар ан-Найсабури Абу ‘Али 64, 66, 76
Хасан ибн Наср 46
Хасан ибн Сулайман ал-Ходженди 67
Хасан ибн Сивар ибн Баба 97

Хасан ибн Так 43
Хасан ибн Харис ал-Хасуни 65
Хасанов Х. 141, 146, 356
Хасан-оглан 216
Хасан-ходжа 286, 298, 299
ал-Хатиб — см. Абу Бакр ибн ʻАли ал-Хатиб
Хафиз, посол 174
Хафиз-и Абру 3, 4, 141, 142, 143, 146, 147, 169, 351, 355, 356
Хафиз-и Таныш Бухари 218, 219, 237, 269, 347, 351
Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари — см. Хафиз-и Таныш Бухари
Хашим-султан, Шейбанид, сын Достим-султана 219, 226, 227, 229, 235, 236, 238, 239, 250, 252, 255
Хван М. Ф. 348
Хизир ходжа-хан, падишах Моголистана, Чингизид 166, 178
Хизр каучин 184
Хизр-ходжа, эмир 148, 172, 173
Хилал ибн ал-Алаʻ 87
Хикмет Бояр 185, 348
Хинц В. 214, 253
Ховарс Г. 211, 216, 357
Ходжа Ахмад Йасави 245
Ходжа Ахмад Касани 276
Ходжа бейса-бек 312
Ходжагуй 172
Ходжаджан-ходжа 278
Ходжа Йусуф, эмир 170
Ходжа Калан — см. Саʻд ад-Дин Джуйбари
Ходжакули, диванбеги, сын Хушхала диванбеги 262, 263
Ходжамйар-бий 273, 339
Ходжамкули-бек Балхи (Кипчак-хан) 256
Ходжа Мухаммад Ислам Джуйбари 218
Ходжа-хан — см. Кун-ходжа-хан
Ходжа Хурд (Хоразми) — см. Касим ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад Абу Мухаммад ал-Хорезми
Ходженди садр 122
Хосров I (Анушырван) 87, 234, 236, 246, 254
Хормизд 239
Хосров II Парвиз, Сасанид 238
Хосров-султан, Шейбанид, сын Йармухаммад-султана 220, 222, 230, 231, 237
Хоцаичжань (Ходжа-хан) — см. Кун-ходжа-хан
Хубайш ибн Шибил 94
Хубайра ибн Мерз ал-Килаби — см. Хубайра ибн ал-Мушамрадож ал-Килаби
Хубайра ибн ал-Мушамрадж ал-Килаби 12, 13, 14, 15, 16
Хубилай-каан, Чингизид 129, 130
Худайар-бек (бий), сын Бекмурад-бия 264, 290, 303
Худайар диванбеги, аталык 262, 269
Худайар-мирза 286
Худайар-хан 314, 322, 323, 324
Худайберди йасаул 236
Худайдад, эмир 144, 172, 173, 178, 179, 180
Худайдад Хусайни, эмир 154, 157, 163, 168
Хулагу-хан, Чингизид 139
Хумайун 186
Хунайн ибн Исхак 97
Хундуджак-Мелик 116
Хуркадак 170, 175, 184
Хуршут Э. 268, 292, 356
Хусайн — см. Хусайн ибн Мусаллаб ибн эмир Казаган
Хусайн, диванбеги, аталык 258
Хусайн ибн Мусаллаб ибн эмир Казаган, эмир 162, 170,
Хусайн, сын халифа ʻАли 281, 283, 293

Хусайн (Хусейн) Кариман 161, 170, 351
Хусайн-тегин 116
Хусайн Тогрул-хан ибн ал-Хасан Кара-хан 107
Хусам ад-Даула Таш 43
Хусам ал-Милла ва-д-Дин Мухаммад ибн Усман ибн Мухаммад ас-Самаркан-ди ал-'Алиабади, имам 103
Хусам ал-Милла ва-д-Дин Абу-л-Махамид Хамид ибн 'Асими ал-'Асими ал-Барчинлыги, шейх ал-ислам 125
Хушхал диванбеги 262
Хызр (пророк Илья) 108, 109, 128
Цин, династия 292, 313, 325, 334, 335, 336, 355
Чагатай — см. Чагатай ибн Чингиз-хан
Чагатаиды 113, 116
Чагатай-хан — см. Чагатай ибн Чингиз-хан
Чагатай ибн Чингиз-хан 112, 130, 160, 162, 241, 243, 254
Чапар ибн Хайду 100, 115, 130
Чехра-оглан 158
Чингиз-оглан 165, 175
Чингизиды, династия 148, 187, 252, 253, 254
Чингиз-хан 110, 111, 115, 116, 118, 135, 139, 149, 154, 159, 160, 170, 188, 214, 241, 242, 243, 246, 248, 325
Челеби — см. Сайфи Челаби
Чокан-тюра 332
Чуланов Ю .Г. 356
Чусти 292
Шайбани-хан (Шейбани-хан) 186, 255
Шади-бий, бек, сын Шахрух аталыка 160, 278, 280, 282, 315
Шади-кураган, султан 144
Шади-ходжа, эмир 168, 181
Шайх 'Али-тагаи, эмир 177
Шайх Нур ад-Дин, эмир 158, 164, 170, 172, 173, 174, 175, 184
Шайх Таган 165
Шакмуни — см. Шакья-муни
Шакья-муни (Шака Ту Ба) 145, 148, 195, 196
Шам'и Джахан — см. Шам'и Джахан ибн Хызр-ходжа
Шам'и Джахан ибн Хызр-ходжа 148, 173, 176, 178, 177, 184
Шамс ад-Дин Аббас, эмир 154, 157, 163
Шамс ад-Дин Сами 352
Шамс ал-Ма'али Кабус — см. Шамс ал-Ма'али Кабус ибн Вашмгир
Шамс ал-Ма'али Кабус ибн Вашмгир, йарид 38, 40, 44, 55
Шамс ал-Мульк Абу-л-Хасан Наср ибн Ибрахим, Караханид 128
Шамсиев П. 348
Шао-ши-фэнь — см. Шаушфар
Шараф ад-Дин 'Али Йазди 148, 149, 159, 352
Шараф ад-Дин ибн маула Нур ад-Дин Фархад ал-Андиджани 101, 127
Шараф аз-Заман ал-Мабарсами 99
Шарик ибн Шайх ал-Мехри 93
аш-Шариф Шараф ад-Дин Исма'ил 98
аш-Шариф Хамза ибн 'Али ибн ал-Мухассин ибн Мухаммад ибн Джа'фар ибн Муса ал-Хайлами 87
Шаф'и 78, 347
Шах Вали 180
Шах-Джахан 144, 148
Шах-Джахан-оглан, Чагатаид 164
Шахим-бий 230
Шахи, парваначи 292, 305
Шахмалик, эмир 144, 147, 158, 164, 170, 173, 174, 175, 177, 179, 184
Шах Махмуд Чурас 187, 351, 352
Шах Мурад 314
Шах Мухаммад 204, 205

Шах Мухаммад-султан, сын Дарвиш-хана 252, 255
Шах Назар, бахадур 230
Шах Сайид туксаба 273
Шахрух, Тимурид 146, 147, 148, 149, 154, 156, 160, 161, 166, 167, 170, 171, 172, 174, 176, 177, 182
Шахрух, аталыг, сын Мухаммад Халик-бия 278, 315
Шахр-хан 176
Шаястам 173, 174
Шейбаниды, династия 215, 218, 255, 256
Шейх Бахлул 153
Шейх Джура 154
Ширавейх 86
Шейх Мухаммад 152
Ширали-хан 310, 314, 318, 323, 324, 325
Шир Бахрам (Шер Бахрам) 178
Шир Мухаммад, бахадур 281, 282, 296, 317
Шир Мухаммад-оглан (Шер Мухаммад-оглан, Ширмухаммад-оглан, Чингизид) 144, 148, 168, 180, 181, 182
Шир Мухаммад-хан ибн Мухаммад-хан 211
Шихаб ад-Дин ʻАбдаллах ибн ʻИзз ад-Дин Фазлаллах Ширази — см. Вассаф
Шихаб ад-Дин ʻАбдаллах ибн Лутфаллах ибн ʻАбд ар-Рашид ал-Харави (Хавафи) 141, 351
Шихаб ал-Хиваки 71
Шихаб ад-Дин шейх ал-ислам 275
Шмелев А. Б. 356
Шукур-бек 339
Шукур-хан, аксакал, 332, 335
Щербина — Крамаренко М. 253, 356

Элинус Александрийский 97
Эмирбек 161
Энгельс Ф. 3
Эсен-хан 218
Эсеху, киргизский хан 211

Юдин Б. П. 211, 322
Юнусджан (Мухаммедов), дадхах 314
Юнъань 335
Юнус-хан 253
Юрьев М. Ф. 354, 356
Юсупова Д. Ю. 161

Якуб-бек 317, 318, 325, 339
Якубовский А. Ю. 346, 350, 354, 355
Яфет 21
Яхья ибн Закарийа ал-Хамадани 12

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абат 323
ʻАбдаллах ибн ʻАли ибн Хусайн ибнʻАли ибн Абу Талиб, гробница 192
ʻАбдаллах ибн Джаба, гробница 122
Абиверд (Баверд) 31, 38, 40, 42, 47, 54, 142
Абканд 343
Абескун 56
Абу-л-Маʻруфа, мазар 76
Авал 19, 59
Австрия 57
Агра 186

Аджак 329
Аджам 17
Азербайджан 149, 154
Азия 293, 325
Айагуз 324, 325
Айбак 260, 267
Ай-кул — см. Аси-кул
Айхак — см. Илак
Ак-балык 253
Акбура 147
Акдарья 238
Ак-йар 311, 313
Ак-каш 191
Акрича (Огурча) 142
Аксу, город 89, 189, 212, 237, 240, 243, 289, 292, 295, 302, 308, 310, 312, 317, 318, 320, 321, 323, 327, 329, 330, 331, 334, 335, 352
Аксу, река 212
Аксулат 155, 156, 157
Алай, горы 147, 298, 312, 313, 320
Алай, область 190, 285
Алайская долина 290
Алайский хребет 147, 239
Алалай-Лутак, местность 192
Алеппо 61
Алжир 132
Алма-Ата 184, 294, 344, 346, 354, 355
Алма-Атинская область 324, 344
Алмалык 100, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 129, 130, 143, 213, 240, 241, 246, 252
Алтунчи Тибет 193, 197
Альванд 238
Алтышаар 325, 326
Амристар 323
Амударья 7, 11, 16, 58, 146, 213, 252, 345, 353
Амуйа (Амуль) 142, 143, 147
Амул 5, 42
Амул-и шатт 26, 38, 41, 54
Англия 91, 240
Ангрен 60, 130, 170
Андераб 268, 344
Андиган — см. Андижан
Андижан 19, 59, 83, 89, 118, 124, 153, 175, 176, 178, 184, 185, 186, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 247, 248, 249, 251, 255, 266, 285, 296, 297, 298, 306, 307, 316
Андижанский вилайет 228, 229, 234
Андижанский перевал 145, 182
Андукан, (Андуган) — см. Андижан
Андхой — см. Андхуд
Андхуд 223, 237
Арабаг 311
Арабский халифат 5
Аравия 91
Аральское море 146, 147, 353
Арарат 28, 54
Арашан 211
Арганджхак 337, 338
Аргу 312, 313, 338, 341, 342, 344
Ардланкент 19
Арзуй 253
Арран 181

Артудж, селение, мазар, мечеть 104, 105, 106, 127
Артыш (Артуш) 313, 327, 329
Арысь, река 147, 184
Асаф (ибн Бархийа), мазар 131
Асбаб 273
Асбара 19, 20, 59
Аси-кол 153
Аскабрак 192, 202
Аскарду, местность 192
Аскарду, перевал 191
Аспара 147, 153
Аспати 191
Асраф 268
Астарабад 78
Астарсан 78
Астау (Устава) 42, 56
Астийаканд (Астийакенд, Астиакенд, Бискенд) 20, 59
Астын-Артыш (Нижний Артыш) 294, 311, 313
Атбаши 128
Аулийе-Ата — см. Тараз
Афак-ходжа, мазар 320, 326
Афганистан 16, 56, 91, 172, 185, 186, 212, 237, 357
Африка 57, 143
Ахангаран, местность, река 93, 114, 130
Ахси 147, 186, 218, 219, 221, 225, 226, 229, 234, 324
Ахсикат (Ахсикет) 58, 73, 74, 84, 88, 142, 143, 220, 222, 227, 229, 236, 247
Ахсыкат 255, 356
Ахшикент (Ахшикет) 18, 20, 60, 153
Ашигар 192
Ашпара 144, 147
Ашт 19
Ашхабад 54, 352
Баверд — см. Абиверд
Баг (Багшур) 31, 55
Багдад 5, 63, 65, 69, 72, 74, 78, 79, 86, 101, 136, 138, 140, 150, 159
Баг-и Мурад 258
Баг-и Мухтар 174
Баглан 268, 341, 344
Бадахшан 51, 144, 147, 154, 185, 186, 190, 208, 209, 211, 212, 213, 242, 243, 252 254, 265, 268, 281, 293, 294, 296, 306, 308, 336, 337, 340, 343, 344, 348, 352
Бадахшанский вилайет 236
Бадахшанские горы 142
Бадгис 55, 267
Баджвара (Сатледж) 191
Базкенд (Йаркенд) 78, 89
Базпаран 342, 343
Бай 89, 243, 317
Бакани 190
Бала-Мургаб 16
Баласагун 22, 76, 78, 101, 130, 143, 241, 242, 253, 352
Балур (Болор, Болор-таг) 189, 190, 212
Балти (Балтистан или Малый Тибет) 189, 191, 192, 198, 200, 201, 202, 205, 206,
Балх, город 7, 9, 11, 16, 26, 35, 44, 46, 47, 48, 51, 53, 54, 55, 85, 143, 154, 170, 182, 223, 237, 238, 241, 244, 255, 257, 258, 259
Балх, река 14, 68, 142, 146
Балхская область 55, 219
Балхский Бамйан (Бамиан), горы 142

Балхский оазис 255
Балхаш 211
Бамкахус (Бамкахуш) 19, 59
Барака 122, 131
Барйанг 201
Баришкан 251
Барчук (Бачу) 314, 334
Барчкенд (Баркент, Барчинлыгкент) 100, 109, 125, 128
Басра 8, 9
Бахи 83
Бейрут 349
Бейт ал-Мукаддас — см. Иерусалим
Бейхак (Байхак) 56, 142
Белый город — см. Мадинат ал-байда
Бенакет 88
Бенгалия 191, 192, 202
Бесафар 19
Бийар 44, 56
Билгуту 144, 147, 148
Билур (Беднур) 171
Биллуристан 242, 243, 245
Бинкет (Ташкент) 93
Бискенд (Бискет) 78, 88, 248
Бистам 44, 56, 142
Бишбалык 246
Биш-кийа (Биш-каба) 188, 211
Бишкирим 307
Биш-тюбе 211
Ближний Восток 3, 61, 355
Боканур 171
Болгария 57
Болорский хребет (Муз-таг) 255
Большой Юлдуз 211
Бугур 335
Бузджан 38, 39, 55
Булак 349
Булсан 86
Буджакат (Бунджикет) — см. Пянджикент
Буджир 18
Бурас 192
Бурлак 179
Бурнамад (Бурнамед) 43, 56
Бурхан ад-Дин Клыч, мазар 247
Буттам 20, 84
Бухара 5, 25, 26, 27, 28, 31, 35, 37, 38, 43, 44, 54, 67, 72, 73, 83, 84, 85, 86, 94, 104, 105, 106, 107, 111, 115, 131, 142, 153, 179, 181, 186, 219, 220, 222, 223, 224, 229, 236, 237, 249, 256, 257, 264, 265, 266, 268, 269, 271, 272, 276, 281, 283, 293, 294, 296, 304, 307, 308, 309, 322, 326, 329, 348, 354
Бухарская область 129, 237
Бухарское ханство 270, 276, 293, 345, 348, 354, 356
Бхира, город 191, 213
Бхира, река 191
Ванкет 19, 59
Варигназ, ханака 123
Вахан 212
Вахш, область, река 90, 142
Вахшская долина 146
Вашджирд 86
Великая китайская стена 252
Венгрия 57

Верхняя Нисйа 19, 20, 58, 59
Верхняя Месопотамия 61
Виджаянагар 171
Византия 63, 93
Владимир-Волынский 57
Восточная Европа 3
Восточный Туркестан 3, 6, 76, 77, 89, 141, 148, 165, 170, 172, 186, 187, 211, 213, 240, 252, 253, 256, 276, 293, 294, 295, 306, 307, 308, 310, 313, 318, 321, 322, 323, 324, 325, 334, 335, 336, 344, 352, 355, 356
Газиабад 271
Газна 253
Газнайн-и Гур 142
Газни 30, 41, 46, 47, 48, 90, 117, 147, 149, 159
Ганг 191
Гандаб 85
Гань-су 213
Гарджистан (Гарчистан) 54, 142
Герат 9, 31, 33, 35, 38, 39, 46, 47, 53, 55, 99, 117, 143, 146, 153, 160, 161, 166, 167, 168, 169, 171, 174, 176, 178, 181, 182, 250, 257, 258, 267, 268, 354
Герируд 56
Гёрледи 142
Гилан 171, 183
Гиндукуш 16, 255
Гог 21
Голан 345
Греция 92
Гуань-тоу — см. Чемчиаль
Гуга 191, 192, 193, 203
Гулбаг 287, 288, 289, 291, 294, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 312, 318, 319, 322, 326, 327, 328, 329, 330, 331
Гурган (Джурджан) 36, 55, 56
Гургандж 54, 67
Гурджистан 151
Гури 268, 339, 341, 344
Дабус (Дабусия) 43, 56, 264, 273
Дайду 254
Далвас 310
Дальний Восток 3
Дамаск 62, 78, 87, 94, 95, 99
Дамган 39, 56, 142
Даразун 279
Дара 265
Дарайи Ардахшан 232
Дарваз 265, 343, 345
Даргам 237
Дар ас-Салам — см. Багдад
Даулат-баг 311, 313
Дахбед 274
Дашт 220
Дашт-и Алай (Алайская степь) 234, 235, 239, 303
Дашт-и Кипчак 163, 214, 226, 230, 246, 254, 256
Дашт-и Лайаб 343
Дерегез 259, 260, 261, 267, 268, 269
Дехистан (Дихистан) 47, 56
Дехкантуда 278, 314
Джалал ад-Дин Багдади, мазар 311
Джамбул 94
Джамбульская область 211
Джамму 253
Джарджан 191

Джаулан 260
Джейхун 7, 8, 9, 10, 11, 26, 41, 43, 44, 46, 47, 48, 58, 107, 115, 123, 142, 143, 158, 184, 241, 249, 267
Джелам 213
Дженд 100, 109, 126, 128, 131
Джен-кала 129
Джете 153, 162, 163, 166, 177, 178, 180, 184
Джидгил (Чаткал) 19, 58, 59
Джизак (Дизак) 86, 230
Джуд 213
Джузгун 337
Джузджан (Гузган, Гузганан) 31, 54
Джуйина 170
Джулгур 342, 343
Джума-базар 275
Джуманд (Джуйменд) 44
Джун (Джамна) 191
Джунгария 270, 325
Джунда (Чжун-ду) 254
Джурджан 34, 35, 36, 37, 39, 40, 47, 48, 68
Джурджания (Гургандж) 31, 37
Джурма 341, 342, 345
Джучи 158
Диззак (Джизак, Дизах) 43, 56, 239, 248, 315
Дува-хан, гробница 243
Дуржи Кутли 216
Душанбе 350
Европа 57, 213, 325
Египет 55, 61, 133, 152, 256, 349, 350
Ети 147
Заамин 56, 86
Забул (Забулистан) 150, 152
Задарьинский район 147
Зайтуна (Зейтун) 132, 136, 138
Замм (Земм) 56, 142
Зангискар 206, 207
Зандарамш 19, 59
Западная Европа 57
Зарафшанский хребет 147, 239
Зарк 16
Зебак 344
Зендерамш — см. Зандарамш
Зеравшан 238
Зернук 157
Зигирчи 340
Зир Суд Канкар 192
Золотая Орда 129, 159, 254, 354
Зунка 192, 196, 197
Иерусалим 61, 132
Ил (Ила) 343
Илак 93, 188, 340, 342, 344
Иль-Аларгу 100, 113, 130
Иламиш 100, 124
Иланбаши 174
Илан-ути 155
Или (Ила), город 113, 308, 310, 321
Или (Илах), река 148, 211, 221, 252

Иль Могул — см. Моголистан
Индия 31, 46, 51, 57, 90, 132, 134, 150, 186, 189, 191, 192, 201, 209, 213, 240, 243, 253, 256, 317, 344, 347, 348, 356
Индустан (Индостан) 17, 292, 350
Ирак 17, 63, 65, 72, 74, 75, 85, 132, 149, 154
Иран (Иранская земля, Ираншахр) 5, 54, 55, 56, 109, 134, 135, 139, 150, 172, 183, 212, 213, 238, 256, 344, 352, 355, 357
Иртыш (Эртиш) 22
Испания 18, 57
Испара (Исфара) 59, 230, 232, 239, 255, 355
Испед-Булан 131
Испиджаб (Исфиджаб) 22, 127
Иссык-Куль 89, 164, 332
Истахр 8
Исфара 251
Исфараин 38, 43
Исфахан 7, 9, 54, 89, 181
Италия 57
Ишкамиш 339, 341, 344
Йагду 307
Йадахкас (Йадахкат) 85
Йайилма 228, 239
Йанги (Янги) 142, 174
Йангиабад (Янгиабад) 312, 313, 329
Йангикурган 273, 280, 317
Йанги-хисар (Янги-хисар) 292, 308, 310, 320, 323, 324, 326
Йари 274, 275
Йаркенд (Яркенд) 17, 76, 190, 191, 203, 205, 207, 208, 242, 243, 245, 289, 302, 310, 320, 323, 326, 334, 336, 340
Йармазар 296, 297, 306
Йасакух 340
Йасы 154, 156, 157, 245
Йемен 51, 57, 132
Йэттишар (Йеттишаар) 170, 318, 322
Йил (Или) — см. Ил
Йузкенд (Узгенд) 78
Кааба 55, 118, 212, 228
Кабул 147, 186, 242, 253, 268, 293, 306, 340, 348, 357
Казалинск 147
Казань 325, 348, 351, 355
Казанкуль 311, 327
Казахская ССР 211, 324, 344, 346
Казахстан 186, 211, 213, 215, 325, 336
Каир 53, 61, 95, 348, 349, 351
Кайпин 254
Кайсар 54
Калаи-Маур 55
Каликут (Калькутта) 171, 350
Калта-йайлак 311, 313, 327
Камарша-Ата 157
Камбоджа (Кумар) 51
Камджифу 253
Камчи (Камга) 247, 312, 313
Кандахар (Кандалхар, Кандагар) 152, 159, 253
Кан-и бадам — см. Кентибадам
Кан-и гил 149, 152, 154, 157, 160, 227, 238
Канджанфу (Синганфу) 190, 213
Канджу (Ганьчжоу) 191
Капчагай 344

Карабаг 181
Карабулак 155, 179, 180
Карагол 211
Карадарья 238
Кара-дун 311
Каракамиш 226, 238
Кара-каш 191
Кара-кир (Кара-кыр) 311, 312
Каракорум 111, 113, 114, 139, 209, 213, 241, 246, 254, 353
Каракуль 220, 237
Каракум 147
Карамурэн 91, 244, 245
Карангу 312, 313
Карангу-таг 221, 237
Карасаман (Кара-аспан) 184
Каратегин 185, 186, 236, 239, 252, 265, 309, 343, 345
Каратека 312, 313
Караул (Цзяюйгуань) 145, 148
Кара-ходжа 145, 148
Карашаар 292
Кардун 201
Карка 117
Карун 142
Карши (Нахшаб, Насаф) 75, 116, 131, 250, 251, 262, 264, 269
Касан, ворота 18, 59, 85
Касан, город 19, 234, 238, 247
Касансай 131
Касийун 62
Каспийское море 55, 56, 146, 147, 183, 353
Катак 191
Катта Кабристан, мазар 316
Каттаган 343, 344, 345, 348
Катта-курган 315
Катур (Читрал) 344
Каф 230
Кафиристан 186, 212, 242, 253, 353
Кашан (Кусан) 83, 84, 246
Кашгар 5, 11, 12, 14, 17, 22, 76, 78, 79, 89, 100, 101, 104, 106, 107, 110, 115, 116, 117, 119, 127, 128, 143, 145, 148, 153, 164, 165, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 190, 200, 201, 207, 209, 212, 213, 234, 237, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 251, 253, 254, 265, 277, 281, 283, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 344, 348, 350
Кашгар-даван 255
Кашгария 186, 211, 276, 277, 287, 294, 295, 297, 307, 325, 355
Кашкадарья 237
Кашмир 17, 186, 187, 188, 191, 198, 199, 200, 201, 204, 209, 212, 213, 242, 245, 350
Каялык (Кайалиг, Каллык) 111, 129
Келиф 144
Келуран 246, 254
Кентибадам (Кан-и бадам; Кан-и бадам) 85, 251, 255
Кербела 281
Керван 20, 59
Керия 191
Керки 16, 56, 146
Кермине 128, 265, 273
Кеш 29, 54, 86, 142, 162, 221, 222
Кзыл-Орда 129

Киев 57
Кизил-буй (Кызилбуй) 327
Кизили 251, 255, 293
Кизил-дара 344
Кизил-су (Кизыл-су) 239, 285, 286, 298, 299, 345
Кин 140
Кинчджанфу 245, 253
Киргизия (Киргизстан) 128, 147, 186, 213
Кирк Мир Агаджан 251, 255
Кирман 7, 141
Китай (Чин, Хитай) 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 16, 17, 52, 57, 76, 77, 89, 132, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 153, 154, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 179, 181, 182, 184, 185, 189, 190, 191, 192, 193, 212, 213, 240, 241, 243, 244, 245, 247, 254, 285, 294, 295, 296, 302, 303, 304, 307, 310, 312, 318, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 336, 337, 350, 355
Китайское море 137
Китайское царство 135
Кичкина яйлак (Кичкина йайлак) 180
КНР 213
Коканд 59, 255, 277, 278, 280, 281, 285, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 315, 316, 320, 322, 323, 324, 326, 327, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 348, 350, 353
Кокандское ханство 278, 294, 295, 297, 298, 307, 308, 310, 323, 336, 355
Кок-кашанэ 216, 218, 246, 254
Кокча 344, 345
Кокшаал 212
Копал 129
Копетдаг 147
Кордова 57
Корла 335
Коштограк 311
Ктесифон (Мада'ин) 7, 16
Кубадиан 258, 259, 266
Куба (Кува) 18, 19, 58, 59, 85, 122
Кузбалык (Гузз-балык, Гузз-орду, Куз-орду) 116, 130
Кук Надир (Куку-нор), озеро 191
Кук Тин 168
Кулан [баши] 158
Кульба 222, 237
Кульджа 252, 295, 310, 355
Кульджинский край 129
Кум 246
Кумис 56
Кумул (Хами) 145
Кунар, река 344
Кунгес, река 148, 211
Кунгир, река 144
Кундуз 268, 339, 340, 341, 344
Кундуз-дарья 344
Куршаб, река 147
Кусам ибн Аббас Аспаки, мазар 317
Кусан (Кучар) 243, 254, 292, 310, 311, 312, 313, 317, 318, 320, 334
Кутайба ибн Муслим, гробница 122, 280
Кутнан, река 43
Куфин, селение 179, 184
Куфа, город 8, 9
Кухек 37, 223, 227, 237
Кух-и рик 343

Кухистан 9, 16, 44, 265
Кучар — см. Кусан
Кучан 56
Кушка 55
Куштут 275
Куэнь-Лунь — см. Муз-таг
Кызылкум 147
Кылыч 122
Кяхта 355
Лабук 192
Лагман 242
Ладак (Ладакс) 186, 192
Лай 170
Лайаба 338, 340, 342
Ламиш 85
Ланкин-фу 138
Ланьчжоу 321
Лахор 90, 146, 186, 191, 213, **256, 347**
Лейден 18
Лейпциг 349
Ленинабадская область 239, 255
Ленинград 24, 57
Лоб 191
Лу 192
Лукчуна 211
Лхаса (Урсанг) 212
Ляодун 148
Мавераннахр 5, 17, 19, 25, 26, 27, 29, 45, 48, 49, 50, 51, 73, 75, 84, 85, 86, 87, 94, 104, 107, 123, 127, 130, 141, 143, 146, 154, 162, 170, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 211, 218, 240, 241, 243, 244, 246, 257, 262, 266, 285, 300, 350
Магиян (Магийан) 271
Магог 21
Мадва (Мады) 19
Мадинат ал-Байда 22
Мазандеран 55, 150
Мазар-и Шариф 237
Маймург (Маймарг) 45
Македония 344
Малая Азия (Рум)
Малый Тибет 212
Малуд 85
Мангалур 171
Манзи (Манги) 113, 129
Маралбаши 314, 320, 327, 329, 330, 331, 334
Маргинан (Маргилан) 19, 59, 70, 85, 86, 219, 229, 230, 231, 232, 234, 239, 251, 255, 280, 282, 293, 296, 306, 315, 316, 328, 329, 334
Маргинан-сай 238
Маргинанский вилайет 219, 228, 239
Марйул 192, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208
Марокко 57
Махан 153
Махдум-заде ишан, медресе 75
Мачин 17, 21, 22, 159, 170
Медина 31, 132
Мезана 67
Меймене 256, 267, 268
Мекка 132, 153, 212, 225, 262, 269, 307
Мерв (Марв-и Шахиджан) 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 28, 35, 42, 44, 47, 55, 56, 62, 64, 67, 72, 73, 74, 75, 83, 84, 146, 269, 354

Мерверруд 9, 10, 16, 56
Меркуша 18
Мешхед 55, 311, 351
Мийанкал 122, 131, 223, 224, 255, 262, 264, 271, 280
Мийанкалат — см. Мийанкал
Мийан рудан 19, 20, 59, 85
Минг-булак 211
Минг-йул (Минг-йол) 310, 312, 313, 330
Минг-лак 187, 211
Минглик 258, 268
Минкаб 192
Мискан 19, 59
Моголистан 143, 144, 145, 147, 148, 153, 164, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 188, 190, 213, 234, 240, 241, 243, 245, 248, 252, 265
Могулан 250
Мазарские ворота 272
Монголия 254, 354
Муг 252
Муз-таг 252, 255
Мукгаз 19
Мультан 46
Мунджан 345
Мург 268
Мургаб 8, 55, 174
Наджренг (Наджранг) 19, 59, 60
Надила 341
Наманганская область 147, 238
Нарат 211
Нарын, река 313
Насаф (Нахшаб) — см. Карши
Нафас 223
Некад 19, 20, 59
Неджм 20, 59
Неса (Ниса) 31, 42, 44, 47, 54
Несеф 222, 237
Несефская степь 222
Нехаванд 7
Нижняя Нисйа 19, 58, 59
Нил-аб (Инд) 191, 213
Ники (Йанги) 153
Ним 202
Нисан 192
Нишапур 7, 29, 33, 35, 36, 38, 39, 40, 45, 46, 47, 55, 142
Нубра, вилайет 197, 198
Нубра, крепость 199, 201
Нукан 55
Нук-у Лабук 202
Нур, Нур-Бухара, крепость, город 43, 56, 109, 129
Нуристан 212
Огурча — см. Акрича
Оксфорд 141
Орджоникидзевский район 238
Орхон 254
Отрар 147, 158, 159, 160, 163, 164, 184

Ош 18, 19, 59, 100, 122, 143, 147, 175, 234, 236, 244, 253, 305, 316, 336
Ошская область — см. Ош
Паймарг 56
Палестина 132
Пакистан 356
Памирские горы 190, 210, 211
Памирский Бадахшан 209
Панджакент 274, 275
Панжшанба, крепость 273
Панук, заповедник 223
Париж 132
Пасакух (Шахри бузург) 340, 341, 342
Пекин 130, 213, 277, 306, 309, 312, 318, 320, 321, 323, 329, 331
Пенджаб 142, 256
Персидский залив 63
Персия 17, 51, 293, 348
Петровск 131
Пештак 54
Польша 57
Прибалтика 57
Пскент 227, 238
Пул-и Загул 44, 56
Пул-и Чархийан 48
Пулходжа-шайх 157
Пурик 192
Пяндж 90, 213, 344, 345
Пянджикент 86, 90
Пянджхир (Пянджшер) 46, 56
Рабат-и Бушри 44
Рагдашт 342
Райские острова 143
Раскам 190, 210
Растан 70
Рахиб (Рихан) 18, 20
Рашт 86
Рей 7, 25, 35, 38, 39, 40, 54, 55
Рикан Баид 190
Рим 93
Рихан — см. Рахиб
Риштан 19, 59, 86
Россия 57, 278, 293, 305, 325, 332, 354, 356
Рудан 58
Рудбар-и Замм 45
Рудок 192, 213
Руй 160
Рум (Византия) 21, 22, 23, 51, 55, 91, 140, 150, 151, 154, 250
Русь 23
Рустак 344, 345
Сабат 86
Сабран 154, 156, 163, 225, 226, 238
Саганиан (Чаганиан) 84, 86, 90
Сад 342
Садд-и Искандери (Искандарова стена) 237
Сайрам, город 24, 144, 153, 154, 157, 173, 217, 220, 237, 248, 249, 317,
Сайрам, озеро 158, 252
Сакджу (Су-чжоу) 145
Саклатун 38, 55
Сакси (Иассы) 245
Салар 190

Самарканд 5, 11, 12, 14, 25, 27, 37, 41, 43, 56, 79, 84, 85, 86, 87, 89, 91, 101, 104, 107, 127, 128, 142, 144, 151, 152, 154, 155, 160, 162, 165, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 215, 219, 220, 221, 222, 224, 227, 238, 239, 251, 254, 255, 262, 263, 264, 266, 270, 271, 274, 280, 283, 293, 315, 316, 317, 349
Самаркандская область 56, 346
Самаркандский Гарчистан 142, 237
Самарра (Сурра манра'а) 65
Санар 268
Санджу 191
Сарай Мулк-ханум, медресе 152, 153
Сариг уйгур 191, 245
Сарипул 261, 267
Сармен 330
Сарыкол (Сарык-кол) 107, 128
Сатук Богра-хан, мазар 77
Сатурн 80, 81
Саур 85, 90
Сауран 174, 179, 238
Северный Афганистан 132, 256, 356
Северная Африка 18
Северная Индия 185, 352
Северный Китай 93, 159, 245, 254
Сеистан 172
Сейхун (Сырдарья) 78, 85, 87, 122, 142, 143, 157, 158, 165, 175, 179, 225, 229, 245
Селенга 254
Семиградье 281, 289, 292, 315
Семипалатинск 325
Семиречье 129, 148, 170, 213, 252, 304, 353
Серахс 40, 43, 44, 45, 47, 56
Сибирь 57, 215
Симбар (Сумбар) 47, 56
Син (Чин, Цин) 11, 12, 13, 79, 80, 81, 84, 89, 94, 115, 132, 133, 134
Синафур 136, 213
Синд 147, 191
Син-и калан 132
Синьцзян 212, 213, 308, 322, 324, 325, 333, 355, 356
Сирия 63, 75, 90, 132
Сицилия 18, 57
Славения 150
Советский Союз 146
Согарадж 231, 237
Согарджский вилайет 223, 237
Согд 9, 11, 17, 43, 84, 155, 264
Сох 19, 20, 59
Средний Восток 3, 161, 355
Средняя Азия 3, 4, 6, 16, 18, 20, 25, 54, 57, 61, 76, 88, 89, 90, 93, 95, 100, 101, 130, 141, 146, 148, 158, 161, 172, 185, 187, 211, 256, 257, 276, 277, 294, 313, 318, 325, 348, 352, 354, 356, 357
Стамбул 18, 24, 141, 348
Суйаб (Суяб, Суйя) 17
Сукджу (Сучжоу, Су-Джоу) 181, 182
Сумбар — см. Симбар
Султанпур (Варангал), город 191, 213
Султанпур, река 191
Суру 206, 207
Сурхандарьинская область 237
Сут 207
Сурхаб 345
Суткент (Сюткент) 157

Суфи-Ата 145
Сыгнак 216, 217, 218, 254
Сырдарья (Сейхун) 20, 58, 86, 128, 147, 215, 217, 238, 247, 252, 254, 310, 353
Табаристан (Мазандеран) 38, 55
Таберан 55
Тавалиси 132
Таганак 209
Таг дум Баш 190
Таджикская ССР 130, 239, 255
Тайбэй 348
Тазгун 327
Таки 38, 55
Талас (Тыраз) 22, 247
Таликан (Талькан) 16, 339, 344
Талки 252
Талька 341
Тахамус (Тамахуш) 19, 59, 255
Тамлик, Тамлик (Таблик), вилайет, местность 155, 202, 203
Тангут 253
Танжер 132
Тараз 94, 113, 130, 153, 244, 353
Тарим 128, 213
Таримский бассейн 254
Татар 246
Татария 348
Тахтах 80
Тахт-и Сулайман, гора 131, 244, 253, 283
Ташкент 20, 54, 100, 144, 146, 149, 153, 154, 156, 157, 161, 164, 172, 179, 183, 185, 217, 219, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 231, 232, 237, 238, 248, 249, 252, 254, 266, 295, 307, 310, 314, 322, 324, 325, 346, 347, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 356
Ташкентская область 170, 219, 228, 238, 255
Ташкурган 285, 298
Ташмалик 334
Тева йайлак 251, 255
Теджен 56
Текес, река 211
Телинган 213
Терек-даван — см. Теректы
Теректы 255, 313
Термез 47, 142, 145, 222, 223, 264, 269
Тешик-таш 311, 313
Техран 54, 55, 347, 348, 349, 350, 351
Тибет (Туббет) 22, 76, 77, 93, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 243, 245, 253, 323, 344, 353
Тибетское нагорье 212, 237, 245
Тигр 136
Токай 311
Тогузгуз 91
Токмак 179
Токузтораy 312, 313
Тохаристан 9, 16, 17, 48, 344
Тук 192
Тумар-уткуль 128, 131
Тункат 91, 93
Туранская земля 109
Тура 217
Туран (Туркестан) 143, 150, 241, 245, 246, 246, 257, 353
Туранзамин (Туркестанзамин) 241, 246

Туркестан 8, 9, 10, 11, 20, 26, 30, 45, 54, 55, 56, 78, 85, 86, 88, 91, 92, 131, 136, 139, 143, 146, 154, 160, 217, 219, 220, 221, 223, 225, 226, 232, 238, 244, 245, 246, 248, 249, 254, 293
Туркестанские горы 142
Туркестанский хребет 147
Туркменская ССР 346
Турфан 145, 188, 209, 211, 243, 311
Турция 24, 93, 255, 256
Тус 9, 36, 44, 46, 47, 55
Тушканлык 251, 255
Туштар 38, 55
Тюмень (Тюменарык) 217, 311, 313
Тюрк 142
Тянь-Шань 147, 211, 213, 355

Узбекская ССР 147, 237, 238, 346
Узгенд (Узканд, Уздженд, Узген) 19, 20, 44, 45, 50, 58, 59, 60, 85, 86, 88, 107, 122, 123, 128, 143, 247, 254
Узун-Ата 157
Уйгуристан 241, 243, 244, 246
Упал 309
Ура-тюбе (Уратепе) 173, 186, 220, 221, 227, 228, 229, 231, 232, 234, 248, 281, 283, 287, 292, 293, 296, 300, 305, 307, 316, 317
Ургенч 260
Ургут 270, 271, 274
Урест 19, 20, 58
Урдук (Рудок) 191, 213
Урдукечан 179
Урсанг (Лхаса) 189, 192, 201, 202, 208, 212
Урумчи 357
Урун-каш 213
Усрушана (Ушрусана) 86, 142, 143, 213
Устава — см. Астау
Устикан (Уштикан) 19, 59
Устин-Артыш (Верхний Артыш) 311, 313
Утлук 208
Уфа 24
Уч (Учтурфан) 308, 310, 313, 317, 335
Уч-урак 261, 267

Файзабад (Чжасы) 312, 313, 327, 339, 340, 341, 342, 344, 345
Файзабад-дарья 313
Фараб (Фарабр) 58, 73, 77, 88, 142, 147, 237, 246
Фенакент (Шахрухийа) 154
Фарак (Чирчик) 227, 238
Фаргана (Фергана) 5, 7, 9, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 57, 58, 59, 60, 70, 73, 83, 84, 85, 86, 88, 94, 100, 104, 106, 107, 122, 123, 142, 143, 185, 186, 190, 218, 219, 232, 238, 239, 243, 244, 246, 247, 253, 254, 278, 280, 281, 282, 288, 292, 314, 316, 318, 322, 343, 351, 353
Фарс 55, 134, 140, 141, 150, 176, 177
Фархар 247, 340, 344
Ферганская область 84, 236, 354
Финляндия 57

Хаваканд (Хуваканд) — см. Хуканд
Хавас (Хаваст) 43, 56
Хаджар 30, 31
Хазара 273
Хазарское море 142
Хазрат имам 339, 340, 341, 344

Хайатал 86
Хайлам 19, 87, 90 – 59,
Хайрабад 126, 131
Хали 60, 59
Халаф 252
Халджан 253
Халлух 246
Хама 75, 90
Хамадан 54, 86, 153, 238
Хамагал—Прадеш 253
Хам 90, 192
Хами (Кумул) 63, 148
Ханабад 344
Ханаф 122
Ханбалык (Пекин) 115, 130, 182, 247, 254, 291, 303, 309
Ханийе 129
Хан-тенгри 211
Хапула 192
Харгах 79, 80
Харджанг 106, 128
Харкан 86, 246
Харран (Месопотамия) 61
Хассепаж 267
Хаст 268
Хат 46
Хатырчи 273
Хатрай 136, 137, 138
Хаф 160
Хафтдих 20, 339
Хейбак 344
Хенджан 339, 344
Хива 294, 308
Хиджаз 85
Хинавар 171
Хинд 79, 81, 147
Хиндустан 91, 243, 245, 315, 347
Хисар 225, 238, 271
Хисар-и шадман 146, 182
Хитай 159, 247, 254, 281, 289, 290
Хишт-кала 128, 131
Ходжакет 225, 238
Ходженд (Ходжент, Худжанда), город 19, 59, 85, 86, 87, 88, 100, 114, 118, 121, 122, 127, 130, 143, 173, 177, 219, 221, 228, 236, 255, 271, 278, 279, 280, 283, 310, 315
Ходженд, река 142, 143, 165, 179, 220, 232
Хорасан 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 25, 27, 30, 36, 39, 40, 45, 46, 48, 49, 54, 55, 61, 72, 74, 79, 85, 94, 98, 109, 110, 115, 123, 141, 142, 149, 150, 156, 160, 169, 172, 173, 176, 179, 184, 185, 218, 241, 249, 255, 256, 257, 307, 344, 355
Хорезм 5, 11, 26, 37, 42, 54, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 110, 142, 143, 147, 154, 165, 177, 179, 225
Хорезмское озеро 142
Хорезмская степь 142
Хотан 11, 14, 15, 16, 17, 22, 48, 49, 76, 78, 89, 100, 121, 143, 145, 148, 153, 182, 191, 198, 199, 212, 213, 243, 245, 247, 289, 290, 292, 294, 301, 302, 308, 310, 320, 350
Хуанхэ (Желтая река) 213
Хуваканд, Хувакенд — см. Хуканд
Худшанда — см. Ходженд
Хузистан 55
Хуканд (Коканд) 87, 90, 122, 337

Хульм 260, 261, 267
Хундар 197
Хуршаб 143
Хуттал 90, 99
Хуттталан 45, 142, 146, 258
Хучжоу 190, 213
Хуш-абад 311

Цейлон 240, 356
Центральная Азия 18, 20, 90, 93, 185, 355
Центральный Гиндукуш 212
Цзиньское государство 139
Цзюцюань 148
Цзяюйгуань 148
Цинский Китай (Цин) — см. Чин

Чагатайский улус 253, 352
Чакардиза 127
Чалыш 243
Чаньань 16
Чарджуй 54, 147, 250
Чахаб 342, 345
Чахарджуй (Чарджуй) 262
Чах-и Хаммад 44
Чач (Шаш) 20, 143
Чебоксары 348
Чамчиаль 254
Чечекту 175, 258, 267, 268
Чжун-ду — см. Ханбалык (Пекин)
Чигил 246
Чимкент 24, 237
Чин 17, 21, 23, 24, 91, 93, 142, 159, 170, 276, 281, 290
Чиназ (Чинас) 170, 179
Чинкалан 138
Чирчик 170
Читрал 265, 340, 344
Чонгол 211
Чу 215
Чугучак 324, 325, 332, 336
Чопан-Ата 238

Шаббудур (Шаптул?) 323
Шайа, крепость 204
Шакчи 247
Шам (Сирия) 78, 150, 151
Шалат (шелат) 20, 59, 60
Шаммасие 62
Шатт ал-араб 16
Шахджахан 56
Шах-и Зинда, мазар 315
Шахр-и Алай 265
Шахрисабз (Кеш) 54, 219, 231, 250, 262, 263, 269, 270, 280, 292, 294, 300, 304, 315
Шахрихан 297
Шахруд 56
Шахрухийа (Фенакент) 154, 157, 173, 217, 248
Шаш, город 20, 78, 85, 86, 94, 101, 102, 104, 124, 125
Шаш, река 18, 58, 84, 88, 142
Шаш табан 251
Шибирган 54, 261, 267, 269

Шива 337
Шигар 200
Шикит 88
Шираз 138, 172, 181
Ширинтагай 54
Шугнан 337, 343
Шуман 86
Шум-курган 279
Шуштар 55

Эльбрус 147
Эрдени-цзу, монастырь 129

Юлдуз, область 144
Южная Индия 171
Юго-восточный Казахстан 355
Южный Китай 159, 245

Ямар(Йамар) 22
Янги (Йанги), вилайет 142, 173
Янгикент (Йангикент) 147
Янги-шахар 310
Яндам 323
Япония 21, 325
Яркенд (Йаркенд) 201, 209, 292, 294, 308
Яркенд-дарья 334
Яфталь 344

Маймурга
Мерв

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аджамцы 7, 9, 10
Азкиш 77
Ак-бури, племя 340
Ала йандулик 92
ал-Барсхан 93
Алти куджат 92
Анмур 92
Арабы 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 44, 48, 51, 63, 93, 136, 142, 205, 244
Аракун 92
Аргу 21, 22, 23
Аргун 260
Арлат 155
Аткук 93
Афганцы 48, 297
Афшар 93
Баградж 80
Баджнак (Бижанак) 77, 88, 92
Базкиш 77
Байандур 92
Байат 92
Бакриз 93
Баргу 92
Барлас 155, 173, 209
Басмилы 21, 22, 93
Башкиры (башкырт) 21, 22
Бекдили 93
Булгары 22, 23
Бухайдж 44
Гай 92
Греки 61, 63, 218
Гузз (гузы) 25, 41, 43, 47, 48, 77, 81, 89, 92
Джалаир 162
Джигил (джикил, чигил) 77, 260
Дуглат 186, 252
Дулпа 193
Дунган 306, 318, 333
Дурман (Дурмен) 220, 231, 258, 266, 267
Дучиран 93
Играки (Ыграк) 21, 22
Игджан 216
Икба 93
Индийцы (индусы) 48, 50, 191, 192, 194, 202
Индо-арийцы 3, 257
Йабагу (йабаку) 21, 22, 23, 93
Йабу 258, 268, 275
Йаги 92
Йагма 21, 22, 23, 92
Йазгыр 92

Йамак 22, 92
Казахи 240, 241, 266, 324, 325
Кай 21, 22, 23, 77, 92
Калмак 188, 210, 211, 215, 217, 240, 242, 243, 247, 248, 249, 262, 265, 266, 268, 270, 281, 282, 296, 316, 318, 322, 325, 339, 340, 341, 342, 343, 345
Калмыки—татары 187, 241
Калмык — см. калмак
Канглы 92, 260
Канчаки (кэнчэк) 21, 23
Кара гузз 92
Кара-китаи 89, 128, 129
Кара-татар 92
Кара тибат 92
Кара хазар 92
Карлуки (харлух) 82, 89, 92, 128
Катаган 256, 258, 259, 262, 268, 339
Келечи 268
Кенегес 262, 267, 269, 270
Кийак 92
Кийат 216, 260
Кимаки 57, 77, 78, 81, 89, 92
Кимджи 92
Киммерийцы 3
Киник 92
Кипчак (кифчак, кыпчак, хыфчак) 21, 22, 23, 24, 92, 258, 260, 261, 264, 267, 273, 310, 339
Кипчак-калмаки 316
Киргиз (кыргиз, хирхиз) 21, 22, 77, 82, 89, 92, 227, 240, 241, 243, 244, 254, 265, 266, 267, 277, 279, 282, 283, 285, 286, 294, 298, 309, 311, 312, 315, 322, 324, 325, 327, 332, 335
Киргиз-кипчаки 324, 335
Китаи 21, 277, 281
Китайцы 91, 93, 134, 144, 145, 157, 192, 194, 195, 245, 283, 286, 287, 291, 292, 293, 295, 296, 298, 299, 302, 303, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 337
Конгурад 216, 248, 258, 259, 264, 267
Куланг 263
Курды 40, 48
Кыргиз — см. киргиз
Лартилик 93
Луъзутара 93
Мангыт 216, 217, 262
Машак 309
Минг 260, 267, 275, 277
Могол 165, 173, 174, 175, 178, 206
Монголы 3, 140, 164, 176, 180, 181, 184, 187, 191, 241, 246, 254, 270
Монголо-татары 325
Могул 246
Муйтан 260, 261, 267, 268
Найман 262, 264
Огуз 21, 22, 23, 24, 92
Огул 92
Ойраты (калмак) 210, 211, 215, 270, 345
Персы 61
Печенег (бэчэнэк) 21, 22
Рукур 92
Русские 91
Русы 129, 187, 336
Сакулай 92
Салар 264, 265

Салгыр 92
Салук 92
Сатик 92
Скифы 9
Славяне 80
Согдак 21
Сувар 23
Сузар 22
Суйик 93
Сулдуз 155
Сутук 92
Тавгачи 21
Таджики 172, 243, 271, 322, 324
Тангуты 21
Татар 21, 22, 23, 91, 92, 99, 132, 245, 325
Тибетцы (тубут) 21, 51, 91, 191, 195, 197, 202, 205, 208, 245
Тогузогуз 77, 78, 81, 91, 92, 93
Туббет (Тибет) 81
Туграк 92
Турк 20, 92, 243, 244, 269
Туркман (туркмены) 20, 109, 125, 126, 152
Туркмены-огузы 21
Тутурга 93
Тухси (тохси) 21, 22, 23, 92
Тюрки (тюрк) 3, 7, 8, 9, 10, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 41, 45, 47, 48, 49, 50, 59, 77, 78, 80, 83, 85, 86, 87, 89, 91, 92, 93, 94, 104, 124, 143, 172, 246, 271, 293, 338, 340
Тюрки-гуззы 41, 42
Узбек, узбеки 20, 143, 175, 179, 217, 243, 246, 257, 258, 259, 260, 266, 267, 283, 313, 336, 339, 341
Уйгур (уйгуры) 20, 21, 22, 92, 115, 130, 143, 191, 241, 306, 318, 333
Уран 92
Урул 93
Французы (франки) 132, 153
Хазар 92
Халадж (хазладж, халаджи) 56, 77, 92
Харлух — см. карлуки
Хирхиз — см. киргиз
Хитаи 89, 91, 115, 220, 273
Хитайан 83, 89
Хитай-кипчак 262, 263, 264, 265, 266, 268
Хутлух 83, 89
Хуфшак 77
Чагатаи 120
Чаруки 21, 22
Чигил 21, 22, 92
Чимбай 216
Чон-багыш 277, 286, 294, 313
Чумул 21, 22, 23
Юз (йуз) 275, 375
Ягма (йагма) 137
Ямаки (йэмэк, йамак) 21

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Адаб 67, 68, 69, 70, 71, 73
Адиб 66, 67, 68, 73, 74
Айат 155
Аймак 267, 327
Аксакал 321, 323, 331, 332, 333, 335, 336, 340, 342
Аламдар 43
Аламан 256, 265, 316
Амир (эмир) 280, 281, 282, 283, 285, 288, 289, 291, 315
Амир-и лашкар 290
Амир ал-умара 263
Арбаб 265
Арк 177, 224, 242, 249, 260, 261, 263, 274, 285
Аррада 233, 239
Асхаб (асхабы) 123
Аталык 220, 227, 228, 238, 249, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 278, 280, 283, 305, 324
Атба' 244
Аул 277, 323
Ахунд 270, 317, 329
Бадж 339
Бакаул 273, 276
Баладийа 298
Балыш 138
Банат 272
Бахадур, бахадир 166, 178, 202, 214, 215, 216, 230, 281, 296, 317
Бейс 312
Бейт 68, 74, 80, 92, 240
Бейса-бек 312, 313, 320
Бий 276, 334
Бук'а 249
Бунчук 236
Бунэ 338
Буркалла 133
Вали 262
Вали на'ми 281, 2983, 293, 294, 316, 317
Ван 311, 314, 321, 334
Везир 26, 46, 54, 61, 65, 113, 114, 115, 122, 171
Вилайет 26, 35, 38, 43, 47, 49, 50, 51, 173, 174, 177, 181, 182, 190, 191, 202, 206, 228, 231, 236, 243, 244, 265, 266, 271, 273, 274, 280, 281, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 295, 296, 297, 298, 301, 304, 305, 322, 340
Газ (гяз) 197, 322
Газават 199, 277, 281, 285, 287, 296, 304, 305, 328
Гази 286, 289, 302, 304, 328
Гулбаг 285, 287, 288, 289
Гулям 42, 43, 46, 49, 50, 55, 244, 259, 263, 264
Гурган (кураган) 170
Гурхан 109, 129
Дадж (даджи) 144, 148
Дадхах 260, 262, 276, 286, 299, 306, 307, 310, 315, 317, 327, 328, 329, 334, 336, 339
Домулла (домла) 270, 314
Дар ар-мульк 46
Дастарханчи 300, 305, 309
Джампа 192
Джете 187
Джизья 14, 17, 78, 192, 193, 202
Диван 61, 65, 74, 119, 140, 153, 161, 186, 205, 238, 248, 308
Диванбеги 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 267, 287, 291, 292, 300, 304, 309

Динар 138, 139, 271
Дирхем 71
Дустур 116
Занбурак 233, 239
Зиндик 77, 78
Зимма 17
Зира‘ 242, 253
Икта‘ 31, 55
Илатийа 298
Илек 107, 108, 109, 122, 128
Илек-хан 37, 38, 41, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55, 107, 109
Илчи 290
Ильхан 134
Имам 45, 67, 75, 85, 103, 104, 108, 109, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 171, 325, 340
Имам-и Муджахид 194
Ислам 9, 116, 117, 118, 119, 122, 123, 136, 154, 236, 243, 244, 245, 247, 252, 258, 260, 281, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 295, 297, 306, 307
Иснад 11, 17
Ишан 275, 278, 282, 283, 293, 296, 340
Ишик-ага (ишик-ага-баши) 231, 234, 239
Йамбу (ямбо) 287, 300, 301, 307, 326, 333
Йаранджин турджи 140
Йараул 225
Йасаул 198, 234, 236
Йарлиг (Ярлык) 153
Йулпа 192
Йуртгах 248
Кааба 118, 192
Каан 111, 112, 115, 116, 118, 129, 138, 140, 241, 254
Каба 50, 57
Кади (казий) 74, 78, 118, 122, 125, 171, 224
Кади ал-акрам 61
Кадхуда 265
Казы 261, 325, 340, 341
Кайсар 51
Камха 165, 167, 171
Кантар 133, 134, 150
Караван-баши 308, 323
Карагеле 47, 56
Карамчи 167
Караул 182
Карйа 79
Касыда 120
Катиб 68, 74
Кафир 295
Кибла 81, 118, 189, 212
Киджува 194
Кошунат 248
Кукельташ 201, 204, 214, 227, 228, 233, 238
Кунтайджи (хунтайжи) 265, 266, 270
Кураган (гурган) 165, 170, 178
Курчи 232
Кутвал 271, 276, 307
Кухендиз 18, 84
Кушбеги (кошбеги) 260, 262, 263, 264, 269, 290, 291, 304, 307, 310, 330, 339
Кушчи 231, 232
Лак 262, 294
Лама 194
Мавали 11, 17

Мазар 122, 253, 280, 286, 315, 317, 326, 338, 343
Макам 75
Мал 212
Малик 118, 181
Малик ас-Син — см. Сахиб ас-Син
Мамалик 247
Мамлакат 240, 243, 244
Ман 192, 214, 338
Манглай 172, 173
Маснави 224
Маулана 152, 205, 206, 207, 278
Махалла 310
Махди-заде 236
Махдумзаде 165, 168
Махди улйа 178, 180
Махрам 258, 263, 282, 339
Меджлис 50
Медресе (мадраса) 129, 179, 241, 242, 243, 271, 274, 317, 385, 340
Медина 18, 58
Мехтар 10
Мечеть 124, 145, 151, 241, 243, 340
Микьял 126, 131
Минарет 242
Мингбаши 296, 300, 304, 305, 306, 307, 312, 313, 330, 334, 335
Мир 179
Мирахур 239
Мирза 170, 172, 173, 174, 177, 178, 181, 183, 207, 269, 317
Мир-и шикар 339
Мискал 138, 193, 203, 214
Мударрис 129, 327
Музафат 246, 247
Мулазим 204, 263, 338
Мулк 246
Мулла 270, 280, 314, 317
Мунтаджиб ал-мулк 75
Мутавалли 129
Му'тазилиты 66, 69, 70
Муфтий 121, 122
Мухассил 14, 169
Муэдзин (муэззин) 124
Мюрид 277, 278
Надим 286, 287, 300
Накиб 258, 259, 260
Наккарехане 261
Наккаш 261
Намаз 209
Намазгах 273
Нахийа 20
Нойон 152, 343
Нукер 156, 163, 164, 170, 173, 176, 179, 184, 188, 300, 341, 342, 344
Оглан 170
Падишах 38, 165, 166, 170, 173, 178, 181, 182, 215, 216, 217, 243, 248, 249, 288, 290, 305, 314, 337, 340, 341
Падишах-заде 316
Парваначи 233, 238, 260, 262, 267, 292, 309
Парсаи 260
Пир 261
Пишкеш (пешкаш) 166
Пайандаз 264, 270

Рабад 18, 58, 84, 93
Раи 214
Руба'и 92, 110
Рустак 42
Садр 100, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 126
Садр 'азам 77
Садр ал-ислам 121
Саййид 103, 117, 118, 120, 122, 125, 145, 157, 274, 277, 298, 300, 307, 311, 312, 327, 336
Саййид-заде 281, 296, 316
Сайф ад-даула 34, 35
Сардар 152, 179, 275, 290
Сарзамин 244
Саркар-и 'али 276
Сарханг 258, 262, 263, 265
Сахиб ан-нахр 11
Сахибкиран 150, 152, 153, 154, 155, 156, 159, 161, 164, 168, 178, 264, 275, 280
Сийак 241, 252
Сир 138, 214
Ситти 133
Суннит 241
Суфий 123
Суюргал (суйургал) 239, 241
Табархун 20, 217, 218
Таваби 247
Тавачи (таваджи) 152, 165, 166, 178, 223, 226, 236, 272, 276
Таджин 166, 171
Тамга 153
Таргу 165, 171
Тарикат 123, 126, 189, 212, 275
Тархан 165, 175, 179
Топчи-баши 310
Тубба 57
Тугра 140
Туксаба 276
Туман 135, 137, 320, 323
Тункал 152
Тункатар 305, 309
Тухфа 249
Тюра 257, 259, 297, 298, 303, 307, 319, 320, 332, 333, 335, 337, 340, 342, 343
Угрук 273, 276
Улус 152, 156, 163, 165, 174, 178, 244, 248, 253, 254, 263, 267, 270, 273, 283
Умакат 243, 248
Урду 248, 273, 276, 316
Уртэнг 327
Факир 314
Факих 40, 78, 247
Фарзинбанд 32, 55
Фарраш 276
Фаррашханэ 272
Фарсанг (фарсах) 7, 78, 86, 93, 138, 209, 242, 254, 264, 267, 267, 272, 278, 299, 303, 320
Фатиха 256
Фахр ад-даула 37, 54, 55
Фетва 121
Фидаи 239
Фикх 45, 67, 69, 78, 125, 247
Фирман 7
Фуцинван 320
Хаджж 86, 118,

Хаджи 152, 155
Хаджиб 37, 39, 40, 42, 44, 46, 48, 50, 55, 107
Хадим 28
Хадис 45, 67, 69, 72, 79, 83, 85, 86, 87, 109, 150, 178, 254
Хаз иначи 228, 230
Хакан 7, 8, 9, 10, 11, 77, 104, 107, 110, 113, 114, 116, 165, 175, 176, 177, 178, 181, 182, 183, 222, 223, 226, 231, 233, 249, 250, 252, 291, 295, 312, 313, 321, 337
Хаким 150, 252, 257, 258, 264, 265, 266, 268, 286, 287, 315, 316, 334
Хаким-бек 299, 307, 309, 311, 312, 313, 321, 328, 329, 330, 333, 335, 336
Хакир 314
Халиф 7, 9, 10, 68, 103, 223, 293
Халифат 5
Хан 26, 37, 41, 43, 44, 45, 50, 102, 104, 111, 112, 113, 114, 115, 128, 134, 170, 173, 178, 186, 187, 188, 189, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 212, 215, 216, 217, 218, 221, 222, 224, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 241, 248, 249, 250, 254, 255, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 293, 294, 295, 300, 304, 307, 308, 309, 315, 316, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342
Ханака 117, 123, 171, 243
Ханифит 70, 78
Харадж 38, 47, 48, 55, 80, 81, 212
Харвар 93, 271, 338
Хатиб 108
Хафиз 118
Ходжа 43, 103, 152, 156, 181, 218, 259, 260, 263, 264, 265, 269, 275, 276, 277, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 318, 319, 320, 321, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 343
Ходжа-калан 287
Ходжа-сарай 165
Хутба 26, 54, 108, 125, 212, 240, 264
Цзюньван 334
Чадра 137
Чапан 256
Чапаул (чапавул) 341
Чарйар 260
Чухра 239
Чухра-ага (чухра-агасы) 231, 232, 234, 239
Шагирдлишэ 204, 338
Шанх (шэн) 138, 140
Шар 31, 54
Шариат 123, 223, 260, 305
Шах 110, 144, 226, 254, 257, 272
Шахзаде 166
Шейх (шайх) 12, 65, 66, 67, 74, 76, 79, 83, 85, 103, 104, 109, 117, 118, 122, 123, 124, 126, 171, 233, 254, 269, 276, 280, 317, 343
Шейх ал-ислам 70, 86, 119, 123, 125, 126, 275, 293, 307, 308
Шейх ал-ислам 98, 100, 101
Шигаул 233, 238, 305, 309
Шихна 37, 43, 46
Шэн 140
Экйал 57
Юрт 245, 247, 253, 266, 298
Ярлык (йарлиг) 268

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Б. А. Ахмедов) 3

Абу Джа'фар Мухаммад ат-Табари. **«Тарих ар-русул ва-л-мулук»** (пер. с арабского Ш. Зякирова, пер. с уйгурского М. Кутлукова) . . 5

Ибн Хаукал. **«Китаб сурат ал-арз»** (пер. с арабского О. Б. Фроловой) . 18

Махмуд Кашгари. **«Дивану лугат ат-тюрк»** (пер. с арабского А. Р. Рустамова) 20

Ал-Утби. **«Тарих-и Йамини»** (пер. с персидского М. А. Салахетдиновой). 24

Ал-Идриси. **«Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак»** (пер. с арабского О. Б. Фроловой) 57

Ибн ал-Кифти. **«Тарих ал-хукама»** (пер. с арабского Б. Вахабовой). . 60

Йакут ал-Хамави. **«Иршад ал ариб ила ма'рифат ал-адиб»** (пер. с арабского Б. Вахабовой) 63

Йакут ал-Хамави. **«Му'джам ал-булдан»** (пер. с арабского О. Б. Фроловой и Б. Вахабовой) 7

Мухаммад ибн Мансур Мерверруди. **«Тарих-и Мубарак-шах»** (пер. с персидского Б. А. Ахмедова) 90

Ибн ал-Асир. **«Китаб ал-Камил фи-т-тарих»** (пер. с арабского Б. Вахабовой) 93

Ибн Абу Усайби'а. **«Уйун ал-анба фи табакат ал-атибба»** (пер. с арабского Б. Вахабовой) 94

Абу-л-Фадл ибн Мухаммад Джамал ад-Дин Карши. **«Мулхакат ас-сурах»** (пер. с персидского Р. Ш. Шарафутдиновой) 100

Ибн Баттута. **«Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар»** (пер. с арабского М. Акмаловой) 131

Шихаб ад-Дин 'Абдаллах Ширази. **«Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-асар»** (пер. с арабского Е. А. Поляковой) 134

Хафиз-и Абру. **«География» и «Зубдат ат-таварих»** (пер. с персидского А. Буриева) 141

Шараф ад-Дин 'Али Йезди. **«Зафар-наме»** (пер. с персидского Е. А. Поляковой) 14

Фасих Ахмад ал-Хавафи. **«Муджмал-и Фасихи»** (пер. с персидского Д. Ю. Юсуповой) 160

'Абд ар-Раззак Самарканди. **«Матла' ас-са'дайн»** (пер. с персидского Д. Ю. Юсуповой) 171

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. **«Бабур-наме»** (пер. с узбекского М. А. Салье) 185

Мирза Мухаммад Хайдар. **«Тарих-и Рашиди»** (пер. с персидского Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой) 185

Мас'уд ибн Усман Кухистани. **«Тарих-и Абу-л Хайр-хани»** (пер. с персидского Б. А. Ахмедова) 215

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. **«Шараф-наме-йи шахи»** (пер. с персидского М. А. Салахетдиновой) 218
Махмуд ибн Вали. **«Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар»** (пер. с персидского Б. А. Ахмедова) 240
Ходжамкули-бек Балхи. **«Тарих-и Кипчак-хани»** (пер. с персидского Э. Хуршута) 256
Мухаммад Вафа-йи Керминеги. **«Тухфа-йи хани»** (пер. с персидского Н. К. Норкулова) 270
Мухаммад Хаким-хан. **«Мунтахаб ат-таварих»** (пер. с персидского Э. Хуршута) 276
Извлечения из **«Мунтахаб ат-таварих»** (узбекская редакция М. Кутлукова) 295
«Приложения к «Тарих-и Рашиди» (пер. с уйгурского М. Кутлукова) . 310
Мирза Алим Ташканди. **«Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин»** (пер. с узбекского Э. Хуршута) 314
Мулла Муса Сайрами. **«Тарих-и аминийа»** (пер. с уйгурского М. Кутлукова) 317
Курбан 'Али Айагузи. **«Таварих-и хамса-и шарки»** (пер. с татарского М. Кутлукова) 324
Санг Мухаммад Бадахши. **«Тарих-и Бадахшан»** (пер. с таджикского Б. А. Ахмедова) 336
Условные сокращения 346
Список использованной литературы 347
Указатели 359

Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв.

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, Бюро Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *М. Л. Карась*
Художественный редактор *Р. И. Кривошей*
Технический редактор *А. Т. Шепельков*
Корректор *О. В. Гуз*

ИБ № 4532

Сдано в набор 26.10.88. Подписано к печати 6.12.88. Р01631. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,0 Уч.-изд. л. 28,0. Тираж 1000. Заказ 257. Цена 6 р.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: Ташкент, проспект М. Горького, 79.